М. БАХАБОВ

Формирование УЗБЕКСКОЙ социалистической НАЦИИ

ГОСИЗДАТ УзССР

М. ВАХАБОВ

Формирование УЗБЕКСКОЙ социалистической НАЦИИ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
УЗБЕКСКОЙ ССР
Ташкент — 1961

32С
В22

Ответственный редактор
кандидат исторических наук
Б. В. ЛУНИН

Вахабов Мавлян Гафарович

Формирование узбекской социалистической нации. Ташкент, Госиздат УзССР, 1961, 588 стр.

32С+1 МИЗ

ВВЕДЕНИЕ

«Величайшее завоевание социализма — разрешение **национального вопроса**... Опыт СССР доказал,— сказано в проекте Программы КПСС,— что только победа социалистической революции создает все возможности и условия для уничтожения всякого национального гнета, **для добровольного объединения свободных и равноправных наций и народностей в едином государстве»**[1].

Действительно, в СССР в исторически короткий срок был уничтожен национальный антагонизм, созданы все условия для братской дружбы и всестороннего сотрудничества между всеми нациями и народностями нашей страны, ликвидирована культурно-экономическая отсталость зависимых и колониальных народов бывшей Российской империи. В такой стране, как царская Россия, где было более ста наций и народностей, осуществление национальной политики Коммунистической партии разрешило национальный вопрос, оставшийся в наследство от прошлого. Претворение в жизнь ленинской национальной политики Коммунистической партии Советского Союза на практике подтвердило пророческое указание вождей мирового пролетариата Маркса и Энгельса, высказанное ими в «Манифесте Коммунистической партии» о том, что «В той же мере, в какой будет уничтожена эксплуатация одного индивидуума другим, уничтожена будет и эксплуатация одной нации другой.

---

[1] Проект Программы КПСС. М., Госполитиздат, 1961, стр. 16; 18.

Вместе с антагонизмом классов внутри наций падут и враждебные отношения наций между собой»[1].

В Заявлении Московского совещания представителей коммунистических и рабочих партий (ноябрь 1960 г.) констатировалось, что эти гениальные указания основоположников марксизма-ленинизма ныне претворены в жизнь народами всего социалистического лагеря. «...Одно из величайших достижений мировой социалистической системы,— говорится в Заявлении,— состоит в подтверждении на практике марксистско-ленинского положения о том, что вместе с падением антагонизма классов падет антагонизм наций...

Социализм органически сочетает развитие национальной экономики, культуры, государственности с интересами укрепления и развития всей мировой социалистической системы, со все большим сплочением наций. Интересы всей социалистической системы в целом и национальные интересы гармонически сочетаются»[2].

Естественно поэтому, что обобщение опыта Коммунистической партии Советского Союза по разрешению национального вопроса и изучение закономерностей развития национальных отношений при социализме имеют важное значение. Вопрос этот приковывал к себе внимание многих исследователей. Появились специальные исследования о формировании и развитии социалистических наций и о разрешении национального вопроса в СССР. К таким работам, например, относятся следующие: С. И. Якубовская «Ликвидация фактического неравенства наций (на примере народов Средней Азии и Казахстана)»[3], В. К. Козлова «О формировании и развитии социалистических наций в СССР»[4], В. К. Козлова и И. П. Цамерян «Ленинский принцип решения национального вопроса»[5], Т. Ю. Бурмистрова «О советских социалистических нациях и роли КПСС в их формировании»[6], И. П. Цамерян «Великая Октябрьская социалистическая революция и коренные изменения национальных отношений в СССР»[7], П. И. Капырина «Социалистические нации нового типа»[1], А. К. Азизян «Социалистическое преобразование наций Советского Востока»[2], Ш. Батырова «К вопросу о формировании и развитии социалистических наций в СССР»[3], И. П. Цамерян «Советское многонациональное государство, его особенности и пути развития»[4] и др.

1 *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., изд. второе, т. 4, стр. 445.
2 «Правда», 6 декабря 1960 г.
3 «Исторические записки», 48, М., 1954.
4 Госполитиздат, М., 1954.
5 «Коммунист», 1955, № 16.
6 «Вестник Ленинградского университета», Л., 1956, № 2.
7 «Вопросы философии», 1957, № 5.

В этих ценных и интересных работах освещаются главным образом вопросы формирования социалистических наций в СССР, разрешения национального вопроса и осуществления ленинской национальной политики Коммунистической партии в нашей стране, крупные исторические сдвиги в отношениях между советскими народами.

Имеется также ряд исследований по истории и формированию отдельных буржуазных и социалистических наций. Среди них: научный доклад автора данной монографии «Некоторые вопросы истории образования узбекской социалистической нации...»[5], М. Г. Вахабов «К вопросу о формировании узбекской буржуазной нации» (научный доклад и заключительное слово)[6], М. Г. Вахабов «О формировании узбекской буржуазной нации»[7], доклад об образовании русской буржуазной нации и выступления[8], С. С. Дмитриев «Образование русской нации»[9], М. Я. Волков «Обсуждение вопроса об образовании русской буржуазной нации»[10], Е. И. Корнейчук «Экономические предпосылки формирования белорусской буржуазной нации»[11], С. С. Дмитриев «К вопросу об образовании и основных этапах развития русской нации»[12], А. Ф. Якунин «Об экономических условиях формирования узбекской буржуазной нации»[13], П. Е. Матвеевский «Об образовании русской нации»[14], М. Г. Вахабов «О степени

1 Гослитиздат, М., 1957, стр. 96.
2 «Советское востоковедение», 1957, № 3.
3 «Коммунист Туркмении», 1958, № 3.
4 АН СССР, М., 1958, стр. 334.
5 Известия АН УзССР, 1952, № 5.
6 Материалы научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период, Ташкент, АН УзССР, 1955.
7 «Вопросы истории», 1954, № 7.
8 «Вопросы истории», 1955, № 5.
9 «Вопросы истории», 1955, № 7.
10 Там же.
11 «Вопросы истории», 1955, № 8.
12 Вестник Московского университета, № 11.
13 «Вопросы истории», 1956, № 5.
14 «Вопросы истории», 1956, № 8.

формирования общности экономической жизни узбеков в колониальный период»[1], М. Г. Вахабов «О формировании узбекской социалистической нации (научный доклад и заключительное слово на Первой Всесоюзной научной конференции востоковедов в Ташкенте)[2], У. Х. Шелекенов «К вопросу о формировании каракалпакской социалистической нации»[3], сборник статей «О формировании русской буржуазной нации»[4] и др.

Все эти работы характерны тем, что в них делаются попытки рассмотреть историю формирования той или иной конкретной нации на основе более или менее детального анализа фактических материалов. В них рассматривается сложение отдельных элементов нации: общности территории, языка, экономической жизни и психологического склада отдельных наций, и поэтому они представляют собой дальнейший этап развития исследований нации, как общественного явления. В связи с этим значительно углубилось изучение истории формирования отдельных наций и развернулись дискуссии вокруг вопросов о критериях понятия общности территории, языка, экономической жизни, психического склада, об этапах формирования буржуазных и социалистических наций, о судьбах таких коллективов, которые к моменту Великой Октябрьской социалистической революции не достигли высшей ступени национального оформления и т. д. Все это способствовало усилению научно-исследовательской работы по истории формирования отдельных буржуазных и социалистических наций в нашей стране.

Одна из таких дискуссий имела место на проходившей в 1954 году в Ташкенте научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период. На сессии были поставлены на обсуждение доклады пишущего эти строки «О формировании узбекской буржуазной нации» и А. Н. Нусупбекова «О формировании казахской буржуазной нации». Выступления по докладам показали, что многие теоретические вопросы, связанные с понятием и критерием сложения наций,

[1] Ученые записки Ташкентского вечернего педагогического института, вып. 7, 1958.

[2] Материалы Первой Всесоюзной конференции востоковедов, Ташкент, АН УзССР, 1958.

[3] Нукус, Госиздат КК АССР, 1958.

[4] М., АН СССР, 1958.

их отдельных элементов, а также вопрос о народности, как определенном этапе развития человеческой общности, нуждаются в дальнейшей разработке, уточнении и глубоком теоретическом осмыслении. Сессия способствовала усилению работы по более глубокому изучению истории формирования отдельных наций.

Положительную роль сыграли дискуссии по вопросу образования русской нации, состоявшиеся на заседаниях ученого совета исторического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова в марте 1955 года, и дискуссия по вопросам истории формирования социалистических наций, организованная в 1955 году на страницах журнала «Вопросы истории».

Опубликованные в журнале статьи по этому вопросу в свою очередь показали, что, не говоря уже о более или менее частных вопросах, даже в таком общем вопросе, как критерии и этапы формирования социалистических наций, еще отсутствует всесторонне осмысленное, единое мнение. К сожалению, редакция журнала в дальнейшем не продолжила и не подытожила эту дискуссию. Поэтому расхождения во взглядах по данному вопросу, которые обнаружились в напечатанных на страницах журнала статьях М. С. Ахмедова, Н. В. Мансветова, В. В. Пименова, О. И. Чистякова и других, остались не устраненными.

Несмотря на это, подобного рода дискуссии и обсуждения имели положительное значение в процессе исследования истории формирования буржуазных и социалистических наций в нашей стране.

Столь живой интерес к изучению вопроса о формировании социалистических наций объясняется тем, что в нашей стране в результате победы социалистического строя коренным образом изменились национальные отношения, возникли совершенно новые связи между отдельными коллективами, основанные на широкой и всесторонней взаимной поддержке, экономическом и культурном сотрудничестве, политической и духовной солидарности. В короткий срок от былой национальной отчужденности, недоверия и антагонизма, культивировавшихся царизмом, русской буржуазией и местными эксплуататорскими классами, не осталось и следа.

Неуклонно осуществляя ленинскую национальную политику, Коммунистическая партия Советского Союза до-

билась огромных успехов в деле интернационального воспитания трудящихся всех национальностей.

В свете всего этого обобщение итогов осуществленной за годы Советской власти огромной работы в области разрешения национального вопроса и теоретическое осмысливание исторических сдвигов, происходивших в жизни каждого народа, выяснение своеобразия в развитии того или иного народа — имеют важное значение.

Автор данной работы приступил к изучению истории осуществления национальной политики Коммунистической партии в условиях Узбекистана много лет тому назад, поставив задачей, в меру своих сил и возможностей, широко осветить весь комплекс сложных вопросов, связанных с историей формирования и развития узбекской социалистической нации.

Опираясь на марксистское положение об условиях и закономерностях формирования наций, в настоящей работе делается попытка показать сложение отдельных элементов нации среди узбеков.

Вопросы формирования отдельных элементов нации среди узбеков и консолидации их в нацию рассматриваются при этом не изолированно, а исходя из общего социально-политического и культурно-экономического развития узбекского народа.

Так как не все вопросы истории и культуры узбекского народа разработаны в сравнительно одинаковой степени, автору и здесь пришлось освещать некоторые сложные и недостаточно исследованные вопросы самостоятельно и более или менее детально, ибо не по всем вопросам имелась возможность ссылаться на уже опубликованную литературу. К малоразработанным, но важным для данной темы вопросам истории узбекского народа можно отнести, например, историю развития узбекского языка, особенности национальной культуры и быта узбекского народа, особенности национально-освободительного движения трудящихся и националистической деятельности узбекской буржуазии в колониальный период, особенности зарождения и развития коммунистического движения среди узбеков, специфические трудности приобщения узбекских трудящихся к социалистическому строительству и ряд других, в разной степени связанных с проблемой формирования узбекской социалистической нации.

Положение осложнялось и тем, что среди исследователей нет пока единой точки зрения по некоторым аспектам изучаемой темы.

Так, в статье «О формировании узбекской буржуазной нации», опубликованной в журнале, а затем и в выступлениях на научных сессиях, автор выдвигал тезис о том, что узбеки до Октябрьской социалистической революции вступили в полосу национального оформления, но ко времени революции процесс их национального оформления не завершился. Некоторые исследователи поддержали этот тезис с отдельными замечаниями по некоторым частным моментам. Другие, категорически отказавшись от него, утверждали, что узбеки якобы уже до Октябрьской революции сформировались в нацию, оговариваясь, что эта нация тогда была «слабой», «незрелой» и т. д. Остальные же выдвигали тезис о том, что узбеки до Октябрьской революции сложились в устойчивую нацию.

В процессе работы приходилось затрагивать в той или иной степени вопросы и материалы самого различного характера, относящихся к области истории, этнографии, права, языка и литературы, общественно-политической мысли, экономики, статистики и т. д. В ряде случаев, например, за отсутствием прямых данных по изучаемому вопросу, приходилось прибегать к собственным подсчетам, искать косвенных доказательств того или иного положения и т. п.

Естественно, что не все детали и отдельные положения работы будут приняты безоговорочно, не вызывая каких-либо замечаний и возражений. Однако товарищески деловое и принципиальное обсуждение всех сторон ответственной и общественно значимой проблемы истории зарождения и развития узбекской социалистической нации и коллективные усилия ученых в этом направлении помогут быстрее и наиболее полно осветить с марксистско-ленинских позиций данную проблему.

При разработке истории формирования узбекской нации автором использовано значительное количество опубликованных и архивных материалов.

В освещении общей политической и хозяйственной обстановки и культурной жизни узбекского народа заимствованы некоторые данные книги «История Узбек-

ской ССР» в двух томах и «История Узбекской ССР» в одном томе (на узбекском языке).

При подготовке данной работы к изданию на русском языке были учтены замечания и предложения, высказанные рецензентами. Название книги переименовано: вместо «Узбекская социалистическая нация» дано заглавие «Формирование узбекской социалистической нации», что более соответствует содержанию книги. Произведена известная перестановка материалов, уточнены отдельные цифровые данные, пересмотрены некоторые формулировки, внесен ряд дополнений.

Автор будет признателен читателям за их замечания и пожелания по содержанию настоящей книги.

ГЛАВА I

УЗБЕКСКАЯ НАРОДНОСТЬ И ЕЕ ЭТНИЧЕСКИЙ СОСТАВ

1. Вопросы этногенеза узбекского народа

Процесс формирования социалистических наций происходит на основе общих закономерностей, но на этот процесс влияют также местные исторические и культурно-экономические особенности развития каждого этнического коллектива. В силу этого при изучении истории формирования той или иной социалистической нации, наряду с освещением общих закономерностей, необходимо особо остановиться и на истории развития данной нации, народности и этнической группы, выявить ее своеобразие и отличительные черты, ибо последние оказывают существенное влияние на ход их социалистического преобразования.

Исходя из этого, автор считает необходимым специально остановиться на освещении этногенеза узбекского народа, этапах развития общности узбеков и т. д.

В нашей литературе еще недостаточно разработаны вопросы истории развития человеческой общности и даже не уточнены определения таких понятий, как этническая группа, народность, этапы развития человеческой общности в отличие от понятия нации. Поэтому сделаем некоторые предварительные общие замечания, которые необходимы еще и потому, что узбеки формировались в социалистическую нацию, не вполне сложившись в буржуазную нацию. Это обстоятельство обязывает нас говорить не только о нациях (буржуазных и социалистических), но и о народностях.

Нации являются продуктом длительного исторического процесса. Человеческое общество до момента воз-

никновения в нем наций прошло несколько различных, но взаимосвязанных этапов развития. Делению общества на нации предшествовало деление его на другие типы человеческих объединений.

Как известно, главным отличием человека является его коллективное, совместное с другими людьми существование. Эта черта человека порождена тем, что он добывает средства для существования путем активного воздействия на природу при помощи орудий производства, изменяя ее соответственно своим потребностям, то есть совершая производство.

В процессе производства люди вступают в тесную связь не только с природой, но и друг с другом. Эта связь людей в общественном строе производства образует производственные отношения. В условиях первобытного общества, рабовладельческого, феодального, капиталистического строя эта связь осуществляется внутри обособленного коллектива, то есть люди вступают в производственные отношения в первую очередь в рамках отдельных коллективов, расселенных на определенной территории, обладающих своей особой внутренней хозяйственной связью, языком, выработавших самобытную культуру, как отражение условий своей материальной жизни.

В. И. Ленин в работе «Карл Маркс» писал: «Нации неизбежный продукт и неизбежная форма буржуазной эпохи общественного развития»[1]. До периода развитого мирового коммунизма все общественно-экономические формации существуют в форме отдельных коллективов, а при капитализме и социализме — в форме наций. Марксизм-ленинизм различает не только общественно-экономические формации, как основные этапы развития производственных отношений людей, но и различные формы существования общества, то есть различные типы коллективов, в которые сплачиваются люди.

С ростом общественного производства изменяются не только производственные отношения, но и связи как внутри отдельных коллективов, так и между ними. В зависимости от особенностей и масштаба этих связей складываются и различные этапы развития общности людей.

[1] *В. И. Ленин.* Соч., т. 21, стр. 56.

Из основополагающих указаний классиков марксизма-ленинизма можно заключить, что до периода мирового коммунизма общество существует в трех последовательно сменяющихся формах: в форме кровнородственных коллективов, в форме народностей и в форме наций. Кровнородственные коллективы и народности, так же как и нации, являются определенными этапами развития общности людей. Каждый кровнородственный коллектив и каждая народность, так же как и нация, занимают определенную территорию, имеют свой диалект или язык, внутреннюю хозяйственную связь и самобытную культуру. Каждая конкретная форма существования общества определяет конкретный этап развития общности людей.

Кровнородственный коллектив был формой существования родового строя, когда общество распадалось на отдельные роды, племена и союзы племен. В этот период основным фактором, сплачивающим людей в отдельные коллективы, была кровнородственная связь. Каждый коллектив отличал себя от других единым реальным или мифическим предком.

К. Маркс в своих «Конспектах» по книге Люиса Моргана «Древнее общество» и Ф. Энгельс в «Происхождении семьи, частной собственности и государства» дали всестороннюю характеристику внутреннего социального строя, общественного управления и материально-духовной жизни, а также взаимоотношений таких коллективов. Ф. Энгельс писал: «Племя оставалось границей человека как по отношению к чужаку из другого племени, так и по отношению к самому себе: племя, род и их учреждения были священны и неприкосновенны, были той данной от природы высшей властью, которой отдельная личность оставалась безусловно подчиненной в своих чувствах, мыслях и поступках»[1]. В другом месте он указывает, что в этот период племя и диалект совпадают[2].

В высказываниях Энгельса дана основная характеристика кровнородственного коллектива, являвшегося общностью сплоченных на базе кровного родства, территориально и по языку обособленных людей.

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Избр. произв., т. II, М., 1949, стр. 244.
[2] Там же, стр. 234.

Здесь мы ограничиваемся только этими общими замечаниями, не останавливаясь на всех особенностях данных коллективов. Укажем лишь, что кровнородственные коллективы были невелики, внутренняя связь между людьми существовала на ограниченном пространстве, не выходя из рамок территории, занятой коллективом единокровных родственников. Хозяйственная жизнь коллективов носила сугубо замкнутый характер. Низкий уровень развития общественного производства предопределял отсутствие общественного разделения труда между коллективами и прибавочного продукта в распоряжении общества. Вследствие этого между отдельными коллективами не существовало постоянных экономических, а следовательно, и духовных связей, порождающих необходимость сближения их между собой. Наоборот, в силу низкого уровня производительных сил общества и, как результат этого, хозяйственной замкнутости отдельных коллективов, кровнородственные коллективы имели тенденцию к размельчению и раздроблению. Рост народонаселения сопровождался непрерывным увеличением самостоятельных коллективов.

В силу редкой заселенности отдельных районов и малочисленности населения вообще между территориями отдельных кровнородственных коллективов лежала обширная полоса нейтральной земли. Граница территории отдельных коллективов определялась их численностью, поэтому К. Маркс такую границу назвал «естественной границей».

Столкновения между отдельными кровнородственными коллективами из-за мест охоты, рыбной ловли вырабатывали в людях чувства отчуждения и вражды по отношению к другим, чужим коллективам. Как указывает Маркс, все роды и племена, не связанные кровным родством, считались врагами.

Таким образом, в первоначальных человеческих коллективах люди были связаны между собой только простыми узами кровного родства. Что касается взаимоотношений между отдельными коллективами, то они выражались в форме военных столкновений и фактически других форм не имели. Коммунистической организации производства и потребления внутри коллектива противостояли изолированность и замкнутость производственной и духовной жизни каждого коллектива в целом во всем

обществе. В этот период возникло понятие «отечество». В. И. Ленин характеризовал его как определенную политическую, культурную и социальную среду, в которой живет тот или иной обособленный человеческий коллектив[1].

Такими свойствами отличались человеческие коллективы и взаимоотношения между ними на заре истории. И в дальнейшем некоторые коллективы, в силу различных причин, так и остались на стадии кровнородственной общности. Однако до периода социализма они подвергаются эксплуатации со стороны более развитых коллективов. В литературе остатки кровнородственных коллективов называются этническими группами.

Понятие народности, как известного этапа развития общности людей, пока еще всесторонне не изучено, поэтому не существует и признанного всеми определения народности. Хотя основоположники марксизма-ленинизма четко разграничивали понятие народности от понятия нации, однако до появления работы И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» в литературе не изучался вопрос о народности, как общественно-исторической категории; понятие народности зачастую смешивалось с понятиями нации и народа. Изучение народности, как общественно-исторической категории, ее основных черт и взаимоотношений между народностями должно стать одной из актуальных задач наших исследователей. Ныне, когда к активной политической жизни пробудились десятки и сотни миллионов людей, еще не достигшие высшей стадии национального оформления, переживающие период народности, теоретическое осмысление категории народности имеет большое научное и политическое значение.

Исторически народность является формой существования рабовладельческого и феодального общества. Она, как указывает Маркс, возникла тогда, когда «племена», объединенные на основе однородной или родственной хозяйственной деятельности, «сливаются в единое целое». Это слияние, «представляя собою более высокий процесс, *объединяет племена на одной общей территории,* хотя бы *тенденция к локальному разделению по ро-*

[1] *В. И. Ленин.* Соч., т. 15, стр. 171—172.

дам и племенам продолжала существовать»[1] (курсив наш.— *М. В.*).

В. И. Ленин, критикуя Н. Михайловского, выводившего национальные связи великороссов из родственных связей, указал, что между этими двумя формами связей лежал целый этап, когда отдельные общины представляли собой территориальные союзы людей, а великороссы сплачивались не на основе родовых связей, а на основе «местных», или территориальных союзов[2]. Следовательно, в отличие от кровнородственного коллектива народность представляет собою более крупный коллектив людей, сплоченных в территориальные, а не в кровнородственные союзы. Основой объединения и слияния различных родов и племен, как родственных, так и чуждых, в более крупный коллектив являлся дальнейший рост производительных сил общества. Появление и развитие земледелия и скотоводства, а также рост народонаселения сопровождались все большим и большим освоением новых пахотных земель и пастбищ. На смену родственным коллективам приходят, например, земледельческие, скотоводческие, охотничьи народности. Причем каждый из этих видов человеческой деятельности приобретает различные свойства в зависимости от конкретных условий, как, например, орошаемое и неорошаемое земледелие, кочевое и полукочевое скотоводство, различные виды охоты, рыболовства и т. д. Во всех случаях земля имеет первостепенное значение, как основное средство производства. Прочное закрепление отдельных коллективов на определенной территории, независимо от родственных связей между людьми, является одним из основных свойств народности.

Не беря на себя задачу окончательного формулирования понятия народности, мы лишь подчеркиваем, что народность также является исторически сложившейся общностью людей. Эта общность возникает на базе территориального союза различных общин, «земель», бывших родов и племен, порожденного определенной локальной хозяйственной деятельностью людей; на фоне естественного разделения труда между ними; на базе

[1] Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, т. IX, стр. 79.
[2] *В. И. Ленин.* Соч., т. 1, стр. 137.

общего разговорного языка, превалирующего над племенными говорами и диалектами; на базе самобытной культуры, сохранившей в себе значительные следы бывшей разнородной культуры отдельных кровнородственных коллективов. Таким образом, народность, так же как и нация, является общностью людей, возникшей на базе единой территории, единого разговорного языка, хозяйственной деятельности и единой культуры. Однако она, в отличие от нации, не является устойчивой общностью людей, ибо внутренне не сплочена общностью экономической жизни, которая складывается на более высоком уровне развития производительных сил.

Народность, как более развитый этап общности людей, бесспорно, внутренне значительно сложнее, чем кровнородственный коллектив. Народность состоит не из однородных по своему строению родов и племен, как кровнородственный коллектив, а из жителей различных общин, «земель», княжеств, городов, селений и т. д. Народность в социальном отношении распадается на классы и социальные слои осуществляющие различную роль в жизни народности. Трудящиеся классы создают материальные блага и всегда играют революционную и прогрессивную роль в жизни данного коллектива. Что касается эксплуататорских классов и слоев, то часть из них в определенных условиях и обстановке может играть прогрессивную роль, как, например, отдельные слои зарождавшегося класса феодалов в период кризиса рабовладельческого строя, промышленная буржуазия на закате феодализма, отдельные слои национальной буржуазии колониальных стран в период империализма. Часть интеллигенции также способствует прогрессивному изменению жизни народности. Из этих классов и слоев внутри народности на каждом конкретном этапе формируется та революционная и прогрессивная сила, которую Маркс и Ленин называли народом, или народной массой[1]. Народ является создателем материальных и духовных благ, движущей силой революционного изменения жизни данного коллектива. Внутри народности народным массам противостоят реакционные

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., изд. второе, т. 5, стр. 63—65, 288—289; т. 6, стр. 144; *В. И. Ленин.* Соч., т. 9, стр. 109—110.

силы, реакционные классы и слои. Следовательно, если в жизни классического кровнородственного коллектива все люди играли прогрессивную роль, то народность состоит из различных классов и слоев, часть которых выступает как движущая сила истории данного коллектива, как народ, а другая часть — как реакционная сила.

Говоря о взаимоотношениях между отдельными народностями, нужно указать, что теперь, в отличие от взаимоотношений кровнородственных коллективов, появляются, кроме военных столкновений, новые формы связи между отдельными коллективами. Народности был присущ взаимный товарообмен, порожденный специализацией хозяйственной деятельности отдельных коллективов в соответствии с естественными условиями производства. Однако он происходил на базе натуральных отношений внутри каждого коллектива. Главную роль в товарообмене между отдельными народностями играли рабовладельцы, а потом феодалы, в руках которых накапливалось значительное количество прибавочного продукта, присвоенного ими путем внеэкономического принуждения рабов и зависимых крестьян. Связь между отдельными народностями ограничивалась главным образом торговыми и дипломатическими отношениями между верхушечными классами. Народности, как целые коллективы, непосредственно между собою связывались очень редко, большей частью в тех случаях, когда приходилось сообща защищаться от нападения внешних врагов. Следовательно, народности в целом были оторваны друг от друга. Длительное, на протяжении двух общественно-экономических формаций, обособленное существование человеческого общества в форме народностей развивало и углубляло различия, противоположности и отчужденность между ними, которые зарождались еще на предыдущем этапе.

Безусловно, торговые и культурные связи в период рабовладельческого и феодального строя, как одна из форм взаимоотношений между народностями, имели большое значение: они сближали отдельные народности и способствовали взаимному культурному обогащению. Однако торговые и культурные связи, существовавшие между отдельными народностями в период рабовладельческой и феодальной формаций, были совер-

шенно недостаточными для непосредственного общения людей разных народностей.

Такими свойствами характеризуется народность, как форма существования рабовладельческого и феодального общества. Вопрос об отдельных этапах развития человеческой общности — кровнородственной общности, народности и нации — должен составлять важную часть проблемы этногенеза того или иного коллектива. Говоря об истории той или иной нации, исследователь не может пройти мимо вопроса о том, из каких этнических компонентов она состоит, на каком этапе развития человеческой общности она закрепилась на данной территории, как формировались основы языка, культуры и хозяйственной деятельности. Выяснение этих вопросов дает возможность охарактеризовать ту или иную нацию, как особый коллектив, и выявить особенности истории ее формирования. Эти же вопросы возникли перед автором при изучении истории формирования узбекской социалистической нации.

Остановимся на вопросах формирования узбекской народности и ее этническом составе.

В СССР под именем узбеков известно оседлое земледельческо-ремесленное, тюркоязычное население Ферганской, Зеравшанской, Кашкадарьинской, Сурхандарьинской и Гиссарской долин, а также Ташкентского и Хорезмского оазисов. Кроме того, узбеки проживают в Северном Афганистане и Восточном Туркестане. Узбеки говорят на тюркском наречии, относящемся к юго-восточной или карлукской группе, ведут оседлый образ жизни, занимаются поливным земледелием, основанном на искусственном орошении; в городах широко развито ремесло.

Характер духовной культуры и домашнего быта узбеков обусловлен оседлым образом жизни. Скотоводство является побочным занятием. По этническому составу, уровню культурно-экономического развития, даже по языку, узбеки отдельных районов до недавнего времени значительно отличались друг от друга. Поэтому до Октябрьской революции буржуазные ученые подразумевали под узбеками только ту часть узбекского народа, которая носила общее название «узбеки» и проживала в основном в степно-долинной полосе Зеравшана, Кашкадарьи и Сурхандарьи, а также в некоторых районах Ташкентского и Хорезмского оазисов, занимаясь

земледелием и местами скотоводством и находясь еще в процессе оседания и перехода от скотоводства к земледелию.

До революции вокруг вопроса об уточнении понятия «узбеки» и «сарты» среди востоковедов разгорелись острые споры. Одни считали их различными народностями, другие характеризовали сартов как полуузбеков и полутаджиков, но мало кто признавал, что сарты и узбеки одна и та же народность.

Такие противоречивые мнения имели некоторые объективные причины. Дело в том, что в конце XIX века узбекский народ распался на три крупные группы, отличающиеся друг от друга уровнем развития экономики и культуры, особенностями земледелия и ремесла, диалектными особенностями языка, бытовыми чертами и т. д. Одну из этих групп составляли тюркоязычные сарты, проживавшие в древних земледельческих районах: Ферганской и Зеравшанской долинах и Ташкентском и Хорезмском оазисах, а также в отдельных городах других районов Узбекистана. Другую группу составляли различные роды и племена, населявшие главным образом горные и предгорные полосы, занимавшиеся большей частью скотоводством в сочетании с богарным земледелием, сохранившие некоторые патриархально-родовые пережитки в быту. В третью группу входили многочисленные племена и роды, носившие общее название узбеков, занимавшие степно-долинные полосы Кашкадарьи и Сурхандарьи, отчасти и Зеравшана, а также некоторые районы Ташкентского и Хорезмского оазисов. Часть этой группы уже перешла к орошаемому земледелию, а другая часть еще занималась полускотоводством, полуземледелием. От предыдущей группы она отличалась тем, что в ее жизни значительную роль еще играли родоплеменные отношения, поэтому по своему социальному развитию она стояла сравнительно ниже других групп.

Эти группы отличались также по уровню культуры. Тюркоязычные сарты имели сравнительно развитую письменную литературу, изобразительное искусство и своеобразную архитектуру. В других группах существовала только устная литература, грамотные люди встречались единицами. Полукочевой образ жизни тормозил их полное оседание, поэтому люди жили в юртах. Строительное

искусство не было развито. В языке были сильны диалектные различия.

Дореволюционные востоковеды, больше увлекаясь выяснением различий между этими группами, не замечали общих для них черт, закономерностей изменения их жизни. Мимо их внимания проходило то, что различия между группами уменьшаются, а общие черты неуклонно возрастают.

В силу этого буржуазные востоковеды противопоставляли одну группу узбеков другой, в особенности тюркоязычных сартов двум другим группам.

Некоторые востоковеды утверждали, что слово сарт обозначает название особой этнической группы, отличной от узбеков, таджиков, киргизов и туркмен.

В трудах почти всех дореволюционных исследователей важно то, что они отмечают оседлый образ жизни сартов, отсутствие среди них следов родоплеменного деления, правильно характеризуют их хозяйственную деятельность (земледельческую, ремесленническую и торговую), а также расовые особенности их, как смешанного типа. Но разрешить вопрос об их этнической принадлежности они не могли. Основной причиной этого является то, что дореволюционные ученые стояли на позициях буржуазной идеалистической методологии в определении понятия народности. Одни за основу этого понятия брали общность языка, другие — этническое происхождение, третьи — расовые признаки, а четвертые — общность культуры. Они не могли уловить основную линию развития, объединявшую в единое целое все три группы узбеков. Узбеки отличаются от других народностей Средней Азии тем, что они сформировались в народность как оседлые земледельцы и ремесленники, говорящие на узбекском языке. Этим они отличаются от таджиков и от тюркоязычных народностей Средней Азии: казахов, киргизов, туркмен, каракалпаков.

Ввиду того, что сарты не составляли единой народности и входили одновременно в состав узбекского и таджикского народов, этот термин при образовании советских социалистических республик был исключен из повседневного оборота. Он был совершенно исключен и из научного обращения, из поля зрения ученых выпала и та часть узбеков и таджиков, которая ранее называлась сартами, что оказало отрицательное влияние на

изучение этногенеза узбекского народа. Получилось так, что ученые при изучении этногенеза узбекского народа больше останавливались на значении проникновения в Среднюю Азию тюркоязычных скотоводческих народов с севера и связывали образование узбекской народности только с ним. А на самом деле в этногенезе узбекского народа определенное место принадлежит и тюркоязычным сартам, ставшим первоначальным ядром узбекской народности, заложившим основные ее черты еще задолго до проникновения тюркоязычных племен и родов в Среднеазиатское междуречье.

Соображения автора этих строк о тюркоязычных сартах, как об одном, притом самом древнем, пласте в составе узбекского народа, были высказаны на ученом совете Института истории и археологии АН УзССР и на расширенном заседании Президиума той же академии в 1952 году[1].

Одним из недостатков в изучении этногенеза узбекского народа было то, что вопрос обычно сводился к выяснению тех этнических компонентов, которые приняли участие в формировании данной народности или нации. Хронологические рамки формирования того или иного коллектива, переход его из одной стадии развития общности к другой вообще не изучались. Так, этот вопрос вообще не поставлен в ценной работе А. Ю. Якубовского «К вопросу об этногенезе узбекского народа»[2] и противоречиво разрешен в книге «История народов Узбекистана»[3]. В I томе «Истории народов Узбекистана», за исключением «Предисловия», совершенно обходятся вопросы этногенеза народов Узбекистана. Предисловие к I тому, написанное А. Ю. Якубовским, дает ценный материал об этническом составе узбекского народа. В отличие от брошюры «К вопросу об этногенезе узбекского народа», автор в «Предисловии» подчеркивает наличие в составе узбекского народа значительного пласта, образовавшегося из смешения древних ираноязычных и тюркоязычных народов и племен Средней Азии, еще до

[1] Известия АН УзССР, 1952, № 5.

[2] К вопросу об этногенезе узбекского народа, Ташкент, АН УзССР, 1939.

[3] История народов Узбекистана, т. I, Ташкент, АН УзССР, 1950. «Предисловие», т. II, 1947, стр. 49.

проникновения сюда тюркоязычных племен и народов в XI—XII, а также в XIII—XVI веках. Ценным является указание С. П. Толстова о том, что в составе узбекского народа были также представители древних ираноязычных народов Средней Азии[1].

Авторы II тома «Истории народов Узбекистана»[2] утверждают, что узбекская народность сложилась в XVI веке в результате смешения кочевых узбеков с местными тюркоязычными жителями, называвшимися чигатайцами. Среди историков и филологов Узбекистана имело место и такое суждение, что узбекская народность сложилась в XIV веке в эпоху Тимура и тимуридов. Наконец, третьи придерживались мнения, что узбекская народность сложилась еще в XI—XII веках. Это мнение вкратце было высказано Б. Г. Гафуровым в его книге «История таджикского народа в кратком изложении»[3].

Примерно в то же время, когда появилась книга Б. Г. Гафурова, автор данной работы, изучая историю формирования узбеков в народность, пришел к выводу, что узбекская народность сложилась между X—XII веками. Автор считал недостаточным ограничивать освещение этногенеза узбекского народа только выяснением этнических компонентов. Хотя покойный А. Ю. Якубовский оставил нам ценный материал о родах и племенах, вошедших в состав узбекского народа, но мы еще не имели более или менее удовлетворительного освещения истории формирования узбеков в народность, в частности, еще не были определены ее хронологические рамки, а без этого нельзя было говорить об истории формирования нации. Поэтому автор специально задался целью выяснить вопрос о времени формирования узбеков в народность и пришел к тому же выводу, что и Б. Г. Гафуров. Результаты изучения были доложены автором на заседании ученого совета Института истории и археологии АН УзССР в июле 1952 года и на специальном заседании АН УзССР, посвященном обсуждению I тома «Истории народов Узбекистана» в 1952 году. Хотя это мнение и оспаривалось некоторыми выступавшими,

[1] *С. П. Толстов.* Древняя культура Узбекистана, Ташкент, 1943, стр. 5—7.

[2] История народов Узбекистана, т. II, Ташкент, 1947, стр. 49.

[3] *Б. Г. Гафуров.* История таджикского народа в кратком изложении, ч. I, М. 1950, стр. 223.

но автор удовлетворен тем, что в новом издании I тома «Истории Узбекской ССР» хронологические рамки формирования узбеков в народность определены XI—XII веками[1].

Несмотря на то, что узбеки сложились в особую народность еще в начале второго тысячелетия нашей эры, в дальнейшем их этнические рамки в отличие от таджикского народа все больше и больше расширяются вследствие вхождения в узбекскую народность все новых и новых этнических компонентов. Этот процесс продолжался до XIX века, усилившись с переселением в Среднюю Азию под водительством Шайбани-хана кочевых племен, известных под общим названием узбеков. Оседание и превращение их в земледельцев продолжалось вплоть до колониального периода. Таким образом этногенез узбекского народа оказался не только многослойным, но и различным по своему культурно-экономическому уровню, а это сильно сказалось на процессе формирования узбеков не только в буржуазную нацию, но и в социалистическую. В связи с этим автор счел необходимым специально остановиться на характеристике узбекской народности и ее этническом составе.

2. Формирование и развитие узбекской народности

Узбеки и их предки издревле обитали на территории Ферганской, Зеравшанской, Кашкадарьинской и Сурхандарьинской долин, Северного Афганистана, а также Хорезмского и Ташкентского оазисов.

Язык и хозяйственный образ жизни узбеков (оседлых тюркоязычных земледельцев и ремесленников) сделали их особой народностью, отличной как от тюркоязычных народов Семиречья, так и от восточноиранских народов Средней Азии.

Процесс формирования особой тюркоязычной оседлой земледельческо-ремесленной народности, получившей позже название узбеков, происходил в первую очередь на территории Ферганской и Зеравшанской долин, Ташкентского и Хорезмского оазисов.

[1] История Узбекской ССР, т. I, ч. I., Ташкент, АН УзССР, 1955, стр. 270.

Долины Чирчика, Ангрена, Ферганы, Зеравшана, низовья Аму-Дарьи оказались стыками районов обитания представителей различных рас и языковых семейств, культур и укладов хозяйства. На протяжении первого тысячелетия нашей эры здесь происходило соприкосновение и частичное слияние ответвлений монголоидной и европеоидной рас, ираноязычных народностей с тюркоязычными, оседлого земледельческого и ремесленного уклада хозяйства с кочевым скотоводческим и, соответственно, их материальной и духовной культур.

В результате начался сложный и длительный процесс сложения особой народности, которая в своих физических, расовых признаках, в своем языке, этнической специфике, культурной и хозяйственной деятельности сочетала элементы этих двух «миров». Расовый тип данной народности проф. Л. В. Ошанин назвал расой Среднеазиатского междуречья[1]. Язык ее принадлежал к карлуко-чигильскому наречью со значительной примесью таджикских и арабских слов. Этническая специфика и духовная культура ее отражали особенности оседлого земледельческо-ремесленного образа жизни.

На протяжении столетий формирование и развитие узбекской народности характеризовались, с одной стороны, переходом кочевников к оседлости, скотоводов — к орошаемому земледелию, с другой стороны — принятием тюркского наречия некоторыми восточноиранскими народностями. Бывшие тюркоязычные племена — осевшие на землю скотоводы-кочевники и древние ираноязычные народы, в особенности принявшие тюркский язык хорезмийцы и часть согдийцев — заложили основу формирования узбекской народности.

Смешение представителей двух этих миров, безусловно, происходило не случайно, а закономерно, в результате длительного и систематического, культурно-хозяйственного сближения друг с другом. Войны же и завоевания усиливали процесс проникновения и политического преобладания той или другой стороны.

[1] *Л. В. Ошанин.* Антропологический состав населения Средней Азии и этногенез ее народов в свете данных антропологии. В кн.: Л. В. Ошанин и В. Я. Зезенкова, «Вопросы этногенеза народов Средней Азии в свете данных антропологии». Ташкент, АН УзССР, 1953, стр. 16—20.

О таком процессе сближения и смешения древних тюркоязычных и ираноязычных народов свидетельствуют многочисленные сообщения древних авторов, а также археологические, антропологические и этнографические данные.

Советскими археологами на территории Ташкентской и Ферганской областей УзССР и Джамбульской области КазССР было обнаружено много древних могильников с захоронениями людей, относящихся как к монголоидной, так и европеоидной расам. Захоронения датируются первыми веками нашей эры. В этом отношении интересны результаты антропологического исследования 17 скелетов, обнаруженных А. Н. Бернштамом в 1939 году в Кенкольском могильнике, датируемом I—II веками нашей эры. Антрополог Е. В. Жиров, производивший изучение скелетов, говорит, что их «расовый тип, несмотря на явно метисное происхождение данной популяции, довольно однороден. Характерная для него ослабленная монголоидность, которую только отчасти можно объяснить смешением с местным населением Средней Азии, не находит аналогии в Восточной Азии, разве в маньчжурской группе. Европеоидные элементы, наиболее ярко представленные костяками из дромоса кургана Н-10, местного происхождения»[1].

Из этого заключения также следует, что здесь еще в начале нашей эры происходил процесс смешения кочевников-скотоводов с местным восточноиранским земледельческим населением, что частично и привело к появлению нового расового типа людей с ослабленной монголоидностью. О том, что этот смешанный тип был преобладающим в данном районе, доказывает тот факт, что все мужчины и женщины, захороненные в катакомбах, в отличие от захороненных в дромосах, относятся именно к такому смешанному типу. По определению В. Я. Зезенковой, к таким же смешанным типам относятся некоторые скелеты, обнаруженные М. Э. Воронцом в могильнике у сел. Вревское, а также М. Е. Массоном на трассе Большого Ферганского канала[2]. Следовательно, похороненные здесь люди олицетворяли собою

[1] *А. Н. Бернштам.* Кенкольский могильник, Л., 1940, стр. 15.
[2] *Л. В. Ошанин* и *В. Я. Зезенкова.* Указ. соч., стр. 98—101.

основное население страны. О том же свидетельствуют и антропологические исследования Л. В. Ошанина[1].

Этот особый расовый тип, отличный как от древних иранских народностей, так и от древних тюрков (монголоидов), представлял собою первоначальное ядро узбекской народности. Образование узбекской народности, как было сказано, шло по двум направлениям: во-первых, путем постепенного языкового отюречивания части местных восточноиранских народностей (хорезмийцев, части согдийцев и других) и, во-вторых, путем оседания и перехода к орошаемому земледелию кочевых тюркских племен и народностей, выходцев из Центральной Азии и Семиречья. Процесс этот шел медленно и постепенно. Новый расовый тип формировался в разных районах Ферганской и Зеравшанской долин, а также Ташкентского и Хорезмского оазисов поначалу в виде как бы отдельных «островков» среди массива оседлых ираноязычных и кочевых тюркоязычных обитателей края.

Развитие экономики, расширение торговых и культурных связей между ираноязычными и тюркоязычными племенами и их политическими объединениями привели к языковой дифференциации и интеграции.

Вместо древнего языка согдийцев, распространенного в долине рек Чирчика, Ангрена, Нарына, Кара-Дарьи и Зеравшана, образовались два новых языка: дари (таджикский) и чигатайский (узбекский), а язык хорезмийцев был вытеснен узбекским и туркменским языками. Главнейшим моментом образования ядра узбекской народности на этнической основе согдийцев и хорезмийцев была утрата ими своего языка и восприятие тюркского языка.

Что именно такой процесс шел в середине первого тысячелетия нашей эры подтверждается фактом отюречивания части согдийцев, переселившихся на север в Семиречье, и с другой стороны, наличием согдийских элементов в современном узбекском языке.

Махмуд Кашгарский (конец X— начало XI в.) указывает, что «были люди, которые говорили по-тюркски и согдийски, были люди, которые говорили только по-тюркски, но не было людей, которые говорили (бы) только по-согдийски».

[1] *Л. В. Ошанин.* Антропологический состав населения Средней Азии и этногенез ее народов, ч. I, Ереван, 1957, стр. 25.

Таким образом, во времена Махмуда Кашгарского в северных районах согдийский язык начал вытесняться тюркским языком. Согдийцы, через двуязычие, впоследствии переходили к тюркскому языку. Такой же процесс происходил в Фергане с языком саков и в низовьях Аму-Дарьи с языком хорезмийцев.

Отсюда видно, что тюркизация по языку оседлого земледельческого населения Средней Азии была одним из путей формирования узбекской народности на базе древних народностей Средней Азии (главным образом хорезмийцев и части согдийцев) и народностей, пришедших с прилегающих соседних земель.

Тюркизация языка была вызвана тем, что в этот период в политической и экономической жизни Средней Азии усиливалась роль тюркоязычных народов и политическая власть находилась в руках кочевых скотоводческих феодалов.

Как известно, после разгрома в VI веке эфталитского государства власть западного тюркского каганата распространилась вплоть до берегов Аму-Дарьи. Начиная с середины VI века, происходило интенсивное переселение тюркоязычных племен на земли Ташкента, Ферганы, Зеравшана и Хорезма. Интенсивный приток тюркоязычных племен продолжался до начала VIII века.

Автор «Истории Бухары» Мухаммад Наршахи говорит, что местность, где стоит город Бухара, раньше была болотистой. Позже, когда она высохла, сюда со всех сторон прибывали люди и оседали здесь. «Люди,— пишет он,— приходившие сюда из Туркестана (имеется в виду страна тюрков.— *М. В.*), селились здесь потому, что в этой области было много воды и деревьев, были прекрасные места для охоты. Все это очень нравилось переселенцам. Сначала они жили в юртах и палатках, но потом людей стало собираться все больше и больше и переселенцы стали возводить постройки»[1]. Здесь у Наршахи рельефно отображается процесс массового переселения кочевых племен севера в Среднеазиатское междуречье и их оседания.

В этих условиях непрерывно росло количество переселявшихся тюрков и часть местного ираноязычного

[1] *Мухаммад Наршахи.* История Бухары. Перевод Н. Лыкошина, Ташкент, 1897, стр. 12.

оседлого населения постепенно отюречивалась по языку.

Завоевание Средней Азии арабами на некоторое время затормозило свободное переселение тюркских групп в глубь Средней Азии, но не вытеснило тюрков из тех районов, куда они проникли в предыдущий период. Наоборот, зависимое положение проникших сюда тюркских племен от арабского халифата, затем от государства Саманидов до начала XI века еще больше способствовало смешению тюркских пришельцев с древним населением Ташкентского оазиса, Ферганы, долины Зеравшана, Хорезма и южной части Семиречья. Тюркское население этих областей, попадая под власть халифата и саманидов, отрывалось от кочевников-скотоводов севера и более тесно сближалось с оседлым населением Среднеазиатского междуречья и, не теряя своего тюркского языка, по образу жизни становилось оседлым, земледельческим.

Дальнейший политический подъем тюркских народностей севера и образование в Семиречье государства Караханидов, разгромившего династию Саманидов и захватившего в Мавераннахре политическую власть, снова усилил приток сюда тюркских племен. Теперь их встречала здесь еще более благоприятная обстановка для ассимиляции и за счет оседания тюркоязычных народностей значительно возросла численность оседлого тюркоязычного земледельческого населения Шаша, Хорезма, долин Ферганы и Зеравшана.

Новый приток тюркских народностей привел на этот раз к образованию более крупных территорий с тюркоязычным земледельческим населением. Если в прошлых веках тюркское оседлое земледельческое население Мавераннахра жило отдельными островками среди ираноязычных оседлых народов, то ко времени Караханидского государства образовались обширные территории с тюркоязычными оседлыми земледельческими селениями и торгово-ремесленными городами. Таким образом, период Караханидского государства и Хорезмшахов явился весьма важным и во многом решающим периодом в истории сложения узбекской народности на той территории, которую узбеки занимают сейчас.

В свете этого важное значение имеет вопрос о том, на каком уровне развития стояли и какую роль сыграли

те этнические компоненты, которые вошли в состав первоначального ядра узбекской народности.

В первые века нашей эры среди древних народов Средней Азии — согдийцев, хорезмийцев, бактрийцев, парфян и других, по-видимому, уже шел процесс народообразования на основе территориального союза, а родоплеменные и кровнородственные связи теряли свое значение. По свидетельству китайских летописей первых веков нашей эры, у отдельных крупных местных коллективов уже существовал общенародный язык и в их среде происходила нивелировка хозяйства и быта. «От Давани (Ферганы) на западе до Анси (Парфия),— читаем мы в китайских летописях,— хотя говорят различными языками, но в обыкновениях весьма сходствуют и в разговорах понимают друг друга»[1].

Характерно, что в трудах китайских и греческих авторов мы не встречаем сообщений о делении древних среднеазиатских народов на роды и племена. Наоборот, в них подчеркивается территориальное объединение, а не родовое и племенное деление согдийцев, хорезмийцев и массагетов.

Говоря об уровне развития, общности тюркских племен, населявших Семиречье и участвовавших в сложении узбекской народности, можно полагать, что данные племена в этот период также начали складываться в особую кочевую скотоводческую народность с тюркоязычной речью. Период господства тюркского каганата (V—VIII вв. н. э.) был самым интенсивным периодом процесса народообразования в Семиречье. Все племена и народности, перечисленные Махмудом Кашгарским в разных местах его знаменитого «Словаря», находились в процессе хозяйственно-культурного и языкового сближения между собой. Характеризуя тухси, аргу, ягмо и другие племена, Махмуд Кашгарский указывает, что их языки были похожи на язык чигилей; в других случаях он сравнивает их быт и культуру с чигилями и карлуками. Из его повествования видно, что в Семиречье карлуки и чигили играли в жизни всех племен и народностей особую роль, вокруг них происходил какой-то процесс консолидации тюркских племен и народностей.

[1] *Н. Я. Бичурин.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. II, М.—Л., 1950, стр. 161.

Махмуд Кашгарский резко разграничивает тюрков Семиречья от огузов Дешт-и-кипчака. Такой же процесс народообразования, по-видимому, происходил в Дешт-и-кипчаке с огузским союзом племен. Этому процессу помешало арабское завоевание, отколовшее части тюркских племен и народностей от данных союзов и приведшее к политическому раздроблению тюрков Семиречья и Дешт-и-кипчака.

Таким образом, первоначальное ядро узбекской народности формировалось в основном на базе распада народностей, сложившихся уже в период рабовладельческого строя. Поэтому-то среди части узбеков, в особенности проживающих в городах и некоторых кишлаках древних орошаемых районов Узбекистана, мы не обнаруживаем следов родоплеменного деления.

Это первоначальное ядро, древний пласт узбекской народности, образовавшееся в результате распада ираноязычных и тюркоязычных народов Средней Азии, до XVI века называлось тюрками, а часть тюрков, живших в городах, получила позже название сартов. Впоследствии сартами именовали себя также многие сельские жители Ферганской долины, причем для сартов было характерно отсутствие среди них родоплеменного деления.

В дальнейшем и оседлые земледельцы и ремесленники Зеравшана и Хорезма также стали именовать себя сартами, но такое же население на юге Средней Азии, в Кашкадарье, Сурхандарье, долине Гиссара не имело общего названия. В районе Шахрисябза оно называлось сугудами (согдийцами)[1]. При этом сартов строго различали от полукочевников-скотоводов и от таджиков южных районов. Таким образом, слово «сарт» не этническое понятие; оно связано прежде всего с образом жизни оседлых земледельческих народов.

О том, что часть населения Мавераннахра именовалась сартами еще в X веке, говорит «Кудаткубилик» Юсуфа Баласугунского, где в разделе о задачах казначея сказано: «слушай, о чем говорит этот предводитель «сартов»...»[2].

[1] *Б. Х. Кармышева.* Этнические и территориальные группы населения северо-восточной части Кашкадарьинской области Узбекской ССР. «Советская этнография», 1960, № 1.

[2] *С. Е. Малов.* Памятники древнетюркской письменности, М.—Л., 1951, стр. 233.

Автор «Истории монголов» Рашид-ад-дин, рассказывая о покорении Чингиз-ханом земли карлуков, писал: «В эпоху Чингиз-хана у правителя и государя карлуков имя было Арслан-хан. Когда Чингиз-хан послал в те пределы Кубилай-нойона из племени барласа, Арслан-хан подчинился и явился к Кубилаю. Чингиз-хан дал ему девушку из (своего) рода и повелел, чтобы его назвали Арслан-сартакай»[1].

Данное сообщение свидетельствует о том, что монголы называли сартами и карлуков, относящихся к тюркоязычным народам. Далее, в монгольских эпических сказаниях, относящихся к XII веку, сартами (сартауль-иргень) назывались подданные хорезмшаха. Арабы словом «сарт» обозначают мусульман. Навои под словом сарт подразумевал таджиков. Бабур сообщает, что население Маргелана и Исфары — сарты, говорящие на таджикском языке.

Таким образом, в состав первоначального ядра узбекской народности вошли и те тюркоязычные кочевые племена, которые, осев в земледельческих районах, потеряли свое родоплеменное название и приняли позже название сартов.

Хозяйство тюркоязычных племен и народностей, вошедших в состав первоначального ядра узбекской народности, во всех сведениях характеризуется, как кочевое скотоводство, что не исключает, однако, частичного занятия земледелием. Но эти сведения имеют в виду основную массу, кочевавшую в Семиречье и Дешт-и-кипчаке. Что же касается отдельных групп, расселившихся еще в середине первого тысячелетия в глубине земледельческих районов, то о них мы не имеем достаточных сведений. Отнести сообщения древних и средневековых авторов о культурном и хозяйственном состоянии этих племен и народностей в Семиречье ко всей территории их расселения было бы неправильным. Хотя прямых сведений о культуре и быте племен и народностей в районах Ташкента, Ферганы, Хорезма и долины Зеравшана, относящихся к этому времени, не имеется, но по косвенным данным можно считать, что в X—XII веках некоторые группы тюркоязычных племен и народностей, расселявшихся в этих районах, стали оседлыми земледельцами.

[1] *Рашид-ад-дин,* Сборник летописей, т. I, М.—Л., 1952, стр. 151.

Переход к оседлости кочевых племен, проникших в Мавераннахр с севера, стал закономерным явлением. В. В. Бартольд, характеризуя период правления династии Караханидов, когда происходило массовое переселение кочевых племен в земледельческие районы Средней Азии, а само ханское правление из варварского типа государства верхушечной родовой аристократии превратилось в деспотическое феодальное государство, писал: «Самым сложным из вопросов... была судьба тюркских завоевателей, пришедших в страну с государем, нисколько не желавшим перейти к оседлой жизни и подчиниться такому же управлению, как остальная масса населения»[1]. И далее: «По мере превращения государей из тюркских ханов в деспотов, неизбежные столкновения между земледельцами и кочевниками все более и более должны были разрешаться в интересах первых, и кочевники должны были или перейти к оседлой жизни, или бедствовать в завоеванной ими стране»[2].

Академик В. В. Бартольд метко подметил процессы, совершавшиеся в жизни кочевых племен, проникших в земледельческие районы. Они значительное время пытались продолжать кочевой образ жизни, но в конечном счете вынуждены были стать оседлыми земледельцами, чтобы не бедствовать. Объяснялось это тем, что в данных районах в силу отсутствия свободных земель, возможных для использования под пастбища, продолжать скотоводство было невозможно. С другой стороны, преимущества орошаемого земледелия перед скотоводством также усиливали стремление кочевников к оседанию. Обычно первыми оседали трудовые скотоводы, не имевшие возможности продолжать скотоводство из-за отсутствия пастбищ, а потом и более самостоятельные, тогда как часть родов и племен, оставшихся в Семиречье, продолжала заниматься кочевым скотоводством.

Таким образом, тюркоязычные кочевые скотоводы, переселившиеся в оседлые земледельческие районы и перешедшие к земледельческой оседлости, отрывались от своих сородичей и часть их вливалась в состав формирующейся узбекской народности.

[1] *В. В. Бартольд.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия ч. II. Исследование, СПб., 1900, стр. 329.

[2] Там же.

Говоря о роли этих компанентов — местных оседлых народов и пришлых кочевых племен — в формировании первоначального ядра узбекской народности, необходимо подчеркнуть, что оба они играли важную роль, хотя и в различной форме. Местные оседлые земледельцы — аборигены — определяли основное направление развития хозяйственной, следовательно, и культурной жизни, а кочевые скотоводческие племена, составляя значительную массу первоначального ядра узбекской народности, передали ей тюркский язык и тем самым заложили основу языка узбекской народности.

Остановимся на вопросе о формировании узбекского народного разговорного языка. Одним из критериев сложения людей в народность является формирование общего разговорного языка народности, превалирование его над диалектами и местными говорами и подчинение себе последних. В этой связи большое значение приобретает вопрос о том, происходило ли такое явление в истории узбекского народа в XI—XII веках. По всему видно, что процесс формирования общенародного языка, отличного от древних тюркских языков, в частности, от огузского и чигильского, с одной стороны, и от древних восточноиранских языков, а также их преемника — таджикского языка, с другой стороны,— к этому времени более или менее завершается, положив основу формирования нынешнего узбекского языка.

Для того, чтобы более правильно подойти к выяснению вопросов возникновения и развития узбекского языка, необходимо сделать несколько предварительных замечаний, суть которых сводится к тому, что при освещении истории, культуры и особенностей языка других народов необходимо учитывать как хронологические рамки этой истории, так и территориальное распространение данной культуры и языка.

В результате развития экономики, расширения торговли и политического подъема тюркских народов в V—X веках происходила интенсивная дифференциация древнейшего тюркского языка в Дешт-и-кипчаке и Семиречье. Орхоно-енисейская письменность отражала общие черты языков семиреченских тюрков, возникших в результате расчленения древнейшего тюркского языка на огузский, хакасский, шорский, тувинский, уйгурский, или семиреченский. В отличие от огузского языка, язык

семиреченских тюрков — карлуков, чигилей и других — все более и более смешивался с восточноиранскими языками. Этот процесс интеграции шел более интенсивно в Шаше и Фергане, в особенности в период господства Арабского халифата и династии Саманидов. В V—X веках чигильский язык представлял общий язык тюркского населения Семиречья, Шаша, Ферганы и Восточного Туркестана. Махмуд Кашгарский указывает, что племена и народности, населявшие территорию от берегов Сыр-Дарьи до границы Китая, имели свой язык, но говорили и читали по-тюркски (по-чигильски). По-видимому, в этот период язык чигилей играл роль общего языка, обслуживающего все тюркские племена и народности на территории от Сыр-Дарьи до границы Китая. Именно этот язык у Махмуда Кашгарского был назван тюркским, или чигильским языком, а иногда языком «чигильских тюрков».

К X—XI векам этот язык распался. Причиной распада послужила, безусловно, та же самая экономическая и общекультурная дифференциация среди самих носителей этого языка. В Ташкентском оазисе, Фергане и Зеравшане происходило интенсивное смешение племен чигилей, карлуков, кипчаков и других с оседлым земледельческим населением, в результате чего и образовалось, как сказано, первоначальное ядро или этнический пласт узбекской народности. На севере же в результате освобождения хакасов от власти уйгуров в середине IX века усиливается хакасский племенной союз. Хакасы, названные Махмудом Кашгарским и Рашид-ад-дином киргизами, начинают играть самостоятельную политическую роль. Хотя они потеряли вскоре завоеванное ими господствующее положение и стали зависимыми от Китая, но все же хакасские князья имели большую внутреннюю автономию, что позволило им политически сплотить хакасов-охотников и скотоводов под своей властью.

Возникшее на севере политическое объединение оторвало часть тюрков Семиречья от их основной массы. Политически и экономически обособились также тюркские племена Восточного Туркестана, получив общее название уйгуров. Последнее было вызвано тем, что в IX веке в результате усиления хакасов уйгуры были вытеснены из Семиречья в Восточный Туркестан. Так происходило экономическое и политическое обособление племен и народностей Семиречья в несколько групп.

Таким образом, срыв процесса народообразования среди тюркских народностей и племен Семиречья, о котором мы говорили выше, сорвал и процесс сложения в этом районе общетюркского языка — он стал языком-основой киргизского, уйгурского и отчасти узбекского и других языков.

Многие современные узбекские слова встречаются еще в тюркских памятниках VI—X веков. В памятниках «Кул — Тегина», характеризующих тюркский язык VI—VIII веков, встречаются такие существительные, как *тош* (камень), *олтин* (золото), *кумуш* (серебро), *киши* (человек), *ер* (земля), *сув* (вода), *қош* (бровь), *кӱз* (глаза) *ини* (брат) и т. д.; прилагательные: *кӱк* (синий), *кичик* (маленький), *бӱз* (серый) и т. д.; числительные: *бир* (один), *тӱрт* (четыре), *тӱққиз* (девять) и т. д.; местоимения: *ул* (он), *ӱзим* (сам), *бу* (это) и т. д. и глаголы: *қилдим* (сделал), *тӱкади* (проливает), *санчтимиз* (кололи, вонзали), *олдимиз* (взяли) и т. д.[1] В пословицах и отрывках песен, собранных Махмудом Кашгарским в «Словаре тюркских языков», также встречается много слов, и поныне бытующих в узбекском языке. Например, существительные: *от* (лошадь), *киши* (человек), *сӱз* (слово), *юз* (лицо), *кӱк* (небо), *тоғ* (гора), *темир* (железо), *ӱғил* (сын), *оғиз* (рот), *кӱз* (глаза), *ёғоч* (дерево), *ош* (пища), *туз* (соль), *куй* (мелодия), *бош* (голова), *этик* (сапоги), *эшак* (осел), *юк* (груз), *йигит* (джигит), *туман* (туман), *ёш* (слезы), *ой* (луна), *бағир, кӱнгил, юрак* (сердце), *тун* (ночь), *кун* (день), *қуш* (птица), *қурт* (насекомые) и т. д.; прилагательные: *узун* (длинный), *қисқа* (короткий), *қуруқ* (сухой), *кенг* (широкий), *қора* (черный), *қизил* (красный), *қаттиқ* (твердый), *оғир* (тяжелый) и т. д.; числительные: *бир* (один), *минг* (тысяча); глаголы: *кес* (режь), *унмас* (не всходит растение), *эгилмас* (не гнется), *кӱринур* (покажется), *нишмас* (не верится), *чиқар* (выходит), *тепмас* (не лягнет), *дема* (не говори), *кӱрди* (видел), *бордим* (я пошел, ходил), *тингли* (слушай), *тизилди* (строились) и т. д.[2]

Эти слова, в частности глаголы, имели такую же форму, какую они имеют ныне. Конечно, они встречаются и

[1] *С. Е. Малов.* Памятники древнетюркской письменности, М.—Л., 1951, стр. 27—33.

[2] *С. Е. Малов.* Памятники древнетюркской письменности, М.—Л., 1951, стр. 306—311. Ср.: Узбек адабиёти, ўрта мактабларнинг VIII синфи учун хрестоматия, Тошкент, 1948, стр. 4—8.

в языках туркмен, казахов, татар, башкир, киргизов, уйгуров и других тюркских по языку народов, но произносятся с некоторыми фонетически специфическими особенностями.

Хотя древние тюркские языки являются языком-основой для нынешних тюркских семейств языков, но ни один из них не является непосредственным продолжением их. Последние многими чертами отличаются от древних тюркских языков. В нынешних тюркских языках Средней Азии отсутствует значительное число древнетюркских слов. Многие из них вышли из употребления уже в X—XII веках, уступая место таджикским и арабским словам или вновь образованным тюркским словам, отличающимся спецификой, порожденной производственной деятельностью, политико-экономической жизнью, культурой и бытом каждой из образовавшихся здесь народностей. Далее, языки тюркских народностей Средней Азии, в том числе узбеков, отличаются от древних тюркских языков своей структурой, фонетическими и лексическими особенностями, морфологическими признаками. Наконец, древние тюркские языки не достигли уровня общенародного языка — языка народности.

Узбекский же язык уже в X—XII веках формировался как язык народности. От древнетюркского языка он отличался, во-первых, тем, что его словарный фонд обновился и обогатился в результате образования новых слов из старых тюркских корневых слов, что было вызвано дальнейшим развитием среди узбеков земледелия, ремесла и культуры. Например, при помощи словообразующих суффиксов *чи, лик, моқ, сиз, иш, дош* и т. д. из одних и тех же слов образовались новые слова. Так, из слова *йӱл* образовались *йӱлдош* (попутчик), *йӱлка* (тропинка), *йӱлиқиш* (встречаться), *йӱловчи* (путник) и т. д.; от глагола *юр* (идем) — *юрмоқ* (ходить), *юрадиган* (ходящий), от слова *сув* — *сувчи* (поливальщик), *сувлик* (поливное), *сувсиз* (безводный) и т. д.

Новые слова, возникшие в результате подъема земледелия и ремесла, получили распространение на всей территории расселения узбеков и усилили общенародные элементы узбекского языка.

Во-вторых, в узбекский язык в значительной мере проникали, как сказано, арабские и таджикские слова, что также усиливало его общенародные элементы. Эти сло-

ва занимали в словарном составе узбекского языка не только заметное место, но и не подвергались воздействию местных диалектов, сохраняя единую форму и в то же время усиливая различие между узбекским и другими тюркскими языками Средней Азии.

В-третьих, в этот период узбекский язык принял ту качественную определенность, которой он отличается от древних тюркских языков и языков новых народностей Средней Азии как по линии структуры и фонетики, так и по линии морфологии и лексики. Характерным для узбекского языка становится закрепление согласных фонемов *т* и *к* в начале слов вместо *д* и *г*, характерных для туркменского и азербайджанского языков. Пишется *туш* (сон), а не *душ*, как в туркменском языке, пишется *кӯз* (глаза), а не *гоз* и т. д. Для узбекского языка стало также характерным произношение буквы *ғ* вместо *в* и *у* в таких словах, как *соғ* (здоровье), а не *сов, тоғ*, вместо *тов* и *тоу* и т. д.

Прочно закрепилась буква *м* в начале слова перед гласной *а* вместо *б*, свойственной огузским группам языков, буква *й* в начале слова перед гласными вместо *дж*. Отсутствие чередования звуков *ш* и *ч*, *с* и *ш*, *ч* и *х*, *с* и *х*, *йизит* д. Пишется не *бан (я)*, а *ман*, не *джӯқ*, а *йӯқ*, *йигит*, а не *джигит*, дорога пишется *йӯл*, а не *джӯл*, беги — *йугур*, а не *джугур*, тигр пишется *йӯлбарс*, а не *джӯлбарс* и т. д. Волос произносится как *чоч*, а не *шаш*, человек — *киши*, а не *киси* (как в казахском языке), вода—*сув*, а не *хув*, глагол повелительного наклонения пей произносится как *ич*, а не *их* (как в башкирском языке). Закрепляется *й* вместо *з* в середине слова, после и перед гласными. Сон произносится как *уйқу*, а не *узқу*, нога — *ойоқ*, а не *озоқ*, печаль — *қайғу*, а не *қазғу* (как в древнетюркском языке). Конечно, все это не значит, что в некоторых корневых словах нынешнего узбекского языка не сохранились общие для всех тюрков древние языковые элементы. Такие слова, бесспорно, встречаются, но они составляют исключение и не могут определять основную черту нынешнего узбекского языка. Главное состоит в том, что почти все корневые слова тюркского языка — чигильского по Махмуду Кашгарскому и уйгурского по С. Е. Малову — принимали при переходе в узбекский язык и на основе его внутренних законов развития качественно определенную устойчивую форму.

Я—6

Эти изменения отразились и в том, что в узбекском языке значительно слабее сила сингармонизма, своеобразно звучание гласных *а* и *о*, *е* и *э*, согласных *в*, *п*, *х*. Как известно, в некоторых тюркских языках Средней Азии эти фонемы произносятся по-разному. В казахском языке *в* произносится как *б*, *х* как *к*, *ф* как *п*, а собственно *в* в казахском языке имеет оттенок *у*. Эти же особенности в некоторой степени присущи и киргизскому языку. Различия между фонетикой узбекского и уйгурского языков ярко выражены в произношении фонем *а*, *о*, *е*. Вообще количество гласных в тюркских языках Средней Азии, не говоря уже о Кавказе и Малой Азии, оказалось разным. Если в большинстве диалектов узбекского языка их шесть, то в других языках их восемь, девять и более.

Эта фонетическая метаморфоза также оказала влияние на изменение формы некоторых корневых слов узбекского языка, которые отличались от корневых слов других тюркских звуков только изменением отдельных звуков.

Сильно отличался узбекский язык от других тюркских языков по своему словарному составу, так как в лексике узбекского языка содержался значительный процент арабских и иранских слов. Наряду с этим происходило и новое словообразование из узбекских корневых слов при помощи арабских и иранских суффиксов и аффиксов. Все это усиливало различия между узбекским и другими тюркскими языками Средней Азии. Так, наряду с вхождением в узбекский язык таких слов, как *одам* (человек), *китоб* (книга), *осмон* (небо), *нон* (хлеб) и т. д., происходило и такое словообразование, когда к отдельным корневым словам прибавлялись таджикские аффиксы — *бад*, *бе* и суффиксы *дор* и т. д. В результате от корня слова *сув* получилось *бесув* (безводный), *сувдор* (с водой) и т. п.

Особенно много слов образовалось от прибавления узбекских суффиксов *чи*, *дош*, *лик*, *ли* к арабским и таджикским словам. В результате выделилась целая группа слов, как *зотли* (знатный), *динли* (правоверный), *ақилли* (умный) и др.[1] Словарный состав узбекского языка обогащался большим количеством синонимов.

[1] *С. Е. Малов.* Указ. соч., стр. 324.

Отдельные предметы и явления обозначались несколькими словами, например, солнце — *қуёш, кун* (по-тюркски) — *офтоб,* а в литературе и *хуршед* (по-таджикски); небо — *кўк* (по-тюркски), *осмон, ҳаво, фалак* (по-таджикски); взамен старого тюркского названия вселенная — *оджун* — получили распространение арабский *олам,* таджикские *дунё* и *жаҳон.* Таким образом, словарный состав узбекского языка начал обогащаться новыми словами путем суффиксации и аффексации старых тюркских слов и путем суффиксации иранских и арабских слов узбекскими суффиксами. Все это показывает, что для развития узбекского языка и обогащения его лексики сложились благоприятные условия.

Эти языковые явления встречаются уже в XIII и XIV веках в отрывках «Хикматлар» Ахмада Яссави, в произведениях Рабгузи, Хайдара Хорезми, Дурбека, Юсуфа Баласугунского. Такое расширение рамок словарного состава узбекского и уйгурского языков наметилось, по-видимому, еще раньше.

Некоторые исследователи на основе отрывков, приведенных Махмудом Кашгарским, утверждают, что в период составления им словаря тюркских языков не существовал тот язык, на котором написали свои произведения указанные выше авторы. Нам кажется, это неправильно. Махмуд Кашгарский составил словарь тюркских языков Семиречья, Восточного Туркестана и верховьев Енисея. Он не говорит о языке населения городов Шаша, Ферганы и долины Зеравшана. Но не будучи отраженным в словаре Махмуда Кашгарского язык этот, несомненно, существовал.

На такую мысль наводит нас также тот факт, что в произведении Юсуфа Баласугунского мы встречаем такие арабские и иранские слова, как: *раият* (народ), *ҳақ* (право), *фазл* (превосходство), *кавокаб* (звезда), *одам* (человек), *китоб* (книга), *илм* (наука), *одил* (справедливость), *панд* (наставление), *сифат* (качество), *савол* (вопрос), *жавоб* (ответ), *шароббдор* (кравчий), *мунозира* (беседа, дискуссия), *дунё* (мир), *тартиб* (порядок), *дўст* (друг) и т. д.[1] Это говорит о том, что расширение рамок словарного состава языка оседлых тюрков, или тюркоязычных сартов, проживавших в южных районах

[1] *С. Е. Малов.* Указ. соч., стр. 224—228.

Семиречья, в областях Шаша, Ферганы и долины Зеравшана, которые мы видим в произведениях вышеуказанных авторов XIII—XIV веков, началось еще раньше.

Таким образом, в XI—XII веках и складывался тот словарный состав узбекского языка, который в основном дошел до наших дней и который отличает узбекский язык от других тюркских языков Средней Азии.

Сложившийся тогда грамматический строй и ныне управляет узбекским языком. Конечно, с течением времени он развивается, его словообразующий и словоизменяющий диапазон расширяется, способы словосочетания совершенствуются, его формы становятся более гибкими и т. д. Но основа всех грамматических норм и фонетики, морфологии и синтаксиса узбекского языка в их первоначальной форме были уже налицо в тот период, что можно выявить, сопоставляя грамматику произведений авторов XIII—XIV веков с нынешней грамматикой узбекского языка. Например, характерные для узбекского языка склонения и спряжения, суффиксы сказуемости, указывающие на время, лицо и число; строение фразы, по которому подлежащее стоит на первом месте, а сказуемое на последнем, предшествование определения определяемому, дополнения дополняемому; агглютинативный способ словообразования (образование слов путем наращивания основ дополнительными формантами — суффиксами); падение ударения на последний слог и переход его, при наращивании слов новыми суффиксами, на последние и другие явления в языке оседлых тюрков (позже названных тюркоязычными сартами) уже в X—XII веках получили достаточную устойчивость. Это можно наблюдать и по фрагментам письменных памятников XIII века.

Некоторые исследователи, исходя из того факта, что черты грамматического строя и фонетики, морфологии и лексики, характерные для нынешнего узбекского языка, отражены в памятниках XIII—XIV веков, утверждают, что узбекский язык как язык народности формировался именно в XIII—XIV веках. На наш взгляд, это неправильно. Язык, прежде чем получить свое отражение в письме, должен существовать в жизни народа. Приурочивание времени сложения языка народности ко времени появления письменности среди его носителей неверно

Письменность среди киргизов, казахов, туркмен, каракалпаков появилась только после Октябрьской революции, тогда как язык этих народностей формировался еще в средние века. Главное в формировании языка народности не в его письменном воплощении, а в выполнении данным языком функции средства общения на всей территории, заселенной данной народностью. Необходимость выполнения такой функции диктуется тем, что народность выступает как более крупный коллектив, внутренне связанный длительной совместной хозяйственной, культурной и духовной жизнью, а возможность выполнения средства общения создается образованием в словаре, фонетике, грамматике данного языка общенародных элементов, которые, выходя из рамок отдельных диалектов и говоров, превалируют над ними.

Если с этой позиции подойти к истории узбекского языка, мы должны будем признать, что его грамматический строй, фонетические особенности, морфологические признаки и словарный состав в X—XII веках не только формировались, но и распространялись на сравнительно широкое пространство. У нас нет данных для характеристики населения отдельных районов по их языку, отражающей положение, существовавшее в X—XII веках, но, по-видимому, к этому времени потомки древних хорезмийцев уже полностью стали тюркоязычными. Об этом свидетельствует и тот факт, что в начале XIII века в Хорезме для Джалалиддина была составлена грамматика тюркского языка[1]. Город Бинкет получил к тому времени название Ташкент (по-узбекски означает Каменный город), появились узбекские (тюркские) названия других городов и кишлаков — Туркестан, Чимкент, Узген и др. В XIII веке в Фергане существовали большие селения и города с тюркским населением, получившим после XVI века название сартов. Язык этих оседлых тюркских жителей имел общенародные элементы, нашедшие отражение в письменных памятниках, созданных в XIII—XVI веках в отдаленных друг от друга районах. «Хихматлар» Ахмада Яссави написаны в городе Яссе (нынешнем Туркестане), книга «Кутадгу билиг» (Наука о

[1] *В. В. Бартольд.* История культурной жизни Туркестана, Л., 1927, стр. 83.

том, как сделаться счастливым) написана в Баласугуне (Семиречье), но распространилась в Ташкенте и Фергане; книга «Хибатул Хакоик» (Подарок истин) Ахмада Югнакского создана в Югнаке (около Самарканда); перевод XVIII главы Корана и комментариев к ней, сделанный в XVIII веке, был обнаружен в городе Карши. Во всех этих письменных памятниках отражены общенародные элементы узбекского языка, связывавшего почти все районы, заселенные оседлыми тюрками или тюркоязычными сартами. Следовательно, в этот период тот язык, который мы назвали узбекским, превалируя над местными диалектами и говорами, действовал как общенародный язык со своим основным словарным фондом, словарным составом, грамматическим строем и фонетическими особенностями.

В дальнейшем этот язык, принимая разные названия, непрерывно развивался. Не подвергаясь дифференциации или ослаблению, он сохранял свои основные черты, сложившиеся в X—XII веках, и все более и более воздействовал на разные диалекты и говоры, став главной линией развития узбекского языка.

Так, на наш взгляд, формировался язык узбекской народности.

Земледелие, основанное на искусственном орошении и обусловленный им оседлый образ жизни, разнообразные кустарные ремесла определяли отличительные черты духовного облика и культуры узбекской народности, особенности его домашнего быта, характер литературы, музыки, архитектуры и изобразительного искусства и лежали в основе формирования общего психического склада узбекской народности.

Завершающим периодом сложения узбекской народности, как указывалось выше, являлось время правления династий Караханидов и Хорезмшахов, когда процесс оседания и превращения в земледельцев основной массы тюркоязычных кочевых скотоводческих племен, начавшийся еще в предыдущие века, с одной стороны, и тюркизация по языку местных оседлых ираноязычных народов, с другой стороны, привели к образованию крупного коллектива людей, который расселился на широком земельном массиве Среднеазиатского междуречья.

В составе нынешнего узбекского народа эта группа узбеков резко выделяется своими расовыми чертами и

этническими особенностями, а равно и по хозяйственно-культурному складу и языку. В ней преобладают европеоидные признаки, а монголоидность выражена слабо. Совершенно исчезли родоплеменные связи и не осталось следов родоплеменных делений. В своей основной массе данная категория узбеков живет в городах и в части крупных кишлаков Ферганской долины, Ташкентского и Хорезмского оазисов, занимаясь орошаемым земледелием, садоводством, виноградарством и ремеслом. Скотоводство для нее совсем не характерно, а язык отличается отсутствием сингармонизма, наличием семи гласных фонем, большой примесью арабских и таджикских слов и развитой письменной речью. Эта группа узбеков до XVI века, в отличие от таджиков или сартов, носила общее название тюрков. После XVI века кочевые узбекские племена назвали их сартами в силу того, что они были оседлыми земледельцами. Целесообразно было бы в интересах научного обозначения назвать эту группу тюркоязычными сартами и при изучении истории формирования и развития таджикской народности выделить группу таджикоязычных сартов в отличие от южных горных таджиков и вообще таджиков, потому что носившие название сартов таджики долинных зон Ферганы и Зеравшана как по образу жизни и быту, так и по своему языку резко отличаются от них.

Прежде чем перейти к характеристике следующих групп узбеков, необходимо остановиться еще на одном важном вопросе. Это вопрос о толковании самого понятия сложения узбеков в народность. Дело в том, что и после XII века продолжалось проникновение кочевых тюркоязычных племен в Среднеазиатское междуречье и их оседание здесь, то есть превращение их в тюркоязычных оседлых земледельцев. Исходя из этого факта, некоторые исследователи превращают период сложения узбеков в народность как бы в некий бесконечный процесс. Действительно, оседание бывших кочевых племен продолжается вплоть до XX века. Мы считаем, однако, что период сложения узбеков в народность со всеми чертами, присущими категории народности, завершается в основном в XII веке. В дальнейшем же происходит процесс экономического и культурного развития узбекской народности и дальнейшего наращивания и насыщения ее этнического состава новыми этническими элементами.

Это двухстороннее развитие узбекской народности было ее особенностью, причиной ее многопластности. Если русская или таджикская народности до сложения их в нацию сохраняли следы прошлого деления на отдельные общины, сплоченные на базе территориальных союзов, а туркмены, казахи и киргизы — на роды и племена, то узбекская народность состояла из трех крупных пластов, отличавшихся друг от друга многими особенностями как в хозяйственно-культурном, так и в этническо-языковом отношениях, причем родоплеменные деления не были характерны для первого из этих трех пластов. Но в конечном итоге основные черты тюркоязычных сартов явились главными в процессе развития узбекской народности.

Таким образом, не претендуя на абсолютную точность хронологических рамок, мы разделяем историю узбекской народности на следующие основные этапы: первый этап — до XI века — период формирования первоначального ядра узбекского народа; второй — XI—XII века — период завершения формирования узбеков в народность; третий этап — период развития узбекской народности и наращивания ее этнического состава, период, продолжавшийся вплоть до XIX века.

Возвратимся теперь ко второй группе узбеков, составляющей целый пласт в составе узбекского народа. Хотя ее наличие и отмечалось многими исследователями еще до революции, однако до сих пор она не имеет признанного всеми названия. Несмотря на то, что входящие в нее племена и роды считались этническими компонентами, вошедшими в состав узбекской народности, их не характеризовали как особый пласт в составе последней. Да и вообще понятие о трех группах, или трех пластах, в составе узбекской народности еще не получило полных гражданских прав. О них говорилось в докладе автора этой книги на заседании ученого совета Института истории и археологии Академии наук УзССР в 1952 году и на многих других научных совещаниях и конференциях. Для удобства мы назовем вторую группу узбеков тюрками Мавераннахра, учитывая, что это название должно носить сугубо условный характер. Прибегая к такому названию, мы принимаем во внимание следующие обстоятельства. Начиная с XIII—XV веков, в Среднеазиатском междуречье часть

населения, еще полностью не осевшая и сочетающая в хозяйственной жизни земледелие со скотоводством, носила название тюрков. Она образовалась частью из еще не осевших тюркских племен, пришедших сюда до X—XII веков, и частью из вновь пришедших кочевых племен и родов, прибывших сюда в результате завоевания Средней Азии монголами. Они отличали себя как от сартов, так и от других тюркоязычных народов (туркмен, киргизов, казахов и других), почему и полагаем целесообразным именовать их тюрками Мавераннахра. Попутно заметим, что авторы книги «Народы Передней Азии» (из серии книг «Народы мира»), говоря об узбеках, проживающих в Афганистане, правильно выделяют в их составе три группы, но тем не менее неудачно называют первую группу чигатайцами[1]. Фактически первая группа соответствует тюркоязычным сартам. Что же касается второй и третьей групп, то авторы книги не дают им каких-либо общих названий, а между тем дать такое название необходимо, ибо без него создается путаница в изучаемом вопросе. Исходя из этого, мы и решили обозначить каждую из этих групп особым названием.

История образования второй группы, или группы тюрков Мавераннахра, в общих чертах такова.

К началу XIII века, то есть ко времени завоевания Средней Азии Чингиз-ханом, не все тюркоязычные скотоводческие племена, проникшие в предыдущие века в Среднюю Азию, успели стать оседлыми земледельцами. Нашествие Чингиз-хана, уничтожившее огромные материальные и культурные богатства, превратившее в руины десятки больших городов и сотни цветущих кишлаков, разрушившее важные оросительные каналы и сооружения,— на значительное время вывело страну из колеи нормального развития. В связи с этим заметно ослаб и замедлился процесс оседания скотоводческих племен и превращения их в земледельцев. К тому же в XIII и XIV веках шла новая волна скотоводческих племен из Центральной Азии на юг и запад (в Среднюю Азию и Дешт-и-кипчак).

Как известно, Средняя Азия после завоевания более ста лет считалась частью улуса Чигатая (Чагатая). В это время происходило непрерывное переселение сюда новых

[1] Народы Передней Азии, М., 1957, стр. 154—156.

кочевых скотоводческих племен из Центральной Азии. Большей частью они являлись тюркоязычными, но были среди них и монгольские племена. В этот период в Средней Азии появились барласы, моголы, калтаты, кенегесы, чинасы, баяуты, дальверзины и другие, о многих из которых говорит Рашид-ад-дин. Они расселялись в долинных и степных зонах Шаша, Ферганы, Зеравшана, Кашка-Дарьи, Сурхан-Дарьи, Гиссара и по левому берегу среднего течения Аму-Дарьи. В первый период они занимались скотоводством и вели кочевой образ жизни. Однако с течением времени часть их стала оседать и переходить к земледелию. Причины оседания были теми же, что и при оседании кочевых племен в предыдущие века. Сезонный характер пастбищ, их ограниченность все более и более затрудняли ведение скотоводства, а высокая производительность орошаемого земледелия более надежно обеспечивала существование производителей материальных благ. Оседание кочевников и переход их к земледелию и на этот раз началось в первую очередь среди бедняков, ибо богатые скотоводы, захватывая в свои руки хорошие пастбища и имея значительное количество скота, продолжали вести кочевой образ жизни.

Процесс оседания на землю усилился при Тимуре и тимуридах. В результате увеличения земельных пожалований в форме суюргала крупные родовые аристократы стали превращаться в землевладельцев. Таким образом шел как бы второй тур оседания кочевников и перехода скотоводов к земледелию. В тех районах, где такие племена оказались в окружении оседлых кишлаков и составляли меньшую группу, процесс оседания шел наиболее интенсивно.

Вместе с новыми переселенцами переходили к оседлости и остатки кочевых племен, проникших сюда до монгольского завоевания.

Некоторые из них вплоть до наших дней сохранили свое племенное название, предания предков об их происхождении и переселении в Среднюю Азию и Казахстан. Отдельные же племена и роды давно растворились в составе окружающего населения, сохранив свои имена лишь в названиях местностей, где они жили.

До начала XX века из племен этой группы сохранились, как более или менее компактное население определенных районов, карлуки, моголы, барласы, тюрки, кал-

та-таи, муса-базари. Однако количество переселившихся в Среднеазиатское междуречье племен и родов в свое время было значительно больше. Некоторые из них, оставив свое имя в топонимике отдельных районов, смешались с соседями или переселялись на новые места. В Узбекистане встречаются такие названия селений, как Дурмен (во многих районах, в частности к северу от города Ташкента), Баяут (район в Ташкентской области), Чиназ (большое селение в Ташкентской области и районный центр под тем же названием), Каучинон (большое селение в Самаркандском районе), Бачкир (недалеко от Коканда) и т. д. Население этих пунктов не составляет ныне однородную массу, оно давно потеряло свои родоплеменные связи и в некоторых случаях не сохранило даже никакой связи с названием пунктов, в которых оно живет. Можно лишь предполагать, что в данных пунктах когда-то обитали те или иные роды и племена, переселившиеся сюда в период хорезмшахов, чигатаев, Тимура и тимуридов. На такую мысль наводит тот факт, что если бы роды — носители этих имен — жили здесь позже, они не исчезли бы бесследно; с другой стороны, о вхождении многих из этих племен в состав улусов Чингиза и его сыновей сообщает Рашид-ад-дин[1].

В период завоевания Средней Азии Шейбани-ханом, многие из этих племен и родов были вытеснены со своих насиженных мест в предгорные и горные полосы, а некоторые смешались с окружающим населением. В связи с этим исчезли их следы, но остались имена.

Вытесненные племена попали в районы, большей частью неблагоприятные для развития земледелия, и поэтому оставались полускотоводами и полуземледельцами, занимаясь экстенсивным богарным земледелием. Вследствие этого законсервировались патриархально-родовые отношения, существовавшие в XV—XVI веках и сохранившиеся здесь до начала XX века.

В конце XIX века на территории Средней Азии тюрки жили компактными массами в следующих районах: основная масса собственно тюрков располагалась в верховьях и долине Ханака-Дарьи, в верховьях Кафирнигана, долине реки Кызил-су, долине реки Ях-су и ее притоков, долине Каратаг-Дарьи и в верховьях и среднем течении Сурхан-Дарьи, недалеко от Бухары по реке Шахруд, в предгорьях и на склонах Самаркандских гор[1]. Значительная масса их находилась также в нынешнем Мархаматском районе Андижанской области и Араванском районе Ошской области. По сообщению М. Ф. Гаврилова, тюрки жили и в районе Ура-Тюбе[2]. Тюрки встречаются и в районах, прилегающих к Уря-Дарье и Кичик-Уря-Дарье в долине Кашка-Дарьи и в горах по течению Ширабад-Дарьи.

Значительную массу в составе тюрков Мавераннахра составляют карлуки. Необходимо указать, что в данном случае речь идет не о тех карлуках, которые вошли в состав первоначального ядра узбекской народности вместе с чигилами, аргу и потомками хорезмийцев, согдийцев и других, а о тех, которые, бесспорно, были потомками древних карлуков, но проникли сюда позднее и осели более или менее значительными массами в некоторых районах, приняв участие в образовании уже второго пласта в составе узбекской народности. Эти карлуки проживали в районе Сурхан-Дарьи и поймы Каратаг-Дарьи, в долинах Кафирнигана, Вахша, верховьях Яван-су, в районе между Вахшем и Кызил-су, в Кулябской долине и по правому берегу Пянджа[3]. Кроме того, карлуки жили в районе низовьев Кашка-Дарьи (в Касане) и низовьях Зеравшана (по арыку Шахруд, около селения Багоутдин).

Барласы обитали в долине Каратаг-Дарьи, в некоторых местностях долины Сурхан-Дарьи, в верховьях Кашка-Дарьи и вокруг Шахрисябза[4]. Кроме того, барласы жили в Зеравшанской долине в бывших волостях Каратепа, Магианофараб, Пянджикент Самаркандского уезда[5]. Они встречались также в Нуратинских и Мальгузарских горах, в предгорьях Туркестанского хребта[6].

---

[1] *Рашид-ад-дин.* Сборник летописей, т. I, М.— Л., 1952, стр. 135, 175, 183.

[1] Материалы по районированию Узбекистана, кн. I, ч. 1, Ташкент, 1926, стр. 200.

[2] Труды САГУ, серия II, вып. 2, Ташкент, 1929, стр. 8.

[3] Материалы по районированию.., стр. 210.

[4] Там же, стр. 200.

[5] Материалы Всероссийской переписи 1920 г. Перепись населения Туркестанской республики, ч. I, вып. V, Ташкент, 1924, таблица 32, стр. 41.

[6] Материалы Всероссийской переписи .., стр. 37.

Калта-таи, относящиеся к этой же группе узбеков, жили в верховьях и среднем течении Сурхан-Дарьи[1], на склонах Нуратинских и Мальгузарских гор и в предгорьях Туркестанского хребта[2], в Китабском районе долины Кашка-Дарьи.

Муса-базари расселялись в Гиссарской долине и на северных склонах Гиссарского хребта (в бассейне Ханака-Дарьи и Каратаг-Дарьи), в верховьях Кашка-Дарьи в районе кишлаков Фараб, Денау, Сумсар (ныне входящих в Пянджикентский район) и ниже их в районе Мираки.

Еще одной из групп тюрков Мавераннахра, сохранивших свою компактность, были моголы, которые количественно хотя и были незначительными, но жили обособленно на правом берегу Пянджа у Чубека[3] и в долине реки Джилга; их кишлаки были разбросаны в Гиссарской долине и в других местностях Южного Таджикистана. В своей большей части моголы обосновались в Северном Афганистане.

Таким путем образовалась вторая группа или второй пласт в составе узбекского народа. Хотя роды и племена, входившие в эту группу, расселялись по очень обширной территории, причем не сплошным массивом, а в узких предгорных и горных районах (начиная от гор Ферганской долины, через горы, окружающие Зеравшанскую, Кашкадарьинскую, Сурхандарьинскую и Гиссарскую долины, до Северного Афганистана), общий уровень развития их хозяйства и культуры, отношение их к сартам и к кочевым узбекским племенам были примерно одинаковы. В их хозяйстве скотоводство сочеталось с богарным земледелием, садоводством, виноградарством и переработкой шерсти и кожи. Значительная часть их занималась разведением мелких домашних животных (овец и коз) и коневодством. Кочевали они в летнее время по близлежащим горным пастбищам, вели полуоседлый образ жизни, возвращаясь зимой в свои кишлаки.

В культурном отношении тюрки стояли ниже сартов. В некоторых местностях отдельные племена, входившие в эту группу, стали таджикоязычными[4]. Объясняется это, очевидно, тем, что они оказались в окружении таджиков, которые также были вытеснены в горные и предгорные районы кочевыми узбеками. Эта группа со многими особенностями хозяйства, культуры, быта и языка обособленно существовала как один из пластов в составе узбекского народа вплоть до XX века.

[1] Материалы по районированию Узбекистана, кн. I, ч. 1, Ташкент, 1926 , стр. 37.
[2] Материалы Всероссийской переписи 1920 г. Перепись населения Туркестанской республики, ч. I, вып. V, Ташкент, 1924.
[3] Материалы по районированию..., стр. 222.
[4] Материалы по районированию.., стр. 231—233.

Последняя, третья группа узбеков, образовалась в итоге значительного наплыва тюркоязычных скотоводческих племен и родов из Дешт-и-кипчака в Среднюю Азию (конец XV—начало XVI в.). В этот период в Средней Азии сложилась такая политическая и экономическая обстановка, что узбекские племена без особого труда завоевали Среднюю Азию. Главой узбеков-кочевников Шейбани-ханом были разбиты последние представители династии Тимуридов: правитель Ферганы — Захиритдин Бабур и правитель Хоросана — Хусейн Байкара. Завоевания Шейбани-хана привели к новому наплыву в Среднюю Азию тюркоязычных племен и родов (под общим названием узбеков).

Первоначальное значение слова «узбек» окончательно не выяснено. Смысл его: «сам бек» (узи бек). Но было ли это название племени или чье-либо собственное имя— неизвестно, хотя в Джизакском районе и существует большое селение под названием «Узбек кишлак», население которого считает себя выходцами из рода узбеков. В письменных источниках слово «узбек» впервые встречается у Рашид-ад-дина в качестве имени одного из военачальников Джалалиддина. Рашид-ад-дин рассказывает, что Джалалиддин послал в Северную Индию против правителя Синда по имени Кубаче Узбек-тая с семью тысячами войск, который и разбил Кубаче[1]. После этого слово «узбек» встречается как имя одного из золотоордынских властителей в лице Узбек-хана (1312—1342). Алишер Навои в «Садди Искандер» (Александрова стена) толкует слово «узбек» как название рода или племени. Говоря о войске Дария перед боем, он указывает, что в составе его были «узбеки» и «калмыки», «кунграты» и «мангиты»[2]. Современник Навои Мухаммед Салых также придает слову «узбек» смысл названия племени

[1] *Рашид-ад-дин.* Сборник летописей, т. I, кн. 2, М.—Л., 1952, стр. 288.
[2] Антология узбекской поэзии, М., 1950, стр. 147.

или рода. Все войска Шейбани-хана получили в среде народов Средней Азии прозвище узбеков. В «Убайдулла намэ» слово «узбек» имеет значение отряда всадников.

Независимо от первоначального значения слова «узбек» можно утверждать, что в период завоевания Шейбани-ханом Средней Азии слово «узбек» было собирательным названием всех племен и родов (а также войск), объединившихся под водительством Абдулхайр-хана и его внука Шейбани-хана. Возможно, это имя было дано по названию главной силы или главного отряда, или же ведущего рода среди всех отрядов или родов, переселившихся в этот период в Среднюю Азию. Следует подчеркнуть, что в период переселения в Среднюю Азию новых кочевых тюркоязычных племен, объединяемых под названием узбеков, процесс народообразования среди них еще не завершился и вся эта масса кочевников не представляла собой единой народности. Войска и население государства Абдулхайра и Шейбани-хана представляли конгломерат тюркоязычных племен и родов, находившихся в стадии феодализации социально-экономической жизни и объединенных в государства варварского типа. В исторических документах узбеки фигурируют не как единый народ: по исторической традиции упоминаются главным образом 92 рода, в число которых входят не только племена и роды, переселившиеся в Мавераннахр, но и племена и роды, входившие в состав татарского, башкирского, казахского, киргизского и каракалпакского народов. Среди приведенных родовых названий отсутствуют наименования древних тюркоязычных племен и народностей (чигили, ягмо, усуни, тухси, халачи и др.), переселившихся в Среднюю Азию до монгольского завоевания, и встречаются названия племен (карлуки, кангли, каучин, кипчаки и туркмены), которые, по-видимому, переселялись сюда не только до X—XII веков, но и позже.

Вообще же этот перечень охватывает племена, переселившиеся до завоевания и в период завоевания Мавераннахра Шейбани-ханом, не только на территорию Узбекистана, но и в Семиречье и Среднюю Азию. Такие племена, как найманы, проникли, например, в Среднюю Азию еще до Чингиз-хана в результате вытеснения их монголами из Центральной Азии. Барласы, кенегесы и

джалаиры переселились сюда в период монгольского господства, а основная масса узбекских племен, известных по источникам XVI—XIX веков, пришла в период завоевания Мавераннахра Шейбани-ханом. Многие из них вошли не только в состав нынешнего узбекского народа, но и казахского, киргизского и каракалпакского народов.

Некоторые из упоминающихся в перечне узбекских племен обитают в нескольких местностях нынешнего Узбекистана. Это показывает, что до оседания они значительное время вели даже в самом Узбекистане кочевой образ жизни или переселялись сюда в несколько очередей: при господстве чингизидов — из Семиречья, а при Шейбани-хане — из Дешт-и-кипчака.

Многие из этих племен и их подразделений одновременно вошли в состав нескольких народностей Средней Азии, Семиречья и Приволжья. Например, ногаи, являясь основной массой в составе нынешних татар, приняли участие в образовании казахского и башкирского народов. Татары живут и в окрестностях Бухары. Есть племя татар ногай в некоторых районах Казахстана и Узбекистана. До сих пор в Андижанском районе сохранилось название селения Бачкир, что, вероятно, является древним названием племени Бачкир (Бошкирд). Это уже очень отдаленная связь. Что касается узбеков, казахов, каракалпаков и киргизов, то здесь обнаружение родственной связи не представляет никакой трудности.

Кунграты (кунграды) живут в долине Сурхан-Дарьи, Кашка-Дарьи (Узбекистан), называя себя узбеками, в районе Караганды (Казахстан), называя себя казахами, в низовьях Аму-Дарьи (в нынешнем районе Кунграда Каракалпакской АССР), называя себя каракалпаками. Пожилые кунграды — колхозники Термезского района Сурхандарьинской области — сообщили автору в беседе с ним, что кунграды из Караганды приходятся им дедами, что их деды и отцы имели связь с ними и иногда бывали в Караганде.

Найманы живут в долине Кашка-Дарьи, вокруг Самарканда, в Кокандском районе (Узбекистан), в Казахстане, Киргизии и Каракалпакии. Кангли, мангиты и кенегесы вошли в состав узбеков, казахов, киргизов и каракалпаков. Катаганы живут во многих районах Узбекистана и в Северном Афганистане, называя себя узбека-

ми. В районе Чулпан-Ата на северном берегу Иссык-Куля катаганы числятся киргизами.

Дурмены живут во многих местах Узбекистана как узбеки, а дурмены, живущие недалеко от Джусалы, в местечке Дурмен-Тепе,— именуются казахами.

Излишне перечислять все роды и племена, постепенно вошедшие в состав нескольких народов Средней Азии. Почти все они в разной степени вошли в состав нынешнего узбекского, казахского, киргизского, каракалпакского, татарского и башкирского народов.

Эти факты мы приводим для того, чтобы показать незавершенность процесса народообразования среди тюркоязычных племен, названных общим именем «узбеки», в момент их объединения и продвижения в Мавераннахр под главенством Абдулхайра и Шейбани-хана. В силу этого в период продвижения на юго-восток они распались на отдельные части, осели в разных районах не только целыми родами и племенами, но и частями племен и родов, отдельными коленами.

Приведенные данные являются лишним доказательством необоснованности утверждения некоторых дореволюционных востоковедов, что узбеки-кочевники были особой народностью в отличие от казахов, киргизов и сартов. На самом деле, это были отдельные, еще несложившиеся в народность племена, которые вошли в состав указанных выше народностей, как одно из слагаемых. В составе же узбекской народности они были последним пластом или третьей группой. Распространившееся название этой группы («узбеки»), как мы видели выше, было условным. Эту группу мы называем кочевыми узбеками, чтобы различить их как от тюркоязычных сартов, так и от тюрков Мавераннахра, что необходимо, ибо вплоть до революции они, хотя и развивались по пути становления оседлого земледелия, но в производственной и культурной жизни, в быту и духовном облике сохраняли еще много самобытных черт кочевников.

По материалам районирования Средней Азии[1] отдельные группы кочевых узбеков к XX веку проживали в следующих районах: мангиты главной своей массой осели

[1] Материалы по районированию Средней Азии. Кн. I. Территория и население Бухары и Хорезма: ч. I. Бухара, Ташкент, 1926, стр. 185—229; ч. II. Хорезм, Ташкент, 1926, стр. 96—101.

в Зеравшанской долине, частично в Хивинском ханстве и отдельных местах Бухарского эмирата. В Зеравшанской долине они жили компактными группами вокруг Бухары, в районах Самарканда и Каттакургана, в Хивинском ханстве располагались в районе между Гурленом и Мангитом. Кроме того, они расселились в Каршинском оазисе и на левом берегу Аму-Дарьи, недалеко от Чарджуя. Мангиты также встречались мелкими группами среди другого населения этих же районов. Каждая из групп мангитов разделялась на множество родов. Часто названия этих родов у отдельных групп повторялись, что еще и еще раз свидетельствует о том, что такие подразделения существовали до их расселения по этим районам.

Не менее крупную массу составляли кунграты, расположившиеся в Хивинском ханстве, в бассейнах Кашка-Дарьи и Сурхан-Дарьи, частично в других районах Бухарского эмирата, а также в среднем течении Зеравшана. В Хивинском ханстве они жили в Хивинском оазисе и в дельте Аму-Дарьи. Самая крупная масса их расселялась в бассейнах Кашка-Дарьи и Сурхан-Дарьи. Они обитали на территории нынешнего Камашинского, Яккабагского, Гузарского, Дехканабадского, Кокбулакского районов Кашка-Дарьи, а также в долине Сурхан-Дарьи, Каратаг-Дарьи и Ширабад-Дарьи. Здесь они составляли основную массу населения и жили сплошным массивом. Отдельными изолированными, но компактными группами они встречались также в районах Джизака, Каттакургана, Самарканда, Бухары и Каракульского оазиса.

Более или менее значительной группой кочевых узбеков были найманы. Основная масса их закрепилась в Зеравшанской долине, в районах Джизака, Каттакургана, Самарканда, а также Бухарского и Кермининского оазисов. Незначительная часть жила в Хивинском оазисе и в Ферганской долине.

Племя сарай также закрепилось в районах Бухары, Кермине, Гиждувана, Каттакургана, Самарканда и Джизака, в Зеравшанской долине, оазисах Карши и Шахрисябза, Кашкадарьинской долине.

Другой значительной группой были кенегесы. Своей главной массой они закрепились в Шахрисябзском, Бухарском и Кермининском оазисах. В районе Денау,

Сурхан-Дарьи и в Хорезме встречаются только отдельные группы кенегесов.

В районах бассейна рек Кафирнигана, Вахша и Кызил-су компактным массивом рассеялись локайцы.

Катаганы в прошлом рассеялись на довольно широкой территории — в Ферганской долине в районах между Наманганом и Кокандом, восточнее города Ходжента. Но здесь они жили отдельными мелкими селениями. Основная масса их компактным массивом закрепилась на восточных склонах Кухитангских гор, в бассейне Ширабад-Дарьи, на правом берегу Сурхан-Дарьи, в низовьях Вахша, на правом берегу Пянджа и в долине Ях-су. Они проживали также в бассейне Кашка-Дарьи и в низовьях Зеравшана, в районах Бухары и Кермине. Значительная масса катаганов поселилась в Афганском Туркестане.

В прошлом большую массу кочевых узбеков составляли кипчаки. Они закрепились в районах между Самаркандом и Каттакурганом, на правом берегу Аму-Дарьи, на северо-восточной и северо-западной окраине Ферганы. Отдельные незначительные группы кипчаков встречаются в Бухарском, Кермининском и Хивинском оазисах.

Племя китай своей главной массой расселилось в районе между Каттакурганом и Самаркандом, по рекам Ак-Дарья и Кара-Дарья, в Бухарском, Кермининском, Каршинском оазисах, а также в Хорезме.

Значительную массу составляли так называемые кураминцы, которые закрепились в бассейне Ангрена Ташкентского оазиса и в районе между Андижаном и Наманганом.

Кроме этих, более или менее крупных и закрепившихся на больших земельных массивах групп, в разных районах жили мелкими группами племена кырки, юзы, кутчи, туякли, каучины, джалаир, канглы, дурмен и юрчи, чимбай, митан и другие, названия которых встречаются среди 92 узбекских родов. Зачастую они уже ассимилировались с местным населением, сохранив свое имя только в топонимике.

Кочевые узбеки, вытесняя тюрков Мавераннахра в горные и предгорные полосы и занимая их место в долинной и степной полосе, значительное время еще занимались скотоводством и вели кочевой образ жизни. С некоторым своеобразием здесь повторилось то, что происходило в Средней Азии после завоевания ее Чингиз-ханом. Хотя

и в меньшей степени, но все же война снова принесла народам Средней Азии немало бедствий, разрушений и человеческих жертв. Феодализирующаяся узбекская родовая аристократия захватила лучшие земли и превратила немало плодородных полей в пастбища.

Однако и на этот раз среди бедноты вскоре началось оседание на землю и переход к земледелию. Шел процесс сближения узбекских скотоводов с оседлыми земледельцами как по линии хозяйственной деятельности, так и по линии культуры и быта, хотя эта группа узбеков в культурном отношении была более отсталой в сравнении с двумя другими группами узбеков.

Такова примерная картина «наращивания» этнического состава узбекской народности.

3. Культурно-экономическое развитие узбекской народности и ее этнический облик в XIX веке

Выше мы уже говорили, что история узбекской народности сложилась так, что в течение почти тысячи лет она не могла подняться на стадию национальной общности. Имея многовековую историю и достигнув крупных успехов в развитии экономики и культуры на отдельных этапах своей истории, узбеки оказались в силу объективных условий не в состоянии закрепить их и развивать дальше. Владея высокопроизводительной отраслью земледелия и разносторонне развитым ремеслом, они, несмотря на усилия широких народных масс, не смогли выйти за пределы мелкого, рутинного хозяйства на селе и в городе. Все это было результатом того, что основанное на искусственном орошении земледелие не находило благоприятных условий для своего развития, ибо внутренняя феодальная раздробленность и междоусобицы затрудняли нормальное развитие искусственного орошения, а губительные и разорительные нашествия и завоевания уничтожали огромные материально-культурные ценности, накопленные трудом многих поколений, и уносили сотни и тысячи жизней, превращая цветущие оазисы в безлюдные пустыни.

В силу сказанного узбекский народ даже в XIX веке еще сохранял следы этнической многопластности и значительные различия в уровне развития культуры и быта отдельных районов. Общая линия экономиче-

ского, культурного и духовного развития всех трех этнических пластов узбекского народа была едина, но различие между ними, хотя и шло по пути стирания, все же еще давало знать о себе.

Для того, чтобы определить степень стирания этих различий, рассмотрим развитие и состояние каждого из этнических пластов в отдельности, насколько это позволят сделать имеющиеся на сегодняшний день в науке данные и материалы.

Начнем с тюркоязычных сартов. В XIX веке все население городов нынешнего Узбекистана и Южного Казахстана называлось сартами. Кроме того, значительная часть населения Ферганской долины и население некоторых древних земледельческих кишлаков Сайрама, Икана, Чиназа, Пскента, Джизака, Каттакургана, Шахрисябза и других, также называлась сартами, хотя налицо были различия в языке. Сартами назывались и тюркоязычное население города Туркестана, селения Джизака и таджикоязычное население Канибадама и Ходжента (ныне Ленинабад). Следовательно, под сартами подразумевались и узбеки, и таджики этих районов. Основная масса тюркоязычных сартов размещалась в виде островков в городах нынешней Южно-Казахстанской области (Туркестан, Аулие-Ата, Чимкент, Сайрам) и сплошным массивом в городах и крупных селениях Ташкентского оазиса и Ферганской долины, в некоторых селениях и городах Зеравшанской, Кашкадарьинской, Сурхандарьинской долин и Хорезмского оазиса.

Тюркоязычные и таджикоязычные сарты отличались от окружающих их тюрков Мавераннахра и кочевых узбеков, а также от казахов, киргизов, туркмен и таджиков южных районов Таджикистана оседлым образом жизни, земледелием, основанным на искусственном орошении, высокоразвитым городским ремеслом.

Земледелие и разнообразные городские ремесла, как основные и преобладающие отрасли производства сартов, прочно закрепили их на определенной территории. Они были в этом смысле самым «неподвижным» народом Средней Азии. Искусственное орошение исключало необходимость перекочевок, обеспечивая поля водой, а население урожаем. Как известно, отдельные города и крупные селения сартов существовали веками. Даже

после разрушения некоторых из них в результате феодальных войн или внешних нашествий новые кишлаки и города появлялись на месте старых с тем же названием. Населенные пункты сартов отличались благоустройством, озеленением, крупными для того времени рынками, садами, виноградниками, высокоурожайными полями. Животноводство, как специальная отрасль хозяйства, не было для них характерным. Домашние животные являлись или рабочим скотом в земледелии, или продуктивным — внутри каждого хозяйства.

Земледелие, основанное на искусственном орошении, и городские ремесла стояли значительно выше, чем богарное земледелие и полукочевое скотоводство с их ремеслами. Хозяйственная деятельность сартов требовала значительного роста производительности труда, совершенствования орудий производства, высокой квалификации работника. Все это содействовало культурному росту сартов, развитию письменной литературы и грамотности, искусства градостроения, строительства водных сооружений и т. д. Таким образом, тюркоязычные сарты являлись не только древнейшим пластом в составе узбекского народа, но и представляли собой самую развитую его часть.

Основными земледельческими культурами во всех районах расселения сартов были местные сорта хлопка (гуза), озимая пшеница, люцерна, джугара, кукуруза, маш, рис, бахчевые. Строгой специализации отдельных районов не было. Почти всюду, кроме северной части, сарты в интересах развития шелководства занимались также червокормлением. Было распространено садоводство и виноградарство. Однако по производству фруктов северные районы (как Ташкентский оазис) отличались от более южных. Если урюк, яблони, виноград, персики, айва, груши и т. п. произрастали во всем крае, то гранат, инжир, миндаль выращивали в более теплых и защищенных горами районах — Ферганской и Зеравшанской долинах.

Сарты, особенно городские, были искусными ремесленниками. Основные отрасли ремесла были примерно всюду одинаковыми: выделывались кожи, варились мыло и свечи, производились кустарные бумажные и шелковые ткани, кожаные ичиги, кауши, сапоги, медная и гончарная посуда, чугунные котлы, деревянные

ложки, сандалы, чархи (прялки), люльки, омачи (соха), железные кетмени, лопаты, серпы и т. п. Многие из последних, в зависимости от местных условий, имели локальные особенности. Например, кетмени в каждом районе имели разные формы и вес. Между отдельными районами заселения сартов не был развит обмен основными видами предметов первой необходимости и орудий труда. Испокон веков поливные земледельческие районы Средней Азии по существу распадались на ряд микроэкономических районов, формировавшихся или вокруг отдельных городов или вокруг более или менее крупных селений, где существовали базары. Население ближайших кишлаков на этих базарах реализовало продукты и приобретало необходимые ремесленные изделия.

Центрами таких микроэкономических районов были города Ташкент, Чимкент, Туркестан, Коканд, Андижан, Наманган, Маргелан, Ош, Ходжент, Самарканд, Бухара, Ургенч и другие, а также селения Пскент, Чиназ, Ура-Тюбе, Канибадам, Шаарихан, Ассаке, Каттакурган, Джизак и др. Рынки этих населенных пунктов обслуживали также кочевое и полукочевое население окружающих районов, которое реализовало на них свои изделия: кошмы, ковры, шерстяные ткани, а равно скот, богарную пшеницу и т. д. Только в Ферганской долине в начале XX века было 78 рынков[1]. Вся Ферганская долина в прошлом распадалась примерно на столько же микроэкономических районов.

Некоторые отрасли городского ремесла в отдельных районах достигали высокого совершенства. Это относится больше всего к производству предметов роскоши. Производством разных ювелирных изделий и искусством золотошвеев славились мастера Бухары. Маргелан был знаменит своими шелковыми изделиями, в особенности атласом. Производством хороших и изящных гончарных изделий и ножей известны были мастера Риштана и т. д. Подобные кустарные изделия, так же как плоды садоводства — самаркандский кишмиш, наманганский гранат, ходжентский урюк, имели распространение во всех районах. Что касается предметов первой необходимости, то они за пределами микрорайонов расходились главным образом только среди кочевого и полукочевого населения.

[1] *С. И. Гулишамбаров.* Экономический обзор Туркестанского района, обслуживаемого Среднеазиатской железной дорогой, ч. I, Асхабад, 1913, стр. 94.

Такие фактически оторванные друг от друга мелкие экономические районы, существовали веками. Имея очень слабую связь между собой, они вели более широкую торговлю с жителями степей, предгорных и горных полос.

Издавна среди сартов существовали товарные отношения, однако внутри районов заселения самих сартов торговля носила замкнутый характер. Здесь было очень много базаров, но все они были местными, почти изолированными друг от друга. Микрорайоны фактически были однотипны, а имеющаяся очень слабая специализация их порождалась не развитием территориального разделения труда, вызываемого ростом товарно-денежных отношений, а прежде всего естественными условиями каждого района. Что касается специализации отдельных районов по производству некоторых предметов роскоши, то она не могла разрушить устои замкнутости микроэкономических районов, хотя и существовала веками, ибо доля этих предметов в общем обороте была мизерной. Таковы в нашем понимании отличительные черты производственной и торговой деятельности сартов вообще, туркоязычных в частности.

Особенность производственной деятельности сартов определяла характер их культурного облика, общественного и домашнего быта. Постоянным их местом жительства были города и кишлаки, где они занимались ремеслами и земледелием. Многие городские земледельцы зимой занимались ремеслом — ткачеством. Однако основная масса кустарей была занята более сложным ремеслом и не занималась земледелием. Если городские земледельцы на летнее время выезжали за город на свои поля, то ремесленники обитали в городе в течение всего года.

Города сартов обычно были защищены крепостными стенами, за которыми располагались не только дома, но и сады, виноградники и даже посевные площади, отличались многолюдием и распадались на несколько частей. Основными административно-территориальными

единицами были махалля — своеобразные территориально соседские общины, объединенные вокруг мечетей.

Каждая махалля имела своих старост, следивших за исправным внесением в казну разных налогов и сборов, за ремонтом мостов и дорог, доводивших распоряжения властей до населения и т. д. Жители махалля не являлись кровными родственниками. Зачастую отдельные махалля специализировалась на производстве какого-либо кустарного изделия, в связи с чем они получили наименования от профессии своих жителей, например, махалля котельщиков, махалля плотников, кузнецов и т. д.

Среди населения городов существовал значительный слой мелких и отчасти более крупных торговцев, имевших лавки и выступавших в качестве посредников между ремесленниками, кочевниками и полукочевниками. Многие ремесленники — медники, кузнецы, столяры, сапожники, ювелиры и другие — организовывали свои мастерские прямо на рынках и здесь же не только производили, но и продавали изделия. Мастерские же ремесленников-ткачей в основном находились при домах, очевидно потому, что многими подготовительными операциями занимались женщины. Некоторые отрасли ремесленного производства были женскими профессиями, например, прядение, шитье тюбетеек, поясных платков и верхних мужских халатов. Специальных портных по шитью нижней и женской одежды не существовало. Простота их покроя позволяла шить одежду во всех семьях. Женщины в крестьянских семьях, кроме сбора урожая, другими видами земледельческого труда не занимались.

В отличие от городов кишлаки были мелкими селениями и чаще всего не ограждались крепостными стенами. В центре кишлаков обычно располагалась их жилая часть, состоявшая из дворов с садами и виноградниками, обнесенными дувалом (глинобитной стеной). Вокруг жилого центра располагались поля без дувалов. Каждый кишлак имел свою мечеть, а иногда и несколько. В более крупных кишлаках функционировали базары, игравшие роль центров микроэкономических районов, с лавками мелких торговцев. Небольшие кишлаки не имели своих базаров и тяготели к близлежащим городам или крупным кишлакам.

Население кишлаков в основном составляли земледельцы с небольшим количеством ремесленников: в мелких кишлаках ремесленники почти отсутствовали. Как и города, кишлаки были не кровнородственными, а соседскими общинами, подобно махалля в городе.

Города и кишлаки сохраняли средневековые черты вплоть до XIX века.

Оседлый образ жизни, развитое искусство градостроения способствовали созданию у сартов самобытной архитектуры. Жилища сартов состояли в комплексе из внутреннего двора, окруженного жилыми домами, хозяйственными постройками (сараями для домашнего скота, амбарами для хранения провизии), и из наружного двора с гостиной, и были ограждены высоким глинобитным или каркасным забором. Жилища строились прямоугольной формы с каркасными стенами, плоской крышей без чердака, с земляным полом. Обычно они имели две двери—одну для входа и другую вместо окна. Продолжением жилого дома были айваны, куда обычно выходила дверь. Наряду с жилыми домами мастера-сарты как тюркоязычные, так и таджикоязычные строили большие общественные здания — мечети, мазары и дворцы. Остатки многих таких общественных зданий еще сохранились в Самарканде, Бухаре, Хиве и Ташкенте. Например, ансамбль Шах-и-Зинда, мавзолей Гур-и-Мир и Регистан в Самарканде, множество мечетей, медресе и дворцов в Бухаре и Хиве.

С архитектурой были тесно связаны стенная роспись, резьба по ганчу и дереву, которыми украшались не только большие и общественные здания, но и жилые дома богатых горожан.

Строительство на протяжении веков оросительных сетей и магистральных каналов выработало у сартов особое умение, навыки и вызвало необходимость создания целого комплекса орудий производства и инструментов. Некоторые каналы и водные сооружения, построенные некогда сартами, и поныне орошают хлопковые поля, сады и виноградники. Например, каналы Калькауз в Ташкенте и Занг в Термезе. Остатки некогда разрушенных сооружений до сих пор поражают своими масштабами и сложной архитектурой, как, например, акведук в районе нынешнего Шурчи в Сурхандарьинской области, называемый местными жителями мостом Искандера (Александра Македонского).

Высоко было развито у сартов своеобразное искусство чеканки по металлу, ювелирное и гончарное дело. Мастера-сарты известны были также золотошвейным, шелкоткацким, ситценабивным искусством. Женщины-мастерицы достигли высокого совершенства в искусстве вышивки прекрасных сюзане, поясных платков, разнообразных тюбетеек и т. д. Эти образцы материальной культуры сартов и сейчас по праву занимают большое место в национальной культуре современного узбекского народа.

Одной из отраслей духовной культуры народа является художественная литература. Мотивами устной народной литературы сартов были, как и у всех народов Средней Азии, героические поэмы о деяниях справедливых богатырей и царей. Существовало много пословиц, поговорок и кратких нравоучительных сказок под названием «латифа», направленных против лжецов, нечестных людей, лодырей и алчных баев, ростовщиков и взяточников.

Возникновение узбекской письменной литературы значительно отличается от таджикской литературы. Таджикская письменная литература возникла, когда ислам еще не проник во все поры народной жизни, поэтому она явилась непосредственным развитием устной народной литературы, созданной задолго до распространения ислама. Первое крупное художественное произведение таджикской письменной литературы «Шахнаме» было создано на основе мотивов устной народной литературы и реалистические мотивы звучали в ней с первых же дней возникновения. Кроме «Шахнаме» Фирдоуси, реалистические мотивы преобладают в произведениях Рудаки, Саади и др.

Узбекская письменная литература возникла в период господства идеологии ислама, прославившейся своей нетерпимостью ко всякому свободомыслию, подчинившей себе духовную жизнь народа. Поэтому первые письменные произведения на узбекском языке были проникнуты религиозными мотивами и темами. Таковы, например, «Хикматлар» Ахмада Яссави и его учеников, «Хиббатул-Хакоик» Сулаймана Бакирганского, «Муфтох-ул-адл» неизвестного автора, «Рассказ о пороках» Рабгузи и ряд других памятников ранней узбекской письменной литературы, которые должны были служить целям пропаганды ислама. Несмотря на это, их появление было шагом вперед в развитии узбекской культуры и знаменовало собой рождение письменной литературы узбекского народа.

В дальнейшем, с развитием феодального общества и образованием прослойки носителей передовой культуры того времени, усиливается тенденция к росту реалистических мотивов в литературе.

Первые реалистические мотивы в узбекской письменной литературе появляются в XIV и XV веках. Элементы реализма наметились в произведениях Хайдара Хорезми (XIV в.), Саккоки (XV в.), Лютфи (XIV — XV вв.), в переводе Кутби произведения великого азербайджанского поэта Низами «Хосров и Ширин». Хотя основной темой этих поэм является любовь, но это уже реальная человеческая любовь, а не любовь к богу, пророку и т. д.

Позднее, в результате усугубления феодальной эксплуатации, усиления классового антагонизма и роста сознания угнетенных классов (крестьянства и ремесленников), в художественную литературу начинают проникать социальные мотивы. Во многих поэмах Навои ярко выражены попытки откликнуться на социальные события своего времени. «Хамса», «Мухбубул-кулуб» и другие произведения направлены на разоблачение нечестных шейхов, несправедливых царей и т. п. Обусловленная эпохой классовая ограниченность Навои еще не позволяла ему выступать против конкретных носителей социального зла. Однако, несмотря на это, именно Навои ввел социальные мотивы в узбекскую художественную литературу.

В этот же период значительное развитие получает дворцовая литература, как противоположность прогрессивной литературы, проникнутой идеей гуманизма. Многие правители и ханы собирали в своих дворцах писателей и поэтов, выступали в роли меценатов и сочинителей. Стихи дворцовых поэтов по форме были сложны, но бедны по содержанию. Главной темой дворцовой литературы были любовь, роза, соловей, вино и т. д. Она была рассчитана на превращение литературы в безыдейную и далекую от жизни народа форму искусства. Получила также дальнейшее развитие религиозная тема в литературе. Появляется ряд поэтов — суфи (Суфи Алло Ёр, Хувайдо и др.), проповедующих идеи суфизма и выступающих в качестве религиозных проповедников. Это на-

правление в литературе также было реакционно, как и направление дворцовой литературы, хотя среди поэтов встречалось и немало талантливых, одаренных людей. Оно старалось использовать письменную художественную литературу для усыпления бдительности и воли народа и подчинения трудящихся эксплуататорским классам.

В течение XIV — XVIII веков в узбекской художественной литературе развивались эти три направления.

Между ними шла постоянная упорная борьба. Это обстоятельство, к сожалению, далеко не в полной мере учитывается некоторыми исследователями. Так, например, составители четырехтомной антологии узбекской классической литературы, изданной Академией наук Узбекской ССР, объединяя в одну группу почти всех узбекских поэтов дооктябрьского периода, фактически вместо классового, социального подхода к творчеству отдельных поэтов, объективно как бы способствуют возрождению пресловутой и справедливо осужденной теории единого потока. На наш взгляд, совершенно недопустимо наряду с Махмуром и Гулхани объявить классиком узбекской литературы реакционного поэта Фазли и наряду с Огахи — хивинского хана Мухаммада Рахима (Фирюза)[1].

Таким образом, узбекская литература также имела свои отличительные черты и переходила от религиозных мотивов к реалистическим и от них — к социальным. Носителями этой литературы были тюркоязычные сарты.

В дальнейшем прогрессивная литература и литературные традиции тюркоязычных сартов легли в основу формирования узбекской национальной литературы. В этом смысле она явилась направляющей по отношению к литературе мавераннахрских тюрков и кочевых узбеков.

Музыкальное искусство тюркоязычных сартов также послужило основой формирования национальной музыки узбеков. Сарты имели развитую музыкальную и вокальную культуру. Еще в период Навои были созданы специальные письменные музыкальные каноны, подобные нынешнему музыкальному письму (нотам). Ансамбль музыкальных инструментов сартов состоял из струнной, ударной и духовой групп.

[1] Узбек адабиёти, том 3, Ташкент, 1959.

Все инструменты в ансамбле играли соло в унисон. Музыкальные произведения состояли исключительно из мелодии. Гармонизация фактически отсутствовала. Однако сами мелодии были разнообразны, богаты и отличались лиричностью, отработанностью и стройностью. Произведения являлись частью только инструментальными, а частью вокальными. Вокальные произведения, не сопровождавшиеся инструментами, носили названия «катта ашуля» (большая песня). Песня имела также форму частушки (лапар) и цикла (маком), состоящего из целого ряда вокальных и инструментальных произведений, каждое из которых могло исполняться и в отдельности.

Музыкальные инструменты сартов разделялись на ударные, духовые и смычковые (струнные). Они использовались и в одиночку и в ансамбле. Таков был сурнай, напоминающий кларнет и исполнявший соло, карнай, исполняющий роль баса в духовом оркестре, и барабаны. Эти инструменты были специально рассчитаны на исполнение под открытым небом, в местах сбора больших групп народа.

Музыкальные ансамбли выступали на свадьбах, празднествах и на народных гуляньях.

Народным зрелищем являлись также представления кукольных театров, маскарабазов (клоунов), дарбазов (канатоходцев), разъезжавших по крупным населенным пунктам.

Картинная живопись, в особенности изображение человека, по законам ислама считалась грехом. Поэтому узбекское изобразительное творчество ограничивалось орнаментальной росписью и набойкой на материи. Несмотря на наличие высокого искусства резьбы по ганчу, дереву и металлу, не было развито портретное искусство.

Изобразительное искусство узбекского народа в целом выразилось в богатом прикладном искусстве в виде производства разноцветных шелковых тканей, тончайших золотошвейных, замечательных гончарных изделий, резьбы по ганчу, дереву и т. д. Шедевры этого искусства завоевали признание всего мира. Все виды искусства тюркоязычных сартов однотипны с искусством таджикоязычных сартов, но и отличаются от искусства кочевых скотоводов Средней Азии.

Оседлый образ жизни выработал у сартов особо бережное отношение к жилищам, ко двору. Чистота цари-

ла как внутри жилища, так и во дворе. Считалось обязательным не только систематически подметать комнату и двор, но и улицу у ворот или калитки. Внутренность комнаты и двор в целом имели своеобразное убранство.

Жилые помещения сартов не были приспособлены к сохранению тепла: зимой температура в них снижалась почти до уличной температуры. Такое строение жилых помещений вызвало появление сандалов и бешика (люлька для детей), других средств для обогревания зимой и для укладывания детей у сартов не было.

Двор в большей части городов и кишлаков имел две половины — внутреннюю и внешнюю, разделенные дувалами и дверью. Двор обсаживался деревьями или виноградниками. Земледельческое население города летом выезжало в свои загородные сады или поля.

Семейная жизнь сартов характеризовалась своеобразным разделением труда между мужчиной и женщиной и традиционными отношениями между родителями и детьми.

Производственная деятельность — земледелие, садоводство, преобладающие отрасли кустарного производства — в силу ее специфической особенности в основном была монополией мужчин. Вся же домашняя работа, начиная от приготовления пищи и шитья одежды и кончая заботой о детях, уходом за домашними животными, была уделом женщины. Подобное разделение труда первоначально было вызвано, по-видимому, объективными условиями жизни. Поливное земледелие, ремесленное производство являлись материальной основой такого разделения труда. Возделывание злаков происходило на более или менее значительном расстоянии от дома; ремесло в условиях Средней Азии обслуживало рынок и поэтому его преобладающие отрасли требовали организации мастерских непосредственно на базарах и главных улицах городов, следовательно, также вдали от дома. При таких условиях женщины, естественно, не могли сочетать домашнюю работу со всеми видами производственной деятельности.

В дальнейшем это своеобразие быта получило регламентацию законов ислама, считающих женщин неполноправными существами в обществе, покорными слугами мужей, такой же собственностью мужа, как и все другое имущество. Женщина в семье сарта была самым забитым, лишенным всяких прав, существом, ей даже запрещалось показываться чужим мужчинам. Ислам, усиливая неравноправное положение женщины, совершенно отстранял ее от общественной и политической жизни.

Таким образом, под давлением ислама в быту во взаимоотношениях мужа и жены женщина была лишена всяких человеческих прав. Что касается женщины в семье скотоводческих народов Средней Азии, то и там она, в силу законов шариата, была лишена всяких прав, считалась рабыней, но тем не менее играла в хозяйстве и производственную роль. Уход за животными, стрижка их, валяние кошмы, тканье ковров и другие виды производственной деятельности не происходили вдали от дома. Они переплетались с домашней работой, и женщина участвовала в этих главных видах труда. Роль женщины в хозяйстве зачастую создавала для нее более благоприятные условия по сравнению с женщинами в семье сарта, поэтому среди скотоводческого населения законы ислама о женщинах не всегда имели такую силу, как среди оседлых сартов.

В сфере домашнего быта сартов, во взаимоотношениях родителей и детей очень велик был авторитет и роль отца. Но это был результат не столько патриархально-родовых отношений, сколько условий земледелия. Ограниченность площади поливной земли и неэффективность ее раздробления на более мелкие части были причиной того, что глава семьи старался сосредоточить все владения в своих руках и они распределялись только после его смерти. На этом прежде всего основывалась прочность родственных связей среди сартов.

Одежда сартов в основном имела такой же покрой, как и одежда других групп узбеков. Она отличалась только некоторыми местными особенностями головных уборов женщин, расцветками тканей. Но и сами сарты в разных городах носили разные головные уборы и верхние одежды из тканей разнообразной расцветки.

Оседлый образ жизни сартов породил своеобразную форму взаимоотношений с окружающими. Они были очень привязаны к месту жительства и прибавляли к своим именам название своего местожительства (я — житель такого-то города или такого-то кишлака). У сартов было сильно развито чувство взаимной поддержки и взаимопомощи не только между близкими родственниками,

но и между соседями по месту жительства. Обычай защиты всеми односельчанами и всеми прихожанами одной мечети имущества каждого сочлена от воров, взаимная помощь при пожарах, обязательное посещение дома соседа в день похорон и свадьбы и другие проявления добрососедских отношений были выработаны вековой совместной жизнью. Отказ от участия в свадьбе или похоронах соседей считался предосудительным поступком. Целый ряд пословиц и поговорок сартов отражает эти обычаи. Очень распространена была пословица: «Человек покупает не дом, а соседа». Родиной в понятии сарта был его город, его кишлак. Каждый сарт, попавший в другой город или даже в соседний кишлак, считал себя «мусофиром» — чужестранцем. Очень редко выдавали девушек замуж за жителя другого города, даже соседнего кишлака. Но в городе или кишлаке при бракосочетании родственная близость не принималась во внимание, следовательно, брачной замкнутости не существовало.

Таковы были производственная жизнь, материальная и духовная культура и быт тюркоязычных сартов вплоть до XIX века, когда узбекский народ вступил в полосу своего национального оформления. Они определяли главную линию развития производственной жизни, культуры и быта также двух других групп узбеков. Вхождение кочевых скотоводческих родов и племен в состав узбекского народа в последующие периоды или, говоря условно, узбекизирование их, означало не только превращение их в оседлых земледельцев, но и принятие ими речи, культуры, духовного облика и быта тюркоязычных сартов.

Как было сказано выше, с проникновением тюркоязычных кочевых родов и племен в Среднеазиатское междуречье постепенно, но неуклонно происходило их узбекизирование, то есть они становились оседлыми земледельцами и воспринимали культуру, быт и нравы древнего местного тюркоязычного земледельческого населения, названного нами тюркоязычными сартами. К XIX веку в хозяйственном строе и производственной деятельности тюрков Мавераннахра и кочевых узбеков произошли крупные сдвиги в направлении сближения с сартами. Однако в характере культуры и быта они сохранили много особенностей, отражающих их прошлую жизнь.

Характерным для всех компонентов второго пласта узбекского народа является то, что его основная масса

расселилась в горных, предгорных и степных полосах, в долине Кашка-Дарьи, Сурхан-Дарьи, Гиссара и Северного Афганистана. Меньшая часть проживала в предгорных и горных районах Зеравшанской и Ферганской долин. Почти все население в большей или меньшей степени перешло здесь к оседлости. Однако, как было сказано, оседание на землю тормозилось не столько влиянием старых традиций кочевого скотоводческого образа жизни, сколько трудными и неблагоприятными условиями ведения хозяйства. Тюрки оказались вытесненными в предгорные, горные, а в некоторых случаях в узкие степные полосы, где не было возможности развивать поливное земледелие или разностороннее животноводство, требующее широких пастбищных угодий. В основном они занимались овцеводством, а там, где это было возможно, богарным земледелием. Овцеводство было сосредоточено на склонах гор и предгорьях. Кочевки ограничивались близлежащими горными и предгорными пастбищами. Те племена, которые не имели посевных полей, добывали зерно для питания путем обмена его на овец, на изделия из шкур и шерсти овец. Часть людей нанималась в летнее время к крестьянам на косьбу и получала плату за работу зерном. Некоторые давали земледельцам в наем своих лошадей и быков, а плату за них получали тем же зерном. Таким образом, эта категория узбеков частично была земледельческой, но в значительной мере скотоводческой. Тяга к оседанию среди них, в особенности среди беднейшего населения, была очень сильна. Более же богатые семьи продолжали кочевать и вести скотоводческое хозяйство, разводя овец и коз. Лошади, верблюды и крупный рогатый скот использовались только в хозяйстве. Для содержания стад коров, верблюдов, а также табунов лошадей условий не было.

Полукочевой и полуоседлый образ жизни определил характер материальной и духовной культуры тюрков Мавераннахра. Жили они общинами, сплоченными родственными связями. В зимнее время переселялись в кишлаки (дословно — место зимовки), а летом со стадами овец выезжали на яйлау (место летовки). В кишлаках строили глинобитные домики, полуземлянки, обычно имевшие дверь, маленькое отверстие в стене почти под потолком и дымоход — отверстие в крыше. В отличие от домов сартов, внутреннее убранство домов тюрков было бедным.

Темные, грубооштукатуренные стены, необмазанные потолки, закопченные стены представляли собой явственный контраст с более благоустроенными домами сартов. Но и такие дома появились сначала у некоторых групп муса-базари, а позднее и у других племен. Например, южная группа карлуков только в XX веке начала строить глинобитные дома. Отдельные богатые семьи устанавливали наряду с глинобитными домами юрты даже в зимнее время. Летом все они жили в юртах, а отдельные маломощные семьи строили просто шалаши из берданов и отопляли их при помощи костра, который разводился в очаге посередине комнаты. Очаг имел прямоугольную форму, дым выходил через отверстие в крыше. Юрты также отоплялись очагом, который служил и для приготовления пищи. В отдельных районах вместо очага использовались сандалы, заимствованные у сартов.

Подобный образ жизни и ведения домашнего хозяйства определял особенности и комплект домашней утвари. Она изготовлялась из шерсти, кожи, дерева и очень редко из железа. Кошмы, паласы, грубошерстные ткани для верхней одежды (чекмены — мужские халаты), мешки и хурджуны, веревки делались из овечьей шерсти; тулупы, обувь, шапки, саначи (бурдюки — кожаные мешки для хранения топленого масла, кумыса и др.), пустаки (прямоугольные кожаные одеяла с нестриженной шерстью) изготовлялись из овечьей и козлиной кожи. Чашки, ложки, большие и мелкие тарелки, сундуки, дорожные ящики и другие предметы выделывались из дерева. Металлические вещи — котлы, кувшинчики для кипячения воды — приобретались у горожан.

Пища тюрков в основном состояла из продуктов животноводства. Мясо, сало, молоко — свежее, кислое, куруты (сушеная процеженная околотина), сухой сыр и т. д. представляли обычное питание. Из растительной пищи употреблялся хлеб, рис, разные бахчевые и фрукты, но все это, как правило, приобреталось у сартов. Копчение мяса и квашение бахчевых тюркам не было известно.

Одежда по своему покрою, кроме головного убора, была, как уже указывалось, однотипна с одеждой сартов. Рубашка, мужской и женский халаты были такие же, как у сартов, только у тюрков преобладали халаты-чекмены, сшитые из домотканной шерсти. В отличие от

сартов мужчины носили чалму на тюбетейке. Женщины носили шапочку, которая покрывалась платком, и в отличие от сартянок ходили с открытым лицом. Мужчины обувались в чаруки (полусапожки на широкой подошве, без каблука, с загнутым носком), женщины на босую ногу носили высококаблучные кауши (кожаные туфельки).

Духовный облик и культурный уровень тюрков Мавераннахра характеризовался тем, что среди них в значительной степени сохранялись отпечатки скотоводческого уклада жизни и пережитки патриархальных связей. Каждая община состояла из родственников, следовательно, по своей форме была родовой общиной. Однако по своему социальному строю тюрки Мавераннахра состояли из класса крупных феодалов-скотоводов и класса зависимых мелких земледельцев и чабанов.

Сохранялась и форма крупной патриархальной семьи. Внутри семьи существовала неограниченная власть отца, женщины были бесправными, девушек выдавали замуж за калым и обычно в раннем возрасте.

Грамотность тюрков Мавераннахра была очень низка, школы были редким явлением. Во многих кишлаках отсутствовали даже мечети. Каждый род или племя имел своего ишана, который считался его духовным покровителем. Вследствие неграмотности люди не могли читать молитвы и исполнять многие религиозные обряды. Исполнение религиозных обязанностей заменялось исправным внесением «тортика» (подарков — дани) своим ишанам, когда они совершали объезд своих послушников.

Характер литературы и искусства тюрков Мавераннахра определялся образом хозяйственной деятельности их. Художественная литература развивалась исключительно в устной форме. Она состояла из циклов героических поэм, например «Гор-оглы», а также из небольших рассказов. Героические поэмы исполнялись, вернее, пелись под собственный аккомпанемент бахши—певцов-сказителей. Поэмы бытовали среди народных масс и обычно передавались стариками и старухами. Основными темами поэм и рассказов были деяния справедливых героев, силачей, богатырей, ханов, а также разоблачение и осуждение алчных баев, бесчестных мулл, всякого рода предателей и обманщиков.

Мало развита была музыка тюрков. Самыми распространенными инструментами были домбра, най (камы-

шовая флейта) и дойра (бубен). Обычно бахши сопровождали свою песню аккомпанементом на домбре.

Такие отрасли искусства, как резьба по дереву, по металлу, ганчу, архитектурное и ювелирное искусство также не получили распространения у тюрков. Очевидно это было связано с их общей культурно-экономической отсталостью и длительным кочевым образом жизни.

Тюрки Мавераннахра повсюду, где было возможно, постепенно переходили к оседлости и перенимали культуру и бытовые черты сартов. Оседание их продолжалось до XX века. Так, в долине Сурхан-Дарьи тюрки стали полуоседлыми в конце прошлого века. Одновременно с этим разрушалась родовая замкнутость. Они вступали в брак с соседними таджиками. В районе Ширабад-Дарьи местные тюрки стали земледельцами, сеяли зерно, сочетая земледелие с овцеводством.

В 70-х годах прошлого века тюрки Зеравшанской долины в большей части были скотоводами, изготовляли веревки, шалча — паласы, шерстяные мешки и другие изделия из шерсти, часть которых меняли на зерно. Карлуки, жившие по речке Шахруд, давно уже были оседлыми и полностью стали земледельцами, карлуки долины Сурхана, жившие в районе реки Ходжаипок, занимались хлебопашеством, садоводством и овцеводством, причем земледелие и садоводство играли основную роль в их жизни. У карлуков также все больше и быстрее разрушалась родовая замкнутость; учащались браки с окружающими их таджиками. В таком же переходном состоянии находились калта-таи, муса-базари, моголы.

Тюрки Мавераннахра состояли в очень близких отношениях с соседними таджиками южных районов и с тюркоязычными сартами Ферганской и Зеравшанской долин. Во многих местностях таджикский язык был настолько распространен, что являлся для населения вторым языком (двуязычие). Это свидетельствует о длительном сосуществовании тюрков с таджиками.

Язык тюрков, как утверждают наши советские языковеды, в целом отличался как от языка сартов, так и от языка кочевых узбеков.

Таковы были характерные черты второй группы или второго пласта в составе нынешнего узбекского народа.

Своеобразны были также быт, культура, духовный облик третьего пласта узбекского народа, образовавшегося из кочевых узбеков.

К XIX веку кочевые узбеки закрепились в долинных полосах Ферганы, Зеравшана, Сурхандарьи, Кашкадарьи, Гиссара и в Ташкентском и Хивинском оазисах. Районы их расселения были богаты плодородными полями и хорошими пастбищами. В некоторых из этих районов ранее обитали тюрки Мавераннахра и таджики. Кочевые узбеки, длительное время игравшие важную роль в политической жизни края, вытеснили их в горные и предгорные полосы и заняли наиболее благоприятные в хозяйственном отношении земли. Это обстоятельство впоследствии отразилось на отрицательном отношении тюрков к кочевым узбекам, когда тюрки чуждались их, предпочитая более тесные общения с тюркоязычными сартами и таджиками. Многие тюркские племена, вступая в брачные отношения с тюркоязычными сартами и таджиками, избегали таких отношений с кочевыми узбеками.

Интересно, что кочевые узбеки в хозяйственном отношении значительно больше сблизились с тюркоязычными сартами, чем тюрки. К XIX веку они в значительной своей части стали земледельцами. Некоторые из них осели на землю и скотоводство уже не играло в их жизни главной роли. Местами они совершенно ассимилировались. Только у некоторых племен сохранилось скотоводство, хотя земледелие в их хозяйстве уже также играло важную роль.

А. Д. Гребенкин, изучавший население Зеравшанской долины, так характеризовал состояние некоторых групп кочевых узбеков этой долины: люди рода тюякли стали оседлыми недавно, жили еще в юртах, сеяли зерно, в хозяйстве еще была сильна роль продукции животноводства; из шерсти производили ковры, веревки, мешки, кошмы, но вместе с тем изготовляли хлопковую пряжу, ткали хлопчатобумажные холсты. Жили они обособленно от других родов. Сильна была брачная замкнутость.

О роде минг А. Д. Гребенкин сообщает, что минги хорошие земледельцы; из ремесел у них развито шерстяное и бумажное ткачество, выделывание кож и т. д. Среди них тоже сильна была брачная замкнутость.

Найманы занимались земледелием и скотоводством. Но в отличие от других групп найманы находились в процессе оседания: богатые еще кочевали со своими стадами, а бедные переходили к оседлости. Богатые соблюдали традиции родовой замкнутости, а среди бедных этот обычай уже отживал свой век.

Род сарай вел полукочевой образ жизни, и в хозяйстве земледелие сочеталось со скотоводством.

Багрины в основном являлись земледельцами, из ремесел было развито больше всего ткачество, брачной замкнутости уже не существовало.

Среди мангитов родовое деление сохранялось еще крепко и прочно. Однако в конце XIX века кашкадарьинские мангиты были уже земледельцами, имели обширные орошаемые поля и пастбища в предгорных и степных полосах. Мангиты Зеравшанской долины уже совершенно стали оседлыми, занимались не только производством зерна, но и выращиванием хлопка. Женщины пряли пряжу из хлопкового волокна и продавали ее. Мангиты Каттакургана также занимались орошаемым земледелием и червокормлением. Сеяли зерно, хлопок и сочетали это с овцеводством. Из ремесел было развито производство шерстяных и бумажных тканей. Полностью оседлыми стали мангиты Хивинского оазиса.

Особенно сильны были родовые связи среди кунгратов. Они строго различали отдельные группы и колена и сохраняли родовые связи и между ними. В хозяйственном строе кунграты фактически стали уже полуоседлымы земледельцами. В Кашкадарьинском бассейне они занимались богарным земледелием, но все же в их хозяйстве по-прежнему большое место занимало овцеводство, козоводство, а также в известной мере разведение верблюдов, лошадей и ослов. Пастбища располагались в близлежащих горах и степях. Очень развито было ткачество. Женщины пряли шерстяные ткани, грубошерстные ткани для халатов, мужских зимних штанов, паласы, безворсовые ковры — гилямы, портянки и мешки. В меньшей мере ткались ворсовые ковры, которые использовались для внутреннего украшения юрт и для шитья хурджунов (торбы, нарпяч). Шалча и коврики, шерстяная тесьма, шерстяные ткани кашкадарьинских кунгратов были широко известны в других районах Узбекистана. Кунграты Хорезма стали полностью оседлы-

ми и занимались посевами зерновых, хлопчатника и бахчевых. От окружающих земледельцев они переняли искусство орошаемого земледелия, проведения каналов и строительства чигирей.

В отличие от предыдущих групп кочевых узбеков найманы большей частью расселились в степных просторах и земледелие не стало их основным занятием. Они занимались овцеводством, козоводством, верблюдоводством и коневодством. В Зеравшанской долине, кроме скотоводства, было распространено орошаемое земледелие, найманы сеяли зерновые и выкармливали шелковичных червей.

Кенегесы почти полностью были оседлыми и занимались орошаемым земледелием, возделывая зерновые, хлопчатник и выращивая огородные культуры, фруктовые деревья.

Разная степень оседлости наблюдалась у различных групп катаганов, в зависимости от района их расселения. Например, катаганы Ферганской долины уже давно стали оседлыми и занимались хлебопашеством, хлопководством, шелководством, садоводством, виноградарством и ремесленным производством. В районе Ходжента катаганы, кроме орошаемых полей, имели сады и виноградники. Их урюк славился по всей Средней Азии. В хозяйстве катаганов Кашка-Дарьи, Вахша и Пянджа значительное место еще занимало скотоводство, они были полуоседлыми и сеяли зерновые.

Полностью оседлыми стали кипчаки. В зависимости от района заселения, они занимались или орошаемым земледелием, или богарным. Сеяли зерновые, хлопчатник, возделывали бахчевые культуры и т. д. Скотоводство играло подсобную роль. Стада состояли из овец, коз, крупного рогатого скота и кое-где верблюдов. Широко было распространено ткачество, женщины ткали шерстяные и хлопчатобумажные ткани.

Такова была хозяйственная жизнь кочевых узбеков. Что касается их быта и нравов, а также уровня культуры, то в этом отношении они в свою очередь имели ряд особенностей. Основная масса населения вела полукочевой образ жизни, полностью осели лишь бедняцкие слои. Не имея больших стад, они не могли перекочевывать на отдаленные пастбища. Скотоводство не обеспечивало их существования, поэтому именно бедные слои

сочетали земледелие со скотоводством и в конце концов стали оседлыми.

Летом кочевые узбеки жили в юртах, называемых кара-уй. Как показали исследования Б. Х. Кармышевой и К. Л. Задыкиной, их юрты отличались от капи-юрт тюрков Мавераннахра. Юрты тюрков собирались из целых полусферических каркасов, прямо закрепляемых на земле; юрта кочевых узбеков расчленялась на стены и куполы; стены состояли из деревянной решетки, высотой примерно 1,5 метра; на ней закреплялись полусферические каркасы, поэтому юрты узбеков были намного выше юрт тюрков. Юрты кочевых узбеков более сходны с юртами казахов, башкир, алтайцев и киргизов, что свидетельствует о близких связях кочевых узбеков с указанными тюркоязычными народами.

Зимние жилища кочевых узбеков, как и жилища тюрков, состояли из глинобитных кибиток, землянок. Как юрты, так и кибитки отоплялись кострами, которые разводились посредине жилища. На этом же очаге приготовлялись пища и чай, но юрты сохранились еще повсеместно.

Кроме мелких групп, обитавших в земледельческих районах Ферганской долины, кочевые узбеки везде жили летом в юртах, независимо от того, выезжали ли они на яйлау или нет. Это свидетельствовало о прочности старых традиций и кочевого образа жизни. Домашняя утварь была примерно такая же, как и у тюрков Мавераннахра.

Культурный уровень кочевых узбеков был очень низок, грамотных среди них почти не было. Широко была развита только устная литература в виде циклов героических поэм, из которых самыми популярными были «Алпамыш», «Равшан-хан», «Гор-оглы» и др. Такие поэмы распевались у кочевых узбеков также специальными сказителями-бахшами.

Семья и быт их во многом были сходны с тюрками Мавераннахра. И здесь шел процесс разрушения брачной замкнутости. За исключением локайцев и кунгратов, все роды кочевых узбеков вступали в брачные связи с окружающими их чужими родами и племенами. Однако, как указано выше, повсеместно отсутствовало бракосочетание между кочевыми узбеками и тюрками Мавераннахра.

Таким образом, налицо были существенные различия между тюрками, кочевыми узбеками и тюркоязычными сартами. Однако, каковы бы ни были эти различия, но линия развития двух первых групп была в общем единой с линией развития тюркоязычных сартов. Хозяйственное развитие шло по линии повсеместного роста оседлого земледелия и городского ремесла, причем определяющим началом было орошаемое земледелие. В быту шло постепенное сближение с тюркоязычными сартами. Переход от переносного жилища — юрты к постоянным глинобитным жилищам — кибиткам характеризует изменение основ домашнего быта. Сдвиги в культуре и языке шли тоже, хотя и медленно, по пути сближения с тюркоязычными сартами. С точки зрения своих исторических судеб тюрки Мавераннахра и кочевые узбеки неуклонно развивались в направлении к тому, чтобы стать в последующем неразрывной частью узбекской нации. Вместе с тем их хозяйственно-культурные достижения, особенности жизни и быта в свою очередь оказали значительное влияние на сложный и длительный процесс формирования узбекской нации.

Что касается сферы действия местных обычаев (как нормы поведения в житейских взаимоотношениях), то среди всех трех групп узбеков она была ограничена. Обычай охватывает сферу житейских, локальных и повседневных взаимоотношений между жителями определенных пунктов и местностей. Ислам дал многим обычаям новую форму и придал им строго регламентированный характер, чем превратил их в обряды. В результате, вместо многих старых локальных обычаев начали действовать общие религиозные обряды.

Далее, из понятия обычая выпал ряд юридических норм, известных под названием обычного права, которое все больше заменялось нормами и законами шариата. Все имущественные, наследственные, семейные права узбеков определялись предписаниями ислама. Таким образом, обычай среди узбеков дифференцировался: часть его вытеснялась религиозными обрядами, другая часть заменялась юридическими нормами ислама.

Узбекский народ отличался от кочевых народов Средней Азии именно этим сужением рамок действия обычаев. У киргизов и казахов, туркмен и каракалпаков в то время обычаи еще не дифференцировались, роль

религиозных обрядов была значительно слабей. По своей незначительной дифференцированности и гибкости они часто носили характер обычая. Что касается юридических взаимоотношений, то и они в основном опирались здесь на обычаи. Следовательно, обычай у этих народов еще не потерял своей силы в качестве юридической нормы. Гражданские и уголовные дела разрешались не по законам шариата, а по адату (обычаю). Хранителями законов адата были почетные старики — бии (у казахов и киргизов), которые решали вопросы так, как подобные же вопросы решались в далеком прошлом.

У узбеков нарушение регламентированных исламом обрядов считалось преступлением. Так, например, бракосочетание при помощи имама мечети, похороны мертвеца только в саване (без какой бы то ни было одежды), исполнение специальной молитвы перед погребением, панихида по усопшим в ночь похорон, на третий, на седьмой, на сороковой день и через год, обрезание мальчиков до достижения ими двенадцатилетнего возраста и прочее, вытеснив старые обычаи, приняли регламентированную силу. Их выполнение требовалось очень строго. Среди кочевых скотоводческих племен многие из этих правил соблюдались не так строго.

Кроме обрядов, обязательных для всех узбеков, существовало немало местных разнообразных обычаев, но обычаи одного района были не обязательны для жителей других районов.

Таким образом, главной отличительной чертой узбеков в области обычая и обряда является дифференциация обычаев, строгая регламентация обрядов.

Налицо еще одно общественное явление феодального строя, которое отрицательно влияет на процесс формирования нации. Это господство сословного деления общества. Как известно, для феодального общества характерно то, что в нем, наряду с делением людей на классы, существует деление их на сословия. В каждой стране имелось своеобразное деление народа на сословия с присвоенными названиями и привилегиями. Можно установить при этом более или менее общую закономерность данного явления для всех стран. Это общее состоит в том, что сословия во всех странах делятся примерно на одинаковые группы: служилое сословие, духовное сословие, простонародье. Крестьяне, ремесленники и купцы

повсюду рассматривались в качестве низшего сословия или простолюдинов.

Среди узбеков также существовало деление на сословные группы. К служилому сословию относились беки, мирза, миры; к духовному — ишаны, тюря, ходжа, сеиды, шейхи и другие; простонародье называлось «фукаро». Отличительным сословным признаком являлось прибавление к имени названия сословия. К именам фукаро прибавлялись также частицы *мулло, абдул* (впереди) или *бай* (после имени). Мулло в переводе на русский язык означает «грамотный». Но для того, чтобы прибавить его к имени, не обязательно человеку быть грамотным. Абдул по-арабски «раб». Хотя слово бай означает «богатый», но в данном случае человек не обязательно должен был быть богатым. Как признак простонародья, слова *мулло, абдул* и *бай* были наследственными, переходящими от отца к сыну. Характерно, что прибавление к именам признаков простонародья строго не соблюдалось, однако присвоение признака высших сословий представителями низшего сословия не допускалось.

Члены отдельных категорий высшего сословия не были связаны между собою не только по всей территории Узбекистана, но даже и в границах отдельных городов. Например, многие ходжа, тюря, ишаны и сеиды не знали своих предков далее 3—4 колен, следовательно, и своих далеких родственников. В одном и том же городе они были чужими друг другу, что указывает на многовековую историю существования этих сословий, в течение которой следы первоначальной линии их родства совершенно исчезли. Только сеиды считали себя потомками Мухаммада, который якобы основал ислам, но и то между ними родственной связи не существовало.

Представители духовных сословий, в особенности ишаны, тюря и шейхи, имели своих мюридов, которые должны были платить им тартик (специальную дань). Конечно, не все население страны состояло в числе мюридов того или иного ишана или тюря. Однако тот, кто становился мюридом, фактически оказывался закабаленным своим настоятелем (пиром) и духовно отчуждался от других. В этом отношении господство сословного деления было большим препятствием на пути формирования общенационального сознания.

Одной из форм сословной замкнутости являлась брачная замкнутость. Представители высших сословий не выдавали замуж своих дочерей за людей из фукаро, а женитьба на дочери фукаро считалась своеобразным одолжением. Нередко дочерей не выдавали замуж даже за представителей других высших сословий.

Сложение народности в нацию сопровождается утратой значения сословного деления. Оно ликвидируется в результате развития капиталистических отношений. Расколов общество на два внутренне однородных класса — буржуазию и пролетариат,— капитал превращает в общее мерило привилегии и права высшего класса — буржуазии. Вместо разных наследственных и «приобретенных», религиозных и «заслуженных» прав и привилегий, выступает единая социальная сила — капитал. Поэтому сословие, как феодальная категория, не характерно для нации. Она превращается в формальный признак принадлежности человека к тому или иному сословию в прошлом. Что касается изучаемого нами периода, то в это время сословия еще имели в условиях Средней Азии полную силу и были одним из факторов, способствовавших сохранению хозяйственно-политической и социальной раздробленности общества.

Этническая неоднородность узбекского народа ярко выразилась и в многодиалектности узбекского языка. Крупный исследователь истории узбекского языка А. К. Боровков делит все узбекские диалекты и говоры (с точки зрения их территориального распространения и этнической принадлежности) на следующие группы: среднеузбекский диалект, «джокающий» диалект, южнохорезмский диалект и отдельные узбекские говоры[1].

Каждый из этих диалектов и говоров в свою очередь делится на отдельные подгруппы. Среднеузбекский диалект распадается на ташкентский, ферганский и самаркандский, бухарский диалекты, а также на североузбекские говоры, распространенные в районах Чимкента, Сайрама, Мерки, Джамбула и других районах Южного Казахстана. «Джокающий» диалект распространен главным образом в районах заселения кочевых узбеков: в долинах Ферганы, Зеравшана, Кашка-Дарьи, Сурхан-Дарьи,

[1] *А. К. Боровков.* Вопросы классификации узбекских говоров. Известия Академии наук УзССР, 1953, № 5, стр. 53—73.

Гиссара и в Северном Хорезме. Эта группа диалектов образовалась в результате проникновения в XVI веке в Мавераннахр кочевых узбеков. За некоторым исключением, все племена и роды кочевых узбеков входили в группу «джокающих» узбеков. Этим свойством данный диалект схож с казахским и киргизским языками. Южнохорезмский диалект образовался еще до эпохи Навои, который назвал его хорезмско-тюркским диалектом. Этот диалект распространен в районах Хивы, Ургенча, Ханки, Янгиарыка, Хазараспа, Шавата. Он образовался, по-видимому, в результате тюркизации по языку древних хорезмийцев. Тюркизация их языка происходила под воздействием огузского языка. В этом диалекте сильны огузские элементы, благодаря чему южнохорезмский диалект имеет сходство с некоторыми диалектами туркменского языка. К отдельной группе относятся узбекские говоры Икана, Карабулака, Манкента, образовавшиеся также под влиянием языка огузов. Поэтому в некоторых случаях, в частности, в произношении фонемы *а* имеется сходство с южнохорезмскими говорами. Другая группа отдельных говоров распространена в районе Намангана и окружающих его кишлаков. Эта группа носит название «умлаутных» говоров и характеризуется смягчением некоторых гласных. По-видимому, она образовалась в период тюркизации древних ираноязычных народов под влиянием языка древнего племени уйгуров.

Такова картина узбекских диалектов и говоров и база их образования.

С точки зрения языковых особенностей узбекский язык делится в литературе на две группы: группу «окающих» и группу «акающих» диалектов. Для «окающих» диалектов характерно наличие семи гласных вместо девяти в «акающих», слабость сингармонизма и замена мягкой буквы *а*, свойственной «акающим» говорам более твердой *а* (средней между *а* и *о* в русском языке) в первом слоге и в конце слога перед *к, г* и *х*. Диалект этой группы был распространен в основном в Ташкенте, Самарканде, Андижане, Фергане, Коканде, Намангане, Карши, Каттакургане. Нам кажется, что он сложился на основе развития местного диалекта в районах долин рек Чирчика и Ангрена, Кара-Дарьи и Нарына еще в X—XII веках, как языковая особенность тюркоязычных сартов. Е. Д. Поливанов особенность

«окающего» говора объясняет исключительно влиянием арабизма и иранизма, то есть тем, что жители многих из этих городов ранее были якобы таджиками и позже в разное время восприняли тюркский язык. Е. Д. Поливанов считает, что тюркизация их по языку произошла в последние столетия (вплоть до XVIII в.)[1].

Не отрицая процесса языкового скрещивания (гибридизации, по словам Е. Д. Поливанова) в последних столетиях, мы все же считаем, что указанное свойство этого говора не может быть объяснено только «иранской языковой подпочвой». По-видимому, оно имеет более древние корни и в свое время составляло особенность языка оседлых тюркоязычных жителей этих районов. Что касается носителей его, то они были тем самым смешанным типом, который еще в X—XII веках стал особой народностью, получив позже название узбекского народа. В XIII—XIV веках этот говор получил название чигатайского (джагатайского) языка, причем чигатайским его называли, когда нужно было отличать его от остальных тюркских языков, а тюркским, когда его нужно было отличать от таджикского языка.

Характерной особенностью «акающих» диалектов является, как указано, то, что в них имеется девять гласных фонем и значительно более прочный сингармонизм. «Акающие» говоры делятся на две подгруппы: «джокающие» и «йокающие». «Джокающая» подгруппа заменяет фонему *й* перед гласными в начале слога на *дж*. «Йокающие» узбеки живут в городах Южного Казахстана и Южного Хорезма. Эта подгруппа «акающих», по-видимому, принадлежит к древнему пласту, но в отличие от «окающих» в ней заметно большее влияние языков тюрков, огузов и кипчаков. Мягкая *а* в этом диалекте очень близка к мягкой *а* в туркменском и азербайджанском языках.

Что касается «джокающей» подгруппы, то это в основном язык тех тюркоязычных племен, которые переселились в Узбекистан в XV и XVI веках. Это подтверждается тем, что «джокающая» подгруппа распространена

[1] *Е. Д. Поливанов.* Этнографическая характеристика узбеков. Вып. первый, Ташкент, 1926, стр. 9—10.

в районах, где расселялись некоторые из упоминавшихся выше 92 узбекских родов.

Конечно, несмотря на существование общенародного разговорного языка, узбекский язык еще был далек от национального, который является выражением формирования общности языка нации.

Все узбекские диалекты и говоры имеют различия только по фонетическим свойствам. Что касается грамматического строя, основного словарного фонда и словарного состава их, они были едиными, за исключением некоторых местных особенностей, не имеющих важного значения. Наиболее крупными были среднеузбекский и «джокающий» диалекты, но превалирующей является первая группа. Узбекская письменность развивалась на среднеузбекском диалекте, на нем писали свои произведения узбекские поэты и мыслители, и на основе именно этого диалекта формировалась узбекская письменная речь.

Таковы были черты экономики, культуры, быта и языка узбекской народности в XIX веке, когда узбеки вступили в полосу своего национального оформления.

ГЛАВА II

ВСТУПЛЕНИЕ УЗБЕКОВ В ПОЛОСУ НАЦИОНАЛЬНОГО ОФОРМЛЕНИЯ

1. Присоединение Узбекистана к России и его историческое значение

Как мы показали выше, в силу господства средневековых феодальных порядков узбеки вплоть до XIX века не могли подняться выше стадии народности и находились к этому времени в числе отсталых народов Востока.

Внутренние феодальные войны между правителями отдельных ханств, городов и «земель», погубившие огромное количество материальных и духовных ценностей, с новой силой возобновились после смерти в 1510 году Шейбани-хана. Завоеванная им территория распалась на отдельные части. Восстановить политическое единство узбекских земель удалось на короткое время одному из шейбанидов — Абдулла-хану (1557—1598), подчинившему своей власти всю территорию Мавераннахра.

В период правления Абдулла-хана столицей государства стала Бухара. После его смерти Хорезм снова добился самостоятельности. С этого времени в Мавераннахре существовали два феодальных государства, управляемых узбекской феодальной верхушкой во главе с эмирами и ханами: бухарским и хивинским. В конце XVII века от Бухарского эмирата отпала Фергана, где власть захватила группа феодалов — хаджа, объединенных в дервишское братство. В 1710 году власть перешла здесь в руки феодальной верхушки племени минг. Представитель племени минг Шахрух-бий был провозглашен ханом; он сделал своей столицей город Коканд. С этого времени в Мавераннахре существовало три феодальных государства.

Население Бухарского эмирата до подчинения его России составляло примерно 2 миллиона 500 тысяч человек. Подавляющее большинство было представлено сельским населением, связанным с земледелием, следовательно, в разной степени зависимым от феодалов. Хозяйство было натуральным, и основное богатство страны производилось деревней.

И в это время продолжались феодальные войны между Бухарой и Кокандом, с одной стороны, Бухарой и Хивой, с другой.

Войны между среднеазиатскими феодальными государствами не исчерпывают всей характеристики политической обстановки в стране, ибо наряду с этими войнами непрерывно продолжались междоусобицы внутри каждого ханства, особенно усиливавшиеся в период смены правителей. Отдельные беки и правители областей в связи со смертью тех или иных ханов объявляли себя самостоятельными и отказывались от присяги новому хану. Подобные же явления происходили и при военных неудачах и ослаблении силы ханов.

Особенно часто объявляли себя независимыми Шахрисябзское и Китабское бекства в Бухарском эмирате, Аральские владения в Хиве (в низовьях Аму-Дарьи), заселенные каракалпаками и казахами. Мерв и Чарджуй, используя вражду между Бухарой и Хивой, выступали то против одного, то против другого, в зависимости от того, что было в данный период выгодно их феодалам. Такой же позиции придерживались правители Ура-Тюбе и Джизака, использовавшие вражду между Кокандом и Бухарой.

Некоторые из этих бекств продолжительное время вели войну за самостоятельность. Так, бухарский эмир Насрулла совершил более 30 походов против Шахрисябза и Китаба, объявившими себя после смерти эмира Хайдара самостоятельными и не признававшими власть эмира Насруллы. Только в 1856 году эти владения снова были подчинены Бухаре.

Такова была обстановка в Средней Азии к началу XIX столетия.

Заслуживают внимания торговые и политические отношения между Россией и Средней Азией, завязавшиеся еще в X—XI веках и принявшие более регулярный характер с XVI—XVII веков. Если до XVI—XVII веков

торговые отношения между этими двумя странами носили случайный характер и велись главным образом через хорезмских купцов, то теперь не только хорезмские, но и бухарские и самаркандские купцы со своими товарами ездили в Астрахань, Казань и Тобольск.

В XVIII веке торговля между Россией и Средней Азией расширилась еще больше. Спрос на русские товары неуклонно увеличивался.

Среднеазиатские товары — хлопок, шелк, сухие фрукты — были нужны России так же, как и русские и западные товары — текстильные, шерстяные, металлические изделия и металл — в не меньшей мере требовались Средней Азии. Жизнь требовала расширения экономических связей между русским народом и народами Средней Азии, но феодальные порядки в России и в среднеазиатских ханствах тормозили быстрый их рост. Царское правительство по ряду причин стремилось не допустить среднеазиатских купцов в глубь России. Торговля должна была вестись через татарских, башкирских и русских купцов, приобретавших среднеазиатские товары в Астрахани, Тобольске и других торговых центрах. Такие же препятствия ставились и на среднеазиатских рынках.

И все же вопреки существовавшим преградам сама жизнь все более вынуждала обе стороны расширять экономические связи. Развитие текстильной промышленности в России быстро увеличивало потребность ее в среднеазиатском хлопке и шелке. В то же время народы Средней Азии не могли полностью удовлетворить без России свои потребности в таких предметах, как котлы, кетмени, серпы и другие металлические изделия, ибо местная металлургия была развита слабо и изделия ее обходились дорого.

Поворотным пунктом в истории расширения связей между Средней Азией и Россией было присоединение в XVIII веке к России земель Малого и Среднего Казахского жузов, а также верховьев Оби и Иртыша. В результате этого граница России значительно приблизилась к Средней Азии, появились новые пограничные торговые города — Орск, Троицк, Петропавловск, Семипалатинск и др. Теперь завязывались прямые торговые сношения между Средней Азией и Россией без посредничества татарских и других купцов. Эти сношения развивались столь интенсивно, что на территории Западной

Сибири появлялись целые поселения выходцев из Средней Азии — не только торговцев, но и ремесленников и крестьян. Жители таких поселений были известны в России под общим названием бухарцев. Русское правительство установило ряд торговых и промысловых привилегий для них и наделило их землей. При этом оно преследовало двоякую цель: заселение и использование вновь приобретенных земель и популяризацию таким образом России среди народов Средней Азии.

Сильно возросло значение экспорта из России и для народного хозяйства Средней Азии: когда в 1836 году прекратилась торговля между Россией и Хивой, на хивинских рынках цены на мануфактуру повысились примерно на 15 процентов, на нефть — на 100 и, наоборот, на хлопок-сырец снизились на 50 процентов.

Но торговля была сосредоточена в руках феодальной знати во главе с самими ханами и базировалась на феодальной эксплуатации масс. Поэтому рост торговли с Россией не стимулировал перестройку основ экономики. Стараясь держать всю торговлю с Россией в своих руках, среднеазиатские ханы всячески препятствовали свободному приезду русских купцов в Среднюю Азию, не разрешали им открывать здесь магазины и склады.

Что касается царского правительства, то к первой половине XIX века оно уже предпринимало не только мирные, но и военные действия, направленные на усиление своих позиций в Средней Азии. Военные действия предпринимались и со стороны отдельных среднеазиатских ханов, опасавшихся того, что влияние России ослабит их монопольную власть в своих странах. Для привлечения казахской феодальной знати на свою сторону и для усиления своего влияния на судьбу казахского народа хивинский хан поддержал казахского хана Шерали, выступившего против России с целью отторжения от нее Малой орды, Кенесари Касымова, пытавшегося вернуть казахский народ к прежним реакционным феодальным порядкам, Исеита Кутабарова и др.

Царское правительство, воспользовавшись враждебными актами со стороны Хивы и обвинив Хиву в том, что на ее территории русские караваны подвергаются нападениям разбойников, со своей стороны готовилось к открытым действиям против среднеазиатских ханств.

Непосредственное вторжение русских военных сил в Среднюю Азию началось летом 1863 года, когда полковник Черняев, выступив по своей инициативе из форта Перовского, овладел крепостью Сузак. В 1864 году одновременно из Верного и из форта Перовского выступили русские отряды, захватившие города Аулие-Ата, Туркестан и Чимкент.

К моменту завоевания Черняевым Ташкента (1865 г.) во многих городах Кокандского ханства существовали довольно сильные пророссийские группы, преимущественно в составе купцов и связанных с ними категорий торгово-ремесленного населения, издавна находившихся в мирных экономических связях с Россией и более знакомых с жизнью и уровнем развития русского государства, вступившего тогда в полосу капиталистического развития. Основная масса населения относилась к завоеванию страны русскими войсками с большим или меньшим равнодушием и спокойствием не в силу безразличного отношения к судьбе своей страны и не в силу отсутствия мужества для борьбы за независимость, а в силу того, что кровавое и жестокое владычество ханов, разорительные междоусобные войны, тяжелый гнет и эксплуатация, забитость и бесправие не могли вызывать у населения стремления выступить в защиту феодальных деспотий, застывших на уровне средних веков.

Один из очевидцев завоевания Ташкента и его горячих защитников, противник прорусских групп в Ташкенте Мухаммед Салих в своей рукописи «Новая история Ташкента» с досадой жалуется, что среди ташкентцев были люди, не интересующиеся судьбой города, которые не только сами не воевали, но даже не помогали воинам. Очевидно это были люди, пострадавшие от ханов и их порядков и не боявшиеся прихода русских, ибо им нечего было терять. Такое отношение к русскому завоеванию Средней Азии было подавляющим среди населения городов и это явилось серьезным фактором, ускорявшим падение среднеазиатских феодальных ханств под напором вторжения царских войск.

Черняев выступил первый раз против Ташкента 27 сентября 1864 года, но поход этот окончился неудачей. Второй поход Черняева начался 27 апреля 1865 года с отрядом, состоявшим из 1950 солдат при 12 орудиях. 16 июня к вечеру город сдался; 17 июня утром к Черняеву

явились представители города с выражением покорности и вручили ему 12 золотых ключей от ворот Ташкента. В мае 1886 года русскими войсками был захвачен Самарканд. Тогда же под Зерабулаком были разбиты основные силы бухарского эмира и он признал власть России и свою вассальную от нее зависимость. В 1873 году было завоевано Хивинское ханство, которое так же стало вассалом России.

Завоевание узбекских земель завершилось в 1876 году, когда было упразднено Кокандское ханство и вся его территория была присоединена к Туркестанскому генерал-губернаторству как новая Ферганская область.

Завоевание Средней Азии царскими войсками было типичным актом колониального захвата. Царское правительство, приступая к вторжению в глубь Средней Азии, имело в виду удовлетворение интересов зарождавшейся русской буржуазии и дворянско-помещичьей верхушки России.

Однако, несмотря на то, что Средняя Азия после ее завоевания стала колонией царской России, объективно ее присоединение к России было крупным прогрессивным явлением.

Это присоединение коренным образом отличается от вооруженного и даже «мирного» завоевания Африки и стран Азии европейскими государствами. Фактически такие страны, как Индия, Индокитай, Марокко и другие, являлись только рынками сбыта и источниками сырья, расположенными вдали от метрополий и территориально с ними разобщенными.

Отличительная черта завоевания Средней Азии состояла и в том, что Средняя Азия территориально соединилась с Россией и стала одной из составных частей русского государства.

В результате присоединения Средней Азии к России ликвидировались феодальная раздробленность, непрестанные и разорительные для населения феодальные войны и междоусобицы. Не говоря уже о территории вновь образованного Туркестанского генерал-губернаторства, даже в полузависимых Бухаре и Хиве полностью ликвидировались кровавые внутренние столкновения феодальных верхов.

Ликвидация междоусобицы даже при сохранении феодальных отношений являлась положительным момен-

том, способствовала сохранению производительных сил от уничтожения и давала стране возможность мирного развития.

Процесс покорения Средней Азии царскими войсками отличался от методов покорения восточных стран, а также народов Африки и индейцев Америки европейскими и другими буржуазными странами. Хотя налицо и были неизбежные для насильственного завоевания факты жестокого отношения к местным жителям, кровавых схваток и козней, и генерал Кауфман при заключении договоров с Бухарой, Хивой и Кокандом требовал от них большую контрибуцию, все же само завоевание не сопровождалось таким массовым ограблением и диким разгромом, какие совершались войсками завоевателей в Азии, Африке и Америке. Что касается Англии, то она вообще смотрела на Среднюю Азию как на свой плацдарм против России. В силу географического положения Средней Азии — отдаленности от морских путей и тем более от самой Англии,— последняя в случае захвата Средней Азии не имела бы благоприятных условий для развития местной экономики.

Для капиталистической России Средняя Азия нужна была в первую очередь как рынок и источник сырья, она была заинтересована в ней экономически. Завоевание открыло путь в Среднюю Азию для русского капитала и для среднеазиатских купцов на рынки России. Торговля с Россией перешла теперь из рук ханов и высшей феодальной знати в основном в руки купцов, что способствовало расширению торговли.

Завоевание Средней Азии Россией сопровождалось также проникновением сюда буржуазных отношений. Это имело немалое значение, если вспомнить, что господство феодальных отношений продолжалось в Средней Азии вплоть до середины XIX века.

Таким образом экономика Средней Азии вступала в новый, более прогрессивный этап своего развития.

Самым же важным прогрессивным результатом территориального присоединения Средней Азии к России является то, что оно способствовало сближению народов Средней Азии с русским народом. В конце XIX века молодой рабочий класс России уже занимал первое место в рядах революционного мирового пролетариата. После присоединения Средней Азии к России сюда проникали

не только русский капитал и буржуазные отношения, но и русские рабочие, передовая общественно-политическая мысль, революционная идеология пролетариата. Открылась широкая перспектива для установления тесной дружбы между русским народом и местными трудящимися, их совместной борьбы против эксплуататоров и угнетателей. Таких возможностей не имели колониальные народы Азии, Африки и Америки.

Сам русский народ к завоеванным народам относился более дружелюбно, был лишен чувства презрения к ним, ибо он еще со времен Московского государства, когда Россия становилась многонациональной страной, вступил в тесное общение с покоренными народами, что питало чувства дружбы и сотрудничества с ними. Это проявлялось в неоднократных совместных выступлениях русских и украинских крестьян против царизма, в участии башкир и казахов в восстании русских крестьян под водительством Пугачева, в совместном труде русских крестьян и народов колониальных окраин по освоению новых земель Сибири, Средней Азии и т. д.

Однако, каково бы ни было прогрессивное значение присоединения Средней Азии к России, сущность политики царизма была и остается колониальной. Прогрессивными были не субъективные стремления царского правительства, побудившие его к завоеванию Средней Азии в интересах русских капиталистов и помещиков, а те перемены, которые объективно и закономерно произошли в судьбе народов Средней Азии в соответствии со складывающейся тогда новой исторической обстановкой.

Высказывание Маркса о значении завоевания Индии Англией может быть распространено и на завоевание Средней Азии Россией. В статье «Британское владычество в Индии» Маркс писал: «Английское вмешательство, в результате которого прядильщики оказались в Ланкашире, а ткачи в Бенгалии, или как индийские прядильщики, так и индийские ткачи были вообще сметены с лица земли,— разрушило эти маленькие полуварварские, полуцивилизованные общины, уничтожив их экономический базис, и таким образом произвело величайшую и, надо сказать правду, единственную *социальную* революцию, пережитую когда-либо Азией»[1].

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Избр. произв. в двух томах, т.I. М., 1949, стр. 308.

Далее он писал: «Совершая социальную революцию в Индостане, Англия, правда, руководствовалась самыми низменными интересами и проявила тупость в тех способах, посредством которых она ее навязывала Индии. Но не в этом дело. Вопрос в том, может ли человечество выполнить свое назначение без коренной революции в социальном состоянии Азии. Если нет, то Англия, несмотря на все свои преступления, была бессознательным орудием истории, совершая эту революцию»[1].

На наш взгляд, царская Россия, завоевывая Среднюю Азию, также выступала как «бессознательное орудие истории» и вопреки реакционным устремлениям своих господствующих верхов способствовала осуществлению тех социальных перемен в жизни Средней Азии, которые при данных условиях не могли быть проведены собственными силами самой Средней Азии.

Роль России как «бессознательного орудия истории» по отношению к народам Средней Азии, в частности узбекского народа, проявилась в экономических, политических и культурных переменах в их жизни. Для понимания существа этих перемен можно привести слова Маркса о двоякой миссии, которую должна была выполнять Англия в Индии: «Англии предстоит выполнить в Индии двоякую миссию: разрушительную и созидательную,— с одной стороны, разрушить старое азиатское общество, а с другой стороны, заложить материальную основу западного общества (капитализма — *М. В.*) в Азии»[2].

Конечно, разрушение старого здесь также не могло проходить мирно, без социальных потрясений. Но в Средней Азии в процессе разрушения старого и создания нового, хотя оно и осуществлялось в интересах господствующих классов России, возникали, как указывалось, такие явления, которых не было, скажем, в Индии. Это было слияние в единое целое освободительного движения местных трудящихся и движения русского революционного пролетариата — самое главное прогрессивное последствие присоединения Средней Азии к России.

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Избр. произв. в двух томах, т. I, М., 1948, стр. 309.

[2] Там же, стр. 311.

2. Хозяйственно-культурная жизнь узбеков в колониальный период

Царское правительство смотрело на Туркестан как на свою колонию и с этой позиции провело здесь ряд мероприятий. Все земли были объявлены принадлежащими государству. Только те земли были оставлены за владельцами, по которым имелись документы (грамоты), подтверждающие право владельцев на данный участок. Таким образом был нанесен существенный удар по феодальной собственности, по амляку и частично вакуфу.

Все землевладельцы были обложены налогами и их былые в этом отношении привилегии ликвидированы.

Амляковые земли, а также частные, перешедшие в распоряжение казны, передавались крестьянам, которые их обрабатывали. Эти земли, считаясь государственной собственностью, передавались для наследственного пользования лицам, фактически обрабатывающим их. Объективно это было разрушением основы основ, на которой веками держались феодальные порядки в Средней Азии.

Другим значительным мероприятием было уменьшение размера налога и упразднение многих натуральных повинностей. Крестьяне должны были вносить в казну налог в размере 10 процентов от валового дохода, вместо ранее взимавшихся 20 и более процентов. Всякие «кафсаны», «ушри» и другие виды налогов в пользу ханских чиновников теперь отпали. Крестьяне, обрабатывавшие частновладельческие земли, платили аренду в зависимости от условий договоренности (от трех четвертей до половины урожая); как и раньше, они назывались чайрикерами.

Вместе с тем перемены в жизни кишлака не освободили крестьян от феодальной зависимости полностью. Землевладельцы продолжали жестоко эксплуатировать крестьян-издольщиков — чайрикеров. Положение крестьян, обрабатывавших бывшие амляковые земли, тоже оставалось тяжелым, так как они не имели рабочего скота, земледельческих орудий и семян и в связи с этим неизбежно попадали в зависимость от ростовщиков и тех же феодалов.

Тем не менее это была та самая коренная ломка, которую не в силах была завершить самостоятельно сама Средняя Азия. Переход преобладающего боль-

шинства поливных земель в руки фактически обрабатывающих их крестьян превратил последних в самостоятельных хозяев, открыл путь к развитию капиталистических отношений в кишлаках.

В результате присоединения к России Средняя Азия должна была стать хлопковой базой русской текстильной промышленности. В этом деле большую роль сыграло внедрение в сельское хозяйство страны американских разновидностей хлопчатника.

В 1889 году в Туркестанском генерал-губернаторстве было засеяно американским хлопчатником 50 тысяч десятин, через 6 лет — уже 110 тысяч десятин. В 1892 году было вывезено 3 миллиона пудов волокна американского хлопка. Посевы его распространились в Сырдарьинской, Самаркандской и Ферганской областях. С расширением хлопководства повысилась товарность сельского хозяйства.

Среднеазиатская политика царизма в первый период была направлена на превращение Средней Азии в рынок для русской промышленности. Интересы русских промышленников требовали недопущения здесь развития современной промышленности, могущей быть конкурентом для русских фабрик.

Конкуренция русских товаров, более дешевых и лучших по качеству, чем местные ручные изделия, привела к значительному сокращению отдельных отраслей местного кустарного производства, ликвидировалась местная горнодобывающая промышленность. Хорошие металлические изделия, привозимые из России в достаточном количестве, привели к прекращению добычи металла кустарным способом. Из металлообрабатывающих промыслов осталось только производство кетменей и серпов, выпускавшихся в значительном количестве. Сократилось производство медных круглых подносов (лягаяны), рукомойников, кувшинов (кўза), чайников-кипятильников (кумганы) и т. д. Заметно также сократилось производство бумажного текстиля. Завоз российских фарфоровых изделий вызвал уменьшение гончарного производства. В 1871 году в Ташкенте имелось 341 самостоятельное кустарное производство по выделке кожи, а в 1892 году из них осталось только 66. Сокращение местного текстильного производства привело к сокращению красильных предприятий: из 300 осталось 20.

Таким образом, на первых порах присоединение Средней Азии к России привело к разрушению старой городской промышленности, основанной на ручном труде, носившей отпечаток средневековья, обслуживавшей только окрестные кишлаки и в условиях господства цехового строя, задерживавший развитие капиталистических отношений.

Но не все отрасли городской хозяйственной жизни пришли в упадок. Сохранилось ткачество, обработка шелка. Последняя была развита в городах Маргелане, Бухаре и частично в Самарканде. Такие шелковые изделия, как атлас, бекасам, банорас, адрас и другие, выдерживали фабричную конкуренцию. Производство ковров, шитье ичигов, сапог также продолжало расти. Хотя русский фарфор нанес значительный удар гончарному производству, все же определенные виды глиняной посуды продолжали вырабатываться.

В городах появились новые промышленные заведения — винные, пивные, хлопкоочистительные и маслобойные заводы. Вновь возникшие 195 промышленных предприятий капиталистического типа имели наемных рабочих[1].

С присоединением Средней Азии к России городская жизнь развивалась и вширь и вглубь. Рядом почти со всеми старыми городами, расположенными на территории Туркестанского генерал-губернаторства, зарождались новые, «русские» части городов,— новые не только по времени их возникновения, но и по своему строению, социальному составу и укладу хозяйства.

В связи с возникновением новых городов большой рост получили ремесла плотников, каменщиков, штукатуров, столяров, труд строительных рабочих.

Основное население новых городов было русское — служащие государственных учреждений, военнослужащие, торговцы, предприниматели, ремесленники и рабочие разных специальностей.

В течение 25—30 лет после присоединения Средней Азии к России такие новые города с русским населением выросли в тесном и непосредственном соседстве со ста-

[1] *В. В. Заорская* и *К. А. Александер.* Промышленные заведения Туркестанского края, вып. I, т. II, Петроград, 1915.

рыми городами — Ташкентом, Самаркандом, Кокандом, Андижаном, Маргеланом, Чимкентом, Туркестаном и Аулие-Ата. На территории Бухары возникли города Каган, Чарджуй, Термез, Хорог (на Памире), в Хивинском ханстве — Новый Ургенч, в Закаспии — Красноводск, Асхабад и др.

Оживлению хозяйственной жизни Средней Азии способствовало также проведение сюда железной дороги. К строительству железной дороги приступили в середине 80-х годов; в 1888 году ее довели до Самарканда, в 1898 году — до Андижана, а в 1899 году — до Ташкента, причем в 1906 году Ташкент был соединен железнодорожной веткой с Оренбургом.

Проведение железной дороги явилось началом разрушения экономической замкнутости отдельных районов как внутри Средней Азии, так и ее самой в целом. Стала осуществляться связь с мировым рынком. Правда, эта связь была еще мало ощутима, ее влияние внутри края было незначительным, но тем не менее она представляла собой новое явление с многообещающими перспективами.

С расширением торговли между Россией и Средней Азией, естественно, развивались товарно-денежные отношения внутри последней.

В отличие от прежних, порожденных феодальным хозяйством торгово-денежных отношений, теперь в торговлю вступают непосредственные производители, включая и крестьян. Торговля базируется не на натуральной ренте, взимаемой ханами и феодальной верхушкой с крестьян, а в основном на самостоятельном производстве крестьян и кустарей, с одной стороны, и ввозе товаров из России, с другой.

В конце XIX и в начале XX века Россия вступила в стадию империализма, для которой была характерна, в частности, концентрация капитала, приведшая к господству монополий, и усиление, наряду с вывозом товаров, вывоза капитала.

Возникновение монополистических объединений в хлопчатобумажной промышленности России нашло непосредственное отражение и в хозяйственной жизни Средней Азии, привело к усилению господства русской империалистической буржуазии и к еще большему колониальному закабалению народных масс.

В Средней Азии монополии устанавливали повышенные цены на свои товары и пониженные цены на сырье, вывозимое ими из Средней Азии. Так, после образования синдиката хлопчатобумажных фабрикантов Московского района цена московского ситца была поднята более чем на 30 процентов, тогда как цена хлопчатобумажных тканей несиндицированных предприятий понизилась на 10—20 процентов. По такой повышенной цене синдикат продавал свои товары в первую очередь на отдаленных колониальных окраинах.

В начале XX века Узбекистан уже превратился в район, производящий хлопковое волокно для русской текстильной промышленности. Специализация его сельского хозяйства на производстве хлопка-сырца внесла глубокие изменения в хозяйственный строй села, а появление промышленных предприятий по первичной обработке хлопка легло в основу социальных преобразований жизни города.

При этом в поливных районах Узбекистана хлопок начал вытеснять другие сельскохозяйственные культуры, что видно, например, из изменения соотношения посевных площадей отдельных культур в Ферганской области (табл. 1; в проц. к итогам)[1].

ТАБЛИЦА 1

Культуры	1885 г.	1905 г.	1915 г.
Хлопок	14	17	44
Зерновые злаки	26	47	27
Джугара-кукуруза	22	16	11
Люцерна	15	8	8
Рис	16	8	7
Прочие	7	4	3
Итого	100	100	100

Соответственно этому рос валовой сбор хлопка в поливных районах Туркестана. Если в 1910 году он составлял 25 488 тысяч пудов, то в 1915 году поднялся уже до 33 918 тысяч пудов.

Все эти изменения в сельском хозяйстве Узбекистана в начале XX века в основном имели место в узбекских районах Туркестанского генерал-губернаторства.

[1] Вся Средняя Азия на 1926 год, Ташкент, 1926, стр. 135.

Что касается Бухарского эмирата и Хивинского ханства, то степень такого рода изменений там была значительно ниже.

Начало XX века ознаменовалось ростом промышленности в городах Узбекистана. Хотя уровень развития промышленности в целом намного отставал здесь от центральных районов России, не говоря уже о странах Западной Европы, но темпы ее роста были сравнительно высокими. В особенности это было заметно в Ферганской области. К 1914 году здесь уже существовало 309 предприятий капиталистического типа, в Сырдарьинской области — 117, а в Самаркандской — 112.

Значительно ускорились темпы роста промышленности после 1905 года. Если в период с 1880 по 1900 год ежегодно строилось в среднем 7 предприятий, а с 1900 по 1910 год — по 22, то с 1910 по 1914 год ежегодно строилось уже по 45 предприятий[1].

Характерная особенность промышленности Узбекистана заключалась в том, что главные отрасли ее работали на вывоз. Отрасли, обслуживавшие внутренний рынок самого Узбекистана, по своим масштабам занимали второе место.

На вывоз работали хлопкоочистительная, шерстомойная, коконосушильная, кожевенная, кишечная, шелкообрабатывающая, частично маслобойная и ряд других отраслей. Внутренний рынок обслуживали пищевая, мыловаренная, мукомольная, металлообрабатывающая, пивоваренная, винодельческая, горнодобывающая отрасли промышленности.

В. И. Ленин, характеризуя развитие народного хозяйства разных колониальных стран, писал: «...Капитализм в Польше, в Финляндии, на Украине, в Эльзасе, несомненно, развивает производительные силы и сильнее и быстрее и самостоятельнее, чем в Индии, в Туркестане, в Египте и других колониях чистейшего типа»[2].

На примере хлопкоочистительной промышленности особенно ярко видно несамостоятельное, иначе говоря, подчиненное развитие производительных сил в Туркестане. Хлопкоочистительная промышленность трех областей Туркестана давала продукцию в сумме 96,5 миллиона рублей, что составляло 80 процентов всей валовой продукции промышленности этих областей. Хлопкоочистительные предприятия составляли одну треть всей промышленности трех областей края. Если взять Узбекистан в его нынешних границах, то в 1913 году из 425 промышленных предприятий 209 были представлены хлопкоочистительными заводами.

[1] *В. В. Заорская* и *К. А. Александер*. Указ. соч., стр. 32.
[2] *В. И. Ленин*, Соч., т. 22, стр. 323.

Появление и развитие маслобойных заводов также было непосредственным последствием развития хлопководства и хлопкоочистительных заводов, почему они в основном и возникали в хлопковых районах. Перед Октябрьской революцией в крае действовало 22 маслобойных завода. Некоторые из них кооперировались с хлопкоочистительными заводами.

Тесно были связаны с хлопководством мыловаренные заводы, работавшие на отходах хлопкового масла. Более или менее крупных мыловаренных заводов в Коканде было 2, в Андижане 1, в Намангане 1, в Ташкенте 2.

Из других отраслей сравнительно заметную для Узбекистана роль играли мукомольная, винодельческая, металлообрабатывающая и горнодобывающая промышленность.

К отраслям тяжелой промышленности относились электростанции, чугунолитейные и кирпичные заводы. Но эти отрасли переживали пока период своего зарождения. На нынешней территории Узбекской ССР было 10 более или менее значительных чугунолитейных предприятий, из них девять находилось в Ташкенте.

На территории Узбекистана существовало всего шесть небольших тепловых электростанций и не было ни одной гидроэлектростанции, несмотря на то, что Узбекистан богат мощными гидроэнергетическими ресурсами.

С 1908 года начался новый этап железнодорожного строительства. В отличие от прежних новые железные дороги строились теперь частными предпринимателями. Были построены Ферганская и Бухарская ветки.

Для правильного понимания характера развития экономической жизни края необходимо иметь в то же время в виду, что несмотря на быстро развивающуюся капиталистическую промышленность значительное ме-

сто в экономической жизни еще занимала кустарная промышленность.

По материалам сельскохозяйственной переписи 1917 года общее количество кустарей во всех районах Туркестана определялось в 108 324 человека с годовой продукцией в 62 792,1 тысячи рублей, то есть в среднем по 600 рублей на каждого кустаря[1].

Такова была общая картина экономики Туркестана в начале XX века.

Изменилось соотношение между населением городов и кишлаков за счет быстрого роста населения городов. За 13 лет (с 1897 по 1910 год) городское население увеличивалось в следующем масштабе (табл. 2).

ТАБЛИЦА 2

Города	1897 г.	Начало 1910 г.
Ташкент	155 673	201 191
Коканд	81 354	113 636
Андижан	47 627	76 367
Самарканд	55 128	89 693
Итого . .	339 782	480 887

Если общее количество населения Туркестана за этот период увеличилось на 22,6 процента, то количество населения указанных четырех крупных городов увеличилось на 41,2 процента.

В 1910 году в Ферганской области было семь городов, а их население составляло 18,1 процента всего населения области. В Самаркандской области население шести городов составляло 15,7 процента общего количества населения.

Как видим, налицо были серьезные перемены, происшедшие в хозяйственной жизни народов Средней Азии, в частности узбекского народа, в колониальный период.

Особенно важно отметить, что в результате развития народного хозяйства края тюрки Мавераннахра и кочевые узбеки стали земледельцами и ремесленниками. Фактически завершились их оседание и «узбекизация».

[1] Статистический ежегодник 1917—1923 гг., т. II, Ташкент, 1924, стр. 45.

В этом отношении очень ценна таблица, воспроизведенная в материалах сенаторской ревизии графа К. К. Палена (табл. 3)[1].

ТАБЛИЦА 3

Показатели	Сырдарьинская область			Ферганская область			Самаркандская область		
	По роду занятий, в %								
	земледелие	скотоводство	прочие	земледелие	скотоводство	прочие	земледелие	скотоводство	прочие
Сарты . . .	57,55	1,62	40,83	59,50	0,35	39,97	44,54	0,78	54,68
Узбеки . . .	69,04	1,72	29,24	44,72	0,40	54,88	82,07	2,16	15,77

Авторы материалов считают сартов и узбеков разными народностями, что, как было сказано выше, неверно. Но приводимая таблица важна тем, что в ней ярко показано оседание бывших кочевников-скотоводов. Графа «прочие» включает в себя ремесло, торговлю и извоз, то есть все городские промыслы[2]. Из таблицы видно, что бывшие кочевники-скотоводы, то есть тюрки Мавераннахра и кочевые узбеки, названные авторами материалов «узбеками», так же как и сарты, стали оседлыми земледельцами и ремесленниками. В Сырдарьинской области они обитали в Ташкентском оазисе, где 69,04 процента их стало земледельцами, а 29,24 процента — ремесленниками и т. д. Скотоводством занималось только 1,72 процента. В Фергане скотоводов почти не осталось (всего 0,4 процента), в Самарканде их было 2,16 процента. Таким образом, по хозяйственному складу жизни между сартами и узбеками, то есть вторым и третьим пластами узбекского народа на территории Туркестана, различий уже не осталось.

К сожалению, точных данных о соотношении между оседлыми узбеками и узбеками, ведшими кочевой образ жизни в Бухарском эмирате и Хивинском ханстве колониального периода, не имеется. Но данные о количестве всего оседлого и кочевого населения Бухарского эмира-

[1] Материалы к характеристике народного хозяйства в Туркестане, ч. I, отдел 1, СПб., 1911, стр. 85.

[2] Там же, стр. 86.

та из материалов районирования Средней Азии показывают, что в узбекских и таджикских районах Бухарского эмирата фактически не осталось населения, ведущего чисто кочевой образ жизни, за исключением казахов Кенимехского района. Существовало незначительное число полукочевых племен главным образом из кунгратов в районах Тангихарама, Байсуна и Ширабада[1]. В 1924 году их было 67 500 человек[2]. Количество всего сельского населения Бухары, по материалам районирования Средней Азии, составляло 1 531 015 человек[3], следовательно, на долю полукочевых племен падало немногим более 4 процентов.

Что касается узбекских районов Хивинского ханства, то здесь, собственно, уже все сельское население было оседлым.

Таким образом и в Бухарском эмирате и в Хивинском ханстве второй и третий пласты узбекского народа также стали оседлыми.

Итак, если в начале XIX века скотоводство занимало в жизни бывших тюрков Мавераннахра и кочевых узбеков еще заметное место и следы кочевого образа жизни были значительны, то в начале XX века все группы узбеков по характеру своей хозяйственной жизни фактически стали однородными, различия между ними сохранялись только в общем уровне их экономического и культурного развития и в быту.

Хозяйственные и экономические перемены в жизни народа сопровождались культурными сдвигами, также связанными с присоединением Средней Азии к России и с объективно прогрессивными последствиями его.

Царское правительство не было заинтересовано в перестройке быта и культуры колониальных народов. По своей социальной природе оно было противником всякой, не только демократической, но даже и буржуазной перестройки общественной жизни на окраинах России.

---

[1] Материалы по районированию Средней Азии, кн. I, ч. I, Ташкент, 1926, стр. 7.

[2] Бухара в государственном хозяйственном плане на 1923—1924 годы. Старая Бухара, 1923, стр. 54.

[3] Материалы по районированию Средней Азии, кн. I. Территория и население Бухары и Хорезма, ч. I Бухара, Ташкент, 1926, стр. 149.

Уровень быта и культуры народа, который царизм застал в Средней Азии, вполне соответствовал его интересам.

Фактически быт узбекского народа сохранил средневековые черты. Местные школы-мактабы и медресе не давали народу никаких научных знаний. Печати не существовало. Здравоохранение сосредоточилось в руках мулл и знахарей.

Политика царизма в области быта и культуры узбекского народа в основном была направлена на сохранение старых обычаев и средневековой отсталости. Царизм не затрагивал и основ ислама, так как его религиозная мораль, подобно христианству, не противоречила интересам эксплуататоров и угнетателей. Царизм охотно пользовался услугами мусульманского духовенства.

Так продолжалось примерно до последнего десятилетия XIX века. С 90-х же годов начинается заметное изменение духовной жизни местного населения, прежде всего населения крупных городов — Ашхабада, Самарканда, Коканда и особенно Ташкента, который стал к этому времени культурным центром края, в чем основную роль играла не царская администрация, а представители передовой русской интеллигенции.

В результате присоединения Средней Азии к России сюда, в первую очередь в ее города, проникают не только царские военные и гражданские чиновники и различные дельцы, но и представители передовой русской интеллигенции: ученые, учителя, демократически настроенные средние и мелкие чиновники, рабочие, ремесленники. Они становятся постоянными жителями городов. В этот период именно через них в Среднюю Азию проникает и передовая русская культура.

Уже с первых дней присоединения и позже в Среднюю Азию прибыло много крупных русских географов, геологов, естествоиспытателей, как например, П. П. Семенов-Тянь-Шанский, Н. А. Северцов, А. П. Федченко, И. В. Мушкетов, Г. Д. Романовский и др. Большую роль в собирании и изучении материалов по истории и культуре народов Средней Азии сыграли востоковеды В. В. Бартольд, Н. И. Веселовский и их сподвижники.

Усилиями передовых русских людей в Туркестан проникали научные и художественные произведения, созданные в России и странах Европы. Из частных биб-

лиотек нескольких русских ученых и подарков научных и культурных учреждений Петербурга и Москвы составился первоначальный фонд Туркестанской публичной библиотеки (ныне Государственной публичной библиотеки им. Алишера Навои), открытой еще в 1870 году.

По инициативе А. П. Федченко члены Туркестанского отдела Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии организовали в 1871 году музей.

Важным событием в культурной жизни края было издание в Ташкенте, Самарканде, а впоследствии и в других городах Туркестана газет, журналов и появление книгопечатания.

Из различных учреждений, сыгравших большую роль в изучении экономики, культуры и природных богатств края, первыми были Туркестанский статистический комитет, Туркестанский отдел Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, Ташкентская астрономическая и физическая обсерватория, Туркестанская опытная сельскохозяйственная станция и Туркестанское общество сельского хозяйства, Туркестанский отдел русского технического общества, Туркестанский отдел русского географического общества, Туркестанский кружок любителей археологии, научно-медицинские общества и др.

Важное значение имело открытие в Туркестане, в частности в Ташкенте, светской школы и медицинских учреждений, способствовавших значительному повышению уровня общей и санитарной культуры населения.

До присоединения Средней Азии к России светские науки здесь не изучались. Первая русская школа в Ташкенте открылась в 1866 году на средства, собранные среди жителей нового, зарождающегося русского поселения.

В дальнейшем, по мере роста русского населения, в Ташкенте открывались приходские, железнодорожные школы и специальные училища. К 1905 году в городе числилось 23 низших начальных учебных заведения.

Эти культурные явления, вопреки политике царизма, влияли на быт и культуру местного населения. В период царского владычества в местных мактабах никаких существенных изменений не происходило, но под влиянием русской культуры возникла идея приспособления старой

школы к интересам развивающегося капитализма. Были сделаны попытки некоторого преобразования старой школы — мактаба. Преобразование касалось в основном методов обучения и незначительного расширения учебной программы за счет включения в нее арифметики, элементов геометрии и географии. В истории эти школы получили название «новометодных школ» (мактаби-усулиджадид, от последнего слова образовалось название идеологов национальной буржуазии — «джадиды). Такая школа впервые была создана в Крыму идеологами крымской национальной буржуазии еще в 1884 году. В Туркестане новометодная школа возникла в Андижане в 1899 году при частном хлопкозаводе; позже они появились во всех городах.

В истории политического, экономического и культурного развития городов колониального Туркестана ярко выражены основные социальные противоречия царской России. Сюда проникали не только колонизаторские порядки и формы помещичье-буржуазного угнетения, господствовавшие в самой России, но и новые капиталистические отношения, ставшие определяющими в общественной жизни русского общества. Распространялась не только антинародная великодержавно-шовинистическая идеология русских помещиков и реакционной буржуазии, но и прогрессивная демократическая культура великого русского народа. В городах Туркестана наряду с полицейскими участками, тюрьмами, церквями, банками и торговыми биржами появлялись библиотеки, школы, гимназии, музеи, больницы, аптеки, театры и т. д.

Конечно, русская прогрессивная культура не сразу внедрялась в жизнь широких масс местного населения. На этом пути стояли большие препятствия как со стороны царизма и русской буржуазии, так и со стороны местных эксплуататорских классов, духовенства и феодальных элементов. Но объективный ход развития экономики и культуры народов Средней Азии и рост пролетарского революционного движения в России в дальнейшем, преодолевая всякие препятствия, привел к установлению прочной связи между народами Средней Азии и России.

В этот период появляется и новое течение в узбекской художественной литературе. Оно было дальнейшим развитием литературной традиции поэтов-разоблачите-

лей XVII и начала XVIII века — Турды, Муниса, Гулхани, Махмура, Хазыка и др. В нем ярко проявляется переход от ограниченной критики и разоблачения феодальной верхушки к стремлению выразить заветные чаяния трудового народа, воспеть его надежды и желания. Представителями этого течения явились Мукими, Фуркат, Аваз Отар-оглы, Завки и др. Критикуя господствующие классы, они вместе с тем пропагандировали идеи свободы личности, политического равноправия. В своих произведениях они выражали основную прогрессивную тенденцию своей эпохи. Произведения этих поэтов и писателей получили широкое распространение среди народа: язык их прост и образен, несложен и реалистичен. Они являлись ярыми противниками мракобесия и пропагандировали передовую русскую науку и культуру.

Творчество местных прогрессивных поэтов и писателей имело огромное значение в повышении культурного уровня и политической сознательности широких масс трудящихся. Критикуя отдельных представителей царизма и местных эксплуататорских классов, они призывали народ к сближению с русским народом и старались показать ему преимущества России перед отсталыми восточными странами, в частности перед Турцией, что ослабляло влияние мусульманского духовенства.

Произведения прогрессивных поэтов и писателей оказали большое влияние на развитие литературного языка, благодаря широкой практике издания отдельных альманахов на узбекском языке, распространявшихся по всей территории Средней Азии.

Наряду с письменной литературой, на развитие которой оказало сильное влияние появление книгопечатного дела, в крае продолжала развиваться и устная народная литература. Она была широко распространена среди узбеков Зеравшанской долины, Восточной Бухары, Хивы и Афганского Туркестана. Эта литература отличалась своей реалистичностью, непосредственностью и народностью. В ней не было той сложности формы и бледности содержания, которые были характерны для антинародной феодальной литературы. Сюжеты устной литературы обогащались теперь новыми темами и новыми героями. Раньше поэты, как правило, воспевали справедливые деяния эпических народных героев и клеймили ханов-

тиранов. Основной темой в их творчестве была тема любви и борьбы за личное счастье. Теперь ко всему этому прибавилась тема борьбы реально существующего трудового человека против баев, царских чиновников и продажных местных аксакалов, казиев.

После опубликования манифеста 17 октября 1905 года лидеры джадидов стали упорно добиваться разрешения на издание своей газеты[1]. Она вышла под названием «Урта Осиёнинг умр гузорлиги» (Среднеазиатское обозрение). Газета не имела определенной линии, не создала вокруг себя актива, не завоевала популярности. Даже сами джадиды постепенно отошли от нее. Уже к началу 1906 года она прекратила существование. В начале 1906 года джадиды добились разрешения на выпуск новой газеты — «Тараккы» (Прогресс). С начала спада революционного движения в стране газета «Тараккы» в августе 1906 года была закрыта.

В сентябре 1906 года джадиды стали издавать газету под названием «Хуршид» (Солнце). В этой газете критика существовавшего социально-политического строя принимает совершенно лояльный тон, но зато попытка сыграть на национальных чувствах масс принимает на страницах газеты все больший масштаб. Газета в ноябре 1906 года была закрыта.

В 1907 году лидеры джадидов вновь начали ходатайствовать о разрешении издавать газету, и в декабре 1907 года стала выходить газета под названием «Шухрат» (Слава). Она существовала до февраля 1908 года. В этой газете идея сотрудничества с русской буржуазией и борьбы против революционного движения принимает еще более четкий характер. В апреле 1908 года на средства газеты «Шухрат» стала издаваться газета «Азия». Ее линия ничем не отличалась от линии предыдущих газет. Всего вышло пять номеров.

В эти годы появилась также частная газета, издававшаяся ташкентским миллионером Саид-Каримом Саид Азимбаевым. Она называлась «Туджар» (Купец), но авторитетом не пользовалась; царская администрация относилась к ней терпимо; вскоре она также перестала выходить.

---

[1] Первой газетой на узбекском языке явилась издававшаяся местными властями «Туркистон вилоятининг газетаси» (Туркестанская туземная газета).

С 1912 года джадиды снова возобновили издание газет и журналов. В отличие от предыдущего периода газеты выходили теперь не только в Ташкенте, но и в других городах Туркестана. Так, в 1913 году в Самарканде под редакцией Бехбуди издавалась газета «Самарканд», в 1914 году в Ташкенте — газета «Садои Туркистон» (Голос Туркестана). Одновременно с последней в Фергане выпускалась газета «Садои Фарғона» (Голос Ферганы), в 1915 году в Коканде — газета «Тирик сўз» (Живое слово). В эти же годы появились первые журналы на узбекском языке. В 1913 году в Самарканде вышел журнал «Ойина» (Зеркало), а в 1915 году в Ташкенте — журнал «Алислох» (Реформа). Появились газеты и в Бухаре. Бухарские джадиды издавали сначала газету «Бухорои Шариф» (Священная Бухара), затем «Туран».

Непрерывно росло книгопечатание. В Ташкенте, Коканде, Самарканде, Бухаре и Хиве появились литографии, печатались разные книги на узбекском языке. Наряду с религиозными книгами тысячными тиражами выходили книги Навои, Фузули, Машраба, сборники стихов «Баязи» таких прогрессивных поэтов, как Фуркат, Мукими, Аваз Отар-оглы и др.

Под влиянием русской прогрессивной культуры началось расшатывание основ ислама. В быту стали широко применяться товары русского происхождения. Если раньше народ верил в провокационные версии духовенства о том, что галоши сделаны из кожи и шерсти свиньи и поэтому носить их мусульманам грешно, то теперь этим басням никто не придавал значения, и галоши стали обычными в обиходе местного населения. Раньше употребление помидоров в пищу считалось грехом вследствие того, что они якобы относятся к разновидностям «собачьего винограда» (волчьи ягоды); теперь помидоры прочно входили в рацион местного населения.

Что касается таких предметов домашнего обихода, как керосиновые лампы, самовары, швейные машины, металлические кастрюли, заводские чугунные котлы и другие, то они повсеместно стали вытеснять старую местную домашнюю утварь.

Тяга народа к светскому образованию проявилась в росте количества русско-туземных и новометодных школ.

В 1895 году русско-туземных школ на территории, соответствующей нынешнему Узбекистану, было 16; накануне первой мировой войны их насчитывалось уже до 50. Количество учащихся в них увеличилось с 350 до 2100 человек.

Наряду с русско-туземными школами росло количество новометодных школ. Только в одном Андижане существовало 18 новометодных школ, привлекавших к себе тем, что они сравнительно быстро давали ученикам навыки чтения и письма и срок обучения грамоте был значительно сокращен.

На фоне общего прогрессивного изменения культурной жизни узбекского народа происходили значительные изменения в искусстве и архитектуре.

Однако основа культурной и духовной жизни народа оставалась без решительных изменений. Господствующей идеологией оставался ислам; преобладающими учреждениями просвещения были мактабы, медресе и кариханы. Хотя число учащихся мактабов особенно не увеличилось, но духовенство усиленно расширяло их сеть с тем, чтобы преградить путь представителям местного населения в русско-туземные и новометодные школы. В 1894 году в Самаркандской и Ферганской областях функционировало 3500 мактабов и медресе с общим количеством учащихся в 50 тысяч человек. А накануне первой мировой войны их количество дошло до 5300, хотя количество учащихся увеличилось только на 2000 человек. Такой незначительный рост количества учеников мактабов и медресе по сравнению с ростом русско-туземных и новометодных школ свидетельствовал о некотором падении престижа старой школы.

Не надо, конечно, забывать при этом, что общая грамотность населения оставалась чрезвычайно низкой и число грамотных вплоть до революции не превышало двух процентов к общему числу жителей.

3. Социальный строй узбекского народа в колониальный период

До присоединения к России в Средней Азии безраздельно господствовал феодальный способ производства. Узбекское общество состояло из светских и духовных феодалов, из зависимых крестьян, в том числе чайрикеров, наемных ремесленников (хальфа, нимкор,

шогирд), из мардикеров, главным образом живущих отхожим промыслом, наконец, из самостоятельных крестьян и кустарей. Если сгруппировать все эти слои по социальным классам, то получится следующая картина: эксплуататорские классы — феодалы (духовные, светские, ханские чиновники, ростовщики), трудовые крестьяне, наемные работники кустарей (чайрикеры, хальфы, нимкоры, шогирды, мардикеры), зажиточные крестьяне и кустари. Характеристика этих классов и социальных групп дана в первой главе книги.

В колониальный период на базе перемен, происходивших в хозяйственном строе узбекского народа, появились новые социальные классы и подверглись значительному изменению старые. Появился класс узбекской буржуазии и класс узбекского промышленного пролетариата.

Дореволюционная статистика не оставила нам не только данных о количественной характеристике отдельных социальных классов и групп, но даже более или менее точных общих данных о численности узбекского народа. В Бухарском эмирате и Хивинском ханстве вообще ни разу не проводилась перепись населения. В Туркестанском генерал-губернаторстве перепись населения, проведенная в 1897 году, частные местные переписи, проведенные краевой администрацией в разные годы и в различных масштабах с фискальной целью, и, наконец, сельскохозяйственная перепись 1917 года,— не дают ясной и четкой социальной характеристики населения края вообще и узбекского народа в частности. Это объясняется не только тем, что сама техника проведения переписи была несовершенна и страдала неточностями и погрешностями, а главным образом тем, что узбекский народ находился в процессе перехода к национальной общности и не существовало единого критерия группировки населения по этническим признакам: некоторые этнические коллективы включались то в состав одной народности, то в состав другой. Создавались большие трудности не только в выявлении социального лица узбекского народа, но и в уточнении его общей численности. Что касается социальной характеристики узбекского народа, то организаторы переписи такую задачу перед собой не ставили вообще.

Разрешить же этот вопрос хотя бы с известной долей вероятности необходимо, ибо без этого невозможно научно осмыслить процесс формирования узбеков в нацию.

Мы попытаемся поэтому сначала определить приблизительную численность узбеков, проживающих в Туркестанском генерал-губернаторстве, Бухарском эмирате и Хивинском ханстве[1], а затем, опираясь на материалы сенаторской ревизии графа К. К. Палена и труды дореволюционных экономистов, хотя бы приблизительно определить социальное лицо узбекского общества. Для данного случая мы берем численность узбекского народа без деления его на сартов, тюрков и кочевых узбеков.

Приступая к характеристике социального лица узбекского народа, считаем необходимым сделать два предварительных замечания. Во-первых, мы сопоставляем отдельные социальные классы и слои не по всему взрослому узбекскому населению, а только по мужскому. В колониальный период мужчины среди узбеков составляли примерно 51,5 процента[2]. Включение в расчет женщин искажает общую картину, ибо женщины-узбечки были отстранены от общественно-производственной жизни. Во-вторых, отдельные социальные группы мы сопоставляем по мужскому населению не только в рабочем возрасте, то есть от 18 до 59 лет, а по всему мужскому взрослому населению в возрасте свыше 18 лет, ибо в первом случае из расчета выпадают люди в возрасте свыше 60 лет, а они составляли собой значительное число. Если мужское население в рабочем возрасте в оседлых районах Туркестанского края по отношению ко всему мужскому населению составляло 57,1 процента[3], то мужское население в возрасте свыше 18 лет составляло 62,2 процента, то есть 6220 человек на 10 000[4]. Для того, чтобы наши выводы по возможности точнее отражали социальный строй узбекского народа, за исходный материал берем итоги сельскохозяйственной переписи 1917—1920 годов (Статистический ежегодник 1917—1923 гг.) и материалы сенаторской ревизии графа К. К. Палена.

Статистический ежегодник 1917—1923 годов обобщает данные о количестве населения в разрезе областей, уездов, с разбивкой на городское и сельское население

[1] Наше исследование определяется границей узбекских районов, вошедших в состав бывшей Российской империи, не касаясь узбеков, проживающих в нынешнем Северном Афганистане.

[2] Статистический ежегодник 1917—1923 гг., т. I, Ташкент, 1924, стр. 49, табл. 7.

[3] Там же, т. II, Ташкент, 1924, стр. 60.

[4] Там же, т, I, стр. 59.

и с возрастно-половой характеристикой, содержит данные о количестве промышленных и торговых заведений, кустарных предприятий, о числе промышленных рабочих и т. д. Хотя данные о промышленных и торговых заведениях относятся уже к 1922 и 1923 годам, за неимением других сведений пользуемся этими данными. Тем более, что к этому времени почти все дореволюционные торговые заведения продолжали функционировать с той лишь разницей, что часть из них представляла собой уже государственные или кооперативные магазины. Поэтому общее количество торговых заведений примерно совпадало с количеством дореволюционных торговых точек.

В областных статистических обзорах содержатся данные о количестве зарегистрированных кустарных предприятий с указанием числа занятых в них лиц. Это дает возможность определить приблизительно число зажиточных кустарей, их наемных работников и единоличных кустарей.

Хотя перечисленные нами материалы по времени не совпадают, все же они вполне пригодны для наших подсчетов, ибо при характеристике основ социального строя разница в несколько лет большого значения, особенно по тем временам, не имеет.

Начнем с характеристики городской буржуазии. К ней относятся владельцы промышленных предприятий, торговцы и зажиточные кустари. В Статистическом ежегоднике указывается, что в 1923 году в Самаркандской, Ферганской и Сырдарьинской областях числилось 12 884 промышленных предприятия[1]. Часть из них принадлежала государству и кооперации, а 12 529 — частным лицам. Государственные и кооперативные предприятия были крупного типа, но так как в годы гражданской войны в этих областях новых предприятий строилось мало, то само собою понятно, что до революции все эти предприятия принадлежали капиталистам. Исходя из количества данных предприятий, можно определить возможное число капиталистов-промышленников. Их было не меньше 13 000 человек, ибо некоторые предприятия были в годы гражданской войны разрушены и не работали. Таким же путем определяем примерное количество торговцев. В том же Статистическом ежегоднике значится, что в указанных областях было 16 142 торговых заведения[1]. Можно предположить, что примерное количество торговцев соответствует приведенной цифре 16 142. Далее, здесь же приводятся данные 1917 года о количестве лиц, занимавшихся кустарным промыслом. Из них видно, что в сельских местностях трех указанных выше областей было 52 796 кустарей, в городах всего края работало 28 445 кустарей[2]. Всего кустарей было 81 241. Однако в этих материалах не указывается количество кустарных заведений и социальное лицо кустарей. Для выяснения этого используем данные областных обзоров. В них, кроме лиц, занимающихся кустарным промыслом, перечисляется также количество зарегистрированных кустарных заведений, владельцы которых облагались промысловым налогом. Поэтому их количество значительно меньше количества всех ремесленников, зафиксированных во время переписи 1917 года.

В Ферганской и Самаркандской областях, а также в Ташкенте и Ташкентском уезде, согласно данным областных обзоров, было учтено 31 353 кустарных заведения, в которых работало 53 856 человек, дававших годовую продукцию на 15 559 902 рубля[3]. Если из общего количества кустарей 91 241 вычесть 53 856 учтенных кустарей, то оставшиеся 37 385 кустарей должны быть отнесены к бедным кустарям, неучтенным в дореволюционных обзорах и сочетавшим ремесло с разными другими работами (мардикерство, земледелие и т. д.). Из учтенных кустарей только 31 353 имели свои заведения, а остальные 22 503 являлись или наемными работниками, или членами семей кустарей. Но, конечно, не все владельцы учтенных заведений были зажиточными. Для определения количества зажиточных кустарей предположим, что в каждом из таких заведений в среднем работало три постоянных работника. Это примерно отражает действительное положение зажиточных кустарей. По утверждению многих исследователей, кустарные заведения были мелкого типа, в которых редко работало более 5—6 человек. В среднем производительность одного учтенного

[1] Статистический ежегодник 1917—1923 гг., т. II, стр. 48.

[1] Статистический ежегодник 1917—1923 гг., т. II, стр. 520—522.
[2] Там же, стр. 43, 45.
[3] Обзоры Самаркандской области за 1908 г., приложение 15; Ферганской области за 1916 г., приложение 11; Сырдарьинской области за 1912 г., приложение 30—35.

заведения составляла около 490 рублей при средней выработке одного учтенного кустаря в 290 рублей в год.

При таком условии делим учтенных кустарей, не имеющих своего заведения,—22 503 человека (53 856 минус 31 353) — на три и получаем 7501. Это число примерно должно определять количество зажиточных кустарей. Естественно, существовали кустари и с одним, двумя, четырьмя, пятью и более работниками. Но и в этом случае общее количество зажиточных кустарей должно колебаться в пределах указанного числа. Увеличение количества работников выше трех у одних означает уменьшение их у других. Во всяком случае число 7501 более близко к действительности; других исходных данных мы не имеем. Если из 31 353 заведений 7501 принадлежало зажиточным, то остальные 23 852 — средним и бедным кустарям.

Опираясь на это предположение, попытаемся определить различные социальные слои среди кустарей. В общей массе (91 241) кустари могли распадаться на следующие социальные слои: зажиточные кустари 7501, средние и бедные — 61 237 (37 385 — неучтенные и 23 852 учтенные, но не имеющие постоянных работников) наконец, 22 503 наемных работника и членов семей кустарей.

Кроме указанных социальных групп, в городах существовало значительное число рабочих. Это были рабочие промышленных предприятий, торговых заведений, железной дороги и городского, а также гужевого транспорта. Согласно материалам переписи 1923 года в Сырдарьинской области проживало 31 707 человек, занятых на промышленных предприятиях; в Самаркандской области —12 197[1]; в Ферганской области —16 616 рабочих[2]; всего 60 520. Сюда, по-видимому, входят и наемные работники кустарной промышленности.

Таким образом мы получаем следующую картину: городская буржуазия[3] — промышленники, тортовцы и зажиточные кустари —36 000 человек (мы округляем здесь цифры в границах сотни), средние кустари —24 000, бедные кустари — 37 000, городские рабочие (мардикеры) — 60 520.

[1] Классовый и социальный состав городского населения ТССР в 1923 г. Приложение к Статистическому ежегоднику, Ташкент, 1924, стр. 46—47.

[2] *В. В. Заорская* и *К. А. Александер*. Указ. соч., табл. 18.

[3] Сюда же входят и ростовщики и землевладельцы, жившие в городах, ибо они еще резко не дифференцировались.

Эти данные, по-видимому, близки к действительности, ибо по материалам переписи 1923 года, где социальный состав городского населения дан более точно, так называемые хозяева и помогающие им члены семьи по трем указанным областям составляют 104 678 человек[1], что соответствует 1, 2, 3 группам населения городов.

Переходя к определению численности сельского населения, прежде всего оговоримся, что хотя дореволюционные авторы оставили о нем более или менее полный материал, однако некоторые советские авторы, некритически используя их, допустили извращение фактического положения дел.

Дореволюционные экономисты Туркестана стояли на позициях земской статистики, которую критиковал В. И. Ленин. Они были далеки от научного определения социальных классов и слоев, да и вообще изучением их не занимались. Буржуазных экономистов-туркестановедов интересовал главным образом вопрос об увеличении производства хлопка для промышленности центра, и когда они занимались изучением хозяйственного состояния узбекских кишлаков, то делали это преимущественно для выявления резервов дальнейшего расширения посевной площади хлопчатника. К сожалению, некоторые наши авторы, некритически используя их материалы, допускают, как сказано, искажение действительности. Так, например, поступил А. Ф. Якунин в своей статье «Об экономических условиях формирования узбекской буржуазной нации»[2]. Для того, чтобы доказать высокий уровень развития капиталистических отношений в деревнях колониального Узбекистана, А. Ф. Якунин утверждает, что если в 1907 году в Ферганской области насчитывалось 150 тысяч сельскохозяйственных рабочих, то в 1910 году их стало 200 тысяч. Далее, он приводит данные из книги В. И. Юферова о том, что в обследованных им районах 33,9 процента хозяйств использовало труд мардикеров и 17,4 процента—труд чайрикеров[3], при этом первую группу он характеризует как

[1] Классовый и социальный состав городского населения ТССР в 1923 г., стр. 56—57, 60—61.

[2] «Вопросы истории», 1956, № 5.

[3] Там же, стр. 104.

капиталистическое хозяйство, а вторую—как феодальное. Действительно, такие данные приведены в работах дореволюционных авторов. Не останавливаясь пока на вопросе о том, насколько эти данные могут являться доказательством формирования узбеков в буржуазную нацию, рассмотрим их с точки зрения интересующего нас вопроса о социальном лице узбекского народа. Возьмем данные, приведенные из книги В. И. Юферова, на которые ссылаются, кроме А. Ф. Якунина, еще многие авторы. По Юферову, из 793 обследованных хозяйств 138, или 17,4 процента, пользуются наймом чайрикеров, 269, или 33,9 процента,— мардикеров и 41, или 5,1 процента, нанимает рабочих на срок. Почему-то А. Ф. Якунин не привел последних цифр. В общей сложности получается 56,4 процента. Эти данные А. Ф. Якунин использует для доказательства своего тезиса о том, что «развитие товарного производства, специализация сельскохозяйственных районов, применение во все больших количествах в байских хозяйствах труда сельскохозяйственных рабочих-мардикеров — говорили о капиталистической эволюции сельского хозяйства Средней Азии».

О том, что здесь шел процесс капиталистической эволюции в сельском хозяйстве, никто не спорит. Но каков был уровень этой эволюции?— вот основной вопрос. А. Ф. Якунин, исходя из указанных данных, утверждает, что капиталистические отношения стали господствующими в жизни народов Средней Азии. Однако на самом ли деле они достигли такого уровня? Можно ли к этим данным относиться безоговорочно? Даже простой, поверхностный взгляд на эти материалы должен был бы вызвать большие сомнения. Согласно этим данным хозяйства, в разной форме прибегающие к найму чужого труда, составляют 56,4 процента. А. Ф. Якунин объявил их эксплуататорскими хозяйствами. Может ли быть такое положение, чтобы более половины крестьянских дворов состояло из эксплуататорских хозяйств? Нет, в действительности такого положения не существовало. Из этих данных нельзя делать вывод об уровне развития капиталистических отношений или их связи с феодальными отношениями, ибо буржуазные авторы совершенно по-другому подходили к оценке хозяйства крестьян и смазывали социальную природу отдельных классов и слоев.

Для примера возьмем те же данные В. И. Юферова,

которого интересовали вопросы: каким путем можно еще больше развить хлопководство в Туркестане и что нужно для еще большего выкачивания дешевого текстильного сырья? Для выяснения этих вопросов он собрал массу ценных материалов и в соответствии со «своей» методологией добросовестно разработал их. Он обследовал в четырех кишлаках 793 хозяйства и разделил их на пять групп: I — беспосевные хозяйства, II — хозяйства, сеющие до 5 танапов, III — хозяйства, сеющие от 5 до 10 танапов, IV — хозяйства, сеющие от 10 до 20 танапов, V — хозяйства, сеющие свыше 20 танапов. В. И. Юферов тщательно анализировал их бюджет[1]. Его работа представляет ценный материал для изучения социального строя узбекского общества, но выводы его совершенно не преследовали ту цель, которую некоторые авторы им приписывают.

В. И. Юферов говорит о хозяйствах, прибегающих к найму чайрикеров и мардикеров. Цифры, приведенные А. Ф. Якуниным, правильны. Но можно ли считать 17,4 процента хозяйств, применяющих труд чайрикеров, феодальными и 33,9 процента хозяйств, применяющих труд мардикеров,— капиталистическими? Нет.

Из подробной характеристики В. И. Юферова видно, что из 793 дворов беспосевных было 78, или 9,8 процента. К этой группе относятся только 20 мардикеров, а в числе остальных, оказывается, было 6 парикмахеров, 4 мираба, 16 торговцев, ремесленников, арбакешей и т. д. Из 269, или 33,9 процента хозяйств, применявших труд мардикеров, 38 хозяйств имели до 5 танапов земли, 70 хозяйств — от 5 до 10 танапов. Можно ли их считать капиталистическими хозяйствами? Хотя среди лиц, отнесенных В. И. Юферовым к этим двум группам, было 10 мирабов, 6 торговцев и 28 разных ремесленников и арбакешей, всех их нельзя отнести к капиталистам. Скорее они могли бы быть отнесены к мелким феодалам. Из 138, или 17,4 процента хозяйств, нанимающих чайрикеров, 40 имели до 10 танапов земли[2]. Следовательно, не все они могут быть отнесены к феодалам.

Еще курьезнее утверждение А. Ф. Якунина, что если в 1907 году в Ферганской области насчитывалось 150

[1] *В. И. Юферов.* Хозяйство сартов Ферганской области, Ташкент, 1911. Таблицы подворного описания, стр. 10—12.

[2] Там же.

тысяч сельскохозяйственных рабочих, то в 1910 году их было уже 200 тысяч[1]. А. Ф. Якунин ссылается на книгу И. Алкина «Средняя Азия». Действительно, И. Алкин на странице 307 указанной книги приводит эти данные. Однако при пристальном их изучении возникает подозрение в их достоверности. Ведь по материалам переписи 1917 года сельское население Ферганы составляло 1 442 496 человек. Из этого числа мужчин в рабочем возрасте (от 18 до 59 лет) было 464 106 душ[2]. А сельскохозяйственные рабочие, о которых говорят И. Алкин и вслед за ним А. Ф. Якунин, в условиях Узбекистана не могли быть только мужчинами. В таком случае неужели примерно 45 процентов взрослого мужского населения Ферганской области представляло собою сельскохозяйственных рабочих? Если так, то следовало бы признать, что в Фергане мелкокрестьянское хозяйство сошло с арены, что имело место только в Англии. Это совершенно не соответствует действительности.

Обратимся теперь к С. Понятовскому, у которого И. Алкин взял упомянутые данные. С. Понятовский в своей книге «Опыт изучения хлопководства в Туркестане и Закаспийской области», изданной в 1913 году с целью создания у русских капиталистов уверенности в возможности дальнейшего расширения посевов хлопчатника в Фергане, делает весьма своеобразный расчет. Опираясь на высказывание Р. Р. Шредера о том, что семья, состоящая из взрослого мужчины, женщины и детей, может посеять один батман, то есть примерно одну десятину хлопчатника, он подсчитал, что в Фергане можно увеличить посев хлопчатника с 260 тысяч до 482 тысяч десятин. Для этого, говорил он, имеется земля, рабочие руки и рабочий скот. При этом С. Понятовский исходил из того, что в Фергане имеется 1 800 тысяч душ сельского населения, или 400 тысяч дворов. А хлопчатник в 1911 году был посеян на 190—260 тысячах десятин. Следовательно, по его мнению, в области имеется 150—200 тысяч свободных рабочих, которых он и предлагает привлечь к посевам хлопчатника.

---

[1] *В. И. Юферов.* Хозяйство сартов Ферганской области, Ташкент, 1911. Таблицы подворного описания, стр. 104.

[2] Статистический ежегодник 1917—1923 гг. т. II, стр. 32.

Можно ли верить этим подсчетам? Нам кажется, что для этого нет основания. Ведь С. Понятовский берет только хлопководство. По его терминологии налицо 150—200 тысяч свободных рабочих. На самом же деле это люди, не привлеченные к посевам хлопчатника. Среди них были и такие, которые не имели земли, занимались мардикерством, чайрикерством, но были и такие, которые не сеяли хлопок, но возделывали другие культуры, имели сады и т. д. По материалам переписи 1917 года в Ферганской области безземельные хозяйства составляли 2,7 процента, а беспосевные 13,6 процента. В абсолютных цифрах это составляло 9545 и 40 305 хозяйств. А чем занимались остальные 100—150 тысяч хозяйств? Отчасти — скотоводством, богарным земледелием, отчасти — чайрикерством и т. д. Следовательно, последние должны были быть переключены на производство хлопка. Вот как нужно было на самом деле понять С. Понятовского. Однако Илиас Алкин эти 150—200 тысяч потенциальных хлопкоробов (по мнению С. Понятовского) превратил в сельскохозяйственных рабочих, а А. Ф. Якунин, следуя этой вольной или невольной фальсификации, выдвинул тезис о высоком развитии капитализма в сельском хозяйстве Узбекистана в колониальный период. Вот к каким неправильным выводам может привести некритический подход к работам буржуазных авторов.

Из каких же социальных прослоек состояло сельское население Узбекистана в колониальный период? В этом отношении Узбекистан не представлял особого исключения. Так же как и во многих других странах, оно состояло из крупных землевладельцев, сельских капиталистов, кулаков, трудовых крестьян с разделением на средних и бедных, в том числе чайрикеров и сельских рабочих-батраков и полупролетариев-мардикеров. Это не вызывает никаких сомнений. Предметом больших споров является лишь вопрос о том, какими особенными чертами характеризовались эти социальные группы в конкретных условиях Узбекистана и, самое главное, каково было соотношение между ними. В этом вопросе также существует большая путаница, порожденная неправильным толкованием категорий чайрикерства и мардикерства.

В селах Узбекистана испокон веков существовали три формы имущественных отношений: чайрикерство, аренда и шерикство, или товарищество. Все эти три формы очень

древни и нашли свое отражение в книге «Хидая» (комментарии мусульманского права).

Чайрикерство является особой формой земельных отношений и отличается как от аренды, так и шерикства.

«Хидая» в главе о музарабате (соучастии в доходах) указывает, что многие люди, владея имуществом, не могут употреблять его с пользой, а другие, будучи способными организовать дело, не имеют имущества. Поэтому между ними возникает договор — музарабат, когда владелец передает свое имущество в пользование работника, который и пускает его в дело. «Хидая» указывает, что важным условием договора музарабата является то, что ни одна из сторон не имеет права заранее определить абсолютную величину своей доли в доходе. «Ибо,— говорится в «Хидая»,— если бы в пользу той или другой стороны была выговорена определенная сумма дерегамов (денег), то соучастие в отношении дохода перестало бы существовать между ними, так как возможно, что весь доход не превысит выговоренной суммы; между тем, существенно, чтобы обе стороны были участниками дохода...»[1].

Таким образом, главной чертой этих отношений является то, что одна сторона объединяет свой труд с имуществом другой, при этом имущество передается в распоряжение работника и обе стороны получают из дохода свою долю согласно договоренности, заранее не определяя ее абсолютную величину.

В главе о найме («иджарат») говорится, что наем— иджарат представляет собой право пользования имуществом за определенную, заранее оговоренную плату[2].

О «шерикате»—товариществе, в сравнении его с музарабатом, в «Хидая» говорится: «...В договоре музарабата имущество дается одной стороной, а труд — другой; отсюда необходимо, чтобы имущество всецело находилось

[1] «Хидая», т. III, перевод с английского Н. И. Гродекова, Ташкент, 1893, стр. 177. В переводе слово «имущество» дано словом «капитал», «доход»— словом «прибыль», «соучастие» — словом «товарищество», «работник» — словом «деятель». Чтобы не ввести в заблуждение современных читателей, мы заменили термины Н. И. Гродекова, тем более, что в таджикском переводе «Хидая» говорится о передаче именно имущества (мол). См. «Хидая-и-фарси», жилд савум, чахопа шудаэ чахопахонаэ «Хиндустон вокэ» Калькутта. Дар санаэ 1222 хиджри, матобика санаэ 1808 Исави, сахифа 928.

[2] Там же, стр. 156.

в руках работника для того, чтобы он мог исполнить при его содействии необходимый труд. Между тем, в товариществе труд вносится обеими сторонами; отсюда, если бы было условлено, что имущество всецело останется в руках одной из сторон, договор товарищества не был бы установлен»[1]. Эта форма представляет собою кооперацию труда на основе совместного использования имущества.

Так классифицируются эти три формы имущественных отношений вообще и земельных отношений в частности. Из них издольщина была ярко выраженной категорией феодальных отношений. Даже в «Хидая» прямо говорится, что одна сторона дает имущество, а другая — труд, из произведенного сперва вычитают имущество, а остальное делят в соответствии с договоренностью. Эта форма стала основным методом эксплуатации крестьян феодалами на всем Востоке.

Хотя аренда и шерикство сами по себе также представляли договорные взаимоотношения между различными категориями собственников, но в период феодализма и они служили средством эксплуатации трудящихся.

В условиях Средней Азии самой распространенной формой стала издольщина. Для съемщиков земли чайрикерство было более приемлемым, чем аренда земли. Издольщики не могли взять на себя обязательство внести заранее определенную сумму, ибо не всегда их прибавочный продукт мог покрыть эту сумму. Поэтому аренда земли была в Узбекистане более или менее редким явлением.

Что касается шерикства, то и оно не имело широкого распространения, ибо для него требовалось объединение на равных началах по линии земли, инвентаря, рабочего скота, семян и труда. Многие крестьяне имели все это в таком ничтожном количестве, что не могли прожить без «помощи» землевладельцев. Таким образом издольные отношения — музарабат — стали преобладающей формой. Однако это была только внешняя, официальная сторона земельных отношений, содержание же их, в зависимости от состояния сторон, вступающих в сделку, могло резко меняться. Отношения между крупными предпринимателями и мелкими владельцами земли, арендующими земли мелких владельцев на издольных началах, внеш-

[1] «Хидая», т. III, стр. 179.

не приближались к музарабату, ибо владельцы земли получали не заранее оговоренную сумму, а обусловленную долю. С этой точки зрения крупные предприниматели также походили на чайрикеров. Исходя из этого, дореволюционные авторы причисляли к чайрикерам всех, кто арендовал землю других на издольных началах. Они изобрели даже форму субчайрикеров, относя к этой группе тех, кто фактически арендовал землю бедняков, но затем раздавал ее таким же беднякам на издольных началах. Хотя здесь та же самая издольщина, но по существу она противоречит принципу «Хидая» о музарабате, говорящему, что работник соединяет свой труд с имуществом владельца. Дореволюционные исследователи, а за ними многие советские авторы распространяли понятие чайрикеров на всех, кто вступал в издольные отношения при получении земли, независимо от того, как они эту землю использовали. Мы считаем правильным относить к чайрикерам только тех, кто к полученной земле, скоту и инвентарю прилагал свой собственный труд и свое имущество, если оно у него было.

Что касается таких «чайрикеров» по форме, которые использовали землю других для раздачи ее на издольных началах, то они должны быть отнесены к феодалам, выступающим по отношению к крестьянам, говоря языком «Хидая», как владельцы имущества.

Также необходимо уточнить понятие об аренде земли. Аренда в условиях Узбекистана имела три типа: аренда земли крестьянами у крупных землевладельцев, аренда земли мелких крестьян крупными баями для раздачи ее крестьянам на издольных началах и, наконец, аренда земли для организации хозяйства силами наемных работников. В первом случае мы имеем эксплуатацию землевладельцами трудовых крестьян— издольщиков, во втором — эксплуатацию как издольщиков, так и сдатчиков земли баями, в третьем — эксплуатацию наемных работников.

Шерикство было представлено двумя типами: шерикство между трудовыми крестьянами на равных трудовых началах и шерикство между трудовыми крестьянами и баями, а позднее, кулаками. Но хотя последнее тоже называлось шерикством, на самом деле оно служило средством эксплуатации одной стороны другой.

Итак, понятие чайрикерства мы ограничиваем только издольными отношениями между лично нетрудящимся владельцем земли, рабочего скота, инвентаря и трудовыми крестьянами, которые используют их, применяя свой личный труд на условиях издольщины. Людей, берущих землю на издольных началах для раздачи на тех же издольных началах трудовым крестьянам, причисляем к феодалам. Лиц, нанимающих работников в земледелии, независимо от того, чья эта земля (собственная, арендованная или взятая у других на издольных началах), относим к кулакам.

В колониальный период перечисленные типы хозяйства сильно втянулись в товарно-денежные отношения. В связи с этим некоторые исследователи причисляют два последних типа хозяйств к капиталистическим хозяйствам. Конечно, чайрикерство XX века отличалось от чайрикерства средних веков. Если тогда главным и основным средством закабаления крестьян была земля, то теперь, наряду с ней, выступают семена, рабочий скот, инвентарь и даже деньги, например, бунак (аванс). Чайрикер закабалился не только «через землю», как при феодализме, но и «через средства», которые могут стать формой существования капитала. Некоторые авторы считают, что чайрикер XX века — тот же батрак с наделом, о котором говорил В. И. Ленин в книге «Развитие капитализма в России». В этот период в Туркестане действительно зарождались капиталистические отношения и происходила эволюция феодальных отношений в сторону капитализма, причем феодальные отношения весьма сложно переплетались с капиталистическими. Однако общее огульное утверждение о капиталистической эволюции противоречит ленинским же принципам исследования общественных явлений, которые требуют более четкого определения той стадии, на которой эта эволюция находится в данный момент. В. И. Ленин не ограничивался одним признанием падения отработочной ренты в результате роста товарно-денежных отношений на селе. На фоне общей эволюции сельского хозяйства в сторону капитализма он показал также конкретные этапы эволюции отработки, наличие двух видов отработки: отработки, исполняемой мелкими крестьянами-хозяевами со своим инвентарем и рабочим скотом, и отработки, исполняемой наемными рабочими. «Последние отработ-

ки,— говорил В. И. Ленин,— составляют прямой переход к капитализму...»[1]. Главным и массовым проявлением проникновения капитализма в жизнь села В. И. Ленин считал вытеснение феодальной отработки наемным трудом и создание крупных земледельческих хозяйств, основанных на его применении. Резюмируя данные народнических экономистов, отрицавших возможность развития капитализма в России, В. И. Ленин писал: «...русский капитализм *создает* общественные условия, необходимо *требующие* рационализации земледелия и отпадения кабалы...»[2]. В подтверждение этого он привел на примере хозяйства Энгельгардта многочисленные данные, массу фактов о все более широком применении машин в земледелии, росте найма рабочих и вытеснении кабальных отношений вольнонаемными отношениями.

Если рассматривать сельское хозяйство Узбекистана с этих позиций, то увидим, что, несмотря на бурный рост товарно-денежных отношений, шел процесс не вытеснения кабальных чайрикерских отношений вольнонаемными отношениями, а широкого применения чайрикерства со стороны даже тех лиц, которые все больше и больше концентрируют земли в своих руках. Даже русские капиталисты, которые в 80—90-х годах прошлого века создавали свои хлопковые плантации на основе применения труда вольнонаемных рабочих, вскоре перешли к раздаче земли чайрикерам. Феодальные кабальные отношения не вытеснялись здесь новыми, вольнонаемными отношениями, как это имело место в русских деревнях центральных районов, а еще господствовали, и вольнонаемные отношения пока находились в стадии зарождения.

Поэтому в колониальный период господствующими отношениями на селе в Узбекистане были феодальные, а не капиталистические. Совершенно неправ А. Ф. Якунин и в том, что в Туркестане «обуржуазивание сельского хозяйства встречало меньше препятствий, чем в центральных областях, где и после 1861 года сохранились значительные пережитки крепостничества»[3]. Все эти выводы сделаны А. Ф. Якуниным только на основе голого факта роста торговли хлопком. А что касается того обстоятельства, что чайрикерство сильно препятствовало

[1] *В. И. Ленин.* Соч., т. 3, стр. 170.
[2] Там же, стр. 179.
[3] «Вопросы истории», 1956, № 5, стр. 105.

росту вольнонаемных отношений, применению новых, капиталистических способов ведения хозяйства, внедрению современных машин в земледелии и других возможных прогрессивных моментов, то все это выпало из поля зрения А. Ф. Якунина.

Считаем бесспорным, что в сельском хозяйстве Узбекистана в колониальный период началась эволюция по пути к капитализму. Но капиталистические отношения находились в стадии своего зарождения, и господствующими отношениями оставались отношения феодальные. Типичными феодальными хозяйствами являлись хозяйства крупных баев, применявших труд чайрикеров. К хозяйствам феодалов относились и такие, которые наряду с чайрикерами применяли труд мардикеров, хотя с последними они вступали в вольнонаемные отношения.

В связи с этим необходимо коротко остановиться на институте мардикерства.

Что представлял собою мардикер в колониальный период как социальный тип? Слово «мардикер» является таджикским и буквально означает «человек-работник». Он нанимался на выполнение какой-либо работы в течение дня, недели, месяца, а иногда и нескольких месяцев. Плату за свой труд он почти всегда получал деньгами. Мардикер работал обычно в качестве подсобного рабочего или выполнял простейшую работу. На строительстве он был подносчиком, землекопом, в сельском хозяйстве — кетменщиком во время обработки растений, сборщиком во время уборки и т. д. Труд мардикера считался простым трудом. Не было мардикера, например, нанимающегося в качестве сапожного мастера, плотника, каменщика, кузнеца и т. д. Такие лица нанимались как специалисты-работники под названием хальфа, нимкор, усто и т. д.

Далее, мардикеры не представляли собой устойчивой социальной группы или слоя. Любой человек, независимо от его квалификации и профессии, мог оказаться мардикером, если он почему-либо не сумел продолжать свою предшествующую деятельность. Однако, как только становилось возможным возобновить свою работу по профессии, он переставал рано утром выходить на базар и ожидать нанимателя. Фактически мардикерство было временным отхожим промыслом тех же кустарей и ремесленников, крестьян-чайрикеров. Поэтому никогда еще

не было возможным установить точное количество мардикеров в том или ином районе, так как количество мардикеров непрерывно менялось.

Как правило, мардикеры нанимались на очень короткий срок. В городах срок найма мардикеров исчислялся днями, ибо здесь они фактически выполняли роль подсобных рабочих при строительстве и ремонте домов, кололи дрова, копали арыки, ямы и т. д. На селе они нанимались на предпосевную обработку земли, на летнюю обработку растений, осенью — на уборку и обмолот зерна и сбор фруктов, урожая хлопка и т. д. Здесь срок найма был несколько продолжительнее: недели и месяцы.

Такими чертами отличалось мардикерство в прошлом. Следовательно, хотя мардикеры получали оплату за работу деньгами, они были далеки от рабочих, в том числе от батраков, которые составляли особую социальную группу. По материалам В. И. Юферова, из 74 мардикеров, учтенных в четырех обследованных им кишлаках Ферганской области, 20 человек были из числа безземельных, 47 — из крестьян, имевших до 5 танапов земли, 4 имели от 5 до 10 танапов земли и 2 — от 10 до 20 танапов, а 1 человек даже свыше 20 танапов земли[1].

Какие же изменения произошли в институте мардикерства в колониальный период? Прежде всего, число их значительно возросло, ибо разорение огромной массы крестьян и ремесленников привело к росту числа мардикеров как в кишлаках, так и в городах. Далее, в числе мардикеров формировалась значительная группа, которая для поддержания существования уже не имела ничего, кроме продажи своей рабочей силы. Это была именно группа наемных рабочих. Их называли мардикерами по той простой причине, что они нанимались по форме мардикерства, то есть на сравнительно короткий срок и их труд определялся как подсобный и простой труд. Их наем, однако, всецело подходил к отработке второго вида, о котором говорил В. И. Ленин[2].

Из приведенных выше данных В. И. Юферова 20 мардикеров из группы безземельных подходят к этой группе. Но и остальные мардикеры не составляли однородной массы. Если мардикеров из числа крестьян, имеющих до

[1] *В. И. Юферов.* Хозяйство сартов Ферганской области, Ташкент, 1911. Таблицы подворного описания, стр. 12.

[2] *В. И. Ленин.* Соч., т. 3, стр. 170.

10 танапов земли, можно было бы назвать батраками с наделом, то мардикеров, имеющих землю свыше этой нормы, никак нельзя причислить к данной категории. Мардикерство в их жизни было явлением случайным и нехарактерным.

Итак, институт мардикерства в колониальный период претерпел некоторые изменения. Он количественно вырос, а качественно — внутренне дифференцировался. В нем образовался определенный слой людей, главной профессией которых стало мардикерство, то есть продажа своей рабочей силы. Поэтому нам необходимо решительно отказаться от того понимания мардикерства, которое осталось в наследство от дореволюционных исследователей, объединяющих всех мардикеров в единую группу на основе внешних признаков этого явления (формы найма), безотносительно к социальной природе отдельных слоев внутри мардикерства.

Всех мардикеров мы делим на три группы: первая группа — собственно наемные рабочие как на селе, так и в городе, вторая — батраки с наделом в кишлаках, рабочие с наделом в городах, третья — лица, случайно ставшие мардикерами. Первую группу мы причисляем к рабочему классу, вторая группа — переходный слой, полупролетариат в условиях Узбекистана, именно ее представителей и можно назвать мардикерами в собственном смысле слова; третья группа — случайные мардикеры.

В колониальный период в кишлаках существовали и группы сельских жителей, носившие название кароли, ятимы, которые в работах экономистов фигурируют как «сроковые», «годовые» рабочие. Этот институт также бытовал в средние века. Не вдаваясь в освещение их положения в прошлом, лишь подчеркнем, что они также являлись зависимыми от феодалов лицами и подвергались феодальной эксплуатации, в колониальный же период превратились в типичных сельских пролетариев. Не имея своих средств производства, они нанимались на определенный срок (месяц, сельскохозяйственный сезон, год). Плату за труд получали главным образом деньгами, но иногда по договоренности и натурой, которую они частично продавали. Ятимы обычно жили у хозяина; в отличие от мардикеров на них смотрели как на квалифицированных рабочих. Они обрабатывали почву, сеяли, ухаживали за растениями, как мастера своего дела. Обычно

мардикеры считались их подсобниками. Кароли и ятимы фактически подходили к категории хальфов, нимкоров, то есть подмастерьев в городе. В колониальный период они являлись сельскими рабочими, батраками.

Капиталистическими хозяйствами в нашем понимании можно считать только те зажиточные хозяйства, которые велись на основе применения труда сроковых рабочих и мардикеров (первая группа). Те хозяйства, которые применяли их труд наряду с чайрикерством, должны считаться переходными к капиталистическим. При этом, в зависимости от преобладания той или другой группы, необходимо определить степень их капиталистической эволюции. Нельзя лишь на одном факте применения мардикерского труда в хозяйстве без учета его значения в общей производственной жизни хозяйства, огульно, объявить последнее капиталистическим, как это делают некоторые авторы.

Для определения социального облика узбекского кишлака рассмотрим статистические материалы дореволюционных исследователей. За основу возьмем материалы сенаторской ревизии комиссии графа Палена, относящиеся к долинным зонам Туркестана. Эти материалы ценны тем, что они отражают экономику не только таких районов, где значительно было развито хлопководство, но и районов, где преобладало зерноводство и где основным населением были узбеки. Материалы эти были собраны в Ниязбекской волости Ташкентского уезда, Алтынкульской и Ханкинской волостях Андижанского уезда, Авальской волости Маргеланского уезда, Киргизкурганской волости Наманганского уезда, Яйпанской и Найгуткипчакской волостях Кокандского уезда, Гулякандозской волости Ходжентского уезда, Махалинской и Каракалпакской волостях Самаркандского уезда, Калькурганской волости Каттакурганского уезда.

Всего обследованию подверглось 4220 хозяйств с населением 21 960 душ; из них мужчин — 11 633 и женщин — 10 327. Мужчин в рабочем возрасте было 6575 человек. 3013 хозяйств принадлежали узбекам. Общая площадь земли составляла 12 809,85 десятины, из них поливной — 12 261,49 десятины и богарной — 548,36 десятины. Из поливной площади 7 687,83 десятины было занято посевами, остальные — под садами, виноградниками, усадьбами и т. д. В составе поливных культур пшеница

занимала первое место (3 162,54 десятины), хлопок — второе (1 564,27). Более 50 процентов посевов пшеницы (177,49 десятины) приходилось на две волости — Найгуткипчакскую и Гулякандозскую, а в первой из них посевы хлопчатника почти отсутствовали[1].

К сожалению, одно обстоятельство делает затруднительным использование материалов ревизии без дополнительного анализа. Дело в том, что в материалах, наряду с указанием количества хозяйств, имеющих промыслы, приводится число людей, занятых на промыслах. Среди них сельские пролетарии, мардикеры и чайрикеры; а по хозяйствам, обрабатывавшим свои земли при помощи мардикеров, чайрикеров и наемных рабочих, данные приводятся без указания числа занятых лиц. Это исключает возможность сопоставления их. Поэтому, используя процентное соотношение хозяйств по способам обработки земли, выводим из общего количества мужчин в рабочем возрасте количество лиц, лично обрабатывавших свою землю и обрабатывавших ее с участием мардикеров, чайрикеров, шериков, а также количество лиц, лично не принимавших участия в обработке земли.

Приведем сначала таблицы, содержащиеся в материалах ревизии.

В таблице 4 ценным является то, что в ней дается количество лиц, прибегающих к промыслам вне своего хозяйства. Промысел «земледельческий» в большинстве случаев состоял из чайрикерства и мардикерства, о чем говорится в разделе «Дополнение к таблицам...»[2]. Ввиду того, что мы не имеем прямых данных о количестве мардикеров и чайрикеров, эта графа дает возможность вывести его косвенно.

Для определения количества хозяйств, лично обрабатывавших свои земли, применявших чужой труд и лично не обрабатывавших свои земли, мы используем другую таблицу, где дана расшифровка хозяйств по способам обработки земли (табл. 5)[3].

---

[1] Материалы к характеристике народного хозяйства в Туркестане, ч. II. Таблицы, СПб., 1911, стр. 124—125.

[2] Материалы к характеристике народного хозяйства в Туркестане, ч. II. Таблицы, СПб., 1911, стр. 170—203.

[3] *В. И. Юферов.* Указ. соч., Таблицы подворного описания, стр. 10—12.

ТАБЛИЦА 4

ГРУППИРОВКА ХОЗЯЙСТВ ПО РАЗМЕРАМ ЗЕМЛИ И ПРОМЫСЛАМ ВНЕ СВОЕГО ХОЗЯЙСТВА[1]

Группы хозяйств (по данным комиссии К. К. Палена)	Группы по размерам землепользования	Число хозяйств	Количество мужчин в рабочем возрасте	Промыслы вне своего хозяйства: число хозяйств с промыслом	в т. ч. с отхожим	число лиц, занятых промыслом: земледельческим	извозом и проч.	ремеслом	торговлей	службой
I	Безземельные	48	53	44	—	32	13	2	3	2
II	Владения до 0,5 дес.	901	1167	678	47	588	85	83	46	41
III	от 0,51 до 1 дес.	629	841	340	23	246	26	36	29	22
IV	от 1,01 до 2 дес.	822	1263	247	33	211	51	26	20	21
V	от 2,01 до 3 дес.	575	914	196	64	133	15	9	18	15
VI	от 3,01 до 5 дес.	588	1030	149	44	104	15	9	17	10
VII	от 5,01 до 10 дес.	448	863	129	20	44	3	3	8	15
VIII	Свыше 10 дес.	209	444	78	3	7	1	1	12	11
	Итого . . .	4220	6575	1861	234	1365	209	169	153	137

[1] Материалы к характеристике народного хозяйства в Туркестане, ч. II. Таблицы, СПб., 1911, стр. 120—121.

ТАБЛИЦА 5

Группы хозяйств (по данным комиссии К. К. Палена)	Хозяйства, где способ обработки известен	Способ обработки земли: число хозяйств, в которых земля обрабатывается: без постор. помощи	своими хозяевами с помощью: мардикеров	чайрикеров	шериков	супряги	хашара	наем. скота	других способов	без участия хозяина: шериками	чайрикерами	мардикерами
I	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
II	536	270	19	4	3	34	3	152	11	12	22	6
III	595	207	86	8	13	63	7	149	22	17	16	7
IV	794	235	110	21	37	123	7	176	14	28	38	5
V	562	169	106	14	106	46	3	70	5	13	27	3
VI	572	162	90	60	93	24	6	66	9	16	45	1
VII	441	117	113	54	64	9	—	11	6	16	49	2
VIII	257	15	42	68	24	—	—	30	54	6	16	2
	3757	1175	566	229	340	299	26	654	121	108	213	26

В таблице 5 фигурируют не все 4220 хозяйств, а лишь 3757. Поэтому, используя другие материалы ревизии Палена, выводим данные по отношению ко всем 4220 хозяйствам. Мужчин выделяем в рабочем возрасте, без чего нельзя получить соответствующих сопоставлений.

В итоге получаем данные, показывающие с наибольшей долей достоверности социальный строй узбекского народа (табл. 6).

При группировке сельского населения мы руководствуемся критериями, данными В. И. Лениным в его работе «Первоначальный набросок тезисов по аграрному вопросу» для второго съезда (конгресса — *М. В.*) Коммунистического Интернационала. В этой работе В. И. Ленин дает социальную характеристику сельскохозяйственного пролетариата, сельского полупролетариата, мелкого крестьянства, «среднего крестьянства» и сельской буржуазии.

Сельскохозяйственными пролетариями В. И. Ленин считал наемных годовых, сроковых и поденных рабочих, добывавших себе средства к жизни работой по найму в капиталистических сельскохозяйственных предприятиях[1].

[1] *В. И. Ленин.* Соч., т. 31, стр. 130.

ТАБЛИЦА 6

Группа хозяйств (по данным комиссии К. К. Палена)	Сельские пролетарии	Сельские пауперо-пролетарии (человек)		Мелкие крестьяне (человек)				Средние крестьяне (человек)				Феодалы и кулаки (человек)							
				чайрикеры		бедняки													
	I	I	II	III	IV	IV		V	VI	VII	VIII	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII
I	32	15										5							
II			1080										87						
III				790										51					
IV					211	1011									41				
V							881									33			
VI								1003									27		
VII									229									634	
VIII										26									418
Итого представителей различных социальных слоев	32	15	1080	790	211	1011	881	1003	229	26		5	87	51	41	33	27	634	418
В % отношении к общему итогу . . .	0,5	16,7		15,2		15,5													
Итого представителей классов . . .	1127			2012				2139				1296							
В % отношении к общему итогу . . .	17,2			30,7				32,8				19,3							

Таких лиц мы можем видеть только лишь среди безземельных.

Из 48 безземельных хозяйств (табл. 4) 6 семейств не имели работоспособных членов. В остальных 42 семействах было 53 работающих; из них 32 занимались земледельческим промыслом, то есть нанимались рабочими, 5 были арбакешами, 2 — ремесленниками, 3 — торговцами, 2 — низовыми чиновниками, 8 — занимались прочими промыслами.

Таким образом сельскими рабочими-батраками мы можем считать только 32 безземельных и нанимающихся на работу к другим лицам. Кроме найма, у них других источников существования не было. Эта категория составит примерно 0,5 процента к 6575 человекам. Если таким же методом произвести расчет по материалам Юферова по Ферганской долине, то получается 1,7 процента сельскохозяйственных рабочих[1]. По материалам сельскохозяйственной переписи 1917 года процент безземельных хозяйств в оседлых орошаемых районах значительно выше, чем в богарных районах. Далее, он выше в уездах Ферганской области по сравнению с Самаркандской. Если в Андижанском уезде 3,8 процента, в Маргеланском 3,9, а во всей области 2,7 процента, то в оседлой зоне Джизакского уезда 0,1, Каттакурганского уезда 0,6, по всей области 0,5 процента, а в Ташкентском уезде 4 процента[2]. Если исключить различные нетрудовые элементы (торговцы, мирабы, духовные лица), а также арбакешей, кустарей и других, то количество безземельных лиц, живших только продажей своей рабочей силы, будет колебаться в среднем примерно от 0,5 до 1,0 процента. Этот процент и характерен для определения количества сельских рабочих, лишенных всяких средств производства и живущих только продажей своей рабочей силы. В данном случае мы выделяем эту группу на основе ее отношения к средствам производства.

Что касается 15 человек арбакешей, ремесленников и прочих, то они, имея свои средства производства, больше относятся к группе полупролетариев. Характеризуя сельских полупролетариев, В. И. Ленин указывал, что,

[1] *В. И. Юферов.* Указ соч. Таблицы подворного описания, стр. 10—12.

[2] Статистический ежегодник 1917—1923 г., II, Ташкент, стр. 50, 52, 62.

хотя они владеют небольшим участком земли и некоторой собственностью, но доходами только от одного собственного хозяйства жить не могут и поэтому вынуждены искать средства к жизни частично наемной работой в сельскохозяйственных и промышленных капиталистических предприятиях[1]. Такая социальная группа может быть в числе хозяйств, имевших до 0,5 десятины земли.

Переходя к анализу группы хозяйств, имевших до 0,5 десятины земли, считаем, что часть этой группы составляла тот самый слой сельских трудящихся, которых В. И. Ленин называл «батраками с наделом», или полупролетариями. В дореволюционных статистических материалах они иногда фигурировали в числе мардикеров, иногда — чайрикеров. Исходя из условий их найма, то есть мардикерства или чайрикерства, определить их долю в общей массе сельского населения невозможно. А. Давыдов в своей работе «Кокан-кишлакская волость перед земельной реформой» вместо дореволюционного принципа деления на «собственные хозяйства» и на «промысел» дает «самостоятельные хозяйства» и «хозяйства чайрикеров»[2]. Это также неудачно, ибо трудно понять, о каком хозяйстве чайрикеров идет речь — о его собственном хозяйстве или о хозяйстве бая, в котором он работал как чайрикер. Для решения этого вопроса основным источником могут служить данные графы «промыслы вне своего хозяйства» — «земледельческий промысел» (табл. 4) и данные из таблицы подворного описания[3]. Именно здесь дается количество тех лиц, которые работали на стороне, не имея возможности прожить доходами от собственного хозяйства.

Согласно нашим расчетам, в 901 хозяйстве, имевшем до 0,5 десятины земли, числилось 1167 мужчин в рабочем возрасте. 894 из этих хозяйств имели посевы на поливных землях[4]. Следовательно, данная группа в имущественном отношении отличается от предыдущей: хотя эти люди считались владельцами земли, но основным источником их существования являлось не собственное

[1] *В. И. Ленин.* Соч., т. 31, стр. 130.
[2] *А. Давыдов.* Кокан-кишлакская волость перед земельной реформой, Ташкент, 1925, стр. 76.
[3] *В. И. Юферов.* Указ соч. Подворное описание, стр. 2—12.
[4] Материалы к характеристике народного хозяйства в Туркестане, ч. II, стр. 120—121.

хозяйство, а работа на стороне. По расчетам В. И. Юферова, годовой расход одной хлопководческой семьи составлял 438,42 рубля[1], валовая же выручка с 1 десятины хлопка равнялась 290 рублям[2]. Эти хозяйства сеяли не только хлопок, но и другие менее доходные культуры. Следовательно, средняя выручка с собственной земли была намного ниже этой суммы, так как только 147 хозяйств имели посев хлопка на 32,68 десятинах[3]. Даже если считать, что все они имели наиболее высокую выручку, то доход с собственной земли едва покрывал 1/3 часть расхода семьи (145 рублей прихода против 438,42 рубля расхода). Поэтому часть хозяев, сдавая в аренду свою землю, сами нанимались в другие хозяйства, а работу в своем хозяйстве сочетали с промыслом. Фактически все они являлись «батраками с наделом», так как основным источником их существования была работа на стороне. Из этой группы 87 человек торговцев и административных служащих должны быть отнесены к группе эксплуататоров, остальные 1080 человек — к группе сельских полупролетариев; именно их мы называем мардикерами. К ним относятся также 15 ремесленников, арбакешей и прочих из I группы. Таким образом, всего получается 1095 человек, или 16,7 процента по отношению ко всему сельскому населению. Следовательно, эти два слоя сельского населения вместе взятые (0,5—1,0 процента + 16,7 процента) составляют примерно от 17 до 18 процентов всего сельского населения.

Следующий слой сельского населения — мелкие или бедные земледельцы. По словам В. И. Ленина, это «...мелкие земледельцы, владеющие на праве собственности или аренды, такими небольшими участками земли, что, покрывая потребности своей семьи и своего хозяйства, они не прибегают к найму чужой рабочей силы»[4]. К этому слою сельского населения можно было бы отнести часть хозяев из III и IV групп, владевших участками земли от 0,51 десятины до 2 десятин. Но в условиях колониального Узбекистана часть III группы (из 841 мужчины 246 мужчин) вынуждена была прибегать к земледельческому промыслу, 491 — к привлечению посторонних

[1] *В. И. Юферов.* Хозяйство сартов Ферганской области, стр. 62.
[2] *В. И. Юферов.* Хозяйство сартов Ферганской области, стр. 39.
[3] Материалы к характеристике народного хозяйства в Туркестане, ч. II, стр. 126—127.
[4] *В. И. Ленин.* Соч., т. 31, стр. 131.

лиц на разных трудовых началах. За вычетом 51 торговца и служащих остальные 790 человек из этой группы относятся к чайрикерам.

IV группа в основном была представлена типичными мелкими крестьянами или бедняками. Из всего мужского населения в рабочем возрасте (1263 человека) 211 занимались земледельческим промыслом, то есть работали в качестве мардикеров и чайрикеров у других лиц, 77 были ремесленниками, арбакешами и т. п. Если из данных по всей этой группе вычесть 41 человека — представителей эксплуататорских элементов, то останется 1222 мелких крестьянина, лично обрабатывавших свою землю, частично с помощью мардикеров, чайрикеров и шериков, частично же на основе супряги и путем найма рабочего скота. Эти данные достаточно ярко показывают долю мелких, бедняцких семей в общей массе обследованных хозяйств. Что касается обеспеченности их рабочим скотом и инвентарем, то достаточно сказать, что в III и IV группах числилось 337 хозяйств без всякого скота, 388 — без крупного рогатого скота, 1135 — без волов, 600 — без лошадей. Количество хозяйств, располагавших только одной единицей рабочего скота составило 593, двумя — 106, тремя и более — 125.

Таким образом, из 2104 членов семей этих двух групп 2012 человек — мелкие крестьяне и ремесленники, жившие своим трудом, а 1001 — беднейшие крестьяне или чайрикеры в собственном смысле слова. Конечно, их нельзя объединять с чайрикерами, имевшими до 0,5 десятины земли, только на основании того, что дореволюционные авторы называли их чайрикерами, ибо эта категория крестьян имела до 2 десятин земли и значительную часть своих расходов покрывала приходом от обработки своей земли. По отношению ко всему взрослому населению III и IV группы составляли 30,7 процента.

Следующим социальным слоем является среднее крестьянство, под которым, как писал В. И. Ленин, «...в экономическом смысле следует понимать мелких земледельцев, которые владеют, на праве собственности или аренды, тоже небольшими участками земли, но все же такими, которые, во-1-х, дают при капитализме, по общему правилу, не только скудное содержание семьи хозяйства, но и возможность получать известный излишек, способный, по крайней мере в лучшие годы, превращаться

ся в капитал, и которые, во-2-х, прибегают довольно часто, (например, в одном хозяйстве из двух или из трех) к найму чужой рабочей силы»[1]. В качестве примера В. И. Ленин берет германских «средних крестьян», которые владеют участками земли от 5 до 10 гектаров. Учитывая, что в Узбекистане в этот период основной сельскохозяйственной культурой было такое высокодоходное растение, как хлопчатник, земельную площадь для этой категории крестьян мы исчисляем от 3 до 5 десятин. Если принять во внимание расчеты В. И. Юферова о доходности хлопка и расходах одной семьи, то 3 десятины земли при благоприятных условиях уже дают некоторые излишки для расширения хозяйства. В. И. Юферов считает, что одна десятина посева хлопка по затратам труда и, следовательно, по эффективности равняется примерно 4 десятинам других поливных культур[2]. Так как посев хлопчатника занимал примерно ⅓ часть всей площади, то 3—5 десятин земли (вместо 5—10 гектаров в Германии) вполне обеспечивали средних крестьян Узбекистана.

Такие хозяйства в материалах ревизии К. К. Палена объединены в V и VI группы. Количество взрослых работоспособных мужчин в них исчислялось в 1944 человека, из них 60 торговцев и низовых чиновников, 331 хозяйство обрабатывали свои земли без привлечения посторонних лиц, 199 — обрабатывали на основе шерикства — товарищества, 280 — прибегали к использованию труда чайрикеров и мардикеров, а также годовых и сроковых рабочих. В этой группе людей, занимающихся земледельческим промыслом вне своего хозяйства, было значительно меньше, чем в предыдущей группе: всего 237 против 457 из группы бедняков. Зато хозяйств, обрабатывавших свои земли на основах шерикства, было значительно больше: 199 против 50 в группе бедняков. Также было больше и наемных рабочих: 162 против 48 в предыдущей группе[3]. 237 человек, занимавшихся земледельческим промыслом вне своего хозяйства, в статистических материалах фигурируют как чайрикеры, мардикеры или наемные рабочие. Однако по существу они никакого от-

---

[1] *В. И. Ленин.* Соч., т. 31, стр. 133.

[2] *В. И. Юферов.* Труд в хлопковых хозяйствах Туркестана, СПб., 1914, стр. 17.

[3] Материалы к характеристике народного хозяйства в Туркестане, ч. II, стр. 125.

ношения к мардикерам («батракам с наделом») и чайрикерам в собственном смысле слова не имели. Промысел для этой группы был только дополнительным источником дохода, тогда как для мардикеров и чайрикеров он являлся почти основным. Поэтому мы не включаем их в группу чайрикеров или мардикеров.

Далее, в группу середняков нам необходимо включить 255 человек из VII и VIII групп людей, которые лично обрабатывали свою землю и не прибегали к эксплуатации чужого труда. Это количество взрослых мужчин должно быть отнесено к группе середняков. Таким образом, группа середняков будет в данном случае состоять из 2139 человек, или составлять 32,8 процента ко всему сельскому населению.

Остается сказать об удельном весе эксплуататорских групп: феодалов и кулаков в составе сельского населения.

Эти социальные слои в материалах ревизии Палена включены, главным образом, в состав VII и VIII групп хозяйств. В этих группах было всего 1307 мужчин в рабочем возрасте; как мы указали выше, из них 255 человек отнесены к группе средних крестьян, ибо в VII и VIII группах было 141 хозяйство, имевшее менее 5 десятин поливной земли[1].

Таким образом, остается 1052 человека — представителей капиталистических и феодальных элементов. К этому нужно добавить 244 торговца и административных лиц из предыдущих групп. В итоге мы получим 1296 человек, что по отношению ко всему взрослому мужскому населению составляет 19,3 процента.

Подведем итог. Сельские рабочие в собственном смысле слова составляли, оказывается, только 0,5 процента сельского населения, мардикеры или сельские полупролетарии — 16,7, чайрикеры — 15,2, мелкие крестьяне или бедняки 15,5 процента (обе эти группы мелких крестьян — 30,7 процента). Удельный вес среднего крестьянства был пока еще значительным — 32,8 процента. Все категории эксплуататорских элементов — феодалы, кулаки, торговцы, ростовщики и другие — составляли 19,3 процента, из них 244, или 3,3 процента, были торговцами и служащими.

К сожалению, дореволюционная статистика не оста-

[1] Материалы к характеристике народного хозяйства в Туркестане, ч, II, стр. 123.

вила нам данных о числе представителей эксплуататорских слоев. Это отчасти объясняется тем, что сами слои еще четко не сформировались. Землевладелец в одно и то же время нередко был кулаком-предпринимателем, торговцем, в частности скупщиком хлопка, ростовщиком и т. д. Часто хозяев, нанимавших мардикеров, безапелляционно объявляли сельскими капиталистами. Это неверно, ибо мардикеров нанимали даже некоторые бедняки, когда этого требовала конкретная обстановка. Фактически капиталистической формой найма был наем сроковых, годовых рабочих. Как было сказано выше, в хозяйствах, организованных на основе труда сроковых рабочих, средства производства полностью принадлежали хозяевам, а наемные рабочие вступали с хозяином в отношения как лица, лишенные всяких средств производства, и являлись основными производителями продукта. Мардикеры, в отличие от них, привлекались не как самостоятельные работники, а как подсобные работники. Главным признаком капиталистического хозяйства является то, что оно базируется не на подсобном труде, участвующем в том или ином цикле производства, а на труде наемном, производящем товар от начала до конца. В этом заключалось отличие сроковых годовых рабочих от мардикеров.

Хотя в условиях колониального Узбекистана особый слой сельской буржуазии еще не сформировался, для определения уровня развития капиталистических отношений считаем необходимым сделать некоторые расчеты. К капиталистическим хозяйствам отнесем хозяйства, которые имели свыше 5 десятин земли и нанимали сроковых рабочих. Таких в VII группе было 107, а в VIII — 94, всего 201[1]. В этих хозяйствах могло быть 415 мужчин в рабочем возрасте, что по отношению ко всему населению составляет 6,1 процента, а ко всем эксплуататорским элементам — 32 процента. Следовательно, на селе и в этот период преобладающими отношениями были не капиталистические, а феодальные. Это же показывает сравнение хозяйств, применяющих наемный труд, с хозяйствами, применяющими труд чайрикеров, шериков, мардикеров и т. д. По VII и VIII группам на 201 хозяйство,

[1] Материалы к характеристике народного хозяйства в Туркестане, ч. II, стр. 125.

применявшее наемный труд, приходится 526 хозяйств феодального типа.

Та же картина наблюдается при анализе описания крупных хлопководческих хозяйств, осуществленных в свое время М. М. Бушуевым[1]. Например, в Намангане некий Бадамов арендовал государственную землю и в свою очередь сдавал ее другим. У него арендовал землю Мирза Абдураимов, который имел 60 десятин земли. Хозяйство Мирзы Абдураимова было типично капиталистическим: всю свою землю он обрабатывал силами наемных рабочих (10 годовых и 20 месячных). Но это, собственно говоря, единственный пример хозяйства чисто капиталистического типа. М. М. Бушуев описывает далее хозяйство Мулло Мадалия, жителя Андижанского уезда. Из 130 танапов земли только 1 десятину он обрабатывал сам (сеял хлопок), остальные сдавал крестьянам на издольных началах[2]. Даже Андреевский хутор «Большой Ярославской мануфактуры», возникший еще в 90-е годы как хлопковая плантация чисто капиталистического типа, позже стал сдавать основную часть земли (из 444 десятин 304) чайрикерам[3]. Имение Березюка состояло из 582 десятин, из них 150 десятин раздавались чайрикерам. Хозяйство Петренко состояло из 50 десятин земли, причем он арендовал еще 10 десятин; вся его земля обрабатывалась чайрикерами[4]. Более крупное хозяйство описано А. Давыдовым в его упомянутой выше книге «Қокан-кишлакская волось перед земельной реформой». Бай из Кувы Мамир Ходжа Киркбаев имел 340 танапов земли, которую обрабатывали инвентарем хозяина 7 чайрикеров на условиях получения ²/₅ урожая[5]. Мулла Нишан Нур Мухамедов из кишлака Қаттакишлак имел 90 танапов земли, из них 25 танапов обрабатывали 1 годовой рабочий и 5—6 мардикеров; 40 танапов он сдавал пяти чайрикерам из расчета ²/₅ урожая[6]. У бая Мухаммад Азим Мулла Абдул Азизова в этом же кишлаке было 68 танапов земли, из которых 66 танапов

[1] «Туркестанское сельское хозяйство», Ташкент, 1911, № 12, стр. 884.
[2] Там же, стр. 774.
[3] Там же, стр. 788.
[4] Там же, стр. 882.
[5] *А. Давыдов*. Указ. соч., стр. 7.
[6] Там же, стр. 9.

он раздавал 7 чайрикерам из расчета ½ и ²/₅ урожая[1]. В кишлаке Акбар Абад у одного старика (имени и фамилии автор не называет) было 26 танапов земли, сам он не работал и имел 3 чайрикеров и 1 батрака[2]. У Садыкбая Мухаммад Муратова было 26 танапов земли, 3 чайрикера и 1 батрак[3]. У Иргашбая Нур Мухамедова было 40 танапов земли, 4 чайрикера и 1 батрак[4].

Из этих данных видно, что многие баи предпочитали предоставлять землю чайрикерам, чтобы не привлекать для ее обработки наемный труд. Было немало хозяйств, где одновременно работали и батраки и чайрикеры. При этом чайрикеров было больше, чем батраков и мардикеров. Обычно в статистических материалах описывается больше хозяйств, применявших труд мардикеров, нежели хозяйств, применявших труд чайрикеров. На основании этого некоторые наши исследователи считают, что в сельском хозяйстве преобладали капиталистические отношения. Но это неправильно. Мардикеры не были постоянными работниками, их нанимали на определенный сезон сельскохозяйственных работ. Обработка хлопчатника и сбор урожая требовали привлечения сразу значительного количества работников и многие хозяйства прибегали к массовому найму мардикеров, например, весною (в марте), а затем их увольняли, а летом (в июне-июле) нанимали вновь на кетменную обработку, а потом опять увольняли. Осенью мардикеров нанимали на сбор урожая, а на зиму снова увольняли. В образовывавшиеся перерывы многие из них работали в своих хозяйствах. Таким образом сегодняшний мардикер завтра становился чайрикером и наоборот. Что касается чайрикеров, то они работали без перерыва круглый год. Батраки (кароли, ятимы) работали не по сезонам, а определенный срок (год) и постоянно жили у баев, поэтому в данном отношении чайрикеров можно сравнить с батраками.

Для вычисления абсолютного числа разных социальных групп возьмем за исходную величину количества узбекского сельского мужского населения в рабочем возрасте. В сельских местностях Туркестана проживали

[1] «Туркестанское сельское хозяйство», Ташкент, 1911, № 12, стр. 10.
[2] *А. Давыдов*. Указ. соч., стр. 21.
[3] Там же, стр. 22.
[4] Там же.

1 885 151 узбек[1], из них 62,2 процента, или 1 172 563, были в возрасте свыше 18 лет, а из последних 53 процента, или 621 455, были мужчины. Из этого числа 3107 человек были сельскими рабочими, 103 783 — полупролетариями или мардикерами, 94 461 — чайрикерами, 97 568 — бедняками, 202 595 — середняками, 119 941 человек — представители эксплуататорских классов.

Для определения социального облика узбекского народа в целом сведем воедино все эти данные и отдельные социальные группы по всему мужскому узбекскому населению Туркестана в возрасте свыше 18 лет.

Согласно материалам сельскохозяйственной переписи 1917 года в Туркестанском генерал-губернаторстве проживали 2 347 491 узбек-сарт, 49 697 курама, 42 449 кипчаков (в Ферганской долине) и 4314 каракалпаков (в Ташкентском уезде). Всего 2 443 951 человек обоего пола[2]. Мужчины в возрасте свыше 18 лет составляли 805 760 человек, из них 621 940 жили в кишлаках, а 173 820 — в городах.

ТАБЛИЦА 7

Социальные классы и слои	В кишлаках	В городах	Всего	В % к итогу
I. Городские и сельские рабочие . . .	3 107	60 568	63 675	7,9
II. Сельские полупролетарии	103 700	—	103 700	12,8
III. Мелкие крестьяне и кустари	192 029	37 000	229 029	28,4
IV. Средние крестьяне и кустари	202 595	24 000	226 595	28,1
V. Городская буржуазия и сельские эксплуататоры . . .	119 941	36 000	155 941	19,5
VI. Прочие (служащие, ученики медресе и т. д.)	—	26 767	26 767	3,3
Итого .	621 372	184 335	805 707	100,0

[1] Статистический ежегодник 1917—1923 гг., т. I, раздел III, стр. 44.

[2] Там же, стр. 42.

Соответственно этому мы можем исчислить для ориентировки примерное соотношение социальных классов и прослоек (табл. 7).

Как показывают приведенные цифры, в составе узбекского народа промышленный пролетариат пока еще не сформировался. Доля городских и сельских рабочих, хотя и составляла 7,9 процента, но из 63 675 рабочих только 12 702 работали на промышленных предприятиях[1], 120 — в Ташкентских железнодорожных мастерских[2], около 100 — на Среднеазиатской железной дороге[3].

Основная масса рабочих была занята подсобной или сезонной работой, трудилась в кустарных заведениях, выступала в качестве строительных рабочих, поденных разнорабочих и сельских рабочих. С точки зрения процесса формирования узбекской нации и развития национально-освободительного движения этот слой еще не достиг в своем развитии уровня руководящей силы. Сами рабочие не имели политических и профессиональных организаций. Только рабочие железнодорожных мастерских более или менее близко стояли к политической борьбе.

Сельские полупролетарии (мардикеры), городские и мелкие сельские хозяева (чайрикеры, бедные крестьяне и кустари) представляли собою основную массу угнетенных слоев, составляя более 40 процентов всего населения, хотя по своему имущественному положению, как мы видели, они были весьма разнородны. Эти группы вместе с середняками составляли более $^2/_3$ всего узбекского народа. Конечно, приведенные выше расчеты не являются абсолютно точными и носят более или менее приближенный характер. Вместе с тем, даже при возможных незначительных отклонениях отдельных показателей в ту или другую сторону, в целом мы имеем данные, достаточно верно, по нашему мнению, характеризующие общий социальный облик узбекского народа изучаемого периода времени.

Приведенный анализ показывает, что в социальном составе узбекского народа преобладали мелкобуржуаз-

[1] *В. В. Заорская* и *К. А. Александер*. Указ. соч., табл. V.

[2] История Узбекской ССР, т. I, книга I. Ташкент, 1956, стр. 237.

[3] *С. И. Гулишамбаров*. Экономический обзор Туркестанского района, обслуживаемого Среднеазиатской железной дорогой, Асхабад, 1913, ч. II, стр. 85.

ные элементы. Если по всей России рабочие и служащие составляли 16,7 процента населения, то в составе узбекского народа рабочие всех категорий составляли только 7,9 процента, зато эксплуататорский слой составлял здесь 19,5 процента против 15,9 процента по всей России. В составе его преобладали феодальные элементы: 13 процентов против 3,6 процента в России[1]. В составе узбекского народа фактически отсутствовал слой служащих. В то же самое время учителя зачастую были духовными лицами — имамами, ишанами и т. д. Административные служащие — волостные, аксакалы мирабы и другие — были или торговцами и ростовщиками, или феодалами. Служащие, живущие только на жаловании, были представлены очень незначительным числом приказчиков прилавков, торговых агентов и т. п.

Отсюда явствует тот важный вывод, что социально-политический облик узбекского народа накануне Великой Октябрьской социалистической революции отражал больше феодальные отношения, нежели буржуазные.

Все это отражалось на формировании национального самосознания узбеков, на ходе национально-освободительного движения узбекского народа. Узбекская национальная буржуазия в отличие от буржуазии многих колониальных стран не выступала здесь организатором и вдохновителем национально-освободительного движения в качестве силы, способствующей национальной консолидации узбекского народа. В противовес освободительному движению узбекских трудящихся местная национальная буржуазия вела политику пресмыкательства перед царизмом и русской империалистической буржуазией, что тормозило национальную консолидацию узбеков.

4. Формирование общности экономической жизни среди узбеков и ее особенности

Для понимания процесса сложения нации вопрос о формировании общности экономической жизни имеет особое значение. Именно общность экономической жизни является крайне важным фактором перехода от народности к нации. Общий язык, общая территория и

[1] 20 лет Советской власти. Статистический сборник, второе изд., М., 1938, стр. 7.

самобытная культура присущи не только нации, но и народности. Однако нация от народности тем и отличается, что нация, имея общность экономической жизни, превращается в устойчиво сложившийся коллектив, ее язык поднимается на уровень национального языка, ее территория сплачивается в «единую» национальную землю, а в культуре и быту формируются общенациональные черты, преобладающие над местными и локальными особенностями культуры и быта отдельных районов заселения данного коллектива. Поэтому на сложении общности экономической жизни узбекского народа необходимо остановиться особо.

Общность экономической жизни означает появление тесной, неразрывной связи между хозяйственной деятельностью разных частей данного коллектива, когда хозяйственная деятельность жителей одного района становится или исходной точкой, или последующим этапом для хозяйственной деятельности другого района, когда экономическая жизнь одного района зависит от экономической жизни другого. Во всех случаях, когда у классиков марксизма-ленинизма речь идет о формировании нации, особо подчеркивается именно это значение экономической связи внутри коллектива. Так, например, В. И. Ленин, говоря о формировании русской нации, указывает, что оно произошло тогда, когда осуществлялось слияние всех русских земель в единое целое. Слияние это, говорил Ленин, вызывалось усиливающимся обменом между областями, постепенно растущим товарным обращением, концентрированием небольших местных рынков в один всероссийский рынок[1]. И. В. Сталин характеризовал общность экономической жизни как внутреннюю экономическую связь, объединявшую отдельные части нации в одно целое[2].

Сущность общности экономической жизни во всех случаях сводится к установлению тесной экономической связи между отдельными районами заселения данного коллектива. Выражением этой связи является формирование национального рынка, который образуется на определенной, обособленной национальной территории. Речь идет не вообще о развертывании торговли и не вообще об усилении обмена, а о такой торговле, кото-

[1] *В. И. Ленин.* Соч., т. 1, стр. 137.
[2] *И. В. Сталин.* Соч., т. 2, стр. 294.

рая объединяет отдельные районы заселения коллектива людей, говорящих на одном языке и имеющих свою самобытную культуру. Мы особо подчеркиваем это потому, что в конкретной обстановке возможно и такое развитие торговых связей, которое не служит средством экономического сплочения данного коллектива и, следовательно, не может быть средством сложения общности экономической жизни. Поэтому неправильно отождествление сложения общности экономической жизни с ростом торговли или ростом товарности хозяйства того или иного коллектива.

На фоне данных о росте экономики Узбекистана в колониальный период, приведенных нами в предыдущих разделах, попытаемся теперь рассмотреть конкретный процесс формирования общности экономической жизни узбекского народа и определить ее уровень к моменту свершения Великой Октябрьской социалистической революции.

Мы уже видели выше, что в связи с ростом хлопководства в структуре хозяйства Узбекистана происходили большие перемены. Усилилась товарность земледелия, в особенности в хлопкосеющих районах. Мелкие хлопкосеющие хозяйства стали значительно более товарными, чем средние и зажиточные хозяйства, так как мелкие крестьяне все свои земли или всю землю, ими арендованную, засевали хлопчатником, а крупные хозяйства, кроме хлопчатника, сеяли и зерно, в особенности на богарных землях, для собственного питания и для корма скоту. У них же были сады, виноградники, продукция которых потреблялась внутри крупных хозяйств.

Далее, в связи со специализацией отдельных районов на производстве хлопка, в них уменьшилось количество собственного хлеба, продуктивного и рабочего скота. Это усиливало привоз хлеба и скота из других мест, в том числе из зерновых районов самого Узбекистана. Следовательно, росла товарность зерновых районов, хотя она здесь и была значительно ниже, чем в хлопковых районах.

Некоторые исследователи, огульно подходя к этим фактам, делают выводы о том, что в колониальный период уже сложилась общность экономической жизни узбеков, и ссылаются на известное указание В. И. Ленина о том, что Закаспийская железная дорога открыла для капитала Среднюю Азию, что русский капитализм втягивал Кавказ, Среднюю Азию и другие окраины в мировое товарное обращение, что Средняя Азия превратилась в рынок России[1].

На наш взгляд, из указаний В. И. Ленина нельзя еще делать вывод, что в то время уже сложилась общность экономической жизни узбеков, забывая, что именно В. И. Ленин в той же работе подчеркивает, что развитие капитализма происходит вглубь и вширь.

Вряд ли можно сомневаться, что в данном случае В. И. Ленин имел в виду развитие русского капитализма вширь, а не развитие «местного» узбекского, казахского и другого капитализма вглубь. В. И. Ленин указывает на резкое различие между распространением сферы капиталистических отношений в том или ином районе извне и ростом предпринимательской деятельности местных капиталистов в данном районе. Сложение общности экономической жизни в первую очередь является следствием развития капитализма вглубь и роста капиталистического земледелия и капиталистической промышленности на данной, определенной территории.

Те исследователи, которые из вышеприведенных высказываний В. И. Ленина делали вывод о сложении общности экономической жизни среди узбеков еще в колониальный период, на наш взгляд, подходили к вопросу механически и поэтому их выводы не соответствуют фактическому положению экономики и существовавшим в то время экономическим связям между отдельными районами Узбекистана.

Возражая против такой постановки автора, А. Ф. Якунин говорит, что «в условиях многонациональной России нельзя установить границу между российскими и местными национальными рынками. М. Г. Вахабов говорит о необходимости национального узбекского рынка, как условия формирования буржуазной нации. Но возможно ли было существование обособленного узбекского рынка после присоединения Средней Азии к России?»[2].

---

[1] См., например, статьи: *А. К. Азизян.* «И. В. Сталин о возникновении и развитии социалистических наций в СССР», «Вопросы истории», 1952, № 9, *А. Ф. Якунин.* «Об экономических условиях формирования узбекской буржуазной нации», «Вопросы истории», 1956, № 5 и др.

[2] *А. Ф. Якунин.* Указ. соч., стр. 108.

Далее А. Ф. Якунин правильно указывает, что для решения вопроса о формировании нации, наряду с выяснением состояния хозяйства Туркестана, нужно также выяснить, каковы были экономические связи между областями и районами Туркестанского края. Но, приведя массу цифровых данных о росте в Туркестане торговли вообще, он совершенно обходит поставленный им же самим вопрос об экономических связях между отдельными районами Узбекистана. Между тем связи эти показать необходимо.

Говоря о местном узбекском рынке автор данной книги отнюдь не предполагает наличия какого-то изолированного от всего мира узбекского замкнутого рынка. При капитализме не может быть такого рынка. Даже если Туркестан не был бы колонией, а был самостоятельной страной, то и тогда узбеки не имели бы изолированного рынка. Речь идет о тех экономических связях, которые необходимы для сплочения узбеков в единое целое и которые могли установиться и в колониальный период. Но конкретно в Туркестане сложилась такая обстановка, когда при общем росте капиталистических отношений экономические связи между отдельными районами заселения узбеков не успели еще развиться до такой степени, чтобы завершить среди них сложение общности экономической жизни. Для догматических мыслящих исследователей эта формулировка может показаться неубедительной. Как же так: в Туркестане после присоединения его к России зарождаются и развиваются капиталистические отношения, его рынок становится частью внутреннего рынка России, о котором говорил В. И. Ленин, и вдруг сложение общности экономической жизни его народов остается незавершенным.

Да, в истории бывает и такое стечение обстоятельств, когда рост товарности, зарождение капиталистических отношений в том или ином районе не сопровождаются в той же степени сложением и развитием экономических связей среди обитателей этих районов.

Развитие русского капитализма вширь втянуло многие национальные окраины России, в том числе и Узбекистан, в общероссийское торговое обращение. В результате этого в Узбекистане началось быстрое разрушение хозяйственной замкнутости отдельных районов. Однако это было только начальной стадией процесса сложения

экономической общности. Другой главной стороной этого процесса было установление тесных экономических связей между разными районами, в результате которого и происходит слияние местных (локальных) рынков, обслуживающих товарооборот внутри того или иного района, в единый внутренний национальный рынок, обслуживающий товарооборот в национальном масштабе.

Как было сказано выше, Узбекистан с древних времен распадался на ряд хозяйственно-замкнутых районов: Ферганская долина, Зеравшанская долина, Ташкентский оазис, Кашкадарьинская долина, Сурхандарьинская долина и Хорезмский оазис. Каждый из этих районов в свою очередь состоял из ряда мелких экономических микрорайонов, центрами которых были либо города, либо крупные селения, к которым тяготели близлежащие кишлаки.

Такие города, как Ташкент, Наманган, Андижан, Коканд, Ходжент, Самарканд, Бухара, Хива и другие, а также такие крупные селения, как Пскент, Чиназ, Маргелан, Канибадам, Джизак, Каттакурган, Карши, Шахрисябз, Уратюбе, Гузар, Термез и другие в прошлом были торгово-промысловыми центрами, вокруг которых группировалось множество кишлаков. Хотя внутри таких локальных районов шла постоянная торговля, но между ними она носила нерегулярный характер и была сосредоточена в руках феодалов, ханов и крупных торговцев.

Продукты производства некоторых из этих районов вывозились кочевниками в казахскую степь и в другие соседние местности. Из одного района в другой вывозились такие предметы, которые традиционно производились только в нем. Такими предметами были некоторые шелковые изделия, как атлас, производство которого было развито в Маргелане, золотошвейные изделия из Бухары и т. д.

Что касается предметов массового потребления — одежды, обуви, продуктов питания, орудий земледелия и ремесла (омач, кетмень, мала, ткацкие станки, кузнечные и сапожные инструменты и т. д.),— то они производились в каждом районе и расходились по окружающим кишлакам. Из продуктов земледелия, садоводства, виноградарства и других только единичные виды их вывозились в другие районы.

Таким образом, в Узбекистане с древних времен существовала широко разветвленная сеть рынков, но рынки эти были замкнутыми, и торговля носила местный характер. Мелкие лавочники по торговле предметами потребления (баккалы), галантерейными изделиями (аттары и баззазы), мылом, свечами, обувью и тканями владели незначительным капиталом.

Подобная структура соответствовала господствовавшим феодальным отношениям и была выражением феодальной раздробленности страны.

В конце XIX и начале XX века в связи с проникновением русского и иностранного капитала такая хозяйственная замкнутость отдельных районов начала разрушаться. В этом вначале основную роль играли не зарождение и рост капиталистических отношений в недрах узбекского общества, а широкое проникновение русского капитала в экономику Узбекистана.

Для выяснения процесса образования общности экономической жизни, как мы указали выше, важную роль играет рост торговли между отдельными районами, то есть в национальном масштабе, как наиболее четкое и полное выражение внутренних экономических связей.

У нас нет точных данных об общем объеме внутренней торговли как местной (внутри отдельных районов), так и между районами. Но мы имеем данные о внутреннем и местном грузообороте железных дорог, которые являются одним из важных источников, характеризующих объем межрайонного товарооборота, тем более, что Закаспийская (Среднеазиатская) железная дорога в этот период уже связывала между собой почти все районы Узбекистана (кроме Хивы).

За период с 1900 по 1912 год общий объем грузооборота Закаспийской железной дороги возрос на 399,5 процента[1]. При этом грузооборот местного сообщения, то есть перевозка товаров внутри Узбекистана, возрос на 263,3 процента, а ввоз извне — на 1 341,5 процента. Далее, если доля оборота местного сообщения в 1900 году составляла 73,8 процента от общего оборота, то в 1912 году она составляла 48,7 процента. Следовательно, ввоз товаров в Узбекистан значительно вырос.

[1] *С. И. Гулишамбаров.* Экономический обзор Туркестанского района, обслуживаемого Среднеазиатской железной дорогой, ч. II, Асхабад, 1913, стр. 82.

При этом мы должны учесть, что не все товары, перевезенные из одного района в другой, были местного производства. В числе их было немало товаров, ввезенных раньше и переотправлявшихся из одного района в другой. Однако и без учета этого важного обстоятельства становится ясно, что ввоз товаров рос значительно быстрее, чем внутренний товарооборот.

Для лучшего выяснения роли оборота товаров внутри Узбекистана и оборота товаров, привезенных извне, в деле сложения общности экономической жизни рассмотрим их раздельно. Как говорилось, товарооборот по местному сообщению вырос на 263,3 процента. В противовес этому за тот же период вывоз вырос на 474,1 процента, а ввоз — на 1 341,5 процента. Этот факт свидетельствует о том, что на внутреннем рынке роль привозных товаров росла неуклонно.

Следовательно, в разрушении замкнутости отдельных районов первенствующую роль сыграло возрастающее проникновение русского капитала и усиление торговых связей между Туркестаном и всероссийским рынком. Это станет еще более ясно, если мы рассмотрим состав гру-

ТАБЛИЦА 8

Товары	Поступление на местный рынок		Реализовано		Вывоз, в %
	из Туркестана	из России	на мест. рынках	вывоз на центр. рынки	
Хлопок-волокно	11 974	—	1569	10 405	86,9
Мука пшеничная	2000	8343	10 340	—	—
Пшеница	5052	1951	11973	—	—
Прочее хлебное зерно	—	2273	2273	—	—
Рис	2269	—	2269	—	—
Жмых хлопковый	2602	—	1436	1266	48,6
Масло хлопковое	1772	—	460	1312	74,0
Фрукты	2825	—	579	2216	79,5
Мануфактура	733	1920	2653	—	—
Сахар и другие сладости	268	2790	3058	—	—
Чай	—	1037	1037	—	—
Металлы и металлические изделия	1060	1000	1060	—	—
Лесоматериалы	—	3140	3140	—	—

зооборота к примеру за 1912 год (табл. 8; данные в тысячах пудов)[1].

В приведенной таблице мы отразили количество тех видов товаров, которые поступали на рынок Туркестана и реализовались на местных рынках, и тех, которые шли на вывоз за пределы Туркестана. Но объем товарооборота этим не ограничивался. Сюда не вошло огромное количество мелкого и крупного рогатого скота, который перегонялся гуртами, а не перевозился по железной дороге. Сюда также не вошел поштучный ручной багаж, учесть который по его видам невозможно.

Переходя к более детальному рассмотрению оборота указанных видов товаров, распределим их на три группы: первая группа — товары, поступившие на рынок как с мест, так и из центральных районов России; вторая группа — товары, поступившие только из центральных районов, и третья группа — только из самого Туркестана. К первой группе относятся все виды зерновых, мануфактура, сахар и другие сладости; ко второй — чай, металл, металлические изделия и лесоматериалы, к третьей — хлопок, рис, жмых и хлопковое масло (основная часть хлопкового волокна, фруктов, масла и примерно половина жмыха вывозилась за пределы Узбекистана).

Если сопоставить количество местных товаров, шедших на местные же рынки, с количеством вывозившихся за пределы края, видно, что основная масса товаров вывозилась. Так, вывозилось 86,9 процента хлопкового волокна и лишь остальная часть его реализовалась в самом Туркестане; фруктов вывозилось 79,5 процента, хлопкового масла —74 процента, жмыха —48,6 процента. Следовательно, оставшаяся часть этих товаров поступала на межрайонный рынок, выходя за пределы местных рынков. Хлопковое волокно, оставшееся для реализации на межрайонных рынках, по-видимому, более или менее удовлетворяло потребность населения. В обеспечении жмыхом и маслом главную роль играла кустарная промышленность каждого района.

Снабжение Узбекистана, так же как и всего Туркестана, хлопчатобумажной мануфактурой, сахаром, чаем, металлическими изделиями, лесоматериалами, цементом, горючими материалами и другой промышленной продукцией за немногим исключением производилось путем ввоза их из центральных районов. Это явление было результатом однобокого развития экономики Узбекистана, притом с сильной тенденцией к монокультуре земледелия. Поэтому, несмотря на то, что Узбекистан был типичным аграрным районом, он был вынужден завозить извне зерно и скот. Развитие Узбекистана как земледельческой сырьевой базы России с тенденцией к монокультуре обуславливалось колониальной политикой царского правительства.

[1] Таблица составлена автором книги на основе данных работы *С. И. Гулишамбарова*, ч. I, стр. 94—96; ч. II, стр. 40—49.

Рассматривая рост отдельных городов как торговых центров, нужно подчеркнуть, что именно на базе торговли хлопком, фруктами, шелком-сырцом, каракулем, жмыхом и хлопковым маслом (вывоз), а также на базе оптовой торговли привозными промышленными товарами развивались отдельные торговые центры, вокруг которых группировались тяготевшие к ним кишлаки.

В отличие от прежних времен теперь эти города стали не только центрами торговли изделиями кустарной промышленности, но и центрами торговли изделиями промышленности России. В Ферганской же долине они стали также центрами оптовой торговли привозным хлебом. Следовательно, их роль, как торговых центров, резко изменилась. Накануне первой мировой войны эти города начали превращаться в районы концентрации новых капиталистических торгово-промышленных заведений и финансовых учреждений.

Одним из самых крупных торгово-промышленных центров стал город Коканд, где сосредоточилось 9 отделений банков и функционировали специальные конторы следующих фирм по закупке хлопка: «Персидское торгово-промышленное товарищество», «Бр. Крафт», «Андреевское товарищество», «Бр. Киорковы», «Торговый дом Потеляхова», «Бр. Вадьяевы», «Большая Ярославская мануфактура». Специальные транспортные конторы — «Восточное общество», «Кавказ и Меркурий», «Российское общество», «Гергард и Гей» — занимались транспортировкой хлопка из Средней Азии и промышленных изделий из России. Торговлей чаем занимались конторы фирм «Вагау», «Высоцкого» и «Шведа». Резиновыми изделиями торговали товарищества «Треугольник» и «Проводник», а мануфактурой—«Бр. Пинхасовы», «Трехгорная», «Даниловская мануфактура» и «Э. Циндель».

В городе существовало: 11 хлопкозаводов, 7 коконосушилок, 4 механические мельницы, 4 маслобойных завода, 2 гренажных завода и ряд других. Всего числилось 58 промышленных заведений с общим числом рабочих около 3000 человек.

Общий вес всех прибывших в Коканд грузов составлял в 1911 году 15 567,3 тысячи пудов, а отправленных— 4 947,8 тысячи пудов; в Самарканд прибыло 5 648,1 тысячи пудов и отправлено 4 319,9 тысячи пудов, в Ташкент прибыло 13 891,1 тысячи пудов, а отправлено 32 547,7 тысячи пудов[1]. Товары, прибывавшие в эти города, расходились в окружающие районы частью по железной дороге, а частью — гужевым транспортом. Хлопковое волокно, шелк-сырец, масло и фрукты, заготовленные в окружающих кишлаках и в городе, отправлялись торговыми фирмами в центральные районы.

Примерно таков же был характер товарооборота городов Ташкента, Самарканда, Андижана, Намангана, Маргелана, Бухары, Нового Ургенча.

Приведенные факты свидетельствуют прежде всего о разрушении хозяйственной замкнутости отдельных районов Узбекистана. При более же глубоком анализе мы обнаруживаем, что это разрушение (само по себе являвшееся, конечно, отражением образования общего рынка) не сопровождалось в такой же степени установлением тесных экономических связей между ними. Мы наблюдаем в условиях Узбекистана явное расхождение этих двух сторон процесса сложения единого внутреннего рынка, которые в других условиях совершались одновременно, чего не замечали исследователи, утверждавшие, что уже в колониальный период сложилась общность экономической жизни узбеков.

Для более глубокого выяснения этого положения приведем еще ряд фактов.

В 1911 году из Андижана было отправлено 2505 тысяч пудов хлопка-волокна прямо в районы русской текстильной промышленности; например, на Северную дорогу было отправлено 698 тысяч пудов, на Московско-Рязанскую—563 тысячи пудов, на Московско-Нижегородскую— 292 тысячи пудов, на Николаевскую — 260 тысяч пудов, на Лодзинскую —171 тысяча пудов и т. д. На эти же дороги из Коканда было отправлено 1 565 тысяч пудов, из Горчакова —1356 тысяч пудов, из Федченко —789 тысяч пудов, из Ассаке—779 тысяч пудов, из Кагана—681 тысяча пудов, из Каттакургана — 380 тысяч пудов[1]. Суммарно было отправлено более 84 процентов очищенного хлопка, стоимость которого составляла более 82 процентов всей стоимости промышленной продукции Туркестана. Весь этот хлопок, не поступая на межрайонный рынок, непосредственно закупался на отдельных местных рынках и отправлялся за пределы края.

[1] *С. И. Гулишамбаров.* Указ. соч., ч. III, стр. 99—100, 115—116, 128—129.

Примерно такой же характер имела реализация сухофруктов, каракульских шкурок, шелка-сырца и других основных продуктов сельского хозяйства. Следовательно, в отношении реализации главных продуктов сельского хозяйства, являвшихся основным богатством края, сложение единого внутреннего рынка еще не завершилось, и каждый район был непосредственно связан с центральными районами России. Это в значительной мере относится даже к таким продуктам сельского хозяйства, как хлеб. В 1912 году на местный рынок Туркестана поступило 24 589 тысяч пудов хлеба, однако из них около 7082 тысячи пудов, или 28 процентов, производилось в самом Туркестанском крае, а остальное количество было привезено из центральных районов.

Поступление товаров на станцию Коканд в 1911 году показывает, что, кроме хлеба, в Туркестан поступали из центральных районов в массовом масштабе лесоматериалы, металлические изделия, сахар, чай, нефтепродукты, бумажные и шерстяные ткани, цемент и другие промышленные изделия. На местном межрайонном рынке больше всего реализовались именно эти промышленные товары, а торговля ими в масштабе всего местного рынка находилась в руках русских торговых фирм. Местные торговцы в основном перепродавали закупленные товары внутри отдельных экономических районов.

В отношении реализации привозных товаров, так же как и реализации основных сельскохозяйственных продуктов, отдельные районы Узбекистана были больше связаны с центральными промышленными и зерновыми районами, чем между собою.

Но, как указано выше, не всегда разрушение хозяйственной замкнутости отдельных районов механически

[1] *С. И. Гулишамбаров.* Указ. соч., ч. II, стр. 41.

приводит к установлению тесных экономических связей между ними. Для этого необходим рост в данном районе капитализма вглубь, рост территориального разделения труда внутри страны. Только в результате этого складывается общность экономической жизни.

В отдельных конкретных исторических условиях эти процессы могут и не совпадать. Пример отрыва отдельных районов от других при наличии, казалось бы, достаточно развитых товарных отношений приведен В. И. Лениным в его работе «Развитие капитализма в России». «...Мы имеем,— отмечал В. И. Ленин,— и в Европейской России такие окраины, которые... крайне еще слабо связаны в хозяйственном отношении с центральной Россией. Возьмем, напр., «дальний север»—губернию Архангельскую... Один из главных местных продуктов, лес, шел до последнего времени, главным образом, в Англию. В этом отношении, след., данный район Европейской России служил внешним рынком для Англии, не будучи внутренним рынком для России»[1].

Это высказывание В. И. Ленина дает возможность понять особенности сложения общности экономической жизни в условиях Узбекистана.

Конечно, здесь не может быть установлено полное сходство с той же Архангельской губернией, но близкие по характеру явления происходили и в Туркестане. Замкнутость отдельных районов разрушалась здесь сравнительно быстрыми темпами, но установление экономической связи между ними шло далеко не такими же быстрыми темпами.

Если оторванность Архангельской губернии от общероссийского рынка была связана с трудными природными условиями — бездорожьем, то слабость экономических связей между отдельными районами в Узбекистане, с одной стороны, была обусловлена тем, что капитализм здесь еще находился на стадии зарождения, а с другой стороны, колониальная политика царского правительства была направлена на превращение Туркестана, в целом, и Узбекистана, в частности, в аграрный придаток российской промышленности и рынок для ее изделий.

В экономической жизни узбекского народа все еще большую роль играли местные локальные рынки. Это видно из табл. 9, показывающей соотношение стоимости продукции фабрично-заводской и кустарной промышленности, идущей на местные рынки (данные относятся к 1914 г.)[1].

[1] *В. И. Ленин.* Соч., т. 3, стр. 522—523.

ТАБЛИЦА 9

Виды производства	Фабрично-заводские изделия		Кустарные изделия	
	стоимость в тыс. руб.	в %	стоимость в тыс. руб.	в %
Добыча каменного угля . . .	4 201,0	1,1	—	—
Рыболовство	5 946,3	2,8	4 324,8	5,0
Добыча нефти	4 189,0	1,9	—	—
Добыча соли	8 190,0	3,8	308,9	0,5
Пищевая промышленность . .	25 993,8	11,9	20 841,0	34,0
Кожевенная промышленность .	1 324,7	0,6	2 190,4	3,5
Шелкоразмоточное производство	3 363,6	1,5	776,2	1,2
Мыловаренная промышленность	638,9	0 3	—	—
Кишечное производство . . .	508,8	0,2	—	—
Металлообрабатывающая промышленность	786,8	0,4	6 092,7	9,7
Керамическая промышленность	950,2	0,4	458,6	—
Деревообделочная промышленность	200,0	—	8 742,0	15,3
Ватная промышленность . . .	8,0	—	5 712,5	9,3
Изделия из шерсти	—	—	2 305,0	3,7
Обработка пеньки	—	—	256,7	0,4
Изготовление одежды	—	—	0 465,9	16,9
Прочие изделия	3687,5	1,7	517,5	0,5
Хлопкоочистительная промышленность	159 116,0	72,3	не учт.	не учт.
Добыча озокерита	166,9	0,1	не учт.	не учт.
Шерстомоечное производство .	1 935,2	1,0	не учт.	не учт.
Итого . . .	221 206,7	100	62 992,2	100

Заметим, что в данной таблице не указаны такие отрасли кустарной промышленности, как шелкоткац-

[1] *Вячеслав Балков.* Кустарно-ремесленная промышленность Средней Азии, Ташкент, 1927, стр. 33—34. (Итоги уточнены нами.— *М. В.*).

кая, хлопчатобумажная, обувная, мукомольная и ряд других, доля которых в производстве промышленных изделий была значительной. В Туркестане одни только кустарные мельницы ежегодно перерабатывали 42 миллиона пудов пшеницы и 11 миллионов пудов ржи, стоимость которых достигала 75 миллионов рублей. А продукция шелкоткацкой, бумаготкацкой, мыловаренной отраслей только в двух областях (Самаркандской и Ферганской) составляла 3 956,7 тысячи рублей[1]. Стоимость этих изделий кустарной промышленности по всему Туркестану достигала примерно 141 748,7 тысячи рублей, а стоимость фабрично-заводских изделий, за исключением продукции хлопкоочистительной, шерстомоечной, озокеритной промышленности, шедшей почти полностью на экспорт, составляла 57 902 тысячи рублей.

Таково было соотношение продукции кустарной и фабрично-заводской промышленности, шедшей на межрайонный рынок.

Большой интерес представляет сопоставление таких отраслей, как пищевая, кожевенная, металлообрабатывающая, деревообделочная, ватная, шерстяная и производство готовой одежды. Кроме пищевой промышленности, продукция которой примерно была равна фабрично-заводской, во всех остальных отраслях доля продукции кустарной промышленности была в несколько раз большей, чем продукция фабрично-заводской промышленности.

Характерно, что в перечне товаров, отправленных из одного района в другой, мы почти не встречаем изделий таких отраслей кустарной промышленности, как металлообрабатывающие (кетмени, ураки, подковы), продукции деревообделочной промышленности (омачи, буюнтуруки, двери, сандалы, сундуки), готовой одежды (чапан, белье), обуви, пищевых продуктов (растительное масло, восточные сладости, мучные изделия) и т. п.

Все эти виды кустарных изделий испокон веков производились в каждом районе и перевозить их было незачем. Здесь имело большое значение и то обстоятельство, что многие из этих изделий имели локальный характер и соответствовали местным условиям

[1] Обзор Самаркандской области за 1908 г., приложение 15. Обзор Ферганской области за 1913 г., приложение 11.

производства и местным вкусам. Такие орудия производства, как кетмени, ураки, омачи и другие в разных районах были, как указывалось, приспособлены к местным производственным условиям. Например, в бывшем Наманганском уезде производилось 25 видов кетменей. Имея одинаковое применение и общий вид в отдельных районах они отличались своим весом, длиной, шириной и т. д. Что касается предметов домашнего обихода, одежды и прочее, то и они соответствовали вкусам населения каждого района, например, мужская верхняя одежда — чапан, имея примерно одинаковый покрой во всех узбекских районах, различалась расцветкой материи. Такое же положение было и с тюбетейками. Само хозяйство (как земледелие, так и кустарные промыслы) было основано на старинных орудиях производства.

Таким образом, экономика узбекского народа еще не достигла такого уровня, чтобы упразднился ее локальный характер и народились широкие экономические связи в национальном масштабе.

В формировании национального рынка в каждом конкретном национальном районе ведущую роль играли одна или несколько отраслей народного хозяйства. Развитие их влекло за собой развитие и других отраслей, как это было с текстильной промышленностью в Англии в период промышленного переворота. В условиях Узбекистана главенствующая роль должна была бы принадлежать хлопководству и хлопчатобумажной промышленности. Однако эту роль они не могли сыграть потому, что колониальная политика царизма и русской империалистической буржуазии препятствовала созданию текстильной промышленности в крае и направляла весь импортированный в Среднюю Азию капитал на финансирование закупок хлопка через ростовщические операции, консервировала феодальные формы эксплуатации в кишлаках.

Этим и объясняется тот парадокс, что втягивание экономики Туркестана в общероссийский рынок разрушало быстрыми темпами хозяйственную замкнутость отдельных районов, но в то же время и тормозило сложение единого внутреннего рынка в Туркестане, следовательно, и формирование общности экономической жизни его народов.

Такое положение было характерно не только для народов Средней Азии. Разве среди африканских колониальных народов не появились крупные капиталисты, разве в колониальных странах империализм не создавал крупные капиталистические заведения: нефтепромыслы, железные дороги, рудники и т. д. Но можно ли из этого делать вывод, что все колониальные народы становились нациями? Идя по пути неправильной методики подхода к вопросу сложения общности экономической жизни (А. Ф. Якунин и другие), можно было бы все колониальные народы эпохи империализма считать нациями, ибо в эпоху империализма собственно говоря во всех колониальных странах появлялись капиталистические предприятия.

И если рассмотреть экономическое развитие Средней Азии в колониальный период более глубоко, то мы обнаружим, что появление капиталистических заведений идет здесь быстрыми темпами, появляется немало местных капиталистов-заводчиков и фабрикантов, идет зарождение буржуазных отношений, но в силу колониального режима намного задерживается установление тесных экономических связей между отдельными районами.

В. И. Ленин классически определил факторы, которые лежат в основе сложения внутреннего рынка в земледельческих районах, следовательно, являются базой формирования общности экономической жизни земледельческих народов. «Рост торгового земледелия,— указывал В. И. Ленин,— создает внутренний рынок для капитализма. Во-первых, специализация земледелия вызывает обмен между различными земледельческими районами, между различными земледельческими хозяйствами, между различными земледельческими продуктами. Во-вторых, чем дальше втягивается земледелие в товарное обращение, тем быстрее растет спрос сельского населения на продукты обрабатывающей промышленности, служащие для личного потребления;— тем быстрее, в-третьих, растет спрос на средства производства, ибо при помощи старинных «крестьянских» орудий, построек и пр. и пр. ни мелкий, ни крупный сельский предприниматель не может вести нового, торгового земледелия. Наконец, в-четвертых, создается спрос на рабочую силу, так как образование мелкой сельской буржуазии и переход землевладельцев к капиталистическому хозяйству предполагает образование контингента сельскохозяйственных батраков и поденщиков»[1].

В изучении процесса формирования внутреннего национального рынка в условиях Узбекистана данное указание В. И. Ленина должно явиться руководящим началом, ибо Узбекистан являлся в то время исключительно земледельческой страной.

Если в свете этого основополагающего указания В. И. Ленина резюмировать приведенные нами данные и соображения, можно прийти к следующим выводам.

В колониальный период развитие хлопководства заложило начало специализации отдельных районов на производстве хлопка (Ферганская долина), а других — на производстве зерна (Джизакский и Каттакурганский уезды Самаркандской области). На основе разделения труда между районами началась торговля хлебом между ними. Это было главным и, фактически, едва ли не единственным разделением труда между узбекскими районами. Хлеб был основной статьей местной продукции, идущей на межрайонный товарообмен.

Хотя с втягиванием крестьянского хозяйства в товарное обращение спрос его на промышленные товары личного потребления значительно возрос, но этот спрос покрывался частично кустарными изделиями, произведенными на местах, и частично привозными промышленными товарами. В этом отношении пока не произошло широкого разделения труда в национальном масштабе.

Что касается обеспечения земледелия и промышленности орудиями производства и вообще средствами производства, то земледелие и кустарная промышленность снабжались орудиями труда, произведенными на местах, а крупные предприятия — привезенными извне машинами. Фактически в Туркестане еще не возник единый национальный рынок средств производства.

Наконец, рост промышленности, строительство железных дорог, появление угольных копей, нефтепромыслов создали некоторое количество промышленного населения. Рост потребности его на продукты питания стимулировал развитие товарного земледелия вокруг больших городов, промышленных пунктов и специальных земледельческих и скотоводческих районов в Узбеки-

[1] *В. И. Ленин.* Соч., т. 3, стр. 268.

стране, на этот процесс находился в зачаточном состоянии.

Хотя достаточно широкий рынок рабочей силы в этот период и возник, однако существовала характерная его особенность — сезонность в разгар сельскохозяйственных работ, когда совершалось отходничество в другие районы, например, на хлопкоочистительные заводы рабочие приезжали из кишлаков и т. д. Рынок рабочей силы поэтому еще не мог служить существенным фактором формирования единого внутреннего рынка в целом.

Таков был уровень процесса формирования единого национального рынка в Узбекистане к моменту победы Великой Октябрьской социалистической революции. Следовательно, процесс этот не достиг заключительной стадии. Шло разрушение хозяйственной замкнутости отдельных районов, но процесс установления тесных экономических связей между ними в национальном масштабе не завершился.

Фактически происходило образование своего рода областных рынков, объединивших изолированные местные рынки. Такие областные рынки формировались в масштабе Ферганской и Самаркандской областей и Ташкентского уезда с центрами в Коканде, Андижане, Намангане, Самарканде и Ташкенте. На пути превращения в областные торговые центры находились Бухара, Ургенч, Карши и др. Это было крупным шагом вперед по пути формирования единого национального рынка и сложения общности экономической жизни. Но пока еще связь между экономическими районами — областными рынками — была слаба, ибо разделение труда между ними только намечалось и эти области в своем хозяйственном строе были почти однородными. Развитие русского капитализма вширь и превращение среднеазиатского рынка в часть всероссийского рынка, на базе колониального режима и отведения экономике Средней Азии роли сырьевого придатка текстильной промышленности метрополии,— затрудняло развитие территориального, то есть капиталистического разделения труда внутри самой Средней Азии. Вследствие этого задержалось развитие капитализма в Средней Азии вглубь. Сложение же общности экономической жизни является непосредственным результатом развития капитализма вглубь, то есть результатом роста капиталистического земледелия и капиталистической

промышленности на данной определенной и обособленной территории. А это предполагает территориальное разделение труда внутри данного, национально обособленного, района. Последнее обстоятельство мы особо подчеркиваем, потому что общность экономической жизни — не вообще экономическая связь, безотносительно между кем она складывается, а такая экономическая связь, которая сплачивает коллектив людей, говорящих на одном языке, расселившихся на компактной общей территории и живущих единой духовно-культурной жизнью. Для того, чтобы проследить процесс сложения общности экономической жизни того или иного коллектива, совершенно недостаточно ограничиться рассмотрением втягивания экономики его во всемирный или всероссийский торговый оборот, то есть ограничиться тем, как в данном районе идет развитие «иностранного капитализма» вширь. Нужно проследить развитие «местного капитализма» вглубь в данном районе на основе такого анализа экономики коллектива, классический пример которого в отношении русской экономики дан В. И. Лениным в его работе «Развитие капитализма в России».

Итак, Октябрьская социалистическая революция застала узбекский народ на той стадии развития, когда экономическая общность среди него только начала складываться.

5. Усиление территориальной, языковой и культурной консолидации узбеков в колониальный период

Важным моментом национального оформления того или иного коллектива является территориальная, языковая и культурная консолидация его на основе усиления внутренних экономических связей, то есть сложения общности экономической жизни.

Общность экономической жизни является экономической базой сплочения территории данной нации. До сложения общности экономической жизни территория, занятая данным народом, независимо от того, разделена ли она несколькими государственными границами или входит во владение одного государства, не является единой национальной «землей». Общность экономической жизни, внутренне сплачивая всю землю данного коллектива, превращает ее в единую национальную «землю». Для обоснования этого положения мы можем сослаться на

Маркса и Энгельса, которые в «Манифесте Коммунистической партии» писали: «Буржуазия все более и более уничтожает раздробленность средств производства, собственности и населения. Она сгустила население, централизовала средства производства, концентрировала собственность в руках немногих. Необходимым следствием этого была политическая централизация. Независимые, связанные почти только союзными отношениями области с различными интересами, законами, правительствами и таможенными пошлинами, оказались сплоченными в *одну* нацию, с *одним* правительством, с *одним* законодательством, с *одним* национальным классовым интересом, с *одной* таможенной границей»[1].

Сплочение различных, в прошлом почти самостоятельных, областей в одну нацию, с одной таможенной границей является следствием уничтожения раздробленности средств производства и населения. Иначе говоря, сплочение различных областей в «единую» землю (в одну таможенную границу) не предшествует уничтожению экономической раздробленности, а выступает как ее следствие.

Это положение еще более ярко выражено в работе В. И. Ленина «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?». «...В эпоху московского царства... государство основывалось,— писал В. И. Ленин,— на союзах совсем не родовых, а местных... и общины, составлявшиеся таким образом, были чисто территориальными союзами... Государство распадалось на отдельные «земли», частью даже княжества, сохранявшие живые следы прежней автономии, особенности в управлении, иногда свои особые войска... особые таможенные границы и т. д. Только новый период русской истории (примерно с 17 века) характеризуется действительно фактическим слиянием всех таких областей, земель и княжеств в одно целое. *Слияние это вызвано было не родовыми связями... оно вызывалось усиливающимся обменом между областями, постепенно растущим товарным обращением, концентрированием небольших местных рынков в один всероссийский рынок»* (курсив наш.— *М. В.*)[2].

[1] *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Избранные произведения в двух томах, т. 1, М., 1948, стр. 13.

[2] *В. И. Ленин.* Соч., т. 1, стр. 137.

Среди некоторых исследователей широко распространено мнение, что три признака нации: общность языка, территории и культуры возникают еще задолго до появления капитализма, но тем не менее они не образуют нации; когда же появляется четвертый признак — общность экономической жизни — образуется нация. Исходя из этого, считают, что нет принципиальной разницы между языком, территорией и культурой нации и народности. Народности якобы присущи три признака, а нации — четыре. Только эти три признака — общность языка, территории, культуры — раньше были не развиты, а теперь становятся развитыми.

На наш взгляд — это упрощенчество. Конечно, народность также базируется на общности языка, территории и культуры. Правильно и то, что общность экономической жизни у народности отсутствует. Однако общий язык, территория и культура народности качественно отличаются от общности территории, языка и культуры нации. Раньше они выступали только как потенциальная возможность образования элементов нации, а потом стали действительными элементами нации.

Рассмотрим сначала территорию.

Территория как для народности, так и для нации всегда и прежде всего является жизненным пространством. До появления народности кровнородственные коллективы жили и трудились, а после уничтожения нации члены единого мирового коммунистического коллектива тоже будут жить, трудиться и существовать на определенной территории. Однако территориальная общность, как элемент нации, это — не просто жизненное пространство.

Для народности специфическим является то, что территория внутренне распадается на множество областей, «земель», княжеств и так далее, сохраняющих следы своих прежних автономий; поэтому сама эта сплошная территория может распадаться на разные самостоятельные части. При определенных обстоятельствах некоторые из этих частей могут совершенно отколоться от других и войти в состав территории другой народности как ее составная часть. Таким образом, территориальная общность народности неустойчива и внутренне не сплочена.

Совсем другими чертами характеризуется территориальная общность нации. Общая территория нации не

просто единая и сплошная территория, не разделенная естественными рубежами или землей других наций. Это территория внутренне сплоченная и цементированная, не имеющая внутри себя никаких делений на княжества, «земли» и т. д. Искусственное разделение этой территории на разные части нарушает нормальный ход развития экономики, культуры и языка данной нации. Не случайно поэтому в приведенных выше высказываниях Маркса, Энгельса и Ленина подчеркивается внутреннее единство национальной земли. Что такое по существу территориальная общность как элемент нации? Это — сплошной массив, населенный коллективом, имеющим единый язык и культуру, живущим единой экономической жизнью, обеспечивающей тесные экономические связи между составными его частями и поэтому уничтожающей внутреннюю раздробленность.

Таким образом, формирование нации означает не пополнение трех признаков народности новым, четвертым признаком — общностью экономической жизни, а качественное изменение общности территории. Переход от народности к нации означает не появление новой территории, а ее дальнейшее развитие и приобретение ею новых свойств. Следовательно, и понятие территории также исторически обусловлено с общественной точки зрения, территория является, вообще говоря, пространством, в пределах которого осуществляется материальное производство и на его основе — все социальные, культурные и духовные взаимоотношения между людьми. С изменением формы этих взаимоотношений или формы общежития людей меняются и отношения их к той территории, на которой они живут и трудятся. При первобытно-общинном строе каждый коллектив тоже имел свою территорию. Компактное заселение или своеобразная территориальная общность была присуща и кровнородственным коллективам. Однако граница этой территории определялась границей кровнородственных связей внутри данного коллектива. Это была этническая территория. Изменилась производственная деятельность людей, главным и основным видом производственной деятельности их стало земледелие, и земля стала основным средством производства. На месте кровнородственных коллективов появились более крупные коллективы, закрепленные на определенной территории не по признакам кровного родства, а по характеру своей производственной деятельности. Один или, в редких случаях, несколько видов производственной деятельности закрепляли людей на одной территории, которая становилась пространством совместной жизни, то есть однородной хозяйственной деятельности их. Это территория народности. Дальнейшее развитие производительных сил привело к тому, что на данной территории возникло разделение труда между отдельными районами, вместо однородной хозяйственной деятельности людей, населяющих территорию, появилась специализация каждого района, хозяйственная деятельность этих районов, дополняя друг друга, образовывала единый процесс. Теперь территория данного коллектива состоит не из множества однородных по своему хозяйственному строю, но мелких и фактически изолированных районов, а из различных по хозяйственному строю, но органически связанных между собою районов Отныне каждая национальная территория напоминает огромный производственный организм, каждый район которой походит на одну из его частей. Итак, теперь территория приобретает ту особенность, что нормальное развитие самой нации органически связано с ее целостностью Следовательно, единая национальная земля не просто территория, населенная данной нацией, а территория, приобретшая силу воздействия на судьбу самой нации.

Именно поэтому Коммунистическая партия в своей практике разрешения национального вопроса придавала важное значение территориальному сплочению наций и народностей, раздробленных на разные части, хотя все эти части уже были освобождены Октябрьской революцией от национального угнетения и вступили на путь социалистического развития.

Заметим в связи с указанным выше, что И. И. Потехин в своей книге «Формирование национальной общности южноафриканских банту[1]», критикуя автора данных строк, считает, что «никакой принципиальной грани между территориальной общностью народности и территориальной общностью нации нет». Мы с этим не можем согласиться.

Как было сказано, в середине XIX века, перед присоединением Средней Азии к России, в составе узбек-

[1] *И. И. Потехин.* Формирование национальной общности южноафриканских банту. М., 1955, стр. 177.

ского народа существовали три крупных пласта: тюркоязычные сарты, тюрки Мавераннахра и кочевые узбеки. Все они и населяли сплошной территориальный массив, имели много общего в образе жизни и в языке. Тем не менее еще существовали некоторые различия в быту и уровне развития культуры. В отличие от тюркоязычных сартов, тюрки Мавераннахра и кочевые узбеки состояли из множества родовых и племенных групп, которые еще сохраняли следы «былой автономии», то есть родоплеменной ограниченности. Следовательно, они еще не освободились от пережитков этнической раздробленности, что в сочетании с феодальной хозяйственно-политической раздробленностью приобрело более или менее устойчивый характер. В районах заселения тюрков Мавераннахра и в особенности кочевых узбеков хозяйственно-политическая раздробленность, и как ее следствие, феодальные междоусобицы местами принимали форму родоплеменного антагонизма. Вспомним, что феодальная верхушка кочевых узбеков, вытесняя тюрков Мавераннахра из долинной части в горные и предгорные полосы, вызывала этим их недовольство. А так как феодальные аристократы в то же время были и родовыми вождями, то недовольство принимало форму родоплеменного антагонизма. В силу этого общая территория узбекской народности фактически распадалась на множество мелких частей: бекства, владения, «юрты» (земли), туманы и т. д. Здесь перемешались административно-политические единицы (бекства, туманы) с родоплеменными землями (юртами и наибствами).

Районы заселения сартов имели характерное административно-политическое деление. Каждый город с окружающими его кишлаками составлял одно бекство, например, Андижанское, Маргеланское, Ташкентское и т. д. Районы заселения тюрков Мавераннахра частично входили в близ расположенное бекство, частично во владения отдельных членов ханского двора. Территория, заселенная кочевыми узбеками, в большинстве случаев распадалась на отдельные юрты, управляемые родовыми и племенными вождями или наибами. Последние в отличие от прежних вождей политически самостоятельных тюркских племен подчинялись ближайшим бекам, правителям владений или непосредственно верховным правителям (ханам). Следовательно, они уже не имели самостоятельной власти и действовали как представители верховной власти в своем роде или племени. Однако в отличие от населения бекств и владений, не связанного родоплеменными связями, население наибства состояло в родственных связях. В основе всего этого и лежала хозяйственно-экономическая раздробленность, которая порождала политическую раздробленность, а усиление последней в свою очередь еще больше усугубляло первую. Так продолжалось до присоединения Средней Азии к России.

После присоединения Средней Азии к России политическая обстановка в крае изменилась. С упразднением Кокандского ханства и образованием Туркестанского генерал-губернаторства, а также с установлением протектората над Бухарским эмиратом и Хивинским ханством был положен конец феодальным междоусобицам и значительно сократилась политическая раздробленность. Вся узбекская земля вошла в состав трех государственных объединений: Туркестанского генерал-губернаторства, Бухарского эмирата и Хивинского ханства.

Мимоходом заметим, что некоторые исследователи, исходя из того факта, что бухарский эмир и хивинский хан не имели права вести самостоятельно внешние торговые и политические сношения, что в их владениях действовала русская денежная система, была ликвидирована таможенная граница между ними и Россией и так далее, считают, что существование этих феодальных государств было чисто формальным и не имеющим никакого значения с точки зрения формирования наций в Средней Азии.

Считаем, что это мнение неправильно. Действительно, эмир и хан были лишены права ведения самостоятельных внешних сношений. Но во внутренней жизни своих народов они продолжали иметь неограниченную власть. Внутри Бухары и Хивы действовали прежние законы, основы экономического строя этих государств не подверглись особому изменению, сохранялась прежняя административная и налоговая система, вся жизнь народа подчинялась нормам шариата и т. п. Изменение состояло в том, что ликвидировалась внутренняя феодальная междоусобица, что имело положительное значение для развития народного хозяйства. Однако сохранение этих феодальных государств даже в вассальном от России положении сильно тормозило процесс формирования народов Средней Азии в нации.

В результате образования Туркестанского генерал-губернаторства и прекращения междоусобных войн в Бухарском эмирате и Хивинском ханстве во всей Средней Азии происходили значительные сдвиги в территориальном сплочении ее народов, в частности узбекского народа. На территории Туркестанского генерал-губернаторства была ликвидирована прежняя административная система, являвшаяся отражением феодальной политической раздробленности. Вместо этой системы утвердилась новая административная система, способствовавшая политической централизации страны. Были ликвидированы разные бекства, владения и юрты. Все звенья административного управления — области, уезды, волости — подчинялись краевому управлению. Этим ликвидировалась политическая раздробленность, что способствовало ускорению процесса территориального сплочения части узбеков. Границы новых административных единиц (областей, уездов и волостей) не соответствовали границам бывших микроэкономических районов. Произошло смещение их. Все узбекские районы новых областей (Сырдарьинской, Ферганской и Самаркандской) образовали цельный массив, без внутренних делений на отдельные замкнутые районы и различные феодальные владения, бекства и юрты (которые ранее были оторваны друг от друга и зачастую находились во враждебных отношениях), что было большим шагом по пути сложения общности национальной территории узбеков, ибо на этой части земель проживало примерно 65 процентов узбеков, вошедших в состав народов Российской империи.

Сравнительно меньшие, но все же важные сдвиги произошли в территориальном сплочении узбеков Бухарского эмирата и Хивинского ханства. В этих ханствах, в том числе в их узбекских районах, укрепилась власть верховных правителей: эмира и хана. Царское правительство оказало эмиру и хану военную помощь в подавлении выступлений отдельных беков и правителей владений. В колониальный период совершенно прекратились междоусобные войны. Во всех частях эмирата и ханства действовала единая политическая власть эмира и хана. Это также было значительным шагом вперед и способствовало территориальному сплочению узбеков Бухары и Хивы. Политическая централизация, необходимая для

ускорения сложения территориальной общности, существовала здесь реально.

В колониальный период в Бухарском эмирате насчитывалось 28 бекств, разделявшихся на амляки в узбекских районах и на шахства в горных таджикских районах. Амляки управлялись назначенными беками амлякдарами, а шахства — шахами, избираемыми населением и утверждавшимися беком. Беки имели наибов — заместителей. Люди, занимавшие этот пост, в прежнее время, по-видимому, управляли землями отдельных родов или племен. Теперь каждый из них от имени бека управлял отдельной частью бекства, имея свою резиденцию в одном из второстепенных городов (или кишлаков с базаром). Амляки разделялись на аксакальства. В политическом отношении все эти административные единицы были централизованы; хотя беки имели, вообще говоря, неограниченную власть над населением бекства и сосредоточивали в своих руках как гражданскую, так и военную власть, но в отличие от прежних времен теперь все они подчинялись эмиру.

В Хивинском ханстве также шел процесс примерно такой же политической централизации. Оседлая часть ханства (фактически узбекские районы) делилась на 23 района (равнозначных бекствам). Из них 20 районов управлялись хакимами, 2 — наибами, Хива с окружающими кишлаками — самим ханом. Наибства управлялись старшинами одного из родов. Два наиба по числу родов управляли районами Кияткунград, а пять наибов, соответственно пяти родам, управляли районом Бешарык.

Если в узбекских районах Бухары должность наиба теряла свое прежнее значение, то в Хиве она еще сохраняла следы своего былого значения, что свидетельствовало о силе пережитков прошлого. Но, несмотря на это, и здесь произошли большие сдвиги в территориальном сплочении узбекских земель, чему способствовала политическая концентрация, происходившая в колониальный период.

При всем этом следует признать, что территория узбеков в колониальный период еще не успела сплотиться в единую национальную земельную территорию прежде всего потому, что в этот период не завершился процесс сложения общности экономической жизни. В силу незавершенности экономической консолидации узбеков

осталась незавершенной и территориальная консолидация. Поэтому и были так сильны еще особенности и различия в уровне развития отдельных районов. Территориальному сплочению узбеков в значительной мере препятствовало разделение земельной территории узбеков на три части, узаконенное царским правительством.

Незавершенность территориального сплочения узбеков ярко проявилась в различиях уровня развития экономики, культуры и быта узбеков, населявших Туркестанский край, Бухару и Хиву. Границы последних выступали не столько в качестве политических границ, сколько границ, разделявших отдельные группы узбеков по степени их культурного, экономического и социального развития.

Уровень экономического, социального и культурного развития всех узбекских районов Туркестана (Ферганской, Самаркандской областей и Ташкентского оазиса) был примерно одинаков. Все эти районы шли по пути превращения в единое целое. Но степень экономических связей между ними была еще недостаточной.

В Бухаре степень территориального сплочения узбеков явно отставала от существовавшей здесь политической централизации. Поэтому политическая централизация не служила выражением территориального сплочения узбекского народа, хотя и играла важную роль в его усилении. Разрушение замкнутости отдельных районов Бухары шло медленнее, чем в Туркестане, ибо сохранение власти эмира сильно тормозило экономический и культурный рост страны. Земля узбеков фактически разделялась на несколько частей, каждая из которых в известной степени отличалась от других как в социально-экономическом, так и в духовно-культурном отношении. В городах и в некоторых районах древнего орошения, заселенных тюркоязычными сартами, происходил более быстрый рост капиталистических отношений, появились зачатки современной промышленности, сравнительно поднялся культурный уровень народа. От этих районов отличались районы заселения тюрков Мавераннахра и кочевых узбеков. Хотя процесс оседания на землю этих групп узбеков продвинулся далеко вперед и среди них значительно развились товарные отношения, однако в целом они сильно отставали от сартов как в социальном, так и в культурном отношении. В их быту и

духовной жизни большую роль еще играли пережитки кочевого, скотоводческого образа жизни; они не имели еще тесной экономической связи с другими районами; территория, занимаемая ими, резко отличалась от земли узбеков Туркестана и сартов самой Бухары, что создавало также особые социально-экономические и культурно-бытовые условия.

Еще более сильны были остатки прошлого в Хивинском ханстве, где сохранились даже остатки родоплеменной «земли» в форме наибства. Культурно-экономическое и социально-политическое различие отдельных частей территории узбеков Хивы было сильнее, чем в Бухаре.

Таким образом, территориальное сплочение узбекского народа, то есть сложение узбекской земли в единую национальную землю в колониальный период не завершилось, хотя в этом направлении наметились большие сдвиги. Политическая централизация, осуществленная силой оружия в период завоевания и установления колониального режима в Средней Азии, пока еще не имела экономической базы, достаточной для экономической консолидации узбеков. Иными словами говоря, территориальная общность узбеков, как элемент нации, в колониальный период не сложилась, не приобрела устойчивого характера.

Узбекский язык также находился в процессе формирования.

Язык всегда был средством общения между людьми на определенной территории. Следовательно, материальной основой развития языка является развитие и расширение этого общения, что в свою очередь представляет собой результат роста совместных производственных, культурных и духовных действий людей не только в процессе производства, но в обществе в целом, на определенном пространстве. Поэтому в определении этапов развития языка необходимо исходить из роста и расширения взаимоотношений между людьми внутри данного коллектива. Граница распространения того или иного языка всегда являлась также границей, отделявшей данный коллектив от других. Так как общение между людьми существует и развивается непрерывно, то и язык также существует и развивается непрерывно. В соответствии с ростом и расширением взаимоотношений между людьми обогащается и язык, как средство осуществления

этих взаимоотношений. Однако развитие языка также имеет свои этапы, непрерывность его развития не отрицает этапов его роста.

Этапы развития языка, в отличие от этапов развития других общественных явлений, не означают уничтожения одного языка и появления на его месте другого, нового, но представляют собой изменение характера его служебной функции. Если при переходе от языка кровнородственных коллективов к языку народности какой-либо один из диалектов или несколько диалектов, скрещиваясь вместе, выдвигаются на первый план и становятся базой для формирования общенародного разговорного языка, то при формировании национального языка это не обязательно. К. Маркс указал три пути формирования национального языка, когда писал: «Впрочем, в любом современном развитом языке естественно возникшая речь возвысилась до национального языка *отчасти благодаря историческому развитию языка из готового материала,* как в романских и германских языках, *отчасти благодаря скрещиванию и смешению наций,* как в английском языке, *отчасти благодаря концентрации диалектов в единый национальный язык* (курсив наш.— *М. В.*), обусловленной экономической и политической концентрацией»[1].

Каким бы путем ни формировался национальный язык, главным здесь является изменение служебной функции языка при том же самом словарном фонде и составе, грамматическом строе и фонетических особенностях.

В истории общества язык проходит четыре этапа развития. Первый этап — родоплеменные языки, или язык кровнородственных коллективов, второй — язык народности, третий — национальный язык, четвертый — единый общечеловеческий язык. На первом этапе язык выступал средством общения людей, сплоченных в отдельные коллективы на базе кровнородственных связей. Очень элементарна была производственная деятельность человека и его связь с окружающими людьми. Язык также был прост и служил главным образом средством общения в процессе производства материальных благ и их распределения. Узки были рамки взаимных общений людей и поэтому еще не дифференцировались средства выражений этих общений — языковые материалы. В лексике еще не образовались специальные разделы. Мелки были сами

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч. т. 3, изд. второе, стр. 427.

кровнородственные коллективы. Как указал Энгельс, границы диалекта и границы племени совпадали[1].

Язык народности, как один из следующих этапов развития языка, характеризовался тем, что он выступал как средство общения в более широком масштабе, в масштабе целого территориального союза множеств бывших родов и племен, уже потерявших кровнородственные связи. Росла производственная деятельность людей, осложнялись взаимоотношения между ними, на основе появления социальных классов и слоев росло также общественное сознание людей, выражением которого было появление новых отраслей различных наук, культуры, искусства и т. д. В силу всего этого происходил двоякий процесс: с одной стороны, скрещивание диалектов бывших различных племен и родов, связанных теперь между собою территориальным союзом, и на основе этого формирование общего для всего коллектива средства общения — общенародного разговорного языка; с другой стороны, шел процесс специализации внутри самого языка, в зависимости от дифференциации взаимоотношений между людьми — производственных, бытовых, духовных и культурных,— в силу чего появились разные специализированные разделы лексики. Далее, в результате слабой связи между отдельными частями народности и хозяйственной, а также духовно-культурной замкнутости еще сохранялись местные и племенные диалекты и говоры. Фактически одновременно существуют и местные диалекты, как средство общения в рамках бывших родов и племен, и общенародный язык, как средство общения в масштабе всей народности. Качественное различие этого этапа от предыдущего состоит в том, что теперь язык служит средством общения в более широком масштабе, как язык народности, превалирующий над местными диалектами и говорами. Он специализирован в соответствии с дифференциацией общественных явлений; в отдельных случаях, наряду с разговорным языком, появляется и письменная речь. Но последнее — не главное свойство языка народности. Следовательно, формирование общенародного разговорного языка, как средства общения в более широком масштабе, и образование специализированных

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Избр. произв. в двух томах, т. II, М., 1949, стр. 234.

разделов внутри него, как результат дифференциации самих взаимоотношений между людьми, является критерием перехода языка от стадии языка родов и племен к стадии языка народности.

Национальный язык отличается новыми чертами. В основе формирования национального языка лежит установление тесной экономической связи внутри нации, то есть сложение общности экономической жизни.

Язык выступает теперь в качестве единого средства общения на всей территории нации. В связи со сложением общности экономической жизни общение между различными районами заселения данного коллектива становится широким, регулярным и постоянным. Естественно, что язык должен выступать средством общения на более широком пространстве между людьми, живущими на значительном расстоянии друг от друга, причем он должен обслуживать их регулярно и повсеместно. В результате всего этого язык, как средство общения, приобретает новые черты, отличающие его от языка народности, и становится национальным языком. Вспомним слова В. И. Ленина: «Во всем мире эпоха окончательной победы капитализма над феодализмом была связана с национальными движениями. Экономическая основа этих движений состоит в том, что для полной победы товарного производства необходимо завоевание внутреннего рынка буржуазией, необходимо государственное сплочение территорий с населением, говорящим на одном языке, при устранении всяких препятствий развитию этого языка и закреплению его в литературе. Язык есть важнейшее средство человеческого общения; *единство языка и беспрепятственное развитие есть одно из важнейших условий действительно свободного и широкого, соответствующего современному капитализму, торгового оборота, свободной и широкой группировки населения по всем отдельным классам, наконец — условие тесной связи рынка со всяким и каждым хозяином или хозяйчиком, продавцом и покупателем*» (курсив наш.— *М. В.*)[1].

Национальный язык, как средство общения, обслуживает взаимоотношения людей, возникшие на базе широкого и свободного торгового оборота (в рамках классов и нации) в процессе тесного, то есть регулярного общения людей как отдельных индивидуумов, порожденного

[1] *В. И. Ленин.* Соч., т. 20, стр. 368.

экономической связью (связью через рынки). Однако обслуживание процесса общения людей, возникшее на базе тесной, регулярной и повсеместной связи людей на сравнительно широком пространстве, предполагает выступление языка, как средства общения на расстоянии, то есть общения, возникшего в результате экономических и других связей между отдельными районами данной территории. В силу этого возрастает роль письменной речи, ибо экономические, культурные и другие связи между отдельными, иногда весьма отдаленными друг от друга районами возможно поддерживать постоянно при наличии письменных сношений. Таким образом, сложение общности экономической жизни предполагает появление письменного языка, отражающего все разделы лексики. Выступление языка, как средства общения, в масштабе всей нации требует также установления внутреннего единства языка, а это единство достигается как путем превращения одного из диалектов или говоров в основу национального языка, так и путем разработки общенациональных языковых стандартов. Все это является важным моментом в процессе формирования национального языка.

Национальный язык — это реальный общенародный язык, в полной мере закрепленный в литературе. Он отличается от языка народности тем, что в противовес общенародному разговорному языку, существующему параллельно с местными говорами и диалектами и только превалирующему над ними, все больше и больше вытесняет местные диалекты и говоры или перемалывает их в своем составе, все больше ослабляя и суживая значение и прочность местных говоров и диалектов. Национальный язык на всей территории нации становится единым средством общения.

Далее, национальный язык обязательно закрепляется в литературе. Однако в отличие от письменной речи народности национальный язык в литературе закрепляется в полном объеме. Среди некоторой части исследователей существует мнение, что появление письменности якобы означает переход языка в стадию национального языка. На наш взгляд, это неверно. В прошлом многие народности имели письменность и развитый литературный язык, отраженный в прекрасных произведениях художественной литературы. Однако их язык еще не был на-

циональным языком. Народность могла иметь и письменную речь, но это письмо не отражало еще живого реального языка народности в полном объеме. Письменная речь не выступала средством всестороннего, широкого и повседневного общения внутри коллектива.

Национальный язык обязательно должен быть письменным языком.

Иначе и не может быть. Все члены данной нации, независимо от района их заселения, от рода занятий, от принадлежности к той или иной социальной группе, вступают в общение в национальном масштабе через письменную речь. А это порождает другую особенность национального языка. Национальный язык обязательно должен иметь единые языковые нормы; особенности фонетики, словарного состава, грамматического строя, орфоэпии местных диалектов и говоров нивелируются, создаются общенациональные нормы. Общеразговорный язык народности мог допускать их существование, ибо отдельные части территории народности еще слабо были связаны с другими частями, сохраняли сильные следы былой хозяйственно-культурной автономии и фактически не было необходимости постоянного и широкого общения на расстоянии. Таким образом, национальный язык отличается от языка народности еще тем, что он имеет единые общенациональные языковые стандарты, отраженные в литературе. Все это возможно при определенном уровне развития экономики и культуры. Обычно диалектная основа национального языка и на ее базе общенациональный языковый стандарт формируются на почве таких элементов, которые получают объективное признание со стороны всей нации. Почти во всех случаях формирования национальных языков их диалектной основой выступали местные диалекты или говоры тех районов, которые являлись промышленными, торговыми и культурными центрами страны и поэтому имели влияние на все диалекты остальных частей «земли». Как известно, диалектной основой русского языка были преимущественно курско-орловские диалекты, украинского — полтавско-киевские диалекты, французского — наречие района Иль де Франс во главе с Парижем, английского — говор Лондона, испанского — кастильское наречие и т. д. Таковы закономерности формирования национального языка.

В колониальный период в узбекских районах Туркестана происходило значительное развитие экономики и культуры. На первый план выдвигались такие города, как Ташкент, Коканд, Андижан, Наманган, Самарканд и др. Они становились торговыми, промышленными и культурными центрами всей узбекской земли. Эти города посещались тысячами людей. В 1910 году Ташкент посетило (по железнодорожным данным) более 182 тысяч человек, Коканд — 281 тысяча человек, Андижан — 219 тысяч человек и т. д. За 12 лет — с 1900 по 1911 год — в Ташкенте побывало около 1190 тысяч человек, в Андижане — 1182 тысячи человек, в Коканде — около 2100 тысяч человек[1]. Конечно не все эти люди были узбеками, но если допустить, что хотя бы половина из них были узбеки, то и тогда это составит огромные цифры. Через эти города узбеки различных районов общались между собою. Диалекты городов оказывали влияние на речь более отдаленных районов. В особенности сильно было влияние диалектов городов Ферганской долины, которые располагались в центре основных узбекских районов Туркестана. Самарканд и Бухара также были значительными торговыми центрами, но в них, как известно, сильно было влияние таджикского языка и их диалекты не могли играть особую роль в формировании общенациональных стандартов узбекского языка.

Роль Ташкента, Коканда, Андижана, Намангана и других городов в формировании узбекского национального языка усиливалась еще тем, что здесь впервые начали издаваться журналы, газеты и книги на узбекском языке. С 1905 по 1917 год в разное время и с различной продолжительностью выходило в свет 12 газет, 4 журнала и много сборников стихов узбекских поэтов, начиная от Яссави и Навои и кончая Фуркатом, Мукими, Хамзой Хаким-заде. Язык некоторых газет и журналов, а также значительной массы книг был основан на ташкентских и ферганских городских говорах.

Сильное влияние на развитие узбекского языка оказало распространение русского языка в Средней Азии. Влияние русского языка шло двумя путями: через непосредственное соприкосновение узбеков с русским населением, а также через проникновение русских промыш-

[1] *С. И. Гулишамбаров.* Указ. соч., ч. III, стр. 115, 128, 144.

ленных изделий, сельскохозяйственного производства, деятельности государственных и культурных учреждений, политических, научных и общественных понятий в быт и общественно-культурную жизнь узбекского народа.

Как было сказано выше, рядом с такими городами, как Ташкент, Самарканд, Коканд, Андижан, Маргелан, Бухара и другие, возникали новые русские города под теми же названиями. Основная масса населения последних состояла из русских рабочих, ремесленников, мелких торговцев, служащих, интеллигенции и т. д. Этот слой населения был тесно связан с местным населением. Русские работали вместе с узбеками на заводах, на строительстве зданий, мостов, дорог и др. От них узбеки переняли много профессиональных слов: названия машин и их частей, сельскохозяйственного инвентаря, приемов работы, самих изделий. Русские крестьяне распространяли такие сельскохозяйственные культуры, как картофель, помидоры, капусту, баклажаны. В быт узбекского народа со своими названиями вошли такие предметы русского происхождения, как лампа, самовар, кровать, шкаф, стол, стул и т. п. Узбеки в широком масштабе начали потреблять изделия русской текстильной промышленности, причем многие из них вошли в быт с русским названием. Немало русских политико-административных слов, торгово-финансовых терминов, наконец, слов, обозначающих научно-культурные понятия, вошли в узбекскую лексику. Словарный состав узбекского языка значительно обогатился. Русские слова в узбекском языке составляли значительный пласт, имевший на всей территории узбеков единую форму и служивший фактором, усиливающим единство языка.

Важным моментом в формировании узбекского национального языка был процесс сближения письменной речи с живым разговорным языком, что представляло собою начало закрепления общенародного разговорного языка в литературе в полном объеме. Как известно, письменная узбекская речь в прошлом в основном представляла язык поэзии, ибо проза в узбекской литературе была развита очень слабо. Но и в той и в другой находила отражение часть узбекской лексики. Хотя узбекский литературный язык был сравнительно развит и богат, письменная речь узбеков не являлась закреплением в литературе в полном объеме узбекского живого языка. Даже частные письма писались в стандартной форме; фразы имели традиционные обороты, фактически не встречающиеся в живой языковой практике. В прошлом все это отрывало узбекскую письменную речь от общенародного разговорного языка. Это не было явлением, присущим одному только узбекскому языку. Разрыв между письменной речью и общенародным разговорным языком наблюдался в истории, например, русского народа, у которого письменная речь основывалась в свое время на старославянском языке, французского народа, чья письменная речь базировалась на латинском языке и т. д.

В колониальный период начался процесс сближения письменной речи с общенародным разговорным языком. Язык поэзии начал отходить от старой традиции. Большую роль в этом сыграло усиление реалистических мотивов в произведениях поэтов-просветителей Мукими, Фурката, Завки, Аваза, Хамзы и других, что приблизило поэзию к народным вкусам и понятиям и упростило язык. Это стало возможным благодаря введению в литературу оборотов живой народной речи.

Другим важным моментом сближения письменной речи с общенародным языком было появление периодической печати. Хотя язык многих газет в целом был еще значительно оторван от общенародного разговорного языка, но сам факт появления периодической печати стимулировал развитие письменной речи, как средства общения на расстоянии.

Не менее, а в местных условиях быть может даже и более важным фактором было увеличение деловой переписки. Эта переписка по своему изложению стояла очень близко к разговорному языку, теряла старую стандартную форму и традиционные обороты речи, так как практические вопросы торгового оборота, различного рода заявления, жалобы, ходатайства трудно было выразить в традиционных формах. Говоря словами В. И. Ленина, здесь язык выполнял прежде всего задачу средства тесной связи рынка со всяким и каждым хозяином или хозяйчиком, продавцом и покупателем.

На основе всех этих сдвигов появилось стремление осмыслить внутренние законы узбекского языка, что выразилось в попытке создать его грамматику. Как известно, в прошлом (до присоединения Средней Азии к России) в местных школах узбекский язык не изучался

как предмет и поэтому грамматика его не была разработана. В колониальный период только в некоторых новометодных школах были сделаны попытки преподавания узбекского языка, в связи с чем была составлена грамматика. Хотя она была еще далека от научного осмысливания внутренних законов узбекского языка и фактически была приспособлением грамматики арабского языка к узбекскому, но сам факт появления подобного рода попытки отражал процесс формирования национального языка.

Все эти явления свидетельствуют о начале формирования узбекского национального языка, но что процесс этот также не завершился видно из следующих обстоятельств. Диалектные различия в узбекском языке были еще очень сильны, существовало деление узбекских говоров и диалектов на две группы: «окающую» и «акающую» с подгруппами последней «йокающей» и «джокающей». Диалекты и говоры, входящие в эти группы, также еще сохраняли свои особенности. Значительно сильны были диалектные различия среди узбеков Бухарского эмирата и Хивинского ханства. Те языковые сдвиги, которые наблюдались в Туркестане, еще не проникли в язык потомков тюрков Мавераннахра и кочевых узбеков Бухары и Хивы. Даже население Ферганской долины и Ташкентского оазиса еще не восприняло полностью городских говоров и частично сохранило свои диалектные особенности (например, кипчаки в Фергане и курама в Ташкентском оазисе). Это в свою очередь свидетельствовало о незавершенности процесса сложения общности экономической жизни и пока еще слабых экономических связях между отдельными районами.

Хотя появление периодической печати на узбекском языке сыграло известную роль, но язык самих газет (кстати сказать, выходивших крайне ограниченными тиражами и не проникавших в толщу народных масс) не был однороден. В одних газетах было сильно влияние татарского языка, в других — языка тюрков-османов, в третьих — преобладали арабские и таджикские элементы. После 1905 года среди джадидов, которые являлись инициаторами издания газет, возросла тенденция подражания языку газеты «Таржиман», издаваемой в Крыму известным пантюркистом Исмаилом Гаспринским. Язык этой газеты претендовал на значение общетюркского языка, но был оторван от реальных языков тюркских народов. Усиление этой тенденции не облегчало, а затрудняло формирование узбекского национального языка.

Значительно тормозила процесс формирования национального узбекского языка также колониальная политика царизма. Как мы видели выше, В. И. Ленин связывал формирование национального языка со сплочением территории данного коллектива в единое целое. Сохранение реакционной и отсталой средневековой системы управления в Бухаре и Хиве узаконило разобщенность узбеков и затруднило их языковую консолидацию. Кроме того, увековечивая господство ислама в культурной жизни народа и консервируя феодально-средневековую систему просвещения, царизм препятствовал открытию светских школ в Туркестане, затрудняя тем самым развитие культуры и в особенности языка узбеков.

На узбекском языке почти не издавалось технической и естественно-научной литературы. Несмотря на значительное развитие узбекского профессионального языка, на практике он не был закреплен в литературе. Отраслевая лексика ограничивалась, главным образом, литературными, политическими и торгово-финансовыми терминами (деловая переписка).

Между официальным алфавитом и живыми узбекскими фонемами существовали большие расхождения. Алфавит не соответствовал особенностям узбекской фонетики. Фактически он еще не являлся национальным узбекским алфавитом, то есть алфавитом, органически связанным с узбекским языком. В нем совершенно отсутствовали знаки, обозначающие узбекские гласные фонемы — *у, ў, и, э, е*. Первые две обозначались буквой *в*, а остальные буквой *й*. Зато было много лишних знаков, которые обозначали фонемы, присущие арабскому языку, но отсутствующие в узбекском языке. Например, узбекской согласной фонеме *х* соответствовали два знака, фонеме *з* — четыре знака, фонеме *с* — тоже три знака, фонеме *т* — два знака. Все это свидетельствовало о значительном разрыве между общенародным разговорным языком и письменной речью.

Наконец, еще сильно было развито различие в орфоэпии. Одни и те же слова в разных районах про-

износились по-разному, а формирование единой орфоэпии является важным условием национального языка. Расхождение в орфоэпии затрудняет общение людей на расстоянии через письменную речь. Все предметы и явления на территории нации должны иметь единое название и каждое слово и выражение — одинаковый смысл. Этого еще не было достигнуто, хотя и здесь уже существовали некоторые сдвиги.

Во всех этих моментах проявилась незаконченность процесса формирования узбекского национального языка.

С уровнем развития экономических связей внутри нации, сплоченности ее территории в единую национальную «землю» и с формированием национального языка органически связано сложение общности психического склада нации, или национального характера. Общность психического склада является концентрированным выражением общности экономической жизни, территории и языка в сознании людей. Единый психический склад людей не может формироваться, если их материальное производство еще не составляет единого процесса и имеет многообразные местные черты, если территория данного коллектива разорвана на мелкие куски и связь — общение между их обитателями — устанавливается от случая к случаю и не имеет регулярного характера. Сложению общности психического склада нации сильно препятствует также господство разнообразных местных диалектов и говоров, отсутствие такого мощного средства регулярного и всестороннего общения, как единый национальный язык. Это происходит потому, что сама психика является отражением окружающей действительности в сознании людей. В отличие от психического склада отдельных индивидуумов, проявляющегося непосредственно в психических свойствах личности (энергичность, склонность, одаренность и т. д.), психический склад нации проявляется в общей духовной культуре.

И. В. Сталин, критикуя идеалистические взгляды Отто Бауэра, писал: «Бауэр проводит непроходимую грань между «отличительной чертой» нации (национальный характер) и «условиями» их жизни, отрывая их друг от друга. Но что такое национальный характер, как не отражение условий жизни, как не сгусток впечатлений, полученных от окружающей среды? Как можно ограничиваться одним лишь национальным характером, обособляя и отрывая его от породившей его почвы?»[1].

В свете этого положения мы считаем, что совершенно неправы исследователи, полагающие, что общность психического склада формируется еще до появления нации, как признак народности.

Общий для всех членов того или иного коллектива психический склад, как и психический склад отдельных личностей, присущ всем этапам развития человеческой истории (как отдельным общественно-экономическим формациям, так и кровнородственному коллективу, народности, нации и общечеловеческой общности). Общий психический склад на каждой стадии развития общества выражается в моральном и духовном облике данного общества в целом. В каждой социально-экономической формации он един по своему содержанию, но в отличие от языка он относится к надстроечным категориям и поэтому каждый раз изменяется с изменением базиса.

Однако в сложении общего психического склада, как сгустка впечатлений, полученных от окружающей среды, важную роль играет не только социальный строй данной среды, но и ее природные особенности, хозяйственные черты, образ жизни людей и уровень развития их общности. Во всех формациях именно социальный строй определяет содержание психики людей, а природно-географические особенности, черты хозяйства, характер образа жизни людей и уровень развития их общности определяют внешнюю форму проявления общего психического склада людей на данном этапе. При этом содержание психического склада меняется с изменением социального строя, а формы его проявления, хотя и определяются конкретными природными условиями, чертами хозяйства и уровнем развития общности людей, сохраняют общие черты в каждом конкретном районе или обособленной территории на протяжении длительных исторических периодов. Таким образом, общий психический склад на каждом конкретном этапе развития общества по своему содержанию един в соответствии с социальным строем данного общества, а внеш-

[1] *И. В. Сталин.* Соч., т. 2, стр. 300.

няя форма проявления его разнообразна и зависит от конкретной обстановки и черт той среды (конкретной обстановки той территории), в которой он складывается. Внешняя форма его проявления, сохраняя свои общие черты на протяжении всей прошлой истории, в то же время проходит определенные этапы развития.

В отличие от психического склада личности общий психический склад кровнородственного коллектива, народности и нации проявляется в литературе, искусстве, нравах, обычаях, бытовых особенностях, то есть в духовной культуре. Следовательно, содержание культуры определяется содержанием психического склада данного общества, а его форма отражает особенности производственной жизни, природных условий, черты хозяйства, характер образа жизни людей и уровень развития их общности. В зависимости от этапов развития общности людей меняется проявление общего психического склада через духовную культуру.

В соответствии с конкретной задачей нашей работы остановимся на проявлении общего психического склада народности и нации.

Психический склад народности, отражающий рабовладельческую или феодальную действительность, проявляется через литературу, искусство, нравы, привычки, бытовые черты культуры отдельных народностей в целом. Психический склад нации, отражающий капиталистическую или социалистическую действительность, также проявляется через эти же отрасли культуры в широком смысле этого слова. Хотя содержание культуры во всех этих четырех формациях, в соответствии с содержанием общего психического склада, разное, но проявляется оно двумя способами. При рабовладельческом и феодальном строе психический склад каждой части народности имеет значительные местные особенности и своеобразия, общие черты выражены слабо. Поэтому культура народности содержит много местных различий и локальных особенностей. Это проявляется в особенностях художественной литературы, искусства, архитектуры, нравов, быта, вкусов и т. д. Хотя и здесь сказываются общие для всей народности черты, но внутренние разнообразия еще сильны. Это соответствует рабовладельческой, а также феодальной экономической замкнутости и территориальной разобщенности.

Что касается нации, то ей присуща общность психического склада, проявляющаяся в общности культуры. Отражая капиталистическую или социалистическую действительность, общность психического склада преодолевает внутренние и местные локальные разнообразия, порожденные пережитками прошлого, и проявляется в «единой» национальной по форме культуре. Это «единство» выражается в общей для всей нации художественной литературе, искусстве, нравах, традициях, вкусах, интересах, чувствах и т. д. Таким образом, общность психического склада, как элемент нации, означает формирование «единой» национальной психики и проявление ее через «единую» национальную культуру, свободную от внутренней и локальной раздробленности.

Психический склад народности и буржуазной нации, кроме этого отличия, которое можно было бы назвать внешним отличием, имеет еще внутренние различия, то есть различия по социальному содержанию. При рабовладельческом и феодальном строе психический склад, так же как и при капитализме, имеет классовый характер. Каждый из классов отражает в своем сознании внешний мир по-своему и психика их различна. Но в психическом складе народности местные и локальные особенности отражаются сильнее, чем классовые особенности. В психическом же складе нации на первый план выступают классовые различия в противовес местным и локальным различиям, превратившимся уже в пережиточные явления. Поэтому психический склад буржуазной нации, по сравнению с психическим складом народности, внешне «един», а внутренне состоит из двух противоположных психик, и сама буржуазная нация распадается по сути дела на две нации, тогда как социалистическая нация едина, как об этом будет говориться ниже, и внешне и внутренне.

Сложение общности психического склада, как элемента нации, является объективным и необходимым последствием сложения общности экономики, территории и языка. Широкая, тесная и регулярная экономическая связь служит материальной базой процесса сложения общности психического склада. Формирование «единой» национальной земли, способствуя свободному продвижению людей, снимая все преграды и препятствия на пути всестороннего общения и смещения людей разных райо-

нов, ускоряет и облегчает процесс их культурно-духовного взаимовлияния друг на друга. Национальный язык, выступая мощным средством широкого и постоянного общения между людьми на расстоянии, служит рычагом нивелировки различий и особенностей психики жителей отдельных районов. В результате всего этого вырабатывается единый психический склад или национальный характер, который духовно сплачивает нацию. При формировании первых наций в Европе буржуазия выступала в качестве их руководителя и организатора. Говоря о слиянии всех областей, земель, княжеств в единую русскую национальную землю в результате растущих торговых связей и концентрирования небольших местных рынков в один всероссийский рынок, В. И. Ленин указывал: «Так как руководителями и хозяевами этого процесса были капиталисты-купцы, то создание этих национальных связей было ничем иным как созданием связей буржуазных»[1].

Возникший на базе этого процесса психический склад первых наций Европы также был буржуазным. В этот период нации формировались в процессе борьбы против феодальных экономических порядков и территориальной раздробленности, а борьба между буржуазией и рабочим классом пока еще находилась в зачаточном состоянии. Поэтому в психике людей идеология зарождающейся буржуазии тоже боролась с отживающей феодальной идеологией. Идеология буржуазии по отношению к идеологии пролетариата была господствующей. Карл Маркс и Фридрих Энгельс в «Немецкой идеологии» писали: «Класс, имеющий в своём распоряжении средства материального производства, располагает вместе с тем и средствами духовного производства, и в силу этого мысли тех, у кого нет средств для духовного производства, оказываются в общем подчинёнными господствующему классу»[2].

Таким образом, в первые периоды развития капиталистического способа производства в духовной жизни нации господствовала буржуазная идеология; психический склад класса буржуазии выступал, как отражение психики или характера всей нации.

[1] *В. И. Ленин.* Соч., т. 1, стр. 137—138.
[2] *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 3, изд. второе, стр. 46.

В дальнейшем с развитием капиталистического общества, феодальные порядки были окончательно разгромлены, феодальная идеология полностью побеждена и потеряла силу и влияние в обществе. Теперь усиливалась борьба между буржуазией и пролетариатом. И. В. Сталин писал: «На первых стадиях капитализма ещё можно говорить о «культурной общности» пролетариата и буржуазии. Но с развитием крупной индустрии и обострением классовой борьбы «общность» начинает таять. Нельзя серьёзно говорить о «культурной общности» нации, когда хозяева и рабочие одной и той же нации перестают понимать друг друга»[1].

Следовательно, хотя в буржуазной нации господствующая идеология и культура являются буржуазными, но они внутренне противоречивы, так как сама нация состоит из антагонистических социальных классов.

Если в свете всего этого рассматривать духовную жизнь узбеков в колониальный период, необходимо признать, что сдвиги в духовной и культурной жизни узбекского народа, происшедшие в этот период, еще не были выражением сложения общности психического склада, как элемента нации. К обратным выводам можно прийти, только отрывая процесс формирования духовно-культурной общности от его материальной базы, что противоречит марксизму-ленинизму.

Узбеки имели сравнительно богатую культуру; в колониальный период происходил быстрый процесс культурной консолидации узбеков на основе формирования общности их психического склада. Иначе и не могло быть, поскольку в экономической жизни узбеков, в особенности в Туркестане, устанавливалась тесная связь между отдельными районами и интенсивно шел процесс формирования единой национальной земли и языка. Все это получило отражение в психике узбекского народа и способствовало формированию единого психического склада, но в то же время сочеталось со многими своеобразными чертами и особенностями.

В первую очередь эти черты и особенности проявлялись в развитии художественной литературы и в выдвижении литературных традиций тюркоязычных сартов на первый план в качестве образца национальной литера-

[1] *И. В. Сталин.* Соч., т. 2, стр. 328.

туры. Материальной базой этого явления был рост экономики, культуры, в частности, книгопечатания и развитие демократического течения в узбекской литературе.

В узбекской художественной литературе проявляются и получают обобщение понятия о прекрасном, чувстве долга, нормах взаимоотношений с окружающими, понятия о «добре» и «зле», патриотизме и т. д. При этом каждый коллектив, в зависимости от условий окружающей природы, хозяйства, особенностей своей производственной деятельности и т. п., вырабатывает собственные литературные традиции.

До колониального периода узбекская художественная литература в сфере появления психических черт народа характеризовалась внутренним своеобразием. Как было сказано выше, художественная литература тюркоязычных сартов значительно отличалась от художественной литературы тюрков Мавераннахра и кочевых узбеков. Сарты имели богатую письменную литературу с разнообразными формами поэзии, а две другие группы узбеков не имели ее, поэзия среди них развивалась в основном в форме устной поэмы и кратких песенных стихов. Еще не выработалось единое представление о прекрасном, чувстве долга, «добре» и «зле», единого отношения к окружающим, к родине. Для характеристики этих психических черт человека применялись различные средства выражения, выработанные под влиянием конкретной окружающей обстановки.

Так, поэты оседлых земледельческих районов, начиная с Алишера Навои и кончая Машрабом, Турди, Гулхани и Махмуром, создавали произведения, в которых проявлялись черты психики тюркоязычных сартов. В таких же образцах устного народного творчества, как «Алпамыш», «Гор-оглы», «Равшан», «Орзигул», «Кунтугмиш» и других отражена жизнь, быт и борьба другой части узбекского народа — бывших тюрков Мавераннахра и кочевых узбеков. В произведениях первых такой важный мотив социального антагонизма, как борьба «добра» против «зла», принимает форму мужественной борьбы честных людей против тиранов, нечестных, алчных людей и предателей; справедливых, добрых ханов и царей против несправедливых, безотносительно к их родоплеменной принадлежности. А в произведениях второй

и третьей групп все эти психические явления выступают прежде всего в сочетании с родоплеменными столкновениями.

В дальнейшем с развитием классового антагонизма в узбекском обществе в произведениях писателей первой группы основным мотивом выступает не осуждение «зла» вообще, как это было характерно для Навои и его современников, а разоблачение конкретных носителей его. В этом отношении характерна критика Турди, Гулхани и Махмуром своих современников из числа ненавистных народу беков, высших сановников и феодалов. Это ярко отражено в газелях Турди («Где же ваша совесть, беки», «Сатира о Субханкулихане», «Мухаммаси Турки», «Сатира об Акбутабии»), в газелях Махмура («Хапалак», «О бегляр-беги Касиме», «Кази Ходжа Мир Асаде», «Кази Домулло Атои Ашти», «Кази Мухаммаде Раджаби Аудже», «О хаджи Ниязе», «О табибе Хакиме Туроби», «О мулло-Якубе Ходжети», «О поэте Фазли» и других), а также во многих газелях и рассказах Гулхани.

В противовес этому в народном эпосе социальные противоречия воплощены прежде всего в столкновениях различных родов и племен. Таково было локальное своеобразие в понимании «добра» и «зла», порожденное условиями конкретной социальной среды.

Далее, в произведениях Навои и его последователей герои считают наивысшим идеалом получение знаний, овладение культурой своей эпохи. А в эпосе «Алпамыш», как только Алпамышу исполнилось семь лет и он обучился грамоте, Байбуры взял его из школы и стал учить военному делу, чтобы сделать его шахом. Его примеру последовал брат Байбуры Байсары, взявший из школы свою семилетнюю дочку Барчин-ой и отправивший ее к берегам озера Кок-камыш, чтобы приучить ее доить корову. Навои и его современники сравнивают губы любимой с полураскрытым бутоном розы и со сладким вином. А губы героини поэмы «Равшан» Зульхумор напоминают каймак (сливки). Поэты первой группы уподобляют стан любимой кипарису, а у Барчин-ой каждое плечо равно 15 четвертям и в единоборстве с калмыкским богатырем Кукаманом она одерживает победу. У первых — гостей угощают вином, а в «Алпамыше» — кумысом и вареной бараниной.

В городах и оседлых районах художественная литература развивалась в виде различных газелей, рубаи (четверостиший), мухаммасов (пятистиший, причем иногда два из них принадлежат одному автору, а три добавляются к ним другим), дастанов (поэм) и т. д. Среди тюрков и кочевых узбеков были распространены устные героические поэмы.

Так в художественной литературе отражались особенности и локальные черты психики разных групп узбекской народности.

В колониальный период эти различия значительно стерлись, что проявилось и в художественной литературе. Народные сказители в этот период наряду с исполнением старых героических поэм сочиняли много новых произведений, в которых на первый план выступали столкновения различных социальных групп. Сюжет их произведений часто совпадает с сюжетами Фурката, Мукими, Завки, Хамзы, Аваза Отар-оглы и др.

В узбекском обществе появился новый социальный класс — национальная буржуазия в лице баев, заводчиков, скупщиков хлопка, торговцев и т. п. Происходило разделение угнетателей народа на имущих лиц и чиновников, которые раньше, при феодализме, сочетались в одном лице, например, бек-чиновник — он же крупный феодал, кази-чиновник — он же крупный феодал и купец; амлякдар-чиновник — он же крупный феодал, ростовщик и купец и т. д. Поэтому в произведениях Турди, Махмура, Гулхани и других на первый план выступает борьба против произвола и злоупотреблений ханских и эмирских чиновников.

В сатирах демократических поэтов колониального периода угнетатели также дифференцируются. Фуркат, Мукими, Завки и другие критикуют и разоблачают грязные дела и антинародное нутро отдельных баев, должностных лиц, духовенства и др. В сатирах Мукими («Новоявленный бай», «Вексель», «Конь», «Сатира на Виктор — бая», «Случай с одноглазым Ашурбаем Ходжи» и других), в серии сатир Завки («Ахлираста») резкой, уничтожающей критике подвергаются представители зарождающейся узбекской буржуазии. В стихах Мукими «Землемеры», «Мингбаши» раскрывается бесчеловечное отношение колониальных правителей к народу. В юмористических произведениях Мукими, Завки и других

(о жульничестве и обмане Мадали-ишана — Дукчи-ишана, пытавшегося поднять народ на газават в 1898 году) разоблачены реакционные действия клерикального духовенства.

В противовес этому в колониальный период появились писатели и поэты, ставшие апологетами зарождающейся местной буржуазии (джадидов) или, наоборот, противниками всякого прогресса — кадими-клерикали. Первые восхваляли буржуазную культуру Запада, пропагандировали реформу жизни и быта узбекского народа в духе приспособления современной науки к догмам ислама; вторые, борясь с проникновением идеологии пролетариата в сознание местных трудящихся, выступали за «очищение» сознания их от «чуждых» исламу влияний и за укрепление «веры Магомета». Это было проявлением двух противоположных психических складов в сознании людей в связи с изменением социальной жизни народа, когда родоплеменные и мелкосословные отношения в Туркестане отошли в область предания и неприкрыто стал выступать классовый антагонизм.

Таким образом изменилась социальная среда и вместе с ней изменилось ее отражение в психике людей, что нашло свой отклик в художественной литературе. Особенно четко это проявилось среди сартов и в их литературе.

По такому же пути шло развитие художественной литературы других групп узбеков — потомков тюрков Мавераннахра и кочевых узбеков. Устная литература их, сохраняя форму (освещение событий в виде поэмы), изменила свой сюжет. В фольклоре появились конкретные реальные лица, борющиеся между собою на почве реальных, жизненных конфликтов. В этом отношении характерна поэма Фазила Юлдаш-оглы «Маматкарим палван», в которой раскрывается классовый антагонизм между баями и бедняками. Герой поэмы Маматкарим палван, защищая права бедноты, борется против местных баев, Минг-боши и других чиновников царя. В поэме того же сказителя «О Джизакском восстании» и в поэме Мухаммадкула Джамра-оглы Пулкана «Мардикер» рассказывается о восстании 1916 года и о борьбе народа против царизма. Все это свидетельствовало об изменении психического склада бывших кочевых узбеков и отражало сближение их с тюркоязычными сартами в социальной оценке понятий «добра» и «зла».

Таким образом, в колониальный период среди узбеков началась нивелировка психических черт, которые отражались в художественной литературе.

То же происходит и в музыке. В колониальный период в узбекских районах Туркестана широкое распространение получили музыкальные инструменты сартов: дутар, бубны, танбур, гиджак, най и др. В Ферганской долине большой популярностью пользовались лапари (частушки). Крупные музыкальные произведения — макомы — начали прививаться и в районах заселения кочевых узбеков и тюрков Мавераннахра. Это также свидетельствовало о формировании общего художественного вкуса, как проявление сложения общности психического склада.

С началом интенсивного оседания тюрков и бывших кочевых узбеков среди них стали развиваться строительное искусство и архитектура. Хотя строительство очень простых и грубоштукатурных глинобитных домов не требовало большого искусства, но для тюрков и кочевых узбеков это было большим сдвигом: фактически они начали перенимать архитектуру оседлых земледельцев-сартов.

Важные перемены произошли в быту, обычаях, нравах и обрядах. С переходом бывших кочевых и полукочевых родов и племен к оседлости, усилением роли земледелия и ремесел начали изменяться основы семейного быта. Быт тюрков и кочевых узбеков приблизился к быту сартов. В этом известную роль сыграли законы ислама, как выражение господствующей идеологии. Как было сказано выше, ислам охватывал своими догмами быт, обычаи, нравы и обряды тюркоязычных сартов еще в X—XII веках, когда формировался первый пласт узбекской народности. В дальнейшем все переселившиеся в Мавераннахр кочевые племена и роды постепенно приняли ислам, под влиянием которого вытеснялись старые бытовые нормы; в соответствии с требованиями шариата преобразовывались обычаи и обряды. Адат — обычное право, в разных районах по-разному регулировавший правовые взаимоотношения между людьми, был вытеснен законами шариата. Свадебные и похоронные обряды постепенно нивелировались в соответствии с догмами ислама. Вырабатывались элементы общих нравов.

Среди кочевых скотоводческих аристократов долгое время существовало пренебрежительное отношение к земледелию, ремеслу и торговле. Еще в начале XIX века,

в противовес бедным слоям скотоводческих племен и родов, уже осевших и ставших земледельцами и ремесленниками, богатые скотоводы продолжали кочевать. Последние особенно строго соблюдали старые обычаи и нравы, порожденные кочевым образом жизни. Людей ставших оседлыми земледельцами, они называли сартами.

В колониальный период оседание на землю и переход от скотоводства к земледелию, ремеслу и торговле стали в Туркестане обычным явлением. Особенно интенсивно шел этот процесс в Ферганской долине и долинной части Самаркандской области, где почти во всех хозяйствах бывших скотоводов преобладающее место занимало земледелие. Росла тяга к торговле. Пренебрежительное отношение к ремеслу и торговле исчезло, что отражало изменение нравов кочевых узбеков.

Однако этого было еще недостаточно для духовного сплочения всех групп узбеков в единое целое. Нельзя преувеличивать силу и масштаб этого сплочения, как это имело место со стороны отдельных исследователей.

Общность психического склада начала складываться главным образом среди узбеков Туркестана, о чем мы говорили выше. Что касается узбеков Бухарского эмирата и Хивинского ханства, то там еще сравнительно сильны были остатки таких обычаев и нравов, тормозящих формирование общности психики, как взаимная отчужденность между отдельными группами, родоплеменная брачная замкнутость, обязательность похорон умерших в родовых кладбищах и др. Эти обычаи соблюдались так строго, что в некоторых районах жена не могла быть похоронена на родовом кладбище мужа, и ее хоронили на своем родовом кладбище, даже если оно находилось в другом кишлаке.

В рассматриваемый период национальное самосознание узбеков не сформировалось. Незавершенность территориального сплочения узбеков сказывалась в отсутствии у них сознания единой национальной земли. Тюркоязычные сарты на вопрос «кто вы?» именовали себя названием своих городов или кишлаков и под своей родиной подразумевали именно их. Тюрки Мавераннахра и кочевые узбеки именовали себя названием рода или племени и считали родиной землю своего племени. Еще не выработалось чувство общей родины для всех узбеков и понятие общенационального названия. Для

сартов слово «узбек» имело пренебрежительный оттенок («деревенщина»), а для кочевых узбеков и тюрков слово «сарт» носило оттенок «торгаша». Окликать сарта словом «узбек» было обидным для него в такой же степени, как окликать кунграда, кипчака, минга, юза, наймана и других словом «сарт».

Итак, в колониальный период узбекский народ, в результате начавшегося развития среди него капиталистических отношений, вступил в полосу национального оформления. Однако вплоть до Октябрьской революции он не успел достичь той высшей ступени, при которой все признаки нации складываются окончательно и придают ей характер устойчивой общности. Незавершенность процесса формирования узбекской буржуазной нации определила особенности морального и социально-политического облика узбекского народа в колониальный период.

6. Освободительное движение трудящихся и антинародная деятельность узбекской буржуазии

В формировании европейских народов в нации важную роль играли национальные движения во главе с зарождающейся буржуазией. Эти движения в условиях Западной Европы были направлены против феодальных порядков, стоявших на пути дальнейшего развития производительных сил. Зарождающаяся буржуазия поднимала народ против феодальной раздробленности за сплочение всей страны в единую национальную землю. В процессе этой борьбы росло национальное самосознание народов, шла подготовка к национальной консолидации.

На востоке Европы, где мелкие народности находились под властью иноземцев, национальное движение приняло форму борьбы за освобождение от национального гнета. В этой борьбе руководящую роль также играла национальная буржуазия, которая стремилась захватить в свои руки национальный рынок. Это освободительное движение также способствовало росту национального самосознания народных масс и ускоряло национальную консолидацию мелких народов.

На фоне этого уместно рассмотреть кратко вопрос об отрицательном влиянии антинародного феодально-клерикального и буржуазно-националистического движения и положительном влиянии национально-освободительного движения трудящихся на ход формирования узбекской нации.

Прогрессивные изменения в экономике и сдвиги в культурной жизни народов Средней Азии, в частности узбекского народа, происходили в условиях колониального режима. Однако в первое время сложилась такая обстановка, когда реакционная сущность колониальной политики царизма еще не проявлялась полностью, а перемены и сдвиги, которые произошли в жизни народа, чувствовались особенно сильно.

После темных и тяжелых времен ханства с присущим им деспотизмом и реакцией, открытым грабежом и насилием над трудящимися, последние не могли не оценить происшедших перемен. И поучительно, что когда с реакционным лозунгом «газават», с программой восстановления ханских порядков выступили феодалы и духовенство, выдвигавшие в Ферганской долине в 70-х и 80-х годах «лжеханов» (етим ханов), народ за ними не пошел.

Выступления этих лжеханов поддержала только часть реакционного духовенства и бывшие привилегированные феодальные элементы, которые не желали мириться со своим новым положением. Духовенство в значительной части лишилось вакуфной земли, судебной и законодательной власти, а бывшие ханские чиновники—своих владений и политических прав. Они стремились поднять народ на борьбу против русских. Однако эти попытки оказались беспочвенными. Выдвигая лозунги восстановления ханства и газавата, феодалы и духовенство не понимали, что эти лозунги не отражали в новой обстановке ни экономических, ни политических, ни культурных интересов народа. Присоединение Средней Азии в этот период не только не привело к ущемлению экономических и культурных интересов населения, а наоборот, новые порядки, как мы видели выше, казались даже известным благодеянием по сравнению со старыми ханскими порядками.

Лозунг газавата также не имел успеха потому, что религиозные чувства народа не ущемлялись новой властью.

Районом выступления лжеханов оказалась Ферганская область. Здесь феодальная верхушка и духовенство

никак не могли примириться с тем обстоятельством, что они потеряли свою власть, тогда как их собратья по классу в Бухаре и Хиве сумели в какой-то мере сохранить свои привилегии.

Одним из реставраторов ханской власти был некий Дервиш-хан Тюря, выступление которого состоялось летом 1885 года. Он старался объединить разрозненные отряды сторонников различных лжеханов. К Дервиш-хану присоединился Муминбай, сгруппировавший вокруг себя несколько отрядов, действовавших в районах Ферганы. Эти отряды устраивали налеты на города и кишлаки, убивали волостных управителей, государственных служащих и грабили их дома. Посланный из Ташкента карательный отряд разгромил Дервиш-хана, он, по-видимому, бежал в Кашгар, а Муминбай был взят в плен.

Таким образом выступления лжеханов не способствовали росту национального самосознания народа, как не способствовало ему и выступление Мадали-ишана в 1898 году (так называемое Андижанское восстание). Так как выступление Мадали-ишана некоторыми исследователями до последнего времени характеризуется как крупное восстание, в котором якобы приняли участие массы дехкан и городской бедноты[1], считаем необходимым остановиться на нем более подробно. Мадали рос и воспитывался в духе религиозного фанатизма, учился и служил ишаном в Бухарском эмирате, где духовенство не потеряло своей власти и привилегий. В начале 70-х годов он прибыл в Андижан и различными путями пытался завоевать авторитет и привлечь в ряды своих мюридов представителей местного населения. Вскоре в кишлаках и городах Ферганской долины появились его агенты—мюриды.

Разбогатев, Мадали-ишан переселился в кишлак Мингтепе, где при его резиденции образовался влиятельный религиозно-мюридский орден. Его проповедники ходили по кишлакам и городам, стараясь привлечь на сторону Мадали крестьян с тем, чтобы использовать их для восстановления в Фергане ханской власти.

Ишан, однако, был очень далек от народных масс. Сгруппировавшиеся вокруг него реакционные феодальные элементы по своему классовому положению не могли стать защитниками экономических и политических интересов трудящихся масс. Они выдвигали лозунг газавата, призывая народ подняться на борьбу за веру, забывая, что в новой обстановке религия могла стать силой, объединяющей все классы и слои общества только в том случае, если бы сторонники ее подверглись притеснению, гонению и угнетению и если бы под религиозным покровом скрывалось стремление принести народным массам свободу и избавление от гнета и эксплуатации, о чем Мадали-ишан и его окружающие думали меньше всего, ибо они сами принадлежали к реакционным элементам.

[1] Очерки истории Коммунистической партии Туркестана, Ташкент, 1958, стр. 22.

Таким образом, влияние ишана распространялось главным образом в пределах ограниченного круга представителей эксплуататорских классов. Именно поэтому выступление Мадали-ишана 17 мая 1898 года оказалось лишенным поддержки со стороны народных масс, хотя оно и было очень тщательно подготовлено.

Выступление Мадали-ишана начали около 600 мюридов и жившие при его дворе дервиши. Собравшись в Мингтепе, они 17 мая в 8 часов вечера объявили газават и двинулись на Андижан. Во всех встречных кишлаках сторонники Мадали-ишана требовали, чтобы все люди присоединялись к ним, а тех, кто отказывался сделать это, избивали и всячески запугивали. И все же в выступлении ишана принимало участие не более 1000 человек.

Примерно к 6 часам утра отряд ишана подошел к Андижану. Напав на опытный пункт в кишлаке Хоканде, мюриды убили агронома и окрасили его кровью свое знамя. Неожиданно напав на одну из казарм андижанского гарнизона, восставшие убили 22 и ранили 24 солдата. Но достаточно было первых залпов оправившихся от внезапного нападения солдат, чтобы восставшие разбежались.

Этим, собственно говоря, и кончилось выступление Мадали-ишана. Уже к 8 часам утра в Андижане не осталось ни одного сторонника ишана, а сам он поспешно бежал в горы.

Выступление Мадали-ишана было использовано царской администрацией края для устрашающей народные массы демонстрации силы.

Утром 18 мая в Андижан прибыли вызванные из Скобелева войска с пулеметами и пушками. В городе нача-

лись обыски и аресты. Войска направились в сторону Мингтепе, расстреливая всех, кто попадался по пути. Кишлак Мингтепе был подвергнут артиллерийскому обстрелу и стерт с лица земли. Обстрел начался ночью, без всякого предупреждения. Много детей, женщин и стариков осталось под развалинами домов.

Прошел слух об артиллерийском обстреле старой части Андижана в наказание за убийство агронома опытного пункта. Слух этот не подтвердился, но власти уничтожили пригородное селение Хоканд, жители его были выселены, а земли переданы городу Андижану.

К суду было привлечено 546 человек. Руководители выступления во главе с пойманным в горах Мадали-ишаном были повешены, 208 человек — сослано в Сибирь.

Имущество населения кишлака Мингтепе было конфисковано в пользу семей солдат, погибших 17 мая 1898 года. Сам кишлак был переименован в селение Мархамат, куда вскоре были переселены около 500 семейств русских крестьян. На месте кишлака Хоканд был проложен проспект Духовского, названный по имени тогдашнего генерал-губернатора. Народ называл это место «Духовский вайронаси» (развалины Духовского).

Таковы были последствия авантюры Мадали-ишана. Выступая от имени народа, не будучи связан с ним, без его поддержки, он дал царизму повод заглушить действительно зревшее в народе недовольство своим тяжелым положением. Царская администрация усилила надзор над местным населением и школами, причем всякое проявление недовольства среди населения оценивалось как антигосударственное действие.

Следовательно, не к росту политической активности и национального самосознания народных масс привело авантюристическое выступление Мадали-ишана, а к подавлению назревшего освободительного движения.

Феодально-клерикальное движение за восстановление ханских порядков в Туркестане отнюдь не ускорило процесс национальной консолидации узбеков. Как движение, оторванное от чаяний и стремлений народных масс, после выступления Мадали-ишана, оно сошло на нет, оставив после себя лишь сторонников старины в лице «кадимов», которые в дальнейшем, кстати сказать,

выступали против каких-либо прогрессивных перемен в жизни узбекского народа и вели активную борьбу со всякими нововведениями в жизнь народа.

Некоторые исследователи, подходя к вопросу формирования узбекской нации догматически, без учета конкретной исторической обстановки, пытаются приписать узбекской буржуазии чуть ли не ту же самую роль, которую сыграла буржуазия европейских стран в процессе формирования народов Европы в нации или ту роль, которую призвана сыграть в наши дни национальная буржуазия недавно освободившихся от колониализма отдельных стран Азии и Африки.

В связи с этим необходимо также остановиться на вопросе о социальной природе джадидизма и его отрицательном влиянии на процесс национального оформления узбеков в колониальный период.

Сделать это тем более необходимо, что в последние годы некоторые авторы снова выдвигают в тех или иных формулировках вопрос о том, что джадидизм был якобы во многом или частично прогрессивным явлением, что джадиды, как идеологи национальной буржуазии, сыграли большую роль в культурной жизни народа и временами даже отражали интересы народа в борьбе против царизма[1].

Вопрос о социальной природе джадидизма широко обсуждался еще в 20-х и 30-х годах. Бывшие главари джадидизма в Туркестане после Октябрьской революции пытались объявить джадидизм прогрессивным революционно-просветительским течением. Они всех местных интеллигентов, стремившихся к овладению современной светской культурой, в противовес феодально-клерикальным элементам, объявили джадидами. В их интерпретации слово джадид становилось идентичным со словом интеллигент. Этим они хотели смазать реакционную сущность джадидизма, как идейно-политического течения. Некоторые из них шли по пути оценки сущности джадидизма в Туркестане, исходя из особенностей джадидизма в Бухарском эмирате и Хивинском ханстве, где перед джадидами стояла иная задача (об этом в следующих главах).

---

[1] Очерки истории Коммунистической партии Туркестана, Ташкент, 1958, стр. 95—96.

Однако уже в тот период была вскрыта реакционная сущность джадидизма в Туркестане и доказана антинародная деятельность джадидов до Октябрьской революции и в первые годы Советской власти. По данному вопросу убедительно говорилось тогдашним секретарем ЦК КП Узбекистана А. Икрамовым на VI Всеузбекском курултае Советов[1]. Вместе с тем в этот период не было устранено смешение понятия джадид с понятием интеллигент.

В последующем, в период господства культа личности, в особенности в 50-х годах, из правильной интерпретации джадидизма, как антинародного, реакционного течения, были сделаны неправильные выводы о том, что якобы в колониальный период едва ли не вся местная интеллигенция была носительницей реакционных взглядов. В этот период отдельные авторы, чтобы избежать объявления всей местной интеллигенции реакционной и антинародной, некоторых представителей местной интеллигенции объявили «левыми джадидами», «прогрессивным слоем джадидов» и т. д. Такими были объявлены Хамза Хаким-заде, Садриддин Айни и др. Фактически это тоже смазывало сущность джадидизма, делало его своего рода межклассовым идейным течением, ибо из него, наряду с явными врагами трудового народа (Бехбуди, Фитрат и другие), выходили и такие люди, которые боролись за счастье народа (Хамза).

Учитывая это, бывший секретарь ЦК КП Узбекистана А. Н. Мухитдинов в своем докладе на I съезде интеллигенции Узбекистана правильно и своевременно поставил вопрос о необходимости более глубоко разобраться с джадидизмом и устранить ту неразбериху, которая существует в оценке деятельности некоторых местных интеллигентов, которые были объявлены джадидами[2]. В связи с этим началось глубокое изучение вопроса о природе джадидизма в Туркестане. Однако здесь же наметился двоякий подход к этому вопросу. Некоторые авторы вопреки установленным фактам о реакционной и антинародной природе джадидизма в Туркестане шли

[1] Доклад «О проекте Конституции Узбекской ССР», «Правда Востока», 13 февраля 1927 г.

[2] «Правда Востока», 13 сентября 1956 г.

по пути пересмотра сущности джадидизма, выступали с тезисами о том, что джадиды играли прогрессивную роль в жизни узбекского народа, ибо были поборниками нового, что они боролись против царизма и русской империалистической буржуазии[1], что даже были случаи, когда большевики использовали их печать в борьбе за свержение царизма еще накануне 1905—1907 годов[2] и т. д.

Автор данной работы, изучая материалы о джадидизме, пришел к другому выводу. Не все люди, названные до революции джадидами, были представителями и идеологами национальной буржуазии. Среди них было немало лиц, которые в своем творчестве отражали интересы трудового народа и являлись носителями идей просветительства. Совершенно неправильно объявление их левыми или прогрессивными джадидами. Эти тезисы автора были изложены в его книге «Ташкент в период трех революций»[3]. Здесь же социальную природу джадидизма мы рассмотрим преимущественно в свете вопроса о формировании узбекской нации.

О культурном пробуждении узбекского народа еще в конце прошлого века под влиянием передовой русской культуры было сказано выше. В конце XIX века среди части узбекской интеллигенции наметилось стремление к реформе старой местной школы — мактаба и медресе. Были сделаны попытки изменения учебных планов. Так, например, предполагалось ввести в медресе изучение русского языка, усилить преподавание светских наук (математики, географии и т. д.). С широкой пропагандой изучения русского языка выступил кази города Ташкента Абдусаттар-хан. Казий из Тюрякургана Исхак-хан составил специальный шестиязычный словарь. Этот словарь должен был помочь изучающим русский язык.

В 1872 году был поставлен вопрос о замене арабского алфавита русским алфавитом. Наряду с этим встал

[1] Очерки истории Коммунистической партии Туркестана, Ташкент, 1958, стр. 95—96.

[2] *Йўлдошев.* Ўзбекистон компартиясининг тарихига доир (К истории Компартии Узбекистана), «Қизил Ўзбекистон», 1959 й., 17 июнь.

[3] *М. Вахабов.* Ташкент в период трех революций, Ташкент, 1957, стр. 26—27, 92—100.

вопрос об изменении методики обучения в мактабах. Успешными были попытки обучения детей грамоте так называемым звуковым методом вместо зазубривания текстов. Этот метод, бесспорно, был прогрессивным, так как давал возможность ускорить обучение детей грамоте и быстро завоевал авторитет. Уже в 90-е годы в ряде городов, в том числе и в Ташкенте, появились новометодные мактабы. Этот метод обучения получил название «усули-джадид» (новый метод). Сторонников его стали называть джадидами (джадид—новый). Хотя это нововведение пока практически касалось только метода обучения в школах, но по существу оно было выражением стремления местного населения к преобразованиям в культуре и быте под влиянием передовой русской культуры. Новый метод обучения, зародившийся в Крыму и Поволжье среди татарской интеллигенции, быстро распространился в Туркестане в результате знакомства местного населения с русскими и русско-туземными школами.

Одним из сторонников нового метода обучения ташкентским учителем Абдурасуловым был составлен, применительно к звуковому методу обучения, первый букварь на узбекском языке —«Устоди-аввал» (начальное обучение), опубликованный в 1900 году. В дальнейшем этот букварь выдержал 17 изданий. Стремление народа к светскому образованию и культуре все более росло. Это в значительной мере объясняется также пропагандой новой светской науки такими просветителями, как Фуркат, Мукими и др.

В начале XX века национальная буржуазия, как более образованный класс местного населения, хотела использовать это стремление народа. Пытаясь захватить в свои руки все рычаги идейного воздействия на массы, ее идеологи объявили себя поборниками нововведений и приступили к созданию аппаратов идеологической борьбы и духовного закабаления народных масс.

Все нововведения национальная буржуазия старалась подчинить своим классовым интересам, придавая им определенный буржуазный характер. В силу этого образовалось своеобразное идейно-политическое течение, которое в исторической литературе получило название джадидизм. Это течение было совершенно отлично от прогрессивных тенденций народных масс, выразителями которых выступили такие просветители, как Абдусаттар-хан, Исхак-хан, Фуркат, Мукими, Завки, Хамза, Аваз Отар-оглы и др.

Джадидизм — это националистическая идеология зарождающейся местной буржуазии колониальной Средней Азии, в частности Узбекистана, формировавшаяся в период империализма, когда налицо уже было развитое и организованное революционное рабочее движение. В отличие от националистической идеологии местной буржуазии многих колониальных стран Азии и Африки, где она формировалась и развивалась в условиях слабо развитого рабочего движения, в колониальных окраинах России, в частности в Средней Азии, она формировалась в обстановке, когда существовала мощная социальная сила, способная ликвидировать не только национальное угнетение, но и самый строй, порождающий такое угнетение. Этой силой был русский революционный пролетариат. Период, предшествовавший первой русской революции 1905—1907 годов, и сама революция показали растущую мощь пролетариата.

Что касается узбекской национальной буржуазии, то она в этот период находилась в стадии становления, была еще слаба как экономически, так и политически. Колониальное положение Средней Азии, зависимость ее экономики от промышленности и рынка России делали узбекскую национальную буржуазию экономически и политически зависимой от царизма и русской империалистической буржуазии. Все это и определяло ее морально-политическое лицо, ее двойственный характер, который начал проявляться в период революции 1905—1907 годов и еще более отчетливо в последующие периоды.

В годы революции узбекская буржуазия, с одной стороны, стремилась к еще более тесному сближению с русской империалистической буржуазией, с другой стороны, боролась против нарастания революционного движения в крае и роста влияния марксистской идеологии среди трудящихся масс.

Эта особенность узбекской национальной буржуазии ярко выражена в программной статье главы теоретиков джадидизма М. Бехбуди, опубликованной 11 октября 1906 года в газете «Хуршид». В начале статьи он констатирует необходимость объединения всех «мусульман» в одну политическую партию, как это сделали, подчерки-

10-1

вает он, «русские», «евреи» и люди других верований. Далее, все существующие в России политические партии он разделяет на четыре группы: партия бюрократии или монархистов, партия кадетов, партия социалистов (социал-демократов и социалистов-революционеров), партия мусульман, которая образовалась 23 августа 1905 года в Нижнем Новгороде. Бехбуди отрицательно характеризует партию монархистов и считает ее причиной экономической, культурной отсталости мусульман России, подчеркивая, что партия монархистов выступает как барьер между народом и царем. Все мрачные стороны самодержавия автор сваливает на эту партию. По его мнению, если не было бы партии монархистов, народ имел бы возможность непосредственно обращаться к царю, который, зная положение народа, заботился бы о нем.

Восторженно отзывается Бехбуди о партии кадетов, симпатизируя ее программе создания системы конституционной монархии, которая, поставив государственную думу вместо «синода» и «военного совета», якобы дает возможность царю непосредственно общаться с народом. При такой системе, рассуждает Бехбуди, все классы и нации, в том числе мусульмане, получат свободу и равенство, неограниченную возможность всестороннего развития. Кстати сказать, в национальном вопросе идеологи джадидизма стояли на позиции культурно-национальной автономии, которую приняли и кадеты.

Говоря о социалистических партиях, Бехбуди указывает, что они стремятся к ликвидации частной собственности и классов, к обобществлению всех средств производства. Однако, говорит он, все это неосуществимо в нашу эпоху. Возможно когда-либо это будет, но для этого нужно еще много веков. Фактически, говорит он, это утопия. Самое главное, что пункты программы о собственности, личности и семье вредны, противоречат законам шариата и мусульманам совершенно не подходят. Бехбуди клеветнически повторял буржуазные измышления о том, что марксизм ликвидирует семью, обобществляя женщин.

Характеризуя партию мусульман России, он призывал всех мусульман Туркестана объединиться в единую партию, войти в состав мусульманского союза. Говоря о линии поведения будущей партии туркестанских мусульман,

Бехбуди указывает, что эта партия должна принять по вопросам экономики, идеологии и науки программу мусульманского союза[1], а по вопросам политики — программу кадетов.

Следовательно, партия узбекской национальной буржуазии должна была быть партией единоверцев (мусульман), объединившихся на базе экономических и духовных догм ислама и программы создания конституционной монархии во главе с русским царем.

В этой программной статье М. Бехбуди ясно видна сущность джадидизма, как антинародного реакционного националистического течения.

Лидеры джадидизма пытались воспользоваться усилением революционного движения не для того, чтобы уничтожить систему самодержавия и добиться национального самоопределения, а для того, чтобы ввести конституционную монархию. Они призывали народ не к борьбе за национальную независимость, а к политическому союзу с русской империалистической буржуазией. Они выдвигали лозунг политического союза с кадетами и идейной борьбы против русского рабочего класса и революционной социал-демократии. Они, наконец, поставили перед собой задачу объединения всех мусульман в единую мусульманскую религиозную партию не для борьбы против царизма и русской империалистической буржуазии, а для борьбы против усиления влияния марксистской идеологии среди трудящихся масс. Для узбекской национальной буржуазии наибольшей угрозой было не господство царизма и русской империалистической буржуазии в Туркестане, с которыми она была тесно связана как экономически, так и политически, а распространение влияния русских марксистов.

Конечно, узбекская национальная буржуазия была бы не прочь стать единственной владычицей туркестанского внутреннего рынка, но она не имела реальной силы, чтобы выступить за освобождение своей «земли» от колониального рабства. Ее национализм был направлен не против колониального рабства и империалистической

[1] Согласно решениям съездов мусульманского союза, его экономическая и идеологическая программа базировалась на законах шариата и сам союз строился не по принципу классового деления, а культурно-религиозной автономии.

буржуазии, не на завоевание независимости «своей» страны (как это имеет место со стороны молодой буржуазии Индонезии, Ирака и других стран в наши дни), а против русского пролетариата и его революционной идеологии, с целью отгораживания от них местных трудящихся, что не случайно объединило зарождающуюся буржуазию с феодально-клерикальными элементами, идеологию пантюркизма с идеологией панисламизма. Пантюркизм, панисламизм в условиях Средней Азии закономерно принимали общее название джадидизма. Отторжение Туркестана от России было для местной буржуазии идеалом далекого будущего.

В обстановке роста революционных настроений масс для местной буржуазии было более выгодно идти вместе с царизмом и русской империалистической буржуазией, чем против них.

Некоторые исследователи двойственность узбекской буржуазии и идеологии джадидизма видят в том, что джадиды якобы в одно и то же время старались в силу необходимости найти союз с царизмом, хотя, вообще говоря, были его противником. Это неверно. В колониальный период джадиды ни разу не выступили против царизма.

Рынок Средней Азии стал к этому времени частью единого русского внутреннего рынка. Проникновение русского и иностранного капитала в Среднюю Азию ускорило зарождение и развитие капиталистических отношений в недрах узбекского общества, однако, как мы видели выше, развитие капитализма (рост числа заводов, фабрик, появление железной дороги, банков и бирж в городах Туркестана) происходило на фоне сравнительно устойчивых феодальных отношений в кишлаках и было не результатом синхронного разложения феодальных отношений, а результатом проникновения русского и иностранного капитала извне.

При этом основным условием проникновения русского и иностранного капитала было развитие в Узбекистане хлопководства и превращение его в сырьевую базу русской хлопчатобумажной промышленности. Главное звено народного хозяйства Узбекистана — производство хлопка-сырца и хлопкоочистительная промышленность, а через них и другие отрасли народного хозяйства и торговли—подчинялось русским и иностранным компаниям.

Непосредственным результатом развития хлопководства был рост торговли хлопком и появление большой группы скупщиков хлопка-сырца, занимавшихся также торговлей мануфактурой, галантерейными изделиями, иногда и хлебом. Почти все они скупали хлопок как для своих промышленных предприятий, так и для вывоза в другие страны.

Таков был путь зарождения и развития местной буржуазии, такова была ее роль в экономической жизни узбекского народа.

Политическое лицо узбекской буржуазии нашло яркое и недвусмысленное отражение в издательской деятельности лидеров джадидизма, сознававших, что печать является мощным органом идеологической борьбы.

Джадиды до Октябрьской революции выпускали 12 газет и 2 журнала, которые выходили в разное время и существовали сравнительно недолго.

Первая газета джадидов «Ўрто Осиёнинг умургузорлиги» (Среднеазиатское обозрение) печатала как джадидские статьи о реформе школы, о порядках изменения использования доходов от вакуфных земель, так и призывы духовенства бороться против джадидов, что было показательно для бесхребетности джадидов. Основные материалы посвящались пропаганде царского манифеста 17 октября. Газета не имела определенной линии и не завоевала популярности. Даже сами джадиды постепенно отошли от нее.

На страницах газеты «Таракки» появился ряд статей, направленных против духовенства, за решительную реформу школ, за идею национального единства и классового мира среди мусульман. Вместе с тем критиковалась также форма управления Средней Азией и выдвигались требования ее реформы. Однако о самом царизме, как системе, газета не говорила.

В газете «Хуршид» была опубликована уже известная программная статья М. Бехбуди. В этой газете критика существовавшего социально-политического строя принимает совершенно лояльный тон, но зато попытка сыграть на национальных чувствах масс принимает все больший масштаб. В первом и втором номерах газеты опубликована статья «Проблема, стоящая перед нацией». В ней осуждаются мусульмане, предпочитающие покупать товары у евреев и индусов, а не у мусульман. Для прогрес-

са нации, говорится в статье, нужно бойкотировать инонациональных купцов, а покупать товары у своих единоверцев. Будучи лояльна к царизму, газета на каждом шагу клеветала на социал-демократов и выражала чувство преданности царю, что, однако, не помешало властям в ноябре 1906 года закрыть ее.

В газете «Шухрат» идея сотрудничества с русской буржуазией и задачи борьбы против революционного движения принимают весьма четкий характер. В одной из статей М. Бехбуди проводится мысль о том, что для расцвета нации нужно подготовить в Петербурге и Москве кадры инженеров, медиков, юристов, экономистов. Но для сохранения чистоты нации (ислама) нужно подготовить в Стамбуле и Александрии (Египте) кадры духовенства. Следовательно, мысль Бехбуди такова: широко использовать русскую светскую науку, а русской революционной идеологии противопоставить догмы ислама.

В годы нового подъема революционного движения джадиды еще больше активизировались, а их главари все более и более ясно проявляли антинародное стремление преградить путь к сближению узбекского народа с русским народом.

Яркую форму принял узбекский вариант идеологии пантюркизма и панисламизма, направленный на отгораживание местных трудящихся от влияния на них русского революционного рабочего движения и в то же время на установление тесной экономической связи с русской империалистической буржуазией и политического блока с царизмом.

Так, газета «Самарканд» пропагандировала изучение русского языка с целью воспитать грамотных и предприимчивых торговцев. Газета «Садои Туркистон» призывала захватить внутреннюю и внешнюю торговлю в свои руки, бойкотировать купцов евреев, армян и других, но не русских, жалобно стонала, что народ не помогает своим влиятельным и деловым людям.

Журналы «Ойина», «Ал-Ислох» больше всего писали о реформе. Но само понятие реформы у них не имело определенного содержания. «Ал-Ислох» толковал понятие реформы, как восстановление всех правил и законов ислама в жизни народа, считал, что идеальный политический строй и духовная жизнь могут возникнуть только

на основе ислама и что все бедствия и несчастия народа являются результатом проникновения в его жизнь чуждых духу ислама явлений. Под этим последним понималось влияние русской прогрессивной культуры и революционной идеологии пролетариата на местных трудящихся. В то же время журнал ратовал за расширение торговых связей с Россией и считал, что русский царь, как правоверный христианин, не вредит исламу.

Журнал «Ойина» писал о мелких реформах быта народа, о приспособлении буржуазной культуры Запада к догмам ислама и т. д.

Наряду с этим журналы хранили молчание о тяжелом положении народа, об обнищании и разорении трудовых крестьян и ремесленников, об ограблении их баями, ростовщиками, заводчиками, о беззакониях колониальной администрации и других жгучих вопросах, волновавших народ. Антинародное нутро джадидизма ясно проявилось во время восстания 1916 года и после Февральской революции 1917 года, о чем будет особо сказано ниже.

В противовес феодально-клерикальному и джадидскому движениям, направленным к притуплению политического сознания народа и сдерживанию роста его национального самосознания, национально-освободительное движение трудящихся должно было способствовать политическому сплочению узбекского народа, следовательно, значительному росту его национальной консолидации.

Выступления народов Средней Азии против царизма становились все более неизбежными и реальными в силу начавшегося разорения городских ремесленников под ударами конкуренции товаров русской промышленности и вследствие усиления обезземеливания крестьян в результате роста товарности сельского хозяйства. Примером может служить выступление населения Ташкента еще в 1892 году, известное под названием «холерного бунта».

Его возникновение связано с тем, что хотя с введением поземельного налога взамен хараджа и других податей, а также промыслового налога взамен заката срок взимания налога и предельный размер его упорядочились, тем не менее беднейшие слои населения все же попадали в тяжелое положение. Если старые виды налога при всех несправедливостях все же взимались в

соответствии с урожаем и количеством товаров, то новые налоги имели постоянный размер и взимались при всех условиях. Крестьяне, не получившие урожая и раньше не платившие херадж, ремесленники, имеющие средства менее 40 танги и не платившие закат, теперь при всех условиях обязаны были платить налог. В неурожайные годы бедняки должны были влезать в тяжелые долги.

Положение городской бедноты ухудшилось еще и тем, что в 1887 году был введен налог с каждого домовладельца в соответствии с ценностью его постройки. В Средней Азии ценность постройки не могла служить мерилом состояния ее владельца. Зачастую самые бедные крестьяне и ремесленники владели домами со значительной стоимостью, оставшимися им в наследство, но не приносившими никакого дохода. Этот налог ухудшил экономическое положение городской бедноты.

На положение ремесленников влиял рост привоза товаров из России. Как было сказано выше, рост ввоза некоторых промышленных товаров из России привел к сокращению ряда отраслей кустарной промышленности.

Кроме этих общих явлений, на положение трудящихся Ташкента влиял еще ряд обстоятельств.

В связи с начавшимся землеустройством многие крестьяне — горожане, ранее обрабатывавшие общинные земли, получили наделы в форме частной и наследственной собственности. Но с ростом товарно-денежных отношений в земледелии и строительством нового, русского города на загородных участках Шайхантаурской и Бешагачской частей земли населения фактически были отняты, хотя они и покупались, но лишившиеся своей земли крестьяне не могли существовать на полученные деньги. В силу этого обстоятельства в Ташкенте образовался значительный слой разорившихся ремесленников и обезземеленных крестьян.

Отсталые и забитые мелкие крестьяне и ремесленники не могли ясно осознать причину своего тяжелого положения. Воспользовавшись этим обстоятельством, духовенство, подголоски бывших ханских правителей и прочие развернули среди населения агитацию против «русских порядков» независимо от их характера. В начале 90-х годов им удалось направить недовольство народа против мероприятий администрации, рассчитанных на ликвидацию эпидемии холеры.

В связи с началом эпидемии в 1892 году были закрыты кладбища в городе, установлен порядок погребения умерших от холеры после осмотра врачами, обязательный допуск врачебного персонала для проверки больных в домах независимо от того, мужчина это или женщина, погребение умерших от холеры на специальных кладбищах, запрещение въезда в город и выезда из него.

Все эти правильные и необходимые для борьбы с эпидемией меры не подкреплялись разъяснительной работой и необходимыми для их осуществления средствами.

В самих холерных больницах не было достаточного порядка. Не хватало медицинского персонала и медикаментов. Часто больные не получали своевременной помощи. В силу этого имела место массовая смертность в больницах. Всего заболело 1879 человек, из них 417 — в новой части города, 1462— в старой части. Из первых выздоровело 200 человек (50 процентов), а из вторых — только 22 человека (около 1,5 процента).

Массовая смертность в больницах создавала впечатление, что русские врачи якобы не лечат, а своими лекарствами ускоряют наступление смерти, что усугублялось другими различными темными слухами, распространяемыми духовенством и сторонниками старых ханских порядков.

В результате этого утром 24 июня 1892 года группа местных жителей явилась в управление городского начальника с жалобой на аксакала города Мухаммед Якуба, против которого вели агитацию сторонники бывшего аксакала города Иногамходжи, освобожденного от работы за допущенные им злоупотребления. Мухаммед Якуб скрылся. Народ требовал его выдачи и за отказ избил начальника города и джигита, охранявшего управление. На помощь начальнику города пришли вооруженные русские чиновники, а несколько позднее и солдаты, учинившие массовое избиение людей. Многие из участников «бунта», пробегая в панике через мост, падали в речку Анхор. Кроме того, солдаты сами толкали людей в речку. По официальным данным из Анхора было извлечено 80 трупов. Фактически их было более ста. Многие, хотя и выбрались из речки, но оказались искалеченными.

Дело не кончилось этим. Начальник города и военный губернатор, несмотря на то, что народ разбежался,

двинулись с двумя сотнями казаков и четырьмя ротами пехоты в старый город. Около мечети Джами был дан залп по группе людей, собравшихся там с жалобой на отдельных должностных лиц. Было убито 10 человек и многие ранены. Народ разошелся, улицы опустели. Казаки и солдаты оставались в старом городе до 30 июня. В эти дни жизнь в городе замерла. Базары закрылись. Население не выходило на улицы и за город для обработки полей. Только через несколько дней войска были выведены из старого города.

Военному суду было предано 60 человек, который приговорил к смертной казни 8, к высылке —3, в арестантские роты —17 человек. Позднее приговор военного суда был несколько смягчен.

«Бунт» 1892 года носил стихийный характер и был проявлением недовольства кустарей, крестьян и низших слоев населения города, еще не осознавших своих классовых интересов и поэтому попавших под чуждое влияние.

Послужив поводом для жестокой расправы над народом, он дал возможность администрации внушить народу страх перед царизмом. Население других городов не откликнулось на выступление трудящихся Ташкента.

Положение стало меняться по мере того, как на дальнейший рост освободительного движения трудящихся Туркестана благотворно влияло развертывание революционного рабочего движения в России и, в частности, в Туркестане.

Поворотным пунктом в истории освободительной борьбы местных трудящихся явилась первая русская революция 1905—1907 годов.

Уже в 90-е годы XIX века в Средней Азии в таких городах, как Ташкент, Самарканд, Коканд, Андижан и другие, концентрировалось большое количество рабочих в преобладающей своей части русских.

Когда в январе 1905 года в центральных городах России начались революционные выступления рабочих, активизировались рабочие и в Туркестане.

Кровавые злодеяния царизма 9 января 1905 года послужили поводом для открытых революционных выступлений рабочих и революционно настроенных солдат в Туркестане. И здесь 1905—1907 годы прошли в ожесто-

ченных схватках между рабочим классом и самодержавием. В дни первой русской революции рабочие Туркестана под руководством большевиков показали образцы упорства и пролетарской стойкости, что имело огромное значение в жизни края.

Героическая борьба рабочих и солдат против царизма воодушевляла местных трудящихся и вселяла в них уверенность в непрочность системы царского самодержавия.

В. И. Ленин особо подчеркивал значение революции 1905—1907 годов в пробуждении колониальных и полуколониальных народов Азии и Африки. Революция пробудила и народы Средней Азии.

Вместе с тем трудящиеся крестьяне и ремесленники в дни революции еще не были готовы к совместному выступлению с русскими рабочими и не приняли непосредственного участия в революционных выступлениях в городах, хотя основная масса населения городов и состояла из ремесленников и крестьян. Зато рабочие из числа местного населения нередко уже принимали активное участие в революционных выступлениях на тех предприятиях, в которых они работали.

Накануне революции в результате массового разорения крестьян и кустарей в городах и кишлаках скопилось большое количество мардикеров. Значительная часть их была занята в городах на строительстве различных промышленных объектов и общественных зданий. В зависимости от характера объектов, на которых были заняты мардикеры, последние также принимали участие в революционном движении. Так, например, в 1905 году на строительстве зданий Ташкентского пассажирского вокзала работала группа рабочих местных национальностей, с ними и установили связь русские рабочие, работавшие неподалеку от них. О влиянии революционного движения русских рабочих на эту группу строительных рабочих говорит тот факт, что значительная часть их принимала участие в политической демонстрации 18 октября 1905 года, когда демонстранты были расстреляны у здания городской думы.

Более или менее регулярное участие в рабочем движении принимали местные рабочие, занятые на промышленных предприятиях и на железной дороге. Как было указано выше, к моменту революции 1905—1907 годов

почти во всех промышленных заведениях и на железнодорожных предприятиях работали местные рабочие. Они принимали участие в стачках, забастовках и демонстрациях. В 1906 году, когда на ряде предприятий на место бастовавших русских рабочих были приняты местные рабочие, они выступали против хозяев самостоятельно. Так было на Кауфманском (ныне город Янгиюль) сахарном заводе, на некоторых предприятиях города Коканда и др.

Участие в выступлениях русских рабочих было для местных промышленных и железнодорожных рабочих большой политической школой, подготовляло их к будущим боям. Местные промышленные рабочие были важным связующим звеном между революционными русскими рабочими и их авангардом — большевиками и местными трудящимися. Они явились разносчиками неверия во всемогущество власти царизма и доносили до народных масс сущность политической борьбы русского рабочего класса против царизма.

Своеобразную форму принимало революционное движение среди местных крестьян. Наряду с отказом от несения различных повинностей, налогов они организовывали так называемые «разбойничьи» отряды.

Появление мелких «разбойничьих» крестьянских отрядов обычно происходило в такой обстановке, когда не имелось возможности массового выступления крестьянства в силу того, что против него шли не только землевладельцы, но и зарождающаяся буржуазия, а рабочий класс был еще слаб, чтобы возглавить крестьянское движение в крае. Сами крестьяне могли объединяться в такой обстановке лишь в узком масштабе отдельных районов и вокруг тех или иных смельчаков. Такая обстановка в начале XX века сложилась в Узбекистане. Массовое разорение крестьян-бедняков, непрерывное ухудшение положения середняков все больше усиливали возмущение масс. Крестьяне в разной форме протестовали против феодально-колониального угнетения и буржуазного ограбления их. Они отказывались от погашения своих долгов, от внесения различных податей и сборов в казну, от выполнения разнообразных натуральных повинностей по строительству дорог и мостов, их ремонту и эксплуатации. Участились земельные и водные «скандалы». Зачастую бедняки избивали мирабов за несправедливое распределение воды. Народу ненавистны были

представители местной администрации: волостные управители, старшины (аксакалы), казии и местная полиция (миршабы), которые, опираясь на силу и мощь самодержавия, творили беззакония.

Борьба «разбойничьих» отрядов происходила в форме налетов на имения и дома землевладельцев и ростовщиков, баев, на хлопкоочистительные заводы и конторы хлопкозаводчиков.

По сообщениям самой царской администрации, количество таких налетов увеличивалось из года в год. В 1904 году только в одной Ферганской области было зарегистрировано до 75 налетов. В 1905 году их число возросло до 150, а в 1908 году имели место 174 налета. Приведя эти данные, общее присутствие Ферганского областного правления 5 июня 1909 года в своем протоколе писало, что это явление «...имеет тесную внутреннюю связь с земельной задолженностью туземного (местного) населения и обезземеливанием его...»[1].

Таким образом, в период первой русской революции освободительное движение среди местных трудящихся принимало местами весьма острую форму, хотя и не всегда росло в связи с революционным рабочим движением. Все больше назревали, однако, условия к слиянию выступлений трудящихся в единое революционное движение против царизма, русской империалистической буржуазии и местных эксплуататоров, чему способствовало усиление колониального гнета в период нового подъема рабочего движения.

Период черной реакции в 1910—1911 годах сменился и в Туркестане периодом нового подъема революционного рабочего движения. В городах Туркестана снова появились социал-демократические группы, издавались нелегальные листовки, начались забастовки и стачки. На фоне дальнейшего роста разорения крестьян и кустарей, усиления национально-колониального угнетения росло освободительное движение среди местных трудящихся.

Продолжалось массовое обезземеливание крестьян. Число безземельных крестьян перед первой мировой войной в Маргеланском уезде составляло 22 процента, в Андижанском уезде —15, в Наманганском —11, а в

[1] ЦГАОР. УзССР, ф. КТГГ, по. 17, д. 721, лл. 4—6.

отдельных волостях Каттакурганского уезда доходило до 30 процентов.

Как мы видели выше, одной из своеобразных форм крестьянского движения в этот период было появление мелких «разбойничьих» крестьянских отрядов, совершавших вооруженные нападения на имения, склады, магазины, хлопкозаводы и дома баев, на чинов местной администрации. В период с 1911 по 1914 год было зарегистрировано более 1100 таких нападений, в том числе 22 индивидуальных и 8 групповых нападений на должностных лиц с целью покушения на их жизнь.

В период первой мировой войны освободительное движение трудящихся Туркестана приняло форму массового революционного выступления.

Как известно, царское правительство было одним из активных инициаторов развязывания первой мировой войны, преследуя свои захватнические цели. Однако страна не была подготовлена к войне и она с первых дней легла тяжелым бременем на плечи народа. В особенности ухудшалось положение таких колониальных окраин, как Средняя Азия, экономика которой была превращена в аграрно-сырьевой придаток промышленности метрополии, в силу чего зависимость Туркестана от привозного хлеба усилилась, а сокращение посевных площадей в зерновых районах и расстройство железнодорожного транспорта в 1916 году привели к недостатку хлеба в крае. Только в Ферганскую область в 1916 году было недозавезено 14 миллионов пудов хлеба. На рынках исчезли многие товары, в особенности привозимые из России. Началась спекуляция дефицитными товарами.

В годы войны цены на хлопок стали расти. Учитывая это, правительство установило на них нормированные цены, которые были на 20 процентов ниже обычной.

В этой обстановке в июне 1916 года был объявлен царский указ о мобилизации населения Туркестана на тыловые работы, который стал поводом к известному восстанию 1916 года в крае. Первое выступление состоялось 4 июля 1916 года в городе Ходженте (ныне Ленинабад). Большая масса народа (примерно 3000 человек) собралась у дома городского пристава, требуя отмены указа о призыве. Пристав, выйдя к народу, приказал немедленно разойтись, что возмутило собравшихся. Кто-то из толпы бросил камень и ушиб им старшину города.

Казий, старшина и пристав спрятались в помещении, а полицейские начали избивать народ. Началась свалка. Было убито два человека и один ранен.

Народное возмущение росло, и положение становилось напряженным. Это ярко проявилось в народном выступлении 7 июля в селении Дагбед Самаркандского уезда. Население Дагбеда требовало уничтожения списков призываемых на тыловые работы. Народ избил волостного, который, будучи раненным выстрелом из толпы, скрылся. Секретарь волостного, имея при себе оружие, отказался выдать списки и выстрелом из нагана ранил одного из восставших. Озлобленная и возмущенная толпа обезоружила и убила его, а потом, уничтожив списки, разошлась.

Начиная с этого дня и до 21 июля 1916 года почти во всех кишлаках Самаркандской, Ферганской областей и Ташкентского уезда происходили выступления народа.

Началом выступления в Ферганской области было восстание 8 июля в Араване и Найманче Кокандского уезда. До 15 июля включительно в Ферганской области восстание принимает почти повсеместный и острый характер. В течение этого периода усиливаются также волнения в Ташкентском уезде Сырдарьинской области, начавшиеся 11 июля выступлением населения города Ташкента. С 12 по 14 июля развернулись волнения в селениях долин Чирчика и Ангрена.

В период с 4 по 22 июля в Узбекистане были отмечены народные выступления в 75 пунктах. За все время было убито 56 должностных лиц, последовало 47 случаев их избиения.

Из всех 75 выступлений на долю четырех уездов Ферганской области (ныне входящих в Узбекистан) падает 51. Из числа убитых в ходе восстания административных лиц на эту область падает 35 человек, из 47 случаев избиения представителей низовой администрации на Ферганскую область приходится 30. Если учесть еще, что выступления продолжались здесь в основном до 15 июля, становится ясной острота и размах восстания в Ферганской области. Фактически восстание носило здесь повсеместный характер и народные выступления шли непрерывной волной.

Это бесспорно связано с тем обстоятельством, что в Ферганской области положение крестьян было наиболее

критическим. Не случайно поэтому царская администрация уже с первых дней народных выступлений в Фергане направила туда значительный карательный отряд и именно в Фергане было наибольшее число случаев применения оружия против масс. В результате расстрела участников восстания войсками было убито 93 и ранено 79 человек.

Ферганская область была районом наибольшего обострения событий и потому, что здесь выступления принимали форму избиения представителей местной администрации.

Выступление масс было в известной степени и антифеодальным. Это ярко выявилось в отдельных кишлаках Ферганской области. Так, в селении Чаума, Майгирской волости, Андижанского уезда, жители 12 июля напали на дом отца волостного управителя. Восставшие нашли у него в доме долговые обязательства, векселя на 200 000 рублей и сожгли их. 14 июля восставшие напали на дом Чакарского сельского старшины Булакбашинской волости, Наманганского уезда. Старшина скрылся. Его дом был разгромлен. Во время разгрома дома восставшие нашли большую сумму денег, долговые обязательства на 10 000 рублей и земельные документы на 30 000 рублей. Эти документы были сожжены. В селении Шуркурган, Наманганского уезда, группа из шести человек напала на старшину Бешкепе и, отобрав у него векселя на 1000 рублей и 5 долговых документов, уничтожила их. 15 июля в селении Кзылрават, Наманганского уезда, был разгромлен дом сельского старшины и уничтожено два векселя на 100 рублей, записная книжка с именами должников и другие документы.

Многие местные административные лица имели на своей земле крестьян-издольщиков, которые во время восстания активно выступали против своих хозяев. 11 июля 1916 года жители селения Яккатут, Скобелевского уезда, напали на дом волостного управителя. В разгроме дома активно участвовали его чайрикеры.

Иное направление в процессе своего развития приняло восстание в Джизакском уезде, где оно началось также с требования населения уничтожить списки призываемых. За отказ выдать список волостной управитель был убит. После этого собравшаяся в Джизаке толпа двинулась по направлению к новому городу. На пол-

пути ее остановил уездный начальник, ехавший в старый город с небольшим вооруженным отрядом. После недолгих пререканий уездный начальник, пристав и сопровождавшие их переводчик, джигиты и другие были убиты толпой. Подоспевшие солдаты открыли огонь по восставшим, было убито несколько человек. Толпа отступила в старый город.

На следующий день восстание началось почти во всех волостях и селениях Джизакского уезда. Но во многих волостях оно принимало антирусский оттенок. Кое-где начали избивать не только русскую администрацию, но и русское гражданское население. В некоторых волостях появились свои местные беки из числа потомков бывших беков, состоятельных людей и духовенства. Они установили между собой связь и пытались действовать согласованно. Восстание продолжалось несколько дней. Самым критическим моментом для администрации было 14 июля 1916 года, когда восставшие разрушили железную дорогу и сожгли мосты между станциями Ломакино и Обручево, повредив телеграфную линию.

Однако далеко не все население Джизакского уезда было настроено антирусски. Кроме самого Джизака, еще во многих селениях восставшие избивали и убивали представителей местной администрации; немало было также случаев, когда местное население прятало русских граждан в своих домах и помогало им спасаться.

Антирусский характер восстания в Джизакском уезде не вытекал из природы самого движения. Выступления народа и здесь по своей социальной природе были антиколониальными, освободительными. Но в отдельных селениях руководство было захвачено феодально-клерикальными элементами, объявившими себя беками и правителями и группировавшими вокруг себя деклассированных лиц. Именно они устраивали нападения на дома русского гражданского населения, убивали, грабили их имущество. Что касается народных масс, то они уже с первых дней отошли от этих элементов.

Во время восстания 1916 года в полной мере проявилась антинародная, реакционная позиция местной буржуазии. Завершился тот отход народа от национальной буржуазии, который начался еще в 1905—1907 годах. С первых же дней восстания местная буржуазия откололась от народа, ибо восстание 1916 года происходило в

период, когда для узбекской буржуазии было выгоднее идти с царизмом, нежели против него, так как видно было, что пролетариат и сплачивающиеся вокруг него слои трудящихся крестьян представляли для буржуазии большую опасность.

Не случайно поэтому буржуазные деятели выступали перед народом с призывом выполнить царский указ и выделить рабочих. В связи с изданием указа о наборе на тыловые работы журнал «Ал-Ислох» в № 15 (август, 1916 г.) опубликовал специальную статью с призывом направить людей на тыловые работы. В № 16 журнал восторженно встретил назначение генерал-губернатором Куропаткина и причину восстания 1916 года объяснял отсталостью и бескультурностью народа. Приезд Куропаткина, говорилось в журнале, гарантирует спокойствие в крае. Автор статьи «Благодарность за благо» («Ал-Ислох» № 18), опираясь на догмы ислама, считал нахождение Туркестана под властью царизма «благом, посланным богом», и в знак благодарности богу призывал народ подчиниться царизму. В статье заявлялось, что выступление против набора тыловых рабочих противоречит желанию бога и осуждались действия восставших. В то время, когда народ выступал с решительным протестом против царского указа, главари джадидизма создавали комитеты содействия набору рабочих в Ташкенте, Самарканде, Коканде, Фергане, Андижане, Намангане и т. д. Все это еще больше оттолкнуло народ от национальной буржуазии.

Восстание 1916 года в Средней Азии, в том числе в узбекских районах Туркестана, потерпело поражение. Царское правительство разгромило восстание и заставило народ выделить тыловых рабочих. Восстание не могло не потерпеть поражения, ибо оно было стихийным в полном смысле этого слова. Народ выступал без заранее начертанного плана действий. Почти всегда выступления начинались с протеста против набора и с требования уничтожения списков призываемых, а завершались уничтожением списков и если оказывалось сопротивление со стороны администрации, то избиением или убийством должностных лиц. Восстание протекало в форме кратковременных выступлений населения того или иного города и селения. Естественно, что в этой обстановке ни восставшие, ни русские рабочие Туркестана

не имели возможности установить контакт между собою, и восстание протекало в отрыве от нарастающего революционного движения рабочего класса.

Вместе с тем восстание показало, что русский рабочий класс имеет в лице трудящихся таких колониальных окраин, как Туркестан, прочного союзника в борьбе против царизма и русской империалистической буржуазии.

Согласно указу о наборе, Туркестанское генерал-губернаторство должно было выставить 200 тысяч рабочих. До февраля 1917 года было набрано более 123 тысяч рабочих. Из этого числа 60 тысяч — из узбекских и таджикских районов Туркестана. Из 123 тысяч рабочих 20 600 человек были направлены на тыловые работы в прифронтовые районы, где они выполняли вспомогательные работы, 102 700 человек были размещены по разным частным предприятиям и помещичьим имениям для замены ушедших на фронт.

Тыловики работали на заводах Петрограда, Москвы, Нижнего Новгорода, Казани, Киева, Харькова, Запорожска, Северного Кавказа, в имениях помещиков Украины, Белоруссии, Среднего и Нижнего Поволжья, на строительстве Ташкентской, Среднеазиатской, Сухумской железных дорог и т. д.

Образованные главарями джадидов комитеты содействия организовали в Ташкенте и Андижане демонстрации в дни отправки первых партий рабочих. Ораторы говорили о верноподданнических чувствах к царизму и обещали поддержать его до победного конца.

Затаив ненависть к царизму и его лакеям из среды национальной буржуазии, отправлялись труженики края на тыловые работы. В районах тыловых работ под влиянием русских рабочих они превратились в активных борцов против царизма. Хотя существовало строгое предписание о запрещении общения тыловых рабочих с окружающими их местными русскими рабочими, крестьянами и солдатами, но тем не менее передовые рабочие и большевистские организации этих районов сумели установить связь с ними.

В районах тыловых работ снова начались волнения среди мобилизованных. Уже в ноябре 1916 года были случаи невыхода тыловых рабочих на работу. В районе железнодорожной линии Псков — Полоцк тыловые ра-

бочие несколько раз устраивали забастовку. В декабре на станции Дивенской (под Петроградом) забастовали 78 человек. В районе станции Лубной (Киевская дорога) рабочие устроили забастовку с требованием улучшения бытовых условий.

Ташкентские тыловики неоднократно устраивали стачки на Кавказском медеплавильном заводе. Из 600 человек на работу обычно выходили 160—170. На строительстве Черноморской железной дороги были забастовки узбекских рабочих. На Трубачевских предприятиях (Украина) забастовали 316 рабочих из Ташкентского уезда. Забастовки имели место также на строительстве тоннеля в Сухуми, на станции Актюбинск, на рудниках Управления государственным имуществом в Сырдарьинской области. Тыловые рабочие, попавшие в прифронтовые районы и записавшиеся в Действующую армию, принимали участие в революционном движении среди солдат. Известны волнения в войсковых частях на Украине, происходившие при участии рабочих тыловиков-узбеков.

По истечении трех месяцев тыловые рабочие стали самовольно возвращаться домой, ибо им была обещана замена через этот промежуток времени. Вначале возвращались поодиночке, но позднее возврат стал массовым. Это было уже не менее серьезным явлением, чем отказ от выставления рабочих в Туркестане в дни объявления о наборе на тыловые работы.

Характерно сообщение одного из тыловых рабочих, работавших на медных рудниках на Кавказе, что русское население окружающих селений относилось к тыловым рабочим сочувственно. Другой тыловик рассказывал, что на лесорубках, вблизи станции Микашево, Минской губернии, работал русский слесарь Иван, который вел с тыловыми рабочими беседы и однажды просил их послать своих представителей на секретное собрание революционных рабочих в Гомеле. Тыловики выбрали своих представителей и послали их в Гомель. Есть сообщение о том, что на лесопильном заводе в Нижегородской губернии тыловики осуществили забастовку, которой руководили русские рабочие.

После победы Февральской революции тыловые рабочие получили широкую возможность общения с русскими рабочими. Было немало случаев совместных демонстраций тыловых рабочих с русскими рабочими и солдатами. Такие демонстрации происходили во всей прифронтовой полосе, во всех районах тыловых работ. Из числа тыловых рабочих избирались депутаты в Советы. Так, например, тыловик Джура Закиров из Ходжента был избран депутатом в Совет рабочих депутатов в городе Бердянске.

Под влиянием роста революционного движения в России раньше всего возобновилось волнение в районах тыловых работ.

Национально-освободительное движение трудящихся узбеков выражалось в форме экономических и политических забастовок. Таким образом от стихийных, кратковременных и разрозненных выступлений в дни восстания 1916 года движение трудящихся Туркестана поднялось до организованных революционных выступлений против буржуазного Временного правительства. Борьба тыловых рабочих имела большое значение для роста политической сознательности местных трудящихся, для получения ими навыков организованного выступления. Трудящиеся Туркестана прошли большую школу политической борьбы в районах тыловых работ.

На фоне роста освободительного движения трудящихся развивалось и просветительство, которое в годы нового подъема революционного движения приняло четко выраженный революционно-демократический оттенок. Мы видим это в творчестве таких просветителей, как Хамза Хаким-заде Ниязи, Завки, Аваз Отар-оглы, Мирмухсин и др. Уже накануне Февральской революции 1917 года они выступали не только против баев, торговцев и царской администрации, но и против джадидов, как их лакеев, разоблачая их антинародную позицию. В этом отношении характерно выступление Завки против джадидских главарей, группировавшихся вокруг журнала «Ал-Ислох» и начавших в 1916 году клеветническую кампанию против Фурката, Мукими и Завки за их сатиры против баев, взяточников и т. д.

Завки в своем стихотворении «Афандилар» (Господа) дал им резкую отповедь, показав, насколько они далеки от народа. «Ваша деятельность,—говорил он,—равносильна игре в карнай в ухо больного». Очень метко определил Завки главную особенность джадидизма, говоря: «Вы хотите помирить волков с овцами (баев с бедняка-

ми). Идти с вами для меня означает повеситься на виселице. Я бедный сапожник и останусь со своими друзьями-сапожниками». Особенно ярко выразил Завки чаяния народа в своих стихах «Ажаб эрмас» (Возможно), написанных в 1916 году. В этих стихах он говорит, что все, что мы видим сейчас (голод, гнет, могущество царизма и т. д.), преходяще, что скоро придет конец всему этому, возможно, нас спасут не «близкие родные» (имеются в виду джадиды и баи), а «незнакомые друзья». Здесь Завки, по-видимому, намекает на русских рабочих.

28 февраля 1917 года в Ташкенте было получено сообщение о победе Февральской революции в Петрограде.

В период между Февральской и Октябрьской революциями антинародное буржуазно-националистическое движение эксплуататорских классов и национально-освободительное движение трудящихся масс нашли свое организационное оформление, а антагонизм между ними достиг значительного масштаба.

По получении известия о свержении власти самодержавия рабочие Ташкентских железнодорожных мастерских, собравшись 2 марта на митинг, избрали Совет рабочих депутатов Главных железнодорожных мастерских. 3 марта был организован большой митинг, который превратился потом в демонстрацию всех рабочих города. На митинге был избран Ташкентский городской Совет рабочих депутатов. Революция подняла все слои общества. В Ташкенте, так же как и в других городах, создавались разные организации. К концу марта количество общественных организаций только в Ташкенте доходило до сорока. В старом городе появилось созданное буржуазными националистами общество «Шуро-и-исламия», позже «Улема». Такие Советы, союзы, общества, комитеты возникали во всех городах Туркестанского края.

Накануне и в первые дни Февральской революции в Ташкенте не было большевистской организации. Социал-демократические группы, руководившие борьбой ташкентских рабочих в 1905—1907 годах, были разгромлены в годы реакции. Большая группа революционных рабочих Ташкента была призвана в армию и находилась на фронтах. В городе преобладали меньшевики, эсеры и в особенности кадеты. В Ташкентском Совете рабочих депутатов было мало большевиков.

С первых дней победы революции в Туркестане возникли социал-демократические организации. Уже 6 марта 1917 года оформилась социал-демократическая организация в Ташкенте, затем в Самарканде, Коканде, Андижане, Скобелеве и ряде других городов. В этих организациях стали выделяться люди, поддерживающие линию большевиков центра.

До того, как возникли и укрепились первые профессиональные и общедемократические организации (Советы) трудящихся, местные эксплуататорские классы и их идеологи — джадиды — создали, как сказано, свою организацию «Шуро-и-исламия», местные комитеты которой вели активную работу по мобилизации масс под свои знамена.

«Шуро-и-исламия» возникла 17 марта 1917 года в Ташкенте, где она была организована местной национальной буржуазией. А общество «Улема», выделившееся позже, в июне 1917 года, из «Шуро-и-исламии», было организацией наиболее ярых феодально-клерикальных элементов. Обе эти организации были антинародными, реакционными. «Шуро-и-исламия», как организация буржуазных элементов, стояла на позиции национально-религиозной автономии в составе буржуазной России с проведением в области просвещения и быта некоторых реформ в той мере, в какой они нужны для развития капитализма. «Улема» также стояла на позиции национально-религиозной автономии в составе буржуазной России, но была противником всяких реформ. Трудящиеся быстро освобождались из-под влияния «Шуро-и-исламии», хотя еще некоторое время оставались под влиянием духовенства.

Решающие события начались с того, что местные трудящиеся совместно с русскими рабочими и солдатами выразили недоверие генерал-губернатору Куропаткину. Продолжение буржуазным Временным правительством политики национально-колониального угнетения Туркестана разоблачило перед ними его империалистическую сущность.

Туркестанский комитет Временного правительства и в национальном вопросе продолжал политику царского правительства. Комитет вынес специальное постановление о положении Туркестана в составе России, узаконивая то, что существовало в течение нескольких десятилетий.

Одним из животрепещущих вопросов дня был вопрос о возвращении домой мобилизованных на тыловые работы, против чего комитет Временного правительства возражал категорически, продолжая проводить новый набор и пытаясь насильно вернуть самовольно возвратившихся рабочих. По его распоряжению на узловых железнодорожных станциях были установлены специальные заградительные отряды, которые должны были возвращать рабочих на место работы.

Все эти действия Туркестанского комитета Временного правительства были известны организации «Шуро-и-исламия» и тем не менее «Шуро-и-исламия» на своем первом съезде, состоявшемся в апреле 1917 года в Ташкенте, выразила комитету полное доверие.

Таким образом местные эксплуататорские классы продолжали программу и тактику, направленные на сближение с русской империалистической буржуазией и к упрочению с ее помощью своего положения.

Активизировавшийся после победы Февральской революции процесс политического пробуждения народов Средней Азии открыл новую полосу национально-освободительного движения в колониальном Туркестане. В это время трудящиеся массы крестьян и кустарей в отличие от стихийного недовольства и неорганизованных эпизодических выступлений в прошлом, переходили к сознательной организованной политической деятельности под руководством своих политических и профессиональных организаций и создавали свои классовые организации в лице Советов, комитетов, союзов и т. д. В числе этих организаций были и такие, которые на II конгрессе Коминтерна были названы В. И. Лениным крестьянскими Советами. В Туркестане они носили разные названия: «Союз трудящихся мусульман», «Совет мусульманских рабочих депутатов», «Иттифак», «Собрание бедняков» и др.

Начало организационному сплочению местных трудящихся положили строительные рабочие старого города Ташкента. Еще в апреле 1917 года в Ташкенте строительные рабочие создали «Иморатчи усталар жамияти» (Общество мастеровых). Количество его членов очень скоро дошло до 700. Почти одновременно с ним возник «Союз кожевенных рабочих».

В организации этих союзов большую роль сыграли русские рабочие.

С течением времени в Ташкенте возникло много профсоюзов местных рабочих, в частности, союзы жестянщиков, хлебопеков и т. д.

Местные заводские рабочие вместе с русскими рабочими состояли в профсоюзах промышленных предприятий, железных дорог и железнодорожных мастерских. Профессиональные союзы были первыми школами, откуда выходили местные активные политические организаторы.

Появление профсоюзов и развертывание их работы среди местных трудящихся в апреле и мае 1917 года послужило подготовкой местных трудящихся к созданию ими таких организаций, как Советы трудящихся мусульман. В отличие от профессиональных союзов последние представляли собою общедемократические организации местных рабочих, прогрессивной интеллигенции, а также мелких крестьян и кустарей.

Советы местных трудящихся мусульман начали появляться уже в конце мая и в начале июня 1917 года. Непосредственными их организаторами выступали тыловые рабочие, вернувшиеся из центральных районов России и прифронтовой полосы.

2 июня 1917 года было созвано общегородское собрание тыловиков Ташкента, в котором участвовали тыловые рабочие Шайхантаурской, Бешагачской и Кукчинской частей города. Собрание избрало организационное бюро правления Совета мусульманских рабочих депутатов в количестве 16 человек. Организационное бюро разработало Устав Совета, который был принят общим собранием тыловых рабочих 14 июня. На этом же собрании был избран исполнительный комитет правления Совета в составе 8 человек.

Совет мусульманских рабочих депутатов Ташкента с первых дней своего существования выступал против местных эксплуататоров и установил тесную связь с Советом рабочих и солдатских депутатов города Ташкента, решив не иметь связи с организацией «Шуро-и-исламия», как с организацией эксплуататорских классов.

Заслуживает внимания и то, что местные эксплуататорские элементы уже в марте 1917 года начали изда-

вать свои газеты. В это время в Ташкенте вышла газета «Наджат» (Спасение), а в мае — «Шуро-и-исламия», в июне ее заменила газета «Кенгаш» (Совет). В сентябре вышла газета «Турк-эли» (Родина тюрков). Такие газеты издавались почти во всех городах Узбекистана. Их характерной особенностью являлось то, что они, так же как и в прошлом, старались оградить местных трудящихся от влияния революционного рабочего движения и боролись против Советов рабочих и солдатских депутатов.

Лидеры джадидизма старались уверить трудящихся в том, что узбекская нация едина и между ее различными классами нет никаких противоречий. При этом национальным единством они считали языковое и религиозное единство. Пантюркисты выступали с проповедью о том, что все тюркоязычные народы — одна тюркская нация, что все тюрки, независимо от их имущественного состояния — братья и поэтому понятие классовой борьбы якобы чуждо народам Средней Азии. Панисламисты под национальным единством понимали религиозное единство. Все мусульмане, твердили националисты, должны быть истинными братьями и должны добиться религиозной автономии в составе России.

Орган краевого Совета «Шуро-и-исламия» газета «Кенгаш» так сформулировала программу этой организации: «Только при условии хорошей организации самых низших классов народа, при условии развития просвещения, сознательности, счастливой жизни для этого бедного населения, обеспечения бедняков действительными правами,—становится возможным поднять уровень культурной, научной и экономической жизни». Но это была не больше, чем декларация в духе времени. Народ видел, что новоиспеченная организация заботится о благополучии баев, духовенства и вообще эксплуататоров и начал отходить от национальной буржуазии и феодальных элементов. Отчуждение масс от джадидов уже явственно ощущалось, хотя действия масс еще не вышли за рамки «молчаливого сочувствия» борьбе русского рабочего класса и беднейшего крестьянства. Это положение обусловливалось, кроме таких объективных факторов, как отсталость экономики и культуры узбекского народа, преобладанием в его составе мелкобуржуазных слоев, которым социалистическая идеология

сама по себе была непонятна и которым был еще неясен исторический смысл борьбы пролетариата за социализм. Одним из таких факторов была шовинистическая политика меньшевиков и эсеров в Туркестане, захвативших в свои руки руководство краевым и местными Советами рабочих и солдатских депутатов.

Руководство краевого и некоторых городских Советов в лице меньшевиков и эсеров стояло на позиции национально-культурной автономии местных народов, осуществление которой они приурочивали ко времени созыва Учредительного собрания.

Что касается отношения социал-шовинистов к трудящимся местных национальностей, то они считали, что все мусульмане едины по своим политическим взглядам и идеологии и что им якобы совершенно чужда социалистическая идеология. В этом вопросе они стояли на позиции царских чиновников и русской империалистической буржуазии, их позиция полностью совпадала и с позицией местных эксплуататоров. Последние также считали, что все мусульмане составляют одну семью, что эта семья свободна от внутренних классовых противоречий и едина, и на основе этого агитировали за объединение трудящихся под знаменем национальной буржуазии.

Уже летом 1917 года все условия для привлечения местного трудового населения на сторону Советов оказались налицо: 1) оно само стремилось к сближению с русским пролетариатом и искало в его лице поддержки и союзника; 2) существовали организационные возможности в виде Советов трудящихся мусульман; 3) сами русские рабочие и солдаты стремились к сближению с местными трудящимися.

Такая обстановка сложилась в Туркестане накануне Великой Октябрьской социалистической революции.

Итак, в колониальный период среди местного населения, в частности среди узбеков, наметилось четыре идейно-политических течения: феодально-клерикальное, джадидское, просветительское и социалистическое. После победы Февральской революции три первых имели отражение в деятельности «Улема» (организация феодально-клерикальных элементов), «Шуро-и-исламия» (организация джадидов), Совет трудящихся мусульман (организация трудящихся). Что касается социалистиче-

ского течения, то оно оформилось и развивалось в лице социал-демократических организаций. Среди этих течений в колониальный период джадидизм, как течение, отражающее интересы узбекской буржуазии, должен был играть роль руководящей и направляющей силы формирующейся буржуазной узбекской нации. Но джадидизм не мог стать такой силой, ибо при сложившейся обстановке национальная буржуазия оказалась оторванной от народных масс. Наоборот, ее антинародная деятельность значительно мешала духовному сплочению узбеков.

Поэтому, как было сказано, совершенно неправы те авторы, приписывающие узбекской буржуазии ту же самую роль, которую сыграла буржуазия европейских стран при формировании буржуазных наций Запада и буржуазии некоторых азиатских и африканских стран, которые зарождались и развиваются в иной социально-политической обстановке и пока играют важную роль в национальном оформлении «своих» народов.

Некоторые авторы приписывают джадидам прогрессивную роль в истории узбеков в колониальный период. При этом они «присваивают» им функцию поборника нового. Как мы видели выше, в колониальный период не все названные джадидами, то есть поборниками нового, были одинаковыми. Среди них были люди типа Бехбуди, Фитрата, Мунавара Кары и других, которые выступали идеологами формирующейся узбекской буржуазии, а такие, как Абдусаттар-хан, Исхак-хан, Фуркат, Мукими, Завки, Хамза и другие, выступали в качестве просветителей. Общее между джадидами и просветителями состояло в том, что и те и другие были противниками феодально-клерикальной идеологии, боролись за внедрение новой, современной культуры. Однако просветители в отличие от идеологов джадидизма имели еще третью черту: они отстаивали интересы народных масс. В. И. Ленин, резко различая просветителей 60-х годов от либеральных народников 90-х годов, указывал, что просветитель «...одушевлен горячей враждой к крепостному праву и *всем его* порождениям в экономической, социальной и юридической области. Это первая характерная черта «просветителя». Вторая характерная черта, общая всем русским просветителям,— горячая защита просвещения, самоуправления, свободы, европейских форм жизни и вообще

всесторонней европеизации России. Наконец, третья характерная черта «просветителя» это — отстаивание интересов народных масс, главным образом крестьян...»[1].

Это указание В. И. Ленина дает ключ к правильному пониманию различия между джадидами и узбекскими просветителями. Если джадиды выступили идеологами зарождающейся, но оторванной от народных масс местной буржуазии и были далеки от борьбы за нужды народных масс, то просветители свою борьбу против клерикализма и за внедрение современной культуры в жизнь подчиняли интересам народных масс. Это очень ярко проявляется в творчестве и практической деятельности Хамзы Хаким-заде, который даже свою новометодную школу сделал школой для бедных.

Неслучаен поэтому тот факт, что после Февральской революции большинство просветителей оказались не в рядах обществ «Улема» и «Шуро-и-исламия», а в Советах трудящихся мусульман. Если накануне Октябрьской революции казимы (общество «Улема») и джадиды («Шуро-и-исламия») объединились в борьбе против Советов, то просветители через Советы трудящихся мусульман переходили на позицию большевиков. Следовательно, джадидизм, хотя и имел по сравнению с клерикализмом ясно выраженную черту либерализма (враждебное отношение к феодальным порядкам и защита европейской культуры), но этот либерализм для узбекского народа оказался пройденным этапом. Узбекский народ стоял на пороге приобщения к пролетарской революционной идеологии — марксизму-ленинизму.

Отличительной чертой развития узбеков Туркестана в колониальный период являлась резкая дифференциация просветительства от джадидизма. Эта дифференциация свое организационное выражение нашла в появлении Советов местных трудящихся после Февральской революции параллельно с «Шуро-и-исламией». Такая дифференциация просветительства и идеологии зарождающейся буржуазии еще не наметилась во многих бывших колониальных странах Азии и Африки. Поэтому в них отсутствуют такие организации, стоящие между буржуазными и социалистическими, как Совет местных трудящихся, а

---

[1] *В. И. Ленин.* Соч., т. 2, стр. 472.

масса пока идет за партиями национальной буржуазии, которые еще не оторвались полностью от народных масс.

Итак, узбекская буржуазия не достигла уровня руководящей и направляющей силы формирующейся узбекской нации, что также свидетельствует о незавершенности процесса формирования узбекской нации.

Формирование узбекской нации завершилось после Октябрьской революции под эгидой Советской власти. Ее руководящей и направляющей силой выступили рабочий класс и его интернационалистическая партия — партия коммунистов.

ГЛАВА III

ВСТУПЛЕНИЕ УЗБЕКСКОГО НАРОДА НА ПУТЬ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ И ДАЛЬНЕЙШИЙ РОСТ НАЦИОНАЛЬНЫХ СВЯЗЕЙ СРЕДИ УЗБЕКОВ

1. Национальные отношения при социализме и основные этапы формирования узбекской социалистической нации

Социализм по форме своего существования является национальным обществом, ибо при социализме люди также вступают в производственные отношения, будучи объединенными в отдельные коллективы, имеющие свою обособленную территорию, свой особый язык и национальную по форме культуру. Их производственная жизнь протекает в рамках отдельных коллективов, которые представляют собою или нацию, или народность, или этническую группу, которые в отличие от прошлого становятся теперь социалистическими.

Основные и отличительные черты социалистических наций, народностей и этнических групп указаны Марксом и Энгельсом в «Манифесте Коммунистической партии»: «Рабочие не имеют отечества... Так как пролетариат должен прежде всего завоевать политическое господство, подняться до положения национального класса («ведущего класса» — из английского издания 1888 г.), конституироваться как нация, он сам пока еще национален... В той же мере, в какой будет уничтожена эксплуатация одного индивидуума другим, уничтожена будет и эксплуатация одной нации другой.

Вместе с антагонизмом классов внутри наций падут и враждебные отношения наций между собой»[1].

Исходя из этого основополагающего указания марксизма, В. И. Ленин разработал основные теоретические

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., изд. второе, т. 4, стр. 444—445.

принципы национальной программы пролетариата, а И. В. Сталин в своей работе «Национальный вопрос и ленинизм» дал характеристику морального и социально-политического облика социалистических наций и указал, что «на развалинах старых, буржуазных наций возникают и развиваются новые, социалистические нации, являющиеся гораздо более сплочёнными, чем любая буржуазная нация, ибо они свободны от непримиримых классовых противоречий, разъедающих буржуазные нации, и являются гораздо более общенародными, чем любая буржуазная нация»[1].

Формирование социалистических наций не означает уничтожение старых и сложение каких-то новых, особых наций. Поэтому И. В. Сталин подчеркивал, что уничтожается не нация вообще, а уничтожается «всего лишь буржуазная нация», то есть буржуазия и ее националистическая партия, как руководящая и направляющая сила нации, переделывается моральный и социально-политический облик нации на социалистической основе.

В связи с этим возникает вопрос — что происходит с теми этническими коллективами, которые к моменту их вступления на путь социалистического развития еще не достигли высшей ступени национального оформления (казахи, киргизы, узбеки и другие) или еще находились на стадии народности, как чеченцы, кабардинцы, хакасы и многие народы Сибири? Первая группа в процессе приобретения ею социалистического морального и социально-политического облика мимоходом завершает свое национальное оформление и становится устойчиво сложившейся социалистической нацией. Следовательно, в ее жизни происходит двоякий процесс. А вторая группа, приобретая социалистический моральный и социально-политический облик, остается народностью, следовательно, становится социалистической, оставаясь народностью или даже социалистической этнической группой. Формирование социалистических наций, народностей и этнических групп, таким образом, означает становление их общенародными по своему социальному составу и утверждение дружбы между отдельными классами внутри них.

[1] *И. В. Сталин.* Соч., т. 11, стр. 340—341.

После победы социалистической революции устанавливается союз между рабочим классом и крестьянством, являющийся прочным фундаментом диктатуры пролетариата. Однако этот союз сам по себе еще не является дружбой между этими двумя классами. Рабочий класс и крестьянство, вступая после победы революции в прочный боевой союз, еще значительное время будут стоять на различной социальной почве, опираться на разные экономические базы: рабочий класс — на социалистическую собственность, крестьянство — на мелкую частную собственность. Как следствие этого они выступают носителями двух различных идеологий: рабочий класс — социалистической, крестьянство — частнособственнической. С переходом мелких крестьян на социалистические рельсы развития, с превращением трудового крестьянства в социалистический элемент его союз с рабочим классом перерастает в дружбу между ними. И. В. Сталин в работе «Экономические проблемы социализма в СССР», освещая вопросы уничтожения противоположности между городом и деревней, писал: «Огромная помощь нашему крестьянству со стороны социалистического города, со стороны нашего рабочего класса, оказанная в деле ликвидации помещиков и кулачества, укрепила почву для союза рабочего класса и крестьянства, а систематическое снабжение крестьянства и его колхозов первоклассными тракторами и другими машинами превратило *союз рабочего класса и крестьянства в дружбу между ними.* (Курсив наш.— *М. В.*). Конечно, рабочие и колхозное крестьянство составляют всё же два класса, отличающиеся друг от друга по своему положению. Но это различие ни в какой мере не ослабляет их дружбу. Наоборот, их интересы лежат на одной общей линии, на линии укрепления социалистического строя и победы коммунизма. Не удивительно поэтому, что от былого недоверия, а тем более ненависти деревни к городу не осталось и следа»[1]. Таким образом, переход крестьянства на линию интересов пролетариата, то есть на линию укрепления социалистического строя, победы коммунизма, явился базой для превращения союза

[1] *И. В. Сталин.* Экономические проблемы социализма в СССР, М., 1952, стр. 26.

между рабочим классом и крестьянством в дружбу, утвердившуюся на почве полного совпадения интересов.

Дружба между нациями также порождена единением их на почве общей цели, общего интереса, установления между ними отношений братства, солидарности, сотрудничества, что составляет закономерное и объективно-обусловленное явление эпохи социализма.

«Перестроив капитализм в социализм,— писал В. И. Ленин,— пролетариат создаст *возможность* полного устранения национального гнета; эта возможность превратится в *действительность* «только» — «только!» — при полном проведении демократии во всех областях, вплоть до определения границ государства сообразно «симпатиям» населения, вплоть до полной свободы отделения. На этой базе, в свою очередь, разовьется *практически* абсолютное устранение малейших национальных трений, малейшего национального недоверия, создается ускоренное сближение и слияние наций, которое завершится *отмиранием* государства»[1].

Таким образом, развитие наций, народностей и этнических групп при социализме в конечном итоге приводит к их слиянию и отмиранию национальных различий. С отмиранием наций дружба между народами перерастает в коммунистическую дружбу, то есть дружбу между членами общества, составляющими единый мировой общечеловеческий коллектив, не знающий никакого внутреннего деления — экономического, политического, национального и этнического.

Такова общая закономерность развития наций при социализме и будущая судьба их при коммунизме.

Однако развитие наций и дружба между ними при социализме и неизбежное слияние их с отмиранием государства при развитом мировом коммунизме требуют значительного переходного периода.

Имея в виду этот переходный период, В. И. Ленин писал: «Целью социализма является не только уничтожение раздробленности человечества на мелкие государства и всякой обособленности наций, не только сближение наций, но слияние их... Подобно тому, как человечество может придти к уничтожению классов лишь через переходный период диктатуры угнетенного класса, подобно этому и к неизбежному слиянию наций человечество может придти лишь через переходный период полного освобождения всех угнетенных наций, т. е. их свободы отделения»[1].

[1] *В. И. Ленин.* Соч., т. 22, стр. 311.

В этот переходный период национальный вопрос разрешается в двух разрезах: а) национальный вопрос, порожденный господством капиталистического способа производства, б) национальный вопрос, обусловленный социалистическим способом производства.

Существо первого состоит в том, что победивший пролетариат перестраивает основу экономики, духовной жизни своей нации, устанавливая тесный боевой союз с трудовым крестьянством и добиваясь ликвидации остатков эксплуататорских классов. Кроме того, если данная нация в прошлом была господствующей над другими нациями, пролетариат освобождает последние от угнетения и обеспечивает им политическое равноправие, помогает их экономическому росту и культурному расцвету. В результате осуществления этих задач нации, народности и этнические группы становятся социалистическими.

Существо национального вопроса в условиях социализма состоит в том, что социалистические нации должны развивать свою экономику, культуру и дружбу между собою так, чтобы они способствовали все большему сближению наций, подготовляя постепенно условия для их слияния.

В. И. Ленин писал: «Трудящиеся массы (малых наций Европы.— *М. В.*), освобождающиеся от ига буржуазии, всеми силами *потянутся* к союзу и слиянию с большими и передовыми социалистическими нациями, ради этой «культурной помощи», лишь бы вчерашние угнетатели не оскорбляли высокоразвитого демократического чувства самоуважения долго угнетавшейся нации, лишь бы предоставили ей равенство во всем, в том числе и в государственном строительстве, в опыте построить «свое» государство. При капитализме этот «опыт» означает войны, обособление, замкнутость, узкий эгоизм при-

[1] *В. И. Ленин.* Соч., т. 22, стр. 135—136.

вилегированных мелких наций (Голландия, Швейцария). При социализме трудящиеся массы сами не согласятся нигде на замкнутость по чисто-экономическим, вышеуказанным мотивам» (мотивам культурной помощи.—*М. В.*)[1].

После победы социализма в данной стране перед коммунистическими и рабочими партиями будет стоять задача разрешения национального вопроса, присущего социализму, то есть разрешение вопроса о подготовке условий для слияния всех наций и народностей, условий для отмирания тех особенностей и своеобразий, которые составляют существо национального различия (особенности языка, культуры, быта и духовного облика отдельных наций). Однако это может произойти только в результате широкого и всестороннего развития всех наций и народностей, путем непрерывного сближения их, то есть путем нивелировки отдельных национальных особенностей, формирования общих для всех наций и народностей черт, которые развиваются одновременно со всесторонним развитием и расцветом наций и народностей в период перехода от социализма к коммунизму, в условиях все большего сближения их и укрепления дружбы между народами.

Одним из величайших успехов национальной политики Коммунистической партии Советского Союза является то, что благодаря ее осуществлению в нашей стране утвердились советский патриотизм и социалистический интернационализм—высшие формы патриотизма и интернационализма. Они утвердились не сразу после превращения пролетариата в ведущий класс нации, то есть с началом образования социалистических наций. Первоначально внутри нации еще существовали остатки эксплуататорских классов, мелкобуржуазные слои населения.

С ликвидацией антагонистических классов и социалистической переделкой мелкобуржуазных элементов, с утверждением дружбы между классами пролетарский патриотизм становится общенациональным патриотизмом, а интернационализм — социалистической солидарностью всей нации с другими нациями — дружбою народов.

[1] *В. И. Ленин.* Соч., т. 22, стр. 324.

Советский патриотизм знаменует собой проявление социалистического интернационализма в рамках конкретных отечеств. Все нации и народности, строящие социализм, едины в своей цели и в интересах своей борьбы, в своих мыслях и стремлениях. Их общая цель — успешное строительство коммунистического общества и защита страны от внешних нападений со стороны капиталистических государств. Эта цель при социализме может осуществляться в рамках отдельных конкретных отечеств. Каждая нация, развивая свою экономику и культуру в рамках конкретного отечества, тем самым развивает социалистическую экономику и культуру в целом. Поэтому любовь к своей родине при социализме является любовью к конкретной социалистической родине, живущей одной хозяйственной, политической и культурной жизнью с отечествами других социалистических наций и народностей. Следовательно, советский патриотизм отражает всестороннее развитие и расцвет социалистических наций в их национальной территории, в их отечестве.

Для социалистического интернационализма характерно то, что его носителем выступает не только рабочий класс, как при капитализме; социалистический интернационализм воплощает в себе всестороннюю солидарность, сотрудничество, братство социалистических наций в целом. Советский патриотизм растет и развивается на основе упрочения социалистического интернационализма. В свете этой объективной закономерности развития патриотизма и интернационализма при социализме становится особенно понятной и ясной глубокое значение и актуальность решений XX съезда КПСС по национальному вопросу, а также теоретическая несостоятельность и практическая вредность противопоставления советского патриотизма социалистическому интернационализму.

Социализм не только общество с национальным делением, но и общество, в котором все нации, народности и даже этнические группы в отличие от капиталистического общества получают неограниченную возможность для всестороннего развития и расцвета. Если при капитализме задерживается развитие и расцвет огромного количества зависимых наций, народностей и этнических групп, ибо капитализм душит их экономику и культуру, то социализм поднимает их до уровня передовых наро-

дов мира, дает возможность сотням миллионов людей оформиться в нации и народности, осознать свое национальное достоинство. В этом отношении социализм — общество национальное, где подлинно национальные черты и особенности всех коллективов развиваются и расцветают без всяких препятствий.

Прекрасный пример и подтверждение этого — история развития народов нашей страны за последние сорок с лишним лет.

Если взять, скажем, такой признак нации и народности, как язык, то в 1915 году во всей России газеты и журналы издавались на 24 языках, а теперь они издаются на 51 языке. Это значит, что национальные языки и языки народностей нашей страны, ранее не имевшие возможности свободно развиваться, получили такую возможность и развивались быстрыми темпами, став самостоятельными языками.

Не менее быстрыми темпами развивается культура и искусство народов СССР. Теперь все без исключения нации и народности СССР имеют свое национальное искусство, театр, музыку, архитектуру, высшие, средние и другие учебные заведения.

Эти явления на первый взгляд могут создать впечатление, что социализм, порождая условия для свободного и всестороннего развития всех наций и народностей, тем самым якобы удаляет их друг от друга, усиливает национальные различия и своеобразные черты жизни людей. Однако это не так. Социализм, свободно и всесторонне развивая производительные силы общества, неизбежно подразумевает ликвидацию с течением времени всяких политических и хозяйственных границ, ибо он уничтожает частнокапиталистическую собственность, изменяет форму присвоения в соответствии с общественным характером производства в условиях социализма.

Развитие национальной экономики, культуры и языка при социализме происходит на базе роста социалистического производства, предполагающего полное соответствие формы присвоения общественному, социалистическому характеру производства. Эта функция социалистического производства лежит в основе процесса фактического сближения и постепенного стирания всех особенностей и различий наций и народностей.

Главная цель национальной политики Коммунистической партии при социализме и заключается в правильном сочетании развития двух тенденций: с одной стороны, всестороннего и свободного развития всех наций и народностей, с другой стороны — их фактического сближения.

«Пролетарская партия,— писал В. И. Ленин,— стремится к созданию возможно более крупного государства, ибо это выгодно для трудящихся, она стремится к *сближению* и *дальнейшему слиянию* наций, но этой цели она хочет достигнуть не насилием, а исключительно свободным, братским союзом рабочих и трудящихся масс всех наций»[1].

Коммунистическая партия и Советское государство достигли всемирно-исторических успехов в преобразовании всех наций, народностей и этнических групп, вступивших на путь социалистического развития,— в социалистические нации, народности и этнические группы, а также в деле сближения всех наций, народностей и этнических групп СССР, в результате разрешения национального вопроса, оставшегося в наследство от царизма и русской империалистической буржуазии.

Трудным и сложным было разрешение этого вопроса. Из 130 миллионов населения бывшей царской России примерно половина, более 60 миллионов, были нерусскими колониальными народами. По своему культурно-экономическому уровню они стояли на различных стадиях общественного развития. С одной стороны, это были нации, достигшие высокого уровня капиталистического развития, как русские, поляки, с другой стороны — отдельные этнические группы, находившиеся на уровне кровнородственной общности, не сумевшие подняться до уровня народности, например, народы крайнего севера и некоторые народности Северного Кавказа. Были и такие коллективы (например, узбеки, казахи, таджики и другие), которые, вступив в полосу своего национального оформления, не сумели достичь вплоть до Октябрьской революции высшей ступени национального оформления.

Далее, в силу того, что национальные окраины России являлись рынком сбыта и источником сырья лишь для промышленности центральной России, они не имели непосредственных, тесных и широко развитых экономи-

[1] *В. И. Ленин.* Соч., т. 24, стр. 52.

ческих и культурных связей друг с другом и между ними существовала национальная отчужденность.

Коммунистическая партия разработала специальные методы и мероприятия по вовлечению всех народов в советское строительство. Для этого нужно было завоевать их доверие, помочь им в полной мере пользоваться благами революции, оказать им повседневную помощь как в области самоуправления, так и в области развития экономики и культуры.

В истории разрешения национального вопроса, унаследованного от царизма, намечаются три периода: а) период провозглашения самоопределения наций и возникновения национальных советских социалистических республик, б) период военно-хозяйственного и государственного объединения национальных советских социалистических республик, в) период ликвидации культурно-экономической отсталости бывших угнетенных наций, народностей и этнических групп.

В течение каждого из этих периодов партия добивалась значительных сдвигов в социалистической перестройке основ экономики и духовной жизни народов нашей страны и все большего хозяйственно-политического сближения между ними.

С победой Великой Октябрьской социалистической революции Советская власть в ряде своих законодательных актов провозгласила право всех наций на самоопределение. Среди них такие исторические документы, как «Декрет о мире», «Декларация прав народов России», «Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа», обращение Совета Народных Комиссаров «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока», «Манифест к украинскому народу», постановление СНК РСФСР «О признании независимости Финляндской Республики», декрет СНК РСФСР «О Турецкой Армении» и др. На основе этих законодательных актов все народы бывшей Российской империи получили национальную независимость и создали свои национальные советские социалистические республики.

В течение 1918—1922 годов проходил второй этап разрешения национального вопроса в России, этап установления военно-хозяйственного и государственного союза между всеми нациями и народностями Советской России. Это был период добровольного, братского объединения

почти всех (кроме Финляндии, Прибалтики и Польши) бывших народов Российской империи в великое, многонациональное советское социалистическое государство.

Это объединение в свою очередь происходило тремя этапами: сначала — в первый период гражданской войны— этап военного союза между республиками; после победы над основными силами внутренней и внешней контрреволюции в 1920 году — этап хозяйственного союза. С окончанием гражданской войны и ликвидацией иностранной военной интервенции и в результате перехода СССР к мирному социалистическому строительству в 1921—1922 годах идет процесс государственного объединения, завершившийся образованием СССР, и начинается самый важный и длительный период разрешения национального вопроса — период ликвидации культурно-экономической отсталости бывших колониальных народов России. Основную роль в этом должен был играть пролетариат бывшей господствующей русской нации. В. И. Ленин в своей записке «К вопросу о национальностях или об «автономизации» писал: «...Интернационализм со стороны угнетающей или так называемой «великой» нации... должен состоять не только в соблюдении формального равенства наций, но и в таком неравенстве, которое возмещало бы со стороны нации угнетающей, нации большой, то неравенство, которое складывается в жизни фактически»[1]. Вопрос о ликвидации фактического неравенства бывших угнетенных наций стал предметом специального обсуждения на X и XII съездах РКП(б).

Период восстановления народного хозяйства, социалистической индустриализации, коллективизации сельского хозяйства и на основе этого победа социализма в нашей стране был периодом ликвидации культурно-экономической отсталости бывших колониальных наций и народностей. Уже в период второй пятилетки СССР в целом стал одной из высокоразвитых стран мира, где был последовательно разрешен национальный вопрос, порожденный господством царизма и русской империалистической буржуазии: ликвидированы национальный гнет и эксплуатация, национальный антагонизм и ненависть, национальная отчужденность и недоверие и, нако-

[1] *В. И. Ленин.* Соч., т. 36, стр. 556.

нец, культурно-экономическая отсталость угнетенных в прошлом народов. В этот же период все населяющие СССР нации, народности и этнические группы стали социалистическими.

Победа социализма в СССР — ликвидация частной капиталистической собственности, обобществление основных средств производства, ликвидация антагонистических классов — легла в основу формирования социалистических наций и ускоренного сближения всех наций и народностей нашей страны. В отличие от периода капитализма теперь проходило планомерное, всестороннее сближение наций, мудро и умело направляемое Коммунистической партией. За короткий срок народы нашей страны ликвидировали не только былой национальный антагонизм и культурно-экономическое неравенство, но, став социалистическими, преодолели также национальную отчужденность и недоверие и сплотились в единую советскую семью.

В свете всего этого и, исходя из задачи нашей темы, рассмотрим теперь особенности формирования узбекской социалистической нации.

Несмотря на общие закономерности социалистического строительства и формирования социалистических наций, процесс образования социалистических наций в каждом конкретном случае протекает со многими особенностями и своеобразием. Формирование социалистических наций на базе сложившихся буржуазных наций резко отличается от формирования их на базе таких коллективов, которые находились на переходной от народности к нации стадии, как, например, узбеки. Далее, отдельные этапы формирования тех или иных социалистических наций тоже могут быть различными в зависимости от того, на каком уровне находилось национальное оформление данного коллектива.

Естественно поэтому, что и формирование узбекской социалистической нации также отличается некоторым своеобразием. Узбеки вступили на путь социалистического развития, следовательно, и на путь формирования в социалистическую нацию, не имея в своем составе значительного слоя национального промышленного пролетариата. Основная масса узбекского народа состояла из мелких крестьян и трудовых кустарей. Это была мелкобуржуазная масса, которая сама по себе стояла далеко от социалистической идеологии.

Многовековое господство феодальных отношений и ислама, а в дальнейшем строгий колониальный режим, установленный врагом прогресса и свободы — царизмом, сделали узбекский народ одним из политически отсталых народов мира. Среди узбеков в колониальный период, не говоря уже о политических партиях, не было даже профессиональных союзов и просветительных учреждений. Основная масса узбеков была неграмотной, забитой и полностью отстраненной от политической жизни.

Узбеки подвергались жестокому национально-колониальному угнетению. Идеологи местных феодалов и национальной буржуазии, призывая народ к покорности царизму, развернули идейную борьбу против русского рабочего класса и его авангарда — большевиков, вели широкую пропаганду против сближения местных трудящихся с русскими революционными рабочими.

Все эти моменты порождали ряд специфических особенностей процесса формирования узбекской социалистической нации, которые для других наций, например русской, не были свойственны.

Как известно, в формировании социалистических наций руководящую и направляющую роль играет рабочий класс и его Коммунистическая партия. Среди узбеков до Октябрьской революции национальный промышленный пролетариат был незначителен, и как следствие этого, не возникла и единая коммунистическая организация. Для того, чтобы приобщить узбеков к социалистическому строительству и сплотить их в социалистическую нацию, необходимо было создать класс национальных рабочих и развить среди узбеков коммунистическое движение, резко усилить их политическую активность. Это диктовалось тем, что национально-колониальное угнетение узбеков в прошлом использовалось лидерами джадидизма для того, чтобы классовую борьбу внутри узбекского общества отодвинуть на задний план, способствуя этим усилению влияния эксплуататорских классов среди народа, которые пытались противопоставить местных трудящихся русским революционным рабочим.

Роль руководящей и направляющей силы в формировании узбекской социалистической нации до некоторой степени должны были играть русские рабочие и русские коммунисты, чему препятствовали пантюркистские и панисламистские устремления контрреволюционных

националистов, а также отдельные великодержавно-шовинистически настроенные русские партийно-советские работники Туркестана. Нужно было вести поэтому умелую и систематическую борьбу против местных националистов и русских шовинистов. Успех этой борьбы зависел прежде всего от правильного и оперативного осуществления национальной политики Коммунистической партии.

Далее, узбеки вступили на путь социалистического развития в процессе своего формирования в нацию. Следовательно, они не только приобрели социалистический облик, но и стали устойчиво сложившейся нацией.

В свете всех этих особенностей период формирования узбекской социалистической нации распадается на два этапа. Первый этап — вступление узбеков на путь социалистического развития и дальнейший рост национальных связей среди них. Второй этап — победа социалистического строительства и завершение формирования узбекской социалистической нации. Если период формирования узбекской социалистической нации охватывает время от Октябрьской социалистической революции до победы социализма в нашей стране, то его первый этап охватывает период от октября 1917 года до 1926—1927 годов, а второй этап длился в течение довоенных пятилеток. Первый этап в свою очередь распадается на два периода: I — победа Октябрьской социалистической революции и национальное самоопределение узбеков; II — дальнейшее упрочение советского строя в ТАССР, создание народно-советского строя в Бухаре и Хорезме, образование Узбекской ССР и на основе этого рост национальных связей среди узбеков.

Рассмотрим первый период первого этапа формирования узбекской социалистической нации, богатый политическими, экономическими и культурными событиями.

2. Победа Октябрьской социалистической революции и социалистическое преобразование основ жизни узбекского народа

Великая Октябрьская социалистическая революция в Туркестане проходила под знаком слияния национально-освободительного движения трудящихся края с революционным движением русского рабочего класса. Как мы видели выше, уже накануне Октябрьской социалистической революции национально-освободительное движение трудящихся Туркестана, в том числе трудящихся узбеков, развивалось не только в направлении борьбы против национально-колониального и феодального угнетения, но и против национальной буржуазии.

«Октябрьская революция,— говорится в резолюции XII съезда РКП (б),— подвела практические итоги решениям нашей партии по национальному вопросу. Свергнув власть помещиков и капиталистов, основных носителей национального гнета, и поставив у власти пролетариат, Октябрьская революция одним ударом разорвала цепи национального угнетения, перевернула старые отношения между народами, подорвала старую национальную вражду, расчистила почву для сотрудничества народов и завоевала русскому пролетариату доверие его инонациональных братьев не только в России, но и в Европе и Азии»[1].

В результате победы социалистической революции народы России, в том числе и узбекский народ, освободившись от национального и социально-экономического гнета, вступили на новый, социалистический путь развития.

В момент, когда шла битва за власть Советов на улицах Петрограда, II Всероссийский съезд Советов объявил себя верховным органом власти в России и принял первые исторические законы Советской власти: «Декрет о мире», «Декрет о земле» и «Декрет об образовании первого в мире рабоче-крестьянского правительства — Совета Народных Комиссаров». Эти первые декреты пролетарской революции законодательно закрепили переход политической власти в руки пролетариата.

Велико было значение «Декрета о мире». Требование справедливого демократического мира предполагало равноправие всех народов и наций, а требование отказа от аннексий и контрибуций предполагало отказ от захвата чужих земель и закабаления других народов.

Этот декрет мимоходом завершил задачу буржуазно-демократической революции в национальном вопросе, задачу объявления свободы и равноправия всех народов, которая не была разрешена Февральской революцией. В дальнейшем для Советской России вопрос о завоевании равноправия народов принципиально был уже разрешен.

[1] КПСС в резолюциях.., изд. седьмое, ч. I, стр. 711—712.

Оставалось его практическое осуществление, сочетавшееся с социалистическим преобразованием их политической жизни.

«Декрет о земле», принятый II съездом Советов, ликвидировал помещичье землевладение в России, объявил землю и недра всенародным достоянием, передал землю в пользование крестьян без выкупа и навечно освободил крестьян от помещичьей и буржуазной кабалы. Данный декрет также лег в основу сплочения всех зависимых и колониальных народов России вокруг русского рабочего класса, ибо эти народы в своем большинстве состояли из крестьян и разрешение земельного вопроса и для них было жизненно важным вопросом.

Самым значительным для развития народов по пути социализма было создание социалистического уклада хозяйства. Коммунистическая партия и Советское правительство тотчас после перехода власти в руки рабочего класса и беднейшего крестьянства приступили к созданию социалистического хозяйства. В течение ноября и декабря были национализированы 230 крупных предприятий. До июня 1918 года подверглись национализации 1145 важных, с точки зрения государственных интересов, промышленных предприятий. Национализация промышленности была мерой уничтожения крупной капиталистической собственности и создания социалистической собственности.

Возникновение социалистического уклада хозяйства означало разрушение экономических основ буржуазной нации, создание экономической основы новых социалистических наций.

Коммунистическая партия в течение ноября и декабря 1917 года приняла ряд мер по укреплению Советской власти. 28 октября 1917 года был принят декрет о передаче всей власти Советам, который провозгласил единственным носителем политической власти в стране Советы и объявил незаконными органы Временного правительства.

Установление Советской власти во всей стране и создание социалистической собственности явилось прочной базой разрешения национального вопроса в интересах пролетариата и трудящихся классов угнетенных народов и национальностей. Для осуществления национальной политики Коммунистической партии, гениально разработанной В. И. Лениным, в составе Советского правительства был создан специальный орган — Комиссариат по делам национальностей.

Социалистическая революция победила и в Туркестане. Осень 1917 года стала поворотным пунктом развития революционного движения в Туркестане. В ответ на попытку Туркестанского комитета Временного правительства и соглашателей ликвидировать Советы, 12 сентября 1917 года Ташкентский Совет рабочих и солдатских депутатов, опираясь на поддержку рабочих и революционных солдат, захватил власть в свои руки. Вторая половина сентября и весь октябрь прошли в острой борьбе между ташкентскими рабочими и революционными солдатами во главе с Ташкентским Советом, с одной стороны, и генеральным комиссаром Временного правительства, опиравшимся на поддержку социал-соглашателей, с другой стороны. Начиная с 18 октября (по старому стилю) эта борьба превратилась в открытое вооруженное столкновение. Генеральный комиссар Временного правительства приступил к разоружению и расформированию революционных частей Ташкентского гарнизона и повел наступление против Ташкентского Совета рабочих и солдатских депутатов. 28 октября 1917 года в Ташкенте началось вооруженное восстание рабочих и солдат, продолжавшееся до 31 октября. 1 ноября власть перешла в руки Советов.

Революционный кризис назревал не только в Ташкенте. Лозунг «Вся власть Советам» привлек массу рабочих и солдат и в других городах Туркестана. Власть Временного правительства в некоторых местах была настолько слаба, что Советам иногда даже не приходилось вести вооруженной борьбы. Во время вооруженного восстания в Ташкенте генеральный комиссар не мог получить никакого подкрепления из других городов. Зато Ташкентский Совет отовсюду получал телеграммы солидарности, а Самаркандский и Кушкинский гарнизоны послали в помощь Ташкентскому Совету военное подкрепление и вооружение. Власть русской империалистической буржуазии, не имевшей никакой поддержки среди народа и державшейся на предательских махинациях и обмане соглашательских партий в лице меньшевиков и эсеров, рухнула.

В течение ноября 1917 года в большинстве городов края власть перешла в руки Советов. Началось триумфальное шествие социалистической революции.

В период с 15 по 22 ноября 1917 года происходил III съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Туркестана. На съезде обсуждался вопрос об организации власти в Туркестане. Большинством голосов была принята резолюция большевиков об объявлении Туркестана советской республикой и о вхождении ее в состав Российской советской республики. Съезд образовал Совет Народных Комиссаров Туркестанской советской республики и избрал новый состав Центрального Исполнительного Комитета Туркестанского краевого Совета.

По вопросу об организации власти на местах съезд принял резолюцию о передаче власти на местах в руки местных Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, в которой предлагалось немедленно созвать областные съезды Советов, включая и Советы трудящихся мусульман, на которых они должны быть переизбраны. Местные трудящиеся через свои органы власти — Советы должны были участвовать в их работе. Советы трудящихся мусульман оставались автономными в своей работе среди местного населения. Там, где они еще не существовали, предлагалось немедленно создать их, включая их представителей в состав местных органов власти.

Во исполнение декретов Совнаркома и ВЦИК РСФСР Совет Народных Комиссаров Туркестана в первые же дни революции провел ряд мероприятий, законодательно закреплявших завоевания Октябрьской революции в Туркестане и легших в основу преобразования социально-экономического и политического строя народов Туркестана.

К концу декабря уже во всех городах Туркестана власть находилась в руках Советов.

Основой быстрого успеха революции в Туркестане явилась поддержка ее городскими трудящимися и рабочими местных национальностей, вдохновленными высокими принципами национальной свободы и равноправия, провозглашенными Советским правительством в первые же дни Советской власти.

Местные рабочие и передовая часть городских трудящихся края принимали активное участие в борьбе за власть Советов. В дни Октябрьского вооруженного восстания в Ташкенте дружина старогородского Совета активно выступила против ставленника Временного правительства генерала Коровиченко, и трудящиеся этой

части города не откликнулись на призыв Коровиченко выступить против Советов.

После получения известия о вооруженном восстании в Петрограде туркестанские буржуазные националисты со своей стороны пытались поднять народ против Советов. Однако во всех городах Узбекистана трудящиеся через свои Советы, союзы и общества способствовали победе Советской власти.

Когда на III съезде Советов Туркестана глава общества «Улема» Шер-Али Лапин от имени проходившего в то время съезда «Улема» заявил, что мусульмане не допустят, чтобы в крае властвовала одна только «революционная демократия», представитель мусульманских рабочих обратился к съезду с предложением не соглашаться с резолюцией съезда «Улема» и заявил, что мусульманские рабочие пойдут только вместе с русскими рабочими.

Вопреки призывам улемистов и шуро-и-исламистов местные трудящиеся во всех городах поддерживали борьбу за переход власти в руки Советов и принимали активное участие в создании местных Советов.

Ташкентский старогородской Совет после победы вооруженного восстания перешел на сторону Советов и действовал как орган власти. В Самаркандском Совете было 14 представителей местных рабочих и городских трудящихся. Во всех областях и городах Советы постановили включить в свой состав представителей местных рабочих и трудящихся.

Таким образом местные трудящиеся, в первую очередь городские рабочие и трудовые ремесленники, в период Октябрьской революции активно включились в управление областями и городами. В эти дни местные рабочие и городская беднота сделали в политическом отношении огромный шаг вперед.

Совнарком Туркестана на основе декретов Совета Народных Комиссаров РСФСР и ВЦИК провел в эти дни ряд мероприятий по организации работы местных Советов, по налаживанию деятельности советского государственного аппарата, слому саботажа и сопротивления старых чиновников, созданию отрядов красной гвардии, проведению национализации промышленности. Эти мероприятия значительно упрочили Советскую власть в Туркестане.

Во исполнение постановления III съезда Советов Туркестана Совет Народных Комиссаров Туркестанского края 10 декабря 1917 года издал специальное постановление об организации местных Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. В этом постановлении был намечен ряд мероприятий по организации работы местных Советов и передачи им власти на местах. Одним из важных пунктов его было решение о слиянии Совета рабочих и Советов солдатских, крестьянских, киргизских и мусульманских депутатов в единый Совет с единым исполнительным комитетом и единым президиумом. В Совет от каждых ста человек нужно было послать одного депутата. Для этого необходимо было слить в городах параллельно действующие Советы рабочих и Советы солдатских депутатов в единый Совет, а Советы крестьянских и киргизских депутатов реорганизовать в Совет крестьянских депутатов.

По мере создания таких единых объединенных Советов, они немедленно должны были распустить уездные исполнительные комитеты (Комитеты общественной безопасности), созданные Временным правительством, если они еще сохранились, и принять управление в свои руки.

Согласно постановлению, при Советах необходимо было создать специальные секции или комиссариаты по различным отраслям с тем, чтобы Советы являлись теперь единственными государственными органами со всеми присвоенными им политическими и хозяйственными функциями.

Далее, постановление фактически уравнивало права местных национальностей с правами русского населения края по участию в органах местных Советов. Теперь Советы местных трудящихся — Союз трудящихся мусульман, Совет мусульманских рабочих депутатов, Совет киргизских депутатов и другие — превратились в составную часть Советов. Советы мусульманских рабочих депутатов и Союз трудящихся мусульман приравнивались к Советам рабочих и солдатских депутатов, а Совет киргизских депутатов — к крестьянским Советам[1].

Таким образом, с первых дней Советской власти в Туркестане классовые организации местных трудящихся

[1] Из истории борьбы за установление Советской власти, М., 1943, стр. 100—102.

были выдвинуты на первый план и стали играть руководящую роль среди местного населения.

Наконец, данное постановление было рассчитано на обеспечение за рабочим классом руководящей роли в управлении государством. Рабочие избирали одного депутата в Советы от 100 человек, а крестьяне одного — от 500 человек.

12 декабря 1917 года Совнарком края объявил декрет о реорганизации судебных органов. Этим декретом все старые судебные учреждения упразднялись и были введены новые советские суды, избираемые на основании прямых, демократических выборов.

Старое чиновничество встретило Октябрьскую революцию саботажем и антисоветскими выступлениями. 8 декабря Совнарком Туркестана опубликовал приказ о продолжении планомерной работы должностными лицами гражданско-административного управления, но ввиду злостного саботажа финансовыми работниками мероприятий Советской власти в тот же день был издан специальный приказ об удалении с работы лиц, враждебно относящихся к Советской власти, и о замещении их другими лицами.

Важное значение имели первые мероприятия Совнаркома Туркестана по созданию основ социалистического хозяйства. Уже в начале 1918 года Совнарком приступил к национализации отдельных, особо важных для Туркестанского края, промышленных предприятий. Эта мера была направлена на слом основ капиталистического уклада в крае и создание социалистической экономики. Многие владельцы предприятий в Ташкенте, Самарканде, Коканде и других городах в ответ на установление рабочего контроля закрывали свои производства и увольняли рабочих. 29 ноября Совнарком издал приказ о запрещении владельцам без особого разрешения закрывать предприятия. Однако туркестанские капиталисты, так же как их собратья в других частях России, пытались расстроить экономическую жизнь края. Они осуществляли открытые враждебные действия против Советской власти, самовольно закрывали фабрики и заводы, отказывались вносить в казну налоги и другие платежи, увольняли рабочих и т. д. Антисоветские действия капиталистов вынудили Совет Народных Комиссаров

Туркестана форсировать национализацию промышленных предприятий.

Начиная с января 1918 года были национализированы основные промышленные предприятия края, а в феврале были обращены в государственную собственность отрасли промышленности, перерабатывающие продукцию хлопководства: хлопкоочистительные, маслобойные, мыловаренные и ватные заводы, в марте — нефтяная и каменноугольная промышленность, а также ферганская и термезская ветки железной дороги, принадлежавшие частным компаниям.

Затем были национализированы рыбная промышленность, полиграфические предприятия, а также судоходное общество «Хива». Во всех предприятиях были введены 8-часовой рабочий день, государственное страхование. В связи со скрытием от государства скупщиками и владельцами хлопкозаводов хлопка были конфискованы все запасы хлопка.

Совет Народных Комиссаров объявил работу в учреждениях трудовой повинностью и привлек саботажников к судебной ответственности, как врагов народа, а инициаторов их — меньшевиков и эсеров — репрессировал, что дало возможность сломить саботаж чиновников.

Национализация промышленных предприятий в это время только началась. Она продолжалась в период гражданской войны и иностранной интервенции. Однако и то, что было сделано в период с января по апрель 1918 года, сыграло большую роль в жизни Туркестана. В эти дни были национализированы самые важные для края предприятия, что дало возможность сосредоточить промышленность края в руках советских органов, в лице Центрального Совета Народного Хозяйства Туркестана и СНХ областей, сохранить ее от уничтожения со стороны владельцев и создать основу для развития социалистической промышленности в Туркестане. Так борьба против капиталистов способствовала разрешению задачи создания социалистической экономики в Туркестане.

Наряду с этим были приняты специальные меры в области аграрной политики Советской власти в Туркестане. 20 декабря 1917 года был издан приказ Совнаркома о запрещении Переселенческому управлению распределять земельные участки и сдавать их в аренду. 3 января 1918 года были упразднены переселенческие организации в

крае. 27 января комиссар земледелия Туркестана издал распоряжение о порядке проведения в крае земельной реформы. В этом распоряжении было дано указание организовать волостные земельно-водные комитеты, кишлачные и аульные Советы рабочих, солдатских, крестьянских и мусульманских депутатов там, где их еще не было. Эти комитеты должны были взять на учет землю, инвентарь и другое земледельческое имущество нетрудовых хозяйств, следить за охраной их и представить соображения о порядке проведения земельно-водной реформы.

Хотя в то время земельная реформа практически еще не проводилась, подготовительные мероприятия к ней значительно активизировали беднейшие слои дехканства.

В эти же дни Совнарком края вынес ряд постановлений о национализации садов, крупных имений и водных сооружений, принадлежавших частным лицам. На основе их были созданы крупные образцовые советские хозяйства, явившиеся зачатком совхозов.

Проведенные в области народного хозяйства мероприятия создали условия для развития социалистической экономики в Туркестане и стали зачатками нового, социалистического уклада.

Естественно, что политические, экономические и социальные изменения в Туркестане углубили ту пропасть, которая образовалась между местными эксплуататорскими классами и трудящимся населением. Начался период превращения местных трудящихся в союзников пролетариата в его борьбе за строительство социалистического общества. Установление союза между рабочим классом и трудовыми кустарями и крестьянами означало в условиях Узбекистана установление союза между русским рабочим классом и местными трудящимися, так как местные рабочие еще не достигли такого уровня развития, чтобы возглавить борьбу за победу социализма, хотя и играли большую роль в распространении идей Советов среди местных трудящихся и выступали активными борцами против местных эксплуататорских классов.

Коммунистическая партия и русский пролетариат при посредстве местных рабочих вовлекали коренное трудящееся население в советское строительство.

Местные рабочие выступали основными носителями социалистических отношений и социалистической идеоло-

гии среди трудящихся. Однако в этот период организационно и идейно они еще были слабы и только совместно с русским пролетариатом и под его руководством могли выполнить роль организатора местных трудящихся, добиться их сплочения вокруг Советской власти и выступить как руководящая сила узбекской социалистической нации.

Дальнейший рост классового самосознания трудящихся в результате победы Октябрьской социалистической революции сказался в активной поддержке местными трудящимися (в особенности их организованной частью в лице Союза трудящихся мусульман, разных профессиональных союзов местных рабочих и сельских активистов, группировавшихся вокруг местных Советов) Советской власти и во враждебном отношении их к призывам и планам буржуазных националистов в дни установления Советской власти в Туркестане.

Как было указано выше, местные эксплуататорские классы в лице своих организаций «Улема» и «Шуро-и-ислямия» в дни III съезда Советов Туркестана созвали свой съезд, издавший декларацию об организации власти в Туркестане. Планы буржуазных националистов сводились к объявлению Туркестана религиозно-национальной автономией в рамках Российской буржуазной республики, недопущению вмешательства различных политических партий России во внутреннюю жизнь мусульман Туркестана, организации политической и культурной жизни мусульман на основе шариата, созданию краевого и местных органов власти из представителей мусульман, допуская участие других национальностей лишь в соответствии с количеством их населения.

Местная буржуазия и феодалы, покорно подчинявшиеся царскому самодержавию, а после его падения — буржуазному Временному правительству, усердно поддерживавшие их колониальную политику, только теперь, после перехода власти в руки Советов, стали требовать отделения Туркестана и преобразования его в автономное буржуазное государство. Было ясно, что, настаивая на религиозно-национальной автономии, они хотели отделиться от Советской России, разрушить единый фронт трудящихся местных национальностей и революционных русских рабочих, установить господство местных эксплуататоров над народами Туркестана и пойти по

пути превращения Туркестана в колонию одного из империалистических государств Запада.

Главари Краевого мусульманского Совета, бежавшие в Октябрьские дни из Ташкента в Коканд, 27 ноября 1917 года создали на своем IV съезде так называемое Временное правительство «Туркестанской автономной республики», получившее в литературе название «Кокандской автономии». В состав этого контрреволюционного правительства вошли также представители русской буржуазии и царского чиновничества.

Кокандская автономия установила связь с главарями белогвардейцев, с эсерами и меньшевиками. По указанию Англии она установила контакт с атаманом Дутовым, бухарским эмиром, царским полковником Зайцевым, поднявшим контрреволюционный мятеж против Советов в Хиве, и с Украинской радой, которая немедленно же признала правительство кокандских автономистов.

Автономное правительство создало свою армию в лице басмаческой банды Эргаша.

Главари Кокандской автономии с первых же дней существования усиленно призывали народ поддержать ее и выступить против большевиков. С этой целью они наметили проведение антисоветских демонстраций в городах Туркестана. В Ташкенте такая тщательно подготовленная антисоветская демонстрация была организована 13 декабря 1917 года. Начавшись мирно, она должна была превратиться в вооруженное восстание с тем, чтобы захватить власть, арестовать членов Совнаркома и уничтожить Советы.

8 декабря 1917 года вопрос об этой демонстрации был поставлен на заседании Ташкентского Совета. Согласно резолюции Исполкома Ташкентского Совета, вопрос о предстоящей демонстрации обсуждался также на собраниях рабочих ташкентских предприятий и войсковых комитетов. Были направлены агитаторы для разъяснения замыслов организаторов демонстрации среди местных рабочих, которые впоследствии не приняли в ней участия.

Основной задачей демонстрации было одобрение образования Кокандской автономии. Националисты характеризовали ее как верховное национальное правительство местного населения, а Совет Народных Комиссаров Туркестана — как правительство русских. Часть городского населения, введенная в заблуждение агитацией на-

ционалистов, принимала участие в демонстрации. Однако, как только демонстрация превратилась в вооруженное антисоветское выступление, народ тут же разошелся.

Таким образом, попытка националистов поднять в Ташкенте народ против Советов не увенчалась успехом. Местные рабочие вообще не принимали участия в демонстрации, а те кустари и ремесленники, которые откликнулись на призыв националистов, отвернулись от этого дела, как только стала ясна антисоветская, контрреволюционная цель демонстрации.

Второй попыткой националистов захватить власть был созыв чрезвычайного съезда местного населения в Коканде в декабре 1917 года. Съезд был созван для того, чтобы заручиться поддержкой местного населения и мобилизовать его под знамя борьбы против Советов. Съезд, по плану его организаторов, должен был объявить автономное правительство единовластным хозяином края и потребовать от Советов передачи всей полноты власти в его руки. Состав съезда ограничивался баями, муллами, землевладельцами и другими эксплуататорскими элементами. Все они явились на съезд как делегаты с мест. Для видимости в отдельных городах и кишлаках проводились выборы делегатов. Съезд был назван «Чрезвычайным съездом местных рабочих, солдат и крестьян». Среди делегатов представители трудящихся составляли менее 10 процентов. Из такого крупного промышленного города, как Ташкент, представители трудящихся на съезде отсутствовали совершенно.

По плану националистов съезд должен был предъявить ультиматум представителям Совета Народных Комиссаров Туркестана о передаче власти в руки Кокандского автономного правительства. Однако и этот план националистов провалился. Представители Союза трудящихся мусульман Самарканда, Коканда и других городов выступили против автономного правительства и заявили, что они не признают его законным правительством Туркестана. Этим они выразили волю трудящихся многих городов края. Еще накануне съезда представители городов Самаркандской области — Ходжента, Каттакургана, Джизака, Уратюбе, а также города Ташкента и кишлака Фариш выразили доверие Совнаркому Туркестана. В дни съезда они подтвердили свое заявление. С

таким же заявлением выступали представители города Коканда. Их поддержал участвовавший на съезде представитель Совнаркома Туркестана большевик Полторацкий. Так как на съезде число делегатов — буржуазных националистов — составляло более 90 процентов, съезд принял резолюцию об объявлении Кокандского автономного правительства полномочным правительством Туркестана. В ответ на это представители трудящихся во главе с Полторацким покинули съезд.

Таким образом, в Туркестане наряду с законной властью в лице Совнаркома образовалась претендующая на власть Кокандская автономия. Местные трудящиеся признавали только Совнарком и боролись против Кокандской автономии.

После провала попыток кокандских автономистов захватить власть в свои руки они активизировались еще более. В это время в Туркестане сложилась трудная обстановка. В январе 1918 года опасность усилилась. Она надвигалась теперь и с севера и с юга.

Атаман Дутов установил связь с полковником Зайцевым и тот «ликвидировал» Совет рабочих и солдатских депутатов в Чарджуе и восстановил власть буржуазного Временного правительства. К нему явились представители Кокандского автономного правительства и Джунаидхана, вместе с которыми был составлен план свержения Советской власти во всем Туркестане.

В Чарджуе скопилась большая военная сила в составе 14 казачьих сотен, с которой Зайцев должен был двинуться в Ташкент. К моменту подхода Зайцева к Самарканду должно было начаться вооруженное выступление автономистов в Коканде, а после захвата Самарканда и наступления на Ташкент должно было вспыхнуть восстание в Ашхабаде; а к моменту прохода отрядами Зайцева Тамерланских ворот около Джизака должно было начаться восстание в самом Ташкенте. Тем временем Дутов должен был выступить с севера. В случае неудачи Зайцев должен был передать свое вооружение Кокандскому автономному правительству.

Часть казачьих эшелонов Советам удалось разоружить в Кагане. Но в Каган прибыли главные силы казачьих отрядов, которые во главе с Зайцевым напали на Каганский гарнизон и разоружили его. По указанию Совнаркома края для разоружения казачьих эшелонов из

Ташкента выехал отряд красногвардейцев во главе с народным комиссаром труда Туркестана Полторацким. Одновременно было дано указание Самаркандскому Совету не допускать казаков к Самарканду и разоружить их. По решению Ревкома Самарканда против казаков должны были выступить 7-ой Сибирский запасной полк и другие войсковые части. Но в результате разлагательской агитации меньшевиков и левых эсеров из числа членов полкового комитета полк объявил нейтралитет и не выступил. Белоказаки вошли в город. Войска, преданные Советам, были частично отведены в Джизак, частично засели в Самаркандской крепости. Из Самарканда белоказаки направились в Ташкент. На станции Ростовцево их разбили объединенные силы ташкентских красногвардейцев и самаркандские части, отведенные в Джизак. Казаки отступили в Самарканд. В это время против казаков из Байрамали и Ашхабада были направлены отряды красногвардейцев, а в самом Самарканде против них выступили солдаты 7-го Сибирского полка, нарушившие навязанный им меньшевиками нейтралитет. Белоказаки были разоружены. Таким образом план Зайцева провалился, а сам Зайцев бежал в Ашхабад.

В январе 1918 года Совнарком Туркестана направил отряд красногвардейцев против Дутова. Ликвидация «Оренбургской пробки» была жизненной необходимостью для Туркестана. С образованием ее совершенно прекратилось поступление в Туркестан хлеба. По указанию В. И. Ленина против Дутова выступили красногвардейские отряды со стороны Бузулука и Актюбинска. В борьбе против Дутова участвовали красногвардейские отряды Ташкента, Самарканда, Арыси, Казалинска, Туркестана и других городов Туркестанского края. Общими усилиями красногвардейских отрядов Туркестана и приуральских городов войска Дутова были разбиты в конце января 1918 года; железнодорожное сообщение между Туркестаном и РСФСР восстановилось.

Тем временем произошли изменения в лагере автономистов. Во главе автономного правительства вместо алашордынца Тынышпаева стал улемист Мустафа Чокаев. Вконец распоясавшиеся и взбешенные неудачами контрреволюции улемисты, действуя как самые оголтелые террористы, начали избивать и убивать сторонников Советской власти. Вооруженный отряд автономного

правительства под командой Эргаша Курбаши организовывал набеги на русские поселения и железнодорожные станции, на угольные копи и нефтепромыслы Ферганской области. По решению Совнаркома Туркестана в конце января отряды красногвардейцев Коканда, Скобелева, Андижана и Ташкента выступили против вооруженной банды Эргаша. Борьбу трудящихся самого Коканда против автономного правительства возглавил председатель Кокандского Совета Бабушкин. На улицах Коканда шли упорные бои. В тыл отряда Эргаша ударили красногвардейцы горных промыслов «Кызыл-Кия» и «Санто», состоящие из русских и местных рабочих. После трехдневного боя Кокандское автономное правительство пало и банда Эргаша была разгромлена. Активное участие в этом принимали трудящиеся узбеки, киргизы и таджики Ферганской долины.

Разгромом контрреволюционного Кокандского автономного правительства завершилось триумфальное шествие социалистической революции по Туркестану. Единственным, признанным всем народом, правительством остался Совет Народных Комиссаров Туркестана, облеченный доверием трудящихся всех национальностей края, доверием трудового народа.

Вооруженный захват политической власти, уничтожение старых царских и буржуазных институтов в Туркестане, экспроприация экспроприаторов означали появление нового советского строя в крестьянском Туркестане и явились основой вступления народов Туркестана, в том числе и узбекского народа, на социалистический путь развития.

ЦК РСДРП(б) и Совнарком РСФСР во главе с великим вождем партии и народа В. И. Лениным неустанно следили за осуществлением национальной политики Коммунистической партии в бывших колониальных окраинах. Первым шагом в осуществлении этой политики было уничтожение того политического и правового неравноправия, которое было порождено колониальной политикой царизма и буржуазного Временного правительства. Для этого необходимо было осуществить лозунг права наций на самоопределение, провозглашенный Коммунистической партией. В условиях Туркестана это должно было привести к образованию Туркестанской Советской Автономной Республики в составе РСФСР.

Как известно, при решении вопроса об установлении советского строя в Туркестане на III съезде Советов Туркестанского края Туркестан был провозглашен советской республикой, но не автономной, то есть не национальной. Следовательно, между Туркестаном и другими областями Советской России не должно было быть различия. Между тем, Туркестан был не только одной из частей Советской России, но и национально отличной ее частью. Поэтому он должен был явиться не только одной из областей, но именно национальной областью или национальной республикой, должен был быть национальной автономной советской республикой. При таком государственном устройстве можно было создать наиболее благоприятные условия для широкого приобщения народов Туркестана к советскому строительству.

Следовательно, одной из основных задач партии в деле упрочения Советской власти в Туркестане было объявление Советской автономии Туркестана. Однако эту задачу не разрешил и IV съезд Советов Туркестана, состоявшийся 19—26 января 1918 года в Ташкенте. Хотя здесь был дан резкий отпор меньшевикам и эсерам, пробравшимся на съезд в числе делегатов съезда крестьянских Советов, требовавших объявления Туркестана буржуазной республикой, тем не менее съезд не смог преодолеть извращения национальной политики, допущенного на III съезде. Съезд продолжал линию отрицания права самоопределения местных национальностей и еще более углубил допущенные ранее ошибки тем, что, приняв решение об образовании Красной Армии, высказался против призыва лиц местных национальностей в ряды Красной Армии. Здесь также проявилось антиленинское понимание самоопределения наций, как самоопределения рабочего класса, а не нации в целом.

В этих условиях вопрос о национальной автономии народов Туркестана начал приобретать решающее значение, ибо троцкисты, левые эсеры и меньшевики совместно вели здесь единую линию противопоставления местных трудящихся Советской власти. Это положение играло на руку буржуазным националистам. Воспользовавшись стечением обстоятельств, они распустили слух о том, что Советская власть не является выразительницей интересов местного населения, что она чужда ему.

Для дальнейшего развертывания строительства социализма в Туркестане решающую роль должно было сыграть установление правильных взаимоотношений с местными трудящимися и широкое привлечение их к управлению государством, к политической, общественной и культурно-просветительной работе, а также прием их лучших представителей в ряды Коммунистической партии. Извращение же линии Коммунистической партии по вопросам национальной политики приводило к серьезным отрицательным последствиям.

После разгрома Кокандского автономного правительства буржуазные националисты перенесли центр тяжести своей работы в кишлак. Наподобие басмаческой банды Эргаша появились разные мелкие банды в кишлаках Ферганской области. Во многих кишлаках Советы трудящихся мусульман еще не успели возникнуть, а там, где Советы появились ранее, они были уничтожены басмачами. Сложилась обстановка, при которой создавалась опасность отрыва местных трудящихся отдельных районов от Советов.

В эти дни вождь Советского государства В. И. Ленин пришел на помощь туркестанским большевикам в деле искоренения извращений национальной политики партии в Туркестане. Практическое участие в правильном решении вопроса о привлечении местного населения к строительству нового советского строя в Туркестане принял Комиссариат по делам национальностей. 23 марта И. В. Сталин послал на имя Туркестанского Совета свою статью «О Татаро-Башкирской Советской Республике»[1]. В статье был дан анализ практики устройства советской автономной республики в Башкирии и Татарии. Статья была обсуждена на заседании Ташкентского Совета. Большевики Туркестана поняли допущенную в национальном вопросе ошибку, но для ее исправления у них не было сил и опыта. Поэтому они просили ЦК РКП (б) послать в Туркестан уполномоченного Наркомата по делам национальностей для оказания помощи в работе по образованию Туркестанской Автономной Советской Социалистической Республики.

---

[1] *И. В. Сталин.* Соч., т. 4, стр. 49—50.

От имени ЦК РКП (б) и Совнаркома РСФСР в Ташкент прибыл с полномочиями чрезвычайного комиссара П. А. Кобозев.

7 апреля 1918 года по телеграфу был получен циркуляр Наркомата по делам национальностей РСФСР, где детально разъяснялись вопросы создания автономной советской республики в Туркестане и давался ясный ответ на вопрос, что такое советская автономная республика.

20 апреля 1918 года открылся V съезд Советов Туркестанского края. На съезде присутствовал 251 делегат. Из них 86 были большевиками. В отличие от прежних съездов среди делегатов были и представители местных национальностей. Работа съезда велась на русском и местных языках. Съезд обсудил ряд важных хозяйственных вопросов. Были приняты резолюции о национализации промышленности, транспорта, по земельным, продовольственным и другим вопросам. Также были заслушаны доклады о народном просвещении, здравоохранении и т. д.

30 апреля 1918 года съезд утвердил «Положение о Туркестанской Советской Автономной Республике». В нем были определены основы государственного устройства Туркестанской Автономной Советской Социалистической Республики, ее территории, высших законодательных и исполнительных органов, структуры, функции местных органов и их взаимоотношения с РСФСР.

Съезд избрал Исполнительный Комитет Туркестанской Автономной Советской Социалистической Республики в составе 36 человек и Совнарком в составе 14 человек. В состав высших органов республики были избраны представители местного населения.

V съезд Советов Туркестанского края занимает в истории народов Туркестана важное место.

При активной помощи ЦК РКП (б) и Совнаркома РСФСР большевики Туркестана разоблачали контрреволюционную сущность действий великодержавных шовинистов в вопросе о взаимоотношениях с местным населением и последовательно осуществляли национальную политику Коммунистической партии.

Принятие съездом «Положения» об объявлении советской автономии Туркестана и вслед за этим принятие в октябре 1918 года VI съездом Советов Туркестана

первой Конституции ТАССР явились крупными историческими актами, завершившими первый этап борьбы Коммунистической партии за осуществление национальной политики партии в условиях Туркестана, этап, характерный осуществлением политического равноправия народов Туркестана и вступлением их на путь социалистического развития.

Следующий этап был не менее сложным и трудным. Против Советской власти в Туркестане развернулась борьба как со стороны басмачей и белогвардейцев, так и со стороны великодержавных шовинистов и местных националистов. Успех борьбы партии на этом этапе во многом зависел от дальнейшего и еще большего повышения политической активности местных трудящихся.

3. Рост политической активности местных трудящихся и зарождение коммунистического движения в Туркестане

На процесс возникновения и формирования социалистических наций планомерно воздействовали Коммунистическая партия и Советская власть. Формирование социалистических наций, народностей, этнических групп стало осознанным объективным процессом преобразования основ их социально-экономической жизни, культуры и быта на базе социалистических отношений. Коммунистическая партия и рабочий класс явились основной и руководящей силой социалистических наций, а Советское государство выступило как средство их создания. Осуществление самоуправления нации на базе советского строя создавало условия для государственного сплочения народов в форме союзных и автономных республик, областей и округов, что способствовало формированию социалистических коллективов.

В условиях Туркестана самоопределение наций первоначально осуществлялось в форме провозглашения советской автономии его народов в составе РСФСР. Русский рабочий класс заботился об их экономическом и культурном развитии и о создании их советской государственности. Однако осуществление советской автономии Туркестана — одного из важных условий возникновения и развития социалистических наций — проходило в упорной борьбе с врагами партии и народа.

В эти дни большевики Туркестана оформлялись в самостоятельные большевистские организации. Известно, что нахождение большевиков в одной организации с меньшевиками значительно задерживало рост большевистских организаций в крае. Деятельность и борьба большевиков казалась заслугой социал-демократической организации в целом, то есть не только большевиков, но и меньшевиков. При такой обстановке люди, симпатизировавшие большевикам и достойные быть членами большевистской партии, входили в ряды организации, в которой имели место две линии: линия пролетарской революции и линия мелкобуржуазного соглашательства.

Жизнь властно диктовала необходимость организационного размежевания большевиков от меньшевиков. Рост влияния и авторитета большевиков среди народа, с одной стороны, и окончательное банкротство меньшевиков-соглашателей, с другой, выдвигали большевиков на передний план. Народ группировался вокруг большевиков, которые начали возглавлять Советы почти во всех городах. Все это требовало создания самостоятельной партийной организации.

Первыми в самостоятельную партийную организацию оформились большевики Чарджуя. 26 ноября 1917 года на своем общегородском собрании они вынесли постановление о создании самостоятельной большевистской организации и просили ЦК РКП(б) принять их в «общую семью Российской социал-демократической рабочей партии большевиков». 12 декабря было получено решение ЦК РКП(б) о зачислении большевистской организации Чарджуя в состав РКП(б). 4 декабря оформилась большевистская организация Самарканда. 22 декабря произошло первое организационное собрание большевиков Ташкента, причем в этот день в организацию вступило 64 человека. В декабре оформились большевистские организации в Намангане и Кагане, а к марту 1918 года уже были созданы большевистские организации в Коканде, Скобелеве, Джизаке и на станции Урсатьевской.

Образование самостоятельных большевистских комитетов в городах Туркестана привело к резкому оживлению партийной работы среди масс. Большевистские организации росли быстрыми темпами, организационно крепли и все более завоевывали авторитет среди масс.

К июню 1918 года большевистские организации существовали в Ташкенте, Самарканде, Коканде, Намангане, Скобелеве, Кагане, Туркестане, Сулюкте, Ходженте, Джизаке, Термезе и др. Большевистские организации возникли в 20 городах, и общее количество коммунистов доходило в них до 2000 человек[1]. В это же время в некоторых городах и кишлаках появились группы местных коммунистов, а в старом городе Ташкента образовалась самостоятельная партийная организация местных трудящихся с числом коммунистов до 60 человек.

Быстрый рост партийных организаций в городах Туркестана создал возможность наметить проведение съезда или конференции партии и организационно оформить Коммунистическую партию Туркестана, как неразрывную часть РКП(б). Для этой цели в июне 1918 года по инициативе ташкентской партийной организации была созвана конференция туркестанских большевистских организаций, фактически выполнившая задачу съезда, на которой присутствовали представители партийной организации Ташкента, представляющие 261 коммуниста города, представители Самарканда от 500 коммунистов, Чарджуя от 190, Кизиларвата от 140, Коканда от 200 коммунистов, всего от 12 организаций, представлявших 1500 коммунистов. Наряду с организационными вопросами съезд обсудил доклады с мест, о текущем моменте, о работе среди мусульман и др. Обсуждение этих вопросов имело большое значение для развития коммунистического движения в крае. В резолюции о партийной работе среди мусульманского пролетариата констатировалось, что пока еще слабо осуществляется автономия Туркестана, приобщение местных трудящихся к советскому строительству и политическое воспитание мусульманского пролетариата. Исходя из этого положения, съезд постановил признать «тюркский язык», наряду с русским языком, государственным, при всех местных Советах организовать комиссариаты по национальным делам и возложить на них агитацию среди местного населения и привлечение широких масс мусульман к советской работе, подготовить кадры для

[1] Материалы и документы I съезда Компартии Туркестана, Ташкент, 1934, стр. 12.

пропаганды среди мусульманского пролетариата, привлечь мусульманский пролетариат в ряды Красной Армии и т. д. Хотя это решение сосредоточивало главное внимание на политико-пропагандистской работе среди местного населения, оно имело значение, выходящее из этих рамок. В нем было видно стремление большевистских организаций Туркестана ликвидировать пережитки политического бесправия местных трудящихся и обеспечить привлечение их к советскому строительству, повысить их классовое самосознание.

Однако в этот период местные большевики по вопросам национальной политики еще были теоретически беспомощны, не знали, как практически и повседневно применять национальную программу Коммунистической партии в условиях Туркестана. Объявление местного языка национальным языком было правильным, но объединение всех местных языков в один тюркский язык было неверным, ибо такого языка в природе не существовало. Также была неправильна мысль об объединении всех местных народов в один мусульманский народ. В этот период говорилось о самоопределении местных народов, как мусульман, а не как отдельных наций, народностей и этнических групп. Поэтому в резолюции говорилось о несуществующем мусульманском народе и несуществующем тюркском языке. Несмотря на это, резолюция съезда значительно активизировала коммунистическое движение среди местного населения.

На съезде было обнаружено, что некоторые партийные работники из числа местных коммунистов (А. Клевлеев и Ашур Ходжаев) при пропаганде коммунистических идей среди местного населения прибегали наряду с другими методами к цитатам и примерам из корана и пытались обосновать отдельные положения марксизма догмами ислама.

Конечно, пропаганда идей коммунизма с помощью догм ислама была чужда духу марксизма. Поэтому на съезде отдельные делегаты справедливо критиковали А. Клевлеева и Ашура Ходжаева. Другие делегаты съезда не разделили подобной точки зрения и рекомендовали в конкретной обстановке, сложившейся в Туркестане, использовать метод агитации А. Клевлеева и Ашура Ходжаева как один из подходов к местному населению. Съезд по этому поводу решений не принял,

но многие из выступавших согласились с мнением о том, что в тогдашней обстановке можно использовать метод Клевлеева.

В связи с этим заметим, что составитель и редактор сборника «Материалы и документы I съезда Компартии Туркестана» во вступительной статье сборника пишет, что созданные Клевлеевым организации на местах нельзя назвать большевистскими ни по их классовому составу, ни по идеологическим установкам, что Клевлеев нанес большой вред нашей партии, засорив ее ряды чуждыми элементами. Конечно, организации, созданные Клевлеевым, не совсем походили на большевистские организации в нашем понимании и в них действительно проникали и представители эксплуататорских элементов, да и идейно они во многом были далеки от марксистской идеологии. Правильно делали в то время в некоторых районах, рассматривая их как группы сочувствующих партии.

А. Клевлеев, будучи коммунистом, пытался использовать религию для пропаганды коммунистических идей, однако он не хотел вредить этим партии, делал это не ради защиты религии, а с целью привлечь массы в партию. В этой связи небезынтересны строки из статьи В. И. Ленина об отношении рабочей партии к религии: «...можно ли при всех условиях одинаково осуждать членов с.-д. партии за заявление: «социализм есть моя религия» и за проповедь взглядов, соответствующих подобному заявлению? Нет... Одно дело, если агитатор или человек, выступающий перед рабочей массой, говорит так, чтобы быть понятнее, чтобы начать изложение, чтобы реальнее оттенить свои взгляды в терминах, наиболее обычных для неразвитой массы. Другое дело, если писатель начинает проповедывать «богостроительство» или богостроительный социализм... Насколько в первом случае осуждение могло бы быть придиркой или даже неуместным стеснением свободы агитатора, свободы «педагогического» воздействия, настолько во втором случае партийное осуждение необходимо и обязательно. Положение: «социализм есть религия» для одних есть форма перехода от религии к социализму, для других — *от* социализма к религии»[1].

[1] *В. И. Ленин.* Соч., т. 15, стр. 378.

На наш взгляд, так называемую «клевлеевщину» нельзя считать «богостроительством», и организации, созданные под влиянием его пропаганды, нельзя уподоблять «религиозным сектам», ибо эти организации шли не от партии к религии, а от религии к партии и в той обстановке оказали некоторое влияние на массы. Эксплуататорские классы и их идеологи — клерикалы и джадиды — еще в колониальный период обрисовывали большевиков как врагов верующих, врагов семьи, сторонников «обобществления» женщин, губителей культуры и т. д. Характерен следующий факт. Один из сотрудников газеты «Меҳнаткашлар ўқи» (орган Самаркандского Наркомнаца) под псевдонимом «Ишчи» (Шакир Мухтарий. «Партия турмуши» за 1961 год, № 7, стр. 81) написал брошюру под названием «Что такое социализм». В ней автор неизбежность гибели капитализма обосновал законом всеобщего капиталистического накопления К. Маркса, с удачно подобранными примерами об обнищании рабочего класса, показал основные черты социалистического общества, а после всего этого, цитируя отдельные статьи корана, заявил, что неизбежность перехода к социализму была предвидена в коране, что основные требования социализма совпадают со взглядами ислама. В одном из номеров газеты «Меҳнаткашлар ўқи» был опубликован отклик на эту брошюру, где один из читателей благодарит «Ишчи» за то, что он объяснил, что означает социализм и показал, что социализм не враг мусульман[1]. Следовательно, данная брошюра, написанная в духе клевлеевщины, в той обстановке не отталкивала народ от социализма, а до некоторой степени популяризировала его.

Во многих организациях, созданных А. Клевлеевым, большинство членов было из трудящихся. Из их среды вышло немало активных партийных работников; некоторые организации создавали добровольческие отряды и направляли их против басмачей, которые, что называется, выступали с кораном в руках. Обвинять Клевлеева в сознательном засорении рядов партии было бы несправедливо потому, что Клевлеев действовал только в Самаркандской области, а ряды партии были засорены

[1] «Меҳнаткашлар ўқи» от 28 февраля 1919 г.

во всех областях и в основном позже, в период рыскуловщины.

Своеобразный метод агитации А. Клевлеева очень быстро сошел с арены и, разумеется, не мог стать признанным методом пропаганды марксизма среди трудящихся. Коммунисты из числа местных трудящихся еще более широко распространяли среди народа коммунистическую идеологию, а рост политической сознательности и активности местных трудящихся делал излишним использование статей корана при проведении тех или иных мероприятий Советской власти.

Таким образом, так называемая «клевлеевщина» была случайным и преходящим явлением периода зарождения коммунистического движения среди местных трудящихся Туркестана, порожденным особенностями сложившейся в начале 1918 года обстановки. Вообще же в городах и кишлаках коммунистические ячейки возникали без религиозной агитации. Их появление усилилось в начале 1919 года, когда в сознание народа более широко начали проникать большевистские идеи.

Таким образом период гражданской войны и иностранной вооруженной интервенции для узбекского народа оказался также периодом зарождения и упрочения коммунистического движения, что выразилось в быстром росте коммунистических ячеек по всему Узбекистану и повышении идейно-политического уровня членов партии. Дальнейшему росту коммунистических организаций среди местного населения и увеличению числа их членов способствовало создание летом и осенью 1918 года областных и уездных комиссариатов по делам национальностей. Органы наркомнаца вели большую разъяснительную и организационную работу среди местных трудящихся, в их составе были созданы отделы статистики, культурно-просветительные и организационно-агитационные. Многие областные комиссариаты приступили к изданию газет на местных языках. Так, в Ташкенте с июня 1918 года начала выходить как орган Туркестанского наркомнаца газета «Иштрокиюн» (Коммунист). В Самарканде в качестве органа областного комиссариата выходила газета «Меҳнаткашлар ўқи», затем «Меҳнаткашлар товуши» (Голос трудящихся). В других городах также появились подобного рода газеты. В этих газетах перепечатывался ряд статей В. И. Ленина,

постановления Советского правительства и директивы ЦК РКП (б), широко освещались события местной политической и хозяйственной жизни. Все это в свою очередь способствовало подъему коммунистического движения среди местных трудящихся. Уже ко времени II съезда КПТ число членов партии в Туркестане увеличилось с 2000 человек (к моменту I съезда КПТ) до 13 000. Согласно отчету, опубликованному в газете «Иштрокиюн», в Самаркандской области партийные ячейки существовали в 27 волостях. Число коммунистов в области возросло до 3500 человек. 22 ячейки объединяли 1500 коммунистов в волостях. В Коканде было 750 коммунистов, среди них 250 человек было из местных национальностей. В Ходжентском уезде до апреля 1918 года организации большевиков не было, а ко времени II съезда КПТ в городе имелось 264 коммуниста, среди которых были и местные трудящиеся. Кроме того, в 9 волостях уезда действовали партийные ячейки, объединявшие 211 коммунистов. В Голодной степи было 200 коммунистов. В Пскенте насчитывалось 1100 коммунистов, большую часть которых составляли лица местных национальностей. В Намангане было 600 коммунистов, из них 400 — местных национальностей. В Скобелеве было 93, Кызыл-Кия — 456 коммунистов. В Ташкенте имелось 2000 коммунистов, в числе которых 900 представителей местных национальностей. Большевистские организации в это время были в Маргелане, Шахрихане, Андижане и в других городах Туркестанской АССР.

Такой быстрый рост коммунистического движения в крае вообще и среди местных трудящихся, в частности, не был случайным явлением. В одной из статей газеты «Иштрокиюн» (5 января 1919 года) говорилось, что «как только партия большевиков начала проводить в жизнь свою программу, народ понял, что наша партия заботится о благе рабочих. В результате этого работа нашей партии большими темпами двигается вперед».

Особенно много партийных ячеек появилось в Ташкентском уезде. Осенью 1918 года партийные ячейки были созданы в 6 кишлаках Ниязбашинской волости, в 8 кишлаках Букинской, в 5 кишлаках Кенджигалинской, в 3 кишлаках Османской, в 5 кишлаках Зенгиатинской, в 3 кишлаках Аккурганской, в 5 кишлаках Хурданской, в 8 кишлаках Акджарской, в 4 кишлаках Тойтепинской,

в 4 кишлаках Теляуской волостей и в ряде других кишлаках.

Таким образом в 1918 году в Туркестане возникла самостоятельная большевистская организация, которая быстро стала массовой организацией. В партийных организациях таких городов, как Ташкент, Самарканд, Коканд находилось значительное количество промышленных и железнодорожных рабочих. А в организациях старых частей городов и уездных городов в рядах партии преобладающими были мелкие кустари, трудовые крестьяне и местная интеллигенция. В кишлаках ячейки состояли из трудовых крестьян.

В это же время в кишлаках широкую агитацию вели и левые эсеры. Их организация также росла, однако в основном за счет кулацких элементов. Во многих кишлаках байско-кулацкие элементы, организуя левоэсеровские ячейки, противодействовали появлению большевистских ячеек. На этой почве нередко разгоралась ожесточенная борьба. В Пскентской волости Ташкентского уезда левые эсеры преобладали в волостном исполкоме и противодействовали организации большевистской ячейки. Между большевиками и левыми эсерами во время перевыборов волостного исполкома завязалась упорная борьба. Левые эсеры хотели провести на пост председателя одного из местных баев. Агитация большевиков против этой кандидатуры обеспечила им победу: из 264 человек 177 голосовали против левоэсеровского кандидата. За это левые эсеры арестовали несколько дехкан — большевиков, которые были освобождены только после вмешательства сверху. Часто люди, ранее записавшиеся в партию левых эсеров, выходили из нее и записывались в партию большевиков. Однажды в Самарканде, в мечети Ходжа-Ахрар, состоялось созванное большевиками собрание. После разъяснения задач партии многие из присутствующих выразили желание стать членами партии большевиков. В их числе было несколько левых эсеров во главе с председателем их местного комитета. 8 марта 1919 года в кишлаке Аби-Рахмат, Багишамальской волости на собрании, созванном большевиками, 90 человек записались в партию большевиков, среди них также было немало рядовых левых эсеров.

В марте 1919 года партия левых эсеров Туркеста-

на на своем III съезде приняла постановление о самороспуске. После этого Компартия Туркестана окончательно стала здесь единственной руководящей партией.

Дальнейшему развитию коммунистического движения призвано было способствовать также создание Мусульманского бюро.

Мусульманское бюро РКП(б) было образовано в октябре 1918 года на съезде коммунистов-мусульман России и явилось специальной организацией всероссийского масштаба, созданной по инициативе В. И. Ленина. Бюро было призвано вести агитационно-пропагандистскую и организационно-воспитательную работу среди мусульманских коммунистов.

В резолюции съезда было написано:

«Для устранения национальных трений между членами пролетарской интернациональной семьи угнетенных, для более скорого слияния в одно целое пролетариата всех национальностей, съезд коммунистов-мусульман постановил:

1. Бывшее до сих пор название Российская партия коммунистов (большевиков) мусульман заменяется общим названием РКП. Комитеты переименовываются в «мусульманские организации» (бюро).

2. «ЦК мусульман — коммунистов (большевиков)» переименовывается в Центральное бюро мусульманских организаций РКП.

3. Местные мусульманские организации связываются с общими организациями (комитетами) посредством делегирования одного из своих представителей. Центральное бюро связывается с ЦК РКП(б) также.

4. В больших городах районные мусульманские организации, будучи самостоятельными, с общей организацией связываются через мусульманские организации, объединяющие мусульманские районные организации.

5. На фабриках и заводах мусульманские организации связываются с общими непосредственно, по усмотрению этих организаций»[1].

В созыве I съезда коммунистов-мусульман России большую роль сыграли национальные коммунистические организации Башкирии и Татарии, на территории которых коммунистические организации мусульман, то есть национальные коммунистические организации, возникли еще перед Октябрьской революцией и существовали параллельно с русскими коммунистическими организациями. На этом съезде они решили объединиться с РКП(б), считая себя неразрывной частью партии, что было осуществлением решения VII (Апрельской) конференции большевиков о создании единой интернациональной коммунистической организации трудящихся всех национальностей России[1].

Вместе с тем, в силу того, что коммунистическое движение среди мусульманских народов России только что появилось, с мусульманскими коммунистами нужно было вести особую работу. Их нужно было учить азбуке марксизма-ленинизма, помочь им овладевать навыками политической борьбы, наладить политическую работу среди масс. Мусульманское бюро, как часть РКП(б), должно было найти наиболее целесообразные формы и методы доведения директив партии до мусульманских коммунистов, считаясь с их политической и теоретической подготовкой и стремясь в кратчайший срок поднять их политический и теоретический уровень до уровня массы русских коммунистов.

На мусульманское бюро было возложено издание периодической и массовой литературы на местных языках, проведение устной агитации и разъяснительной работы среди местного населения, организация пропаганды.

Все эти задачи были сложными и трудными, ибо в отличие от районов, где было значительное число промышленного пролетариата, в таких местностях, как Туркестан, национальных промышленных рабочих было очень мало и они еще не совсем оторвались от мелкобуржуазной стихии.

Для развития в Туркестане коммунистических организаций нужна была постоянная и повседневная помощь местным коммунистам со стороны русских коммунистов.

Положение осложнялось и тем, что местные коммунисты олицетворяли собой представителей в ис-

[1] «Жизнь национальностей», М., 1918, № 3.

[1] КПСС в резолюциях.., изд. седьмое, ч. I, стр. 345—346.

давнем прошлом угнетенных народов, среди части которых существовало в той или иной мере чувство недоверия к русской нации. Поэтому одной из основных задач Мусульманского бюро была борьба против проявлений и влияния буржуазного национализма.

В начале 1919 года в городах Туркестанской АССР появились самостоятельные комитеты мусульманских коммунистов. 5 января 1919 года в Ташкенте был избран комитет мусульманских большевиков в составе 10 человек, такой же комитет образовался в старом городе Самарканда и т. д. Таким образом в Туркестане, наряду с городскими и областными комитетами КПТ, объединяющими русских коммунистов, в кишлаках появились ячейки, а в городах — комитеты мусульманских коммунистов. 30 марта 1919 года на II конференции КПТ было создано Мусульманское бюро Компартии Туркестана. 17 мая 1919 года в газетах было опубликовано обращение Мусульманского бюро КПТ о создании местных организаций Мусульманского бюро и их задачах. 20 мая того же года было опубликовано Положение о Мусульманском бюро КПТ. 24 мая 1919 года состоялась I конференция мусульманских организаций Коммунистической партии Туркестана, на которой было создано краевое бюро.

После этого во многих областях были созданы областные мусульманские бюро.

Там, где до появления Мусульманского бюро КПТ агитационно-разъяснительную работу среди местного населения и даже организацию партийных ячеек в кишлаках осуществляли местные органы Наркомата по делам национальностей, теперь всю эту работу взяли на себя Мусульманское бюро КПТ и его органы на местах. Все газеты, издаваемые на местных языках, были объявлены органами Мусульманского бюро КПТ и его местных комитетов. Стали образовываться специальные курсы по подготовке агитаторов и пропагандистов для работы среди местного населения.

В 1919 и 1920 годах работа среди местных трудящихся проводилась уже органами Мусульманского бюро КПТ. Они возглавляли мероприятия по созданию профессиональных союзов и повседневно руководили ими. Профессиональные союзы возникали в этот период

во всех городах и объединяли не только рабочих и служащих, но и трудовых ремесленников и кустарей. Так, в начале 1919 года в старом городе Самарканда появились профессиональные союзы кустарей каменотесов (резьба по мрамору), плотников, пекарей, жестянщиков, парикмахеров, работников бань, кустарей-котельщиков, работников столовых, мельниц и рисорушек, ювелиров, дворников, ткачей, табачников, писарей, кожевников, чернорабочих — мардикеров, землекопов, сапожников и т. д. Такие же профсоюзы существовали и в других городах. Часть их появилась еще летом 1917 года, другие возникли после Октябрьской революции, причем некоторые из них образовались стихийно, без четкой программы и ясной структуры. Например, в Самарканде наряду с профсоюзом пекарей под названием «кулчапазлар иттифоки» (союз лепешечников) возник еще один союз пекарей, наряду с союзом чернорабочих возник союз землекопов. Во многие союзы проникали состоятельные хозяева. Наконец, некоторые из союзов носили характер промысловой кооперации (союзы пекарей, ткачей, ювелиров, кожевников, сапожников и т. п.). Главным, однако, было то, что появление таких союзов свидетельствовало о росте политической активности широких слоев местного населения, тем более, что многие из этих союзов находились под влиянием большевиков. Так, например, 18 февраля 1919 года в старом городе Самарканда состоялось общее собрание союза ткачей, на котором участвовало 400 человек. Обсуждался вопрос о выборе в городской Совет. Преобладающее большинство голосовало за большевиков и восемь из них были избраны депутатами Совета.

В этот же период на основе общего подъема политической и трудовой активности трудящихся Туркестанской АССР в городах и кишлаках развернулась всенародная борьба за упрочение Советской власти. Трудящиеся во главе с коммунистами самоотверженно боролись против белогвардейских и басмаческих банд, перестраивали народное хозяйство и боролись с разрухой, создавали новые советские культурные и просветительные учреждения и т. д. Успехи, достигнутые народом во всех этих областях, являлись результатом зарождения и упрочения коммунистического движения в Туркестане.

4. Первые успехи национальной политики Коммунистической партии в ТАССР

Важным результатом усиления политической активности трудящихся и роста коммунистического движения в этот период были успехи ленинской национальной политики Коммунистической партии, что сыграло огромную роль в процессе формирования узбекской социалистической нации.

Чрезвычайными трудностями сопровождалась борьба трудящихся против белогвардейцев и басмаческих банд, которые выступали при поддержке зарубежных империалистов, ставя своей целью уничтожение Советской власти в Туркестане. После разгрома Кокандской автономии, уже с лета 1918 года в Туркестане начался период гражданской войны и иностранной интервенции. Развернулось басмаческое движение в Ферганской и Самаркандской областях, произошло выступление кулацко-белоказацких банд в Семиречье, свершился контрреволюционный белогвардейско-меньшевистский переворот в Закаспии, началась английская интервенция. В Ташкенте шла подготовка контрреволюционного мятежа так называемой «Туркестанской военной организации».

Во главе этой организации, возникшей весной 1918 года, стояли царские генералы Джунковский и Кондратич, полковники Блаватский, Корнилов и Цветков. К ним присоединился и полковник Зайцев, бежавший из тюрьмы при помощи членов этой организации. В сохранившейся докладной записке полковника Зайцева говорилось, что «Туркестанская военная организация имеет целью свержение Советской власти, беспощадное уничтожение большевиков... и образование автономной Туркестанской (чисто буржуазной.— *М. В.)* республики».

«Туркестанская военная организация» вошла в соглашение с английской агентурой, которая обязывалась обеспечивать ее деньгами, оружием и техническими средствами, а в тяжелых условиях и вооруженной силой. Взамен этого «Туркестанская военная организация» заверяла, что после свержения Советской власти будет организована Туркестанская автономная республика с выборным президентом, кабинетом министров, с однопалатным парламентом. Эта республика будет находиться под исключительным влиянием Англии и будет пользоваться «той же самостоятельностью, как африканские колонии Англии — Трансвааль и Оранжевая республика».

«Туркестанская военная организация» вошла в соглашение и с ферганскими басмачами, признав главой всех басмачей Ферганы Эргаша. Последний обещал действовать в соответствии с планами организации. Представители английского правительства обещали также полностью снабжать басмачей всем необходимым. На первых порах было условлено, что Эргаш получит 100 миллионов рублей деньгами, 16 горных орудий, 40 пулеметов и большое количество винтовок.

При посредничестве «Туркестанской военной организации» Эргаш и бухарский эмир присоединились к «Юго-Восточному союзу», тесно связанному с закаспийской контрреволюцией и с Джунаид-ханом. Отделы организации действовали в Коканде, Скобелеве, Андижане, Аулие-Ате, Верном, Самарканде и Джизаке. Активными членами этой организации стали такие представители басмачей, как Абдукагар курбаши, главарь буржуазных националистов Бехбуди и др.

В это же время готовилась к захвату власти и организация левых эсеров. Несмотря на идейный разгром к этому времени левых эсеров, ставших на путь контрреволюции, они сохранили своих представителей в некоторых правительственных органах, где эсеры все еще занимали отдельные важные посты, пользуясь попустительством и ротозейством Тоболина и других руководящих работников края.

Пользуясь этим обстоятельством, «Туркестанская военная организация» установила тесную связь с левыми эсерами, что еще более осложнило обстановку в городах Туркестана летом 1918 года.

По решению объединенного заседания ТуркЦИКа Совнаркома ТАССР и Президиума Главного железнодорожного исполкома 5 октября 1918 года для борьбы с контрреволюционными элементами была создана Чрезвычайная следственная комиссия. Ей было поручено ведение наблюдения за политическим положением края и борьба против контрреволюционных организаций. Комиссия начала свою работу как боевой революционный орган Советской власти и уже в октябре 1918 года раскрыла «Туркестанскую военную организацию» и установила ее связь с английскими разведчиками.

После ареста части заговорщиков «Туркестанская военная организация» слилась с другой антисоветской организацией бывших офицеров, которой руководил авантюрист Осипов, обманным путем пролезший в партию и занимавший высокий пост военного комиссара Туркестанской республики. Теперь все контрреволюционные силы сгруппировались вокруг Осипова, ставшего во главе так называемого «Временного комитета», который приступил к ускоренной подготовке вооруженного захвата власти.

Осиповское восстание началось в ночь с 18 на 19 января 1919 года, когда Осипов обманным путем арестовал всех большевиков — членов правительства и руководителей КПТ. От рук врагов революции и народа погибли Председатель ЦИК Туркестанской республики В. Д. Вотинцев, Председатель Совнаркома Туркреспублики В. Д. Фигельский, Председатель Ташкентского Совета Н. В. Шумилов, народный комиссар продовольствия Туркреспублики А. Я. Першин, заместитель председателя Ташкентского Совета В. И. Финкельштейн, Председатель Краевого Совета профессиональных союзов, редактор органа ЦИК Туркестана «Известия» М. С. Качуринер и другие товарищи.

Борьбу против осиповщины организовали и возглавили большевики. Руководимые большевиками рабочие и солдаты нанесли сокрушительный удар мятежникам. Примечательно, что в борьбе участвовала вооруженная дружина Ташкентского старогородского Совета.

Таким образом сорвалась еще одна попытка контрреволюции нанести решительный удар Советской власти в Туркестане и превратить его в колонию английского империализма.

Годы гражданской войны и иностранной военной интервенции в узбекских районах Туркестана (Ферганская и Зеравшанская долины) характеризовались развертыванием контрреволюционного басмаческого движения.

Басмачество являлось антинародным движением, направленным к восстановлению в Туркестане власти клерикально-феодальных и буржуазно-националистических элементов. Среди трудовых масс басмачи не имели сколько-нибудь широкой опоры и поэтому стремились опереться на поддержку иностранного империализма.

Основное ядро басмаческих банд состояло из бывших низовых чинов царской администрации (аксакалов, мирабов, волостных управителей), потомков бывших ханских правителей (понсатов), духовных лиц и деклассированных элементов. В ядре басмаческих банд почти не было людей, вышедших из низов: крестьян, кустарей, чайрикеров и мардикеров, за исключением некоторой части наиболее отсталых, обманутых посулами и терроризированных угрозами людей, временно примкнувших к басмачам. Зато в басмаческие банды охотно шли так называемые «ялангаяки» (босяки), бездомные кимарбази (картежники), чапанди (люди без определенных занятий, живущие случайными подачками баев и заводчиков за выполнение разных нечистых дел) и им подобные.

В кишлаках, где более или менее долго базировались басмачи, устанавливался режим, ничем не отличавшийся от старых ханских порядков. Уничтожая советские учреждения, басмачи назначали из числа бывших баев и царской низовой администрации аксакалов для сбора налогов и поборов с населения и казиев для ведения судебных дел на основе шариата.

Басмачи были беспощадны по отношению к советским работникам, членам Коммунистической партии и красноармейцам и варварски уничтожали их.

Лозунгом басмаческого движения было восстановление мусульманского государства в Туркестане и борьба за торжество ислама.

Басмаческое движение не имело ни тени демократического характера. Его нельзя считать даже движением чисто буржуазного характера, так как феодально-монархического в нем было больше, чем буржуазно-реформистского. Национальная буржуазия, до Октябрьской революции выступавшая с предложением некоторых реформ, теперь сращивалась с феодально-клерикальными элементами и в борьбе против Советов заменяла буржуазно-либеральные лозунги феодально-монархическими, воспевая реакционные идеи газавата.

Почему все же значительная часть крестьян в течение 1918—1920 годов вела себя относительно пассивно в отношении к басмачеству, хотя (это важно подчеркнуть) никогда не высказывалась за отторжение от Советской власти?

Ферганская долина и часть Самаркандской области, как было сказано выше, в период господства царизма стали хлопковыми районами, основная масса крестьянства которых жила, главным образом, хлопководством. Значительное развитие получило социальное расслоение крестьянства.

Первая мировая война еще более ухудшила положение трудящихся крестьян. Политика буржуазного Временного правительства не принесла крестьянам ничего положительного. Образование «Оренбургской пробки» в ноябре 1917 года и дальнейшее сокращение привоза товаров из центра и развертывание гражданской войны в стране не позволили партии и государству принять широкие мероприятия для резкого подъема крестьянского хозяйства вообще и Ферганы, в частности.

Все это привело к тому, что крестьяне оказались в крайне тяжелом положении. К этому надо присовокупить извращения национальной политики партии со стороны отдельных шовинистически настроенных советских работников, имевшие место вплоть до приезда сюда Комиссии ВЦИК и Совнаркома РСФСР по делам Туркестана.

Шовинисты пренебрегали правами и интересами местного населения, не вели среди него разъяснительной и политической работы, допуская при этом вредные перегибы. Так, например, с объявлением хлебной монополии были совершенно закрыты базары, при изъятии излишков сельхозпродуктов не придерживались дифференцированного подхода к местному населению. Такой же огульный подход применялся ко всем слоям населения при проведении закона о трудовой повинности и т. д. Все это затрудняло борьбу против басмачества и демагогически использовалось им в борьбе против Советской власти. К тому же, после разгрома Кокандской автономии басмачи действовали главным образом в кишлаках, где влияли на наиболее отсталую часть неграмотного, привыкшего к повиновению, крестьянского населения, причем влияние это «закреплялось» методами прямого террора, жесточайшими расправами со всеми, кто высказывал свое недовольство антинародной политикой басмаческих главарей.

В то же время значительная часть националистов после разгрома Кокандской автономии и объявления со-

ветской автономии Туркестана сумела проникнуть двурушническими методами в краевые и местные органы Советской власти и, находясь у руководства советским аппаратом, помогала басмачам, сознательно дискредитировала законы Советской власти.

Отрицательные последствия имело также сохранение в кишлаках сравнительно сильных капиталистических и феодальных элементов, которые в силу сложившейся обстановки не были экономически разоружены. Выходцы из этих кругов или сами возглавляли басмаческие банды, или поддерживали их, нередко выполняя роль поставщиков оружия, обмундирования и продовольствия. Многие баи и духовники назначались басмачами своими представителями и судьями в отдельных кишлаках Ферганы.

Все эти и им подобные моменты привели к тому, что басмаческое движение в 1918—1920 годах в Ферганской долине смогло получить сравнительно большой размах, хотя тут же надо подчеркнуть, что басмачество так и не приобрело характера массового движения, а главари и организаторы басмачей так и не сумели вызвать чувства ненависти трудящихся к Советской власти.

Действительно, примерно 10 000 человек участников басмачества составляли ничтожный удельный вес по отношению к двум миллионам населения Ферганской долины. К тому же басмачество в эти годы усилилось совсем не потому, что привлекало к себе симпатии населения и отражало его интересы, а потому, что борьба с ним велась слабо и по началу недостаточно умело и организованно.

Закономерно поэтому, что с укреплением Советской власти в крае и по мере все большего ознакомления с ее идеями и задачами основная масса крестьянства все больше и быстрее переходила к активной борьбе против басмачества в пользу Советской власти, как истинной выразительницы и защитницы коренных интересов трудового народа.

В таких чертах рисуется социальная природа басмачества и причины некоторого роста его в 1918—1920 годах, что временно оказало отрицательное влияние на процесс сплочения трудовых крестьян вокруг русского рабочего класса и в итоге на начальный процесс сложения узбекской социалистической нации.

Начало басмачеству положил упоминавшийся выше Эргаш. После разгрома в Коканде он обосновался в кишлаке Бачкир, откуда совершал набеги на окружающие села и города. Вскоре после этого образовался басмаческий отряд Мадамин-бека, в прошлом занимавшегося бандитизмом. После победы Февральской революции Мадамин был выдвинут националистами на пост начальника милиции города Маргелана. С разгромом Кокандского автономного правительства он собрал вокруг себя группу темных лиц и, разоружив часть милиционеров, преданных Советам, бежал из города и присоединился к банде Эргаша. Вскоре он стал играть первенствующую роль в этом отряде. Осенью 1918 года в Фергане появляется уже много басмаческих банд, из которых более крупными были банды Мадамина, Куршермата, Халходжи, Сали-Махсума и ряда других. В это же время в Фергане была создана так называемая «крестьянская армия» из русских крестьян-переселенцев. Вначале она подчинялась штабу Туркестанского фронта и использовалась для защиты от басмаческих банд русских поселков. Командовавший этой армией кулак Монстров, заменив всех командиров и членов штаба белогвардейцами, изменил Советскому государству и захватил город Ош. Затем Монстров присоединился к басмачам.

Мадамин объединил все басмаческие банды и организовал «Временное ферганское правительство», в состав которого входили царский генерал Муханов, крупный скупщик хлопка Азимханов, кулак Монстров и английский разведчик Ненсберг. Председателем правительства стал сам Мадамин. Общее число басмачей, объединенных Мадамином, доходило до 7000 человек. В образовании правительства и определении его программы принял участие бывший царский консул в Кашгаре Успенский. Он снабжал Мадамина деньгами и оружием, посылаемыми Англией. Мадамина посетили представители Афганистана и Бухары, куда он также направил своих посланцев для установки контакта в борьбе против Советской власти.

Отдельными отрядами басмачей руководили начальники-курбаши. Мадамин считался беком всех отрядов. Фактически многие курбаши были простыми бандитами и не подчинялись даже ему.

Время от марта-апреля 1918 года до осени 1919 года было периодом усиления басмачества в Фергане. Появились новые банды. Басмачи грабили мирных граждан, убивали каждого, подозреваемого в большевизме, произвольно устанавливали различные поборы с населения. Этот период в истории трудящихся Ферганы составляет одну из самых кровавых и темных страниц. Банды басмачей разрушали заводы, шахты и нефтепромыслы, причем наиболее сильно пострадали хлопкоочистительные заводы. Осуществлялся массовый террор над мирным населением. Один из главарей басмаческих банд Умар Али в Маргеланском уезде за сев хлопчатника по договору с хлопкозаводом зарезал 54 дехканина. Басмачи зверски убивали красноармейцев. Так, группу красноармейцев, попавших в окружение в кишлаке Шахимардан, они загнали в помещение мечети и подожгли его.

В это тяжелое для народов Средней Азии время на помощь им пришел великий русский народ.

После разгрома адмирала Колчака М. В. Фрунзе, командовавший тогда южной группой Восточного фронта, внес в ЦК РКП(б) предложение о выделении южной группы в самостоятельный Туркестанский фронт. Предложение М. В. Фрунзе было одобрено ЦК РКП(б), и в августе 1919 года из единого Восточного фронта были образованы два фронта: Туркестанский и Восточный. Командующим Туркестанским фронтом был назначен Михаил Васильевич Фрунзе, а членом Революционного военного Совета фронта Валериан Владимирович Куйбышев. Оба они были включены в состав Туркестанской комиссии ВЦИК и СНК РСФСР, созданной по инициативе В. И. Ленина для оказания помощи трудящимся Туркестана в упрочении Советской власти.

Туркомиссия наряду с мероприятиями по укреплению партийно-советских органов края принимала также активное участие в организации руководства борьбой масс против басмачества в Фергане, белогвардейцев и белоказаков в Закаспии и Семиречье. Для успешной борьбы на фронтах Туркестана проводилась реорганизация Красной Армии края. На политическую работу в армейские части было направлено много коммунистов, в том числе из лиц местных национальностей.

Призыв в ряды Красной Армии местного населения имел большое значение. Было призвано 30 000 человек.

Мероприятия по повышению боевой подготовки бойцов Красной Армии быстро привели к крупным успехам. Красная Армия нанесла сокрушительные удары по басмачам и белогвардейским отрядам.

В феврале 1920 года произошло несколько сражений с основными силами басмачей. После понесенных поражений Мадамин 2 марта 1920 года просил мира, и 6 марта было заключено соглашение, по которому Мадамин со всеми своими отрядами перешел на сторону Советов. После этого были нанесены удары отрядам Куршермата и Халходжи, последний был убит. Крупные басмаческие отряды понесли большой урон. Однако бандиты еще продолжали устраивать набеги и ограбления, избегая вступать в бой с Красной Армией.

К осени 1920 года район Центральной Ферганы был очищен от басмачей нанесением сокрушительных ударов по шайкам Куршермата, Нурмамата и др. Куршермат бежал в Афганистан.

В. В. Куйбышев отметил три этапа басмаческого движения в Фергане. Первый этап продолжался до лета 1919 года. В это время басмачество расширяется и принимает организованный характер. Под командой Мадамина, поддержанного духовенством, баями, Бухарой, Афганистаном и Англией, собираются значительные силы. Второй этап — с весны 1919 до весны 1920 года. В этот период, когда Мадамин уже сдался, в лагере басмачей происходит разложение. Благодаря принятым по рекомендации Туркомиссии политическим и военным мерам, начинается отход от басмачей насильно завербованных ими крестьян и переход на сторону Советской власти отдельных курбашей. Третий этап начинается с лета 1920 года. Теперь басмаческие банды в Центральной Фергане были разбиты. Остались только шайки, состоящие из основного ядра басмачества — уголовно-преступных элементов, во главе с заклятыми врагами народа и Советской власти. Они занимались разбойничьими налетами на мирные кишлаки и города. Эти банды были ликвидированы к 1923 году, причем теперь в борьбе против басмачей принимали активное участие все трудящиеся Ферганы, возглавляемые районными военными комиссарами,

которые имелись к этому времени в каждом более или менее крупном населенном пункте (от 4 до 6 в каждом уезде). В начале восстановительного периода басмачество в узбекских районах ТАССР было фактически ликвидировано. В процессе борьбы против басмачества трудящиеся еще более сплотились вокруг Коммунистической партии и Советского правительства и быстро выходили из-под влияния местных эксплуататорских классов, которые саморазоблачались своей поддержкой басмачей.

Этот период характеризуется также большими экономическими и культурными переменами в жизни народов Туркестана, в том числе и узбеков.

В трудной и сложной обстановке зарождался новый, социалистический уклад хозяйства и формировалась социалистическая культура. Начинался процесс великой революционной ломки основ экономической и духовной жизни народов Туркестана.

Состояние промышленности в 1918 году и первой половине 1919 года было самым тяжелым. Сокращение объема производства, падение производительности труда, ухудшение качества продукции при резком повышении себестоимости — все это было результатом военной обстановки, вызывалось трудностями проведения новых экономических мероприятий. Национализация промышленности — решающее условие ликвидации старого, капиталистического уклада и создания нового социалистического хозяйства — проходила в Туркестане до октября 1919 года. За этот период были национализированы все железные дороги, хлопкоочистительные, маслобойные, мыловаренные, ватные, кожевенные заводы, нефтяные промыслы, угольные шахты, предприятия химической, полиграфической промышленности и др. Хотя краевой и местные советы народного хозяйства были созданы еще в марте 1918 года, тем не менее при национализации промышленности допускались ошибки. В отдельных городах, например, были национализированы также мелкие промышленные предприятия.

На отдельных предприятиях в результате неправильного понимания сущности национализации рабочие установили управление через фабричные и заводские комитеты, которые считали предприятие собственностью данного рабочего коллектива в чью пользу шла реализация

продукции. Это извращение, поощряемое эсеровскими элементами, вело к дезорганизации производства, ухудшению качества продукции.

К началу 1919 года работали только 32 процента хлопкозаводов, 30 процентов кожевенных заводов. Недостача топлива привела к тому, что предприятия с двигателями внутреннего сгорания бездействовали, работали только мелкие и технически отсталые предприятия с водяными двигателями. Многие предприятия работали с перебоями в силу изношенности оборудования.

Туркестанский Центральный Исполнительный Комитет и Совнарком приняли ряд мер по улучшению работы промышленности. Первый съезд профсоюзов, проходивший летом 1918 года, обсудил вопрос об укреплении трудовой дисциплины. Решением ТуркЦИК в конце года были организованы товарищеские суды на предприятиях. По примеру центральных городов России декретом ТуркЦИК устанавливалась обязательная норма выработки и сдельная оплата с премиальным вознаграждением. В апреле 1919 года было принято решение о назначении заведующих предприятиями, которые должны были единолично отвечать за его состояние. Это мероприятие дало возможность Центральному Совету народного хозяйства края регулировать работу отдельных национализированных предприятий и установить между ними правильные взаимоотношения.

В первые месяцы гражданской войны были национализированы многие кустарные предприятия. В августе 1919 года было дано указание о запрещении национализации кустарных предприятий и об объединении кустарей в артели, с обеспечением их сырьем и оборудованием. Артели должны были продавать свою продукцию только государственным торговым органам. Поощрялись и некооперативные кустари. Эти меры дали возможность использовать местные ресурсы для обеспечения населения некоторыми товарами.

Шла усиленная борьба против хозяйственной разрухи. Она началась с улучшения управления промышленностью. Были сокращены ненужные комитеты и комиссии. Вся национализированная промышленность подчинялась теперь Центральному Совету народного хозяйства края. Областные и уездные совнархозы были превращены в отделы ЦСНХ Туркестана.

Вопросы восстановления народного хозяйства широко обсуждались на V краевой партийной конференции, проходившей в январе 1920 года. Было решено составить общий план производства, укрепить предприятия и развить кустарную промышленность. В феврале М. В. Фрунзе отдал приказ об использовании части войск на трудовом фронте. Особое внимание обращалось на привлечение местного населения к делу восстановления народного хозяйства. Проводились субботники по очистке железной дороги, починке мостов и восстановлению разрушенных зданий. Была установлена трудовая повинность для взрослого населения до 50 лет. Эти мероприятия дали возможность значительно улучшить работу промышленности и частично восстановить ее.

В описываемый период значительно сократилась посевная площадь, в особенности под хлопчатником. Урожайность всех культур упала, поголовье скота уменьшилось. Для крестьян Ферганской долины особенно чувствительно было сокращение хлопководства как по площади, так и по валовому сбору. Посевная площадь в Туркестане в 1920 году составила примерно 35 процентов посевов 1915 года. Площади же под хлопком сократились еще сильнее. Такое резкое падение сельского хозяйства объяснялось не только военным положением в крае и отрывом республики от центральных районов, но и было связано с подрывными действиями и саботажем со стороны националистов и эсеров.

Было запущено и водное хозяйство, которое до марта 1919 года не было национализировано. Однако и после национализации в водном хозяйстве края особых сдвигов не произошло. 50 миллионов рублей, отпущенных по предложению В. И. Ленина на ирригацию, во многом были затрачены нерационально. Во главе водного хозяйства оставались прежние арык-аксакалы, мирабы и т. д. В особенности было плохо там, где земельно-водные комитеты находились в руках кулацких элементов. В таких районах, даже после проведения национализации, распределение воды происходило неправильно: обеспечивались преимущественно земли баев и кулаков.

Положение дехкан-хлопкоробов было очень тяжелое. Они не снабжались хлебом. Разница между нормированной ценой на хлопок и базарными ценами на продовольствие была огромной. Поэтому многие дехкане перестали

сеять хлопчатник. Хлопковое хозяйство, некогда самое высокотоварное, в силу указанных причин, пришло к упадку.

Была, однако, и другая сторона дела. В 1918 и 1919 годах в Туркестане уже появилось около 400 сельскохозяйственных коммун и артелей. Объединенные в них 40 000 человек получили 35 000 десятин земли. Некоторые коммуны и артели появлялись в результате того, что многие безземельные и малоземельные крестьяне, теперь наделенные землей, не имели рабочего скота и инвентаря. Коммуны и артели, возникшие на национализированных землях кулаков и баев, вместе с землею получали рабочий скот и инвентарь ликвидированных хозяйств. Артели и коммуны давали крестьянам право на получение кредита и приобретение рабочего скота и инвентаря.

Созданные батраками и бедняками коммуны и артели своевременно засевали и обрабатывали поля, заботились о садах и виноградниках. И хотя они имели потребительский характер, их работа наглядно разоблачала контрреволюционную агитацию баев и кулаков о нежизненности коллективных хозяйств, о том, что большевики отбирают землю дехкан и насильно сгоняют их в артели и коммуны. Областные Советы выпустили в те дни специальное обращение о добровольности вступления в артели и о свободном существовании единоличных дехканских хозяйств.

В дальнейшем коммуны и артели стали распадаться. Причина этого состояла в том, что они еще не имели хозяйственно-технической базы и были созданы только для самоснабжения. С восстановлением хозяйства края и увеличением привоза продовольствия в Туркестан из центральных районов они потеряли свое значение.

Наряду с артелями и коммунами возникали и советские хозяйства. В начале 1920 года в крае имелось 17 совхозов с посевной площадью в 28 500 десятин. Положение их тоже было трудное, несмотря на то, что возникли они на основе крупных имений. Дело было в том, что значительное количество скота и инвентаря из имений переходило в руки коммун. Поэтому часто в совхозах обрабатывать землю было нечем, и они вынуждены были применять труд чайрикеров. Последние обрабатывали землю совхозов своими средствами, получая часть урожая: от $^4/_5$ до $^7/_8$ доли его. Конечно, такая форма «государственного чайрикерства» не получила, да и не могла получить своего развития.

В этот период был допущен также ряд извращений и в вопросах национализации земли: национализировались иногда земли и сады средних крестьян. Начиная с конца 1919 года ТуркЦИК издал ряд декретов об исправлении допущенных извращений. Сады площадью до 8 десятин были возвращены владельцам. Также были возвращены неправильно конфискованные земли. Сады, принадлежавшие нетрудовым элементам, передавались кооперативам и объединениям садоводов, а земли — в распоряжение кишлачных обществ, которые распределяли их среди трудовых дехкан. Эти мероприятия способствовали расширению посевной площади в крае: в 1920 году по сравнению с 1918 годом она увеличилась на 300 тысяч десятин.

Начиная с весны 1920 года стала оказываться помощь дехканам инвентарем и скотом. В первую очередь снабжались хлопкосеющие районы. Вводилось отоваривание сдатчиков хлопка маслом, мылом и мануфактурой. Крестьяне получали денежные авансы, семена в кредит, жмых для удобрения хлопчатника. Была введена премиальная надбавка в размере 3 аршин мануфактуры на каждый пуд хлопка, сданного сверх 50 пудов с одной десятины. В результате принятых мер только в 1920 году посевная площадь хлопчатника увеличилась на 21 000 десятин. Если учесть, что все это делалось в период борьбы с басмачеством в Фергане, когда дехкан убивали только за одну попытку продать хлопок государству, такой рост площади за один год являлся большим достижением.

Самым острым вопросом был продовольственный вопрос. До войны Туркестан ежегодно получал из центральных районов от 12 до 15 миллионов пудов хлеба. В связи с гражданской войной поступление хлеба резко сократилось. К тому же в Туркестане было три неурожайных года. Острота этого голода частично смягчалась благодаря помощи Советской России. Совнарком Туркестана в 1918—1919 годах со своей стороны принял ряд мер против голода, в частности, меры по созданию продовольственных запасов. Было отпущено 20 миллионов рублей на покупку хлеба. Но создать этим путем запасы не удалось, ибо цены на хлеб на рынке быстро поднима-

лись, продавать его по нормированной цене никто не хотел в силу того, что государство не могло продавать промышленных изделий по низким ценам из-за их нехватки. Осенью 1918 года было установлено четырехпроцентное отчисление натурой от урожая в пользу государства. В этом году вместо необходимых 20 миллионов удалось собрать только 4,5 миллиона пудов продовольствия.

В такой обстановке в июне 1918 года ТуркЦИК издал декрет о хлебной монополии. Одновременно с этим для городского населения был установлен хлебный паек от одного до ¼ фунта в день, в зависимости от социально-производственного положения людей.

В ноябре 1920 года была введена продразверстка, тяжесть которой ложилась, главным образом, на баев и кулацкие элементы. Кишлаки, выполнившие разверстку, получали в обмен сало, керосин и мануфактуру, при распределении которых все слои трудящихся получали поровну, даже те, кто не участвовал в ее выполнении. Это способствовало активизации бедняков и батраков кишлака, и они содействовали выявлению скрытых запасов продовольствия.

Уделялось большое внимание организации и политическому воспитанию крестьянской бедноты. Весной 1918 года возникли комитеты бедноты. Они были созданы земельно-водными комитетами для оказания помощи в проведении национализации земли. VI краевой съезд Советов Туркестана принял решение о повсеместной организации комитетов бедноты и привлечении их на борьбу с голодом. Отдельные комитеты бедноты проделали большую работу по оказанию помощи голодающим.

В то же время они не могли получить широкого развития. Вначале им не придавали достаточного значения троцкисты из руководства ТуркЦИК, пренебрегавшие работой с местным населением края. Позже их старались свести на нет местные националисты, всячески тормозившие создание комитетов в кишлаках. Националисты из ТуркЦИК издали декрет об организации комитетов бедноты только в поселках с русским населением; игнорируя запросы в этом отношении населения кишлаков, они не хотели активизации местных рабочих и бедноты. Туркомиссия вела упорную борьбу против националистов и в вопросах организации и политического воспитания крестьянской бедноты. Она поощряла стремление крестьянской бедноты создать свою массово-политическую организацию. Сыгравший важную роль союз «Кошчи» (пахарей) был организован по решениям, принятым V краевым съездом КПТ и IX краевым съездом Советов Туркестана.

В области культурного строительства в этот период происходит поистине революционный переворот. На основе декрета Совнаркома РСФСР «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», уже начиная с 1918 года, в республике создаются национальные общеобразовательные школы. В этих советских школах впервые в истории народов Средней Азии дети изучали свой родной язык и в учебный план вводились естественные и общественные дисциплины.

Советская школа в условиях Туркестана зарождалась с большими трудностями и проходила несколько этапов развития, отражающих своеобразие местной исторической и социально-культурной обстановки. Узбекская советская школа появлялась не на базе существовавшей ранее общеобразовательной школы, а рождалась заново, ибо старые мактабы не могли стать для нее базой. Она не имела готовых кадров учителей общеобразовательных дисциплин. Нужно было быстро их подготовить. Учителя дореволюционных новометодных школ, как правило, не имели достаточного опыта, чтобы сразу же обеспечить преподавание в советских школах, хотя многие из них стали первыми советскими учителями, пройдя специальную подготовку.

Новая советская школа не могла сразу победить старую школу — мактаб, имевшую многовековую историю, свои учительские кадры и сильную поддержку со стороны духовенства.

Период с 1917 по 1920 год характеризуется в области народного образования формированием первых узбекских учительских кадров, началом разработки научной терминологии. Все это было первым ударом по системе просвещения ислама, рассчитанной на воспитание у подрастающего поколения чувства религиозного фанатизма.

Новая советская школа в Туркестане уже в этот период развивалась бурно. В 1920 году в Туркестанском крае было уже 2022 начальные школы, из них в 1320

преподавание велось на местных языках. Из 165 122 учащихся 97 000 были детьми местных национальностей.

Для подготовки кадров учителей были организованы краткосрочные курсы. В 1920 году функционировало 11 курсов, которые окончило 1049 человек, из них 473 узбека. Кроме того, работали 11 курсов по переподготовке с числом курсантов в 1062 человека, из которых 512 были узбеки.

Стационарные педагогические учебные заведения для коренных национальностей появились в 1920 году. Работали 2 педагогических училища и 4 института просвещения (педтехникумы). В этом же году началось мощное движение за ликвидацию неграмотности взрослого населения. Во всех городах были открыты вечерние школы по ликвидации неграмотности. Наряду с этим открывались профессионально-технические школы и курсы. К этому времени их было 31 с общим количеством учащихся 5500 человек.

Такими были первые успехи в области народного образования, достигнутые ценою огромных усилий молодой Советской власти в Туркестане.

Вопреки попыткам буржуазных националистов отравлять сознание народа ядом национализма, захватить в свои руки рычаги идеологического воздействия на народ—победа Октябрьской революции и становление советского строя вызвали в среде местной интеллигенции резкий перелом настроений в пользу Советов и большевистской партии, что ярко сказалось в творчестве таких поэтов, как Завки и Хамза.

Завки еще в 1916 году в своих статьях «Афандилар» (Господа) резко выступал против лидеров джадидизма. В период восстания 1916 года в стихах «Аджаб эрмас» (Возможно) поэт утверждал, что все, что мы сейчас видим (голод, угнетение народа, могущество царизма и т. д.) явления преходящие, которым придет конец.

В 1917 году во многих своих стихотворениях Завки приветствовал Февральскую революцию, говоря, что свобода пришла к народам Туркестана при помощи русских рабочих.

После победы Октябрьской революции, в дни борьбы против Кокандской автономии и басмачества Завки выступал с разоблачением буржуазных националистов,

басмачей и был пламенным пропагандистом Советской власти.

В стихотворении «Бандит Эргаш», написанном в ноябре 1917 года, он разоблачает командующего вооруженными силами Кокандского автономного правительства и выражает уверенность в том, что воля и желание народа, которые слона (царя) превратили в муху, направят караван по правильному пути. Говоря, что «Улема», совместно с баями и духовенством и с разной дрянью — проказой, холерой и всякой швалью — пытается захватить власть, Завки делает вывод: «этому не бывать».

В те дни, когда Чулпан писал свои стихи «Гўзал Фарғона» (Прекрасная Фергана), «Фарғона», «Фарғона эли» (Народы Ферганы), полные жалоб на большевиков как на «разорителей» Ферганы, и призывал на помощь тени Чингиза и Тимура, Завки также писал стихи под названием «Фарғона». В противовес Фитрату, Чулпану, Элбеку, Бату и другим националистам Завки показал истинную причину разорения Ферганы: действия кокандских автономистов, создававших басмаческие банды, которые, совершая налеты на города и кишлаки и стремясь воскресить времена беков и ханов, погубили тысячи невинных. Все это и привело к разорению Ферганы.

В отличие от националистов, призывавших на помощь дух Чингиза и Тимура, Завки просит бога послать на помощь народу большевиков.

Под влиянием Октябрьской революции Завки с позиций просветителя-демократа перешел на позиции сторонника большевизма.

Такую же эволюцию совершил и Хамза Хаким-заде Ниязи. Он выступил как первый советский поэт, воспевая господство труда, советский строй. Его известные стихи и песни «Мы рабочие», «Да здравствуют Советы!», «Проснитесь, рабочие» и другие явились первыми массовыми советскими песнями узбекского народа.

Завки и Хамза были представителями зарождающейся советской интеллигенции. Они, также как первые советские учителя (Абдулла Авлони, Мирмухсин и другие) и служащие, принимали активное участие в строительстве новых культурных и просветительных учреждений.

Завки проводил большую организационную работу среди кустарей, создавал промысловые артели. Он участвовал в организации борьбы против банд Эргаша, от рук которого и погиб в 1921 году.

В тот же период зародился узбекский советский театр. Уже в сентябре 1918 года в Фергане под руководством Хамзы возникла «Краевая разъездная драматическая труппа». В этом же году в Ташкенте Маннон Маджидов (Уйгур) организовал драматическую труппу им. К. Маркса. В этих труппах участвовали Мухитдин Кари Якубов, Абрар Хидоятов, Ятим Бабаджанов и др. Зарождалась и узбекская советская драматургия. Хамза создал такие талантливые произведения, как «Бай и батрак», написал серию пьес под названием «Ферганская трагедия» и др.

Советское правительство с первых дней своего существования проявило активную заботу о развитии национального искусства. Уже в 1918 году в составе Наркомпроса Туркреспублики был создан специальный отдел, задачей которого являлось всестороннее развитие театрального искусства среди местного населения.

В том же году в Ташкенте была открыта народная консерватория. Деятели музыкального искусства начали изучение и обработку узбекской и таджикской народной музыки.

К этому времени относится и появление узбекской советской периодической печати и книгоиздательства.

Мы уже говорили, что первые узбекские советские газеты выходили как органы краевого Наркомата по делам национальностей или его областных отделов. С июня 1918 года стала выходить газета «Иштрокиюн» (Коммунист) — самая первая узбекская советская газета. Ее лозунгом было: «Рабочие всех стран, соединяйтесь!». С декабря 1920 года она была переименована в «Қизил байроқ» (Красное знамя) и выходила как орган ЦК КПТ, а в дальнейшем под названием «Туркистон» (сейчас «Қизил Ўзбекистон»).

Уже летом 1918 года советские газеты выходили в областных городах: «Меҳнаткашлар товуши» в Самарканде, «Известия Ферганского Совета рабочих, дехканских и красноармейских депутатов» в Фергане, «Халқ қалқони» (Щит народа) в Намангане, «Халқ газетаси» (Народная газета) и др. Всего в 1918—1920

годах только на узбекском языке выходило 11 газет. Кроме того, издавались газеты на казахском, туркменском языках, не говоря уже о газетах на русском языке. Старейшей газетой на русском языке была «Наша газета», которая в этот период выходила под названием «Известия ТуркЦИК» (ныне «Правда Востока»). Появление и развитие узбекской советской периодической печати служило мощным рычагом повышения политической активности масс.

Издание книг на узбекском языке началось в 1917 году; тогда было издано 7 книг, в 1918 году—33, в 1919 году —91, а в 1920 году —118 книг. Общий тираж книг превысил 1800 тысяч экземпляров. Среди них было много различных учебников для школ и курсов. Рост книгоиздательства также способствовал общему подъему уровня грамотности населения.

В связи с ростом печати и расширением сети школ остро встал вопрос о реформе алфавита. Большим событием в области культурного строительства в этот период была реформа узбекского алфавита в сторону сближения его с живой узбекской фонемой (звуком). Как известно, старый узбекский алфавит механически применял арабскую графику к узбекскому языку. Это создавало огромные трудности в обучении грамоте. Еще до революции по инициативе отдельных лиц в некоторых новометодных школах были сделаны первые попытки сближения алфавита с живыми фонемами. Теперь реформа была проведена как государственное мероприятие. Из алфавита были устранены все не присущие узбекскому языку знаки и введены новые знаки, недостающие в существующем алфавите. Все узбекские газеты и издательства постепенно переходили на новый, реформированный алфавит.

Таким образом, в этот период, несмотря на хозяйственный упадок и обострение политической обстановки, в духовной жизни народа происходил глубокий революционный переворот, началось социалистическое преобразование его культурной жизни.

Рост политической активности народных масс, в частности местных трудящихся, разгром вооруженных сил контрреволюции и успехи партии в области экономики и культуры народов Туркестана не только упрочили Советскую власть в крае, но и заложили материаль-

ную основу формирования социалистических наций Средней Азии. В борьбе против вооруженных сил врагов внутри страны и иностранных интервентов, в борьбе за создание новой социалистической экономики и культуры местные трудящиеся все более сплачивались вокруг Коммунистической партии и Советской власти, без чего невозможно было бы возникновение социалистических наций. Этому соответствовал и рост национального самосознания народов Средней Азии, в частности узбекского народа, и успешная борьба против шовинистической и национальной тенденций внутри КПТ и советских органов в Туркестане.

5. Разгром национал-уклонистов и рост национального самосознания узбекского народа

Общее политическое положение в Туркестане после V съезда Советов летом 1918 года не улучшилось, а, наоборот, ухудшилось. Именно в этот период активизировалась «Туркестанская военная организация», велась широкая подготовка для развертывания басмаческого движения в Фергане, произошло контрреволюционное восстание в Ашхабаде, усиливалось белоказацкое движение среди кулаков-переселенцев в Семиречье, образовалась «вторая Оренбургская пробка» и т. д. В данных условиях сплочение всех советских и партийных органов Туркестана в борьбе за укрепление Советской власти было особенно необходимо.

В эти критические для Туркестанской Автономной Советской Социалистической Республики дни было организовано выступление так называемой группы «старых коммунистов», заявлявшей о своем несогласии с действиями отдельных «молодых» советских и партийных работников. На этой почве начались трения между руководителями ЦК КПТ и Совнаркома Туркестана, именовавшими себя «старыми коммунистами», и руководством Ташкентской партийной организации во главе с В. Д. Вотинцевым, М. С. Качуринером и др.

В результате обострения разногласий секретарь ЦК КПТ Тоболин подал заявление о своем выходе из ЦК, организовал группу единомышленников, выпускавшую свою газету под названием «Коммунист». В ней тоболинцы заявили, что параллельно с Ташкентской партийной организацией они создают свою организацию. В эту группу входили 16 руководящих партийных и советских работников Туркестана.

Ввиду того, что руководители ЦК КПТ во главе с Тоболиным бойкотировали ЦК, коммунистическая фракция VI чрезвычайного съезда Советов Туркестана вынуждена была объявить себя партийной конференцией, избравшей временный Центральный Комитет КПТ и поручившей ему созвать II съезд КПТ. Между тем, группа «старых коммунистов» продолжала вести антипартийную работу. Когда временный Центральный Комитет постановил закрыть газету «Коммунист», Тоболин заявил, что он этому постановлению не подчиняется и будет продолжать выпускать газету. Некоторые активные члены его группы, явившись на фронтовой съезд коммунистов Красной Армии, проходивший в начале декабря 1918 года, угрожали, что если ЦК КПТ и ЦИК Туркестана не подчинятся требованиям «старых коммунистов», то они откроют новый фронт. В ответ на это фронтовой съезд постановил арестовать руководителей группы «старых коммунистов».

«Старые коммунисты» не ограничились разлагательской работой внутри партии. Они тайно договорились с левыми эсерами об аресте руководителей Ташкентской партийной организации и захвате руководящих органов республики. Однако левые эсеры, боясь своего окончательного разоблачения в глазах масс, на это не пошли.

Временный Центральный Комитет арестовал руководителей группы «старых коммунистов». Вопрос о «старых коммунистах» был обсужден на II краевом съезде КПТ. Хотя антипартийные замыслы группы были очевидны, но съезд, осудив деятельность группы, вместе с тем признал, что между Ташкентской партийной организацией и группой «старых коммунистов» не существует идейного расхождения, в чем сказалась недостаточно принципиальная и решительная оценка антиленинской линии тоболинцев[1]. Многие участники группы «старых коммунистов» после осуждения тут же отошли от нее.

После подавления осиповского восстания на VII краевом съезде Советов был избран новый состав ТуркЦИК

[1] Материалы и документы II съезда Компартии Туркестана, 1934, стр. 60.

и СНК Туркестана. На основе решения объединенного заседания ТуркЦИК, СНК, Исполкома Ташкентского Совета и Временного революционного военного Совета от 29 января 1919 года о совмещении постов председателей ТуркЦИК и СНК в одном лице председателем ТуркЦИК и СНК был избран А. Казаков. Вокруг него сгруппировались лица, в прошлом состоявшие в партиях меньшевиков и эсеров. Эта группа пошла по стопам «старых коммунистов», ставя своими действиями под угрозу принципы советской автономии Туркестана, провозглашенные на V съезде. В это время некоторые представители местной интеллигенции, вступившие в ряды Коммунистической партии, действовали как носители националистических взглядов. Воспользовавшись великодержавно-шовинистическими ошибками отдельных новых руководителей партийных и советских органов Туркестана в разрешении национального вопроса, эта группа развернула националистическую пропаганду. Теперь внутри КПТ наряду с великодержавно-шовинистическим уклоном ярко вырисовывался местно-националистический уклон, что еще больше осложняло внутрипартийную обстановку.

С весны 1919 года в сфере партийного и советского строительства в Туркестане происходит острая борьба между сторонниками линии Коммунистической партии и носителями идеологии великодержавного шовинизма и местного национализма.

Вопрос о борьбе против проявлений великодержавного шовинизма приобретал особую остроту, ибо действия шовинистически настроенных элементов способствовали усилению местного национализма. Только устранение великодержавного шовинизма дало бы возможность выбить из рук буржуазных националистов их самый сильный козырь в пропаганде среди местного населения недоверия к русскому народу. Надо заметить, что в этот период борьба против проявлений великодержавного шовинизма велась в общероссийском масштабе. Поэтому не случайно, что на VIII съезде РКП(б) В. И. Ленин подробно остановился на вопросах самоопределения наций, беспощадно разоблачая Бухарина и Пятакова, отрицавших необходимость включения этих вопросов в программу партии. Столь же не случаен тот факт, что в эти дни Совет Народных Комиссаров РСФСР

через Наркомнац неоднократно обращался к руководителям партийных и советских органов ТАССР с требованием осуществления на деле советской автономии в Туркестане. 12 февраля 1919 года народный комиссар по делам национальностей И. В. Сталин послал специальное циркулярное письмо советским и партийным органам Туркестана. В нем было сказано: «С освобождением восточных окраин перед партийно-советскими работниками встает задача вовлечения трудовых масс национальностей этих окраин в общую работу строительства социалистического государства. Необходимо поднять культурный уровень трудовых слоев, просветить их социалистически, развить литературу на местных языках, ввести наиболее близких пролетариату местных людей в советские организации, приобщить их к делу управления краем»[1].

Великодержавные шовинисты, пробравшиеся в советские и партийные органы Туркестана, не стремились проводить в жизнь эти указания Коммунистической партии. Шовинистам-уклонистам удалось провести решение ТуркЦИК и крайкома КПТ о том, что в Советы должны быть избраны только представители большевиков и левых эсеров, а беспартийные не могут быть избираемы в Советы. Этим они закрыли путь в Советы широким слоям местных трудящихся.

Для проведения линии РКП(б) по национальному вопросу в Туркестан была направлена «Временная комиссия» ЦК РКП(б) и Совнаркома РСФСР, из членов которой в Туркестан сумел прибыть только П. А. Кобозев.

Учитывая осложнение положения в Туркестане, В. И. Ленин 12 июля 1919 года обратился к руководителям партийно-советских органов Туркестана со специальным циркуляром. В нем было сказано: «На основании принятой VIII съездом программы Коммунистической партии, в интересах политики рабоче-крестьянской власти на Востоке, необходимо широкое пропорциональное привлечение туркестанского туземного населения к государственной деятельности»[2].

---

[1] *И. В. Сталин.* Соч., т. 4, стр. 230.
[2] *В. И. Ленин.* Соч., т. XXIV, изд. 3-е, 1932, стр. 811.

Ленинский циркуляр требовал отмены ограничения состава Совета только членами, настаивал на широком вовлечении в Советы местных трудящихся, независимо от принадлежности их к Коммунистической партии. Но руководители Туркестанского ЦИК, имея такую прямую директиву, не желали менять свою линию и даже пытались скрыть директивы Ленина от широкой партийной массы.

Положение Туркестана в эти дни оставалось тяжелым. В связи с организацией первого похода Антанты Туркестан в третий раз был отрезан от центра. Вновь активизировались басмаческие банды в Фергане, кулацкие отряды в Семиречье, белогвардейцы и англичане в Закаспии. Внутри республики буржуазные националисты развернули антисоветскую и антинародную пропаганду пантюркизма. В этой обстановке действия шовинистов в национальном вопросе были крайне вредны и опасны. Учитывая все это, «Временная комиссия» довела директиву ЦК РКП(б) от 12 июля до широкой партийной общественности Туркестана. 16 июля в старом городе Ташкента состоялся митинг, участники которого приветствовали указания В. И. Ленина. 29 июля состоялось заседание Самаркандского старогородского Совета, который, заслушав циркуляр от 12 июля, выразил полное удовлетворение им и осудил группу А. Казакова. Циркуляр В. И. Ленина был опубликован 5 августа в газете «Иштрокиюн». 7 августа в этой же газете была опубликована специальная статья о VIII съезде РКП(б) и пропорциональном участии местных трудящихся в Советах. 2 августа для обсуждения циркуляра В. И. Ленина было созвано закрытое собрание Ташкентского старогородского комитета партии, также осудившее антипартийное поведение группы А. Казакова. Попытка Казакова и его единомышленника Успенского скрыть указания В. И. Ленина от областных и городских партийных организаций встретила суровое осуждение.

Тем временем группа Казакова и Успенского не брезговала тяжкими обвинениями в адрес местных трудящихся. Перед IV краевым съездом КПТ и VIII краевым съездом Советов Туркестана участники группы послали телеграмму на имя В. И. Ленина, в которой, жалуясь на действия «Временной комиссии», пытались обосновать вредность привлечения представителей местных

трудящихся в советские органы и утверждали, что эта комиссия в лице П. А. Кобозева проводит националистическую политику среди несознательных мусульманских масс, которые преобладают на съездах, что мусульманские секции съездов состоят из бывших торговцев, переводчиков и др. Они пытались доказать, что масса находится под влиянием партийных кадров из местного населения, которые якобы не имеют правильного представления о целях Коммунистической партии и среди которых отсутствуют пролетарские элементы, а преобладает одна только фанатично-религиозная беднота. Телеграмма завершалась утверждением, что линия «Временной комиссии» приведет к национальной розни и подавлению русского населения местным населением.

Нельзя отрицать, что среди партийных и советских работников из местных национальностей попадались люди, принадлежавшие к эксплуататорским слоям местного населения, которые двурушнически, обманным путем пробрались в партию и советские органы. Однако директива В. И. Ленина о пропорциональном привлечении представителей местного населения к управлению краем вовсе не означала, что именно этих людей нужно привлекать к работе в Советах. По существу эта директива обязывала руководство края вести борьбу за освобождение трудящихся из-под влияния националистической интеллигенции. А линия группы Казакова и Успенского создавала опасность отталкивания трудящихся от Советской власти и укрепления среди них влияния местной эксплуататорской верхушки. Поведение группы Казакова встретило суровое осуждение всей партийной организации края. В резолюции Ферганской областной конференции, осудившей группу Казакова, говорилось: «В Туркестане должна быть образцовая Советская власть, опирающаяся на широкие трудящиеся массы и проводящая принцип классового пролетарского демократизма». Такую же резолюцию приняла Самаркандская областная партийная конференция. 4 августа в Ташкенте состоялось общее собрание местных коммунистов, которое также осудило группу Казакова за ее клевету против местных трудящихся. В связи с выступлением представителей этой группы газеты опубликовали ряд статей о национальной политике Коммунистической партии. В «Иштрокиюне» была помещена статья под за-

главием «Товарищ Ленин о нациях и национальном вопросе», где шла речь о суровой критике В. И. Ленина в адрес Бухарина на VIII съезде РКП(б).

Острая борьба разгорелась на IV краевом съезде КПТ и VIII краевом съезде Советов Туркестана. Эти съезды одобрили линию РКП(б) по национальному вопросу и осудили антипартийное поведение группы Казакова.

Борьба против великодержавно-шовинистических извращений линии партии по национальному вопросу продолжалась до 1920 года. Ее вела и Туркестанская комиссия ВЦИК и СНК РСФСР, прибывшая в край в ноябре 1919 года. При этом Туркестанской комиссии пришлось организовать борьбу как против великодержавных шовинистов, так и против местных националистов внутри КПТ.

Усиление к этому времени местного национализма объяснялось, помимо уже указанных причин, еще и тем, что националистически настроенные элементы, пользуясь сильным ростом числа местных коммунистов, стали противопоставлять Мусульманское бюро крайкому КПТ. Оказавшийся фактически оторванным от низовых организаций и местных коммунистов тогдашний крайком КПТ не имел влияния на Мусульманское бюро. В условиях бесконтрольности Мусульманское бюро, подчиненное крайкому КПТ, начало превращаться в самостоятельную организацию.

Это создавало условия для широкого и без особого разбора приема в ряды партии. Несмотря на проведение чистки рядов партии, число ее членов увеличивалось. Таким путем националисты хотели превратить Мусульманское бюро в орган, объединяющий абсолютное большинство членов партийной организации. К моменту приезда Туркестанской комиссии группа националистов, опираясь на Мусульманское бюро, захватила в свои руки основные звенья советских органов Туркестана.

Воспользовавшись ошибочным постановлением крайкома КПТ и ТуркЦИК от 29 января 1919 года о совмещении должности председателя ЦИК и Совнаркома Туркестана в одном лице, Рыскулов провел еще одно ошибочное решение. На VIII съезде Советов Туркестана он добился упразднения Совета Народных Комиссаров

Туркестана и передачи его функций трем самостоятельным Советам при ТуркЦИК — Совету по обороне, Совету по культуре и Совету по хозяйству. Советы считались отделами ТуркЦИК. Все это делалось для того, чтобы сосредоточить всю власть в руках сторонников Рыскулова. Это было грубым нарушением одного из основных принципов советского государственного строительства, принципов отделения законодательных органов от исполнительных и распорядительных органов. Чувствуя себя хозяевами положения в крае, националистические элементы стали действовать все более открыто.

В 1920 году на III конференции Мусульманского бюро и V конференции крайкома КПТ рыскуловцы поставили вопрос «Об автономии и конституции Туркестана», пойдя на грубое нарушение «Положения о Туркестанской Советской Социалистической Республике», утвержденного V съездом Советов Туркестанского края и объявившего Туркестан автономной советской республикой в составе РСФСР. В пункте 6 резолюции конференции было написано: «В интересах интернационального объединения трудящихся и угнетенных народов провести, путем коммунистической агитации, идею уничтожения стремлений тюркских народностей делиться по существу и по названию на татар, киргизов, башкир, узбеков и т. д. и составлять отдельные мелкие республики, а объединить, в целях сплочения и привлечения других тюркских народностей, не входящих в состав РСФСР, вокруг Тюркской советской республики, а где возможно этого добиться,— (провести) объединение отдельных тюркских народностей между собою по своим территориальным расположениям».

Если отбросить из этого хитросплетенного решения такие слова, как «интернациональное объединение трудящихся и угнетенных», «коммунистическая агитация» и т. д., ясно определится следующая тенденция: 1) уничтожить стремление отдельных тюркских народов, как татары, киргизы (казахи), башкиры, узбеки и другие, к национальному самоопределению и созданию своих национальных советских республик; 2) вместо этого объединить их в единую Тюркскую советскую республику; 3) в эту единую Тюркскую республику включить не только тюркские народы РСФСР, но и «тюрков» за ее пределами; 4) если невозможно их объединить с

тюрками РСФСР, то добиться объединения их в соответствии с их территориальной близостью; 5) все это должны сделать «тюркские коммунисты».

Таким образом рыскуловцы хотели превратить Туркестан в центр некоего особого общетюркского государства, призванного объединить не только «тюрков» России, но и все тюркоязычные народы Востока. Это государство мыслилось не в качестве автономной республики в составе РСФСР, а самостоятельной Тюркской советской республики. Совершенно ясно, что слово «советская» было сохранено только для отвода глаз, а на самом деле эта республика должна была стать буржуазной. Это видно из характеристики того социально-экономического строя, который должен был якобы установиться. Открыто говорилось, что в этой республике места в органах власти должны занимать мусульмане, независимо от их политической физиономии, затем было указано, что общей задачей власти является усиление национального (а не классового) самосознания народа, а сама власть должна находиться в руках мусульман; что коренное население не должно делиться на классы, ибо среди «тюрков» это деление якобы не имеет никакого значения. Армия республики должна быть мусульманской, школа и просвещение —«национальными», аграрная политика — мелкособственнической, экономическая политика — торгово-капиталистической.

На этой же III конференции Мусульманского бюро крайкома КПТ национал-уклонисты провели решение о переименовании Коммунистической партии Туркестана в «Тюркскую коммунистическую партию», объединяющую коммунистические организации всех тюркских народов. Роль центрального органа «Тюркской коммунистической партии» возлагалась на Мусульманское бюро.

В чем коренились истоки национал-уклонизма в Туркестане?

Как известно, после Февральской революции в Туркестане возникла организация местных буржуазно-националистических элементов «Шуро-и-исламия». Летом 1917 года из этой организации выделилось правое крыло «общество «Улема», состоявшее в основном из реакционного духовенства. Общим для них было то, что обе эти организации местных эксплуататорских классов ставили задачу овладения рынком, богатствами края, и в рам-

ках Российской буржуазной республики мечтали стать хозяевами земель всех мусульманских народов. Мы уже говорили о религиозно-культурной автономной республике всех мусульманских народов, которую пытались создать националисты.

Развитие революционного движения в России, очевидность падения русской империалистической буржуазии и победа русского пролетариата заставили национальную буржуазию Туркестана изменить свою ориентацию. В сентябре 1917 года они организовали партию под названием «Тюрк адами марказият» (Тюркский федерализм). Организаторами этой партии была группа турецких офицеров во главе с Мухаммад Эмином Эфенди-заде, муфтием Садриддин-ханом и др. После распада «Шуро-и-исламии» эта партия вела нелегальную работу и стала центром контрреволюционных сил в Туркестане. Она издавала газету «Тюрк эли» (Страна тюрков), лозунгом которой было «Прочно стоять на почве ислама!».

В период Кокандской автономии организация усилила свою работу и для маскировки своей деятельности после разгрома Кокандского автономного правительства организовала в Ташкенте новое общество «Фукахо». Оно было объявлено обществом, борющимся за реформы ислама, и в своем журнале «Изхорулхак» (Открытие истины) выдвигало лозунги «Да здравствует тюркство и исламизм!», «Да здравствует единение мусульман всего мира!». На страницах журнала велась пропаганда против коммунизма, защищалось право частной собственности, печатались статьи, призывавшие к борьбе против большевиков и т. д.

Еще во время существования Кокандского автономного правительства была послана в Баку делегация во главе с Эфенди-заде для связи с азербайджанскими националистами. Из Баку делегация вернулась с несколькими турецкими эмиссарами, называвшими себя учителями. С этого времени тайное общество туркестанских националистов приняло название «Итиход ва тараккият» (Единение и прогресс). В 1918 году, когда турецкие войска захватили Азербайджан, представители «Единение и прогресс» выехали в Баку и оттуда в Стамбул. Здесь они познакомились с организаторами существовавшей в Турции партии «Единение и прогресс» и просили их принять под свое руководство туркестанскую организацию.

Таким образом последняя становилась как бы Туркестанским отделением турецких пантюркистов.

Делегация «Единение и прогресс» вернулась из Турции в феврале 1919 года, когда Туркестан находился в огненном кольце гражданской войны. Турецкие лидеры партии, с целью маскировки, посоветовали националистам Туркестана изменить название своей организации и вместо «Единение и прогресс» назвать ее «Миллий иттиход» (Национальное единение).

Гуппа Эфенди-заде, выдвинутого в это время на пост народного комиссара просвещения Туркестанской республики, стремилась захватить в свои руки школы, поручая учебно-воспитательную работу военнопленным туркам. Организация «Изчилар тудаси» (Группа последователей) под видом культурно-массовой работы вела антисоветскую националистическую пропаганду, организовала боевую дружину, проводила военно-физкультурную подготовку своих членов. Специальная группа членов организации «Миллий иттиход» во главе с Абдукагаром курбаши создавала басмаческие банды и руководила ими. Бехбуди и Мардонкул были отправлены в Париж для участия в Мирной конференции от имени буржуазных националистов Туркестана. Как известно, в пути они были захвачены бухарским эмиром и казнены как сторонники реформы ислама.

Характерно, что во время мятежа Осипова участники «Миллий иттиход» поспешили создать в старом городе Ташкента «временное правительство» из пяти человек, которое просуществовало до вечера 20 января: местные трудящиеся его не поддержали. Отряд старогородского Совета разгромил сторонников самозванного правительства, а сами члены его были уничтожены толпой путем самосуда на улице.

В 1920 году, видя неизбежность разгрома басмачества, «Миллий иттиход» решил обратиться за помощью, кроме Англии, также и к Японии. С этой целью была послана делегация в Кашгар, которая была задержана в пути.

Поскольку антинародные действия буржуазных националистов и их подголосков национал-уклонистов внутри КПТ и в различных советских органах ТАССР тормозили процесс сложения социалистических наций Средней Азии, а политический и идейный разгром националистов

потребовал немалого времени и усилий со стороны партийной организации республики с помощью и под руководством ЦК РКП(б) и лично В. И. Ленина, представляется целесообразным осветить в нашей работе борьбу партии с националистическими элементами на идейном фронте. Исход этой борьбы предрешал дальнейшие и еще более быстрые успехи партийного и советского строительства, а также культурной революции в Туркестане.

Дело в этом отношении обстояло, следовательно, так, что в Октябрьские дни национальная буржуазия была разгромлена политически и в Туркестане. Но это не означало разгрома ее и в области идеологии, немедленного уничтожения идеологии пантюркизма и панисламизма. Наоборот, пропаганда пантюркизма и панисламизма в Туркестане в первые годы Советской власти значительно возросла.

Как мы видели выше, после разгрома Кокандского автономного правительства буржуазные националисты наряду с мероприятиями по усилению басмаческого движения развернули пропаганду идей пантюркизма и панисламизма с призывом к объединению «тюрков» в единое мусульманское государство.

Газета «Эл байроғи» (Знамя народа) — орган буржуазных националистов Коканда, позже ставшая официальным органом Кокандского автономного правительства,— утверждала, что она освещает якобы вопросы материальных и духовных нужд всех тюркских народов. Орган организации «Тюрк адами марказият»—«Тюрк эли» заявлял, что его цель «прочно стоять на почве ислама, защищать автономное правительство», газета группы «Товарищества тюрков»—«Тюрк сӱзи» (Голос тюрков) определяла свою цель в следующих фразах: «Освобождая тюркскую нацию от политического, экономического и духовного рабства, создать истинную тюркскую культуру». Выставляя себя «органом людей, борющихся за объединение всех тюрков...», газета звала: «Дети тюрков, объединяясь, вы тоже от природы берите свою долю!» При редакции этой газеты образовалось общество «Тюрк ӱчоғи» (Очаг тюрков), задачи которого газета характеризовала следующим образом: «Объединяя тюрков под национальное знамя, дать им национальный дух, национальную идею и национальное воспитание; всех детей тюрков, проживающих в Туркестане, воспитывать

в сознании о том, что все они — дети одного тюркского народа — являются тюрками; добиться устранения племенных трений и ненависти между ними и вместо этого объединить их на основе единства и взаимной любви; развивая науку, торговлю, земледелие и промышленность в соответствии с национальными традициями и обычаями, создать истинную тюркскую культуру». Не забудем, что писалось все это уже в мае 1918 года.

По мере закрытия пантюркистских газет националисты старались устроиться на работу в редакции газет и журналов, издаваемых местными органами Народного комиссариата по делам национальностей. Так, например, редактор татарской и узбекской националистической буржуазной газеты «Улуғ Туркистон» (Великий Туркестан) Кабир Бакиров после закрытия газеты (по инициативе А. Клевлеева) за антисоветскую клевету и борьбу против Советской власти и Коммунистической партии устроился на работу в редакцию газеты «Иштрокиюн». Редактор «Эл байроғи» Булат Салиев в 1918 году устроился в редакцию газеты Ферганского отдела Наркомнаца —«Янги шарқ» (Новый Восток), редактор журнала «Ишчилар дунёси» (Рабочий мир) Гази Юнусов, призывавший народ «бежать от коммунистических идей», в 1922 году стал редактором газеты «Заравшон»—органа Самаркандского обкома партии и Облисполкома. Националист Фитрат, после Февральской революции проповедовавший на страницах газеты «Хуррият» идеи пантюркизма, а после Октября организовавший националистическую группу «Чигатай гурунги» в 1920 году ухитрился редактировать орган Бухарской Компартии — журнал «Тонг» (Рассвет).

Таким образом в годы гражданской войны в Туркестане буржуазные националисты, пользуясь малочисленностью кадров новой советской интеллигенции из числа местных национальностей, пытались прибрать к своим рукам молодую советскую печать.

Эти годы были для партии трудными годами в области идеологической работы, так как даже на страницах советских газет и журналов пантюркисты и панисламисты ухитрялись вести националистическую пропаганду.

В эти же годы издавались различные художественные произведения буржуазных националистов: Фитрата,

Бату, Чулпана, Элбека и др. В 1920 году Фитрат написал пьесу «Чин севиш» (Истинная любовь). Герой пьесы—индийский националист, идеалом которого было освобождение Индии для создания в ней буржуазного строя. Живя и работая в обстановке социалистического строя, видя настоящих героев и патриотов родины — большевиков, Фитрат героем своей пьесы сознательно сделал индийского националиста, призванного, по замыслу автора, воплощать в себе образ узбекских буржуазных националистов. Предателей интересов индийского народа в пьесе воплощали местные коммунисты, а под иноземными захватчиками автор подразумевал русских рабочих и большевиков.

Одновременно с этим произведением Фитрата вышел сборник стихов под названием «Узбекские молодые поэты». Все стихи, включенные в этот сборник, носили явно антисоветский и антинародный характер. Поэма Элбека называлась «Горе одного юноши, мобилизованного в Красную Армию». Как известно, в 1920 году по инициативе М. В. Фрунзе и В. В. Куйбышева был принят закон о призыве местного населения в ряды Красной Армии. Трудящиеся местных национальностей встретили этот закон с большим подъемом. В короткий срок план призыва был выполнен. Однако буржуазные националисты ополчились против него, сея клевету на трудящихся местных национальностей. Герой поэмы Элбека «плачет» из-за того, что оказался призванным в ряды Красной Армии. Поэма была рассчитана на пропаганду отказа от службы в рядах Красной Армии и являлась стихотворным вариантом той антисоветской агитации, которую вели баи и духовенство против Красной Армии.

Стихи Бату и Чулпана были проникнуты духом пессимизма и безнадежности. Говоря о разоренной Фергане, они умалчивали о басмаческих бандах, которые привели ее в такое положение и, наоборот, ясно намекали на то, что Фергана разорилась в результате установления Советской власти.

Поучительно, что в литературных произведениях этого периода, вышедших из-под пера членов «Чигатай гурунги», нет ни одного образа нового советского человека, красноармейца, борющегося против басмачества, крестьянина, освобожденного от феодально-кулацкого угнетения и т. д.

Всеми путями старались националисты внедрять свою идеологию в сознание молодого поколения. Учебники того периода были засорены антисоветскими пантюркистскими стихами и рассказами. Плач по уходящему старому миру, миру эксплуататоров, причитания по поводу потери возможности установления «единого мусульманского государства тюрков» и усердные призывы народа к борьбе против Советской власти — вот что определяло основную линию литераторов из «Чигатай гурунги».

В этот период одним из активных членов организации «Изчилар тўдаси» являлся также А. Икрамов, писавший стихи в духе программы «Чигатай гурунги».

В статье «Тюркской молодежи» Икрамов призывал молодежь Туркестана освободить «священную» Мекку и родину тюрков (Турцию) от англичан и отомстить за тюрков и мусульман[1]. Как известно, в это время сам народ Туркестана стонал от поддерживаемого англичанами басмачества, а Икрамов не находил ничего лучшего, как призывать молодежь освободить Мекку и Истамбул от англичан. А. Икрамов был исключен из организации «Изчилар тўдаси» по обвинению в склоке и за связь с конкурирующей антисоветской организацией «Тимур тўдаси» (Группа Тимура). В связи с этим А. Икрамов послал в редакцию газеты «Иштрокиюн» письмо, в котором говорилось, что его исключили необоснованно, что с «Группой Тимура» он никакой связи не имел, но если бы и был связан, то это не является преступлением, ибо этой группой руководит бывший турецкий офицер — «уважаемый» Хайдар Шавки, что он выражает протест против руководителей «Изчилар тўдаси», которые не хотели разобрать вопрос по существу и исключили его из организации[2].

А. Икрамов вместе с тем был связан и с обществом «Чигатай гурунги» и под псевдонимом «Элхан» написал ряд стихотворений в духе пантюркизма.

Не менее показательно, что буржуазные националисты уделяли особое внимание судьбам узбекского литературного языка. Они понимали, что язык является средством распространения идеологии среди масс трудящихся, и для того, чтобы создать барьер между трудящимися массами и русским рабочим классом, затруднить внедрение социалистической идеологии в их сознание, пытались использовать в своих интересах реформу узбекской орфографии, грамматики и алфавита.

[1] «Иштрокиюн», 28 апреля 1919 г.
[2] «Иштрокиюн», 11 июня 1919 г.

Как было сказано выше, узбекский алфавит был основан на арабской графике, а узбекская грамматика не была разработана; не было и единой узбекской терминологии.

Реформа узбекской орфографии, грамматики и, в особенности, алфавита являлась неотложной необходимостью. После Октябрьской революции стало возможным провести такую реформу. Пользуясь этим, буржуазные националисты под видом собирания необходимых материалов для реформы узбекского языка создали специальную организацию «Чигатай гурунги». Само название общества говорило о его идейной направленности, так как под названием чигатаев (чагатаев, джагатаев) подразумевался единый тюркский народ, который якобы был предком всех ныне существующих тюркоязычных народов, как язык чигатайцев был будто бы основой всех тюркских языков. Узбекские националисты и узбеков считали непосредственными потомками чигатайцев. Само слово «гурунг» (собеседование) бытовало лишь среди отдельных племен Сурхандарьи и Кашкадарьи, а для узбекского языка являлось архаизмом. Наименование «культурной» организации старинными, архаическими словами было не случайностью, ибо буржуазные националисты к реформе родного языка подходили с позиций буржуазного пуризма, как наиболее подходящего средства в их борьбе против пролетарского интернационализма в вопросах развития узбекского языка.

Существовали и противники проведения реформы узбекского языка на основе буржуазного пуризма. К ним относились сторонники незыблемости господства арабской грамматики и алфавита. Они признавали необходимость лишь некоторых частичных реформ в рамках правил арабской грамматики. В основном это были учителя, журналисты, писатели, вышедшие из среды мулл, мударисов и духовенства, которые считали арабский язык самым культурным языком Востока, полагая, что литературные языки народов Востока должны базироваться на традициях арабского языка.

Идейными противниками чигатаев и их «соперников», людьми, защищавшими диаметрально противоположную точку зрения и активно боровшимися за действительную реформу языка в интересах народа и социализма, были первые советские учителя, писатели, поэты, интеллигенция вообще и вышедшие из этой среды такие просветители-демократы, как Хамза Хаким-заде, Абдулла Авлони, Мирмухсин, Завки и др. Они писали на живом разговорном языке, в своих произведениях отражали советскую действительность, пропагандировали идеи социализма, выражали интересы народа, но в описываемый период еще влияние чигатаев оставалось весьма значительным.

Вместе с тем, как правильно указывает А. К. Боровков в своей книге «Узбекский литературный язык в период 1905—1917 годов», буржуазный пуризм среди узбекской национальной интеллигенции до победы Октябрьской революции находился в стадии зарождения. Только отдельные джадиды-пантюркисты пытались развивать узбекский язык, не имея в этом вопросе ясной линии. Некоторые из них базой развития узбекского языка считали язык тюрков-османов, другие — язык газеты «Таржимон», состоявший из смешения татарского и турецкого языков. Что касается практического развития языка, его общественно-политической лексики и терминологии, то неизбежных заимствований из русского языка в нем было, кстати сказать, гораздо больше, чем из арабского.

Логика развития новой жизни оказалась сильнее консервативных идей пантюркизма и панисламизма в вопросах языковой реформы.

После установления Советской власти русский язык, продолжая служить источником заимствования, выполнял качественно новые функции, так как с проникновением в узбекский язык новых русских советских слов в сознание людей проникали и новые понятия, новая идеология — идеология пролетариата. Именно поэтому «Чигатай гурунги» под флагом реформы узбекского языка развернула пропаганду реакционного буржуазного пуризма.

Буржуазный пуризм узбекской националистической интеллигенции выражался в попытках освобождения узбекского языка от русских, арабских и таджикских

слов и замены их старыми архаическими словами тюркского происхождения. Первоначально «Чигатай гурунги» развернул борьбу за очистку узбекского языка от арабских и таджикских слов, не ставя остро вопроса о влиянии русского языка. Однако это было только тактическим маневром. На самом деле основной целью была борьба против влияния именно русского языка. О том, что пуристическая пропаганда была направлена и против русского языка, свидетельствует заявление одного из основателей «Чигатай гурунги» Саид Али Усмани, сделанном им в докладе на Первом краевом съезде по узбекскому языку и грамматике: «Тюркский язык всегда был под двойным напором: постоянно на него, бедного, давили сверху арабский язык, снизу — фарсидский язык. За последнее время арабскому и фарсидскому языкам помогал русский язык. Интересно то, что, несмотря на эти всесторонние нажимы, он не погиб»[1]. Однако на практике совершенно освободиться от арабских и таджикских слов оказалось невозможно. Но к их услугам прибегали тогда, когда не было возможности вытеснить русские слова старыми архаическими тюркскими словами. Фактически получалась «очистка» узбекского языка от русского. Поэтому не случайно, что многие русские советские и интернациональные слова заменялись арабскими словами.

Таким образом реформу алфавита, которая была насущной необходимостью для узбекского народа, националисты использовали в своих целях, причем под «чистым языком» они подразумевали говоры отдаленных кишлаков, считая местные диалекты чистым наследием «чигатайского языка». Поэтому под лозунгом очистки узбекского языка от чуждых ему слов и воскрешения «былого величия и красоты тюркского (узбекского) языка» националисты восстанавливали в правах многие архаические слова, давно вышедшие из оборота, заменяя ими живые, давно ставшие узбекскими слова арабского, таджикского и русского происхождения. Книги, газеты и журналы, изданные в те годы, изобилуют множеством таких давно забытых и совершенно непонятных народу слов.

---

[1] Постановление Первого краевого съезда по узбекскому языку и грамматике, Ташкент, 1922, стр. 30.

Один из идеологов «Чигатай гурунги» Фитрат критиковал при этом тогдашний Наркомпрос за привлечение к работе в школах учителей из числа татар и турецких военнопленных. Он указывал, что это привело к усилению влияния турецкого и татарского языков на узбекский язык. По заявлению Фитрата, препятствием к установлению единого, «чистого» общетюркского языка было то, что отдельные тюркские языки сильно «засорены» чужими словами. Если из них вывести эти чужие слова, то все тюркские языки якобы станут одинаково понятными.

«...Пусть татары,— говорил Фитрат,— выводят из своего языка русские слова, а османские тюрки — арабские и фарсидские слова. До этого мы создадим чисто чигатайскую литературу. И этим путем мы можем создать однородный чисто тюркский язык...» В этих словах раскрыта истинная сущность узбекского буржуазного пуризма, проводимого группой «Чигатай гурунги».

1918—1920 годы были наиболее благоприятным для «Чигатай гурунги» временем. Молодая Советская власть в Туркестане еще не имела достаточного количества советских работников культурного фронта, и многие ответственные участки его были захвачены националистами. Кроме общества «Чигатай гурунги», других организаций, занимавшихся разработкой вопросов развития узбекского языка и литературы, не было. Воспользовавшись этим, националисты и пытались монополизировать разработку проблемы развития узбекского языка и литературы. Однако это продолжалось недолго. В 1920 году при Наркомпросе Туркестанской республики был организован «Академический центр» — государственный орган, к которому перешли функции разработки вопросов языка и литературы.

К этому же времени были нанесены решающие удары по всем звеньям контрреволюционной цепи Туркестана: были разбиты многие басмаческие банды — вооруженная опора всех националистических организаций, разоблачены отдельные руководители контрреволюционных организаций, пали последние феодальные монархи в Хиве и Бухаре.

Однако предшествующая деятельность «Чигатай гурунги» еще могла пагубно сказаться на процессе сложения узбекской социалистической нации. Мы знаем, что в

то время среди узбеков еще не завершился процесс сложения общности языка, составляющего одну из основ общности нации. Деятельность «Чигатай гурунги» совпала по времени с началом важного периода в истории узбекского народа, когда, завоевав политическую свободу, он получил широкие перспективы экономического и культурного развития, в том числе и возможность завершения процесса сложения единого национального языка.

Советское правительство, верное принципам высокого уважения к прогрессивному наследию всех народов, с первых же дней всемерно поощряло работу по собиранию и изданию прогрессивного наследия каждого народа в области литературы, искусства и т. д. Прикрываясь этим, «Чигатай гурунги» под видом пропаганды прогрессивного наследия узбекского народа собирал и распространял произведения реакционных суфийских писателей феодального периода, чем наносил вред делу воспитания молодежи и толкал ее на путь восхваления средневекового прошлого. Многие молодые поэты и писатели этого периода начинали свою творческую работу, подражая образцам старой феодальной литературы, реакционной пантюркистской литературы. Они пренебрегали реалистическими и прогрессивными мотивами таких узбекских поэтов, как Навои, Турды, Гулхани, Махмур, Фуркат, Мукими и Завки.

Не менее реакционной была и борьба «Чигатай гурунги» против усиления влияния русской советской литературы на узбекскую литературу, враждебное отношение не только к молодой советской литературе, выдающимися представителями которой были Горький и Маяковский, но и ко всей вообще прогрессивной русской литературе.

Из сказанного видно, что процесс возникновения узбекской социалистической нации протекал в очень сложной и трудной обстановке. И все же в упорной борьбе против великодержавного шовинизма и местного национализма закономерно росло и крепло национальное самосознание народов Туркестана, в частности узбекского народа, что получило свое яркое отражение в новой Конституции ТАССР, принятой на IX съезде Советов Туркестана.

Для того, чтобы Советская власть в Туркестане упрочилась и коммунистическая организация края могла

целиком и полностью выступать как организующая, мобилизующая и руководящая сила, необходимо было прежде всего решить до конца задачи: упрочения советской автономии Туркестана и очищения коммунистических организаций края от великодержавных шовинистов и буржуазных националистов.

Осуществление национального самоопределения народов ТАССР было завершено под общим руководством Туркестанской комиссии ВЦИК и Совнаркома РСФСР по делам Туркестана и Туркбюро ЦК РКП(б).

Как известно, в мандатах членов Туркестанской комиссии было указано, что они уполномочиваются представлять ВЦИК и Совнарком РСФСР и действовать от их имени в пределах Туркестана и сопредельных с ним государствах и способствовать проведению в жизнь начал, изложенных в постановлении ВЦИК и Совнаркома от 8 октября 1919 года, декларировавшем, что «самоопределение народов Туркестана и уничтожение всяческого национального неравенства и привилегий одной национальной группы за счет другой — составляют основу всей политики Советского правительства России и служат руководящим началом во всей работе ее органов...»[1].

Туркестанская комиссия приступила к работе в октябре 1919 года. Первейшей ее задачей было окончательное устранение великодержавно-шовинистических и национал-уклонистских извращений политики партии и дальнейшее сплочение местных трудящихся вокруг партии и рабочего класса. Для этого нужно было прежде всего укрепить партийную организацию Туркестана, превратить ее в монолитную боевую организацию.

Анализируя положение внутри КПТ, М. В. Фрунзе указывал, что в ней организовалось две противоположные группы: группа Рыскулова, состоящая из националистических элементов, и группа Казакова и Успенского, состоящая из великодержавных шовинистов. Борьба между этими двумя группами заслоняла всю партийную работу и ослабляла боеспособность партийной организации. Характеризуя линию великодержавных шовинистов, М. В. Фрунзе говорил: «Одним из самых больных мест является претензия на диктатуру такого

[1] *В. И. Ленин.* Соч. т. XXIV, изд. 3-е, 1932, стр. 811.

же типа, как в России. Но так как здесь пролетариат организован только в части европейского населения, так как остальная часть местного населения в жизнь не вовлечена, то ясно, что подобного рода диктатура будет означать диктатуру европейского населения и будет воспринята не как диктатура класса, а как диктатура нации. Чтобы диктатура пролетариата не воплощалась в форму диктатуры национальности, мы должны сказать, что наша линия поведения несколько изменяется, что здесь мы должны опереться на мощь всей Российской революции в целом и на мощь всего русского пролетариата, но не проводить диктатуры местного европейского пролетариата»[1].

Одной из особенностей тактики великодержавных шовинистически настроенных элементов было то, что они, с одной стороны, старались не допускать местных трудящихся к управлению, а с другой стороны, пытались противопоставить Туркестан всей России. Когда М. В. Фрунзе для усиления южной группы Восточного фронта снял часть сил с Оренбургского участка, Казаков обвинил его в том, что этим он якобы помог Дутову захватить Оренбург и отрезать Туркестан от России. На VIII съезде Советов Туркестана Казаков выступил с клеветническим заявлением, что Совнарком РСФСР не помогает Туркестану, а только вмешивается в его внутренние дела.

Группа Казакова, совместно с левыми эсерами, требовала самостоятельных сношений Туркреспублики с сопредельными странами, на каждом шагу заявляя, что поскольку революцию в Туркестане совершили туркестанские рабочие и большевики, то они сами и должны руководить Туркестаном. Такое провинциальное местничество было не менее вредно, чем шовинистическое отношение к местным трудящимся.

М. В. Фрунзе вскрыл вредность линии шовинистов, показывая, что движение по пути, выбранному ими, приведет к отрыву диктатуры пролетариата от миллионной массы трудящихся и превращению ее в диктатуру местных русских рабочих, опирающуюся на поддержку лишь незначительной части населения.

[1] «Известия ТуркЦИК», 7 мая 1920 г.

Естественно, что борьба против великодержавных шовинистов требовала решительных мер, суровой чистки советских и партийных органов от таких враждебных элементов. Из рядов партии были исключены их главари. Областная партийная организация Семиречья была распущена, как и ряд местных Советов рабочих и солдатских депутатов, в которых засилие великодержавно-шовинистических элементов было особенно значительным. Учитывая проникновение шовинистических элементов в партийные, советские органы и в Красную Армию, Туркомиссия поставила вопрос о высылке из Туркестана разоблаченных шовинистов. Было возбуждено ходатайство об отзыве в распоряжение ЦК РКП(б) некоторых руководящих партийных работников для перевода их в другие области. Это мероприятие вошло как отдельный пункт в постановление Политбюро ЦК РКП(б) от 29 июня 1920 года «Об основных задачах РКП(б) в Туркестане». Кроме того, в постановлении были намечены меры по ликвидации остатков колонизаторской политики в Семиречье путем возврата киргизам и казахам земель, отобранных у них в связи с восстанием 1916 года. Этими и другими мероприятиями сопротивление великодержавных шовинистов было сломлено. В дальнейшем оставалась борьба лишь за ликвидацию пережитков великодержавного шовинизма в сознании отдельных отсталых слоев русского населения края.

Наряду с борьбой против великодержавных шовинистов велась активная борьба и против местных национал-уклонистов. В сложившейся в Туркестане в это время обстановке борьба на два фронта была очень сложной и ответственной. Ослабление внимания к одному из этих фронтов могло привести к опасным последствиям. Члены Туркестанской комиссии, верные ученики Ленина, с присущей большевикам бдительностью и дальновидностью мастерски решали эти задачи, опираясь на поддержку республиканской партийной организации.

Давая отпор великодержавным шовинистам, Туркомиссия готовила удар и по национал-уклонистам. В противовес националистическому плану создания единой тюркской республики, члены комиссии выдвигали задачу постепенной административно-территориальной перестройки Туркестана на национальных основах. 15 января 1920 года Туркестанская комиссия приняла

специальное постановление, в котором было сказано: «Признать необходимым произвести административную перегруппировку Туркестана в соответствии с этнографическими и экономическими условиями края и конкретно наметить следующие группировки: туркмены (Закаспий), узбеко-таджики (Самаркандская, Ферганская и часть Сырдарьинской области), киргизы (часть Сырдарьинской области, Амударьинский отдел и Семиреченская область)». Это постановление Туркомиссии было одобрено правительством РСФСР, что нашло свое выражение в декрете ВЦИК, опубликованном в августе 1920 года[1].

Это мероприятие было не только сокрушительным ударом по пантюркистскому плану создания единой тюркской республики, но и вообще имело огромное историческое значение. Впервые в истории народов Туркестана был поставлен вопрос об определении их национальной принадлежности. Если до сих пор национальное самоопределение народов Туркестана, не получая ярко выраженной формы, трактовалось порой как самоопределение или мусульман, или тюркских народов (без учета этнографических и языковых особенностей, их национального характера, экономического уклада жизни и особенностей культуры), то теперь вместо общего, обезличенного понятия «туземного народа», «мусульман» или «тюрков» на сцену выступают конкретные народы со своей землей, культурой, языком и этнографическими особенностями. Это значило, что самоопределяются не «мусульмане», не «тюрки» и не «туземцы» вообще, а узбеки, таджики, казахи, туркмены и др. Хотя постановление Туркестанской комиссии еще не охватывало своим содержанием всех народов Средней Азии, для начала и это было огромным шагом вперед. И хотя комиссией пока не ставился вопрос об образовании национальных республик каждым из этих народов, однако своим постановлением она закладывала основу проведения в дальнейшем национально-государственного размежевания в Средней Азии.

Против мероприятий, намеченных Туркомиссией, группа Рыскулова развернула острую борьбу. Понимая при этом, что сущность ее плана образования единой тюркской республики разоблачена, она, не поднимая бо-

1 «Известия ТуркЦИК», 27 августа 1920 г.

лее этот вопрос, главное свое внимание направила на разработку содержания Конституции Туркестанской республики. Порочная идея создания некой тюркской республики частично вошла в проект новой Конституции.

Конституция ТАССР, принятая на VI Чрезвычайном съезде Советов Туркестана, предоставила широкие полномочия республиканским органам Туркестана. Хотя военное дело, внешние сношения, железная дорога, почта, телеграф, выпуск монеты, внешняя торговля, финансы и банки находились в компетенции федерального правительства, тем не менее, по Конституции высшие органы Туркестана имели право изменять, применительно к местным условиям, «основы военной организации», вести самостоятельные сношения с сопредельными странами (в вопросах, касающихся непосредственно Туркестана), «изменять основы судоустройства и судопроизводства», имели право амнистии, ведения самостоятельного бюджета и установления налогов и повинностей, право на заключение иностранных займов и т. д.

В структуре высших органов республики сохранились те комиссариаты, которые были созданы еще до принятия конституции: по иностранным делам, почты и телеграфа, путей сообщения и т. д. Это положение диктовалось тем, что Туркестан находился вдали от центра, имел обширную территорию, соприкасался с несколькими иностранными государствами и т. д.

Опыт прошедших трех лет показал, что такие вопросы, как внешнеполитические и торговые сношения, управление железной дорогой и речным транспортом, почтой и телеграфом, установление налогов, вопросы уголовного и гражданского судоустройства и судопроизводства, целесообразнее включать в компетенцию федеральных органов. В силу этого необходимо было пересмотреть Конституцию Туркестанской АССР. Национал-уклонисты же пытались узаконить те положения, которые были зафиксированы в Конституции 1918 года и еще больше расширить компетенцию местных органов, не считаясь с общими интересами Российской федерации и всех входящих в нее равноправных народов.

Между рыскуловцами и членами Турккомиссии и по этому вопросу разгорелась борьба. 17 января 1920 года на объединенном заседании крайкома, краевого Мусульманского бюро, комитетов иностранных коммунистов, Турккомиссии Рыскулов заявил, что «Туркестан по своему этнографическому и многим другим положениям является тюркской национальной республикой. Туркестанская Конституция списана с Российской и ее придется несколько изменить». Это изменение, отчасти, должно было коснуться проблемы взаимоотношений между Туркестаном и РСФСР. Группу Рыскулова не устраивали взаимоотношения Туркестана с федеральным правительством, зафиксированные в Конституции РСФСР.

В борьбе против группы Рыскулова Туркестанская комиссия ВЦИК и СНК РСФСР опирались на широкие массы членов партии, низовых советских работников, которые в своей массе были выходцами из среды трудового народа. Постепенно эти работники уясняли вредность и антипартийный характер линии национал-уклонистов. Группа Рыскулова оказалась оторванной от низового партийно-советского актива, от трудового народа.

Турккомиссия со своей стороны разработала проект Конституции ТАССР и мероприятия по укреплению партийной организации края.

Для обсуждения вопросов управления Туркестаном группа Рыскулова решила созвать в мае 1920 года IX съезд Советов Туркестана. Это было сделано в расчете на то, что во многих местных советских органах еще орудовали сторонники данной группы. Разгадав этот маневр и исходя из необходимости провести чистку советских органов от неустойчивых, колеблющихся, а порой и прямо враждебных элементов и осуществить более широкое выдвижение на руководящие посты в советских органах представителей трудящихся масс края, Туркестанская комиссия постановила IX краевой съезд Советов Туркестана созвать в сентябре 1920 года.

Здесь следует напомнить также, что 29 января 1919 года объединенное заседание крайкома КПТ, ТуркЦИК, СНК, Исполкома Ташкентского Совета и Временного военно-революционного Совета наряду с совмещением поста председателя ТуркЦИК и СНК решили совместить также в одном лице должность секретаря крайкома КПТ и секретаря ТуркЦИК. В результате крайком стал превращаться в придаток ТуркЦИК, находившегося к тому же под влиянием и воздействием национал-уклонистов. Необходимо было исправить это извращение

партийного принципа и обеспечить крайкому роль руководящего партийного органа. Исходя из этого, Туркомиссия 19 июля 1920 года вынесла решение о роспуске крайкома КПТ и создании временного ЦК КПТ.

В июле 1920 года Политбюро ЦК РКП(б) отклонило проект группы Рыскулова и со значительными изменениями и дополнениями приняло составленный Туркомиссией проект постановления ЦК РКП(б) «Об основных задачах РКП в Туркестане». При рассмотрении двух этих проектов В. И. Ленин дал указание: «1) Поручить составить карту (этнографическую и *проч.*) Туркестана с подразделением на Узбекию, Киргизию и Туркмению. 2) Детальнее выяснить условия слияния или разделения этих 3 частей»[1].

Тем временем чистка советского аппарата и переучет членов партии освобождали Советы и партию от чуждых националистических элементов. Чистка и переучет превратились в мощный рычаг подъема политической активности трудящихся Туркестана. Активизировалась и сельская беднота, ненавидевшая баев, кулаков, духовенство и их лакеев — бывших джадидов, засевших в некоторых низовых советских органах при попустительстве национал-уклонистов, занимавших высокие посты в республиканском руководстве.

Параллельно с чисткой шли выборы в местные Советы и делегатов на областные съезды Советов.

Чистка советского аппарата и рядов партии и проведение выборов в местные Советы с широким вовлечением местных трудящихся еще более отчетливо показали необоснованность линии рыскуловцев, отрицавших социальное расслоение местного населения. В. В. Куйбышев по этому поводу говорил: «Это направление группы Рыскулова (отрицание факта расслоения. — *М. В.*) привело к тому, что буржуазия, видя невозможность восстановления буржуазной власти, увидела в этом лучший выход для себя, ибо классовое расслоение отодвигалось куда-то вдаль, в неопределенное будущее, а сейчас провозглашалась только борьба с колонизаторами из европейцев, которых непрочь была уничтожить туземная буржуазия,

[1] Ленинский сборник, т. XXXIV, стр. 326.

чтобы стать у власти вместо них, и с этого момента партия заполняется мусульманской буржуазией»[1].

Подытоживая результаты чистки советского аппарата и рядов партийной организации, В. В. Куйбышев говорил: «Расслоение приняло гораздо большие размеры, чем предполагалось. Предвыборная комиссия и областные съезды показали, что все новые мероприятия соответствуют желаниям трудящихся масс... Раскол между мусульманской интеллигенцией и трудящимися основателен, глубок и примирения не будет. Примеры этого раскола сказались на многих съездах»[2].

В обстановке общего политического подъема трудящихся масс Туркестана и шла подготовка IX съезда Советов Туркестана и V съезда КПТ. Основным вопросом повестки дня IX съезда Советов должен был явиться вопрос о принятии новой Конституции Туркестанской Автономной Советской Социалистической Республики. Разработка проекта новой Конституции проводилась очень тщательно. Основные принципиальные моменты Конституции были намечены в «Положении об автономии Туркестана», разработанном ЦК РКП(б) в марте 1920 года и легшем в основу декрета ВЦИК РСФСР от 11 апреля 1920 года «Об образовании Туркестанской Автономной Советской Социалистической Республики».

В «Положении об автономии Туркестана», кроме основных принципов советского строительства в Туркестане, было указано, что Туркестанская Коммунистическая партия является единственной руководящей партийной организацией в Туркестане и входит в состав РКП(б) на правах областной партийной организации. Тем самым получало законную силу постановление Туркестанской комиссии об отмене ошибочного пункта решений V краевой конференции КПТ о переименовании КПТ в «Тюркскую Коммунистическую партию».

В проекте Конституции ТАССР, разработанном Туркомиссией, Туркестан объявлялся автономной советской социалистической республикой в составе РСФСР. В отличие от первой Конституции было указано, что «Туркестан признается автономной республикой основных народов, его населяющих, а именно: туркменов, узбеков

[1] Партархив ЦК КП Уз, ф. 60, оп. 3, д. 737.
[2] Там же.

и киргизов, с областным делением по преимущественным национальным группировкам, экономическому и бытовому укладу и носит название «Туркестанской Автономной Республики РСФСР». Это было первым конституционным закреплением деления народов Туркестана по национальному признаку, проводившимся на основе равноправия всех народов.

Проект Конституции ТАССР задолго до IX съезда Советов Туркестана был опубликован, широко обсуждался среди трудящихся масс, получил всенародное одобрение.

Съезду предшествовали волостные, уездные, городские и областные съезды Советов. Они прошли с большим подъемом и в обстановке острой борьбы трудящихся против агентов баев, духовенства и ставленников буржуазных националистов.

IX съезд Советов ТАССР состоялся в сентябре 1920 года. Партийная организация Туркестана под руководством ЦК РКП(б) и с помощью Туркомиссии добилась разоблачения и изоляции национал-уклонистов и великодержавных шовинистов, и съезд по существу стал съездом трудового местного и русского населения. На съезде присутствовали 218 делегатов. Из них представителей местных национальностей было 123 и «европейцев» 95 человек. Состав съезда в национальном разрезе соответствовал новому советскому строю. Он был интернационален по своему национальному составу и трудовым — по социальному составу. 24 сентября 1920 года съезд в торжественной обстановке утвердил новую Конституцию ТАССР, дав окончательное юридическое оформление большевистскому принципу самоопределения наций в Туркестане.

IX съезд Советов ТАССР отчетливо показал, что все антипартийные попытки извратить национальную политику Коммунистической партии, противопоставить Туркестан всей России, способствовать усилению национальной розни между местным и русским населением, использовать лозунг самоопределения наций для отторжения Туркестана от Советской России разбились вдребезги. Трудящиеся местных национальностей добились еще более широкой возможности тесно и беспрепятственно общаться с русским рабочим классом, сообща управлять государством и бороться за победу социализма.

6. Народная советская революция в Бухаре и Хиве и ее значение в развитии национальных связей среди народов Средней Азии

До сих пор мы говорили о социально-политических и культурных преобразованиях, происшедших в жизни узбеков и других народов Туркестанской АССР. Эти преобразования и легли в основу сплочения значительной массы узбеков в новую, социалистическую нацию. Однако еще около 1400 тысяч узбеков, то есть больше 1/3, жили в пределах Бухарского эмирата и Хивинского ханства. В силу сложившейся обстановки до 1920 года они находились под властью феодально-клерикальных и буржуазно-ростовщических элементов Бухары и Хивы. Узбеки, таджики, туркмены, казахи, киргизы, каракалпаки, проживавшие в Бухарском эмирате и Хивинском ханстве, только в 1920 году с помощью русского рабочего класса и под руководством Коммунистической партии сумели ликвидировать эксплуататорский строй в Бухаре и Хиве и получили возможность развиваться и сплачиваться в социалистические нации.

Остановимся на победе народной советской революции в Бухаре и Хиве лишь в общих чертах с тем, чтобы проследить подготовку предпосылок для вступления проживавших в них народов на путь социалистического строительства.

Революция в Бухаре и Хиве отстала от победы Октябрьской революции в центральных районах России и на многих ее окраинах почти на три года. Однако фактически она являлась частью общероссийской революции, непосредственным результатом победы советского строя и установления диктатуры пролетариата в России.

Власть бухарского эмира и хивинского хана не рухнула одновременно с крахом господства царя и капиталистов во всей России не потому, что Бухара и Хива жили особой, совершенно не связанной с Россией социально-политической жизнью и не потому, что народы Бухары и Хивы политически еще не пробудились и поддерживали власти ханов и беков. Социально-политическая жизнь Бухары и Хивы уже была более или менее тесно связана с жизнью народов России вообще и прежде всего с жизнью Туркестанского края.

Трудящиеся эмирата и ханства ненавидели феодалов, ханов, беков не меньше, чем трудящиеся Туркестана. С первых дней Февральской революции 1917 года под влиянием общего политического подъема они выступали против эмира и хана, требовали политических свобод и улучшения условий своего существования. Казалось, что развитие революционного движения в Бухаре и Хиве должно было пойти тем же путем, как и в Туркестане. Но в действительности получилось не так. Февральская революция не затронула политического и государственного строя Бухары и Хивы вследствие антинародной и империалистической политики буржуазного Временного правительства. Признанием власти эмира и хана Временное правительство укрепило феодально-колониальный режим в Бухаре и Хиве. Бухарский эмир и хивинский хан, воспользовавшись таким отношением буржуазного Временного правительства, разгромили революционные и прогрессивные силы своих стран еще до начала Октябрьской революции. К моменту Октябрьской революции революционное народное движение фактически было здесь обезглавлено, вожаки народа перебиты, а в качестве руководителей народных масс пытались выступать политически незрелые, колеблющиеся буржуазные националисты-младобухарцы и младохивинцы.

Последние были далеки от народа и боролись не за его освобождение от феодально-капиталистического рабства, а за получение привилегий для себя, за право участия в управлении страной. После Октябрьской революции они всячески препятствовали широкому развертыванию революционного движения внутри эмирата и ханства и боролись лишь за некоторые преобразования буржуазно-демократического характера; программа их не шла дальше конституционной монархии. Существовали, правда, Советы рабочих и солдатских депутатов на железнодорожных станциях и в русских поселениях, но и они вплоть до победы революции в Хиве и Бухаре должным образом не популяризировали среди масс идеи создания крестьянских Советов. Фактически крестьянские Советы в этих странах появились в дни революции, то есть в 1920 году.

Когда возникли коммунистические партии в Хиве и Бухаре, в их состав сначала входило крайне незначительное количество рабочих. Перед революцией основную

массу коммунистов составляли здесь выходцы из среды интеллигенции, а также бывшие младобухарцы и младохивинцы. Слабость и засоренность рядов Коммунистической партии сказалась на ходе подготовки революции в Бухаре и Хиве.

Надо учитывать и социально-экономические отношения, господствовавшие в Бухаре и Хиве, уровень политического развития и культуры трудового народа, веками угнетавшегося феодально-клерикальными элементами. О положении трудящихся крестьян и ремесленников Бухары и Хивы написано немало работ, поэтому особо говорить о нем мы не будем. Укажем только, что после присоединения Средней Азии к России в Бухаре и Хиве по-прежнему продолжались народные волнения. В 80—90-х годах прошлого века и в начале нынешнего столетия произошло несколько восстаний в восточно-бухарских бекствах. Однако это были разрозненные, стихийные выступления крестьян и кустарей.

В силу всего этого власть эмира и хана в дни Октябрьской революции в России сохранилась в неприкосновенности.

Февральская буржуазно-демократическая революция 1917 года ничего не дала народам Хивинского ханства. Хивинский хан уже в апреле 1917 года разгромил Временный комитет, созданный для подготовки реформы государственного строя.

Для отвлечения внимания населения ханства от революционных событий, хан поощрял разжигание розни между туркменскими феодальными вождями. В это время из Ирана вернулся Джунаид-хан, бежавший туда в 1916 году и находившийся во вражде с другими туркменскими вождями. Хивинский хан не только не принял никаких мер для прекращения межплеменных распрей в своих владениях, но и, наоборот, поддерживал то одного, то другого феодала. Весь 1917 год прошел в кровавых набегах туркмен. Наконец, Джунаид-хан разбил двух своих противников: Гулам-Алия и Кош-Мамеда, претендовавших на власть над туркменами Хивинского оазиса. Усмирив затем остальных вождей туркменских родов, Джунаид-хан в августе 1918 года выступил против хивинского хана. Хан, лишенный поддержки внутри страны, в октябре был разбит Джунаид-ханом и казнен. Поставив хивинским ханом Саид-Абдуллу и ограбив

казну, Джунаид-хан ушел в степь, так как главной целью его была борьба против Советов: он действовал по плану и на средства англичан. Провозгласив Саид-Абдуллу ханом и уйдя из Хивы, он стремился завоевать популярность и доверие хивинцев и тем самым укрепить свой тыл, сосредоточив все силы против Советской власти в Закаспии. Кроме англичан, он имел связь с белогвардейцами Закаспия, с атаманом Дутовым, бухарским эмиром, а также с Колчаком и Деникиным.

Несколько раз Джунаид-хан осаждал главный город Амударьинского отдела — Турткуль, где в это время был создан революционный отряд из прогрессивно настроенных узбеков и туркмен, преследуемых Джунаид-ханом. Здесь же искала защиты группа узбекских и туркменских бедняков, доведенных до отчаяния притеснениями хивинского хана и набегами Джунаида. Объединившись с частями Красной Армии, находившимися в Турткуле, они выступили против Джунаида. Красная Армия, освободив ряд городов Закаспия, в том числе и Ашхабад, нанесла чувствительный удар по бандам Джунаида. В частях Красной Армии находилась рота чарджуйских коммунистов, посланных М. В. Фрунзе и В. В. Куйбышевым против Джунаида и гурьевско-уральских белоказаков.

Успехи Красной Армии в августе и сентябре 1919 года способствовали усилению борьбы хивинских трудовых узбеков и туркмен против хана. Начиная с ноября того же года в разных концах ханства вспыхивают восстания. Представители трудящихся Хивы обратились за помощью к Советскому Туркестану. Части Красной Армии в течение января 1920 года очистили Хивинский оазис от банд Джунаид-хана. Власть хивинского хана, лишенного помощи Джунаид-хана, пала под напором революционной волны.

В Хивинском ханстве до апреля 1920 года не существовало коммунистической организации. Только после хивинской народной революции в Хорезме появляются коммунистические организации. Поэтому для оказания помощи хивинским трудящимся Туркомиссия направила туда группу бухарских коммунистов, развернувших широкую агитацию в массах и помогавших организовать борьбу узбекских и туркменских трудящихся против хана и Джунаида.

После свержения власти хана в Хиву были направлены представители Туркомиссии, которые помогли народам Хорезма организовать новую народную власть. Было образовано Временное правительство и Советы депутатов трудящихся. 26 апреля 1920 года открылся первый Хорезмский курултай, объявивший Хорезм Народной Советской Республикой. Курултай утвердил Конституцию Хорезмской Народной Советской Республики и организовал республиканское правительство — Совет назиров. Так была ликвидирована власть хивинского хана и образована Хорезмская Народная Советская Республика.

Несколько иначе развертывались события на территории Бухарского эмирата.

С первых дней Октябрьской революции бухарский эмир и его окружение развернули антирусскую и антисоветскую агитацию. После провала так называемого «Колесовского похода» до середины 1919 года эмир чувствовал себя спокойно и даже готовился к захвату Советского Туркестана. В течение короткого срока эмир провел четыре мобилизации и довел численность своих регулярных войск до 15 тысяч, а ополчения своих беков — до 27 тысяч. Были приглашены специальные военные инструкторы из числа афганских и английских офицеров.

Кроме подготовки своих войск, эмир концентрировал в Бухаре отряды в составе царских офицеров и других белогвардейцев. После разгрома в Ташкенте (январь 1919 г.) контрреволюционного заговора в Бухару прибыл и Осипов с остатками своей банды. Потеряв в боях свой отряд, явился в Бухару и глава басмачей Куршермат. Подобным антисоветским элементам эмир с большой охотой предоставлял убежище и принимал их к себе на службу. Он вступил в союзные отношения с разными контрреволюционными силами. Вначале эмир заключил соглашение с Турцией, а через нее — с Германией, согласился объединиться под протекторатом Турции и Германии в составе так называемого Туркестанского халифата, который должен был состоять из Бухарского эмирата, Хивинского ханства и предполагаемого Кокандского или Туркестанского ханства. Во главе халифата должен был стоять сын турецкого султана.

После разгрома в 1918 году германского империализма эмир заключил военное соглашение с Англией и Аф-

ганистаном. Кроме того, он вступил в так называемый Юго-восточный союз и поддерживал тесную связь с басмачами, Дутовым, Колчаком, Закаспийским белогвардейским правительством и семиреченскими белоказаками.

Эмир установил личный контакт с главой английских оккупационных войск в Закаспии генералом Маллесоном и в разное время получил через него более 50 тысяч винтовок, много караванов боеприпасов и военного снаряжения. Весной 1919 года количество английских инструкторов в Бухаре превышало 600 человек[1].

Отказываясь установить и расширить торговые и иные связи с Советским Туркестаном, эмир развернул торговлю с Англией. Уже в конце 1918 года англичане вывезли из Бухары 1 миллион пудов хлопка, 1 миллион штук каракульских шкурок, 200 тысяч пудов шерсти, 150 тысяч пудов шелка и десятки тысяч пудов других товаров. Весной 1920 года было вывезено 400 кип каракульских шкурок. Еженедельно из Англии в Бухару ввозилось продукции на сумму от 4 до 6 миллионов рублей. «Товары», ввозимые в Бухару, в основном состояли из оружия, боеприпасов и снаряжения.

Бухарский эмир ждал удобного повода для объявления войны Советскому Туркестану, открыто проявляя свою враждебность при ухудшении военно-экономического положения Советского Туркестана.

Во время упорных боев на Закаспийском фронте эмир сосредоточил большие силы по линии железной дороги и готовился отрезать советским войскам путь к Закаспию. Для этого до 30 тысяч войск было брошено в район Зерабулака и Кермине, на границу Самаркандской области. Эмир требовал отвода советских войск с бухарско-туркменской границы.

Правительство РСФСР принимало меры к сохранению добрососедских отношений с Бухарой. Однако бухарский эмир вообще прекратил торговлю с Советским Туркестаном. Учитывая тяжелое экономическое положение народа Бухары, Совнарком ТАССР предложил эмиру хлопковое масло и рис в обмен на хлопок. Однако эмир, отказавшись от обмена, отправил хлопок в Англию, чем еще более ухудшил положение народных масс. Дех-

[1] Военная мысль, кн. 3, Ташкент, 1921, стр. 134.

канам было запрещено продавать даже лепешки и фрукты советским бойцам на станциях; в то же время большое количество продовольствия доставлялось в районы расположения белогвардейцев. Таким образом, политика эмира не только была враждебна Советскому Туркестану, но и ухудшала положение народных масс в самой Бухаре.

Усиленная подготовка к войне против Советского Туркестана привела к упадку экономики Бухары и к еще большему обнищанию трудящихся масс. Значительно сократилось поголовье скота (лошадей — на 80 процентов), поливная посевная площадь уменьшилась на 18 процентов, а площадь хлопковых полей — на 90 процентов. Площадь заболоченных земель увеличилась на 200 тысяч десятин. В связи с усиленной мобилизацией увеличивалась реквизиция хлеба, местами доходившая до 75 процентов валового урожая. Сокращение посевных полей было вызвано в первую очередь мобилизацией большого количества крестьян в ряды войск.

Сведение на нет торговли с Советской Россией и монопольное положение торговых агентов Англии на рынках Бухары привели к резкому снижению цен на продукцию крестьянского хозяйства. Стоимость пуда хлопка снизилась с 11 рублей в 1917 году до 1 рубля 80 копеек в 1920 году, стоимость пуда шерсти с 6 рублей снизилась до 2 рублей, цена каракульской шкурки — с 7 рублей до 1 рубля 20 копеек. Все это, как сказано, привело к общему ослаблению экономики страны. Если в 1917 году Бухара производила 2 миллиона пудов хлопка, то в 1920 году она дала только 100 тысяч пудов. Количество каракульских смушек с 1 миллиона 700 тысяч штук в год уменьшилось до 200 тысяч штук; общий настриг шерсти с 280 тысяч пудов снизился до 50 тысяч пудов. Таковы были последствия антинародной политики эмира, фактически продавшего свою страну английским империалистам.

В Бухаре росло народное недовольство. Участились отказы населения от уплаты налогов. Несмотря на усиление антирусской агитации, молодежь часто отказывалась вступать в армию эмира и дезертировала из ее рядов.

В этот период возникает Бухарская коммунистическая партия. Начало ее формирования относится к сере-

дине 1918 года. Первый съезд партии состоялся в конце ноября того же года и избрал ЦК Бухарской компартии. Комитеты Бухарской компартии были организованы в Кагане и Зерабулаке.

Несмотря на разгул эмирского террора, коммунисты широко развернули политическую работу среди населения. К моменту бухарской народной революции Бухарская компартия уже имела свои организации в Кагане, Зерабулаке, Чарджуе, Термезе, Керки и других городах. Организация объединяла 43 первичных группы с общим числом членов 5000 человек.

Бухарская компартия росла и развивалась в трудных условиях, так как членам партии приходилось бороться и против власти эмира, и против младобухарцев, организовавших в противовес Коммунистической партии партию «левых» эсеров в самой Бухаре. Бухарские «левые» эсеры пропагандировали идею создания буржуазной республики под протекторатом западных империалистических государств. Коммунисты разоблачали в глазах народа замыслы бухарских «левых» эсеров. Лозунги коммунистов о ликвидации власти эмира, о передаче земли крестьянам, об уничтожении телесных наказаний и другие были понятны трудовому народу и быстро завоевали симпатию широких масс.

В конце 1918 года, в результате антинародной и агрессивной политики эмира, приведшей страну к разорению и голоду, в разных бекствах начались восстания. В декабре 1918 года восстало население Карши и Гиждувана.

Весной 1919 года в Карши имела место новая вспышка волнений. В апреле этого же года восстали крестьяне Зиаутдинского бекства. Немного позднее выступили крестьяне Хатырчи. Народ требовал отмены налогов и демобилизации дехкан из армии эмира. Эмир жестоко подавлял восстания, казнил сотни людей и уничтожал целые кишлаки.

Недовольство народа проявлялось и в бегстве людей из рядов эмирских войск и переходе их на сторону советских частей. Уже весною 1919 года из армии эмира начали перебегать сотни сарбазов. Было много случаев переселения крестьян и ремесленников с территории эмирата в районы Советского Туркестана.

Часть младобухарцев, видя влияние и рост авторитета коммунистов среди народа, вступила в ряды Бухар-

ской коммунистической партии. Однако среди этой части младобухарцев были и те, кто хотел ослабить партию изнутри и привлечь народ на свою сторону. Отдельные двурушники были тогда же разоблачены и исключены из рядов Коммунистической партии как, например, Усман Ходжа и Ата Ходжа. Коммунистическая партия Туркестана, особенно после приезда Туркомиссии, оказывала всемерную помощь бухарским коммунистам в очищении их рядов от чуждых элементов и улучшении партийной работы.

Бухарская коммунистическая партия организовала боевые дружины в городах Кагане, Чарджуе, Керки, Термезе и т. д. В начале 1920 года в состав вооруженных боевых дружин входило до 1000 человек. Дружины сражались на Закаспийском фронте и готовились к решительной схватке с эмиром. Кроме партийных дружин, в русских поселениях и городах были созданы отряды народного ополчения.

Между тем агрессивная политика эмирата против Советского Туркестана все усиливалась. Летом 1920 года участились нарушения бухарскими патрулями границ Советского Туркестана. Эмир требовал передачи под его эгиду железнодорожной охраны. Получив отказ, он дал приказ своим бекам разрушить железнодорожные пути и мосты. Только благодаря усиленной охране удалось сохранить нормальное движение поездов по линии на Асхабад.

Затем эмир послал своих представителей в Кабул, Мешхед и Лондон для переговоров о времени совместного выступления против Советов. Однако успехи Красной Армии на фронтах гражданской войны в России и в Туркестане заставили эмира изменить тактику и временно перейти к политике «нейтралитета». Через свою делегацию, посланную в Москву, эмир заявлял о своей лояльности по отношению к Советской России, но в то же время продолжал усиленно готовиться к выступлению против Советов в Туркестане. Большевики Бухары разоблачили двойную игру эмира. В начале августа 1920 года ЦК КП Туркестана было получено письмо из Бухары за подписью 1500 представителей городского населения. В письме говорилось о предательской позиции эмира по отношению к Советской России и о попытке

его обмануть Совнарком РСФСР ложным заявлением о «нейтралитете» и лояльности[1].

В самой Бухаре коммунисты усиленно подготавливали народ к вооруженному выступлению против эмира. Среди них появились такие организаторы и руководители народа, как Абдусаматов, Мирмухамедов и другие, погибшие от рук палачей эмира незадолго до свержения его власти. Недовольство народа усиливалось, свержение эмира становилось неизбежным. Для участия в вооруженном восстании коммунисты Бухары привлекли всех недовольных режимом. Эмир, считавшийся не только правителем страны, но и верховным главой всех мусульман Средней Азии, пользовался поддержкой духовенства. Поэтому необходимо было объединить все антиэмирские силы, включая рядовых младобухарцев. На III съезде Бухарская коммунистическая партия вынесла об этом специальное решение.

Таким образом, Бухарская компартия, никому не уступая авангардной роли в борьбе за свержение эмира и не отступая от своей принципиальной позиции, объединяла вокруг себя все антиэмирские элементы Бухары. Основной революционной силой, на которую она опиралась, были трудовые крестьяне кишлаков и ремесленники городов.

Решение о вооруженном восстании было принято на IV съезде Бухарской компартии, проходившем 16 — 18 августа 1920 года в Чарджуе. На съезде был избран новый Центральный Комитет БКП, приступивший к подготовке вооруженного выступления. В города и кишлаки были разосланы агитаторы, которые нелегально доводили до народа призыв коммунистов к вооруженному восстанию. Широко распространялся орган ЦК БКП «Қутулиш» (Освобождение). Количество боевых дружин компартии значительно увеличилось. Быстро росла численность народного ополчения, состоящего из крестьян и ремесленников. Эти дружины были сконцентрированы в Чарджуе и Каттакургане, на границе Бухары. Общая численность вооруженных отрядов перед восстанием доходила до 5000 человек. Однако военные силы эмира значительно превосходили численность революционных

[1] Исторические записки, 36, М., АН СССР, 1951, стр. 53.

отрядов, поэтому без помощи Красной Армии Бухарской компартии трудно было бы рассчитывать на успех.

Революционное выступление началось 28 августа 1920 года. Коммунистическая дружина Чарджуя совместно с народным ополчением выступила против эмирской власти. Созданный в ходе восстания Ревком выпустил воззвание к народу с призывом выступить против эмира. Был обнародован декрет об отмене всех старых налогов, об объявлении всех земель эмира и его чиновников всенародным достоянием, подлежащим передаче крестьянам, об отмене телесных наказаний и т. д.[1]

В тот же день Ревком обратился к Советскому Туркестану с просьбой об оказании помощи. Учитывая сложившуюся в Бухаре обстановку, М. В. Фрунзе издал приказ о выступлении войск.

Тем временем восставшие заняли Старый Чарджуй; восстание перекинулось в Шахрисябз и Кермине, а затем в Хатырчи и Карши. Таким образом большевики Бухары сумели подготовить народ к выступлению сразу в нескольких пунктах.

Кроме бойцов Красной Армии, на помощь восставшим было послано в качестве агитаторов и организаторов 500 коммунистов — узбеков и таджиков.

Ополчения беков быстро рассеивались. Основные же силы эмира сосредоточились в Старой Бухаре. К 31 августа все бухарские города и кишлаки в Зеравшанской долине были заняты революционными войсками и Красной Армией. 1 сентября пала Старая Бухара, а 2 сентября народ штурмом овладел крепостью.

Это было концом Бухарского эмирата.

14 сентября 1920 года состоялся I Всебухарский курултай, проходивший с участием В. В. Куйбышева и торжественно провозгласивший создание Бухарской Народной Советской Республики.

Государственные перевороты в Хиве и Бухаре покончили с последними твердынями контрреволюции в Средней Азии. Хотя народы Бухарской и Хорезмской Народных Советских Республик еще не вступили на путь социалистического развития, но само образование республик было первым шагом на этом пути.

[1] «Известия ТуркЦИК», 1 сентября 1920 г.

В результате революции в Бухаре и Хиве установилась новая народная власть в лице Советов трудящихся крестьян и ремесленников. Бухарская и Хорезмская Народные Советские Республики не были буржуазными республиками, так как власть принадлежала трудящимся массам. Это были, как указал В. И. Ленин, крестьянские республики. Дальнейшее развитие этих республик неизбежно должно было привести их к социалистическому строю, но для этого необходим был определенный период внутреннего политического расслоения и перегруппировки социальных сил.

К моменту народной революции против хана и эмира объединились в единый фронт все партии и политические группы. На III съезде БКП было постановлено привлечь к борьбе против эмира младобухарцев, создавших свою националистическую партию «Миллат ва инқилоб» (Нация и революция), во главе которой стоял сын богача Файзулла Ходжаев. В состав первого правительства Бухары вошли представители партии «Иштрокиюн», партии «Миллат ва инқилоб», бухарских левых эсеров и др. Основное место в правительстве занимали представители коммунистической организации «Иштрокиюн». Президентом республики позже был избран Усман Ходжаев — бывший бухарский левый эсер, который на словах признавал коммунистическую программу. Председателем Совета назиров стал Файзулла Ходжаев, член партии «Миллат ва инқилоб».

С точки зрения возникновения и образования узбекской социалистической нации победа народной советской революции в Бухаре и Хиве, образование Бухарской и Хорезмской Народных Советских Республик имели важное значение. Революция и здесь вырвала сотни тысяч узбеков, казахов, туркмен, таджиков, киргизов и каракалпаков из феодально-колониального рабства и отсталой средневековой жизни, предоставила им возможность вступить на путь социалистического развития. Период господства народно-советского строя в Бухаре и Хиве был периодом перехода их к сплочению в социалистические нации.

Что касается узбеков вообще, то вступление узбеков Туркестана на путь социалистического развития в результате победы Великой Октябрьской социалистической революции и освобождение узбеков Бухарского и Хивинского ханств открыли еще более широкую перспективу развития их по пути к социализму. Узбеки Туркестана не только получили политическую свободу, но, вступив во всесторонний союз с русским рабочим классом на основе советской автономии, прочно приобщились к социалистическому строительству. Коммунистическая партия помогла им политически сорганизоваться, создать национальную коммунистическую организацию, профессиональные союзы и крестьянские Советы. Русский рабочий класс оказал государственную помощь в создании прочной социалистической экономики, советских школ, культурно-просветительных учреждений и т. д.

За прошедшие три года в огромной степени возросла политическая активность местных трудящихся, в том числе узбекских дехкан, кустарей и рабочих. Они самоотверженно работали на фабриках и заводах, на железной дороге и на полях, обеспечивая фронты гражданской войны всем необходимым, и с оружием в руках боролись против басмачей и белобандитов. Особенно активизировались беднейшие чайрикеры, мардикеры и местные рабочие в городах. Они сотнями вступали в ряды Красной Армии, добровольных отрядов.

В борьбе против великодержавных шовинистов и национал-уклонистов местные коммунисты выросли политически, окрепла их социалистическая сознательность.

Большое значение имела борьба Коммунистической партии против пантюркистских вылазок местных националистов. В борьбе против реакционных пантюркистских идей искусственного объединения всех народов Туркестана в мнимую единую тюркскую нацию партия помогла местным народам национально самоопределиться. Местное население поддержало линию партии в создании территориального деления в соответствии с национальным расселением и приветствовало объявление Туркестана автономной советской социалистической республикой в составе населяющих его народов: узбеков, туркмен, казахов, киргизов и др. Отказ от объединения на основе религиозной общности и сплочение на основе общности по национальным признакам в свою очередь свидетельствовали о росте национального самосознания народов Туркестана. Это выразилось также в том, что единое национальное самоназвание «узбекский народ» все более вытесняло родоплеменные и другие самоназвания. В этот период начало выходить из оборота и слово «сарт», и об-

щим национальным названием становится слово «узбек», что отражало дальнейший рост национальных связей среди узбеков Туркестана.

Народные советские революции в Бухаре и Хиве явились важной предпосылкой для политического и экономического развития народов бывших Бухарского эмирата и Хивинского ханства. Они подняли активность трудового народа, приобщили его к общественной политической жизни и способствовали переходу народов Бухары и Хивы к советскому социалистическому строю.

Этими важными событиями характеризуется начальный этап первого периода истории формирования узбекской социалистической нации.

ГЛАВА IV

ОБРАЗОВАНИЕ УЗБЕКСКОЙ ССР И РАСШИРЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ СВЯЗЕЙ СРЕДИ УЗБЕКОВ

1. Дальнейшее упрочение советского строя и рост экономики и культуры ТАССР

В 1920 году рабочие и крестьяне под руководством Коммунистической партии разбили всех белогвардейцев и иностранных интервентов, и в стране в основном окончилась гражданская война. Коммунистическая партия наметила грандиозную перспективу быстрейшего подъема и расцвета культуры и народного хозяйства страны и в качестве первого шага в этом направлении X съезд РКП(б) принял решение о введении новой экономической политики. Советская Россия с этого времени вступила в новый этап борьбы за социалистическое строительство. На базе прочного союза рабочего класса со средним трудовым крестьянством, при опоре на беднейших крестьян, усиливалась борьба с капиталистическими элементами в городе и на селе, что создавало основу формирования всех наций, народностей и этнических групп в социалистические. В жизни бывших колониальных народов процесс такого формирования происходил в соответствии с осуществлением ленинской национальной политики Коммунистической партии.

X и XII съезды РКП(б) определили основные задачи Коммунистической партии в области национальной политики в этот период. Одной из важнейших задач была ликвидация культурно-экономической отсталости бывших колониальных народов.

К этому времени все народы нашей страны уже получили политическую независимость и создали свою национальную советскую государственность в формах самостоятельных советских социалистических республик, а также автономных республик и областей.

Окончание гражданской войны и вступление народов советских социалистических республик в полосу мирного строительства ознаменовались дальнейшим ростом советской государственности. Благодаря победе Великой Октябрьской социалистической революции народы бывшей Российской империи получили право на национальное самоопределение. На всех окраинах, кроме Финляндии и Польши, появились суверенные национальные советские государства. Многие из них влились в Российскую Советскую Федеративную Социалистическую Республику — РСФСР. Украинская, Белорусская, Азербайджанская, Армянская и Грузинская Советские Социалистические Республики после упорных боев с иностранными оккупантами и их лакеями — белогвардейцами, меньшевиками и эсерами — сумели сохранить при поддержке РСФСР свою независимость.

Литовская, Латвийская и Эстонская советские республики пали под ударами немецких оккупантов и национальная буржуазия этих стран захватила власть в свои руки.

С окончанием гражданской войны и ликвидацией иностранной интервенции партия взяла линию на восстановление народного хозяйства. Вступление страны в период мирного хозяйственного строительства потребовало установления еще более тесной связи между всеми советскими социалистическими республиками. Эта связь приняла форму государственного союза всех советских социалистических республик — СССР.

Образованием СССР непосредственно руководил В. И. Ленин. Он еще в 1920 году указал: «Признавая федерацию переходной формой к полному единству, необходимо стремиться к более и более тесному федеративному союзу, имея в виду, во-первых, невозможность отстоять существование советских республик, окруженных несравненно более могущественными в военном отношении империалистическими державами всего мира, без теснейшего союза советских республик; во-вторых, необходимость тесного экономического союза советских республик, без чего неосуществимо восстановление разрушенных империализмом производительных сил и обеспечение благосостояния трудящихся; в-третьих, тенденцию к созданию единого, по общему плану регулируемого пролетариатом всех наций, всемирного хозяйства как

целого...»[1] В дальнейшем В. И. Ленин в ряде своих работ разработал принципы и условия объединения советских социалистических республик в единое многонациональное советское государство. Ленин, выступая против плана создания конфедерации социалистических республик — создания союза республик без единого хозяйственного плана, бюджета, внешней политики и торговли, с одной стороны, и против плана автономизма — создания автономных республик в рамках РСФСР, с другой стороны, предлагал создание новой формы федерации советских республик, где сочетались бы общие интересы всех социалистических республик с национальными интересами отдельных наций (республик).

В течение 1922 года шла подготовительная работа к созданию Союза ССР. Идею объединения поддерживали трудящиеся всех республик. 30 декабря 1922 года на I съезде Советов СССР был образован Союз Советских Социалистических Республик — единое многонациональное советское государство.

Съезд избрал Центральный Исполнительный Комитет и Совет Народных Комиссаров СССР. Таким образом, национальная советская государственность народов нашей страны поднялась еще на одну новую ступень.

Этот период ознаменовался также дальнейшим развитием советской государственности ряда народов, создавших ранее свои автономные республики и области. Так, в сентябре 1921 года из состава Автономной Горской Советской Социалистической Республики выделилась Кабардинская автономная область, вошедшая в РСФСР. В августе того же года в составе РСФСР была образована Автономная область Коми (Зырян). В январе 1922 года была образована Бурят-Монгольская автономная область, в апреле — Якутская Автономная Советская Социалистическая Республика, в июне — Ойротская автономная область, в июле Черкесская (Адыгейская) автономная область[2].

Как уже говорилось, РСФСР оказала большую помощь народам бывшего Бухарского эмирата и Хивинского ханства в свержении эмира и хана и в укреплении нового народного советского строя. В сентябре 1920 года

[1] *В. И. Ленин.* Соч., т. 31, стр. 125

[2] Образование СССР. Сб. документов. М.— Л., 1949, стр. 260—267.

был заключен союзный договор и экономическое соглашение между РСФСР и ХНСР, согласно которому РСФСР признала Хорезмскую республику как суверенное государство, отменила все права и привилегии, установленные договорами между ханством и царским правительством, передала ХНСР все земли, имущество, предприятия, находящиеся на ее территории и ранее принадлежавшие России. По вопросам пользования ирригационными системами, средствами сообщения и связи, судоходства по Аму-Дарье заключалось особое соглашение на основе равноправия обеих сторон. Граждане обеих сторон, живущие личным трудом, получали все политические права граждан данной страны. Обе стороны обязались не допускать на своей территории существования враждебных другой стороне групп, вербовку и мобилизацию граждан в армию этими группами или их представителями. В случае необходимости они обязались совместно выступать против стран, угрожающих их безопасности. РСФСР оказывала ХНСР материально-техническую помощь и помощь кадрами для подъема культуры народных масс и развития промышленности, сельского хозяйства и торговли. Параллельно с этим было заключено и экономическое соглашение, по которому намечалось значительное расширение торгового оборота между обеими странами.

В марте 1921 года аналогичный союзный договор и экономическое соглашение были заключены между РСФСР и Бухарской Народной Советской Республикой.

Эти договоры и соглашения сыграли решающую роль в упрочении народного советского строя в Бухаре и Хорезме, в разгроме басмаческих банд на их территории и укреплении народного хозяйства молодых республик.

На фоне общего развития советской государственности народов нашей страны происходил и дальнейший рост советской государственности народов Туркестанской Автономной Советской Социалистической Республики. Народы этой республики (узбеки, туркмены, казахи, киргизы, таджики и каракалпаки) благодаря победе Октябрьской социалистической революции и осуществлению советской автономии в Туркестане приобрели свою советскую государственность, укреплявшуюся в острой борьбе против великодержавных шовинистов и местных националистов.

В 1921 году, в соответствии с решениями X съезда Коммунистической партии о введении новой экономической политики, начался новый этап в развитии хозяйства и культуры Советской России.

Переход к новой экономической политике и первые годы ее проведения в Туркестане характеризовались рядом своеобразных особенностей и трудностей, вытекавших из специфики местной обстановки. Как известно, нэп допускал некоторую свободу действий для капиталистических элементов. Открывались капиталистические предприятия, магазины, росла частная торговля. В кишлаках началось оживление кулацких и феодальных хозяйств. Относительно немногочисленные крупные национализированные предприятия пришли в годы гражданской войны, борьбы с интервентами и разрухи в состояние упадка, частично выбыли из строя и с этой точки зрения государство не смогло противопоставить здесь национализированные предприятия восстанавливающимся капиталистическим хозяйствам.

Для ограничения и вытеснения капиталистических элементов из промышленности, торговли и сельского хозяйства, для восстановления хозяйства крестьян, трудовых кустарей и вовлечения их в кооперацию необходимо было значительно поднять политическую активность самих трудящихся. Эта активность должна была проявиться как по линии участия их в работе советских органов, так и по линии оживления работы партийных, профсоюзных и кооперативных организаций.

Самым неотложным делом оказалось оздоровление Советов, освобождение их от буржуазно-националистических и байских элементов. Партия и Советская власть в эти годы обратили особое внимание на укрепление местных Советов путем широкого привлечения к работе в них трудовых дехкан и кустарей. Теперь, после разгрома основных сил басмаческих банд в кишлаках, во весь рост встал вопрос о передаче руководства кишлаками от Ревкомов исполкомам Советов, что явилось одним из путей широкой советизации кишлаков[1].

[1] В годы разгара басмачества во многих кишлаках были созданы Ревкомы, назначавшиеся сверху; вся политическая работа в кишлаках проводилась через них. Они играли огромную роль в борьбе против басмачества, в сплочении всех сил на разгром кулацко-байских элементов. Советы, благодаря сложившейся обстановке,

После V съезда КПТ и IX съезда Советов Туркестана партийные и советские органы ТАССР вплотную приступили к укреплению советских органов на местах.

Во всех кишлаках, уездах и городах началась упорная работа по чистке советских органов и выдвижению в состав местных Советов рабочих, трудовых дехкан и служащих. В результате упорной работы в 1923 году в период подготовки к XII съезду Советов Туркестана большинство в Советах составляли трудящиеся. Так, из 305 депутатов волостных исполкомов Ферганской области, избранных перед XII съездом Советов Туркестана, 47 человек были рабочими, 233—дехканами и 25—служащими. Из 142 депутатов районных исполнительных комитетов 80 человек были рабочими, 50 — дехканами и 12 — служащими. Из 612 делегатов уездных съездов Самаркандской области 152 человека были рабочими, 313 — дехканами и 67 — служащими. Из 2340 депутатов всех уездных Советов по Туркестану 400 человек были рабочими, 1625 — дехканами и 322—служащими. Таков был социальный состав местных советских органов.

Примерно таков же был социальный состав делегатов областных съездов. Из 658 делегатов областных съездов Самаркандской, Ферганской и Сырдарьинской областей 247 человек были рабочими, 255 — дехканами и 76 — служащими. Наконец, из 356 делегатов XII съезда Советов Туркестана 117 были рабочими, 116— дехканами и 112 — служащими[1].

Важным итогом борьбы Коммунистической партии Туркестана за укрепление местных Советов было также значительное приближение их к местным национальностям. В резолюции X съезда РКП (б) о ликвидации политической отсталости бывших колониальных народов, было записано: «Теперь, когда помещики и буржуазия свергнуты, а Советская власть провозглашена народными массами и в этих странах, задача партии состоит в том, чтобы помочь трудовым массам невеликорусских

начали отходить здесь на второй план. Теперь, с изменением условий — упрочением Советской власти и значительным подъемом политической активности трудящихся, появилась необходимость сосредоточить руководство в кишлаках в руках Советов. Этого требовала задача широкого привлечения местных трудящихся к работе в Советах.

[1] Институт истории Компартии при ЦК КПУз, партархив, ф. 58, оп. 1, д. 403.

народов догнать ушедшую вперед центральную Россию, помочь им: а) развить и укрепить у себя советскую государственность в формах, соответствующих национально-бытовым условиям этих народов; б) развить и укрепить у себя действующие на родном языке суд, администрацию, органы хозяйства, органы власти, составленные из людей местных, знающих быт и психологию местного населения...»[1].

Одним из показателей успехов КПТ и советских органов в выполнении решений X съезда РКП (б) было широкое участие трудящихся местных национальностей в работе съездов Советов и исполкомов Советов. Из 356 делегатов на XII съезде Советов Туркестана, проходившем в 1923 году, 225 являлись представителями местных национальностей, из них узбеков — 118 человек. В числе 168 членов и кандидатов ТуркЦИК 108 человек принадлежали к местным национальностям; из 138 депутатов облисполкомов Самарканда, Сырдарьи и Ферганы 98 были из местных национальностей, в том числе узбеков 40 человек. В числе 2340 депутатов уездных Советов по всему Туркестану 1954 депутата были из местных трудящихся; среди 305 депутатов волостных исполкомов Ферганской области 290 человек были из числа местных национальностей.

Согласно городской переписи 1923 года в Ташкенте, Коканде, Самарканде, Андижане, Намангане, Фергане, Маргелане, Чусте, Каттакургане, в поселках Пскент, Каунчи, Джизак числилось 30 757 служащих, из них в старых частях городов среди местного населения работало 7580 человек[2].

Таким образом, советские органы и по национальному составу были приближены к местному населению.

Большое значение в росте политической активности местных трудящихся имело возникновение и развитие союза «Кошчи». Как известно, в годы военного коммунизма в Туркестане, так же как и во всей России, организовались комитеты бедноты, но в Туркестане развитие их деятельности тормозилось сначала троцкистами, а позже националистами, пробравшимися в руководство пар-

[1] КПСС в резолюциях.., ч. 1, стр. 559.

[2] Классовый и профессиональный состав городского населения ТАССР, Ташкент, 1923, стр. 68—91.

тийных и советских органов ТАССР. Это было одной из причин медленного роста политической активности бедняцкой и батрацкой части дехкан в кишлаках. Учитывая это, Туркомиссия ВЦИК и СНК РСФСР поставила вопрос о создании в Туркестане особой классовой организации трудящихся дехкан и чабанов.

В конце 1919 и начале 1920 годов было обнародовано несколько декретов ТуркЦИК и Совнаркома ТАССР о создании союзов трудовых крестьян, их задачах и структуре. Такие союзы начали появляться в разных областях под разными названиями. Наконец, V съезд КПТ принял специальное постановление об организации союза трудовых крестьян, который в земледельческих районах получил название союза «Кошчи»[1].

ЦК РКП(б) в своем постановлении 14 октября 1921 года задачи этого союза определил в следующих словах:

«Одной из очередных задач КПТ является объединение и организация пролетарских и полупролетарских элементов коренного и пришлого земледельческого населения (союзы «Кошчи», союзы киргизской, русской, узбекской бедноты и батраков). Эти союзы, не беря на себя административных функций и являясь организацией переходного типа, должны служить средством вовлечения трудовых масс в советское хозяйственное строительство. Вместе с тем следует проявить особое внимание и особую заботливость по отношению к среднему крестьянству, ни в коем случае не навязывая ему новую форму хозяйства и не стесняя его деятельности в области свободного отчуждения сельскохозяйственных излишков, действуя осторожно, путем убеждения, в деле вовлечения средних крестьян в общее русло советского развития»[2].

По своему характеру союз «Кошчи» подходил к профессиональной организации, но по своей роли в этот период являлся самой боевой, многогранной массовой организацией трудящихся крестьян, игравшей роль мощного средства вовлечения трудовых крестьян в советское и хозяйственное строительство.

Союз «Кошчи», как массовая политическая организация трудовых крестьян, с первых же дней привлек к

[1] Конституция и резолюция V краевого съезда Коммунистической партии Туркестана, Ташкент, 1920, стр. 31—32.

[2] Институт истории Компартии при ЦК КП Уз, партархив, ф. 60, д. 1603, л. 1.

себе внимание дехканства. Идея организации союза «Кошчи» очень быстро распространилась по всей республике. Уже в 1921 году во всех уездах ТАССР существовали союзы «Кошчи». Летом 1921 года общее количество союзов достигло около 6000 с числом членов 90 000 человек.

В период посевной кампании 1921 года организации союза «Кошчи» создавали посевные комитеты, организовавшие субботники по очистке внутренних оросительных систем, по пахоте и засеву земель беднейших и маломощных крестьян. Союз участвовал в распределении кредитов, получаемых от государства, следил за правильным распределением семян хлопчатника, обеспечивая в первую очередь маломощные хозяйства. В Ферганской области весной 1921 года было организовано 113 посевкомов; созданные в Самаркандской области 446 посевкомов открыли 23 мастерских для ремонта сельскохозяйственного инвентаря, распределили среди беднейших крестьян 617 голов рабочего скота и 3759 штук инвентаря, проводили субботники по пахоте и засеву земель маломощных крестьян. В Кокандском уезде посевные комитеты организовали 5 субботников, во время которых дехкане вспахали и засеяли 779 десятин земли маломощных крестьян; комитеты раздали беднейшим крестьянам 4000 пудов хлопковых семян, отобранных у кулаков, распределили 8000 плугов, выданных в кредит государством.

Посевные комитеты работали под контролем союзов «Кошчи», активную роль в них играли все члены союза.

Возникновение союза «Кошчи» и широкое развертывание его деятельности было ярким примером повышения политической активности трудящихся крестьян. Организация взаимной помощи в очистке и ремонте оросительной сети, в пахоте и севе, распределение кредитов, инвентаря и рабочего скота на основе не личных, а общих интересов являлось зарождением новых отношений между крестьянами, отношений трудового содружества, вместо частнособственнического индивидуализма.

Коммунистическая партия сумела объединить самые забитые, самые угнетенные и обездоленные в недавнем прошлом слои крестьянства — батраков, чайрикеров и беднейших дехкан. Эта мощная массовая организация стала политической опорой рабочего класса в кишлаках,

средством широкого привлечения крестьянства к советскому строительству.

В течение 1921 года союз «Кошчи» стал боевой массовой организацией трудовых дехкан, объединяющей огромную массу крестьян. Комитеты союза функционировали во всех областях и уездах, первичные ячейки — во всех волостях и кишлаках. В декабре 1921 года, когда проходил I съезд «Кошчи», в Самаркандской области уже существовало 196 союзов, объединявших 25 601 члена, в Ферганской области соответственно 135 и 20 000, в Сырдарьинской области 85 и 15 000.

На I краевом съезде союза «Кошчи» присутствовало 650 делегатов, из них 400 человек были из местных национальностей. Наряду с решением о создании верховных органов союза съезд принял постановление об участии союза в восстановлении народного хозяйства ТАССР, о землеустройстве бедняков и чайрикеров, об организации сельскохозяйственной сбыто-снабженческой кооперации, о создании крестьянских товариществ и артелей.

После съезда работа союза «Кошчи» стала более организованной, целеустремленной и развернулась еще шире. Союз уже вышел из стадии становления и действовал как слаженная и сплоченная массовая классовая организация трудовых крестьян. Действовал он на основе единого устава, принимал участие в работе советских, кооперативных и хозяйственных органов, оказывал помощь партийным и советским учреждениям в проведении всех важных мероприятий среди крестьян и чабанов.

Одной из основных задач укрепления советского строя в кишлаках было улучшение положения беднейших крестьян, батраков и чайрикеров. Наряду с оказанием им текущей помощи во время сева, обработки и уборки урожая, защиты их интересов при распределении кредитов, инвентаря, воды и т. д. союз принимал активное участие в их землеустройстве. В течение 1922 и 1923 годов, благодаря помощи Советского государства, были восстановлены посевы на десятках тысяч десятин земли, выпавших из оборота в годы гражданской войны и теперь передававшихся беднейшим крестьянам, батракам и чайрикерам. В эти годы в Кокандском, Самаркандском и Ташкентском уездах при активном участии союза

«Кошчи» были землеустроены 74 330 хозяйств на площади 225 755 десятин. Организации союза «Кошчи» выявляли хозяйства, нуждающиеся в земле, оказывали им помощь в налаживании хозработы, предоставлении им кредитов, обеспечении их рабочим скотом и по другим практическим вопросам землеустройства.

Союз «Кошчи» принимал также активное участие в работе советских органов в кишлаках. Во время выборов в местные Советы союз выступал одним из мощных орудий партии в борьбе против феодально-ростовщических элементов и кулаков, разоблачал их, боролся за недопущение их в Советы и широко выдвигал членов союза в местные Советы. В 1922 году среди депутатов местных Советов более половины составляли члены союза «Кошчи». Так, в Ферганской области их было 50 процентов, Сырдарьинской — 70 процентов, а в отдельных уездах еще больше, например, в Андижанском уезде — 80 процентов.

Перед XI съездом Советов Туркестана в избирательной кампании в состав всех избирательных комиссий, начиная от центральной и кончая волостными комиссиями, были выдвинуты представители союза «Кошчи».

Учитывая повышение роли союза «Кошчи» в политической и хозяйственной жизни кишлака, XI съезд Советов ТАССР постановил включить представителей союза «Кошчи» в состав аппаратов Советов. Этим актом началось широкое выдвижение на работу в Советы членов союза «Кошчи», приобщение местных трудящихся к политической и хозяйственно-административной работе.

Повышение роли союза «Кошчи» усилило тягу к нему средних крестьян. Началось массовое вступление середняков в их союз. Учитывая это, VII съезд КПТ и XI съезд Советов Туркестана постановили привлечь в союз «Кошчи» еще больше середняков и усилить борьбу против кулачества[1].

Вступление в союз среднего крестьянства свидетельствовало о том, что оно уже стало прочным союзником рабочего класса, его недоверчивое отношение к союзу

[1] Резолюции и постановления VII краевого съезда КПТ, Ташкент, 1923, стр. 23—27.

«Кошчи» начинало исчезать и что среднее крестьянство переключается на активную борьбу против феодальных элементов и кулачества.

Усиленная тяга середняка в союз «Кошчи» объяснялась тем, что наряду с привлечением крестьянства к социалистическому строительству и помощью беднейшему крестьянству он вел борьбу против феодальных и кулацких элементов, а в этом были заинтересованы и средние крестьяне. Они тоже страдали от феодально-байских элементов и нуждались в поддержке союза. Уже к 1924 году из 261 000 членов союза «Кошчи» 54 430 человек были середняки.

Союз «Кошчи» не только рос количественно, но и развивался организационно. Из союза начали выделяться новые организации трудящихся крестьян; были образованы секции батраков и чайрикеров. Они являлись основным ядром союза. Уже в 1923 году по всему Туркестану существовало 1076 таких секций, объединявших 60 702 члена.

Летом 1923 года эти секции легли в основу организации союза «Рабземлеса» (работников земледелия и лесоводства).

К 1924 году сельское хозяйство Туркестана значительно оживилось. Начали появляться первые сельскохозяйственные товарищества, артели и другие виды крестьянских кооперативных объединений. В 1924 году в Узбекистане существовали 523 различных товарищества, в которых было объединено 141 959 хозяйств. По всему Туркестану числилось 736 товариществ, объединявших 216 283 хозяйства. Из этого числа 162 721 хозяйство принадлежало членам союза «Кошчи».

Появление крестьянских товариществ имело важное значение. Переход крестьянства к кооперации в период диктатуры пролетариата знаменовал собой начало социалистического преобразования мелкособственнического индивидуального хозяйства. О природе крестьянской кооперации в период диктатуры пролетариата В. И. Ленин говорил: «При нашем существующем строе *(диктатуре пролетариата.— М. В.)* предприятия кооперативные отличаются от предприятий частнокапиталистических, как предприятия коллективные, но не отличаются от предприятий социалистических, если они основаны на земле, при средствах производства, принадлежащих го-

сударству, т. е. рабочему классу»[1]. Следовательно, появление кооперации при советском строе означало появление социалистических предприятий на селе, что имело важное значение в смысле укрепления здесь экономической базы Советской власти.

В развертывании строительства кооперации самым близким помощником партии в кишлаках выступал союз «Кошчи».

В феврале 1924 года прошел II съезд союза «Кошчи» ТАССР. К этому времени число членов союза по всему Туркестану достигло 300 000 человек.

Союз «Кошчи» стал огромной силой в узбекских кишлаках. Ко времени образования Узбекской ССР в Самаркандской, Ферганской и Сырдарьинской областях ТАССР количество членов союза «Кошчи» из числа узбеков доходило до 100 000 человек, а по переписи 1926 года в кишлаках Ташкентской, Самаркандской и Ферганской областей насчитывалось 351 328 дехкан, объединенных союзом «Кошчи»[2].

Таким образом партия приобщила к политической жизни ранее самые угнетенные, отсталые, забитые и лишенные человеческих прав слои сельского населения — батраков, мардикеров, чайрикеров и трудовых крестьян. Коммунистическая партия нашла пути усиления их активности, раскрытия их творческой энергии и революционной инициативы. Это было одним из средств укрепления Советской власти в кишлаках и роста политической активности народа.

В росте политической активности трудящихся ТАССР не менее важную роль играли и профессиональные организации рабочих и служащих.

В деле упрочения профессиональных союзов промышленных рабочих и служащих большое значение имела борьба партии против Троцкого, против «рабочей оппозиции», «демократических централистов» и других антиленинских групп, активизировавшихся в связи с переходом партии и народа к мирному хозяйственному строительству. Эта борьба развернулась и в Туркестане. Объединенное заседание Туркомиссии, ЦК КПТ и фрак-

---

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 33, стр. 433.

[2] Материалы всесоюзной переписи населения 1926 г. в Узбекской ССР. Вып. 1—3, Самарканд, 1927. Областные таблицы.

ции Центрального совета профсоюзов ТАССР 30 января 1921 года обсудило вопрос о роли и задачах профсоюзов и приняло постановление о поддержке тезисов В. И. Ленина о роли профессиональных союзов.

Затем в феврале 1921 года вопрос о роли и задачах профсоюзов был обсужден на краевой конференции КПТ, которая полностью приняла тезисы ЦК КПТ, разработанные на основе платформы В. И. Ленина.

После введения новой экономической политики оказалось необходимым детально разработать вопрос о роли и задачах профсоюзов, учитывая опыт работы их в течение первого года нэпа. Пленум ЦК РКП(б) в декабре 1921 года специально рассмотрел этот вопрос и в своем решении записал: «Новая экономическая политика вносит ряд существенных изменений в положение пролетариата, а следовательно, и профсоюзов.

Новая экономическая политика не изменяет существа рабочего государства, изменяя, однако, существенно методы и формы социалистического строительства, ибо она допускает экономическое соревнование между строящимся социализмом и стремящимся к возрождению капитализмом на почве удовлетворения через рынок многомиллионного крестьянства»[1]. Далее, в решении было указано, что «одной из самых главных задач профсоюзов является отныне всесторонняя и всемерная защита классовых интересов пролетариата в борьбе его с капитализмом».

На основе этого решения производилась перестройка профсоюзной работы: в аппарате профсоюзов были организованы такие отделы, как конфликтная комиссия, призванная защищать интересы рабочих на предприятиях; были созданы фонды взаимной помощи и т. п.

В марте 1922 года VI конференция КПТ обсудила вопрос о перестройке работы профсоюзов в связи с новой экономической политикой и приняла постановление в духе решений декабрьского Пленума ЦК РКП(б).

К моменту VIII съезда КПТ (1924 г.) число членов профсоюзов Туркестана доходило до 80 000 человек[2]. Согласно материалам переписи городского населения ТАССР число рабочих и служащих в это время составляло 108 997 человек. Следовательно, 73,4 процента рабочих и служащих были охвачены профсоюзами — профсоюзы стали массовой организацией городских трудящихся и интеллигенции.

[1] «Известия ЦК РКП (б)», 1922, № 1 (37), стр. 46.

[2] Отчет ЦК КПТ за период от VII до VIII съезда, Ташкент, 1924, стр. 20.

Самым важным показателем роста политической активности народов ТАССР было дальнейшее развитие и укрепление Коммунистической партии Туркестана.

В 1924 году, к моменту VIII съезда КПТ, в партии числилось 12 410 членов КПТ и 3870 кандидатов, в том числе 2368 рабочих, 6577— крестьян, 2701— служащий.

Из общего числа 16 289 членов и кандидатов КПТ 10 110 человек были лицами из местных национальностей, из них 3001 член партии[1].

Из 969 работников, входящих в номенклатуру ЦК КПТ, 935 человек были членами партии; из них 202 человека — выходцы из рабочих, 264— из крестьян. Из 37 членов бюро ЦК КПТ, крайкомов комсомола, профсоюзов и союза «Кошчи» 19 человек были из местных национальностей, в том числе 8 узбеков. Из 102 работников партийных аппаратов 60 человек были из местных национальностей. Из 192 членов бюро ЦК КПТ, обкомов, городских и уездных комитетов партии 128 человек были из среды местных национальностей.

В высших звеньях советских органов значительное место принадлежало коммунистам. Из 138 членов областных исполкомов 111 были коммунисты; среди 23 400 депутатов уездных Советов было 1248 коммунистов, из 305 депутатов волостных исполкомов Ферганской области коммунистов было 94.

Эти данные показывают вместе с тем, что коммунистов в низовых советских органах было значительно меньше, чем в республиканских и областных органах. В этом пока заключалась слабость КПТ. Число коммунистов на селе было незначительно. Из 147 467 проверенных членов «Кошчи» в партии состояло 2027. Поэтому одна из очередных задач КПТ состояла в укреплении кишлачных партийных организаций путем широкого вовлечения лучших, наиболее передовых и сознательных батраков, чайрикеров и трудовых крестьян в ряды партии.

[1] Отчет ЦК КПТ за период от VII до VIII съезда, Ташкент, 1924, стр. 30а.

В целом же приведенные данные характеризуют рост КПТ за счет привлечения трудовых слоев населения в ряды партии, свидетельствуют о приближении ее к местным национальностям, повышении роли и авторитета ее во всех отраслях политической, хозяйственной и культурной жизни народа.

Дальнейшее укрепление советского строя в Туркестанской АССР и рост политической активности ее народов сопровождались восстановлением народного хозяйства и ростом культурного строительства.

Восстановление народного хозяйства в Туркестане началось в обстановке еще продолжавшейся гражданской войны, борьбы с басмачами. Хотя теперь басмаческое движение было менее интенсивно, чем в предыдущие годы, но его существование все же затрудняло восстановление народного хозяйства республики.

В период введения новой экономической политики положение Туркестанской АССР было тяжелым. Хотя после восстановления связи с центром (вторая половина 1919 г.) положение края улучшилось и наметились определенные сдвиги в его экономике, но промышленность и сельское хозяйство в общем все же находились в состоянии развала. Общая посевная площадь к 1920 году с 3 288 тысяч десятин сократилась до 1 180 тысяч десятин; площадь под хлопчатником с 426 тысяч десятин до 60 тысяч десятин. Валовой выход волокна с 7 846 тысяч пудов упал до 125 тысяч пудов. Поступление шерсти с 520 тысяч пудов сократилось до 205 тысяч пудов. Поголовье скота сократилось с 22 468 тысяч до 6 892 тысяч голов, то есть более чем втрое.

Было очень чувствительным сокращение объема производства и падение производительности труда почти во всех отраслях промышленности. В особенности сильно сократилось число действующих хлопкоочистительных заводов. Из 249 хлопкозаводов Туркестана в 1921 году работало только 20, из 37 маслобойных заводов — всего 3, из 131 предприятия пищевой промышленности —94. Сильно сократилась добыча угля и нефти. Из 32 каменноугольных копей действовало только 9, а за 14 нефтепромыслов — всего лишь 3. Из 869 национализированных предприятий функционировало 456, или 52.5 процента. Более или менее прочно сохранился объем производства таких предприятий, которые обслуживали нужды фронта (например, текстильные и кожевенные). Из 182 кожевенных предприятий не работало только 3, а из 21 предприятия текстильной промышленности всего 4.

В такой обстановке туркестанской партийной организации пришлось разрешать вопросы перехода от политики военного коммунизма к новой экономической политике, перехода, происходившего в острой борьбе против шовинистов и националистов.

Работа по осуществлению нэпа началась в Туркестане после X съезда РКП (б). Вопрос этот был обсужден на VI съезде Коммунистической партии Туркестана и X краевом съезде Советов Туркестана, проходивших в августе 1921 года, но еще в апреле 1921 года ТуркЦИК уже заменил продовольственную разверстку продовольственным налогом. Съезд КПТ и краевой съезд Советов ТАССР, подтвердив этот закон, наметили дальнейшие меры по выполнению решения X съезда партии о новой экономической политике.

Восстановление народного хозяйства ТАССР началось при щедрой государственной помощи русского рабочего класса

Уже в 1922 году из России в Туркестан было ввезено 1 миллион 600 тысяч пудов хлеба, на ирригацию было отпущено 400 тысяч рублей. Эта помощь в дальнейшем все время возрастала. В особенности много было сделано для восстановления хлопководства и животноводства в Туркестане. По указанию В. И. Ленина хлопкоробам Ферганы было выдано 250 тысяч пудов хлопковых семян, 500 тысяч пудов хлеба и 200 тысяч рублей для приобретения рабочего скота.

Через год были снижены на 50 процентов ставки единого сельхозналога в Фергане. Большая доля поступления от этого налога была оставлена в распоряжении местных органов для укрепления экономики Ферганы.

Восстановление народного хозяйства Туркестана требовало оснащения сельского хозяйства инвентарем. Только в 1922 году Туркестан получил разных сельхозмашин и инвентаря на 233 тысячи рублей, причем машины и инвентарь выдавались крестьянам в кредит.

В феврале 1923 года было принято специальное постановление Совнаркома СССР «О восстановлении ирригационных систем Туркреспублики». Было предусмотрено

строительство Кампырраватского ирригационного узла, Карадарьинского вододелителя, Ирджарского распределителя и укрепление магистральных каналов Ферганской области. В течение 1921—1923 годов на восстановление и расширение ирригационной системы Туркестана было отпущено 9 миллионов рублей золотом.

Были приняты меры к восстановлению промышленности Туркестана. Уже в 1922 году число действующих крупных промышленных предприятий в Туркестане увеличилось на 30 процентов. Наряду с восстановлением велась большая работа по строительству новых промышленных заведений. Вступали в строй предприятия, переведенные из центральных районов России в первые годы революции. В 1922 году начали давать продукцию новые текстильные фабрики в Ташкенте и Фергане, писчебумажная фабрика в Ташкенте. В дальнейшем был достроен Хилковский цементный завод. На территории нынешнего Узбекистана возник ряд электростанций. Общее число новых промышленных предприятий доходило до 20. Среди них было 9 электростанций, 2 швейных фабрики, 2 металлообрабатывающих завода, шелкомотальная фабрика, кожзавод и т. д. Кроме того, было восстановлено более половины старых промышленных предприятий.

Доля частного капитала в промышленности была незначительна: 7 процентов общей промышленной продукции. Но зато в торговле даже в 1924 году 69 процентов падало на долю частного капитала. Следовательно, частный капитал выступал основным посредником между социалистической промышленностью и населением.

Одним из серьезных факторов, влиявших на ход восстановления народного хозяйства и укрепление смычки между городом и деревней, было расхождение между ценами на продукты сельского хозяйства и промышленные товары (так называемые «ножницы»). Самым тяжелым в этом отношении был 1923 год. Если в 1919 году на деньги, вырученные от продажи 1 пуда хлопка, можно было купить 36 аршин ситца, то теперь их хватало только на 10 аршин, вместо 88 фунтов железа можно было купить только 39. Такое расхождение в ценах наблюдалось почти для всех продуктов сельского хозяйства и промышленности. Появление «ножниц» объяснялось главным образом тем, что торговля, в особенности роз-

ничная, была в руках частника. Торговля с рук полностью, сосредоточивалась у частника, торговля в лавках и магазинах — на 95 процентов. Более того, 76 процентов оптово-розничной торговли также захватили частники. Государственная торговля обслуживала только города. На селе торговля должна была находиться в руках потребительской кооперации, но последняя была развита слабо. Товары из государственных оптовых складов в основном отпускали частникам. В Самарканде органы госторговли отпускали частникам 85 процентов товаров и только 15 процентов реализовали через кооперацию. Проходя через руки частника, товар становился все дороже и дороже.

Иногда товар становился дороже и в кооперативной торговле, ибо во многих кооперативах существовали высокие накладные расходы. В Самарканде они доходили до 8,5, а в Красноводске до 13 процентов. Малочисленность кооперативных и государственных торговых точек на селе была связана еще и с тем, что в отдельных районах кооперация и госторговля очень слабо кредитовались оборотными средствами. В отдельных районах основную сумму вексельного кредита банки направляли на кредитование частных торговцев, вследствие чего частники имели возможность расширять свой торговый оборот, а кооперация не могла в должной мере воздействовать на рынок. Такое положение было вызвано действиями антисоветских элементов, проникших в органы управления.

Таким образом и в сфере торговли происходила острая борьба между капитализмом и социализмом. Особенность и трудность этой борьбы в Туркестане состояла в том, что торговля в самой Туркестанской республике не имела собственной промышленной базы и основывалась главным образом на привозных товарах. В Туркестане частный капитал активно занимался ввозом товаров и грозил захватом рынка. Учитывая это, ЦК РКП (б) и Совнарком СССР оказывали постоянную материальную и финансовую поддержку Туркестану. Кроме упомянутого выше сокращения единого сельскохозяйственного налога для Ферганы на 50 процентов, общая сумма налогов была сокращена примерно на 30 процентов. Была выделена большая сумма для кредитования крестьянских хозяйств. В 1923 году появились 1168 кре-

дитных товариществ с капиталом около 4 миллионов рублей и большое количество сельскохозяйственных производственных объединений, охватывающих более 250 000 крестьянских хозяйств. Кредитные товарищества и сельскохозяйственная кооперация значительно облегчали положение дехкан тем, что освобождали их от эксплуатации ростовщиков и торговцев. В дальнейшем размеры сельскохозяйственного кредита росли и появлялись различные сельскохозяйственные производственные объединения.

Первые успехи новой экономической политики в Туркестане ясно обозначились в 1924 году. К этому времени басмачество было окончательно ликвидировано в Фергане, Восточной Бухаре и Хорезме. Дехкане сами ловили басмачей и передавали их в руки советских органов. Значительно укрепилось крестьянское хозяйство. Росла роль кооперации и государственной торговли в товарообороте. Восстановленные и вновь построенные промышленные предприятия стали давать все больше продуктов.

Большое значение имел рост хлопководства. Если в 1920 году было засеяно 51 тысяча десятин, то в 1924 году посевы увеличились до 280 тысяч десятин. В 1923 году хлопкоробы получили 37,5 миллиона рублей дохода, что составляло более 22 процентов всего дохода сельского хозяйства Туркестана (161 миллион рублей). Урожайность с 1 десятины возросла с 25 до 40 пудов. В течение трех лет, с 1921 по 1923, было вновь освоено около 700 тысяч десятин земли, выпавших из сельхозоборота. Общая площадь поливных земель доходила до 2 400 тысяч десятин.

Хотя уровень народного хозяйства ТАССР в 1924 году еще не достиг даже 50 процентов довоенного, тем не менее экономическое и политическое состояние Туркестанской республики окрепло.

Наблюдалось быстрое развитие новой социалистической культуры. Начиная с 1921 года росла сеть общеобразовательных школ, специальных средних учебных заведений — техникумов и училищ, разных краткосрочных курсов, высших учебных заведений, клубов, библиотек и других учебных и культурно-просветительных учреждений. Основным рычагом повышения культуры была в то время общеобразовательная школа. Советское

государство обратило серьезное внимание на рост сети школ и улучшение качества их работы. По предложению В. И. Ленина Совнарком СССР принял ряд постановлений по упорядочению работы школ. Были четко определены категории общеобразовательной школы: школа первой ступени, второй ступени, семилетка, девятилетка, школы-коммуны. Для обучения подростков общеобразовательным дисциплинам большое значение имело создание рабочих факультетов, открывавших доступ в высшие учебные заведения. Быстрый рост сети высших учебных заведений требовал улучшения подготовки абитуриентов. Рабфаки тоже давали общее среднее образование и через них удалось привлечь к учебе десятки тысяч рабочих, крестьянских подростков и молодежи, не имевших возможности получить образование до революции и в первые годы Советской власти. Из всех рабфаков шло пополнение студенчества рабочей и крестьянской молодежью.

Общее количество общеобразовательных школ в ТАССР в 1924 году дошло до 1018 с охватом до 100 тысяч детей. Школ первой ступени с преподаванием на узбекском языке было 271, из них в Ферганской области — 96, в Самаркандской —58, в Сырдарьинской—116. В эти годы школ второй ступени и девятилеток было всего 56, в них обучалось примерно 20 тысяч детей.

Для привлечения к учебе всех детей большое значение имело создание детских трудовых коммун, куда принимались подростки, оставшиеся без родителей. Воспитанники коммун, кроме учебы, работали в разных производственных мастерских, где получали трудовые навыки; часть их заработка шла на содержание коммуны. Советское государство, организовав детские трудовые коммуны, открыло дорогу к школе тысячам детей, потерявшим родителей и не имевшим материальной возможности для учебы. В 1924 году в ТАССР было 117 детских трудовых коммун, в которых насчитывалось 8174 воспитанника.

Наряду со школами общего образования в Туркестане расширилась сеть школ профессионального образования. Работали 12 техникумов с промышленным уклоном, в которых обучалось 1475 человек; в 5 сельскохозяйственных школах училось 506 человек; 15 педагогических техникумов и институтов просвещения насчитывали 2030

студентов. Около 1000 человек обучалось на 12 разных курсах по подготовке юристов, торговых, медицинских и других работников. Основная масса учащихся этих учебных заведений состояла из местных кадров.

Крупным событием в жизни народов Туркестана был рост высшего образования. До революции из местных национальностей не было подготовлено ни одного человека с высшим образованием. Ни одного высшего учебного заведения в Туркестане не было. В 1920 году в Ташкенте был открыт Туркестанский государственный университет с пятью факультетами: медицинский, сельскохозяйственный, физико-математический, инженерно-мелиоративный и общественных наук. Существовал и рабочий факультет. В 1924 году в университете обучалось 2259 студентов. Функционировал также Восточный институт, в котором обучалось 299 студентов; на рабочем факультете училось 773 человека. Хотя среди студентов лиц из местных национальностей пока еще было очень мало, но тем не менее открытие этих учебных заведений в бывшем колониальном Туркестане говорило о прочной базе для дальнейшего культурного прогресса и широкой перспективе роста высшего образования в республике.

В этот же период началось обучение взрослого населения грамоте в школах ликвидации безграмотности (ликбез). Общее количество таких школ в 1924 году равнялось 174, в них обучалось примерно 6000 человек взрослых. Школы ликбеза в основном были организованы в городах. В кишлаках и аулах они только начали появляться.

Большое внимание было обращено на подготовку кадров партийно-советских работников. С этой целью создавались специальные учебные заведения. В 1920 году в Ташкенте был организован Среднеазиатский коммунистический университет (САКУ), в котором в 1924 году обучалось 434 человека. В Ташкенте, Алма-Ате, Ашхабаде, Самарканде и Коканде функционировали советско-партийные школы (совпартшколы). В пяти совпартшколах обучалось 243 человека. На 29 разных краткосрочных курсах по подготовке и переподготовке партийно-советских работников обучалось 1547 человек. Во всех партийно-советских учебных заведениях основную массу обучающихся составляли представители местных национальностей.

В расширении общего кругозора и повышении политической активности трудящихся большую роль играли внешкольные культурные учреждения: библиотеки, кино, музеи и театры. Почти все эти культурно-просветительные учреждения были для народов Туркестана совершенно новым явлением. Большинство из них возникло только после Октябрьской революции. В 1924 году в Туркестане функционировали 123 библиотеки с фондом в 616 тысяч книг. Более 100 тысяч человек были постоянными посетителями библиотек. В этом же году насчитывалось 117 клубов, 13 театров, 18 кинотеатров, 4 музея.

Большое развитие получила печать. В 1924 году в Туркестанской республике издавалось 46 газет и 22 журнала на русском и на всех местных языках. На местных языках ежегодно издавались десятки тысяч экземпляров разных научных, политических книг и школьных учебников.

Сильна была тяга трудящихся к знаниям и культуре. Народы Туркестана, веками не имевшие возможности приобщиться к науке, культуре и политической жизни, впервые получили при Советской власти широкие и неограниченные возможности для повышения своего культурного уровня и общего кругозора. Каждый новый шаг в области культурного строительства воспринимался населением с глубоким удовлетворением. Но и этот культурный прогресс происходил в условиях острой борьбы партии с шовинистами и националистами.

Крупные сдвиги в жизни народов ТАССР, в частности проживающих в Туркестане узбеков, имели большое значение с точки зрения формирования социалистических наций. Происходила политическая дифференциация узбекского народа, шло освобождение его из-под влияния ислама, росла его политическая сознательность, формировалось его национальное самосознание. Все это создавало благоприятные условия для еще большего привлечения трудящихся к социалистическому строительству, для окончательного удара по пережиткам великодержавного шовинизма и местного буржуазного национализма.

Многое было сделано для образования и развития национальных советских социалистических республик в Средней Азии, возникновение которых знаменовало национально-государственное оформление местного населения.

Такого же характера сдвиги происходили в жизни народов Бухарской и Хорезмской Народных Советских Республик.

2. Развитие советского строя в БНСР и НСР и преобразование их в социалистические республики

Мы уже говорили о том, что после победы революции 1920 года в Бухаре и Хиве были образованы советские народные республики. Особенности социального строя этих республик были обусловлены конкретной исторической обстановкой, в которой свершались и развивались революционные события.

Младохивинцы и младобухарцы не могли открыто захватить власть и объявить Бухару и Хиву буржуазными государствами; народные массы не позволили бы им этого сделать. Но в то же время и отстранить их от государственного управления было еще невозможно. Народная революция, совершенная в Бухаре и Хиве силами беднейших крестьян и кустарей, при активной помощи Красной Армии, привела к установлению власти трудящихся в лице крестьянских Советов. В отличие от Туркестана эти крестьянские Советы не были органически связаны с Советами рабочих и солдатских депутатов и не успели еще резко отмежеваться от буржуазно-националистических организаций.

Однако для таких слаборазвитых стран, как Бухара и Хива, именно крестьянские Советы играли основную роль в приобщении народов к социалистическому строительству. В то время вырисовывались два пути перехода к социализму для экономически и политически слаборазвитых стран: 1) развитие собственной промышленности, создание социалистического пролетариата, образование Советов рабочих депутатов; 2) слияние крестьянских и рабочих Советов в единый Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и образование таким образом органа диктатуры пролетариата.

Если в таких народно-демократических республиках, как Монгольская Народная Республика, перерастание аратских (крестьянских) Советов в Советы рабочих и крестьянских депутатов, развитие народного строя в направлении к диктатуре пролетариата шло по первому пути, то в Бухаре и Хиве оно шло, в основном, по второму пути.

Некоторые историки, говоря о Бухарской и Хорезмской Народных Советских Республиках, утверждали, что революция в Бухаре и Хиве носила буржуазно-демократический характер, что строй в этих республиках был буржуазно-демократическим. Действительно, революция в Бухаре и Хиве в первую очередь разрешала задачи буржуазно-демократической революции. Иначе и не могло быть. В странах, где господствовали феодальные порядки, еще не было условий для социалистической революции и первоочередной задачей являлось уничтожение отсталого средневекового феодального строя. Поэтому по своей природе революция должна была быть здесь буржуазно-демократической.

Но она совершалась в такой исторической обстановке и в таких странах, народные массы которых уже не могли ограничиться только разрешением задач буржуазно-демократической революции и установлением буржуазного строя, пусть даже с самой широкой демократией буржуазного типа. Победа Великой Октябрьской социалистической революции и установление Советской власти в России открыли глаза трудящимся колониальных окраин России на подлинную сущность и цели эксплуататоров. Поэтому после свершения народных революций в Бухаре и Хиве началась острая борьба между буржуазией и народными массами. Буржуазия стремилась завершить революцию установлением буржуазного строя и использовать крестьянские Советы как органы своего управления. Народные же массы с первых дней стремились к дальнейшему развитию революции и превращению крестьянских Советов в основу нового, народного советского строя.

Революция в Бухаре и Хиве не завершилась провозглашением только народных советских республик. Она развивалась дальше, пока не привела к превращению этих республик в социалистические.

В. И. Ленин считал Советы политической организацией трудящихся классов, созданными в противовес организации политической силы эксплуататорских классов. Так как трудящиеся состоят из разных классов, то и Советы, как организация их политической силы, имеют разную форму. На практике Советы приобрели две формы: рабочие Советы и крестьянские Советы, созданные двумя основными классами, заинтересованными в свержении эксплуататорских классов.

Как известно, руководящую роль в борьбе против эксплуататоров, в свержении и, наконец, в уничтожении их, как класса, играет рабочий класс. Поэтому рабочие Советы являются высшей формой Советов, выражением диктатуры рабочего класса. Крестьянство в этой борьбе действует под руководством рабочего класса, как его союзник. Поэтому крестьянские Советы обычно действуют под руководством рабочих Советов. Пролетариат, сливая Советы рабочих и Советы крестьян в единый орган, через него осуществляет свое государственное руководство крестьянством, следовательно, и кустарями, чабанами и другими слоями трудящихся.

И. В. Сталин писал: «**Государственное** руководство пролетариата в отношении крестьянства есть руководство при диктатуре пролетариата. **Государственное** руководство пролетариата означает, что:

а) буржуазия уже свергнута,

б) у власти стоит пролетариат,

в) пролетариат не делит власти с другими классами,

г) пролетариат строит социализм, ведя за собой основные массы крестьянства»[1].

Если с этих позиций подойти к Бухарской и Хорезмской Народным Советским Республикам, станет ясно, что здесь Советы еще не выражали собою государственного руководства пролетариата, так как власть опиралась на крестьянские Советы. Именно поэтому В. И. Ленин считал их не социалистическими, а крестьянскими республиками. В докладе о деятельности Совета Народных Комиссаров на VIII Всероссийском съезде Советов в декабре 1920 года, приветствуя образование и укрепление советских республик в Бухаре, Азербайджане и Армении, В. И. Ленин говорил: «Эти республики являются доказательством и подтверждением того, что идеи и принципы Советской власти доступны и немедленно осуществимы не только в странах, в промышленном отношении развитых, не только с такой социальной опорой, как пролетариат, *но и с такой основой, как крестьянство. Идея крестьянских Советов победила. Власть в руках крестьян обеспечена* (курсив наш.— М. В.); в их

[1] *И. В. Сталин.* Соч., т. 9, стр. 186.

руках земля, средства производства. Дружественные отношения крестьянско-советских республик с Российской социалистической республикой уже закреплены практическими результатами нашей политики»[1].

Как известно, в Азербайджане и Армении крестьянские массы через свои Советы установили классовый союз с рабочими и сразу же превратили страну в социалистические республики. А Бухарская и Хорезмская Народные Советские Республики существовали как крестьянские республики в течение трех-четырех лет.

Революция в Бухаре и Хиве уничтожила власть крупных феодалов и клерикальных элементов. Власть перешла в руки народных (крестьянских) Советов. Крестьянская (не социалистическая) революция ограничилась переходом власти в руки народа, уничтожением старых законов и конфискацией ханских и эмирских земель, а также земель высших сановников. В Бухаре, например, было конфисковано 7500 танапов земли. Основной особенностью государственного строя этих крестьянско-советских республик являлось то, что власть сверху донизу находилась в руках народных масс в лице Советов. Все слои населения, за исключением лиц из ханского и эмирского дома и крупных высших сановников, имели право избирать и быть избранными. Ввиду того, что основная масса населения состояла из трудового крестьянства и кустарей, права которых не ограничивались, они должны были составлять и составляли в народных Советах абсолютное большинство, и власть фактически находилась в их руках. Промышленники, торговцы, кулаки и феодалы составляли незначительное меньшинство. Поэтому, даже при отсутствии какого-либо избирательного ценза, направленного на ограничение избирательного права, эти классы не могли захватить руководство в народных Советах в свои руки.

На основе такого политического строя возникли государственные органы республики. Верховными органами государственной власти были Всебухарский и Всехорезмский курултаи (съезды) народных депутатов. Курултай избирал Центральный Исполнительный Комитет республики, исполняющий функции верховной власти в промежутки между курултаями. Кроме того, курултай избирал

[1] *В. И. Ленин.* Соч., т. 31, стр. 459—460.

Совет Народных Назиров, являющийся высшим органом государственного управления.

Органы управления на местах состояли из Советов вилоятов (областей), туменов (районов) и кентов (волостей). Соответственно избирались исполнительные комитеты Советов. Самыми низовыми органами управления считались общие собрания населения кишлаков, городов и частей городов (қитъа), которые избирали аксакалов (старшин), подотчетных этим собраниям.

В выборах участвовали все граждане республики без различия пола, расы, национальной принадлежности и вероисповедания.

Такая структура государственного строя данных республик закреплялась в конституциях.

Подобного рода социальный строй свидетельствует о широкой демократии и народном характере этих республик, которые стояли тем самым неизмеримо выше, чем буржуазные республики.

Экономической основой БНСР и ХНСР пока оставалась частная собственность. Граждане имели неограниченное право пользования всеми видами движимого и недвижимого имущества как наследственного, так и приобретенного. Эта особенность Конституции отличала народно-советские республики от социалистических.

Основная масса трудящихся состояла здесь из крестьян и ремесленников. Поэтому первейшей задачей правительства было улучшение их положения. Все законодательные акты правительства должны были направляться на разрешение крестьянского вопроса. В первую очередь правительство внесло ряд существенных изменений в области налогов, торговли и промыслов.

В Бухаре, например, вместо десятка ранее существовавших различных налогов с крестьян, скотоводов и кустарей были введены следующие: 1) ушур — в размере 10 процентов от фактического валового сбора зерновых; 2) херадж — в размере 2 танги с танапа земли в Керкинском и Чарджуйском вилоятах; 3) закет-савами — в размере 5 процентов с поголовья скота; 4) патентный сбор — от 2 до 200 рублей с кустарей и торговцев, с прогрессивным увеличением в зависимости от размера капитала[1].

[1] Бухара в государственном хозяйственном плане на 1923/24 год. Старая Бухара, 1923, стр. 37.

Если сопоставить размеры новых налогов с сельского населения с размерами тех сборов и податей, которые существовали при эмире, то становится ясно, насколько новый народный строй улучшал положение трудящихся: так, в 1913 году на одно крестьянское хозяйство падало 12 рублей 40 копеек разных налогов и податей; в 1923/24 хозяйственном году налог на одно хозяйство составлял 7 рублей 85 копеек, или на 37 процентов меньше.

Примерно такому же изменению подверглась налоговая система и в Хорезме.

Не менее важными были особенности хозяйственного строя БНСР и ХНСР. Здесь наряду с частными предприятиями и торговыми заведениями существовали государственные промышленные и торговые заведения, возникшие в результате национализации предприятий русских и иностранных капиталистов. В БНСР насчитывалось 32 промышленных предприятия, среди которых было 25 хлопкоочистительных заводов. Хотя большинство из них было разрушено, все же они составляли новый уклад хозяйства и основу для зарождения социалистической промышленности. В ХНСР имелось 31 более или менее крупное промышленное предприятие, из которых пять ранее принадлежали иностранным капиталистам.

На основе союзного договора и экономического соглашения, заключенного БНСР и ХНСР с РСФСР, в собственность БНСР и ХНСР перешло несколько торговых заведений, разное имущество царского правительства, иностранных и русских капиталистов. Так как государственная собственность служила здесь источником укрепления народного советского строя и удовлетворения культурно-бытовых нужд трудящихся, ее природа коренным образом отличалась от государственной собственности буржуазных государств.

Другим проявлением заботы правительств БНСР и ХНСР о нуждах народных масс явилось широкое развертывание школьного строительства и культурно-просветительных учреждений. Появились десятки новых советских школ, открылись курсы, техникумы для подготовки педагогических кадров, библиотеки и т. д. В БНСР в 1922—1923 годах существовало уже 36 общеобразовательных школ с контингентом учащихся в

количестве 3012 человек, 11 курсов взрослых, где обучалось 538 человек. Всего было 85 разных курсов, школ и техникумов, в которых обучалось 5604 человека.

Перечисленные политические, хозяйственные и культурные особенности народных советских республик в Бухаре и Хиве отличали их от буржуазных республик. Эти республики становились на путь социалистического развития; их дальнейший рост неизбежно должен был привести к социалистическому преобразованию всего общественного строя.

Создание социалистической промышленности и образование рабочего класса в этих республиках без государственной помощи русского рабочего класса явилось бы делом не одного десятилетия. Это видно из следующего: в 1923 году из 32 промышленных заведений БНСР работало всего 6; остальные были разрушены или совершенно выведены из строя. Все промышленные заведения ХНСР бездействовали. Многие города Бухары и Хивы до революции были центрами кустарного промысла; развитие капитализма в них находилось в зачаточной стадии, в основном развивался торговый капитал. Это наложило свой отпечаток также на экономику БНСР и ХНСР. В 1923 году в БНСР было 30 крупных торговых фирм, каждая с капиталом более 20 тысяч золотых рублей. Средства только этих 30 фирм превышали основной фонд национализированных промышленных заведений. Основной и оборотный капитал фирм равнялся 1 миллиону 700 тысячам рублей золотом, а основной фонд национализированных заведений составлял около 1 миллиона 445 тысяч рублей золотом. Ежегодная прибыль частных фирм исчислялась в сумме 800 тысяч рублей, а прибыль национализированных заведений давала лишь 131,5 тысячи рублей золотом.

По материалам земельно-водной реформы 1925—1929 годов известно, что на территории бывшей БНСР было ликвидировано 2455 крупных феодально-ростовщических хозяйств. В изучаемый период свободное развитие этих хозяйств не ограничивалось. Примерно таков же был хозяйственный строй и ХНСР.

Таким образом, экономика Бухары и Хивы к моменту революции еще не созрела для создания здесь социалистического строя, и образование тут крестьянско-советских республик было, как сказано, закономерным явлением.

Однако даже в такой обстановке внутри этих республик условия для их преобразования в социалистические республики созревали очень быстро. Это отчасти можно объяснить сложившейся здесь политической обстановкой. В предыдущей главе мы указывали, что младобухарцы и младохивинцы организовали свои партии. Так, младобухарцы во главе с Файзуллой Ходжаевым организовали партию «Миллат ва инқилоб». После того как стало ясно, что народные массы не идут за этой партией, выражавшей волю крупных купцов, она вынуждена была объединиться с только что возникшей коммунистической организацией, в которую, как отмечалось, проникло немало бывших младобухарцев, «левых» эсеров и других чуждых элементов.

Один из белоэмигрантов, некий Абдурауф Байсули, активно участвовавший в организации басмаческого движения в Фергане, а потом в Восточной Бухаре, в своих мемуарах признает, что истинные коммунисты составляли незначительную часть партии «Иштрокиюн» основная же масса членов «Иштрокиюна» состояла из бывших младобухарцев, которые стремились к власти и маскировались именем этой организации. В результате тактики ослабления Бухарской Коммунистической партии путем засорения ее рядов численность членов партии уже к 1922 году доходила до 16 000 человек. Такую же тактику применяли и младохивинцы, проникшие в ХКП.

Другим подрывным действием националистов был захват высших органов республики баями, купцами и их идеологами — буржуазными националистами. Как указал И. В. Сталин на IV совещании ЦК РКП(б) с ответственными работниками национальных республик и областей, в составе Совета Назиров БНСР не было ни одного дехканина: все назирские посты были захвачены эксплуататорскими элементами. Такое же положение было и в Хорезме.

В связи с этим допускались антинародные акты в отношении крестьян и кустарей. И. В. Сталин на том же совещании говорил: «Из документа, подписанного ответственнейшими товарищами и старыми членами партии, видно, например, что за время своего существо-

3—4

вания государственный банк Бухары выдал кредитов частным купцам 75%, крестьянским же кооперативам — 2№...* Далее: в Бухаре не проведена конфискация земель. Но там была произведена конфискация эмирского скота... в пользу крестьян. И что же? По тому же документу оказывается, что конфисковано для крестьян около двух тысяч голов скота, а из них в руки крестьян перешло всего около 200 голов скота, остальное продано, продано, конечно, зажиточным гражданам»[1].

Только в первом квартале 1923 года из 254,9 тысячи рублей, помещенных Бухарским госбанком в торговые промышленные заведения,—179,4 тысячи рублей было выдано частным фирмам.

Еще одним из проявлений враждебной деятельности националистов в БНСР и ХНСР было разжигание ими национального антагонизма между узбеками и туркменами. Засевшие в органах власти узбекские буржуазные националисты проводили по отношению к туркменам и таджикам политику национальной дискриминации. Представители этих народностей в верховные органы республики не допускались. В ХНСР, где еще до революции очень острую форму приняли взаимоотношения между верхушечными слоями туркмен и узбеков, туркменские реакционные племенные вожди использовали политику национальной дискриминации в своих целях. Правительство ХНСР, в основном состоявшее из младохивинцев, продолжало эту политику и тем самым вызывало недовольство народных масс. Поэтому 6 марта 1921 года народ сверг правительство и арестовал многих назиров. Был создан Ревком, подготовивший созыв II курултая.

Наконец, в этих республиках отдельные члены правительства потворствовали действиям басмачей. В конце 1921 года организатором новых басмаческих банд выступил президент БНСР Усман Ходжа. Для руководства басмачеством националисты пригласили небезызвестного турецкого реакционера-панисламиста Энвер-пашу и при его участии приступили к объединению

*Как указано в кн. «Бухара в государственном хозяйственном плане на 1923/24 год, в абсолютных цифрах это выражается так: 7 миллионов рублей золотом купцам и 220 тысяч рублей золотом крестьянам.

1 *И. В. Сталин.* Соч., т. 5, стр. 332.

всех басмаческих шаек Средней Азии. Бежал в Бухару и ярый башкирский националист Заки Валидов, который координировал действия всех националистических организаций Туркестана, БНСР, ХНСР и басмаческих банд.

В этих условиях, конечно, развитие БНСР и ХНСР в направлении к социалистическому строю значительно затруднялось.

С другой стороны, антинародная политика буржуазных националистов усиливала недовольство народных масс. Возросла политическая активность трудящихся. Борьба против басмачества в рядах Красной Армии закаляла трудовое крестьянство и ремесленников, видевших собственными глазами бедствия, которые несло им басмачество.

Народные массы, спасаясь от басмачей, вынуждены были бросать свои земли и хозяйства и перекочевывать в горные и предгорные, а также пограничные с Туркестаном районы. Число оседлых хозяйств в 1923 году по сравнению с 1913 годом уменьшилось на 28,7 процента, а кочевых увеличилось на 75,1 процента. О причине такого уменьшения оседлых хозяйств и увеличении кочевых в опубликованных документах говорится: «...Особенно пострадало оседлое население в басмаческих районах. Утратив прежнюю тесную связь с землей и имея в своем распоряжении незначительные скотоводческие фонды, оно откочевало с мест оседлости в отдаленные предгорные и горные районы. *Вследствие указанных обстоятельств, а также вследствие притока в пограничные с ТАССР районы населения из последней, увеличилось число кочевников»* (курсив наш.— *М. В.*)[1].

Этот факт ярко иллюстрирует отношение народных масс к басмачеству. Не случайно поэтому уже в 1922 и 1923 годах завербованные в басмаческие отряды крестьяне начали уходить из банд, несмотря на то, что националисты усилили агитацию против Советской власти и призывали народ выступать против Красной Армии. В противовес этому многие назиры уходили к басмачам. Например, военный назир Арифов Абдухамид перешел со своим отрядом в количестве 350 человек на сторону басмачей.

1 Бухара в государственном хозяйственном плане на 1923/24 год, стр. 54—55.

ЦК РКП(б) и правительство СССР в самые трудные для трудящихся БНСР и ХНСР дни оказывали им помощь в лице опытных, преданных делу народа коммунистов, возглавивших вооруженные силы, направленные против басмачей. В Бухару и Хиву было послано продовольствие и фабрично-заводское оборудование.

Для оказания помощи трудящимся в укреплении власти народных Советов и для улучшения работы БКП в Бухару прибыл представитель ЦК РКП(б) С. Орджоникидзе, разоблачивший подрывную деятельность буржуазных националистов. В августе 1922 года Серго Орджоникидзе говорил на заседании ответственных работников БНСР: «Мы должны принять все меры к тому, чтобы очистить Бухарское правительство не только от контрреволюционных элементов, но и от родственных связей. До сих пор Файзулла подбирал работников по признаку родства, кумовства. Придется становиться на другой путь — отбора людей по признаку преданности Бухарской советской власти, по признаку честности и дельности... Далее стоит громадная задача — извлечь из Бухары, главным образом, из дехканства все, что есть лучшего, вытащить на свет божий и втянуть в управление государством»[1].

Указывая на наличие национальной дискриминации по отношению к другим национальностям со стороны группы Ф. Ходжаева, Серго Орджоникидзе продолжает: «...Не возражаю против пред. Совназира-бухарца, против председателя Бухарского ЦИК, но секретарь БКП должен быть вне зависимости от национальности. Точно также следует отказаться от национальных Совназиров. Назиры должны быть вне национальности. Лучше, конечно, бухарцы, но лучше и русские, грузины или татары, чем арифовы»[2].

Действия националистов были направлены против желания основной массы коммунистов Бухары войти в состав РКП(б). Националисты настаивали на оставлении ее в Коминтерне с совещательным голосом, возражали против образования Средазбюро ЦК РКП(б), понимая, что это способствовало бы укреплению БКП и активизации народных масс.

[1] ИМЛ ЦПА, ф. Средазбюро ЦК ВКП(б), д. 31, л. 40.
[2] Там же.

Остается добавить, что во многих вилоятах правителями остались бывшие беки и эмирские чиновники. Отдельные назиры, например Назрулла-ходжа Пулат Ходжаев (назир по иностранным делам), Мухитдин Аминов (председатель Совета народного хозяйства), Фитрат (назир просвещения) и другие, совершали беззакония и вели себя наподобие эмирских чиновников. Газета «Бухоро ахбороти» (Бухарские известия) в статье «Навбатдаги масалалар» (Очередные задачи) приводит высказывания одного крестьянина: «На место грабившего нас одного эмира сегодня над нами есть 30 эмиров, каждый из которых, как бывший эмир, развратничает»[1]. Начальник милиции города Кагана был арестован за нарушение законности и насилия над народом. Каршинский бек Нуриддин-ходжа был разоблачен как враг народа.

В редакционной статье «Власть должна быть в руках трудящихся» газета писала: «Некоторые люди, засевшие во главе правительства, предав забвению данные ими самими обещания революции и народу, свои личные интересы ставят выше интересов общества, поэтому многие наши ожидания не оправдались. Наши банки, кооперация и комиссии по оказанию помощи крестьянам служат интересам торговцев, или работают на карманы лиц, пробравшихся в наши высшие органы»[2].

БНСР и ХНСР без материальной помощи со стороны СССР не могли бы улучшить свое хозяйственное положение. В 1923 году из СССР и ТАССР было ввезено в БНСР мануфактуры, железных и москательных изделий, галантереи, продовольствия и других товаров на сумму 1 700 000 рублей. Для оказания материальной поддержки Бухарской республике Советский Союз заключил с ней выгодный для нее торговый договор: например, заготовка одного пуда хлопка для БНСР обходилась в 10 рублей, а Советский Союз повысил закупочную цену за 1 пуд хлопка до 15,5 рубля.

В октябре-ноябре 1924 года из России в ХНСР были отправлены разные товары широкого потребления и сельскохозяйственный инвентарь на 276 515 рублей. Кро-

[1] «Бухоро ахбороти», 15 августа 1923 г.
[2] Там же, 2 июля 1923 г.

ме того, в эти же месяцы поступило еще 25 тысяч пудов сахара, 20 вагонов мануфактуры, 3 вагона посуды, 1000 пудов кожи, 25 тысяч пар галош, 4 тысячи пудов чая и т. д. Для восстановления хлопкоочистительных и маслобойных заводов СНК СССР выдал ХНСР ссуду в 575 тысяч рублей.

Между тем во внешней политике националистические элементы всячески противодействовали объединению с Советской Россией. Клика Ф. Ходжаева не выполнила решение I съезда Советов БНСР об объединении с РСФСР. Этот же вопрос был поставлен на съезде БКП 15 февраля 1921 года. В это время против предложения об объединении с РСФСР выставлялся тот предлог, что объединение с Советской Россией якобы приведет к уничтожению самостоятельности БНСР. Ф. Ходжаев в отчете правительства на III съезде Советов БНСР говорил: «...раньше наши торговцы все купленные в стране товары продавали русским купцам и фабрикантам, а все, что нужно было нам, покупали только у русских. Теперь мы имеем торговые связи со многими иностранными странами. Для усиления нашей торговли мы нашим торговцам выделили кредит в сумме 500 тысяч золотых рублей. По торговле каракульскими смушками и хлопком установили связь с Германией, послали миссии в Турцию, Иран и Афганистан. Нужное нам оборудование для хлопчатобумажной фабрики и мыловаренного завода получим из России»[1]. Один из назиров БНСР в статье «Каким должно быть суверенное государство» писал, что оно должно иметь свою армию, свою железную дорогу, своих специалистов и т. д[2].

Все эти действия привели к глубокому возмущению народа. Летом 1923 года ЦИК Советов БНСР вынес постановление о выводе из состава правительства ряда назиров, в том числе ненавистных народу Фитрата, Назруллыходжи, Мухиддина Аминова и др. Они были выселены из Бухары в Туркестан.

Для укрепления БКП из Туркестана был командирован ряд работников, использованных на работе в ЦК БКП.

[1] «Бухоро ахбороти», 21 сентября 1922 г.
[2] Там же, 2 ноября 1922 г.

В процессе борьбы с националистами росла политическая сознательность и активность бухарских коммунистов и всех трудящихся.

Помощь БНСР и ХНСР со стороны ЦК РКП(б) и Советского правительства быстро укрепила их экономику, подняла политическую активность народных масс; советские органы постепенно очистились от чуждых элементов, усилилось участие трудящихся в их работе. Активность народных масс с особой силой проявилась в период проведения выборов в советские органы перед IV Всебухарским курултаем. Основная масса депутатов многих местных Советов была избрана из числа дехкан и кустарей; широко привлекались представители всех национальностей. Это видно из состава делегатов IV курултая. По сохранившимся анкетным данным на 389 делегатов (из 425) дехкан приходилось 227 человек, рабочих — 27, служащих — 93, кустарей —17, интеллигенции — 17 и прочих — 9 человек. Членов партии — 131[1].

Эти данные свидетельствуют, что Советы по своему составу стали трудовыми.

Был урегулирован и национальный вопрос. В составе делегатов IV курултая было: узбеков — 237, таджиков — 81, киргизов — 19, туркмен — 22, евреев — 11, персов — 5. Следовательно, внутри БНСР начали устанавливаться правильные взаимоотношения между отдельными национальностями.

В результате широкого привлечения к работе представителей трудовых крестьян и кустарей значительно укрепился советский аппарат и в ХНСР. В 1924 году во всех республиканских органах ХНСР числилось 803 работника, из них дехкан было 406, рабочих (мардикеров, батраков и др.) — 213, членов партии — 110. Среди них были представители всех национальностей. Из 58 членов и кандидатов ЦИК, избранных на IV курултае ХНСР, узбеков было 29, туркмен 10, казахов 3, остальные — представители других национальностей[2].

Большое значение имела чистка рядов партии, проведенная в БНСР и ХНСР. После чистки в 1922 году в рядах БКП из 16000 членов осталось не более 1000 че-

[1] ИМЛ, ЦПА, ф. Средазбюро ЦК ВКП(б), д. 56, л. 111, материалы БКП.
[2] Там же, материалы БКП.

ловек, но зато улучшился ее состав: так, в 1923 году из 1560 членов и 167 кандидатов БКП дехкане составляли 35 процентов, интеллигенция — 5, служащие — 27, кустари — 8,5, рабочие — 13 процентов. В рядах ХКП после чистки осталось всего 547 членов, из них дехкан — 415, рабочих — 40, кустарей — 46, служащих — 15 и прочих —31 человек[1].

Активность масс проявилась также в образовании крестьянского союза «Кошчи» и комсомольской организации.

Политические и социальные сдвиги в жизни БНСР и ХНСР отразились в изменениях, внесенных в содержание конституции и в ряде законодательных актов, знаменовавших продвижение по пути социалистического преобразования.

К концу 1922 года, после разгрома отрядов главного руководителя басмаческих банд Энвера, в БНСР басмачество в основном было ликвидировано. К тому же времени были разбиты басмаческие банды Джунаид-хана и других туркменских племенных вождей в ХНСР. С 1923 года в этих народных советских республиках начался период мирного строительства.

Тяга народных масс к социалистическому преобразованию росла день ото дня. Положительный опыт социалистического переустройства Туркестанской АССР все более убеждал трудящихся в необходимости полной переустройки БНСР и ХНСР на социалистических началах, путем решительной очистки государственного аппарата от представителей эксплуататорских классов и передачи власти в руки Советов рабочих и крестьянских депутатов.

Пятилетний опыт Коммунистической партии ТАССР в области развития социалистического сектора в промышленности, сельском хозяйстве и торговле показал назревшую необходимость социалистического переустройства основ экономики республик для освобождения народных масс от угрозы разорения и нового закабаления купцами, торговцами и ростовщиками.

В силу всего этого уже в 1923 году среди народных масс БНСР и ХНСР отчетливо сказалось стремление к преобразованию этих республик в социалистические.

[1] ИМЛ, ЦПА, ф. Средазбюро ЦК ВКП(б), д. 145, лл. 1,70, материалы БКП.

Для этого первым и необходимым условием была полная демократизация органов власти и укрепление советского аппарата путем решительной чистки их от представителей эксплуататорских классов. Только органы власти, опирающиеся на широкие народные массы и состоящие из представителей трудового народа, способны были провести необходимые преобразования. Нужна была также чистка и укрепление БКП и ХКП.

Как мы видели выше, трудящиеся республик и их коммунистические организации добились значительных успехов в этом деле.

Вместе с тем для социалистического преобразования БНСР и ХНСР было недостаточно одной только внутренней социально-политической базы. Основой быстрого развития этих республик могла быть социалистическая промышленность Советской России, а руководящей и направляющей силой такого развития мог быть русский рабочий класс. Превращение БНСР и ХНСР в социалистические республики в существующих условиях прежде всего требовало беспрепятственной экономической, политической и культурной связи их с СССР, единения народов этих республик с русским рабочим классом и революционным крестьянством, чему препятствовали буржуазные националисты. Чистка БКП и ХКП от чуждых и враждебных элементов, а советских органов — от представителей эксплуататорских классов (с ограничением их политических прав) в значительной мере сняла это препятствие.

Большое значение имело образование в 1923 году постоянного экономического совещания ТАССР, БНСР и ХНСР и создание Среднеазиатского бюро РКП(б). Это способствовало установлению еще более тесной и широкой экономической и политической связи между народами ТАССР, БНСР и ХНСР.

В деле подготовки к провозглашению БНСР социалистической республикой большую роль сыграл созыв 14 августа 1923 года чрезвычайной сессии ЦИК БНСР, принявшей решение об изменении некоторых статей Конституции БНСР. Согласно этому решению все бывшие эмирские чиновники, крупные ростовщики и купцы были лишены активного и пассивного избирательного права. Этим были отстранены от политической деятельности самые реакционные слои эксплуататорских клас-

сов. Были расширены избирательные права рабочих и красноармейцев. В Совет народных депутатов избиралось по 1 депутату от 500 рабочих, организованных в профсоюзы, и по 1 депутату от 250 красноармейцев.

Во всех назиратах единоначальное управление было заменено коллегиальным, для чего при назирах были созданы коллегии.

Был дифференцирован и сельхозналог по системе прогрессивного налога.

В октябре 1923 года состоялся IV Всехорезмский курултай народных депутатов, принявший новую Конституцию и провозгласивший ХНСР Советской Социалистической Республикой. «Основной задачей Хорезмского правительства,— говорилось в Конституции,— является создание таких условий, при которых станет невозможным угнетение человека человеком». Весь земельный фонд объявлялся всенародным достоянием и закреплялся за трудящимися без выкупа. Все движимое и недвижимое имущество ханов, его чиновников и ростовщиков объявлялось национализированным и передавалось в ведение республики.

Конституция лишала избирательных прав все эксплуататорские классы, членов ханского дома, духовенства, бывших ханских чиновников, контрреволюционеров и лиц, осужденных по суду.

Новая Конституция закрепляла перегруппировку социальных сил, которая происходила в период развития народной советской государственности ХНСР и легла в основу провозглашения ее социалистической республикой. Новое соотношение социальных сил в Хорезме выражало повышение политической активности трудящихся, способствовало переходу народной советской республики в социалистическую.

В сентябре 1924 года V Всебухарский курултай народных советов провозгласил образование Бухарской Советской Социалистической Республики.

В вводной части резолюции курултая отмечено значение революции 1920 года в Бухаре для создания народной советской республики, исторической победы трудящихся над врагами народа в борьбе с басмачеством и за изгнание чуждых элементов из советских органов, установления национального равноправия и сотрудничества между народами БНСР, широкого привлечения

трудящихся к советскому строю, успехов народной советской власти в развитии государственной промышленности, народного просвещения, народной Красной Армии и профессиональных организаций. В постановляющей части было записано, что «Бухарская Народная Советская Республика объявляется Бухарской Советской Социалистической Республикой. Социалистическая республика есть организация диктатуры пролетариата — трудящихся и эксплуатируемых масс рабочих и беднейшего крестьянства—против угнетателей и эксплуататоров. Задачей этой диктатуры является осуществление перехода к социализму путем проведения социалистических преобразований и подавления всех контрреволюционных выступлений против пролетариата и диктатуры. Идя неуклонно к поставленной цели, Бухарская Советская Социалистическая Республика заявляет о братском единстве со всем Союзом Советских Социалистических Республик в целом.

Только неразрывно с ним она идет для совместной борьбы за торжество мировой коммунистической революции»[1].

Постановление правильно характеризовало социальную основу, на которой базировалась БССР: это были рабочие и беднейшее крестьянство. Хотя постановление неправильно определяло диктатуру пролетариата, как диктатуру рабочих и беднейшего крестьянства, но в то же время правильно подчеркивалось, что только неразрывная связь БССР и братское единство ее с СССР позволят осуществить переход «к социализму путем проведения социалистических преобразований и подавления всех контрреволюционных выступлений против пролетариата и диктатуры».

Так совершился переход БНСР и ХНСР от народной советской государственности к советской социалистической государственности. Советская социалистическая государственность народов БНСР и ХНСР должна была служить важным средством установления «неразрывной связи» и «братского единства», иначе говоря, прочного союза между русским рабочим классом и трудящимися крестьянами и кустарями Бухары и Хорезма.

---

[1] ЦГАОР УзССР, ф. ЦИК, д. 148, Материалы V курултая БССР.

Для укрепления советского строя в ТАССР, БССР и ХССР в эти годы огромное значение имело создание Среднеазиатского бюро ЦК РКП(б) в мае 1922 года после выполнения Комиссией ВЦИК и СНК РСФСР по делам Туркестана (Туркомиссией) своих функций, а также образование Среднеазиатского экономического совета, Совета профессиональных союзов, Краевого комитета комсомола.

Среднеазиатское бюро РКП(б) непосредственно руководило подготовкой и проведением такого исторически важного мероприятия, как национально-государственное размежевание Средней Азии.

3. Национально-государственное размежевание Средней Азии. Образование Узбекской ССР

В 1924 году в Средней Азии было проведено национально-государственное размежевание, в результате чего образовались национальные советские социалистические республики. Некоторые из них — Узбекская и Туркменская — сразу образовались как союзные советские социалистические республики и вступили в СССР; другие (Таджикская) возникли на правах автономной социалистической республики. Казахские районы Средней Азии объединились в составе Казахской Автономной Советской Социалистической Республики (называемой тогда Киргизской АССР). Каракалпакия вошла в Киргизскую ССР как автономная область. А киргизы под названием каракиргизов создали автономную республику в составе РСФСР. Эти национальные советские социалистические республики и автономные области впервые в истории народов Средней Азии объединили их основные массы в национальные советские государства. Республики стали прочными социалистическими государствами, ибо сложились на основе добровольного волеизъявления народов и разграничили территории с учетом действительного расселения компактных масс населения и потребностей экономического и культурного роста каждого народа. Проведение национально-государственного размежевания сыграло важную роль в дальнейшем расширении национальных связей между народами Средней Азии.

Прежде чем перейти к рассмотрению влияния национально-государственного размежевания на расширение национальных связей народов Средней Азии и ускорение процесса формирования узбекской социалистической нации, остановимся вкратце на истории образования Узбекской ССР.

По истории национально-государственного размежевания и образования в Средней Азии советских социалистических республик историками и юристами среднеазиатских республик написан ряд работ. Архивные материалы и другие источники и пособия, касающиеся истории подготовки и проведения национально-государственного размежевания в Средней Азии, очень широко и полно использованы в этих работах. Мы остановимся на этом вопросе лишь под углом зрения его значения для ускорения процесса формирования узбекской нации.

История вопроса о проведении национально-государственного размежевания в Средней Азии такова. Буржуазные националисты, как мы видели выше, в своей борьбе против Советской власти выдвигали требование о создании тюркской республики, призванной объединить все тюркоязычные народы Советской России. Это требование противоречило основному принципу национальной политики Коммунистической партии в вопросе о самоопределении народов. В борьбе против буржуазных националистов, пробравшихся на руководящие посты ТАССР в 1918—1920 годах, Туркомиссия провела впервые в истории новое административное устройство Туркестана на основе национального признака.

В июне 1920 года в связи с рассмотрением проекта Конституции ТАССР в Политбюро ЦК РКП(б) В. И. Ленин дал указание — детально выяснить условия слияния узбеков, киргизов (казахов) и туркмен в самостоятельные республики. После этого было проведено всестороннее изучение экономики, быта, культуры, этнических особенностей и районов расселения народов Туркестана. Необходимость такого изучения диктовалась еще и тем, что народы Туркестана до Октябрьской революции не достигли высшей ступени национального оформления, как это было подробно показано нами выше. Некоторые племена в составе отдельных народов по своему быту и культуре имели много сходства с соседними народами. Другие же, не имея ничего общего в характере

хозяйства и образе жизни, были сходны с соседями по языку. Существовало немало районов, населенных двуязычными народами. Встречались роды и племена, еще не выработавшие своего национального самоназвания.

Так, например, таджики и узбеки Ферганской долины имели большое сходство в экономике, культуре, быту и образе жизни, но различались по языку. Киргизы и туркмены распадались на кочевников и оседлых — на скотоводов и земледельцев. Под названием «курама» было известно население, соединявшее в себе уклад хозяйства узбеков и разговорную речь казахов. «Сартами» продолжали именовать городских узбеков и таджиков. Каракалпаки и узбеки низовьев Аму-Дарьи, несмотря на то, что были представителями двух различных народностей, имели большое сходство в языке, быте, образе жизни и характере хозяйства. В этой обстановке только марксистско-ленинская теория могла указать правильный путь определения национальной принадлежности того или иного народа и научно обосновать принципы национального размежевания народов Средней Азии. Вместе с тем в столь сложной обстановке национальное размежевание народов Средней Азии требовало тщательной подготовки. Сама же необходимость национального размежевания назрела еще до 1924 года, но провести ее до этого времени практически, в условиях борьбы с басмачеством и в описанной выше обстановке, не представлялось возможным.

Вопрос о переустройстве административного деления народов ТАССР официально был поставлен уже в конце 1920 года. Так, в декрете ВЦИК и СНК РСФСР от 26 августа 1920 года «Об Автономной Киргизской (Казахской) Советской Социалистической Республике» была предусмотрена возможность включения в состав КАССР казахской территории, входившей в то время в состав ТАССР. Но это должно было произойти на основе добровольного волеизъявления населения обеих республик. Казахская АССР учредила свое представительство при ТуркЦИК, которое, наряду с выполнением хозяйственных и культурных функций, должно было вести подготовительную работу по передаче отдельных районов Туркестана в состав КАССР.

Необходимость создания национально однородных республик стала все более и более осознаваться самим

народом. Рост культурных связей между разрозненными частями народов ТАССР, КАССР, БССР и ХССР все больше убеждал в необходимости их объединения по национальному признаку.

В январе 1921 года I краевой съезд казахской и киргизской бедноты ТАССР принял постановление о включении киргизов (казахов) ТАССР в состав КАССР. Однако срок осуществления данного постановления был оставлен открытым до подготовки необходимых условий.

По просьбе правительства КАССР в апреле 1922 года в Москве состоялось совещание представителей КАССР и ТАССР по вопросу о передаче Сырдарьинской и Семиреченской областей ТАССР в состав КАССР. Совещание решило поручить подготовку этого вопроса ЦК КПТ и Казахскому обкому РКП(б) с тем, чтобы он был обсужден среди партийных работников Туркестана и КАССР.

В дальнейшем вопрос о включении казахских районов ТАССР в состав КАССР стал частью общего вопроса о национально-государственном размежевании народов Средней Азии. И после этого вопрос о национальном размежевании народов Средней Азии часто поднимался на партийных съездах, совещаниях и обсуждался среди партийно-советского актива. На XII съезде Советов Туркестана некоторые делегаты, констатируя разнообразие национального состава отдельных районов Туркестана, их хозяйственного строя и культурно-бытовых особенностей, считали, что партийные и советские органы ТАССР не смогут руководить этими районами. Поэтому, говорили они, необходимо образовать отдельные национальные области и республики с учетом национальных особенностей их населения.

В феврале 1924 года вопрос о национальном размежевании обсуждался на совещании партийно-советского актива Бухарской Советской Социалистической Республики. Совещание признало постановку этого вопроса своевременным. Вслед за этим, 25 февраля того же года, вопрос о национальном размежевании был рассмотрен и одобрен на расширенном пленуме ЦК БКП[1].

В марте 1924 года собрание партийно-советского актива в Хиве также поддержало идею проведения

[1] ИМЛ, ЦПА, д. 156, Нацразмежевание, л. 4 (копия).

национального размежевания народов Хорезма и ТАССР. 10 марта 1924 года вопрос о национальном размежевании обсуждался на расширенном совещании членов и кандидатов ЦК КПТ, ЦКК, членов Средазбюро, членов президиума ТуркЦИК и СНК ТАССР с участием партийно-советского актива города Ташкента. Совещание также поддержало эту идею[1].

Такие же собрания, совещания и обсуждения проходили и в других городах ТАССР, БССР и ХССР, после чего вопрос перешел на следующий этап своего разрешения. Начали разрабатываться конкретные предложения по практическому проведению национального размежевания в жизнь. Одно из важных мероприятий в этом отношении заключалось в проведении широкой массово-разъяснительной работы среди трудящихся. Буржуазные националисты могли попытаться использовать проведение национального размежевания для натравливания одного народа на другой и разжигания национального антагонизма между ними. Для того, чтобы население правильно поняло смысл намечаемого мероприятия, партийные организации ТАССР, БССР и ХССР, начиная с середины 1924 года, широко развернули разъяснительную работу через газеты, журналы и путем проведения бесед, докладов и устной агитации.

Одновременно с этим было начато и другое, не менее важное дело — разработка конкретных планов размежевания, которое оказалось делом очень сложным. Кроме определения национальной принадлежности населения некоторых районов, нужно было еще разработать общие принципы отнесения той или иной территории к соответствующей республике или области; нужно было справедливое распределение пастбищ и других видов угодий между республиками и областями. Значительные трудности возникали при распределении промышленных предприятий, средств банков, торговых учреждений, наличного сырья и товаров, имущества научных и культурных учреждений и т. п. Не менее сложной была разработка принципов отнесения к той или иной республике отдельных городов и населенных пунктов с тяготевшим к ним многонациональным населением.

[1] ИМЛ, ЦПА, ф. Средазбюро, д. 151, л. 10.

28 апреля 1924 года Средазбюро ЦК РКП(б) обсудило вопрос о национально-государственном размежевании и принципиально одобрило инициативу партийных организаций ТАССР, БССР, ХССР и КАССР по данному вопросу. В конце мая уже было принято решение о проведении размежевания по национально-территориальному признаку. Узбеки и туркмены создавали свои самостоятельные советские социалистические республики с правом непосредственного вхождения в СССР. Таджики и киргизы объединялись в автономные области, а казахи входили в состав КАССР. Для руководства партийными организациями всех среднеазиатских республик было сочтено необходимым сохранить Средазбюро ЦК РКП(б) и создать межреспубликанское Средазэкосо (экономический совет).

В июне 1924 года ЦК ВКП(б) одобрил размежевание народов Средней Азии по национальному признаку.

15 июня 1924 года Средазбюро утвердило тезисы для докладчиков о национальном размежевании. В этих тезисах была освещена история вопроса о национально-территориальном размежевании народов Средней Азии, объяснено его значение и необходимость. В пунктах 10, 11, 12 тезисов было указано:

«10. При проведении границ между отдельными республиками и при осуществлении экономического равноправия Средней Азии должны быть тщательно учтены все условия, благоприятствующие той или иной национальности. Максимальнейшее внимание должно быть уделено именно наиболее слабым и отсталым национальностям.

11. При установлении связей между отдельными отраслями народного хозяйства вновь образуемых республик и областей должно быть соблюдено такое равноправие сторон и учтены все особенности экономики, в которых развивалась и живет данная национальность. Экономическая связь должна быть установлена в духе действительно пролетарского и действительно братского внимания к нуждам и потребностям всех отсталых национальностей.

12. В каждой республике и области должны быть в полной мере обеспечены интересы национальных меньшинств»[1].

[1] ИМЛ, ЦПА, ф. Средазбюро, д. 157, лл. 38—40 (копия).

Для разработки планов национального размежевания были созданы комиссии: национальная, территориальная и экономическая. Каждая из них имела еще по нескольку подкомиссий, например, в национальной комиссии были подкомиссии: узбекская, туркменская, киргизская (казахская) и каракиргизская (киргизская).

В это же время были созданы оргбюро Коммунистической партии Узбекистана и Туркменистана. В связи с этим ЦК КПТ, ЦК БКП, ЦК ХКП прекратили свою деятельность.

15 сентября 1924 года III чрезвычайная сессия ЦИК Туркестанской АССР приняла обращение ко всем народам Туркестана о национально-государственном размежевании народов Средней Азии. В тексте обращения, после обоснования необходимости размежевания и оценки его значения в истории народов Средней Азии, приводилось постановление сессии о предоставлении права узбекскому и туркменскому народам выйти из состава ТАССР и образовать Узбекскую и Туркменскую Советские Социалистические Республики; таджикскому и каракиргизскому (киргизскому) народам — выйти из состава ТАССР и образовать Таджикскую и Каракиргизскую автономные области; казахскому народу — выйти из состава ТАССР и объединиться с КАССР[1].

Вслед за этим, 20 сентября того же года, V курултай Советов БССР принял такое решение:

«Выражая волю народов Бухары, объявляем согласие на образование с узбеками Туркестана и Хорезма — Узбекской Советской Социалистической Республики и Таджикской автономной области. Выражаем также братское согласие на вхождение туркменского народа Бухары в состав Туркменской Советской Социалистической Республики. Курултай решительно устанавливает необходимость вхождения Узбекистана и Туркменистана в СССР»[2].

29 сентября 1924 года V курултай Советов Хорезмской ССР принял постановление о предоставлении права узбекам, проживающим в ХССР, войти в Узбекскую

[1] ЦГАОР, ф. ТуркЦИК, Бюллетень чрезвычайной сессии ТуркЦИК.

[2] «Народное хозяйство Средней Азии», Ташкент, 1924, № 2—3, стр. 197.

ССР, туркменам — в Туркменскую ССР и другим народам — в соответствующие автономные области и республики[1].

14 октября 1924 года II сессия ВЦИК приняла постановление о национально-государственном размежевании народов Средней Азии. Она санкционировала постановления III чрезвычайной сессии ТуркЦИК. Таджикскому народу было предоставлено право образовать автономную советскую социалистическую республику в составе УзССР, каракалпакскому народу — автономную область в составе КАССР, киргизскому народу — автономную область в составе РСФСР.

Этим закончился этап законодательного оформления размежевания народов Средней Азии по национальному признаку.

В августе и сентябре 1924 года работали специальные комиссии по национальному размежеванию. Вокруг вопросов определения границ республик и областей, установления национальной принадлежности населения некоторых районов, распределения предприятий и угодий, средств банков и имущества культурных учреждений происходили оживленные споры, дискуссии.

Партийные и советские органы среднеазиатских республик и КАССР, действуя на основе указаний ЦК РКП(б), занимали правильные позиции в этих вопросах.

При установлении принадлежности определенной территории к той или иной республике или области прежде всего учитывалось, какая национальность в данном районе составляет компактное большинство, а также, как это компактное большинство территориально относится к основной массе данной нации. Если оно оказывалось окруженным сплошным массивом другой национальности, то, входя в состав республики этой национальности, данное население составляло национальный район или сельсовет, в зависимости от количества. Буржуазные националисты затеяли вокруг этого вопроса большие споры. Основные массы всех народов и национальностей жили большими сплошными массивами, в которых только мелкими очагами вкрапливались представители других национальностей. Встречались, однако,

[1] «Туркестанская Правда», 29 сентября 1924 г.

9—Я

районы, для которых определение национальной принадлежности населения оказывалось сложным делом. Таким районом оказался и Ташкентский оазис. Казахские националисты требовали включения Ташкентского оазиса в состав КАССР на основе того, что казахское население в нем составляет большинство и сам оазис окружен казахскими землями. В противовес этому узбекские националисты требовали создания автономных городов в Южном Казахстане, где в отдельных точках, как например, в Чимкенте, в Туркестане, компактно проживали узбеки.

И то и другое предложение было отвергнуто. Хотя в Ташкентском оазисе казахское население составляло значительное число, оазис испокон веков и экономически, и культурно, и историческими своими судьбами был связан с узбеками. Казахские националисты, объявляя кураминцев казахами, считали, что казахи здесь составляют абсолютное большинство. На самом деле так называемые кураминцы, состоящие из смешанных тюркоязычных родов и племен, в Казахстане давно казахизировались, а в Ташкентском оазисе и Ферганской долине узбекизировались. Количество кураминцев в долине Ангрена доходило до 50 000 человек. На основании этого Ташкентский оазис был включен в состав Узбекской ССР с выделением в нем отдельных казахских национальных районов и сельсоветов.

Города Южного Казахстана вошли в состав КАССР, так как экономически были тесно связаны с окружающими казахскими аулами. Выделение их как автономных городов с включением в состав Узбекистана создало бы искусственные препятствия для их экономического развития.

Узбекские националисты Хорезма сначала выступали против объединения узбеков Хорезма с Узбекской ССР и требовали самостоятельного существования Хорезма, как независимой узбекской республики, с вхождением ее непосредственно в состав СССР. После активного выступления трудящихся Хорезма за объединение с Узбекской ССР националисты, изменив свою политику, начали требовать расширения земель Хорезма за счет туркменских и казахских.

Выступая на собрании студентов КУТВ (Комуниверситета трудящихся Востока), И. В. Сталин дал исчерпывающую характеристику буржуазно-националистическим уклонам этого периода. Разоблачая великодержавный и местный националистический уклон, он говорил: «Второй уклон состоит, наоборот, в преувеличении местных особенностей, в забвении того общего и главного, которое связывает советские республики Востока с промышленными районами Советского Союза, в замалчивании социалистических задач, приспособлении к задачам узкого и ограниченного национализма. Товарищи, допускающие этот уклон, мало заботятся о внутреннем строительстве своей страны, они предпочитают предоставить это развитие естественному ходу вещей. Для них главное не внутреннее строительство, а «внешняя» политика, расширение границ своей республики, тяжба с окружающими республиками, желание отхватить у соседей лишний кусочек и понравиться, таким образом, буржуазным националистам своей страны. Результатом этого уклона являются отрыв от социализма и перерождение в обычных буржуазных националистов»[1].

Естественно, что народ не поддержал подобную политику буржуазных националистов во время проведения национального размежевания.

Проведение границ отдельных республик и автономных областей проходило в соответствии с указаниями ЦК РКП (б) о тщательном учете всех условий, благоприятствующих развитию каждой национальности.

При проведении экономического размежевания были учтены основные особенности хозяйства и экономической жизни того или иного народа. В распределении поливных посевных площадей были приняты во внимание интересы земледельческих народов: узбеков, таджиков, части туркмен и киргизов, так как поливные площади веками были заселены именно этими народами. При распределении же пастбищных угодий были попытки разделить их не по количеству поголовья скота, а по другим показателям (по количеству населения и т. п.). Этого требовали узбекские националисты, которые не желали понять, что в таком случае могла разрушиться хозяйственная основа кочевых скотоводческих народов — казахов, части туркмен и киргизов. В результате пастбища были распределены в соответствии с количеством поголовья скота.

Большой спор вызвал принцип распределения промышленных заведений, торговых учреждений и банков,

[1] *И. В. Сталин.* Соч., т. 7, стр. 143.

имущества Водхоза, Управления сырьевых заготовок, Хлопкома. ЦК РКП (б), рассмотрев этот вопрос, счел необходимым оставить в ведении Среднеазиатских органов часть имеющих среднеазиатское значение промышленных заведений, Водхоз, Центросоюз, Государственный банк. Часть имущества ТАССР подлежала распределению, причем за основу бралось количество населения каждой республики и автономной области. Только распределение фонда Управления сырьевых заготовок проводилось в соответствии с поголовьем скота.

В результате этих тщательно взвешенных и продуманных мероприятий экономическое размежевание, проведенное под непосредственным руководством ЦК РКП (б), было успешно завершено. Комиссия ЦК РКП(б) под председательством В. В. Куйбышева пресекала все попытки буржуазных националистов противопоставить одну нацию другой и во время проведения размежевания строго следила за обеспечением интересов всех национальностей Средней Азии.

В ноябре 1924 года специальные сессии Туркестанского, Бухарского и Хорезмского Центральных Исполнительных Комитетов приняли решение о самороспуске. Во вновь образующихся республиках были созданы Революционные комитеты, которые начали подготовку к созыву учредительных съездов новых республик и автономных областей.

Революционный комитет Узбекской Советской Социалистической Республики 5 декабря 1924 года выпустил воззвание об образовании Узбекской ССР. До проведения I Учредительного съезда и образования верховных советских органов УзССР Революционный комитет управлял всеми делами в республике. Для оказания помощи партийным и советским органам республик Средней Азии в создании новых республик и автономных областей ЦК РКП (б) командировал в Туркестан М. И. Калинина.

I Учредительный съезд Узбекской Советской Социалистической Республики открылся 13 февраля 1925 года в Бухаре. На съезде участвовали 598 делегатов, из них 414— узбеков, 66— таджиков, 65— русских, 5— киргизов, 48— казахов и представителей других национальностей. Таким образом, состав делегатов съезда отражал полное равноправие проживающих на территории Узбекистана национальностей.

Съезд принял «Декларацию об образовании Узбекской Советской Социалистической Республики». В «Декларации» было сказано: «... Трудящиеся массы кишлаков и аулов узбекских земель, в лице I съезда Советов с территории бывших Туркестанской, Бухарской и Хорезмской республик, торжественно и во всеуслышание объявляют, что отныне на территории узбекского народа в составе областей: Ташкентской, Самаркандской, Ферганской, Кашкадарьинской, Зеравшанской, Сурхандарьинской и Хорезмской впервые в истории этого народа учреждается Узбекская Советская Социалистическая Республика рабочих и крестьян...

...Трудящиеся массы узбекского народа перед лицом всего мира заявляют о своем непреклонном решении о добровольном вхождении в Союз ССР на правах полноправного члена и на основах Декларации I съезда СССР, обеспечивающих как безопасность союзных республик, так и полноту внутреннего роста и свободы национального развития народов»[1].

Съезд образовал верховные органы УзССР — ЦИК Советов и Совет Народных Комиссаров УзССР.

13 мая 1925 года III съезд Советов СССР вынес постановление о принятии Узбекской ССР в состав СССР. Этим завершилось законодательное оформление УзССР и вхождение ее в состав СССР.

С образованием УзССР были созданы республиканские партийные, комсомольские, профсоюзные, хозяйственные органы и научные, а также общественные организации.

На I съезде КП (б) Узбекистана (начало февраля 1925 г.) была организационно оформлена Коммунистическая партия Узбекистана. В 1925 году партийная организация Узбекистана объединяла 516 партийных ячеек, состоявших из 10 857 членов и 10 525 кандидатов в члены партии. Из общего числа членов и кандидатов партии 11 875 человек были представителями местных национальностей, 9353 русские и представители других европейских национальностей, по социальному составу: 9084— рабочие, 6056— дехкане и 5542— служащие[2].

---

[1] Узбекистан за 15 лет, Ташкент, 1939, стр. 3.

[2] Доклад ЦК КП(б)Уз II съезду КП(б)Уз, Самарканд, 1925, стр. 148, 149, 153.

Таким образом Коммунистическая партия Узбекистана уже в момент ее оформления являлась по своему социальному и национальному составу крепкой, боеспособной организацией.

К моменту организации (лето 1925 года) республиканских профсоюзов количество членов профсоюзов в Узбекистане доходило до 112 234 человек; из них 41 948 были из местных национальностей[1]. Членов союза «Кошчи» было 155 956 человек; из них 25 процентов батраки[2].

Узбекская ССР располагала значительным количеством школ, техникумов, культурно-просветительных учреждений. В 1924/25 учебном году на территории Узбекистана функционировало 867 начальных и 40 полных и неполных средних школ, 23 техникума. В них обучалось 75 543 учащихся. Работало 43 библиотеки, 83 клуба, 18 киноустановок, 11 театров, 189 лечебных учреждений. Издавалось 26 газет и 22 журнала.

Узбекистан располагал значительным количеством новой советской интеллигенции. Одних только учителей общеобразовательных школ насчитывалось 2748 человек, врачей — 359, а среднего медицинского персонала —429 человек.

В результате национально-государственного размежевания к Узбекской ССР отошла территория размером в 17 071 600 гектаров; из них 1 447 925 гектаров — посевные площади, 1 347 048— лесные массивы, 4 миллиона гектаров — горностепные пастбища и 8—10 миллионов гектаров — пустыни и песчаники[3].

Из всего населения Средней Азии в количестве 8 131 062 человека к Узбекской ССР перешло 3 963 285, или 48,7 процента[4]. Из общей суммы государственного имущества ТАССР, БССР и ХССР в 75,3 миллиона рублей Узбекская ССР получила 45,8 миллиона рублей, или 60,8 процента .

Из 3 757 309 узбеков, проживавших на территории ТАССР, БССР и ХССР, 375 730 человек, или 10 процентов, вошли в состав других республик и автономных областей. Следовательно, 3 381 579 узбеков объединились в

[1] Доклад ЦК КП(б) Уз II съезду КП(б) Уз, Самарканд, 1925, стр. 186.
[2] Там же, стр. 193.
[3] Доклад ЦИК Советов УзССР II съезду Советов, 1925, стр. 3.
[4] «Новый Восток», 1925, № 8—9, стр. 7.

единую социалистическую республику. По материалам переписи 1926 года точное количество всего населения УзССР оказалось равным 4 445 726 человекам[1]. Таким образом, узбеки составляли около ¾ всего населения республики. Если раньше узбеки жили на трех разных территориях: 66,5 процента — в ТАССР, 22,2— в БССР и 11,3 процента — в ХССР[2], то теперь 90 процентов их было в одном государственном объединении — Узбекской ССР.

Далее, если раньше узбеки составляли в ТАССР 41,4 процента всего населения, в БССР —50,1 и в ХССР — 61,1 процента, то теперь они составляли примерно 75 процентов всего населения УзССР.

Примерно таким же было положение и в других республиках. В этом и состоял смысл, но не самоцель национально-государственного размежевания народов Средней Азии. Объединение в компактное большинство того или иного народа в отдельных республиках и автономных областях должно было служить мощным средством уничтожения всяких национальных противоречий между отдельными народами и усиления политической дифференциации внутри наций. Создались условия для еще большего приближения советских органов к местным трудящимся, дальнейшей активизации их, роста экономики и культуры советских народов. Следовательно, размежевание способствовало ускорению темпов социалистического строительства.

После I съезда Советов Узбекской ССР (октябрь, 1925 г.) в Андижане состоялась III сессия ЦИК Советов УзССР, на которой была избрана комиссия для выработки проекта Конституции УзССР[3]. Конституция Узбекской Советской Социалистической Республики была принята на II съезде Советов УзССР, состоявшемся в марте 1927 года в Самарканде. В статье 2 Конституции было сказано, что «Узбекская ССР есть социалистическое государство рабочих и крестьян. Вся власть в пределах УзССР в центре и на местах принадлежит Советам рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов».

В Узбекской ССР, как в социалистическом государст-

[1] Материалы всесоюзной переписи населения 1926 г. в УзССР, вып. 1, Самарканд, 1927, стр. XXI.
[2] «Революционный Восток», М., 1934, № 6, стр. 115.
[3] Стенографический отчет III сессии ЦИК Советов УзССР, Самарканд, 1925, стр. 209.

ве, трудящиеся всех национальностей имели одинаковые права. Равноправие всех народов, проживавших в Узбекистане, закреплялось в статьях 16 и 17 Конституции. «УзССР,— говорилось в статье 16,— признавая равные права за гражданами, независимо от расовой и национальной принадлежности, объявляет противоречащим основным законам республики установление или допущение на этом основании каких-либо привилегий или преимуществ (прямых или косвенных) для отдельных национальностей, а тем более какого бы то ни было угнетения национальных меньшинств или ограничения их равноправия». Эти статьи Конституции были выражением уничтожения национального недоверия и национальной вражды. На основе статьи 17 Конституции все декреты, постановления и распоряжения правительства, а также другие правительственные документы должны были издаваться на узбекском, таджикском и русском языках.

Это была Конституция социалистического государства, где осуществлялась диктатура пролетариата. Она была направлена на претворение в жизнь классовых интересов пролетариата. В ней были узаконены успехи, достигнутые к этому времени в области перехода к социалистическому строю. Конституция лишала избирательных прав бывших царских чиновников, служащих органов полиции, жандармерии и карательных учреждений, родственников бухарского эмира и хивинского хана, бывших высших чиновников Бухары и Хивы, лиц, активно боровшихся против Советской власти.

Для обеспечения руководящей роли пролетариата были значительно расширены избирательные права рабочих в сравнении с правами других непролетарских классов и слоев.

Добровольное вступление Узбекской ССР в состав Союза Советских Социалистических Республик закреплялось тесным единением экономики Узбекской ССР с экономикой СССР, политики Узбекской ССР с общей политикой Советского Союза. Конституция устанавливала, что руководство промышленных предприятий, находящихся в ведении наркоматов и ведомств Союза ССР и строящихся ими в дальнейшем на территории Узбекистана, должно исходить от наркоматов, входящих в состав Совнаркома УзССР, и в то же время в равной мере подчиняться наркоматам и ведомствам Союза ССР. Свою

внешнюю торговлю Узбекская ССР должна была вести только через наркоматы СССР.

Что касается внешнеполитических и военно-политических вопросов (например, дипломатические сношения с иностранными государствами, оборона границ, объявление войны и заключение мира и т. п.), то они целиком находились в ведении СССР.

Таким образом, образование УзССР и вхождение ее в состав СССР укрепляли экономическую основу интернациональной дружбы узбекского народа со всеми народами, входящими в великий Союз Советских Социалистических Республик, в первую очередь с великим русским народом, и законодательно закрепляли их морально-политическое единство.

Национально-государственное размежевание Средней Азии и образование Узбекской ССР способствовали дальнейшему расширению национальных связей среди народов Средней Азии.

4. Историческое значение образования Узбекской ССР в ускорении процесса формирования узбекской социалистической нации

Образованием Узбекской ССР был нанесен решительный удар по остаткам буржуазного национализма и национального уклона внутри партии, создавших большие трудности в деле дальнейшего повышения политической активности местных трудящихся. Образование Узбекской ССР еще больше приобщило местных трудящихся к социалистическому строительству, способствовало росту их экономики и культуры, стимулировало процесс социалистического преобразования экономики республики.

Рассмотрим значение национально-государственного размежевания Средней Азии и образования Узбекской ССР в свете задач формирования узбекской социалистической нации.

Национально-государственное размежевание[1] должно

[1] Сам термин «размежевание», как мы видим, является условным. В свое время он хорошо передавал сущность одной из задач национального самоопределения народов Средней Азии, в настоящее время же кажется на первый взгляд не совсем точным. Смысл его, однако, в том, что как право наций на отделение, так и их размежевание в Средней Азии вытекало из существа национальной политики партии и было направлено не на разъединение, а, наоборот на еще большее сближение наций в общей борьбе за дело социализма.

было служить средством ликвидации пережитков национальной розни между местным населением, оставшейся в наследство от колониального и ханско-феодального периода в истории ТАССР, БССР и ХССР. Эта рознь в той или иной мере давала о себе знать, проявляясь между узбеками и туркменами в Хивинском ханстве, между узбеками и таджиками, а также туркменами — в Бухарском эмирате, между туркменами и казахами — в Закаспийской области, между узбеками и киргизами — в Ферганской долине.

В «Тезисах для докладчиков по вопросу о национально-территориальном размежевании среднеазиатских республик», разработанных Средазбюро ЦК РКП (б), были четко вскрыты причины национальных противоречий между отдельными народностями Средней Азии. Национальная рознь в Хивинском ханстве продолжалась вследствие неравенства между туркменами и узбеками в пользовании землей и водой. Здесь земля и вода находились преимущественно в руках феодалов — узбеков, осевших еще в далеком прошлом и освоивших поливные земли. Туркмены в последние века также начали переходить на оседлость и заниматься земледелием, но им достались уже худшие и малоплодородные земли. В большинстве случаев они были расположены в низовьях оросительных систем и водообеспеченность их была низка. На этой почве между туркменами и узбеками Хивинского ханства часто возникали распри, которые стремились использовать феодальные элементы. Туркменская племенная верхушка, недовольная привилегированным положением узбекских феодалов в ханстве, натравливала туркменских дехкан на узбекских.

В период существования ХНСР эти противоречия не были устранены. Буржуазные националисты по-прежнему продолжали натравливать туркмен и узбеков друг на друга.

В Закаспийской области происходили острые споры между казахами и туркменами из-за пастбищ Мангишлакских и Красноводских степей.

В результате колонизационной политики царского правительства усилилось обнищание киргизов и казахов Семиречья. Кроме того, они эксплуатировались узбекскими купцами Ферганы и Ташкента. Буржуазные нацио-

налисты Семиречья старались использовать это положение в своих целях и разжигали антагонизм, объясняя все бедствия только колониальной политикой царизма и притеснением узбекских купцов и всячески затушевывая эксплуатацию казахов собственными байско-манапскими элементами.

В колониальный период эти противоречия отодвигались на второй план, ибо над всеми народами Средней Азии тяготело национально-колониальное угнетение их царизмом, и первостепенное значение имела борьба против царизма. Теперь же, после уничтожения колониального угнетения, эти противоречия не были урегулированы, тем более, что буржуазные националисты нарочито обостряли их.

Проведение национально-государственного размежевания положило конец этим трениям. Во всех республиках была устранена почва для противопоставления одной нации другой. Эксплуататорские элементы были лишены возможности направить недовольство трудящихся масс против других наций. В связи с этим возросла политическая дифференциация внутри национальностей.

Для того, чтобы была окончательно устранена возможность возникновения национального антагонизма внутри республик и автономных областей, при проведении национального размежевания было уделено особое внимание созданию национальных районов и даже сельсоветов на территории, где встречались компактные пункты, населенные национальными меньшинствами.

Таким образом, устранение причин трения между местными национальностями было одним из непосредственных результатов проведения размежевания.

Был устранен и всякий повод для националистических измышлений о том, что Туркестан является «красной колонией» России, что в нем никаких перемен якобы не произошло, что местные народы будто бы не привлекаются к управлению страной и т. д. Дело в том, что после разгрома основных сил басмачей, принятия новой Конституции ТАССР в 1920 году и значительного упрочения Советской власти в Туркестане в годы гражданской войны националисты и их подголоски внутри партии — национальные уклонисты — изменили свою тактику. Часть националистов, открыто перешедшая на сторону

9—Я

басмачей, бежала за границу, главным образом в Турцию, другая часть сложила оружие и осталась на месте. Некоторые националисты, наиболее непримиримые, продолжали борьбу методом двурушничества, избрав своей тактикой, с одной стороны, идеологическую обработку народа в духе пантюркизма и панисламизма, с другой стороны, отрицание успехов советского строительства в Туркестане и обвинение партии и Советской власти в ущемлении интересов местного населения и игнорировании их культурно-экономических нужд. В своих выступлениях и заявлениях националисты представляли дело так, что партия и Советское государство якобы не проявляют внимания к запросам народов Туркестана и не создают условий для их культурно-экономического роста.

Так, например, националист Норбутабеков после разгрома группы Рыскулова будучи в составе делегации Туркестана на съезде народов Востока, созванном в 1920 году в Баку, жаловался в своем выступлении на то, что в Туркестане еще не устранены остатки национального неравенства, говорил о культурно-экономическом отставании края и т. д. Его выступление на съезде носило явно националистический характер, а Рыскулов и Жанузаков примиренчески отнеслись к этому[1].

В дальнейшем национал-уклонисты при малейшей возможности кричали о том, что в Туркестане мало школ, мало заводов, что к управлению страной слабо привлекаются местные работники и т. д. Эта тенденция в особенности усилилась с принятием новой экономической политики. Националисты трактовали ее не только как допущение свободы торговли, но как времена какой-то национальной «свободы», понимая под последней свободу широкой пропаганды антисоветской идеологии пантюркизма и панисламизма.

В первые годы нэпа они стремились к всяческим извращениям политики партии в отношении капиталистических элементов, пытались оказывать помощь нэпманам, старались тормозить рост государственной и кооперативной торговли. Но даже все это не было так опасно, как националистические козни на идеологическом фронте. В сентябре 1922 года издававшаяся на узбекском языке газета «Қизил байроқ» (орган КПТ) была переименована в «Туркистон». Националисты поспешили использовать этот случай. В статье, посвященной переименованию газеты, редактор Усман-хан писал: «Если проследить историю Туркестана, то его последним завоевателем была славянская нация. От этого политического гнета Туркестан сумел освободиться лишь после великих общественных переворотов (то есть Февральской и Октябрьской революций.— *М. В.*). Однако это освобождение оказалось сугубо формальным. На самом деле этого освобождения в полном смысле мы еще не видели и видеть его невозможно.

Хотя рабочая революция предполагает установление господства местных народов, однако бывшие порабощенные народы не имеют достаточного сознания, достаточных навыков. Поэтому наша первоочередная задача на сегодня — повышение сознательности (?) и достижение цели»[1].

Эту «задачу» еще более определенно выразил один из главарей панисламистов некий Зухритдин Аглам. Он писал: «Так как наименование каждой вещи своим именем является неизбежным законом, мы ожидали, что в связи с изменением экономической политики (имеется в виду введение нэпа.— *М. В.*) должно произойти изменение и в печати. На сегодня это ожидание осуществилось и наш правительственный орган начал выходить под названием «Туркистон». Мы думаем, что название этой газеты «Туркистон» будет часто напоминать о всех нуждах Туркестана. Мы надеемся, что и наше правительство, взявшее новый курс в своей политике, даст широкий путь к осуществлению правды, несмотря на то, что она окажется для него горькой (?!). Мы уверены, что беззаветная молодежь (?) Туркестана, используя эту газету, будет выдвигать свои требования»[2].

Если раскрыть суть этих «целей», «нужд Туркестана», «повышения сознательности», «горькой правды» и «требований, выдвигаемых беззаветной молодежью», то за всем этим скрывается националистическая ложь, что Октябрьская социалистическая революция не дала ни-

[1] I съезд народов Востока (стенографический отчет), Баку, 1920, стр. 85—91; «Известия ТуркЦИК», 21 сентября 1920 г. (доклад Гелера на V краевом съезде КПТ).

[1] «Туркистон», 11 сентября 1922 г.

[2] Там же.

чего нового народам Туркестана, что государство осталось в руках последнего завоевателя Туркестана — славянской нации, которая воспользовалась темнотой народов Туркестана и нарушила лозунг самоопределения народов, что теперь, в связи с переходом к нэпу, необходимо открыть правительству горькую правду, или иными словами говоря, предъявить ему требование о передаче власти в Туркестане в руки местной буржуазии. Вот какие далеко идущие тезисы выдвигали националисты, воспользовавшись одним только изменением названия республиканской газеты.

Тот же самый Зухритдин Аглам в августе 1922 года начал издавать панисламистскую газету «Ҳақиқат» (Правда). Лозунгом газеты было: «Нет общества без религии, нет религии без общества». Свою программу газета определяла так: «Предупреждая мир ислама с тем, что он идет к явной катастрофе, предотвращение его от этой катастрофы составляет задачу наших уважаемых улемо (духовенство) и интеллигенции, которые являются истинными последователями нашего пророка. Мы также, желая хотя бы немного выполнить эту религиозную миссию, показать ислам, как истинный прогресс и культуру, оградить последователей пророка от заблуждения, с целью воодушевить их истинным духом ислама, мы, по велению бога и с помощью нашего народа, осмелились учредить данную газету». Хотя газета вышла только в количестве двух номеров, но политический облик ее издателей становится ясным уже из этих строк.

И такой махровый панисламист имел доступ на страницы газеты, являвшейся органом КПТ и редактировавшейся «коммунистом» Усман-ханом.

По-видимому, в этот период даже А. Икрамов еще не освободился полностью от довлевшего над ним ранее груза националистических предрассудков. Об этом, в частности, свидетельствовало его выступление на IV совещании ЦК РКП(б) с ответственными работниками национальных республик и областей (1923 г.), когда он заявил, что в Туркестане в период Советской власти никаких изменений по сравнению с колониальным периодом не произошло. Правда, в этом вопросе он пытался показать себя сторонником быстрого развития экономики и культуры народов Туркестана и свое выступление мотивировал желанием добиться подъема края, игнорируя,

однако, огромное внимание, которое уделялось ЦК РКП (б) и правительством РСФСР Туркестану.

И. В. Сталин разоблачил антипартийную сущность выступления А. Икрамова и дал ему решительный отпор. «Хорошо говорил, по моему мнению, Ходжанов, — сказал И. В. Сталин.— Недурно говорил Икрамов. Но я должен отметить одно место в речах этих товарищей, место, наводящее на размышления. Оба они сказали, что между Туркестаном нынешним и Туркестаном царским нет никакой разницы, что только вывеска изменилась, что Туркестан остался прежним, таким же, каким он был при царе. Товарищи, если это не обмолвка, если это продуманная речь и если это сказано с полным сознанием, то нужно сказать, что в таком случае басмачи правы, а мы не правы. Если Туркестан в самом деле есть колония, как при царизме, то тогда басмачи правы, тогда не мы должны судить Султан-Галиева, а он должен нас судить, как людей, терпящих в рамках Советской власти существование колонии. Если это верно, не понимаю, почему вы не ушли сами в басмачество?»[1].

На этом же совещании И. В. Сталин резко критиковал Рыскулова за то, что он скрывает свои связи с Султан-Галиевым, который пытался бежать к басмачам вслед за башкирским националистом Заки Валидовым.

Таким образом в эти годы борьба против националистического уклона в партии оставалась сложной и требовала еще большего укрепления КПТ, пополнения ее рядов выходцами из трудовых слоев местного населения, повышения их теоретического уровня, политической закалки и классовой бдительности.

В решениях X и XII съездов РКП(б) и IV совещания ЦК РКП (б) с ответственными работниками национальных республик и областей, в циркулярных письмах ЦК РКП(б) Коммунистической партии Туркестана и Коммунистической партии Автономной Киргизской (Казахской) Советской Социалистической Республики указывались основные задачи укрепления коммунистических организаций на окраинах и, в частности, в Туркестане. Все эти исторические документы требовали всемерного повышения теоретической и политической

[1] *И. В. Сталин,* Соч., т. 5, стр. 306—307.

подготовки коммунистов, усиления их роли в советских, хозяйственных и культурных организациях. Призыв к борьбе против левацкого великодержавно-шовинистического уклона и правого буржуазно-националистического уклона внутри коммунистических организаций национальных окраин проходит красной нитью через все эти документы.

С проведением национально-государственного размежевания и образованием национальных советских социалистических республик был нанесен решающий удар по националистическому уклону внутри партийных организаций среднеазиатских республик. Была ликвидирована почва для клеветы в адрес Коммунистической партии и Советского правительства, поскольку отныне каждая национальная советская республика имела свое хозяйство и культурно-экономический рост республики зависел в первую очередь от самих этих республик. Что касается союзного правительства, то оно по-прежнему оказывало им постоянную помощь.

Конечно, социальная почва для национализма в лице остатков эксплуататорских классов еще существовала. Но в отличие от прежних времен теперь устранялись те моменты, которые могли служить в руках национал-уклонистов для всяких демагогических и клеветнических выступлений против Советской власти и Коммунистической партии.

В условиях такого района, как Средняя Азия, в недавнем прошлом пережившего жестокое национально-колониальное угнетение, некоторое усиление националистических тенденций среди интеллигенции после ликвидации этого угнетения было закономерно. Не забудем также, что в Средней Азии до Октябрьской социалистической революции не существовало теоретически зрелой и организационно связанной с местными трудящимися коммунистической организации. Некоторые русские коммунисты Туркестана, даже после победы революции, оказались беспомощными в проведении правильной национальной политики Коммунистической партии. Они долгое время допускали в своей практической работе великодержавно-шовинистические извращения. Это в свою очередь способствовало усилению националистических тенденций среди части местной интеллигенции, тенденций, возникших еще при царизме.

Если же учесть еще и контрреволюционную и антикоммунистическую пропаганду, которую вели среди народа главари джадидизма, начиная со времени первой русской революции 1905—1907 годов, то усиление националистического уклона даже внутри КПТ становится вполне понятным.

Вместе с тем в среде местной интеллигенции в этих вопросах определялся все больший раскол. Одни быстро нащупали правильный путь и встали на позиции Коммунистической партии, другие прошли значительный период колебаний, блужданий и исканий, особенно до проведения национально-государственного размежевания. Третьи вынуждены были сложить оружие и перейти на позицию лояльности лишь в результате победы социализма в нашей стране. Были и такие, которые после революции пришли в лагерь оголтелой реакции, боролись против Советов, поддерживали басмачей и после их разгрома эмигрировали за границу.

Попытка некоторых авторов представить дело так, будто бы буржуазный национализм в Туркестане и национальный уклон внутри КПТ якобы представляли малозначительное явление — неправильна.

Факты показывают наличие определенной согласованности в действиях басмачей, национал-уклонистов внутри партии, двурушников в советском аппарате, членов общества «Чигитай гурунги», «Изчилар тўдаси» и др.

Другой вопрос, что вся их подрывная работа была обречена на конечный провал. Это объясняется не слабой активностью националистических элементов, а тем, что основная масса местных трудящихся все больше и больше втягивалась в сознательную активную политическую жизнь. Рост коммунистического движения, привлечение масс к советской, профессиональной и культурной работе, забота Советской власти о восстановлении и развитии экономики, культурном подъеме народа — все более и более сплачивали массы вокруг знамени Коммунистической партии. В противовес местной интеллигенции, определенная часть которой прошла своеобразный этап националистических заблуждений, первые партийно-советские работники, вышедшие из среды трудящихся, с первых же дней прочно встали на позиции Советов и сплотились вокруг партии большевиков. Именно на их отрицательное отношение к лозунгам

пантюркистов и панисламистов так часто жаловались члены общества «Чигатай гурунги».

Одним из поводов для выступлений националистов против Советской власти могло служить, как мы указывали, существование в Средней Азии трех многонациональных государственных образований. Хотя все они были социалистическими республиками, националисты пытались разжигать национальную вражду внутри этих республик. Национальное размежевание и образование национальных советских республик в Средней Азии выбивали из их рук и эту последнюю возможность.

Другим важным результатом национального размежевания было дальнейшее сближение советских органов с трудящимися как по языку, так и по широкому участию трудящихся в работе Советов.

После образования Узбекской ССР было проведено новое районирование ее территории. До этого существовало следующее административное деление:

1) в ТАССР — 3 области, 11 уездов и 152 волости;
2) в БССР — 9 вилоятов, 27 туменов и 90 кентов;
3) в ХССР —23 совета (шуро)[1].

В 1925 и 1926 годах дважды было проведено районирование территории Узбекской ССР, в результате чего установилось следующее административное деление УзССР (табл. 10).

Если раньше Самаркандская и часть Ферганской и Сырдарьинской областей, вошедшие в УзССР, делились на 11 уездов и 152 волости, то теперь та же самая территория имела 48 районов и 954 сельских Совета. Вместо 9 вилоятов и 27 туменов БССР, вошедших в состав УзССР, теперь образовалось 27 районов, 573 сельсовета. Вместо 23 шуро ХССР, вошедших в состав УзССР, образовалось 10 районов и 188 сельсоветов.

До вступления в УзССР аппаратов районного масштаба было 43 (11 уездов, 9 вилоятов и 23 шуро), а теперь их стало 87; вместо 179 волостей и туменов возникло 1736 сельских Советов.

В составе УзССР образовался 1 таджикский округ (Ходжентский) с 1 узбекским, 2 таджикскими и 1 киргизским районами. В Ташкентском округе из 11 районов

[1] Материалы Всесоюзной переписи 1926 г. в Узбекистане, вып. I, Самарканд, 1927, стр. X.

ТАБЛИЦА 10

Округ	Районы		Сельсоветы	
	всего	из них национальных	всего	из них национальных
Ташкентский	11	5	190	96
Ферганский	11	—	268	32
Андижанский	12	—	274	57
Самаркандский	10	—	171	1
Ходжентский	4	3	51	37
Бухарский	7	—	165	6
Зеравшанский	6	—	112	5
Сурхандарьинский	6	2	127	27
Кашкадарьинский	8	—	169	17
Хорезмский	10	—	188	2
Автономные районы	2	2	21	16
Всего	87	12	1736	306

5 были казахскими, в Сурхандарьинском округе из 6 районов — 2 таджикских. Из 1736 сельсоветов 306 являлись национальными. В этих районах и сельсоветах все делопроизводство было поставлено на местных языках, в школах преподавание проходило также на родном языке, газеты выпускались на местных языках и т. д. Следовательно, не только узбеки получили широкие возможности еще активнее включиться в политическую и культурную жизнь, но и все проживающие в УзССР национальности. Конечно, такие же возможности получили и узбеки, вошедшие в состав других республик и автономных областей. В результате устройства советских органов с учетом интересов всех национальностей республик Средней Азии совершенно устранялись объективные причины, могущие вызвать недоверие и трения между отдельными национальностями.

Национально-государственное размежевание народов Средней Азии сыграло огромную роль в создании условий для дальнейшего расширения национальных связей среди узбеков.

До опубликования работы И. В. Сталина «Национальный вопрос и ленинизм» среди историков существовало мнение, что национальное размежевание в Сред-

ней Азии завершило консолидацию ее народов в нацию. Это, конечно, неправильно. Как было сказано выше, консолидация той или иной народности в нацию подразумевает формирование всех элементов нации. Национальное размежевание было политическим фактором, следовательно, надстроечным явлением и потому не могло быть основой таких элементов нации, как общность языка, общность экономической жизни, выходящих из сферы надстроечных явлений. Авторы, выдвигавшие такой тезис, считали основным критерием консолидации народов Средней Азии в нации возникновение национальной советской государственности ее народов в результате проведения национального размежевания. Создание национальных советских социалистических республик в Средней Азии эти историки толковали как консолидацию в нации народов республик.

Поставив во главу угла тезис об образовании национальной государственности среднеазиатских народов, эти авторы фактически переоценивали значение так называемого пятого признака образования нации. У них получалось так, что основой консолидации народов в нацию служило приобретение ими национальной государственности.

После опубликования указанного труда И. В. Сталина историки Средней Азии приступили к пересмотру своих позиций в оценке значения национального размежевания в формировании наций, и многие исследователи вопроса ударились в другую крайность: они стали недооценивать значение такого важного политического события, как национальное размежевание. Поскольку размежевание было явлением надстроечного порядка, то признание его большого значения в процессе формирования нации якобы могло означать признание решающей роли пятого признака нации.

Мы считаем совершенно ошибочным утверждение, что национальное размежевание в Средней Азии не имело существенного значения для формирования социалистических наций. Оно, прежде всего, способствовало государственному сплочению территории отдельных народов Средней Азии, что, как известно, играет важную роль в сложении нации вообще.

Необходимость проведения национального размежевания в Средней Азии, так же как и на Северном Кавказе, вызывалась той исторической обстановкой, в которой застала эти районы Великая Октябрьская социалистическая революция.

К моменту социалистической революции народы Средней Азии и Северного Кавказа еще не успели достичь высшей ступени национального оформления. Это проявлялось, например, и в том, что земля этих народов еще не сплотилась в единую национальную землю.

Как было указано во второй главе, в колониальный период, несмотря на быстрый процесс формирования узбекской буржуазной нации, элементы нации среди узбеков еще не успели сформироваться окончательно. В частности, территория, занимаемая узбеками, больше напоминала территориальный союз отдельных общин, «земель» родов, племен, городов и районов, нежели «единую» национальную землю.

У некоторых историков, экономистов и философов Средней Азии имеется также тенденция при изучении истории формирования наций совершенно не принимать во внимание следов бывшей расчлененности народов Средней Азии по трем административным единицам. Они считают, что Бухара и Хива также были колониями царизма, что существование границы между ними и Туркестаном было формальным. Между тем существование границ нельзя считать только формальным моментом, когда речь идет о внутренней социально-политической и культурной жизни народов этих государств — вассалов царизма. Государственные границы не могут быть определяющим фактором при формировании нации, но они в значительной мере влияют на этот процесс. Государственные границы как надстроечное явление могут задержать или ускорить рост экономики, культуры и т. п. Отрицание задерживающего действия существования Бухарского эмирата и Хивинского ханства на процесс формирования наций в Средней Азии является результатом неправильного понимания многими авторами критики, данной И. В. Сталиным сторонникам внесения в определение понятия нации пятого признака — «наличия своего собственного обособленного национального государства». Как известно, критика И. В. Сталина была направлена не против признания ускоряющей или задерживающей роли государства и государственных границ при формировании наций. Формирование нации протекает

быстрее, если данная нация сама является носителем политической власти, но идет медленнее в случаях, если речь идет о нации подчиненной, слабой, расчлененной на несколько частей, входящих в состав нескольких государственных объединений, если даже все эти нации — вассалы одного сюзерена.

Формирование нации — это сложение общности территории, языка, экономической жизни и психического склада. Но разве разобщенность народа, деление его на несколько частей отдельными государственными границами не затрудняет сложения отдельных элементов нации? Одно дело считать «обязательными» наличие своего собственного национального государства, чтобы данный народ считался нацией, другое дело признать ускоряющую или задерживающую роль государства в формировании наций вообще.

Поэтому не правы те авторы, которые считают, что территориальная разобщенность народов Средней Азии до революции (хотя она и была меньшей, чем до присоединения к России) не влияла отрицательно на процесс формирования наций. Территориальная разобщенность, существовавшая при феодальных порядках, значительно ослабла в колониальный период, однако ее следы в известной мере сохранялись и тормозили процесс формирования социалистических наций до тех пор, пока в результате национального размежевания народы Средней Азии не объединились в национальные республики.

В 1924 году БНСР и ХНСР были провозглашены социалистическими республиками. Бесспорно, что они и в дальнейшем получали бы огромную помощь со стороны русского рабочего класса в развитии своего хозяйства и культуры, если бы даже не произошло национального размежевания. Но факт национальной распыленности народов по территории трех многонациональных республик все же мешал бы быстрому росту их общей культуры, языка и экономики. Это бросается в глаза при рассмотрении распределения отдельных народов между ТАССР, БССР и ХССР (табл. 11).

При такой расчлененности затруднялось бы развитие культуры, в особенности языка этих народов; было бы трудно перевести работу советских и партийных органов на национальный язык и, следовательно, приблизить их к трудовому народу. Создавалось такое положение, что,

ТАБЛИЦА 11

Народы	Количество населения		
	в ТАССР	в БССР	в ХССР
Узбеки	2 389 940	975 569	391 800
Таджики	473 656	802 632	—
Казахи	1 079 677	7000	23 000
Киргизы	607 551		—
Туркмены	266 672	174 135	184 200
Каракалпаки	77 825	—	41 844

с одной стороны, каждая из этих республик была многоязыковой и многонациональной, а с другой, каждый из народов Средней Азии оказывался разделенным на две-три части.

Подобное положение могло служить орудием в руках буржуазных националистов для натравливания одного народа на другой. Буржуазные националисты преобладающей в данной республике нации при всех удобных случаях могли бы ущемлять интересы других наций, что в действительности и имело место в БНСР со стороны группы Файзуллы Ходжаева, в ХНСР со стороны группы П. Юсупова.

Необходимость создания национально однородных республик вытекала из основных принципов национальной политики Коммунистической партии. Как мы видели выше, В. И. Ленин указывал, что человечество может прийти к слиянию всех наций только через освобождение угнетенных национальностей, а главное, через свободное развитие их экономики, культуры и государственности. Все эти обстоятельства были учтены при проведении национально-государственного размежевания в Средней Азии.

Итак, размежевание отвечало коренным интересам народов Средней Азии и должно было сыграть важную роль в развитии их экономики, культуры и советской государственности.

С точки зрения формирования социалистических наций в Средней Азии размежевание имело особое значение для народов Бухары и Хорезма. В результате размежевания народы БССР и ХССР слились с родственными народами ТАССР, более развитыми в культурном, политическом и экономическом отношении. Но самое

главное было в том, что при дальнейшем существовании БССР и ХССР как самостоятельных республик им потребовалось бы более продолжительное время для развития промышленности, которая могла бы служить базой для формирования рабочего класса и сплочения трудового крестьянства вокруг него.

Бухара и Хорезм были странами исключительно крестьянскими. Рабочий класс в собственном смысле слова там еще не зарождался. Для того, чтобы эти страны могли вступить на путь социалистического развития, нужно было, чтобы крестьянские Советы слились с Советами рабочих и таким путем первые превратились в органы диктатуры пролетариата. Значение национального размежевания для народов БССР и ХССР состояло в том, что они завершили этим свой переход от феодально-клерикальной и колониальной системы к социалистическому строю. Если для народов ТАССР, уже в течение семи лет находившихся на пути социалистического преобразования, размежевание имело значение для их территориального сплочения, то для народов БССР и ХССР оно имело еще и другое значение — приобщение их к диктатуре пролетариата.

Между тем во многих работах историков Средней Азии, посвященных истории национального размежевания и образования национальных советских социалистических республик и автономных областей в Средней Азии, подчеркивается только одна сторона национального размежевания — территориальное сплочение народов Средней Азии по национальному признаку.

Особое же значение его для народов Бухары и Хорезма не оттенено, а между тем это очень важный факт для истории формирования социалистических наций в Средней Азии. Если взять такой народ, как таджики, из которых только 33 процента проживало в ТАССР, а остальные в Бухаре, или туркмены, из которых 42 процента[1] населяло ТАССР, а остальные расселялись в Бухаре и Хиве, то они в своей основной массе без национального размежевания не могли бы в короткий срок приобщиться к диктатуре пролетариата.

[1] «Народное хозяйство Средней Азии», Ташкент, 1924, № 1, стр. 4 (проценты выведены нами.— *М. В.*).

Как было сказано в предыдущей главе, в результате победы социалистической революции и вступления народов на путь социалистического развития возникают социалистические нации и начинается их формирование. Но для того, чтобы они окончательно оформились, приобретая все черты такой новой нации, необходимо установление и развитие союза между рабочим классом и крестьянством и превращение этого союза в социалистическую дружбу. С этих позиций национальное размежевание для населения ТАССР было важным средством дальнейшего и еще большего приближения советских органов к местным трудящимся, а для населения Бухары и Хорезма оно, вместе с тем, было и важным моментом приобщения их к диктатуре пролетариата, к установлению тесного союза между ними и русским рабочим классом.

В условиях Бухары и Хорезма опорой советского строя должны были стать батраки и беднейшие крестьяне. В 1925 году, перед II съездом Советов Узбекской ССР, проходили выборы в местные Советы. В результате этих выборов в сельские Советы одного только Бухарского округа было избрано 2295 депутатов, из них 2035 крестьян. Среди депутатов было 190 человек безземельных батраков и чайрикеров, 1473 бедняка, имевших от 1 до 6 танапов земли и 1—2 головы рабочего скота[1]. Таким образом, батраки и бедняки представляли 72,4 процента депутатов сельских Советов, середняки 20,8 процента. Примерно таков же был состав сельских Советов и в других областях УзССР, образованных на бывших территориях БССР и ХССР. Следовательно, чайрикеры и бедняки стали опорой рабочего класса на селе, а середняк выступал как его союзник. На местах Советы проводили политику диктатуры пролетариата, как ее органы.

Таким образом национально-государственное размежевание стимулировало ускорение процесса формирования социалистических наций Средней Азии, в том числе и узбекской социалистической нации. Территориальное сплочение их, создание органов власти, национальных и по составу и по языку, объединение районов, однородных по характеру хозяйства (оседлые земледель-

[1] Доклад ЦК КП(б) на II съезде КП(б)Уз, Самарканд, 1925, стр. 195—197.

ческие узбеки и таджики и кочевые скотоводческие — основная масса казахов, туркмен и киргизов), объединение населения по языку и т. д., бесспорно, способствовали дальнейшему и более быстрому расширению национальных связей среди народов Средней Азии, а также развитию их экономики, культуры и языка. Следовательно, национальное размежевание не было фактором, завершающим консолидацию народов Средней Азии в нации вообще, а сыграло очень важную роль в создании условий для ускорения процесса формирования социалистических наций.

5. Восстановление народного хозяйства и первые успехи культурной революции в Узбекской ССР

Восстановительный период в Узбекистане закончился на 2—3 года позднее, чем в центральных районах, то есть в 1927—1928 годах, причем последние годы ознаменовались проведением земельно-водной реформы и ликвидацией класса феодалов. В результате этого резко изменилось социальное лицо узбекского народа. Развитие отдельных элементов нации, которое создало благоприятную почву для завершения процесса сложения узбеков в нацию, можно проследить на всем протяжении восстановительного периода.

Рассмотрим значение восстановления народного хозяйства Узбекской ССР и проведения земельно-водной реформы в развитии отдельных элементов нации.

Средняя Азия в результате своей сильной отсталости в экономическом и культурном отношении, а также затяжного характера басмаческого движения имела более медленные темпы восстановления народного хозяйства, нежели центральные районы СССР. Если к 1925 году продукция промышленности СССР достигла 75,5 процента довоенного уровня, то в Узбекистане она достигла лишь 43 процента. Состоявшийся в начале февраля 1925 года I съезд Коммунистической партии Узбекистана обратил большое внимание на восстановление промышленности. Вслед за XIV съездом ВКП(б) II съезд КП(б) Узбекистана, состоявшийся в конце ноября 1925 года, также уделил серьезное внимание этому вопросу.

В результате огромной помощи, оказанной Узбекистану правительством СССР, и самоотверженной работы трудящихся республики под руководством ЦК ВКП(б) и местной партийной организации республика к 1928 году значительно расширила свою социалистическую промышленность. Почти все основные отрасли промышленности уже успели восстановить свою довоенную мощность, а некоторые из них значительно превзошли ее. К этому времени продукция всей государственной промышленности, по сравнению с 1925 годом, возросла до 279 процентов, валовая продукция кустарей промышленности — на 516 процентов, а валовая продукция промкооперации — на 1192 процента.

Продукция всей крупной промышленности Узбекистана в 1928 году достигла уровня 1913 года. Этот уровень был превышен в металлообрабатывающей промышленности до 158 процентов, в пищевой — 156 процентов, нефтедобывающей — до 132 процентов. Возник ряд промышленных предприятий, ранее отсутствовавших или имевших совершенно незначительный объем, например, производство электроэнергии. Все электростанции дореволюционного Узбекистана были исключительно тепловыми и в промышленных целях почти не использовались. В годы восстановления был построен ряд новых дизельных электростанций и гидростанций, например, Бозсуйская ГЭС и Самаркандская дизельная электростанция. Кроме того, началось строительство Кувасайской тепловой электростанции на базе кызыл-кийского угля. Электроэнергия этих станций теперь в основном использовалась на производственные нужды промышленности. Потребление электроэнергии промышленностью вызвало реконструкцию старых станций. В итоге выработка электроэнергии по сравнению с довоенным периодом выросла в 24 раза.

Наряду с реконструкцией старых промышленных предприятий началась большая работа по строительству новых фабрик и заводов.

С ликвидацией басмаческих банд и с наступлением во всех районах республики периода мирного труда коммунисты Узбекистана приступили к осуществлению указания великого Ленина о создании промышленности, перерабатывающей продукцию сельского хозяйства, в частности хлопководства. Это, кроме приближения хлоп-

чатобумажной промышленности к источнику сырья — хлопку, преследовало и другую цель — преобразовать социально-экономическую жизнь народов Средней Азии. Социалистическая промышленность в Средней Азии должна была создать рабочий класс из местных национальностей и сплотить крестьян вокруг него.

Еще в 1918 году по предложению В. И. Ленина была намечена переброска в Среднюю Азию из центральных районов нескольких промышленных предприятий, в частности текстильных. В тяжелые годы гражданской войны и вооруженной интервенции в Туркестане было пущено несколько фабрик и заводов. В годы восстановительного периода трудящиеся Узбекистана под руководством партии большевиков и с братской помощью великого русского народа приступили к созданию промышленных очагов в своей республике. Были построены обувная и швейная фабрики в Ташкенте, в Фергане, Самарканде, шелкомотальные фабрики в Самарканде, Бухаре, Маргелане и т. д. В течение короткого срока народы Средней Азии, в том числе узбекский народ, достигли значительных успехов в области промышленного развития.

Восстановление и рост промышленности происходил на совершенно новой социальной основе, порожденной Октябрьской социалистической революцией. Промышленность возникла и развивалась как социалистический уклад. В эти годы частники были совершенно вытеснены из крупной промышленности, и удельный вес в ней частного капитала составлял всего 0,4 процента. Крупная промышленность Узбекистана до революции была совсем ничтожна, притом основная часть ее уже в годы гражданской войны была национализирована. Поэтому создание новых крупных промышленных предприятий свело на нет роль капитализма в крупной промышленности.

Но такое положение еще не означало полной победы социалистического уклада в Узбекистане, так как в кустарной промышленности и в розничной торговле позиции частников были еще весьма прочны. В экономике Узбекистана роль кустарной промышленности была значительна. 45 процентов всей промышленной продукции падало на долю кустарной. Одним из важных вопросов социалистического строительства было усиление темпа кооперирования кустарей и организационно-хозяйственное укрепление существующей промысловой кооперации. В 1928 году было кооперировано всего 20 процентов кустарей.

Самым острым вопросом строительства социализма в Узбекистане в эти годы была борьба с частной торговлей. Развитие хлопководства еще до революции сделало дехканское хозяйство высокотоварным. Города и кишлаки Туркестана были более насыщены торговыми предприятиями, и сумма оборота на душу населения была здесь намного выше, чем во многих других районах страны. Если в 1924 году на одно торговое предприятие по СССР в среднем приходилось 250 жителей, то в Узбекистане эта цифра равнялась 120. Это означало, что Узбекистан по сравнению с другими районами СССР был вдвое больше насыщен торговыми предприятиями. Зависимость населения от торговли явствует также из суммы торгового оборота, приходящегося на душу населения. Если по СССР сумма оборота (денег, участвовавших в торговой сделке) за полгода равнялась 3 рублям 72 копейкам, то в Узбекистане она составляла в 1924 году 6 рублей 42 копейки, то есть вдвое больше.

В результате восстановления крестьянского хозяйства спрос на промышленные товары значительно возрос, а предложение не могло его покрывать. По подсчетам, произведенным Наркомвнуторгом СССР в 1924 году, соотношение между спросом и предложением промышленных товаров в Средней Азии было примерно таким. В IV квартале 1925 года сумма средств, предназначенных крестьянами на приобретение промтоваров, составляла 10 рублей 90 копеек на душу населения, а стоимость привезенных в село промтоваров составляла лишь 6 рублей 90 копеек на душу населения. Следовательно, спрос сельского населения мог покрываться примерно на 65 процентов. Этим также объясняется значительный удельный вес кустарной промышленности в эти годы и в особенности резкое расхождение цен на промышленные и сельскохозяйственные товары.

Органы государственной торговли и кооперации работали еще слабо. Государственная торговля почти полностью была сосредоточена в городах. В кишлаках должны были торговать кооперативные организации, но здесь была сильно развита частная торговля. Шла острая борьба между частником и кооперацией, которую

поддерживали органы госторговли и финансовые учреждения. Госторговля предоставляла кооперации значительные льготы и преимущества перед капиталистами в отпуске товаров. Если в 1923 году бóльшая часть средств финорганов шла на кредитование частнокапиталистической торговли, то теперь доля капиталистов в кредитных операциях значительно сократилась. В силу этого доля кооперативной и государственной торговли по сравнению с прошлыми годами значительно возросла.

I и II съезды КП(б) Узбекистана обратили серьезное внимание на улучшение работы кооперативных органов и борьбу против частнокапиталистической торговли. На основе решения съездов были приняты меры по укреплению кадрами органов торговли и финансов, усилению в них партийной работы и финансовому оздоровлению слабых кооперативных обществ отдельных районов.

В результате роста кооперативной и государственной торговли частнокапиталистическая торговля год за годом теряла свое значение. Кооперативная и государственная торговля вытесняли частника с рынка. В 1927 году доля частника в оптовой торговле упала до 16 процентов. Вопрос «кто кого» в области торговли решался в пользу социализма.

Одним из важных исторических событий этого периода было проведение земельно-водной реформы. После первой земельной реформы, проведенной в 1921—1922 годах и частично наделившей земельными участками и инвентарем безземельных и малоземельных крестьян, партийно-советские органы Туркестана вплоть до 1925 года, в связи с продолжением вооруженной борьбы против басмачества, не могли окончательно разрешить этот вопрос. 1924 год закончился разгромом басмачества в Фергане, ликвидировались последние банды в Таджикистане. Наряду с этим для подготовки к окончательному разрешению земельно-водного вопроса важное значение имело повышение политической активности дехканских масс и резкое политическое расслоение в кишлаке.

Для проведения земельно-водной реформы нужна была и чисто техническая подготовительная работа — обследование форм земельной собственности в отдельных областях и определение норм трудового надела, соответственно местным условиям областей, уездов и кишлаков.

Наконец, для полного наделения землей безземельных крестьян и батраков нужно было поднять вопрос об орошении новых земель, так как даже изъятием у феодальных и байско-ростовщических элементов всей земли невозможно было обеспечить всех безземельных и малоземельных крестьян и батраков.

В 1925 году в Ферганском, Самаркандском и Ташкентском округах условия для проведения земельно-водной реформы оказались назревшими. Поэтому II съезд КП(б) Узбекистана специально обсудил вопросы проведения земельно-водной реформы в УзССР. На основе решения съезда были установлены три очереди проведения реформы. В Ферганском, Ташкентском и Самаркандском округах реформу намечалось проводить в 1925—1926 годах, в Зеравшанском округе — в 1927 году, в 1928 и 1929 годах — в Кашкадарьинском, Сурхандарьинском и Хорезмском округах. Такая очередность устанавливалась в силу того, что в областях, образованных из территории бывших Бухарской и Хорезмской ССР, материалы о формах земельной собственности и о размерах трудовых норм надела еще не были подготовлены.

Для проведения организационной, технической и политико-разъяснительной подготовительной работ были созданы центральная, окружные, уездные и районные комиссии по проведению земельно-водной реформы. При районных комиссиях были созданы группы содействия реформе, которые состояли из батраков, бедняков и членов союза «Кошчи». Эти группы сыграли большую роль в выявлении земель, подлежащих изъятию.

Земельная реформа проходила в кишлаках в условиях ожесточенной классовой борьбы. Байско-феодальные элементы применяли различные формы сопротивления, начиная от скрытия земельных площадей, мертвого и живого инвентаря и кончая террористическими актами против активистов. Было немало случаев мнимого распределения баями своих земель между чайрикерами, не говоря уже о распределении ее между своими родственниками и знакомыми. В этих случаях большую роль играли кишлачные группы содействия реформе, разоблачавшие случаи скрытия земель. Изъятые земли распределялись между дехканами. Реформа проходила среди дехканских масс с полным успехом.

Практический вред проведению земельно-водной реформы пытались нанести националисты, засевшие в некоторых областных и уездных комиссиях. Они всячески помогали феодально-байским элементам скрывать свои земли, извращали линию партии в проведении реформ. Уже после окончания реформы пришлось доликвидировать значительное количество байско-феодальных хозяйств, оставшихся нетронутыми при проведении реформы.

На основе решения II съезда КП(б) Узбекистана в декабре 1925 года чрезвычайная сессия ЦИК Советов УзССР приняла декрет о проведении реформы в Ферганском, Ташкентском и Самаркандском округах. Было установлено, что изъятию подлежат поливные земли, принадлежащие крупным хозяйствам: по Ферганскому округу свыше 40, а по Ташкентскому и Самаркандскому округам — свыше 50 десятин; изымались также земли, принадлежащие городским торговцам и баям, не обрабатывавших их своим трудом, земли кишлачных жителей-баев и ростовщиков, живущих доходом от аренды земли или эксплуатации чайрикеров. У крупных землевладельцев и городских торговцев, имеющих патент 4—5 разрядов, вместе с землей конфисковывался живой и мертвый инвентарь. Отчуждению подлежали также излишки земли у хозяев, обрабатывающих землю своим трудом или трудом членов своей семьи. Изъятию подлежали земли и имущества вакуфов, а также земли, пустующие и заброшенные.

Из всех этих категорий изъятых земель создавался земельный фонд, подлежащий распределению в первую очередь между чайрикерами и батраками, обрабатывающими данные участки. Во вторую очередь (если оставались свободные участки) наделялись лишь безземельные крестьяне и батраки, не обрабатывавшие их. Для таких лиц участки выделялись, главным образом, из массивов нового орошения. Трудовая норма для земель старого орошения в Фергане была установлена в объеме 7 десятин, в Самаркандской и Ташкентской округах — 10 десятин. Внутри областей норма между районами колебалась от 2 до 3 десятин. Из этого видно, что единой нормы для всей республики не было. Норма наделения из земель нового орошения и государственных земель устанавливалась заранее: 2—3 десятины для

Ферганы и 5 десятин для Ташкенского и Самаркандского округов.

Для того, чтобы обеспечить землеустроенные хозяйства инвентарем и устранить опасность их зависимости от баев и ростовщиков в процессе приобретения живого и мертвого инвентаря, было вынесено постановление о принудительном выкупе излишков инвентаря у некоторых категорий хозяйств. В отличие от инвентаря крупных баев-феодалов и торговцев, имеющих патент 4 и 5 разрядов, который подлежал конфискации и передавался чайрикерам безвозмездно, выкупаемый инвентарь приобретался на средства, выделенные государством, и выдавался лицам, наделенным землей нового орошения в долгосрочный кредит.

Реформа в Ферганском, Ташкентском и Самаркандском округах закончилась в начале 1927 года. Было изъято 101 700,8 десятины земли нетрудовых и зажиточных хозяйств и ликвидировано 481 хозяйство крупных феодалов, владевших 35 641,4 десятины земли. Кроме того, были ликвидированы 214 хозяйств крупных торговцев, 8533 хозяйства нетрудовых лиц, проживающих в кишлаках и городах. Урезка затронула 6600 хозяйств, что составило 45 788 десятин[1]. Кроме того, было распределено между крестьянами 47 500 десятин земель нового орошения и государственных земель. Таким образом, в результате реформы безземельные и малоземельные дехкане трех областей получили 218 500 десятин земли. Сверх того они получили 9000 голов рабочего скота, большое количество кетменей, омачей, арб и т. д. Часть земель пока оставалась нераспределенной в силу плохого состояния оросительной и мелиоративной сети.

Государство оказало огромную помощь крестьянам, получившим земли. В результате реформы абсолютное большинство их было обеспечено рабочим скотом из расчета одной головы на одно хозяйство. Бесскотным хозяйствам была оказана помощь тракторами, которые вспахали в том же 1927 году более 20 000 десятин. Дехкане получили 5 миллионов рублей долгосрочного кредита сроком до 10 лет. На ирригацию было израсходовано

---

[1] Отчет по проведению земельной реформы в областях Самаркандской, Ферганской и Ташкентской УзССР, Изд. Наркомзема УзССР, стр. 32.

3 миллиона рублей. Общая сумма расходов на проведение реформы доходила до 10 миллионов, из которых 6 миллионов было выделено правительством СССР. За счет конфискованных и урезанных земель были наделены 50 803 безземельных и малоземельных крестьян, 364 артели, которые объединяли 2211 семейств, или 5220 душ. Из земель нового орошения было наделено 12 553 хозяйства.

В 1926—1927 годах реформа проходила в Бухарском и Зеравшанском, а в 1928—1929 годах — в Кашкадарьинском, Сурхандарьинском и Хорезмском округах. Проведение реформы в этих округах было еще более сложным, чем в трех предыдущих округах, так как здесь особенно остро стояли вопросы водоснабжения. Зеравшан и Кашка-Дарья страдали от маловодья, низовья Сурхан-Дарьи и Хорезм — от непостоянства горизонта вод реки Аму-Дарьи. Поэтому вопросы распределения воды и очередности водопользования играли здесь очень большую роль. Кроме того, в этих округах формы землевладения были еще сложнее. В земельных отношениях существовало немало пережитков патриархально-родовых отношений. Здесь можно было встретить и частную собственность на землю, и остатки древнего патриархально-родового владения землей. Ко всему этому в данных округах хозяйство в целом, а сельское хозяйство в особенности, находилось в состоянии разрухи и еще не достигло довоенного уровня.

В Зеравшанском округе полной ликвидации подлежали хозяйства, имеющие более 35 десятин земли. В отличие от предыдущих областей, где излишками считались земли сверх 8 десятин, здесь было установлено считать излишком земли сверх 9 десятин. Норма надела земли в районах старого орошения была установлена 2—4 десятины (в других областях 7—10 десятин). Это объяснялось ограниченным количеством поливных земель. Полному изъятию подлежали, независимо от размеров, земли бывших эмирских чиновников, лиц, эмигрировавших с эмиром и басмачами. Совершенно ликвидировалось право частной собственности на воду.

В отличие от других округов в Кашка-Дарье, Сурхан-Дарье и Хорезме подлежали ликвидации хозяйства, имеющие 20 поливной и 45 гектаров богарной земли. К нетрудовым хозяйствам были причислены хозяйства

ростовщиков, караванбаши, ишанов, ходжей, бывших эмирских и ханских чиновников. Норма надела была установлена 3 гектара поливной и 15 гектаров богарной земли.

В результате реформы по всем этим четырем округам были наделены землей 21 600 хозяйств, и фонд наделения составил около 100 тысяч десятин поливных и богарных земель. Было вновь орошено примерно 10 тысяч десятин земель. Только крестьянам Зеравшанского округа государство оказало помощь в размере 1,5 миллиона рублей. Крестьяне получили также большое количество живого и мертвого инвентаря.

Земельная реформа ликвидировала остатки феодально-байского землевладения. Трудовые крестьяне Узбекистана освободились от такого пережитка феодально-патриархальной эксплуатации, как чайрикерство. Если до реформы более половины дехкан составляли малоземельные и безземельные, то после реформы количество их резко сократилось. Земельная реформа превратила многих бывших батраков и бедняков в обеспеченных середняков. Из 50 803 хозяйств, получивших землю в Ферганском, Самаркандском и Ташкентском округах, было 23 307 бывших чайрикеров, 1121 коралов, 2482 мардикера, 23 893 малоземельных. В Ферганском, Ташкентском, Самаркандском и Зеравшанском округах количество безземельных крестьян с 4,3 процента снизилось до 0,5 процента, малоземельных — с 38,1 до 34,8 процента, а количество середняков повысилось с 66 до 74 процентов.

В процессе проведения земельной реформы еще больше возрастала политическая активность трудовых дехкан. Наряду с ликвидацией нетрудовых и феодальных хозяйств местные советские органы были очищены от проникших туда обманным путем чуждых элементов.

В повышении активности масс большую роль сыграли предреформенные собрания трудовых крестьян в кишлаках, где избирались группы или комиссии содействия реформе в количестве от 15 до 20 человек. Узбекская партийная организация подняла массу на успешное проведение реформы. Большую роль сыграли в кишлаках местные организации союза «Кошчи», местные Советы и комсомольские организации. Сплотившись вокруг местных партийных организаций, они оказали ак-

тивную помощь уездным и кишлачным комиссиям по проведению реформы, принимали участие в формировании групп содействия реформе. При поддержке партийных и советских органов трудовые массы кишлаков разоблачали махинации отдельных чуждых элементов.

Наряду с материально-технической помощью Советского правительства, оказанной узбекским дехканам, реформа способствовала общему подъему сельского хозяйства республики. Расширялась посевная площадь, увеличивалась валовая продукция, повышалась техническая оснащенность сельского хозяйства. Посевная площадь республики в течение 1925 и 1928 годов с 1535 тысяч гектаров увеличилась до 1989 тысяч гектаров, площадь поливых земель поднялась с 1210 тысяч гектаров до 1567 тысяч гектаров. Это было достигнуто благодаря огромным денежным затратам со стороны государства. В одном лишь 1928/29 хозяйственном году в ирригацию было вложено 38 миллионов рублей.

Очень быстро восстанавливалось хлопководство. Посевная площадь под хлопчатником в эти годы увеличилась до 588 тысяч гектаров вместо 359 тысяч гектаров, валовая продукция хлопка в 1929 году достигла 548 тысяч тонн (на 36 тысяч тонн больше, чем в 1913 г.).

Резко повысилась техническая вооруженность дехканского хозяйства. Если до 1925 года в хозяйствах дехкан не было ни одного комплекта новых сельхозмашин европейского типа, то в 1929 году уже имелось 188 тысяч плугов, 46 тысяч хлопковых и 2800 зерновых сеялок, 50 тысяч культиваторов, 2800 тракторов. Это было началом технической реконструкции сельского хозяйства Узбекистана.

Кроме помощи от государства, узбекские дехкане получили большие кредиты через Главхлопком и Сельхозбанк. В 1928 году на авансирование хлопкоробов было выдано 45 миллионов рублей. Из этих денег 200 тысяч бедняцких хозяйств получили 40 миллионов рублей. К этому времени большое распространение получили кредитные товарищества. В 1928 году 71 процент дехканских хозяйств был охвачен сельскохозяйственными кредитными товариществами.

Таким образом, Советская власть и Коммунистическая партия не только освободили трудящихся дехкан от феодально-колониальной зависимости, но и оказали им

огромную материально-техническую помощь, обеспечили их всем необходимым для того, чтобы в дальнейшем провести коренную техническую реконструкцию сельского хозяйства и открыть путь к более высокой организации сельскохозяйственного производства.

Главной задачей культурной революции в этот период было повышение общей грамотности населения. В стране, где в прошлом почти все население было неграмотным азбучно, а преобладающее большинство грамотных умело только читать тексты, зазубренные в старых религиозных школах, ликвидация неграмотности взрослого населения и привлечение детей школьного возраста к учебе было исторически важным делом. Без разрешения этого вопроса невозможен был дальнейший подъем других отраслей культуры народа. Поэтому партийные советские организации республики выдвигали народное образование на первый план.

Развитие народного образования в этот период привело к отмиранию старых школ — мактабов и к преобразованию школ системы вакуфного управления в единые советские школы.

Но за старой школой стояло целое сословие духовных феодалов, которые в Туркестане, Бухаре и Хиве держали в своих руках судебную власть, управляли духовной и семейной жизнью народа. Такие школы имели мощную материальную базу — доходы с различных вакуфов, имущество мечетей и медресе. Хотя после завоевания Туркестана царской Россией некоторая часть вакуфов была изъята в пользу казны, как не имеющая юридического обоснования на владение, несмотря на это вакуфы были значительны, а в Бухаре и Хиве они оставались нетронутыми даже после революции 1920 года. Вакуфы состояли из земель, базаров, лавок, сараев и другого недвижимого имущества. Настоятели мечетей, медресе сдавали их в аренду, а на доходы от этого содержали мечети, медресе, обеспечивали имамов, мударрисов, учеников медресе. Доходы от вакуфов в 1909 году в Сырдарьинской области составили 10 000 рублей, в Самаркандской области — 30 000, Ферганской — 185 000, Бухарском эмирате — 400 000, в Хиве — 100 000 рублей.

В узбекских районах Средней Азии было 455 медресе, в которых обучались 21 825 человек, мактабов — 10 072 со 174 773 учениками.

Духовенство с первых же дней революции повело острую борьбу против новой советской школы. Извращения в национальной политике, допущенные проникшими в советские органы Туркестана шовинистическими элементами, задевали и старую школу. Вопреки указаниям VIII съезда РКП(б) об осторожном подходе к религиозным чувствам и духовным традициям ранее угнетенных народов, в частности к законам шариата и к порядкам в старой школе, многие мактабы, медресе, мечети были закрыты. Поскольку вплоть до революции мактабы были в ведении мечетей и составляли часть религиозных учреждений, отношение к ним населения носило религиозный характер.

Влияние религии ярко проявилось во время выборов в городские думы Туркестанского края летом 1917 года, когда среди местного населения большинство голосов было собрано обществом «Улема». В победе духовенства некоторую роль сыграли их угрозы по адресу агитаторов Союза трудящихся мусульман, но вообще говоря незначительное число голосов, поданных за общество «Шуро-и-исламия», состоявшего из джадидов, говорило, что народ находится под сильным влиянием религии. Это было известно В. И. Ленину, который на VIII съезде партии отметил силу религии в Средней Азии[1].

Без учета всех этих обстоятельств в 1919 году старая школа в Туркестане была запрещена. Это извращение было исправлено ЦК РКП (б). В специальной радиограмме 21 февраля 1920 года ЦК указал, что религиозные предрассудки у мусульман сильнее, чем у русских и других европейских рабочих и крестьян, так как они еще находятся в такой стадии развития, когда гражданский и семейный быт тесно связаны с религиозными предрассудками. «То, что проделывал русский царизм,— говорилось в радиограмме,— с помощью панславянистской идеи, проделывали позже арабы, отчасти теперь — турецко-афганистанские националисты с помощью так называемого панисламизма. Относясь с осторожностью к религиозным требованиям масс, надо указать на ту эксплуатацию, которую проводили господствующие мусульманские классы с помощью религии»[2].

[1] *В. И. Ленин.* Соч., т. 29, стр. 150—151.
[2] «Известия ТуркЦИК», 1 апреля 1920 г.

После этого закрытые мактабы и медресе были восстановлены и открыты так называемые вакуфные мактабы. Они были созданы при вакуфных отделах, которые в 1922 году создавались при комиссариатах просвещения[1]. Содержать вакуфные школы предписывалось на часть доходов от вакуфов. А с 1923 года доход от вакуфов полностью передавался на нужды школ, и духовенство было лишено этих доходов.

С 1922 по 1927 год в Узбекистане существовало три типа школ: советская школа, вакуфная школа и мактабы — медресе. Советская школа быстро развивалась, вакуфная вытесняла мактабы, а последние постепенно отмирали.

В школах вакуфного управления, наряду с арифметикой, географией и родным языком преподавался предмет «ахляк» (основы мусульманской морали). Школы эти были переходными ступенями от старых мактабов к советской школе. В 1925—1927 годах в Узбекистане было 97 вакуфных школ, более 1579 старых мактабов, из которых 250 существовали нелегально, и новых советских школ — 242[2].

В 1928 году старая школа (мактаб) фактически отмерла. За прошедшие 10 лет коренным образом изменились основы жизни и быта трудящихся и народ убедился в ее бесплодности. Научные знания стали первой необходимостью в деятельности людей. Все больше и больше требовалось агрономов, инженеров, врачей, экономистов и т. д. Старая школа не была способна их готовить. Знания выпускников мактабов оказывались бесполезными для народа. В новых же советских школах уже на второй год учебы дети становились почти полностью грамотными, тогда как из мактабов многие уходили неграмотными даже после нескольких лет обучения. Уже в 1926 году количество старых мактабов резко сократилось — дети начали переходить из них в советские школы. Во многих старых мактабах, по просьбе родителей, вводилось изучение родного языка, арифметики, географии и т. д. Это также привело к превращению их в советские школы.

[1] Декрет ТуркЦИК № 75, 20 июля 1922 г.
[2] Народное образование в Узбекской ССР за 25 лет, Ташкент, 1949, стр. 25.

Учтя все это, Совнарком УзССР в 1928 году постановил закрыть все старые и вакуфные школы, переведя их учеников в советские школы.

С этого периода в Узбекистане был осуществлен принцип единой трудовой советской школы, что было большим ударом по авторитету ислама и имело важное значение для формирования узбекской социалистической нации.

Партийные и советские органы республики проводили в эти годы большую работу по обеспечению преподавания в школах на родном языке. Из-за нехватки преподавательских кадров и учебных пособий на языках местного населения преподавание на родном языке в предыдущие годы в техникумах и институтах просвещения велось на русском языке. Теперь же преподавание на родном языке велось не только в начальных школах, но и в средних. Это стало возможным в результате массовой подготовки учительских кадров для средней школы из числа местного населения за счет окончивших специальные курсы или институты просвещения. На территории Узбекистана работали школы не только на узбекском языке, но и на языках братских народов: таджикском, казахском, киргизском. В этот же период началось привлечение к учебе девушек-узбечек. Вначале девушки обучались отдельно, но с 1927 года началось совместное обучение мальчиков и девочек. Осуществление и развитие женского образования в условиях Узбекистана проходило в упорной борьбе. Веками существовавшее отношение к женщинам, как к низшим и бесправным существам, сильно препятствовало посещению школ девушками. Развертыванию женского образования способствовала возглавленная партией борьба за раскрепощение женщин, решительное наступление на паранджу, начавшееся в 1927 году («Худжум»). Число девушек в школах всеобуча в 1928 году составляло около 35 тысяч, или 26 процентов от числа учащихся.

Параллельно с развитием сети школ всеобуча шло развертывание сети среднего специального образования. В 1928 году во всех техникумах и других средних специальных школах обучалось 7750 человек. В этот период была организована подготовка специалистов со средним специальным образованием почти по всем отраслям народного хозяйства республики.

На территории Узбекистана в этот период было уже два высших учебных заведения: Среднеазиатский государственный университет — в Ташкенте и Высший педагогический институт — в Самарканде.

В развитии и укреплении узбекских школ большую роль сыграли русские школы. Работа русских школ (постановка учебной и воспитательной работы в них, методика преподавания, учебные программы и учебные пособия) служила образцом для молодой узбекской школы. Опытные русские педагоги брали шефство над узбекскими школами, помогали учителям-узбекам. Преподаватели узбекских школ посещали уроки русских учителей и заимствовали у них лучшие приемы преподнесения учебных материалов. Братская помощь представителей русского учительства помогла учителям-узбекам овладевать искусством преподавания в новых советских школах.

Повышению грамотности населения способствовало также проведение реформы узбекского алфавита. Действовавший до этого времени узбекский алфавит был неоднократно реформирован на основе арабского алфавита. Эта реформа значительно упростила алфавит: сократила три одинаково звучащих для узбеков буквы *с* и буквы *з*, оставив по одному знаку, был сокращен один из двух *т* и введен новый знак для обозначения *й*, который применялся совместно с буквами *и, е, э*, через один знак, введен новый знак для обозначения *у, ў*. Но все же освоение алфавита оставалось трудным делом и задерживало процесс обучения грамоте.

Трудность здесь состояла в том, что значение буквы менялось при сопровождении их точками сверху и снизу. Основных знаков было 13, а звуков 28. Не было самостоятельных знаков для обозначения звуков *у, ў, е, м, э*. Кроме того, 5 букв нельзя было соединять сзади идущими буквами. Постановка точек сверху и снизу замедляла движение руки при письме. Ко всему этому еще и формы букв менялись в зависимости от того, какое место они занимали: в начале слова, в середине или в конце его. В этом отношении 8 букв имели две разновидности и 20 букв — три разновидности, а всего со знаками препинания получалось 88 знаков.

В. И. Ленин еще в 1922 году говорил по поводу реформы арабского алфавита: «Это — великая революция на

Востоке». Тогда же при Наркомате по делам национальностей была создана специальная комиссия по реформе письменности народов Советского Востока, осуществившая огромную работу по подготовке к проведению реформы письменности народов, применявших арабский алфавит.

Как и в других республиках, где применялся арабский алфавит в Узбекистане, начиная с 1925 года, возникли: общество друзей нового алфавита, кружки по его изучению, комитеты и курсы по изучению нового алфавита и другие, работавшие в обстановке острой борьбы против реакционной агитации религиозников и буржуазных националистов. В результате упорной разъяснительной работы среди масс и благодаря практическому показу широким слоям населения преимуществ нового алфавита в 1927—1928 годах началось общее движение за реформу узбекского алфавита.

В 1926 году на IV сессии ЦИК Советов УзССР был создан центральный комитет нового узбекского алфавита, председателем которого утвердили Юлдаша Ахунбабаева. В 1927 году был создан Всесоюзный центральный комитет нового алфавита. С января 1928 года началось издание первого журнала на новом алфавите под названием «Аланга» (Пламя). На новом алфавите издавались в это время специальные приложения к газете «Қизил Ўзбекистон» и к журналу «Маориф ва ўқитувчи» (Просвещение и учитель). Наконец, в августе 1928 года вышло постановление ЦИК УзССР о переходе к новому алфавиту. Срок завершения перехода был установлен на конец 1930 года. За основу нового алфавита приняли латинскую графику.

Реформа узбекской письменности и переход на новую графику были важным звеном культурной революции. Значение этого перехода состояло в том, что он способствовал более быстрому обучению грамоте, освобождал народ от отсталой архаической письменности и открывал широкий путь для повышения общей грамотности населения.

В эти годы развернулось общее движение за ликвидацию неграмотности взрослого населения, названное культурным походом (культпоходом). Это движение получило широкий размах. Из числа грамотных коммунистов, комсомольцев и членов профсоюза были созданы

отряды культармейцев-учителей, которые принимали на себя обязательство ликвидировать неграмотность среди определенной группы рабочих, дехкан и др. Вечерние школы по ликвидации неграмотности создавались на предприятиях, в учреждениях, промысловых артелях, а в кишлаках — при сельских Советах. Проведением культпохода в 1928—1929 годах была ликвидирована неграмотность сотен и тысяч рабочих, дехкан и кустарей. Количество школ по ликвидации неграмотности достигло 11 тысяч. В них обучалось 360 тысяч человек. Кроме того, в 1676 школах для подростков обучалось около 64 тысяч представителей городской и сельской молодежи.

Наряду со школами всеобуча широкий размах получили школы ликбеза и школы городской молодежи. Все эти школы строили свою работу на основе нового узбекского алфавита.

Не менее важным звеном культурной революции в этот период было дальнейшее развитие советской литературы и искусства.

В первые годы восстановительного периода во многие органы культурных учреждений Туркестана пытались проникнуть националисты. В связи с малочисленностью работников культурного фронта, вышедших из среды трудового народа, в отдельных случаях это им удавалось. Теперь в одной из самых важных отраслей идеологии — художественной литературе появились молодые кадры литераторов, воспитанные партией и комсомолом и получившие образование уже при Советской власти.

В произведениях этих писателей с большой силой прозвучали призывы к самоотверженному труду, к борьбе против врагов Советов, за дружбу между народами и любовь к социалистической Родине. Они развивали линию первых узбекских советских поэтов — Хамзы Хаким-заде, Завки и других, которые выступали проводниками идей нового строя еще в годы гражданской войны.

Молодые литераторы в отличие от ряда националистически настроенных писателей старшего поколения с первых же дней своей деятельности стремились к овладению основами марксистско-ленинской теории и мастерством классиков русской и советской литературы, старались подражать М. Горькому, В. Маяковскому. Появление молодого поколения поэтов, писателей и драматургов, несмотря на их малочисленность, присущие им

неопытность и творческую малоподготовленность, — было крупным событием в области художественной литературы. Они внесли в узбекскую литературу новую, советскую идеологию. Первыми представителями молодого поколения в художественной литературе наряду с Хамза Хакимзаде были Гафур Гулям, Хамид Алимджан, Камил Яшен, Абдулла Каххар, Уйгун и др.

Под влиянием развивавшегося и укреплявшегося советского строя, развертывания критики антинародного творчества писателей-националистов и растущих успехов молодого поколения литераторов происходила дифференциация в рядах писателей старшего поколения. Если часть из них открыто перешла в лагерь контрреволюции, то другая часть, объявляя себя попутчиками, старалась идти в ногу с советскими писателями, более молодая часть резко отошла от своих старых позиций и стала уверенно переходить на позиции советской литературы. Среди них были Айбек, А. Кадыри и др.

Большие сдвиги происходили и в области искусства. В этот период организуется Республиканский узбекский государственный театр. В 1928 году музыкально-этнографическая труппа под руководством Мухитдина Кары Якубова и Тамары Ханум была реорганизована в Узбекский государственный музыкальный театр. Этот театр в отличие от ранее существовавших театральных трупп, состоящих из любителей, был профессиональным.

Развитию театрального искусства в Узбекистане содействовала помощь прогрессивных деятелей московских театров. В этот период в студии театра им. Евг. Вахтангова в Москве училась группа молодых узбекских актеров. Лучшие режиссеры столицы обучали их овладевать актерским и режиссерским искусством. В числе воспитанников студии были Абрар Хидоятов и Сара Ишантураева, режиссер М. Уйгур и др. С возвращением в Ташкент воспитанников студии Узбекский государственный музыкальный театр пополнился новыми молодыми и образованными кадрами и стал музыкально-драматическим. С этого времени в репертуаре театра появились русские и западные классические и советские пьесы. Большую братскую помощь узбекскому театру оказывали режиссеры и актеры русских театров Узбекистана, в частности Самарканда и Ташкента.

Большой сдвиг наметился в развитии музыкального искусства. Появляются музыкальные школы. Крупные русские музыковеды: В. А. Успенский, Н. Н. Миронов, В. М. Беляев и другие собирают и обрабатывают старые узбекские народные мелодии. В Самарканде открывается музыкальная школа, в которую были вовлечены музыкально одаренные юноши. В эти годы появилось немало новых прекрасных песен и других произведений на узбекском музыкальном материале.

Как уже упоминалось, событием огромной важности было наступление против паранджи, названное «Худжумом». Советское государство в первые же годы своего существования рядом законодательных актов уничтожило бесправие женщин, отменило старые законы, ущемляющие ее человеческое достоинство. Заработная плата женщин была приравнена к зарплате мужчин; женщинам предоставлялось избирательное право наравне с мужчинами, они были уравнены с мужчинами при распределении наследства родителей, был отменен калым, запрещено многоженство и выдача замуж несовершеннолетних девушек и т. д. Все эти законы Советской власти возродили человеческое достоинство женщин Востока, уничтоженное в прошлом эксплуататорскими классами. Это было сильным ударом и по авторитету ислама.

Среди узбеков, таджиков, туркмен и других народов Средней Азии бесправность женщин закрепилась законами шариата, предписывавшего ношение женщинами покрывала (паранджи) и запрещавшего посещать общественные места совместно с мужчинами. Оторванность женщины от общественно-политической и производственной жизни усугублялась ношением паранджи, препятствовала возможности претворить в жизнь новые советские законы. Одним из сильных средств освобождения женщин от домашнего рабства и обеспечения ей равноправия была ликвидация паранджи.

Еще до образования Узбекской ССР при всех партийных комитетах существовали отделы по работе среди женщин. Они проводили огромную работу по привлечению женщин, в частности женщин-узбечек, к учебе и общественно полезному труду. Для работы среди женщин-узбечек были созданы особые женские клубы, при которых открывались курсы по ликвидации неграмотно-

сти, различные кружки по рукоделию и производственные мастерские. Женотделы и женские клубы в связи с революционными праздниками и политическими кампаниями проводили широкую массовую работу среди женщин. Благодаря их самоотверженной работе уже к 1925 году политическая активность среди женщин-узбечек значительно возросла. В 1925 году при исполкомах Советов были созданы комиссии по улучшению труда и быта работниц и дехканок. Эти комиссии вместе с женотделами проводили волостные, областные и республиканские съезды дехканок. На съездах обсуждались вопросы участия женщин в земельно-водной реформе и в выборах в Советы. Важнейшим лозунгом партии на этих съездах был: «Ни одного Совета, правления кооператива, союза «Кошчи»— без участия женщин!»

На выборах в Советы в 1926 году принимали участие 8 процентов женщин-избирателей, а в 1927 году — около 20 процентов. В депутаты местных Советов были избраны в 1925 году 221 женщина-узбечка, в 1926 году —1512, а в 1927 году — около 3000. Кроме этого, была создана широкая сеть женских школ, техникумов и курсов по ликвидации неграмотности, расширялась сеть детских учреждений. В 1927 году на государственном бюджете находилось 49 детских садов, большое количество летних детских площадок. Эти учреждения были созданы для освобождения женщин от домашней работы во время их учебы, посещения клубных занятий и работы.

Подготовительные мероприятия дали возможность в 1927 году приступить к наступлению на паранджу. Партийная организация республики стояла во главе этого движения. Проводились многочисленные собрания граждан в махаллях, кишлаках и митинги во всех городах. Партийные, комсомольские и профсоюзные организации направляли своих членов из числа русских женщин агитаторами среди женщин-узбечек. Раскрепощение женщин-узбечек было настоящей революцией в их жизни. Речь шла о ликвидации многовекового бесправия и унижения человеческого достоинства узбечек, что означало коренное преобразование быта узбекского народа. «Худжум» не прошел без крови и жертв. Женщина-узбечка добилась раскрепощения ценой крови своих лучших

представителей. Во многих городах и кишлаках духовенство и кулацкие элементы развернули агитацию против раскрепощения. С целью запугивания они организовывали убийство женщин, сбросивших паранджу. Для дискредитации они распускали клеветнические слухи о легком поведении женщин, снявших паранджу, и этим хотели добиться развода их с мужьями. Количество убитых и раненых женщин-активисток достигло в эти годы нескольких сот.

Но ни убийства, ни угрозы, ни клевета не могли удержать женщин от раскрепощения. Советская власть сурово наказывала врагов раскрепощения женщин. Повсеместно прошло много показательных процессов над противниками раскрепощения. Со стороны государства были установлены специальные пенсии для женщин, потерявших трудоспособность в результате ранения за снятие паранджи, и для семей убитых.

И борьба не прошла даром.

Уже в 1929 году более 40 тысяч женщин состояли членами потребительских кооперативов, более 2000 женщин-кустарей были членами промкооперации, около 350 женщин — председателями сельсоветов, 7 человек — председателями райисполкомов. Одна пятая часть рабочих шелкомотальных, табачных и ткацких предприятий состояла из женщин. В эти дни шелкомотальная фабрика в Самарканде, куда вступали женщины на работу массами, была переименована в «Худжум».

Все это было важной частью культурной революции. Женщине-узбечке был открыт путь к политической и производственной жизни, к социалистическому строительству, науке.

Заметным событием этого периода было отмирание казийских судов. Как известно, в Туркестанском генерал-губернаторстве сохранились казийские суды. Было только проведено ограничение их компетенции в области разбора политических и уголовных дел. Что касается Бухарского эмирата и Хивинского ханства, то здесь судебная власть была полностью в руках казиев. После Октябрьской революции суд казиев был заменен новыми, советскими судами. Согласно положению о народном суде 1918 года при рассмотрении дел местного населения, в случае соответствия норм советского зако-

нодательства тому или иному конкретному обстоятельству, связанному с местными особенностями, эти суды могли руководствоваться правилами шариата, но судебные решения не должны были при этом противоречить советскому законодательству. Таким образом, советское судебное законодательство учитывало местные особенности народов Туркестана, поскольку законы шариата, веками господствовавшие в жизни народа, не могли быть устранены сразу.

Конечно, среди народа в этот период было еще немало людей, которые считали незыблемыми законы шариата по вопросам имущественных, бытовых и семейных отношений. Хотя данное обстоятельство и было учтено в судебном законодательстве ТАССР, несмотря на это, буржуазные националисты и духовенство использовали упразднение суда казиев для антисоветской пропаганды, квалифицируя этот факт как ущемление прав местного населения, как уничтожение основ религии.

Нужно было разоблачить эту клевету и преградить ей путь. Суд казиев был временно восстановлен. В июле 1922 года было издано специальное положение о суде казиев и биев в ТАССР. Суд казиев действовал фактически в тех рамках, в каких рассмотрение дел местного населения на основе правил шариата было допущено положением о народном суде ТАССР, принятом в 1918 году. Казийским судам были подсудны дела, касающиеся оскорбления личности, нарушения порядка, краж, покровительства и поощрения краж, бракоразводных дел, дел о наследствах и т. п. Условием разбора дел казиев было, как и раньше, обоюдное согласие сторон решать дело судом казиев. Казии имели право налагать штраф в сумме до 500 рублей и приговаривать к заключению сроком до 1,5 месяца. Таким образом, восстановление суда казиев особого изменения в сущность судебного законодательства не внесло, но этим была пресечена антисоветская пропаганда о якобы допущенном ущемлении интересов местного населения и исконных основ его жизни и быта.

С первого дня восстановления суда казиев народ все больше стал убеждаться в реакционной сущности законов (норм) шариата. Хотя казии обязаны были полностью придерживаться советского судебного законодательства и все свои решения выносить в соот-

ветствии с положением и постановлениями советских органов, сама сущность норм шариата оставалась антинародной. Это становилось очевидным при сопоставлении норм шариата с советскими законами. Начался отход народа от суда казиев. В особенности скоро отвернулись от них женщины, которые по нормам шариата не пользовались никакими правами. От разбора дел казийскими судами при возникновении споров с баями или хозяевами часто отказывались батраки, бедняки. Количество дел в производстве казиев все больше сокращалось, что незамедлило отразиться на материальном положении казиев, ибо, начиная с 1923 года, казии были сняты с государственного бюджета и жили за счет населения тех участков, которые они обслуживали. От количества разбираемых дел зависело и материальное благополучие казиев. К тому же специальным положением было введено участие в казийских судах двух заседателей, избираемых народом. Это затрудняло получение казиями каких-либо «особых» вознаграждений, вернее, взяток от богатых истцов или ответчиков.

В результате дело дошло до того, что уже в 1925 году к казиям обращались очень редко и то по мелким делам. Наркомюст УзССР в отчете за 1925 год указывал, что отношение населения к казиям резко изменилось, у многих из них уголовные дела в производстве совершенно отсутствовали, а их деятельность сводилась лишь к разбору мелких гражданских споров и претензий по делам наследства. Фактически казийские суды отмирали. Многие казии сами обращались с заявлением о сложении полномочий ввиду прекращения поступления дел. Так, если в 1922 году функционировало 290 казиев, то в 1924 году их число сократилось до 58, а в 1927 году их осталось только 7[1].

В 1928 году постановлением ЦИК УзССР было узаконено упразднение суда казиев, как естественным ходом событий прекратившего свое существование, что свидетельствовало об освобождении народа из-под влияния религии в правовом отношении. Прекращение существования суда казиев показывало, что, не оскорбляя религиозных чувств местного населения, Коммунистическая партия и Советская власть умело и системати-

[1] ЦГАОР УзССР, ф. 837, оп. 5, д. 58, л. 84.

чески боролись против косного влияния духовенства и пережитков средневекового быта на население.

Все это, конечно, не означало полного освобождения народа от религиозных предрассудков. Религия еще продолжала воздействовать на умы и сердца людей, но теперь она уже не имела той силы и власти над ними, какую имела в недавнем прошлом, и становилась частным делом каждого гражданина. Не случайно поэтому при проведении земельной реформы и раскрепощении женщин направленная против них пропаганда духовенства существенного влияния на широкие массы трудящихся не имела. По существу земельная реформа, кроме всего прочего, также была ударом по законам шариата о собственности, а раскрепощение женщин означало полный отказ от норм ислама, узаконивавших рабское положение женщин. Не лишне вспомнить, что главарь джадидизма М. Бехбуди еще в 1906 году в своей программной статье, говоря, что программа социал-демократов неприемлема для мусульман, имел в виду, в частности, аграрную программу и требования о равноправии женщин. Джадиды и духовенство все время пугали народ этими пунктами программы большевиков. Успешное проведение земельной реформы и раскрепощение женщин показали, что влияние духовенства среди народа резко ослабло и это также имело немаловажное значение в ускорении процесса формирования социалистических наций.

Ослабление влияния религии означало потерю силы таких социальных явлений, как сословное деление народа. Как было сказано выше, существование среди узбеков многих сословий подкреплялось религией. Их сила зиждилась на авторитете ислама, утверждавшего божественное происхождение ряда сословий. Сословное деление вообще и духовные сословия в условиях господства ислама были большим препятствием роста политического и национального самосознания народа. Признание привилегий высших сословий, в особенности духовных, вытекало из подчинения догмам ислама. Следовательно, потеря в глазах народа силы сословий снимала одно из важных препятствий на пути формирования единого социалистического морального и социально-политического облика узбекской нации.

6. Социальный и этнический облик узбекского народа в конце восстановительного периода

Десять лет бурных революционных преобразований коренным образом изменили общественный облик узбекского народа. Победа Великой Октябрьской социалистической революции и установление Советской власти открыли пути к созданию социалистической экономики и культуры, повышению политической активности народных масс. Все это имело большое значение для ликвидации класса феодалов, резкого сокращения числа капиталистических элементов, роста промышленных, строительных и других групп рабочих кадров, появления большого отряда новой советской интеллигенции. Наделение землей малоземельных и безземельных крестьян и появление коллективных хозяйств крестьян и промысловой кооперации кустарей способствовало сплочению трудящихся и повышению их благосостояния.

Для характеристики этого приведем данные, заимствованные нами из материалов избирательных комиссий по выборам Советов.

Материалы эти составлены на основе точного учета имущественного положения различных слоев населения. В 1926—1930 годах по ним устанавливались избирательные права граждан. Избирательные комиссии в свою очередь руководствовались данными финансовых органов, которые отражали имущественное положение того или иного хозяйства.

Нужно, однако, оговориться, что приведенные нами материалы отражают соотношение между отдельными классами и слоями всего населения Узбекской ССР. Наши попытки представить эти данные в разрезе узбекской части населения не увенчались успехом, ибо таких данных в отдельности об узбеках не оказалось. Однако поскольку более 75 процентов населения республики состояло из узбеков, приводимые нами данные (за исключением таких слоев населения, как рабочие и служащие) несомненно отражают общее соотношение между социальными группами узбеков. Рабочие же и служащие из узбеков пока составляли незначительную массу, так как национальный рабочий класс и интеллигенция находились тогда в процессе формирования.

Далее, в литературе имеются данные о самодеятельном населении с разбивкой на социальные группы, разработанные на основе материалов переписи 1926 года[1]. К сожалению, они вызывают большие сомнения. Например, указано, что хозяйства с наемными рабочими по всему Узбекистану составляют 1,11 процента, а узбекские хозяйства с наемными рабочими —1,06 процента. Кроме того, составители таблицы не показывают, куда «делись» торговцы: то ли они совсем выпали, то ли вошли в графу «одиночки», которые в узбекских хозяйствах составляли 21,32 процента. Таким образом, эти данные не могут должным образом характеризовать социальное лицо населения Узбекской ССР, в том числе узбекского народа.

Наконец, нужно учесть то обстоятельство, что материалы избирательных комиссий характеризуют именно социальное лицо населения, так как целью их составления являлось, как сказано, определение избирательных прав населения. Поэтому все взрослое население делится в них на избирателей и лишенцев. В свою очередь каждая из этих групп делится на соответствующие социальные классы и слои. Конечно, при выявлении лиц, подлежащих лишению избирательного права, были допущены некоторые неточности и перегибы, но в целом по республике они очень незначительны и фактически не меняют положения. Поэтому материалами избирательных комиссий можно и нужно оперировать.

По данным этих материалов, в 1928 году в Узбекистане был зарегистрирован 1 897 421 избиратель в городах и кишлаках[2]. Всего лиц свыше 18 лет было 2 406 158. Число лишенцев и их иждивенцев по городам составляло 38 530 человек. Лиц, лишенных избирательных прав в городах и кишлаках, вместе со всеми взрослыми иждивенцами их, в основном женщинами, было (кроме умалишенных) 110 тысяч человек. По отношению ко всему населению это составляло примерно 4,5 процента. В числе лишенных избирательных прав в 1928 году были торговцы, промышленники, кулаки, крупные землевладельцы, духовенство и бывшие царские и ханские чиновники. Это были остатки тех самых эксплуататорских классов и слоев города и деревни, которые перед революцией составляли примерно 19,5 процента всего мужского населения. Сокращение их на 15 процентов говорит о глубоких социальных изменениях в составе узбекского народа.

Резко сократилось число такого эксплуататорского слоя, как крупные землевладельцы, которые до революции составляли более 10 процентов. Теперь их осталось всего 0,6 процента. Хотя их хозяйства к 1929 году были уже ликвидированы, но бывшие крупные землевладельцы оставались лишенными избирательных прав.

В числе сельского населения был значительный слой так называемых служащих — волостные управители, аксакалы, мирабы, казии и т. д. Они, конечно, не существовали как особая группа, а являлись одновременно землевладельцами, торговцами и т. д. Часть из них теперь перешла в ряды трудовых крестьян, некоторые стали в свое время главарями басмачей, а другие — кулаками, торговцами. Таким путем группа этих «служащих» совершенно исчезла. Как было сказано выше, удельный вес хозяйств кулацкого типа до революции составлял примерно 6,1 процента. В 1930 году было выявлено 18 939 кулацких хозяйств[1], что по отношению ко всем крестьянским хозяйствам Узбекистана (760 000) составляло 2,4 процента. В сокращении числа зажиточных кулацких хозяйств большую роль сыграло проведение земельной реформы в большинстве областей республики. Сравнительно незначительно сократилось количество городских торговцев и промышленников, в частности зажиточных кустарей. Их до революции было примерно 36 тысяч, а в числе лишенцев в 1928 году они составляли 34 374 человека.

В противовес сокращению числа эксплуататорских элементов резкое изменение происходило в соотношении между отдельными трудовыми классами и слоями. Намного увеличилось число рабочих, появилась значительная прослойка служащих: партийно-советские и хозяйственные работники, учителя и врачи, специалисты и работники промышленности и сельского хозяйства и т. д. В 1928 году в городах республики было 193 164 про-

[1] Средняя Азия в цифрах, Ташкент, 1931, стр. 22.
[2] ЦГАОР УзССР, ф. 86, оп. 1, д. 6447, л. 15.

[1] ЦГАОР УзССР, ф. 837, оп. 8, д. 602, л. 146.

мышленных, транспортных (в большей части железнодорожных), строительных и сельскохозяйственных рабочих и служащих хозяйственных и культурно-бытовых учреждений[1]. В кишлаках в это время их было 16 385 человек[2]. Резко сократился слой беднейших крестьян-чайрикеров в сторону превращения их в середняков, число которых увеличилось. Таблица 12 показывает этот процесс по Ферганскому, Ташкентскому округам[3].

Переходя к разбору таблицы, прежде всего укажем, что итог численности до земельной реформы (463 089) не совпадает с таблицей из материалов ко II курултаю, откуда взяты эти данные. По-видимому, в книге допущена

ТАБЛИЦА 12

Категория хозяйств	До земельной реформы		После земельной реформы	
	всего	в процентах	всего	в процентах
1. Безземельные	18 497	4,3	—	—
2. С землей до 2 десятин	276 266	59.4	269 750	59,0
3. От 2 до 4 „ .	80 977	17,3	101 853	22,3
4. От 4 до 10 „ .	62 183	13,6	69,564	15,2
5. Свыше 10 „ .	25 166	5,4	15,938	3,5
Всего	463,089	100,0	457,105	100,0

ошибка, ибо сложение хозяйств по отдельным группам не дает означенного итога. Автор поэтому взял фактический итог за 463 089 вместо 463 202. В результате земельной реформы все безземельные хозяйства оказались наделенными землей и перешли в ряды хозяйств с землей от 2 до 4 десятин. Хозяйства, имеющие до 2 десятин земли, количественно уменьшились. Однако резкое изменение происходило и внутри этой группы. Если раньше хозяйств, имеющих до 0,5 десятин земли, было

[1] ЦГАОР УзССР, ф, 86, оп. 1, д. 6451, лл. 52—60.

[2] Там же, ф. 86, оп. 1, д. 6447, л. 19.

[3] Данная таблица составлена автором на основе книг: «Земельный вопрос в Узбекистане», Самарканд, 1927, стр. 13; «Отчет по проведению земельно-водной реформы в областях Самаркандской, Ферганской и Ташкентской УзССР». Изд. Наркомзема УзССР, стр. 41, 45, 53, 54, 61.

16 571, то теперь их осталось 1334, зато резко увеличились хозяйства, имеющие от 1 до 2 десятин земли. Раньше их было 4764, теперь стало 14 987. Также возросло число хозяйств, имеющих от 2 до 4 десятин земли. Это происходило за счет наделения землей безземельных и малоземельных крестьян. Увеличение хозяйств, имеющих от 4 до 10 десятин земли, происходило также за счет наделения землей малоземельных трудовых дехкан. Сокращение хозяйств, имеющих свыше 10 десятин земли, происходило в результате ликвидации части их (в количестве 8533 хозяйств), а урезка излишков земельной площади (6660 хозяйств) уравнивала их с предыдущей группой. Остальные, по-видимому, имели землю ниже трудовой нормы.

В целом количество хозяйств после реформы уменьшилось. Это объясняется тем, что часть хозяйств из группы эксплуататоров была ликвидирована.

Кроме всего этого, 2211 беднейших хозяйств, объединенных в 364 артели, получили 7877 десятин земли. В среднем на каждого приходилось по 3,5 десятины[1]. Следовательно, в целом середняцких крестьян было еще больше, чем указано в нашей таблице.

Значительные перемены происходили и в жизни кустарей. К этому времени часть из них кооперировалась. Сократилось число зажиточных кустарей. Из 125 000 кустарей 21 000 (примерно 20 процентов) уже были кооперированы.

Для наглядности сведем все сказанное в единую таблицу, составленную нами на основе материалов избирательной комиссии, земельной реформы и профессиональных союзов.

В таблице 13 за основу взята группировка населения, проведенная избирательной комиссией, то есть не уровень землеобеспеченности крестьян, а социальное происхождение отдельных групп. Доля батраков составляет в таблице 15,4 процента. Это не были батраки по хозяйственному положению. Часть из них была наделена землей и перешла в категорию единоличных крестьян, но по своему социальному происхождению они принадлежали к батракам. Далее, все категории трудовых крестьян объединены здесь в одну группу. Это отражает

[1] Отчет по проведению земельно-водной реформы, стр. 51 и 61.

ТАБЛИЦА 13

Группы населения	в % к общему итогу	
	мужчин	женщин
Трудовые:		
Рабочие (промышл., строит., трансп. и сельскохоз)	9,8	0,8
Батраки	15,4	0,3
Служащие	4,7	1,1
Крестьяне (бедняки и середняки)	57,7	—
Кустари-единоличники	6,5	—
Колхозники	0,6	—
Кустари кооперированные	1,3	—
Итого	96,0	2,2
Эксплуататорские:		
Капиталисты (промышленники и кулаки)	0,8	—
Землевладельцы и ростовщики	0,6	—
Торговцы	1,7	—
Прочие	0,9	—
Итого	4,0	—
Домохозяйки:		
Члены семей трудовых групп	—	93,4
Члены семей эксплуататорских классов и слоев	—	4,4
Итого	—	97,8
Всего	100,0	100,0

действительное положение вещей. На самом деле, как мы видели выше, в результате земельной реформы едва ли не все трудовые крестьяне становились почти однородными. Наконец, в этой таблице особо выделены домохозяйки. К 1928 году, хотя были достигнуты значительные результаты в области раскрепощения женщин, все-таки они еще не были широко привлечены к политической и хозяйственно-культурной жизни. Только очень незначительная часть женщин (2,2 процента) работала

в промышленности, сельском хозяйстве и учреждениях. Абсолютное число их доходило до 26 тысяч, причем значительную часть составляли русские женщины.

Такова общая характеристика социального облика узбекского народа в конце восстановительного периода.

Закономерно, что в этот же период происходил значительный рост национальных связей среди узбеков и усиление отдельных элементов нации. Проведение национально-государственного размежевания и образование Узбекской ССР дало возможность сплотить все узбекские земли в единую территорию, что имело важное значение для развития экономики, культуры и сложения общего языка узбекского народа. Образование национальных советских республик в свою очередь оказало влияние на развитие этих республик. Узбекистан начал развиваться как единый хозяйственно-культурный комплекс.

В этот период особенно крупные сдвиги в области развития национальных отношений проявились, в частности, в развитии узбекского языка. Как говорилось выше, после нескольких реформ старого узбекского алфавита, основанного на арабской графике, в конце восстановительного периода был принят новый алфавит. Развитию узбекского языка способствовали общий подъем культурного уровня народа: рост грамотности населения, расширение сети общеобразовательных школ для детей и взрослых, развитие периодической печати, книгоиздательства, успехи художественной литературы и искусства. Все это служило мощным средством развития узбекского языка.

Обогащение самого языка происходило путем заимствования новых слов — русских, общесоветских и интернациональных, расширения словообразовательного диапазона за счет восприятия из русского языка разных морфологических элементов, совершенствования грамматического строя узбекского языка. Происходило это под влиянием объективных условий в обстановке тесной хозяйственно-политической и духовно-культурной связи узбекского народа с русским народом и небывалого подъема политической, экономической и культурной активности народных масс.

За десять лет существования Советской власти узбекский язык обогатился сотнями новых политических, хозяйственных и культурных слов. В обогащении словар-

ного состава узбекского языка объективно сложилась следующая закономерность: все предметы и явления, новые для народа, принимались им непосредственно с их же названиями, например: коммунист, большевик, социализм, коммунизм, депутат, совет, комиссар, комсомол и т. д. Во многом это было продолжением той линии, по которой шел рост словарного состава узбекского языка в колониальный период. Закономерность такого явления объясняется тем, что народ осваивал новые слова в процессе непосредственного общения с создавшим эти слова народом, а не через книги. Непосредственное общение узбекских рабочих с русскими рабочими на предприятиях, на транспорте, в строительстве, узбекских дехкан и русских рабочих и крестьян на селе — хлопковых пунктах, МТС, совхозах, местных советских, партийных и хозяйственных работников и русских работников в государственных, партийных, профсоюзных и хозяйственных органах, местных учителей, врачей, агрономов и других специалистов в научно-исследовательских и культурно-просветительных учреждениях — открыло широкий путь проникновению новых политических, научных, культурно-бытовых слов в узбекский язык. При непосредственном общении народ не думал о том, как на своем языке назвать тот или иной предмет или явление: ему легче было воспринимать их «готовые» собственные названия.

Развитие узбекского языка получило наибольшее отражение в деловых письмах, документах и протоколах государственных, партийных, профсоюзных и хозяйственных органов. В них ярко отражены те сдвиги в словарном составе узбекского языка, которые наметились в реальном народном языке в результате общего культурно-политического подъема узбекского народа.

К сожалению, нужно признать, что наши языковеды изучение истории развития узбекского народа в этот период ограничивают преимущественным анализом языка художественных произведений. На наш взгляд этого недостаточно, так как литературный язык не отражает того объективного процесса, который имел место в данный период и который опрокинул все попытки буржуазных националистов различными ухищрениями задержать развитие узбекского языка.

Что касается языка официальных учебников для школ, то он отставал от прогрессивных сдвигов, происшедших в живом народном разговорном языке. Прогрессивные сдвиги в самом узбекском языке в этот период выражались в том, что на базе интенсивного продвижения и смещения народа на всей территории Узбекистана шел процесс разрушения границ отдельных диалектов и говоров. В годы гражданской войны происходило интенсивное передвижение населения одного района в другой. Трудящиеся массы городов и районов, участвуя в рядах Красной Армии в борьбе против басмачей, сотнями и тысячами побывали в разных районах, соприкасались с местным населением и общались с носителями разных диалектов. Кроме того, начавшиеся в этот период голод, разруха и насилия басмачей вынуждали население отдельных районов искать работы, спасения и хлеба в городах или более спокойных районах. Все это, хотя и в незначительной мере, также вело к смешению диалектов и говоров.

Далее, на основе общего культурного подъема отдельные города становились культурными центрами. В них началось издание газет массовыми тиражами, различных политических и массовых книг и брошюр. Эти газеты и книги распространялись в большинстве узбекских районов Туркестана, а после образования УзССР — на всей территории Узбекистана. Такими городами стали Ташкент и Самарканд.

В этот период продолжала формироваться диалектная основа узбекского языка. Известно, что в период становления нации идет складывание национального языка. Процесс сложения национального языка выражается в оформлении общенациональных языковых стандартов, проявляется в разработке общих грамматических, фонетических и орфоэпических норм на базе тех элементов, которые объективно выдвигаются на первый план.

Как было сказано выше, на первый план еще до Октябрьской революции самой жизнью были выдвинуты городские говоры Ферганской долины и Ташкента. Этот процесс после революции продолжался с новой силой. Теперь ташкентско-ферганские городские диалекты становились общим средством общения для всей узбекской земли.

Но против этого естественного процесса становления единого узбекского национального языка выступали со своими искусственными и реакционными «начинания-

ми» буржуазные националисты. В вопросах развития узбекского языка они не имели единой линии. Одни из них предлагали разработать общенациональный стандарт узбекского языка на основе арабского языка и для всех новых социальных и политических явлений и предметов предлагали пользоваться арабскими словами. Эта линия, начавшаяся до Октябрьской революции, особенно проявилась в 1918—1920 годах. В этот период в узбекский письменный язык слово коммунист вошло в форме «иштрокиюн», социализм — «ижтимоиёт», революция — «инқилоб», республика — «жумхурият», совет— «шўро», интернационал —«байналминал» и т. д. Конечно, эти слова бытовали среди узбеков и раньше. Но теперь они фактически приобрели новый смысл. Использование их само по себе не представляло особого вреда, но все же препятствовало широкому проникновению в узбекский язык новых революционных понятий и слов. Сторонники этой линии под маркой развития узбекского языка на основе старого книжного языка боролись против новой советской идеологии, чтобы создать барьер между узбекским и русским народом. Их линия тормозила расширение словарного состава узбекского языка, препятствовала проникновению в него новых слов — советских и русских, поэтому была антинародной и реакционной, направленной против объективного хода развития узбекского языка. Типичным представителем этой линии был панисламист Ашурали Захири.

Против данной линии выступали члены общества «Чигатай гурунги». Они, как было сказано выше, являлись противниками старого книжного языка, изобиловавшего арабскими и таджикскими словами, и выдвигали искусственно надуманный ими «чистый» чигатайский язык. Уже в 1920—1921 годах в узбекский язык взамен арабских и таджикских были введены архаические старотюркские слова. Например, *очун* (мир) вместо бытовавшего таджикского дунё, *битик* (книга), вместо арабского китоб, *ёзғич* (перо) вместо қалам, *экмак* (хлеб) вместо нон и т. д. Такие слова уже давно вышли из употребления и фактически ни в одном из тюркских языков не сохранились.

Указанное общество ставило целью искусственно создать некий новый язык-суррогат. Ко всем новым советским словам и понятиям старалось подобрать синонимы из старотюркского арсенала. Пролетарий обозначался словом *йоксул*, угнетенный словом *оксиз*. Отдельные слова переделывали в соответствии с требованиями законов сингармонизма, чем совершенно извращали их. Однако по отношению к арабским и таджикским словам принципы чигатаистов были непоследовательны. В обозначении политических и духовных явлений они полностью принимали арабские слова, выступая против русских и советских слов. Такие слова, как *шўро, инқилоб, жумҳурият, назария* (теория), *мафкура* (идеология), *байналминал*, принимались безоговорочно. Эту линию представляли Фитрат, Бату, Элбек и др.

Уже с 1923 года появляется группа так называемых реформистов, которая, выступая якобы против архаизма чигатаистов, требовала принять за основу развития узбекского языка живой разговорный язык. В роли последнего они выдвигали известный в литературе кипчакский или «джокающий» диалект узбекского языка.

В этот период уже началась дискуссия о создании нового узбекского алфавита на основе латинской графики. Дальнейшие споры вокруг вопросов развития узбекского языка свелись главным образом к спорам о принципах создания новой узбекской орфографии.

Вокруг этого вопроса шла очень острая борьба. Буржуазные националисты, оказавшись бессильными противостоять проникновению в узбекский язык новых русских и советских слов, пытались сконструировать узбекский алфавит так, чтобы проникновение в него новых понятий и слов было затруднено, чтобы он был чистым от «чужих» слов и влияния. В газете «Қизил Ўзбекистон» Элбек писал: «Узбекский язык в прошлом был богатырским и увесистым языком. Его испортили таджикский язык своими слащаво-кокетливыми словами и русский язык — своими грубыми словами, как «чёрт» и т. д. Нам нужно восстановить былое величие узбекского языка». В чем же видел Элбек пути восстановления «былого величия»? В построении общенациональных норм узбекского языка на основе кипчакского диалекта.

Основные особенности этого диалекта состояли в том, что в нем *й* в начале слова превращалось в *дж*, *х* — в *а* и, самое главное, гласные *а, у* и *и* имели твердые и мягкие оттенки. Поэтому кипчакский диалект в отличие от

большинства, в особенности городских диалектов, пользовался девятью гласными, тогда как иные городские диалекты обходились семью гласными.

«Прошлое величие» узбекского языка Элбек видел именно в этом двояком оттенке гласных *а*, *у* и *и*. Однако даже в прошлом эти особенности никогда не были характерными для всего узбекского языка. Количество гласных в каждом диалекте разное: оно колебалось от 5 до 10. Большинство диалектов насчитывало 6—7 гласных. После долгих споров конференция при Наркомпросе УзССР по новому узбекскому алфавиту в 1926 году приняла решение ввести в новый алфавит 9 гласных, причем *а, у* и *и* в двух оттенках. Фактически это было данью реакционерам. Дело в том, что в этот период узбеков-кипчаков насчитывалось всего лишь 32 000 душ обоего пола. По отношению ко всему узбекскому народу кипчакское население составляло менее одного процента. Основной массе узбеков сдвоенность гласных была чужда и создавала большие трудности при ликвидации неграмотности и осложняла грамматику. Проф. Е. Д. Поливанов в своей статье «Невозможно молчать» удачно подметил, что в новом алфавите как бы вместо одного, упраздненного в русском языке «ять», в узбекский язык вводили три таких «ять»! И действительно, для большинства узбеков было трудно различать оттенки этих гласных. Поэтому люди не знали, через какую букву писать *а, у* и *и*. Пишущий эти строки, будучи в 1930 году учителем общеобразовательных женских курсов в Самарканде, как это и предвидел проф. Е. Д. Поливанов, вынужден был заставлять учеников зазубривать слова, которые пишутся через ту или иную гласную. Городские узбеки, не будучи кипчаками, не могли различать этих оттенков. Сложилась такая обстановка, что вместо ликвидированных трудностей арабского алфавита в новом алфавите искусственно создалась другая, не менее серьезная трудность. И все это делалось под маркой освобождения узбекского языка от «вредных» и «грубых» влияний других языков.

В области формирования узбекского национального языка эти рецидивы националистов служили причиной сохранения того разрыва между общенародным узбекским языком и письменной речью, который просуществовал до 1940 года.

В колониальный период реакционные джадиды, выдвигая в своих газетах и журналах идею создания «общетюркского» и «общемусульманского» языка, отрывали развивающуюся узбекскую письменную речь от развития узбекского общенародного разговорного языка. А после революции это же самое делали «чигатаисты», пытаясь восстановить мнимый чигатайский язык. При принятии нового алфавита так называемые реформисты продолжали эту же линию, введя 9 гласных против реально существовавших в большинстве диалектов 6—7.

Несмотря на неудачную реформу, узбекский язык развивался своим путем независимо от желания «реформистов». Особенности кипчакского диалекта не смогли подняться до уровня национальных норм. Народ не воспринимал его свойств. Наоборот, узбекский язык продолжал обогащаться все новыми и новыми словами, рождаемыми новой жизнью путем расширения словарного состава узбекского языка в результате повседневного и тесного сотрудничества с великим русским народом и другими братскими народами. Дальнейшее развитие узбекского языка опрокинуло планы буржуазных националистов, рассчитанные на создание барьера между узбекским языком и языками других братских народов, в первую очередь русским языком. Следующие десятилетия в развитии узбекского языка характеризовались завершением формирования его в национальный язык.

Такими социально-политическими и духовно-культурными явлениями характеризовался первый этап формирования узбекской социалистической нации. На этом этапе узбекский народ органически воспринял советский строй и тесно и неразрывно приобщился к нему. Бурно росла политическая активность народа, в его составе возникла прочная коммунистическая организация и росли кадры рабочего класса. Проходя трудные этапы борьбы, узбекский народ преодолевал влияние реакционных норм шариата и догм Корана в своей общественной жизни и быту, развивал экономику, создавал собственные национальные советские культурно-просветительные учреждения, объединял свою территорию в единую землю и, развивая свой язык, создал новый современный алфавит.

Все это создало условия для последующего завершения процесса национальной консолидации узбекского народа.

ГЛАВА V

ПОБЕДА СОЦИАЛИЗМА В УЗБЕКИСТАНЕ И ЗАВЕРШЕНИЕ ФОРМИРОВАНИЯ УЗБЕКСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ НАЦИИ

1. Рост коммунистического движения среди узбеков — важнейшее условие формирования узбекской социалистической нации

Десятилетие после восстановления народного хозяйства в Узбекистане, то есть годы первой и второй пятилеток, было в истории узбекского народа временем завершения процесса формирования узбеков в социалистическую нацию.

Как было сказано выше, формирование узбекской социалистической нации представляло собой двухсторонний процесс: одновременно шли и превращение узбекского народа в социалистический коллектив и завершение сложения отдельных элементов нации в жизни узбеков.

На базе огромной государственной помощи русского рабочего класса и под повседневным руководством великой Коммунистической партии узбекский народ за это десятилетие сделал невиданный скачок в области промышленности, сельского хозяйства и культурного строительства. Ликвидировав культурно-экономическую отсталость, унаследованную им от феодально-средневекового строя и колониального режима, он поднялся до уровня передовых наций нашей страны. Еще больше выросла политическая активность узбекского народа; в его составе сформировались значительный класс национальных промышленных рабочих и широкий слой новой советской интеллигенции. Совершенно преобразовалось социальное лицо узбекского крестьянства. Исчезли эксплуататорские классы: крупные землевладельцы, сельские и городские капиталисты. Идеология революционного пролетариата — марксизм-ленинизм — в основном

вытеснила из сознания массы людей частнособственническую, капиталистическую идеологию. В результате всего этого узбекский народ превратился в социалистический коллектив, то есть принял социалистический моральный и социально-политический облик.

Этот процесс был характерен для всех народов Советского Союза. Все они оформились в этот период в социалистические коллективы — нации, народности или этнические группы. При этом отличительной чертой формирования узбекской социалистической нации было то, что именно в данный период у узбекского народа завершилось также сложение отдельных элементов нации и он стал устойчиво сложившейся нацией.

Начнем более подробное рассмотрение вопроса с характеристики роста политической активности узбекского народа — важнейшего условия формирования узбекской социалистической нации. Как мы видели выше, до революции в составе узбекского народа промышленный пролетариат составлял мизерную долю и потому не в силах был играть направляющую роль. В среде узбекского народа социал-демократическое движение тогда едва зарождалось и он не имел ни одной политической партии, представляющей интересы узбекских трудящихся. Не было также ни одного профессионального союза, ни одного просветительного общества и культурного учреждения, обслуживавших местных крестьян и ремесленников. Крупным сдвигом в политической жизни местных трудящихся за прошедшие десять лет было зарождение коммунистического движения, появление коммунистических организаций и под их руководством — бурный рост политической активности узбекского народа, что явилось основой всех его политических, хозяйственных и культурных завоеваний после победы Октябрьской социалистической революции. На базе этого развивались также и национальные связи среди узбеков, которые, с одной стороны, все больше приобщались к советскому строю, с другой — непрерывно национально консолидировались.

Дальнейшее продвижение узбеков по пути к социализму происходило на фоне острой борьбы Коммунистической партии Советского Союза против врагов народа — троцкистов и бухаринцев, за осуществление гениальной ленинской теории о возможности победы социализма в

одной, отдельно взятой стране. Эту борьбу возглавил ленинский Центральный Комитет нашей партии.

«В области *экономического строительства*,— читаем мы в резолюции XIV съезда ВКП(б), состоявшегося в декабре 1925 года,—съезд исходит из того, что наша страна, страна диктатуры пролетариата, имеет «все необходимое для построения полного социалистического общества» (*Ленин*). Съезд считает, что борьба за победу социалистического строительства в СССР является основной задачей нашей партии»[1]. Исходя из этого, съезд как основу практической работы партии определил генеральную линию на социалистическую индустриализацию страны.

К этому времени в Советском Союзе были достигнуты решительные успехи по восстановлению народного хозяйства. В политическом отношении успехи пролетариата выразились в том, что вопрос «кто кого» уже начал разрешаться в пользу социализма. В области промышленности и земледелия наша страна в 1925 году достигла около 90 процентов довоенного уровня. Восстановление старых промышленных предприятий шло на основе широкой реконструкции наряду с созданием новых. Теперь вся политическая, хозяйственная и культурная деятельность советского народа должна была подчиняться задачам обеспечения победы социалистического строительства.

Вслед за XIV съездом, положившим начало великой эпохе социалистической индустриализации нашей страны, Коммунистическая партия на XV съезде (декабрь, 1927 г.) приняла постановление о развертывании коллективизации сельского хозяйства. В постановлении съезда было записано: «Необходимо поставить в качестве первоочередной задачи на основе дальнейшего кооперирования крестьянства постепенный переход распыленных крестьянских хозяйств на рельсы крупного производства (коллективная обработка земли на основе интенсификации и машинизации земледелия), всемерно поддерживая и поощряя ростки обобществленного сельскохозяйственного труда»[2].

Среди крестьянства началось движение за коллективизацию. Основой этого были первые успехи социалистической индустриализации нашей страны. Молодая советская промышленность начала давать сельскому хозяйству новейшие сельскохозяйственные машины: тракторы, сеялки, комбайны, автомобили и т. д. 1929 год явился годом великого перелома. Среднее крестьянство массами пошло в колхозы.

Коренной поворот крестьян в сторону социализма открыл новую фазу в развитии советского социалистического государства. Теперь Советское государство приступило к ликвидации остатков капиталистических элементов и взяло курс на рост и укрепление социалистического сектора во всех отраслях народного хозяйства.

Базируясь на первых успехах социалистического строительства в промышленности, сельском хозяйстве и в торговле, Коммунистическая партия на XVI съезде объявила развернутое наступление социализма по всему фронту. XVII съезд Коммунистической партии Советского Союза, подытоживая работу партии, констатировал, что социализм в основном победил во всех отраслях нашего хозяйства. СССР из страны отсталой и аграрной превратился в передовую, индустриально-колхозную державу. В его экономическом строе совершенно исчезли капиталистический и госкапиталистический уклады хозяйства, а натуральный и мелкотоварный уклады хозяйства превратились в социалистический уклад.

Советское государство в этот период с честью выполнило свою историческую функцию — ликвидацию остатков капитализма и организацию социалистического хозяйства во всех отраслях народного хозяйства.

С установлением господствующего положения социалистической экономики и преобразованием на основе её социальных отношений необходимо было перестроить соответственно этому и государственное устройство страны. В годы первой и второй пятилеток были созданы новые народные комиссариаты и комитеты. Создание новых наркоматов и комитетов явилось отражением тех сдвигов и перемен, которые произошли в народном хозяйстве страны. Кроме того, оно было выражением усиления хозяйственной функции Советского государства, вызванного победой социализма. В связи с ростом колхозов и необходимостью планирования их хозяйственной деятельности в 1929 году был создан союзно-республиканский Наркомат земледелия и все руководство сельским

[1] КПСС в резолюциях... ч. II, стр. 195.
[2] Там же, стр. 437.

хозяйством из рук кооперативного (колхозного) центра было передано ему.

Развитие городского хозяйства и возникновение значительного количества новых промышленных городов, рабочих поселков в результате индустриализации страны были причиной создания в 1931 году республиканского Наркомата коммунального хозяйства.

Развитие промышленности и в связи с этим появление многих новых отраслей ее потребовали преобразования в 1932 году ВСНХ в три наркомата — тяжелой промышленности, лесной промышленности и легкой промышленности. В том же году был создан Наркомат зерновых и животноводческих совхозов. Расширение пищевой промышленности и зарождение огромного количества новых пищевых предприятий были причиной преобразования в 1934 году Наркомата снабжения в два самостоятельных наркомата—пищевой промышленности и торговли. В этом же году были созданы республиканские наркоматы местной промышленности. Рост культурного строительства и задачи обеспечения победы культурной революции вызвали необходимость создания в 1936 году Комитета по делам искусств, Комитета по делам высшей школы и Комитета по делам физкультуры и спорта при СНК СССР.

Ликвидация частнокапиталистического хозяйства, преобразование мелкотоварного хозяйства в социалистическое требовали планирования деятельности всех отраслей народного хозяйства. В связи с этим обстоятельством Госплан был преобразован из Комиссии при Совете Труда и Обороны в Комиссию при СНК СССР на правах наркомата.

Перечисленные преобразования в государственном устройстве не были обычными реформами, имеющими целью упрощение руководства народным хозяйством. Они были вызваны в первую очередь ростом народного хозяйства и изменением его структуры и нашли отражение и в государственном устройстве Узбекской ССР.

Из числа государственных актов, отражавших социальные сдвиги, происшедшие в результате победы социалистического строительства в нашей стране, нужно отметить декрет 25 июня 1932 года «О революционной законности», постановление 7 августа 1932 года «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов

и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности». Общественная собственность объявлялась священной и неприкосновенной. Большое значение имело постановление 22 июня 1934 года о наказаниях за измену Родине, в котором было изложено понятие о социалистической Родине.

Победа социалистического строительства привела не только к расширению и развитию народного хозяйства в количественном отношении. Она вместе с тем коренным образом изменила общественный строй Советского Союза, изменила основу социальных отношений народов СССР, их классовый состав. Если в 1913 году в населении России помещики и капиталисты составляли 15,9 процента, то в 1937 году их не осталось; если единоличных мелких крестьян и городских ремесленников было 65,1 процента, то теперь их осталось 5,6 процента. Зато появилась новая, ранее не существовавшая социальная группа—колхозники и кооперативные кустари, которые в общей массе населения составляли 55, 5 процента. В 1913 году одни только кулаки составляли 12,3 процента населения, теперь их тоже не стало[1].

Совершенно исчезли батраки — сельскохозяйственные пролетарии, которые до революции составляли 4,3 процента всего населения. Теперь сельскохозяйственные рабочие — рабочие совхозов и МТС — составляли 3,2 процента всего населения страны. Что касается рабочих, служащих и специалистов государственных предприятий и учреждений, то число их с 16,7 процента в 1913 году поднялось до 34,7 процента. Пролетариат СССР превратился в освобожденный от всякой эксплуатации рабочий класс, занимающий ведущее положение в обществе и направляющий его развитие вперед, к коммунизму. Образовалось и совершенно новое крестьянство, какого также не знала история человечества.

Таким образом, советское общество теперь состояло в основном из тружеников города и деревни: рабочих и служащих, колхозных крестьян и кооперированных кустарей. Остатки эксплуататорских классов совершенно исчезли.

Такое положение требовало не только создания новых органов государственного аппарата, но и изменения основного закона страны — Конституции.

[1] 20 лет Советской власти, изд. второе, М., ОГИЗ, 1938, стр. 7.

В 1935 году на февральском Пленуме ЦК ВКП (б) было принято решение об изменении Конституции СССР в соответствии с новым социально-экономическим и политическим положением страны, порожденным победой социализма. Это решение пленума было встречено полным одобрением VII съезда Советов СССР, проходившего в феврале того же года. Первая сессия ЦИК СССР образовала специальную комиссию по разработке новой Конституции СССР. Проект Конституции, широко обсужденный народом, был утвержден VIII Чрезвычайным съездом Советов (ноябрь, 1936 г.). Новая Конституция законодательно оформила победу социализма в нашей стране. Она констатировала уничтожение в СССР причин возникновения классов и эксплуатации человека человеком, превращение СССР в страну, где труд является первейшей обязанностью всего населения, а распределение продуктов происходит в соответствии с количеством и качеством труда каждого работника. Конституция зафиксировала, что все классы и слои населения СССР имеют равные права на труд, на отдых и на образование, что марксизм-ленинизм стал идеологией всего советского общества.

Все это было результатом победы социализма в политическом строе, экономическом укладе и духовной жизни народов СССР, результатом преобразования проживающих в СССР наций, народностей и этнических групп в социалистические коллективы. В СССР сформировались такие нации, народности и этнические группы, которые были свободны от внутренних антагонистических противоречий, от отчужденности и эгоизма по отношению к другим нациям и народностям. Внутри их отсутствовали эксплуататорские классы и слои, а основные классы — рабочие и крестьяне, сплотившиеся в совместной борьбе за победу социализма, стали дружественными классами, наладилось братское сотрудничество их в системе единого союзного социалистического государства. Основным принципом взаимоотношений между народами СССР стал пролетарский интернационализм.

Аналогичные изменения произошли и в жизни узбекского народа.

В эти годы в условиях Узбекистана продолжалась борьба партии и народа с проявлениями идеологии буржуазного национализма.

При этом, если раньше националисты выступали более или менее открыто, то с проведением национально-государственного размежевания и образованием национальных советских республик Средней Азии они лишились возможности вести открытую борьбу. Теперь они не могли распускать клевету о том, что Узбекистан лишен самостоятельности и не является суверенным государством, не могли натравливать одну национальность на другую.

Уже после образования Узбекской ССР последовало новое проявление национал-уклонизма в лице так называемой «группы 18», выступившей в момент подготовки проведения земельной реформы, когда значительно активизировались байско-феодальные элементы. Группа пыталась саботировать это мероприятие. Один из ее активных участников — Хидир Алиев, занимавший тогда пост наркома земледелия, открыто выступил против земельной реформы. Перед II съездом КП(б) Уз. на котором предстояло обсуждение вопроса о земельной реформе, члены группы подали коллективное заявление об уходе с работы, рассчитывая этим ослабить руководство партийно-советских органов и задержать проведение земельно-водной реформы. Съезд сурово осудил поведение «группы 18».

В 1926 и 1927 годах узбекская партийная организация разоблачила новое выступление национал-уклонистов, известное под названием иногамовщины. Будучи наркомом просвещения Узбекской ССР, Р. Иногамов выступил с националистическими тезисами, в которых под видом борьбы за расширение демократии обвинял партию в диктаторстве и требовал объявления «широкой демократии», понимая под этим свободную деятельность различных антисоветских союзов и обществ, которые, по его мнению, должны были участвовать в управлении страной. Далее, Иногамов склонялся к троцкистским измышлениям о бесперспективности социалистического строительства в СССР. Иногамов и его единомышленники выступали по существу дела против руководства партии и, говоря о том, что нужно усилить роль советских государственных органов, руководивших хозяйственно-культурным строительством, стремились ограничить работу партии одной лишь агитационной и пропагандистской деятельностью. Объявляя интеллигенцию классом, они вы-

двигали идеалистическую концепцию о том, что «вся сила в знании», и, исходя из этой концепции, принижали руководящую роль рабочего класса и несоразмерно повышали роль интеллигенции. Практически это выразилось в воспрепятствовании выдвижению на руководящие посты рабочих и трудовых крестьян и в стремлении опереться на ту часть интеллигенции, которая еще не освободилась от националистических настроений.

Борьба против иногамовщины еще более подняла идейную боеспособность партийных организаций республики. На собраниях всех ячеек, городских и районных активов, районных и областных конференций делегаты, осуждая иногамовщину, требовали твердого сплочения вокруг партии и призывали к повышению бдительности.

В 1927 и в особенности в 1928 годах национал-уклонисты развернули активную деятельность, направленную на обострение отношений между узбеками и таджиками. Как известно, при проведении национального размежевания в составе Узбекистана были образованы один таджикский округ, ряд таджикских городов, районов и сельсоветов. В них были созданы таджикские школы, издавались газеты, партийно-советские органы вели работу на таджикском языке. В 1928 году в некоторых городах наблюдалось нарушение этих принципов, что вызвало недовольство со стороны населения. Так, секретарь Самаркандского старогородского райкома партии запретил проведение собрания на таджикском языке и наказал людей, проводивших такое собрание. Об этом было доведено до Самаркандского окружкома партии, но работавший там Бату оставил заявление без внимания[1]. Это оказалось не случайным фактом. Такие же явления имели место в городах Чусте, Бухаре и в ряде районов, населенных таджиками.

Во многих городах и районах национал-уклонистские элементы нарушали советскую законность, допускали злоупотребления, затевали склоку, прибегали к групповщине.

В истории борьбы с очередными проявлениями буржуазного национализма и в повышении политической бдительности партийной организации Узбекистана в этот период большую роль сыграл IV съезд КП(б) Уз,

[1] «Қизил Узбекистон, 17 февраля 1929 г.

проходивший в конце февраля 1929 года. На съезде были подвергнуты резкой критике тогдашние руководители ЦК КП(б) Уз и СНК Узбекистана. Некоторым руководителям (Файзулле Ходжаеву и др.) было объявлено недоверие. Выступления делегатов показали политический рост коммунистов.

В период подготовки к ликвидации кулачества как класса выступила еще одна группа буржуазных националистов, состоящая в основном из судебных работников. Она получила название касымовщины — по имени руководителя группы Касымова, занимавшего пост председателя Верховного Суда УзССР. Касымов, собрав вокруг себя группу своих людей, нарушал советскую законность, терроризировал рабочих, батраков, колхозников, покровительствовал кулацким элементам, что вызвало недовольство масс. Эта группа была своевременно разоблачена и ликвидирована.

В эти же годы активизировалась деятельность националистически настроенных людей среди писателей и работников просвещения. Захватив в свои руки руководство Союзом писателей Узбекистана («Қизил калам»), они развернули пантюркистскую пропаганду среди молодежи с целью противодействия проникновению русской литературы и социалистической идеологии в массу молодежи, отравления ее сознания ядом национализма.

В разоблачении всех этих групп значительную роль сыграл А. Икрамов, занимавший пост секретаря ЦК КП(б) Узбекистана.

Все эти факты показывают, что узбекский народ в наиболее трудные и сложные периоды социалистического строительства шел за Коммунистической партией, проявляя безграничную преданность Советской власти и сохраняя глубокое доверие к ленинской партии. Характерно, что в дни борьбы с различными националистическими группами Коммунистическая партия Узбекистана непрерывно росла за счет рабочих, крестьян, кустарей и преданной делу народа интеллигенции. За 1926—1927 годы в партию было принято 8044 человека, из которых 3174 были рабочие, 3916— дехкане, 649— служащие и т. д. Среди вновь принятых 5188 человек, или 64,5 процента, были узбеки.

Примером преданности советскому строю может служить борьба народа против кулачества в дни ликвидации

его как класса. По призыву партии народ пресекал всякие попытки кулаков организовать вооруженную борьбу против Советской власти. Доказательством этого является отношение его к грабительской банде Ибрагима Локая, перешедшего советско-афганскую границу летом 1931 года. Бежавший в Афганистан в 1926 году Ибрагим Локай не оставлял мысли о переходе границы и организации борьбы против Советской власти. Материально его поддерживали английские империалисты. В 1931 году он перешел границу и пробрался из Афганистана в Таджикистан. Кулаки Ферганской и Зеравшанской долин вооружили отдельных бывших участников басмаческого движения, а реакционное духовенство развернуло антисоветскую агитацию.

Трудящиеся Узбекистана, Таджикистана и Туркмении поднялись на решительную борьбу против отрядов Ибрагима Локая, а также отрядов басмачей, совершавших налеты в Туркмению из Ирана. Во всех районах из дехкан и колхозников были созданы группы «красных палочников», вооруженных охотничьими ружьями, топорами и палками. Они охраняли территорию своих колхозов и кишлаков, ловили басмачей. При активном участии отрядов «красных палочников» басмачи были разгромлены. Налеты Ибрагима Локая были последним вооруженным выступлением против советского строя в Средней Азии, в том числе и в Узбекистане.

В этот период происходило дальнейшее укрепление советских органов и сближение их с трудящимися массами. Это укрепление выражалось в широком участии трудящихся в выборах в советские органы, улучшении социального состава Советов, коренизации советского аппарата, непрерывной чистке советских органов от чуждых элементов и повышении политического и общекультурного уровня кадров. Сельсоветы стали оперативными, более работоспособными и территориально компактными.

Ликвидация волостей улучшила оперативное руководство сельсоветами. Районные организации теперь непосредственно связывались с широкими массами, а это было одним из важных условий сближения Советов с массами.

Другим, не менее важным моментом, была коренизация советского аппарата, привлечение местного населения к работе Советов не только как депутатов, но и как работников аппарата, и перевод делопроизводства на местные языки. Коренизация аппарата и в смысле выдвижения на работу кадров местного населения и в смысле перевода работы аппаратов на местные языки являлась делом сложным и трудным. Решение этой задачи было связано с подготовкой и воспитанием кадров и с их правильной расстановкой. Поэтому партийная организация республики постоянно занималась этим вопросом. В 1926 году была организована специальная комиссия по коренизации государственных учреждений. В задачу комиссии входили мероприятия по подготовке работников советского аппарата, подбору и расстановке в советских учреждениях кадров из местных национальностей, организации курсов по изучению узбекского языка при всех учреждениях. Таким образом, смысл коренизации работы советских учреждений отнюдь не означал замены работников других национальностей лицами из коренного населения, а заключался в переводе работы советских учреждений на местные языки: узбекский, таджикский и казахский, с широким привлечением к работе в аппарате местных работников из других национальностей.

Националисты пытались использовать это для противопоставления местных работников русским работникам. Под маской коренизации советского аппарата они стремились освободить от работы русских, татар и др. Со стороны же остатков шовинистических элементов были попытки воспрепятствовать коренизации советских учреждений. Партийная организация и советские органы Узбекистана своевременно дали отпор и тем и другим.

В республике шла массовая подготовка партийных, советских и хозяйственных кадров. Были созданы партийно-советские школы, разные курсы, например, для подготовки и переподготовки председателей сельсоветов, райисполкомов, а также специальные курсы отдельных наркоматов и ведомств.

В результате постоянной работы по подготовке и воспитанию кадров из среды местных национальностей увеличилось число работников из рабочих, дехкан и кустарей. В 1930 году в аппаратах окружных органов работало 2722 человека, из них 16,2 процента были рабочие и 6,8 процента — выходцы из дехкан; 20,4 процента — из местных национальностей. Из 1203 районных номенкла-

турных работников 20,8 процента были рабочие, 25,5— крестьяне, 61,4 процента были из местных национальностей[1].

Одним из методов подготовки партийных кадров из числа трудящихся, в особенности местных национальностей, было создание групп практикантов при различных учреждениях и выдвижение кадров. В 1930 году среди работников окружных органов выдвиженцы составили 7,6 процента, а среди работников районных органов — 6,1 процента.

Начиная с 1930 года, партийно-советские школы и различные курсы выпускали все больше и больше специалистов для советского, партийного и хозяйственного аппарата. В 1930 году в районы было командировано 47 человек, а в 1932—109. В эти годы состав районных аппаратов был пополнен работниками из числа двадцатипятитысячников, командированных из центральных районов, преимущественно промышленных рабочих, которые сыграли большую роль в укреплении колхозного строя. Наряду с подготовкой кадров в республике огромную помощь Узбекистану кадрами оказывал ЦК ВКП(б). Ежегодно из центра в Узбекистан прибывали сотни партийных и советских работников, окончивших партийные и советские учебные заведения. Приезжали и работники центральных учреждений.

Для укрепления низовых органов партийная организация республики широко практиковала посылку в районы работников центральных учреждений республики и выдвиженцев. В районных органах они составляли в 1933 году 36,6 процента вместо 6,1 в 1930 году. Выдвигались в основном рабочие и трудовые дехкане. В 1933 году в районных аппаратах рабочие составляли 35 процентов, узбеки — 56,5, другие местные национальности — 7,8 процента.

К этому времени улучшился и состав партийных работников. Среди руководящих партийных работников все более и более увеличивалось число лиц, имеющих специальное партийно-политическое образование. Если в 1931 году 83 процента секретарей райкомов имели низшее образование, то в 1933 году таких оставалось всего

[1] К VI съезду КП (б) Уз. Материалы к отчету ЦК КП (б) Уз. Ташкент, 1934, стр. 96.

26 процентов. Зато число лиц, окончивших коммунистические вузы, увеличилось с 7,8 до 45,5 процента и лиц, окончивших совпартшколы, с 9,1 до 28,6 процента. В составе секретарей райкомов было: выходцев из рабочих — 51,9 процента, представителей местных национальностей — 83 процента[1].

Таким образом, к концу первой пятилетки Узбекистан уже располагал значительными партийными и советскими кадрами, являвшимися в своей основной массе выходцами из рабочих и крестьян местных национальностей.

Наркомзем организовал разные курсы для подготовки колхозных кадров, в том числе и председателей колхозов. В эти годы появился новый отряд руководящих работников, умело сочетающих политическое и хозяйственное руководство. Это были председатели колхозов. Появился также новый тип первичной партийной организации — колхозные ячейки, непосредственно связанные с массой колхозного крестьянства. Колхозные партийные организации были призваны воспитывать массу вчерашних мелких собственников в духе коллективизма и социалистического отношения к труду.

Партийная организация республики обратила особое внимание на рост партийных организаций колхозов и улучшение их работы. В 1931 году существовало 325 колхозных ячеек, кандидатских групп — 52. В 1933 году ячеек стало 1600, а кандидатских групп — 711[2]. В 1938 году количество колхозных ячеек выросло до 4680, а кандидатско-комсомольских групп — до 1165. К IX съезду КП (б) Уз (1940 г.) их соответственно было 5793 и 1745[3]. Это свидетельствовало об огромном влиянии и силе Коммунистической партии в Узбекистане.

Непрерывно росло число коммунистов из местных национальностей. В 1925 году они составляли 50,5 процента, в 1930 — 59,5 и в 1939 — 67,4 процента.

Количество членов Коммунистической партии Узбекистана за это десятилетие росло такими темпами: к моменту IV съезда КП(б) Узбекистана (1929 г.) членов партии

[1] К VI съезду КП (б) Уз. Материалы к отчету ЦК КП (б) Уз. Ташкент, 1934, стр. 106.

[2] Там же, стр. 119.

[3] Стенографический отчет IX съезда КП (б) Уз, Ташкент, 1940, стр. 54.

было 20 992 и кандидатов 14 395, к VI съезду (1934 г.) соответственно — 29 955 и 26 747, в 1940 году, к IX съезду партии, уже после проведенной чистки рядов партии и обмена партийных документов число членов партии дошло до 31 328 человек, кандидатов в члены партии — до 34 570[1].

Коммунистическая партия Узбекистана по своему организационному и идейному уровню стала одним из передовых отрядов Коммунистической партии Советского Союза. Она обеспечила небывалый рост политической активности узбекского народа и дальнейшее улучшение работы советских органов. Было обращено особое внимание на упрочение связи с массами. Резко оживилась работа секций Советов. В 1935 году одних только депутатов сельских, районных и городских Советов было 48 000 человек. Это была мощная армия, через которую развертывалась широкая массовая работа среди народа. Депутаты объединялись при Советах в секции и депутатские группы по отраслям работы Советов. Секции и депутатские группы проводили в жизнь постановления Советов, проверяли их выполнение. Они связывались с избирателями и заботились об их нуждах. В особенности большую работу проводили секции и депутатские группы сельсоветов. Будучи тесно связанными с колхозной массой, они систематически помогали партийно-советским органам: выступали организаторами социалистического соревнования среди масс, проверяли выполнение постановлений Советов в колхозах, принимали активное участие в проведении политических и хозяйственных кампаний, сыграли большую роль при проведении раскулачивания. Все это год за годом поднимало авторитет Советов и в глазах масс. Доверие народа выразилось в участии населения в выборах. Если в 1925—1926 годах на выборы сельских Советов являлось только 45,8 процента избирателей, то в 1931 году — 66,9, а в 1934—1935 годах — 75 процентов от общего количества избирателей.

В дальнейшем, в связи с ростом экономики республики, возникновением новых промышленных предприятий, расширением посевных площадей, а также в связи с развертыванием строительства колхозов, было проведено

[1] Резолюции и решения съездов КП Уз, Ташкент, 1957, стр. 231, 276, 342.

новое районирование. Последовала ликвидация округов. Крупные города республики — Андижан, Самарканд, Коканд, Маргелан, Бухара, Наманган, Фергана и другие,— имеющие более 50 тысяч населения, были подчинены непосредственно ЦИК УзССР. К этим городам были присоединены близлежащие сельские районы. В 1935 году было образовано еще 17 новых районов; в республике стало 90 сельских районов.

Повышение политической активности трудящихся Узбекистана выразилось и в росте профсоюзного движения. Профсоюзы стали массовой организацией, объединяющей не только промышленных рабочих и служащих, но и значительное число сельскохозяйственных рабочих. Если в 1925 году в Узбекистане было 112 234 члена профсоюза и из них 41 948 — из местных национальностей[1], то в 1930 году количество членов союза увеличилось до 277 416 человек, а лиц из местных национальностей среди них было 110 000 человек. С ростом промышленности и увеличением числа рабочих и служащих профсоюзы непрерывно росли. В 1933 году в их рядах было уже 326 057 членов, из них 128 000 человек — из местных национальностей[2].

Относительное уменьшение членов профсоюзов из местных национальностей объясняется тем, что в связи с вступлением в колхозы батрацкие элементы выходили из профсоюзов. Только в одном 1933 году из профсоюзов вышло и вступило в колхозы около 62 770 сельхозрабочих и батраков. В 1934 году количество членов профсоюзов поднялось до 346 190 человек, а в 1937 году дошло до 382 958 человек[3].

Массовой организацией стал также комсомол. В 1930 году в рядах ЛКСМ Узбекистана было 76 974 члена, из них 62,6 процента узбеков и узбечек. В 1933 году общее число членов комсомола дошло до 142 277 человек, а удельный вес узбеков и узбечек возрос до 66,1 процента. Состав комсомольцев быстро рос за счет колхозной молодежи. Если в 1930 году она составляла 17,3 процента об-

[1] Доклад ЦК КП (б) Уз ко II съезду КП (б) Уз, Самарканд, 1956, стр. 186.

[2] К VI съезду КП (б) Уз. Материалы к отчету ЦК КП (б) Уз, Ташкент, 1934, стр. 127.

[3] ЦГАОР УзССР, ф. 737, оп. 1, д. 2671, л. 118.

щего числа комсомольцев, то в 1938 году —63 процента[1]. Возросло число производственных комсомольских организаций. В 1930 году промышленные и колхозные комсомольские организации объединяли 33,3 процента комсомольцев республики, а в 1933 году 70,7 процента. В 1939 году общее число комсомольцев дошло до 384 000 человек[2]. Комсомольцы играли большую роль в проведении разных массово-политических мероприятий, многие из них шли в рядах передовиков промышленного и колхозного производства и учебы. Успехи комсомольского движения были показателем роста политической активности трудящейся молодежи Узбекистана.

До массовой коллективизации важное место в политической жизни кишлака занимал союз «Кошчи», который был мощным орудием партии в борьбе против феодально-байских элементов во время проведения земельной реформы и против кулачества при организации первых колхозов. В 1925 году в союзе «Кошчи» состояло 155 956 членов, в 1928 году —250 000. В этот период отдельные секции из состава союза начали выделяться в самостоятельные профсоюзные организации, например, Союз сельскохозяйственных рабочих.

Как было сказано, с организацией колхозов многие батраки стали вступать в колхозы и выходить из союза. В колхозах из батраков были организованы батрацкие группы. В 1930 году в связи с массовым вступлением крестьян в колхозы союз «Кошчи», как переходная форма, сыграл свою роль и был ликвидирован.

Важным мероприятием Коммунистической партии, имевшим особое значение для завершения формирования узбекской социалистической нации, было полное раскрепощение женщин местных национальностей, в частности узбечек, начатое еще в 1927—1928 годах.

Движение за уничтожение паранджи («худжум») стало настоящим наступлением на старые порядки и законы шариата, против бесправия женщин, началом революционного преобразования быта и социально-политического положения женщин Востока. Как ни старались враги остановить движение женщин за раскрепощение, «худжум» победил.

[1] К VI съезду КП (б) Уз. Материалы к отчету ЦК КП (б) Уз, Ташкент, 1934, стр. 137.

[2] Стенографический отчет IX съезда КП (б) Уз. Ташкент, 1940, стр. 69.

«Худжум» открыл широкий путь для привлечения женщин к политической, хозяйственной и культурной жизни республики. Коммунистическая партия Узбекистана расценивала работу среди женщин как одну из основных отраслей партийной работы.

Председатель ЦИК УзССР Ю. Ахунбабаев в своем выступлении на III съезде Советов Узбекистана указал, что в составе сельских Советов число женщин выросло с 3900 человек до 10 000. Это означало повышение удельного веса их от 13 до 28 процентов.

Наряду с выдвижением женщин на советскую и партийную работу были организованы различные курсы и школы по ликвидации неграмотности среди женщин и подготовки из них партийных, советских и хозяйственных работников. Создавались специальные женские промысловые артели, в колхозах формировали женские бригады, женщин вовлекали на работу в промышленные предприятия. Партия находила самые различные пути и методы повышения политической активности женщин.

Одной из форм политической работы среди женщин было проведение беспартийных женских собраний, конференций и съездов. В 1927—1929 годах в махаллях регулярно проходили женские собрания. Разнообразны были повестки дня таких собраний. Обсуждались вопросы трудоустройства женщин, организации женских артелей, курсов и школ, слушались лекции политические, научные и просветительные.

В октябре 1927 года состоялся окружной женский съезд в Ташкенте. В нем участвовали 111 делегаток, из которых 91 — узбечки[1]. По социальному составу делегатки состояли из 43 дехканок, 23 батрачек и домработниц, 16 работниц промышленных заведений, 19 служащих. Среди делегаток были 43 коммунистки, 16 комсомолок и 52 беспартийных. Съезд обсуждал вопросы раскрепощения женщин. Такой же съезд, проходивший в Бухаре, рассматривал вопросы вовлечения женщин в производство, организации промысловых артелей, курсов по ликвидации безграмотности, создания домов материнства и младенчества. Женский съезд Андижанского округа в сентябре того же года настаивал на широком

[1] ЦГАОР УзССР, ф. 86, оп. 1, д. 5134, л. 13.

3—1

развертывании строительства шелкомотальных фабрик и создании промысловых артелей для привлечения на работу женщин. Для повышения квалификации женщин было решено создать специальные ФЗУ, техникумы и т. д. Съезд требовал создать курсы по подготовке учителей из числа окончивших ликбезы. В конце сентября — начале октября 1927 года в Самарканде состоялся всеузбекский съезд работниц и дехканок.

Уже в 1929—1930 годах появилось немало партийных и советских руководителей, хозяйственных и культурно-просветительных работников из числа женщин. В 1930 году в Андижанском округе 28 женщин находились на руководящих партийно-советских постах, из них 23 были узбечки. В Сурхандарьинском округе в окружных и районных органах на руководящей работе находилось 13 человек, из них 7 узбечек, в Андижанском округе среди 31 женщины на руководящей работе было 18 узбечек, в Бухарском из 21—14, в Ташкентском из 41—24, в Самаркандском из 19—11 и т. д. Всего по республике в районах и окружных органах работали 142 женщины, из них 85 были узбечки. 18 женщин были членами ЦИК УзССР, из них 13 узбечек. В Самаркандском округе 1157 женщин были депутатами сельских Советов, из 724 человек представителей сельсоветов 213 были женщины, из 1132 делегатов районных съездов Советов 209 были узбечки, среди делегатов III Самаркандского окружного съезда Советов было 47 женщин, из них 24 узбечки.

В 1930 году по всему Узбекистану в руководящие советские органы были избраны 33 934 депутата, из них 8836, или 26 процентов, женщин. Из председателей сельсоветов 371, или 20 процентов, были женщины, в наркоматах работали 949 женщин.

Большую работу по раскрепощению женщин проделали профессиональные союзы и комсомольская организация Узбекистана. Работа профсоюзов была направлена на создание хороших материально-бытовых условий для женщин на производстве: открывались детские ясли, сады и площадки, проявлялась забота о здоровье и условиях труда женщин. Комсомольские организации проводили большую работу по повышению культурного уровня женщин, по организации курсов, школ, кружков и других культурных мероприятий среди женщин, а

также по вовлечению девушек-узбечек в ряды комсомола. К концу первой пятилетки женщины стали принимать активное участие в политической жизни республики, из их среды выросли прекрасные партийные, советские, хозяйственные и культурные работники. Байско-феодальным отношениям к женщине, возведенным в прошлом в незыблемый закон, был нанесен сокрушительный удар, в огне острой борьбы они были фактически уничтожены. Остались только их пережитки в сознании некоторой отсталой части населения.

Без ликвидации неравенства женщин, без привлечения их к активной политической жизни страны в условиях Узбекистана немыслимо было бы формирование социалистической нации, ибо оторванность женщин от политической жизни означала отсутствие политического равенства среди народа. Раскрепощение женщин являлось одной из сторон сложения социально-политического единства всего народа.

Все эти политические перемены в жизни и сознании узбекского народа привели к сложению его политического единства, которое было гарантией успешного преобразования основ его хозяйственной и культурной жизни на социалистических началах.

В условиях дальнейшего роста политической активности трудящихся в годы первой и второй пятилеток в Узбекистане победила социалистическая индустриализация и коллективизация сельского хозяйства. Это ускорило ликвидацию остатков эксплуататорских классов и победу социалистического уклада хозяйства над частнокапиталистическим.

2. Индустриализация Узбекистана и социалистическое преобразование облика узбекских городов

В результате победы социалистической индустриализации и коллективизации сельского хозяйства коренным образом преобразовались основы социальной жизни узбекского народа.

Напомним, что в узбекских районах Средней Азии в колониальный период только началось зарождение капиталистических отношений и узбеки фактически перешли к советскому строю, минуя капиталистическую стадию развития. В составе узбекского народа класс про-

мышленного пролетариата, как известно, не успел сформироваться. В Туркестане в 1914 году промышленных рабочих в собственном смысле из числа узбеков насчитывалось всего 12 702 человека, причем 5662 человека использовалось сезонно на хлопкоочистительных заводах. Основная масса узбекских рабочих занималась ручным трудом. Только 126 человек работали при двигателях и 118 занимались в механических цехах заводов ремонтом машин и инструментов, являясь более квалифицированными рабочими.

Число промышленных рабочих из узбеков почти до конца восстановительного периода не превышало довоенного количества. Конечно, в этот период узбекские рабочие политически закалялись и повышалась их классовая сознательность. Однако без помощи русского рабочего класса они все же не были в состоянии выступить организующей и направляющей силой в процессе формирования узбекской социалистической нации.

В годы первой пятилетки в Узбекистане происходил бурный рост промышленного строительства, и темпы его были значительно выше, чем средние темпы роста по всему Советскому Союзу; в результате этого в составе узбекского народа сформировался более или менее значительный отряд национальных промышленных рабочих.

Во исполнение исторических указаний великого Ленина о ликвидации экономической и культурной отсталости национальных окраин, унаследованной от векового господства феодально-патриархальных отношений и колониального режима, XV съезд ВКП(б) (декабрь 1927 г.) в своей резолюции о директивах по составлению первого пятилетнего плана развития народного хозяйства наметил: «Пятилетний план должен уделить особое внимание вопросам подъема экономики и культуры отсталых национальных окраин и отсталых районов, исходя из необходимости постепенной ликвидации их экономической и культурной отсталости, соответственно предусматривая более быстрый темп развития их экономики и культуры, исходя из увязки нужд и потребностей этих районов с нуждами и потребностями Союза[1]».

[1] КПСС в резолюциях... ч. II, стр. 463.

Это указание партии легло в основу всех мероприятий Советского правительства, направленных на развитие экономики и культуры узбекского народа.

Выполнение первого и второго пятилетних планов развития народного хозяйства УзССР вывело республику в ряды передовых районов Советского Союза и окончательно ликвидировало вековую отсталость узбекского народа. Потребовалось всего 8—10 лет для того, чтобы Узбекская ССР оставила позади на десятки лет страны зарубежного Востока. Узбекистан стал одним из социалистических маяков на Востоке и занял важное место в экономике всей советской страны.

Одним из важных итогов выполнения первого и второго пятилетних планов народного хозяйства Узбекской ССР явилось превращение Узбекистана из отсталой и аграрной страны в высокоразвитую социалистическую, индустриально-колхозную.

Развитие промышленности Узбекистана в соответствии с директивами XV съезда партии исходило из обеспечения быстрого роста всей экономики республики, в первую очередь ее основной отрасли — хлопководства. В общей экономике Советского Союза Узбекистан должен был играть почетную роль основной хлопковой базы. В то же время принимались меры к всестороннему промышленному развитию республики.

За годы первой и второй пятилеток в Узбекистане вступило в строй более 380 новых заводов и фабрик. Среди них можно назвать такие крупные предприятия, как завод им. К. Е. Ворошилова в Ташкенте, введенный в действие в 1931 году и призванный обеспечить сельскохозяйственными машинами хлопковые колхозы Средней Азии; Чирчикский электрохимический комбинат им. И. В. Сталина, вступивший в строй в 1936 году и обеспечивающий хлопковые поля минеральными удобрениями. Наряду с промышленными предприятиями, обслуживающими нужды хлопководства, возникла и бурно росла электрическая промышленность, обеспечивающая все виды производства энергетическими ресурсами. Мощность электрических станций в конце второй пятилетки по сравнению с 1913 годом увеличилась в 29,2 раза, а выработка электроэнергии — в 96 раз. Электроэнергия стала основной двигательной силой промышленности республики. Потребление электроэнергии промыш-

ленностью за эти же годы увеличилось почти в 12 раз, что сопровождалось строительством многих новых электростанций. В первый период строились тепловые и дизельные электростанции, а позже в основном строились гидроэлектростанции. Огромные энергетические ресурсы рек Средней Азии широко использовались для нужд социалистического строительства. В 1930 году в Узбекистане были пущены два агрегата Ферганской теплоэлектростанции, что послужило толчком для развития угольного бассейна Кызылкия. Была увеличена мощность Бозсуйской гидростанции в Ташкенте, Самаркандской, Наманганской, Андижанской и Кокандской дизельных станций. Начала действовать Ташкентская дизельная станция. В 1932 году в республике уже действовало 49 электростанций, а выработка электроэнергии по сравнению с 1928 годом выросла на 370 процентов. Годы второй пятилетки характеризовались дальнейшим ростом электрификации промышленности. Была расширена Ферганская ТЭЦ, вступила в строй Кувасайская районная электростанция, начали давать энергию Кадырьинская и Бурджарская гидроэлектростанции в Ташкенте. Мощность электростанций за годы второй пятилетки увеличилась в 3,5 раза.

Параллельно с этим развивалась промышленность, перерабатывающая продукты хлопководства. Были построены новые хлопкоочистительные заводы, маслобойные предприятия, вступил в строй маслозавод в Фергане, маслоэкстракционный завод в Каттакургане, расширены маслозаводы в Андижане и Ургенче, многие текстильные фабрики. Возникли десятки новых хлопкоочистительных заводов. Фактом большого исторического значения было строительство в Ташкенте мощного текстильного комбината. Узбекистан из района, производящего сырье для промышленности центральных районов, стал районом, самостоятельно перерабатывающим местное сырье в готовую продукцию. Если в 1930 году в Узбекистане еще вовсе не было хлопчатобумажной промышленности, то в 1938 году она дала более 48 миллионов метров ткани.

Расширились другие отрасли промышленности: пищевая, обувная, легкая.

Одной из особенностей развития промышленности в эти годы было еще и то, что почти все предприятия являлись новыми или коренным образом реконструированными. Только нефтедобывающая, хлопкоочистительная, маслобойная промышленность и электростанции имели незначительное количество коренным образом реконструированных предприятий, основные отрасли промышленности были созданы заново. К концу второй пятилетки не осталось ни одного дореволюционного предприятия, которое не было бы реконструировано.

Другой важной особенностью развития промышленности Узбекистана является то, что она развивалась многогранно. Начиная от сельхозмашиностроения и кончая переработкой фруктов ,все отрасли развивались очень быстро. Темпы развития промышленности были здесь значительно выше ежегодных темпов развития промышленности по Союзу в целом, что соответствовало указаниям XV съезда ВКП (б) об обеспечении более быстрого темпа развития экономики и культуры ранее отсталых районов и окраин.

В конце второй пятилетки Узбекистан стал промышленной республикой. Если в 1913 году удельный вес промышленной продукции в общей валовой продукции народного хозяйства составлял 32,6 процента, то в 1938 году он поднялся до 67,1 процента. Удельный вес же продукции сельского хозяйства с 67,4 процента снизился до 32,9 процента.

Основной особенностью развития промышленности Узбекистана, как и промышленности других советских республик, являлось развитие ее на социалистической основе. К концу второй пятилетки 99,5 процента промышленной продукции в республике вырабатывалось социалистическим сектором. На долю частного сектора оставалось только 0,5 процента, и то это была продукция единоличных кустарей, не играющая сколько-нибудь заметной роли в экономике республики.

Развитие промышленности Узбекистана происходило при огромной помощи союзного правительства. Без поддержки со стороны СССР такой быстрый рост промышленности в Узбекистане был бы невозможен. Государство вложило в промышленность республики огромные средства. Основной производственный фонд (здания и оборудование) крупной промышленности Узбекистана в конце второй пятилетки по сравнению с 1913 годом увеличился в 19 раз.

Социалистическая промышленность Узбекистана развивалась на совершенно новой технической и энергетической основе. Все оборудование и технология промышленных предприятий базировались на последних достижениях науки и были рассчитаны на широкое применение электроэнергии. Если в 1913 году электроэнергия использовалась только на бытовые нужды, то уже в 1932 году на один отработанный человеко-час расходовалось 0,54 киловатт-часа, а в 1938 году этот расход увеличился до 1,38 киловатт-часа, что способствовало значительному повышению производительности труда рабочих промышленных предприятий.

Общий подъем экономики был немыслим также без развития железнодорожного, автогужевого и водного транспортов. Советское государство обратило особое внимание на развитие этих видов транспорта. Значительно выросла сеть железных дорог внутри республики и закончилось строительство ряда дорог, связывающих Узбекистан с другими республиками и областями нашей страны. Железнодорожная линия Термез — Сталинабад, Карасу — Ош, Бангиш — Кок Янгак, связывая соседние братские республики в одну общую сеть железных дорог Советского Союза, тем самым позволила охватить все районы Ферганы и долину Сурхан-Дарьи железнодорожной сетью. Завершение строительства Туркестано-Сибирской железной дороги открыло сибирскому хлебу прямой путь в Среднюю Азию. Важным элементом развития железнодорожного транспорта было строительство подъездных путей ко многим хлопкоочистительным, маслобойным заводам и другим промышленным предприятиям. Такие подъездные пути в годы второй пятилетки были построены на протяжении около 100 километров.

Благодаря помощи Советского Союза в первой и второй пятилетках Узбекистан стал республикой с широкой сетью железных дорог. Кроме районов Хорезмской области и Каракалпакской АССР, почти все районы Ташкентской, Ферганской, Самаркандской, Бухарской, Кашкадарьинской и Сурхандарьинской областей непосредственно обслуживались железной дорогой.

В годы второй пятилетки перевоз грузов по Ташкентской железной дороге увеличился более чем в 2 раза, среднесуточная погрузка увеличилась в 1,5 раза. Расширение железнодорожной сети значительно способствовало ускорению товарооборота и обеспечению хлопковых колхозов машинами, удобрениями, а промышленности — хлопковым волокном и другим сырьем.

Важное значение для Узбекистана имел автогужевой транспорт. Своеобразие хлопководства состояло в том, что вся продукция принимала форму товара, который необходимо было немедленно доставить промышленности; также необходима была немедленная доставка минеральных удобрений, сельхозмашин, хлеба и хлопковых семян в колхозы. Следовательно, развитие хлопководства требовало всемерного развития автогужевого транспорта.

До революции внутренний транспорт в Узбекистане состоял из тяжеловесных местных арб. Кроме того, широко применялись верблюдные караваны. В дореволюционном Узбекистане существовал резкий контраст между железной дорогой, связывающей многие районы с промышленными центрами России, и почти полным отсутствием более или менее благоустроенных дорог внутри районов.

В годы пятилеток началось широкое благоустройство внутренних дорог. Строительство магистральных автогужевых дорог государство взяло на свой счет. В конце второй пятилетки таких дорог было благоустроено более 30 процентов. 12 процентов дорог были покрыты булыжником и гравием. Особенно большие изменения произошли в состоянии местных внутрирайонных дорог. Колхозы постоянно заботились о своих дорогах. Исправление и ремонт мостов стало важной функцией местных Советов трудящихся. Показательно развитие парка автомашин в Узбекистане. Если в начале первой пятилетки в республике имелось всего 468 автомашин, то в конце первой пятилетки их стало около 15 000. Объем перевезенного груза за этот период увеличился с 291 тысячи тонн до 11 миллионов тонн.

Большое значение для Хорезма и Каракалпакии имел водный транспорт. Подъем экономики этих районов в годы пятилеток расширил грузооборот Амударьинского госпароходства, обслуживающего наряду с районами Северной Туркмении также Хорезм и Каракалпакию. Грузооборот речного транспорта в годы второй пятилетки увеличился в 2,2 раза.

В эти же годы началось развитие воздушного транспорта. Общая протяженность авиационной линии в Узбекистане в конце второй пятилетки по сравнению с началом первой пятилетки увеличилась в 3,3 раза. Это происходило главным образом за счет роста линий между городами и районами республики. За этот же период перевозка пассажиров увеличилась в 34 раза, а грузов — в 85 раз по сравнению с концом восстановительного периода. Следовательно, авиация становилась также одним из важных средств сообщения.

Большое развитие получили средства связи. Создание колхозов, совхозов и МТС предъявляло требования к расширению телеграфных и телефонных станций. Росло количество абонентов телефонных станций в городах и райцентрах. В конце второй пятилетки насчитывалось около 13 000 телефонных абонентов. Только в годы второй пятилетки количество телефонизированных сельсоветов увеличилось в 3 раза. Кроме огромного количества радиоприемников у населения, в республике действовало около 100 радиоузлов Наркомата связи с 55 000 точками. Вхождение в общественную жизнь и быт народа телефона и радио было фактором, серьезно способствующим общему культурному росту народа.

Развитие промышленности, строительства, транспорта, средств связи означало и рост рабочего класса в республике. Если в первые годы первой пятилетки число промышленных рабочих в городах Узбекистана составляло 27 600 человек, то в конце второй пятилетки их стало 130 500, число строительных рабочих с 18 700 человек поднялось до 33 700, транспортных рабочих с 22 900 человек увеличилось до 44 800. Что касается числа всех рабочих и служащих городов, то оно с 200 тысяч человек поднялось до 476 тысяч[1]. Если сопоставить эти данные с ростом всего населения городов Узбекистана, то оказывается, что количество рабочих и служащих городов росло быстрей, чем количество всего городского населения. В начале первой пятилетки из 1 012 274 душ городского населения 200 000, или 20 процентов, были рабочие и служащие, а в конце второй пятилетки из 1 445 000 душ городского населения 476 000, или 30,2 процента, были рабочие и служащие. Количество промышленных, строительных и транспортных рабочих в общем числе городского населения выросло с 6,2 процента до 13,8 процента.

[1] Узбекистан за XV лет, Ташкент, 1939, стр. 71.

Исторической победой социалистического строительства этого периода было то, что из числа местного населения сформировался крупный отряд промышленных рабочих. В 1937 году 36,5 процента промышленных рабочих были лицами местных национальностей, среди строительных рабочих представители местных национальностей составили 30,6 процента, 20 процентов инженерно-технических работников были из местных национальностей[1].

Это было важным результатом осуществления ленинской национальной политики Коммунистической партии. Местные рабочие совместно со всем рабочим классом СССР шли в первых рядах строителей нового социалистического общества.

Рабочие промышленных предприятий и транспорта Узбекской ССР в борьбе за торжество социализма показали образцы геройства и, подхватив все патриотические начинания рабочих крупных заводов и фабрик центральных городов, выступали инициаторами социалистического соревнования в республике. В ответ на обращение XVI партийной конференции о развертывании социалистического соревнования в честь успешного выполнения первой пятилетки рабочие Узбекистана в том же 1929 году начали массовое социалистическое соревнование. В мае 1929 года на всех предприятиях Узбекистана широко обсуждалось обращение XVI партконференции. Эти обсуждения превратились в демонстрацию роста социалистической сознательности и производственной активности рабочих, служащих, инженерно-технических работников.

Первыми инициаторами организации ударных бригад в Узбекистане выступили рабочие промышленности города Ташкента. На предприятиях возникли комсомольско-молодежные ударные бригады. Они брали на себя обязательства по повышению производительности труда, снижению себестоимости, ликвидации браков в работе и простоев машинного оборудования. Среди рабочих железнодорожного транспорта республики инициаторами соревнования выступили рабочие Самаркандского депо.

[1] Узбекистан за XV лет, Ташкент, 1939, стр. 72.

Рабочие Ферганской шелкомотальной фабрики, восприняв начинание рабочих Ржевской фабрики, включились в соревнование под лозунгом «Равнение на Ржевскую фабрику!»

Социалистическое соревнование и ударничество шло из одного предприятия в другое и из одной отрасли в другую. В мае 1929 года в соревнование включились рабочие маслобойных, хлопкоочистительных, машиностроительных заводов, нефтяных промыслов и других предприятий.

Большое значение в деле развертывания соревнования и ударничества имело заключение договоров социалистического соревнования между предприятиями Узбекистана и других братских республик и областей. ЦК ВКП(б) поддержал инициативу отдельных передовых предприятий центральных городов, вызывавших на социалистическое соревнование предприятия других городов и союзных республик. В числе таких предприятий были московские шелкоткацкие фабрики, вызвавшие на соцсоревнование шелкомотальные предприятия Узбекистана. Рабочие закавказских хлопкоочистительных заводов вызвали на соревнование рабочих хлопкоочистительных заводов Узбекистана. Основным в этом соревновании был своевременный и высококачественный ремонт хлопкозаводов и образцовая подготовка их к приемке урожая 1929 года. Рабочие хлопкозаводов Узбекистана заключили договор и с иваново-вознесенскими текстильщиками. Здесь условием соревнования рабочих Узбекистана было повышение качества хлопка-волокна.

Таким образом, социалистическое соревнование быстро охватило рабочих и служащих республики и превратилось в массовое движение. Еще IX съезд нашей партии (март-апрель, 1920 г.) в своем постановлении о развертывании социалистического соревнования как метода строительства нового коммунистического общества писал: «Каждый социальный строй (рабский, крепостной, капиталистический) имел свои методы и приемы трудового принуждения и трудового воспитания в интересах эксплуататорских верхов.

Перед советским строем в полном своем объеме стоит задача развить свои собственные методы воздействия с целью повышения интенсивности и целесообразности

труда на основе обобществленного хозяйства в интересах всего народа.

Наряду с агитационно-идейным воздействием на трудящиеся массы и с репрессиями по отношению к заведомым бездельникам, паразитам, дезорганизаторам могущественной силой подъема производительности труда является *соревнование*»[1].

Теперь, с развитием социалистического строительства, соревнование выступало как могущественный рычаг подъема всего народного хозяйства и выражение советского патриотизма трудящихся социалистического Отечества.

Партийные организации промышленных предприятий и транспорта руководили социалистическим соревнованием. В первых рядах ударников шли коммунисты и комсомольцы. Профессиональные организации помогали рабочим повышать свою квалификацию. На предприятиях широко развернулась производственно-техническая учеба. Вошло в систему проведение производственных совещаний по обмену опытом.

В эти же годы совершенно изменился облик республики. С ростом промышленности появились новые промышленные города. Росло народонаселение старых городов. Такие бывшие мелкие населенные пункты, как Янгиюль, Беговат, Кувасай, Каттакурган, Чирчик и другие, превратились в новые социалистические промышленные города. В конце второй пятилетки в Узбекистане было 26 городов, 8 поселений городского типа и 11 рабочих поселков. Сильно выросли старые города республики. Ташкент расширялся в результате появления крупных предприятий: завода им. К. Е. Ворошилова, Текстильного комбината им. И. В. Сталина, расширения заводов им. Ильича, им. Октябрьской революции и т. д. Население Ташкента выросло на 80,8 процента. Такой же процесс происходил и в других старых городах республики. Общее количество населения городов выросло на 42,8 процента.

В результате индустриализации коренным образом изменилось лицо городского населения Узбекистана. Уже в первые годы первой пятилетки были ликвидированы частная торговля и частнопромышленные предприятия в

[1] КПСС в резолюциях.., ч. I, стр. 480.

городах. Рост промышленного строительства требовал рабочих кадров. Многие бывшие городские мардикеры, фактически являвшиеся частично безработными, стали промышленными, строительными рабочими. В начале 1928 года в городах Узбекистана было более 26 000 безработных, из них около 9500 не имели определенной профессии и квалификации[1]. Последние в основном были мардикеры. В дальнейшем в городах число безработных увеличивается. В 1931 году было зарегистрировано 54 400 безработных. Но уже к концу этого же года все они были трудоустроены и безработица, как социальное явление, была ликвидирована.

В дальнейшем для обеспечения промышленности и строительства кадрами начался организованный набор рабочих. В 1931 году из числа батраков для работы на промышленных предприятиях было набрано 14 000 человек, а на строительство 5000[2]. Источником формирования кадров национальных промышленных рабочих служили и ремесленники. По материалам 1927—1928 годов, в Узбекистане было более 125 000 ремесленников. А по материалам переписи 1939 года, кооперированные и единоличные кустари составляли 92 000. Более 33 000 кустарей в основном ушли в промышленность и на строительство. Так формировался класс промышленных рабочих из числа узбеков.

Большие изменения происходили и в кустарной промышленности. Совершенно исчезли богатые кустари. Из числа оставшихся кустарей 51 700 человек объединились в промысловые кооперации. Единоличными кустарями остались всего 41 000 человек[3].

В годы первой пятилетки происходило экономическое закрепление результатов раскрепощения женщин. Индустриализация сыграла основную роль в приобщении городских женщин к производственной жизни. Как было сказано выше, для привлечения женщин на производство в городах партия и правительство осуществляли специальные мероприятия по созданию женских промысловых артелей, организации предприятий легкой промышленности, где можно было бы применять труд

[1] ЦГАОР УзССР, ф. Средазэкосо, д. 1969, лл. 166—167.
[2] Там же, ф. 871, оп. 1, д. 1103, л. 16.
[3] Узбекистан. Экономико-географическая характеристика. Ташкент, 1950, стр 78.

женщин, подготовку их на работу в торговых заведениях и т. д. В республике был составлен пятилетний план привлечения женщин в промышленное производство системы ВСНХ УзССР. Согласно этому плану, к концу пятилетки в 1933 году следовало подготовить 3666 работниц, из них 1984 должны были быть квалифицированными текстильщицами[1].

Для широкого привлечения женщин на промышленное производство большое значение имело создание шелкомотальных фабрик в Самарканде, Бухаре, Фергане и Маргелане. Эти фабрики уже в 1931 году работали на полную мощность. В них было занято 5549 рабочих, из которых 3363 были женщины, в том числе 1698 узбечек. В 1933 году количество рабочих и служащих доходило до 6969, из них женщин 4002 человека, в том числе 1993 узбечки[2].

К концу первой пятилетки количество женщин, занятых в промышленности, с 2600 в 1928 году увеличилось до 14 400[3]. В 1934 году в отдельных отраслях женский труд стал преобладающим. В легкой промышленности в целом женщины составляли 57 процентов[4], в том числе в обувной промышленности 60,4 процента, текстильной— 68,2, швейной — 83,5, шелкомотальной — 64, табачной — 53,3 процента и т. д. В годы второй пятилетки количество женщин в промышленности возросло еще больше. В 1937 году женщин в крупной промышленности было 32,6 процента к общему числу всех рабочих. Их количество дошло до 33 154 человека, то есть по сравнению с 1933 годом выросло почти в 2,5 раза. Количество узбечек среди женщин составляло 22,4 процента, то есть более чем 800 человек. В торговых учреждениях и государственно-хозяйственных органах работали 23 000 женщин, из которых значительную долю составляли узбечки. 13 300 женщин были членами промысловых артелей.

Таким образом в годы первой и второй пятилеток раскрепощенные женщины-узбечки прочно втянулись в промышленное производство и стали активными строителями социализма в городах.

[1] ЦГАОР УзССР, ф. 89,оп. 1, д. 487, лл. 25—27.
[2] Там же, ф. 387, д. 1103, лл. 53, 66.
[3] Там же, ф. 737, оп. 1, д. 2352, л. 27.
[4] Там же, л. 28.

Итак, социалистическая индустриализация коренным образом изменила социальное лицо городов — они по своему социальному строю стали социалистическими. В них исчезли эксплуататорские классы, основное население их прочно связало свою судьбу с социалистической промышленностью, торговлей и транспортом. Социализм прочно вошел в быт и сознание городского населения. Носителями социалистических отношений и идеологии стали также промышленные рабочие из числа местного населения, количество которых росло быстрыми темпами как за счет мужчин, так и за счет женщин-узбечек.

3. Победа коллективизации и социалистическое преобразование сельского хозяйства Узбекистана

Великий Ленин неоднократно подчеркивал, что для победы социализма необходимо решить три задачи: во-первых, захватить политическую власть пролетариатом, во-вторых, создать основу социалистической экономики путем ликвидации крупной буржуазии как класса и, в-третьих, уничтожить классы вообще путем ликвидации причин, порождающих классовые различия и эксплуатацию человека человеком. В. И. Ленин указал, что выполнение первой и второй задач оказалось более легким и они были выполнены в результате одного красногвардейского налета в течение октября 1917 года и февраля 1918 года. Выполнение же третьей задачи, указывал он, более трудное и более сложное. Оно требует длительного времени, ибо здесь речь идет о ликвидации самого многочисленного и живучего эксплуататорского класса — кулачества и о переводе мелкокрестьянского хозяйства на социалистические рельсы. В период первой и второй пятилеток партия большевиков разрешила и третью задачу строительства социализма. Победа колхозного строя и ликвидация кулачества как класса явилась важным событием в истории социалистического строительства в СССР, в частности в Узбекистане.

В. И. Ленин показал партии путь разрешения задачи перевода мелкокрестьянского хозяйства на социалистические рельсы. Самым верным и прямым путем перехода мелкого крестьянского хозяйства в социалистическое, как указал В. И. Ленин, является кооперация, когда она опирается на мощь диктатуры пролетариата,

свободна от господства буржуазии и обеспечена поддержкой Советского государства. «При нашем существующем строе, — писал Ленин в своей гениальной работе «О кооперации», — предприятия кооперативные отличаются от предприятий частнокапиталистических, как предприятия коллективные, но не отличаются от предприятий социалистических, если они основаны на земле, при средствах производства, принадлежащих государству, т. е. рабочему классу.

...кооперация получает у нас, благодаря особенности нашего государственного строя, совершенно исключительное значение.

...кооперация в наших условиях сплошь и рядом совершенно совпадает с социализмом»[1].

Развивая это указание В. И. Ленина, И. В. Сталин в своей речи «О политических задачах университета народов Востока» говорил: «Поднять и двинуть вперёд дело кооперирования широких масс крестьян и кустарей, как вернейший путь включения советских республик Востока в общую систему советского хозяйственного строительства»[2].

Вопрос о переходе мелкого крестьянского хозяйства, основанного на частной собственности и на личном труде самого владельца средств производства, является одним из важных вопросов социалистического строительства. Как метко указывал Ленин, мелкий крестьянин, с одной стороны, является частным собственником, а с другой стороны — тружеником. Эта двойственность его классовой природы порождает его двойственное стремление: он как собственник стремится к капитализму и как труженик эксплуатируется капиталистами. Основная масса его под гнетом капитализма, разоряясь, превращается в пролетариев. Это обстоятельство сближает его с рабочим классом и он в борьбе против капитализма становится союзником пролетариата. Следовательно, верх берет его положение как труженика. Поэтому при поддержке пролетариата крестьянство, отказываясь от своего классового стремления к капитализму и частной

---

[1] *В. И. Ленин.* Соч., т. 33, стр. 433.
[2] *И. В. Сталин.* Соч., т. 7, стр. 136.

собственности, переходит к социалистическому способу производства, отрицающему частную собственность.

Однако в условиях Узбекистана речь шла не вообще о крестьянах, а о крестьянах бывшей угнетенной нации. Поэтому крестьянский вопрос неизбежно переплетался здесь с национальным вопросом. При этом в преобразовании основ экономики узбекских крестьян на социалистический лад главную роль должен был играть русский рабочий класс. В силу этого социалистические мероприятия могли казаться русским явлением. Поэтому необходим был умелый подход и проведение этих мероприятий при самом активном участии и поддержке местных работников и широких масс населения. Такие мероприятия, как коллективизация крестьянского хозяйства, требовали большой работы по убеждению крестьян вообще и вдвойне трудной работы по убеждению узбекских крестьян — более отсталых нежели, скажем, крестьянство центральных областей России.

Эту трудность наша партия преодолела благодаря огромной организаторской и воспитательной работе среди масс на основе ленинской теории кооперирования крестьян.

Кооперативный план Ленина—план перевода крестьянства на социалистические рельсы развития — предполагал переход крестьянства от самой простой формы кооперации — потребительской — к самой сложной ее форме — производственной кооперации, коллективному хозяйству (колхозу). С переходом нашей страны к новой экономической политике изменилась роль кооперации. Из органа распределения продуктов, каким она была в период военного коммунизма, кооперация стала органом коллективной торговли. В первые годы нэпа в Туркестанской АССР тоже увеличивалось количество потребительских кооперативов, обеспечивавших крестьян всем необходимым и игравших роль посредника между городской промышленностью и крестьянским хозяйством. В это время крестьяне в основном объединялись в сфере торговли. Потребительская кооперация, как было сказано выше, освобождала их от эксплуатации торговцев, которые, наряду со снабжением крестьян промышленными товарами, старались выступать и скупщиками сельскохозяйственной продукции. Объединяясь в потребкооперации, крестьяне коллективно покупали необходимые им товары

промышленного производства. В это же время потребительская кооперация начала скупать крестьянские продукты для реализации их в городах. Наряду с этой торговой функцией потребкооперация играла роль рычага воздействия на крестьян со стороны Советского государства. Государство через кооперацию регулировало хозяйственную деятельность крестьян, устанавливало с ними непосредственную связь и приучало их к коллективному ведению дел.

В дальнейшем развернулось строительство разных производственных объединений — товариществ. Советское государство и партия большевиков придавали большое значение объединению крестьян в товарищества. Появились кредитное, машинное и ряд других товариществ. Самыми распространенными были кредитные и машинные товарищества, имевшие в этот период общее название сельскохозяйственной кооперации. Каждый вид кооперации имел свой устав, правила приема в члены; вступающие вносили вступительные и паевые взносы. По уставу кооперация должна была содействовать своим членам в повышении доходности их хозяйства, снабжать машинами и инвентарем, семенами, рабочим скотом, организовывать переработку их продукции и ее реализацию, предоставлять кредит, помогать улучшению агротехники и т. д.

Кредитные товарищества освободили крестьян от ростовщической кабалы. Такие товарищества в Туркестане возникли в 1923 году и быстро росли. Их организовал Среднеазиатский сельхозбанк. Позже из кредитного товарищества выделяется сельский кооперативный союз, объединявший все товарищества в СССР. Его отделение в 1924 году организовалось и в Туркестане. Туркестанский сельский кооперативный союз, руководивший всеми товариществами в Туркестанской АССР, после национально-государственного размежевания был расформирован и взамен его возникли республиканские кредитные сельско-промысловые союзы. На эти союзы было возложено и объединение кустарей в промысловую кооперацию.

Сельскохозяйственная кооперация в Узбекистане объединяла 9 районных кредитных сельских союзов, в состав которых входили 60 сельхозтовариществ с общим количеством членов около 154 тысяч человек (конец 1924 г.).

Тогда же 24 процента всех крестьян были объединены в товарищества. В середине 1925 года они уже объединяли около 29 процентов крестьян. Большой процент объединения падает на хлопководческие районы. 87 процентов крестьян-хлопкоробов были кооперированы. В кооперации объединялись в основном бедняки и середняки. Они составляли примерно 85 процентов членов кооперации. Основные средства кооперативов состояли из государственных ссуд. Если собственные средства товариществ в среднем доходили до 5 процентов общего баланса, то займы составляли 66,5 процента баланса каждого товарищества. Следовательно, сельскохозяйственная кооперация имела большую поддержку со стороны государства.

Сельскохозяйственная кооперация являлась вторым этапом кооперирования крестьянских масс. Она не ограничивалась сбытом крестьянам промышленных товаров, но обеспечивала их средствами производства: машинами и инвентарем, тяглом и семенами, денежным кредитом и промтоварами, и этим развивала дальше среди них дух коллективизма. Таким образом, постепенный переход крестьян от потребительской кооперации к производственным товариществам означал переход крестьян от простейшей формы коллективного действия к более сложной его форме. Сельскохозяйственная кооперация подготовила крестьян к объединению самого производственного процесса, объединению основных средств производства, к переходу в колхозы.

Колхозы— коллективные хозяйства крестьян, как мы видели выше, в разной форме существовали и раньше. Их было много в годы гражданской войны. Тогда они носили характер потребительской коммуны. Возникнув на базе ликвидированных помещичьих хозяйств, они не имели возможности развиваться дальше. С переходом к новой экономической политике эти коммуны распались. Теперь, после восстановления народного хозяйства СССР, когда определились решающие успехи политики социалистической индустриализации и вопрос «кто — кого» в области промышленности уже был предрешен в пользу социализма, развертывание коллективизации сельского хозяйства стало на очереди дня. Дальнейшее существование крестьянского хозяйства в мелких и мельчайших формах, не позволяющих осуществлять применение

новых сельскохозяйственных машин, создавало большую опасность все большего отставания сельского хозяйства от темпов роста социалистической промышленности.

Несмотря на полное восстановление сельского хозяйства, товарная продукция его едва доходила до 37 процентов довоенного уровня. Это было вызвано тем, что крестьяне теперь не нуждались в продаже основной массы своего хлеба, как это было раньше, для приобретения нужных ему промышленных товаров. Продажа незначительной части продукции давала крестьянам возможность обеспечить себя промтоварами. Далее, теперь не было тех крупных зерновых хозяйств помещиков, которые вывозили хлеб на рынок, обрекая крестьян на голод и нищету. Самое же главное заключается в том, что мелкое крестьянское хозяйство, как бы ни было свободно крестьянство от помещичьей и кулацкой эксплуатации, не в силах было поднять экономику деревни и повышать урожайность своей отсталой и малопроизводительной техникой. Для повышения производительности крестьянского хозяйства и на основе этого увеличения товарной продукции необходимо было найти пути применения новой техники и современных сельхозмашин в сельскохозяйственном производстве, а это было возможно только путем объединения мелких крестьянских хозяйств в коллективные хозяйства. Применение новой техники и крупных машин в сельском хозяйстве должно было производиться путем объединения крестьян в колхозы.

К этому времени в торговле и промышленности господствующим и преобладающим стал социалистический уклад. Образовалось резкое расхождение между социальным строем города и деревни. В будущем в противоположность социалистическому городу могло стать мелкокрестьянское село, основанное на частной собственности и потому ежедневно и ежечасно порождающее капитализм. Что касается кулацких хозяйств, то они начали открытую борьбу против социализма в форме саботажа хлебозаготовок. Таким образом, дальнейшее развитие села на частнособственнической основе означало развитие капитализма в деревне в противовес социалистическому городу.

Разрешению этого противоречия способствовала социалистическая индустриализация страны, позволявшая обеспечить село новой техникой, и успехи кооперирова-

ния крестьян, показавшие преимущества коллективного ведения хозяйства.

Такая же обстановка сложилась и в Узбекистане. Как мы видели, в результате успешного проведения земельно-водной реформы дехканские массы в основном превратились в середняков. Огромные затраты государства на ирригацию, а также поддержка дехкан кредитами и авансированием путем заключения контрактации, улучшение качества семенного материала и обеспечение дехканского хозяйства сельскохозяйственным инвентарем европейского типа укрепили материальную базу и подняли урожайность хлопка. При этом хотя товарный выход хлопка не уменьшился в такой степени, как товарный выход зерновых культур, тем не менее повышение урожайности хлопка было неотложной задачей, ибо развитие промышленности, намеченное в пятилетнем плане, диктовало необходимость расширения посевной площади и повышения урожайности хлопка. Это было необходимо еще потому, что к концу первой пятилетки СССР должен был освободиться от импорта хлопка из-за границы. ЦК ВКП (б) в постановлении 18 июля 1929 года писал: «Развитие хлопководства в текущем пятилетии в Союзе должно идти по линии максимального форсирования всех наших возможностей для расширения хлопковой площади и поднятия урожайности хлопка с тем, чтобы к концу пятилетия не только освободить текстильную промышленность Союза от ввозимого заграничного хлопка, но и иметь необходимый резерв для дальнейшего расширения текстильной промышленности»[1].

Это постановление ЦК ВКП (б) легло в основу борьбы за хлопковую независимость СССР. Для этого требовалось увеличение собственного производства хлопкового волокна в СССР примерно в 2 раза.

В завоевании хлопковой независимости СССР значительную роль должен был играть Узбекистан. Он должен был дать более 65 процентов всего хлопка, производимого в Союзе. Выполнение этой задачи невозможно было без коренной перестройки хлопководства. И для Узбекистана, так же как для всех республик, единственным способом подъема сельского хозяйства была коллективизация дехканского хозяйства. Узбекские дехкане тоже были подготовлены к коллективизации деятельностью потребительской и сельскохозяйственной кооперации в предыдущие годы. Еще в процессе проведения земельной реформы дехкане отдельных кишлаков объединялись в колхозы. В 1926 году в Узбекистане было 415 колхозов, в следующем году их стало 362. В 1928 году наблюдалось вступление дехкан в колхозы со своими наделами, и количество колхозов дошло до 695.

[1] Директивы ВКП (б) по хозяйственным вопросам, М., 1932, стр. 548.

В эти годы в колхозы большей частью вступали батраки и бедняки. В Самаркандском округе 86 процентов членов колхозов состояли из батраков и бедняков, в Ферганском — 85, а в Кокандском — 89 процентов. Это было вызвано тем, что основная масса хлопкоробов, владеющая мельчайшими хозяйствами, не в силах была обеспечить себя при помощи единоличных хозяйств. Примерно 50 процентов посевной площади хлопчатника находилось в руках дехкан, имевших от 0,5 до 2 десятин земли, а они составляли 58 процентов хлопкоробов[1]. Для таких хозяйств преимущества колхоза уже были ясны. Вступление в сельхозартели облегчало их положение тем, что там начали применять тракторы, минеральные удобрения. Вступая в колхоз, они уже не страдали от отсутствия рабочего скота и инвентаря или посевных семян. Колхозы были на более льготных уловиях обеспечены кредитами и т. д.

Мелкие колхозы без достаточной помощи со стороны государства не могли бы стать на ноги. В 1928 году на один колхоз в среднем приходилось всего 50 гектаров земли. Доля же кулаков в товарной массе хлопка оставалась весьма значительной.

Поворотным моментом в ходе колхозного строительства в Узбекистане было постановление ЦК ВКП(б) 25 мая 1929 года «О работе партийной организации Узбекистана», в котором была поставлена задача дальнейшего подъема хозяйства хлопкоробов «на более высокий технический уровень на основе более энергичного, чем до сих пор, производственного кооперирования и коллективизации, а также дальнейшее развитие и улучшение ирригационной системы».

[1] «Хлопковое дело», 1929, № 10, стр. 1030—1031.

Одним из важных факторов развития сельского хозяйства Узбекистана было восстановление ирригации. Вопрос ирригации стоял в центре внимания Советского правительства и ЦК ВКП(б). Год за годом увеличивались капиталовложения в ирригацию. За годы первой и второй пятилеток в ирригацию было вложено 310 миллионов рублей, освоено 250 тысяч гектаров новой земли, что содействовало обеспечению землеустройства крестьян республики, вступающих в колхозы.

Не менее важное значение имело усиление механизации сельского хозяйства. В республике непрерывно росло количество тракторов: если в 1924 году было завезено всего 15 тракторов, то в 1929 году — 1668 тракторов, и общее количество их достигло 3214. Тракторы были снабжены новейшими плугами, сеялками и другим прицепным инвентарем. Кроме тракторов, в республике имелись сотни и тысячи единиц европейского конного инвентаря. Хлопководство обеспечивалось также минеральными удобрениями. В 1929 году появились первые машинно-тракторные станции. Так же, как в центральных районах, они образовались в Узбекистане из тракторных колонн Трактороцентра и возникли как творчество масс. Появление новых средств производства в советской деревне — трактора и разного прицепного инвентаря — требовало новых организационных форм применения их в хозяйстве. МТС, сосредоточив тракторы, действующие в том или ином районе в одном месте, заботилась об обеспечении их горючим, технической помощью, планировала работу тракторных бригад и т. д. Обобщив опыт работы первых МТС, ЦК ВКП(б) дал директиву по организации их во всех районах страны.

Так возникли МТС и в Узбекистане.

В конце 1929 года в Узбекистане было создано 6 МТС: Ассакинская, Кувинская, Янгиюльская, Каганская, Денауская и Багдадская. Во всех этих МТС имелось 370 тракторов, которыми вспахали, продисковали и пробороновали более 100 тысяч гектаров земли колхозов и единоличников. В 1930 году было организовано еще 42 МТС и всего их стало 48 с машинным парком 2390 тракторов. Эта социалистическая перестройка технической основы сельского хозяйства республики сыграла большую роль в развертывании коллективизации в кишлаках Узбекистана.

Большое значение для убеждения дехкан в преимуществе крупного механизированного хозяйства имели хлопковые и зерновые совхозы республики. В 1929 году существовали совхозы «Баяут», «Дальверзин», «Джун» в Ташкентской области, «Учкурган», «Савай» и другие в Ферганской, «Шават» в Хорезмской, «Хазарбаг» в Сурхандарьинской области. Работа совхозов убеждала крестьян в том, что для применения новых крупных сельскохозяйственных машин необходимо укрупнение земельных карт. В стране, где около 60 процентов крестьян имели землю менее 2 десятин, единственным условием применения тракторов была коллективизация. В этом прежде всего убедились малоземельные дехкане. Поэтому не случаен тот факт, что в колхозы в первую очередь объединялись бывшие батраки и малоземельные крестьяне.

Взаимосвязь между механизацией и коллективизацией видна еще и в том, что именно в районах, где существовали совхозы или появились МТС, был высок процент коллективизации. Так, например, в конце 1929 года в Ассаке 59 процентов дехкан было в колхозах, в Куве — 47, в Янгиюле — 84, в Багдаде — около 100 процентов.

Так усилиями Коммунистической партии и Советского правительства была подготовлена материально-техническая база для организации колхозов и создано у крестьян убеждение в преимуществах коллективного хозяйства. Это обстоятельство породило перелом в настроении трудового крестьянства, которое начало массами вступать в колхозы. Теперь наряду с бедняками и батраками в колхозы начали вступать и середняки.

В январе 1930 года ЦК ВКП(б) вынес постановление «О темпах коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству». ЦК ВКП(б) установил разные сроки окончания коллективизации для различных районов страны. Для Московской области, Закавказья, Средней Азии и других таким сроком был установлен конец пятилетнего плана, то есть начало 1933 года. Это отчасти зависело от того, что в Средней Азии количество тракторов и других машин было пока незначительно, сами колхозы еще были слабы, а переустройство посевных площадей под хлопчатник, то есть укрупнение их для применения машин, требовало

некоторой и притом существенной подготовки. Учитывая это и другие моменты, связанные с уровнем культурно-политического развития дехканских масс Среднеазиатских республик, ЦК ВКП(б) установил здесь более поздний срок окончания коллективизации.

Массово-разъяснительная работа партийных организаций Среднеазиатских республик, в том числе Узбекистана, значительно подняла темпы коллективизации. В 1928 году в УзССР было 695 колхозов, в 1929 — 1648. Коллективизация в Узбекистане успешно завершилась бы к установленному ЦК ВКП(б) сроку (для этого были созданы все необходимые условия и предпосылки), но в республике, так же как и в некоторых других районах СССР, были допущены большие извращения в проведении коллективизации, выразившиеся в искусственном ускорении темпов и создании артелей и коммун без учета реальной обстановки. Вместо длительной подготовительной работы и терпеливого разъяснения беднякам и середнякам политики партии в колхозном строительстве, как рекомендовал ЦК ВКП(б), партийные организации республики стали ориентироваться на окончание коллективизации «в кратчайший срок». Этими ошибками и перегибами воспользовались враги Советской власти — кулаки, бывшие эсеры, белогвардейцы, национал-уклонисты и другие антисоветские элементы, пытавшиеся воспользоваться временным недовольством части середняков и повести их за собой. Оживились и правые оппортунисты.

ЦК ВКП(б) предпринял меры для исправления перегибов и ошибок в проведении коллективизации.

Партийно-советские органы Узбекистана тоже приступили к исправлению допущенных извращений.

В 1931 году республика получила огромное количество тракторов, различных сельскохозяйственных машин, комбайны, грузовые машины, минеральные удобрения, ссуды для приобретения рабочего скота и т. д. Приступили к работе все МТС республики, которые в 1931 году уже охватили 78 процентов хлопковой площади колхозов и единоличников. Хлопковая же площадь совхозов составляла 7,5 процента всей хлопковой площади республики. Таким образом, более 85 процентов хлопковой площади Узбекистана обрабатывалось или тракторами или конно-плужными бригадами МТС. Мощность всех

тракторов МТС в 1931 году достигла 32 000 лошадиных сил, количество совхозов, засевающих хлопчатник, дошло до 19. Посевная площадь в совхозах с 20 000 гектаров в 1930 году возросла до 88 000 гектаров в 1931 году. Государство наметило большой план капитального строительства в совхозах. Программа капитального строительства хлопковых совхозов Средней Азии составляла в 1931 году 43 миллиона рублей, из них для совхозов Узбекистана было выделено 29 725 000 рублей. Совхозы получили 1358 новых тракторов, около 8000 рабочих лошадей, 170 автомашин, 25 000 тонн минеральных удобрений и много разных сельскохозяйственных машин. Совхозы механизировали пахоту и боронование полностью, сев был механизирован на 90 процентов, культивация на 35 и т. д. Отдельные совхозы начали давать высокую урожайность. Совхоз «Пахтаарал» в 1930 году с каждого гектара дал 17,5 центнера хлопка, совхоз «Баяут»—11,6 центнера, а Кокандская группа совхозов — 13,5 центнера.

Огромна была помощь государства колхозам в деле повышения урожайности их хлопковых полей. В 1931 году для водно-земельного устройства колхозов государство выделило кредит в сумме 5,5 миллиона рублей. Колхозы получили 160 000 гектаров новых земельных площадей, обеспеченных водой, из них 97 000 гектаров выделялись под посев хлопчатника. Колхозы получили минеральные удобрения для 191 000 гектаров и жмыха — для 4400 гектаров. Вся площадь колхозов под хлопчатник вспахивалась тракторами и конно-плужным инвентарем МТС и самих колхозов, тогда как только 13 процентов хлопковых полей единоличников были охвачены МТС, а сами единоличники не в силах были приобрести такой инвентарь, как плуг, сеялка, культиватор, и вынуждены были применять омач, малу и сеять вручную.

Когда партийная организация Узбекистана, исправляя допущенные ошибки в деле коллективизации дехканского хозяйства и используя помощь Советского государства хлопкоробам республики, убедила дехканские массы в преимуществах крупного коллективного хозяйства, сами крестьяне массами пошли в колхоз. В результате этого 1931—1932 годы стали годами массового перехода дехкан на сторону колхозов. В конце 1933 года

77,5 процента крестьянских хозяйств республики были объединены в колхозы. Около 20 районов республики было коллективизировано на 90—100 процентов. Таким образом, в Узбекистане, так же как и во всех республиках и областях СССР, победило массовое колхозное движение.

В укреплении колхозов наряду с материально-технической помощью со стороны государства и организационно-политической работой партийной организации республики большую роль сыграла помощь городских рабочих центральных районов и городов Ташкента, Самарканда и др. В сентябре 1929 года партийные организации Среднеазиатских республик обратились к рабочим текстильной промышленности Москвы, Ленинграда, Иваново-Вознесенска с просьбой — оказать шефскую помощь хлопкоробам Средней Азии в успешном проведении социалистической реконструкции сельского хозяйства. Это обращение нашло горячий отклик среди рабочих Москвы, Ленинграда и Иваново-Вознесенска. Рабочие этих городов постановили заключить договор на социалистическое соревнование с хлопкоробами республик Средней Азии. Договор был подписан в торжественной обстановке 7—8 ноября 1929 года во всех городах Средней Азии и в Москве, Ленинграде, Иваново-Вознесенске. Соревнования между рабочими крупных пролетарских центров и хлопкоробами Средней Азии сыграло большую роль в социалистической реконструкции кишлаков и аулов Средней Азии.

Рабочие Москвы, Ленинграда, Иваново-Вознесенска неоднократно посылали своих представителей в колхозы Средней Азии. Представители рабочих помогали колхозам в организации труда, налаживании учета, вели большую массово-разъяснительную работу среди колхозников. На основе опыта представителей рабочих передовых промышленных городов рабочие Ташкента, Самарканда и других городов тоже заключили договор о социалистическом соревновании с колхозами республики и помогали им наладить производство, проводить организационно-разъяснительные работы.

С развитием колхозного движения кулацкие элементы активизировали борьбу против организации колхозов. Они саботировали план продажи хлопка государству, прятали свой хлопок и уговаривали дехкан не продавать

его государству. Партийная организация и правительство Узбекистана на основе директивы ЦК ВКП(б) организовали трудовые массы на борьбу за ликвидацию кулачества как класса. Был издан закон о запрещении аренды земель и применении наемного труда. Проведение этого закона в жизнь означало ликвидацию кулачества как класса, ибо кулацкое хозяйство опиралось на эксплуатацию наемного труда. Для лишения кулака всяких средств, могущих служить в его руках орудием эксплуатации и спекуляции, он облагался особыми налогами, а впоследствии подвергся полной экспроприации, что отвечало интересам построения социализма, обеспечивало успех колхозного движения, укрепление колхозов. Имущество, скот и земли кулаков передавались колхозам. Батраки и чайрикеры, ранее работавшие в хозяйстве кулаков, вступали в колхоз с землей и инвентарем своих бывших хозяев. В ответ на это кулаки в процессе коллективизации применяли самые различные методы и формы борьбы против колхозов, начиная от агитации против колхоза и кончая поджогами колхозных амбаров и убийством активистов. Многие из них, проникая в колхозы, вели в них разлагательскую работу и занимались вредительством. Все это вынудило Советское государство не только ликвидировать хозяйства кулаков, но и принять меры к тому, чтобы они занимались общественно полезным трудом и не могли наносить ущерб колхозам. С этой целью кулаки были сосредоточены в определенных районах и наделены землей, где они должны были заниматься физическим трудом.

В эти годы большевики Узбекистана наряду с коллективизацией сельского хозяйства боролись и за осуществление хлопковой независимости СССР, за обеспечение СССР отечественным хлопком. Трудящиеся республики развернули борьбу за расширение посевной площади хлопчатника, за повышение его урожайности и улучшение качества волокна. Посевная площадь в Узбекистане в годы первой пятилетки с 563 900 гектаров дошла до 920 600 гектаров, то есть увеличилась более чем на 63 процента. Это происходило на основе освоения новых земель и вытеснения хлопчатником других сельскохозяйственных культур. Повышалась и техническая вооруженность колхозов республики. Количество МТС в течение одного 1932 года увеличилось на 19 и их стало 67, число

тракторов увеличилось с 2380 до 2992, а их мощность возросла с 32 605 лошадиных сил до 44 350. Кроме того, сами колхозы имели около 3000 собственных тракторов, около 4000 плугов, 1500 сеялок и т. д.

В условиях колхозного строя все эти машины применялись с большим эффектом. Отдельные колхозы начали обеспечивать высокий урожай и досрочно выполнять государственный план хлопкозаготовок. В результате самоотверженного труда хлопкоробов СССР, в том числе узбекских колхозников, в 1932 году СССР освободился от завоза хлопка из-за границы. Доля отечественного хлопка в этом году составляла 95 процентов потребляемого промышленностью СССР хлопка. Из-за границы было получено только незначительное количество особых сортов хлопкового волокна. Из 992 000 тонн хлопка-сырца, собранного на полях страны, 760 000 тонн было выращено хлопкоробами Узбекистана. Не менее важной победой было то, что из этого количества хлопка более 85 процентов было выращено колхозами и совхозами.

В период второй пятилетки еще больше увеличивалась посевная площадь колхозов, повышалась урожайность колхозных полей, росли доходы колхозников. Сельскохозяйственная артель стала преобладающей формой колхозов. Важную роль в этом деле сыграли мероприятия партии и Советской власти в деле организационно-хозяйственного укрепления колхозов, дальнейшее оснащение колхозов республики новыми машинами, минеральными удобрениями, освоение новых земель.

Организационно-хозяйственное укрепление колхозов стало решающим фактором, потому что многие колхозы были социально засорены, а в некоторых дело хромало из-за слабого руководства и неумения наладить организацию труда, рационально планировать полевые работы, слабой постановки массово-воспитательной работы и недостаточного внимания к вопросам социалистического соревнования. Все это отрицательно влияло на укрепление колхозов. В устранении этих недостатков и в организационно-хозяйственном укреплении колхозов большую роль сыграли организация политических отделов при МТС для обслуживания колхозов и проведение в феврале 1933 года I съезда колхозников-ударников, который по инициативе партии выдвинул лозунг «сделать все колхозы большевистскими, а колхозников — зажиточными».

С организацией политотделов машинно-тракторные станции стали центрами политического и организационно-хозяйственного руководства колхозами, очагами влияния партии на широкие массы колхозников. Неоценимую услугу оказали они колхозам Узбекистана.

Одной из больших заслуг политотделов была чистка колхозов от чуждых элементов. Колхозы республики были очень засорены. Это было связано отчасти с вредительскими действиями отпрысков буржуазных националистов. Значительная часть кулаков, спекулянтов и религиозников всяческими путями сумела проникнуть в колхозы, занять в них руководящие посты и вела борьбу против колхозов внутри их самих. Они проводили антиколхозную агитацию, занимались вредительством, расхищали колхозное добро, препятствовали проведению государственных и партийных мероприятий. Работники политотделов помогали колхозникам разоблачать «чужаков», учили руководителей колхозов организовывать труд, планировать колхозное производство, помогали колхозным парторганизациям наладить массово-политическую работу и организовывали социалистическое соревнование в колхозах и между колхозами.

Самым важным вопросом организационно-хозяйственного укрепления колхозов было налаживание учета труда и принципа распределения доходов. Политотделы добились правильного решения этих вопросов. Трудодень стал основным мерилом количества и качества вложенного в производство труда колхозников.

Политотделы проделали большую работу по политическому воспитанию и сплочению беспартийного колхозного актива.

Наряду с этими организационно-политическими мероприятиями Советское государство и партия заботились о дальнейшем укреплении материально-технической базы колхозов. Социалистическая индустрия давала сотни и тысячи новых первоклассных тракторов, комбайнов, автомашин и т. д. Немало их было направлено и в Узбекистан. Непрерывно росло количество МТС и тракторов в них. В 1937 году в республике функционировало 163 МТС с количеством тракторов 17 454. Количество колхозов дошло до 8600. 95,5 процента дехканских хозяйств было объединено колхозами. 99,4 процента всей

посевной площади находилось в руках колхозов. В республике имелось 1500 комбайнов, 4000 колхозных автомашин, тысячи других сельскохозяйственных машин.

Непрерывно росла урожайность хлопчатника. Если в 1932 году республика с каждого гектара получала 8,3 центнера хлопка, то в 1937 году было получено по 16,5 центнера. Ферганская область довела урожайность до 21,5 центнера с каждого гектара. Такие районы, как Избаскент, Янгиюль, Ташлак, Денау и другие, с каждого гектара получали более 30 центнеров.

В этот период развернулось возделывание хлопчатника в таких районах, как долина Сурхан-Дарьи и Гиссара. На основе директив ЦК ВКП(б) с 1930 года началось добровольное переселение туда дехкан-хлопкоробов из Ферганской долины. Ферганцы совместно с местными жителями этих районов освоили огромные массивы плодородных земель. Государство оказало им большую помощь кредитом, машинами и удобрениями. Колхозы этих районов стали высокоурожайными и богатыми. Окрепли совхозы республики, среди них видное место занимали совхозы Ташкентской, Ферганской и Сурхандарьинской областей.

На основе решения II Всесоюзного съезда колхозников-ударников (февраль, 1935 г.) почти все колхозы республики приняли Устав сельскохозяйственной артели. На данном этапе развития только артели правильно сочетали личные интересы колхозников с общественными интересами, интересами развития общественного, коллективного производства колхозов.

В результате всего этого коренным образом изменился социальный облик сельского населения республики. Совершенно исчез класс кулаков. Мелкие крестьяне стали социалистическим элементом. В кишлаке появилась новая социальная группа советских сельских рабочих (рабочие совхозов и МТС) — носителей социалистических производственных отношений и социалистической идеологии. Рабочие совхозов и МТС коренным образом отличались от бывших сельскохозяйственных рабочих — батраков. В отличие от батраков они были представителями крупных социалистических хозяйств, вооруженных передовой советской техникой, организаторами нового, социалистического производства на селе. Не стало

самой бесправной, угнетенной и разрозненной по отдельным хозяйствам баев и кулаков социальной группы батраков и чайрикеров. Бывшие батраки и чайрикеры играли теперь руководящую и организующую роль в колхозах, совхозах и МТС. Кишлак по своему общественно-экономическому строю стал социалистическим.

Как мы видели выше, в конце восстановительного периода в Узбекистане было более 245 000 батраков, то есть мардикеров и чайрикеров. Из них многие во время земельной реформы были наделены участками. В 1931 году было зарегистрировано 95 000 батраков. В том же году 19 000 из них были направлены в промышленность и на строительство в порядке организованного набора, 10 000 вступили рабочими в совхозы, 50 000 — в колхозы, 2500 переселились в другие районы в порядке переселенчества. Из остальных только 2200 человек занимались батрачеством и мардикерством в хозяйстве баев, а 11 300 — мардикерством в различных хозяйствах[1]. Таким образом, уже в 1931 году из 245 000 батраков осталось лишь 13 500 человек. В последующие годы они вступили в колхозы и в конце первой пятилетки батрачество исчезло, уступив свое место колхозникам и рабочим совхозов и МТС.

Коллективизация сельского хозяйства экономически закрепила раскрепощение женщин-узбечек на селе и создала условия для участия женщин в сельскохозяйственном производстве. В первые годы коллективизации в колхозах были созданы специальные женские бригады. Вскоре они были реорганизованы и женщины работали совместно с мужчинами. Из среды женщин были подготовлены звеноводы, бригадиры, председатели колхозов. Многие женщины работали в совхозах и МТС. В результате этого уже в конце пятилетки 861 200 женщин являлись членами колхозов, что составляло примерно 52 процента всего взрослого женского населения республики и более 75 процентов женщин на селе.

Таким образом, победа колхозного строя послужила еще одним важнейшим фактором формирования узбекской социалистической нации.

---

[1] ЦГАОР УзССР, ф. 737, оп. 1, д. 1103, л. 16.

4. Победа культурной революции и формирование духовного облика узбекской социалистической нации

Повышение политической активности узбекского народа, коренное преобразование основ его социального строя в результате победы политики социалистической индустриализации и коллективизации нашли яркое отражение и в культурной жизни узбеков.

В период первой и второй пятилеток в Узбекистане окончательно победила культурная революция, узбекский народ ликвидировал свою культурную отсталость, унаследованную от феодального прошлого и колониального периода. Сложился значительный слой узбекской советской интеллигенции — плоть от плоти и кровь от крови трудового народа. Социалистическая идеология и коммунистическая мораль стали господствующими в духовной жизни узбеков.

Все это было достигнуто в результате общего подъема культуры народа: успехов народного просвещения, повышения уровня грамотности людей, создания широкой сети высших и средних специальных школ, развития периодической печати и книгоиздательства, расцвета художественной литературы, театрального и изобразительного искусства. В течение 8—10 лет узбекский народ сделал огромный культурный скачок и превратился в одну из передовых наций нашей страны.

Все это явилось следствием того, что в годы первой и второй пятилеток ЦК ВКП(б) и Советское правительство настойчиво и умело осуществляли указания великого Ленина о ликвидации культурной отсталости народов бывших окраин царской России. Советское государство ассигновало огромные суммы на подъем культуры и перестройку быта народов Советского Востока. Великий русский народ оказал большую помощь национальным республикам научно-техническими кадрами для растущей промышленности и сельского хозяйства, научными работниками для исследовательских учреждений и высших учебных заведений, педагогами для средних школ. Благодаря успехам культурной революции в предыдущие годы в самих национальных республиках сформировался значительный отряд партийно-советских работников, специалистов промышленности и сельского хозяйства, а также учителей, врачей, агрономов из числа местных национальностей. Средние школы начали давать абитуриентов для высших учебных заведений.

Поставленная Коммунистической партией задача реконструкции всех отраслей народного хозяйства не была бы решена без всестороннего развития науки и культуры и овладения нашими кадрами техникой. В этом деле большую роль сыграли лозунги партии: «Большевики должны овладеть техникой», «Пора большевикам самим стать специалистами», «Техника в период реконструкции решает все».

Так же как и в других республиках Советского Союза, годы первой и второй пятилеток в Узбекистане отмечались бурными темпами роста системы народного образования. В этот период наряду с ростом школьной сети было обращено большое внимание на улучшение дела преподавания в школах, на создание стабильных учебников, на структуру и внутренний распорядок школ всеобуча, улучшение материально-бытовых условий учителей. По всем этим вопросам были приняты специальные постановления ЦК ВКП(б) и Советского правительства.

Расширение сети школ всеобуча было результатом введения всеобщего обязательного обучения детей с 8 до 12 лет. В связи с введением всеобщего начального обязательного обучения были созданы комитеты содействия всеобучу и внимание всего населения приковано к делу подъема народного образования. Начальные школы создавались повсеместно. Для подростков 11—15 лет, не прошедших начальную школу, было организовано ускоренное обучение с одногодичным и двухгодичным сроками. Для промышленных районов и городов введено семилетнее обязательное обучение. В связи с введением обязательного обучения резко увеличилось ассигнование на нужды просвещения. Если в 1928/29 учебном году в Узбекистане на народное образование было израсходовано 28 500 тысяч рублей, то в 1932 году — до 137 445 тысяч рублей. Ассигнования на эту цель в годы второй пятилетки продолжали расти и в 1938 году составляли 580 816 тысяч рублей[1].

Щедрая материальная поддержка способствовала росту школ всеобуча. Если в начале первой пятилетки

[1] Узбекистан за XV лет, Ташкент, 1939, стр. 29.

в республике было 2318 школ всеобуча, то к концу второй пятилетки — 4684 (из них 1376 школ-семилеток и 292 школы-десятилетки, остальные — начальные школы). Количество учащихся со 167 938 поднялось до 1 106 457, то есть увеличилось более чем в 6,5 раза. Особенно велик был рост (более чем в 10 раз) контингента сельских школ: с 83 838 учащихся до 874 220. Развитие школ в кишлаках Узбекистана было настоящей культурной революцией среди огромной массы узбекских дехкан, веками живших в условиях, не дававших возможности получить даже азбучную грамотность. Более 71 процента учащихся школ всеобуча составляли узбеки. Советская власть и партия большевиков заложили основу культурного процветания миллионных масс узбекского дехканства, которое соответствовало его свободной и зажиточной жизни.

Наряду со школами всеобуча расширилась сеть средних профессиональных школ. Количество техникумов и профессиональных училищ дошло до 105, а учащихся в них — до 21 250. Средние профессиональные школы играли большую роль в обеспечении народного хозяйства квалифицированными рабочими и специалистами со средним техническим образованием. В 1940 году в республике работало 34 700 техников, агрономов, механизаторов, ветеринаров и работников торговых и хозяйственных органов со средним специальным образованием[1]. По мере роста количества школ всеобуча и техникумов остро стоял вопрос подготовки учительских кадров. Если в начале первой пятилетки в школах всеобуча было 6308 учителей, то в конце второй пятилетки их насчитывалось уже 34 554 человека[2]. Кроме того, требовалось большое количество учителей для средних специальных учебных заведений. Старшие классы средних школ и техникумы требовали учителей с высшим образованием. Поэтому была значительно расширена подготовка учителей с высшим образованием через педагогические вузы. Однако педагогические вузы еще не могли обеспечить растущей потребности средней школы в преподавателях с высшим образованием. В силу этого были приняты меры к подготовке учителей для старших классов средней школы через так называемые курсы предметников.

[1] Народное хозяйство СССР, М., 1959, стр. 195.
[2] Узбекистан за XV лет, Ташкент, 1939, стр. 82.

Особенно важен был вопрос о подготовке технических специалистов. В Узбекистане до революции не было ни одного узбека с высшим техническим образованием. Поэтому в годы первой и второй пятилеток в Узбекистане широко развернулась сеть высших учебных заведений. Часть высших учебных заведений, созданных в Узбекистане, подготавливала специалистов для всех Среднеазиатских республик.

Период первой пятилетки стал периодом создания разнообразных высших учебных заведений. Многие из них выделялись из состава Среднеазиатского государственного университета, созданного по ленинскому декрету. В 1930 году на базе отдельных факультетов САГУ были созданы Среднеазиатский хлопково-ирригационный политехнический институт (САХИПИ), Среднеазиатский сельскохозяйственный институт (САСХИ), Среднеазиатский горно-разведочный институт (САГРИ) и Среднеазиатский зооветеринарный институт (САЗВИ). Последний позже был переведен в Ашхабад. В 1931 году из состава САГУ, САСХИ и САХИПИ был выделен ряд новых вузов: Среднеазиатский медицинский институт (САМИ), Среднеазиатский плановый институт (САПИ), Среднеазиатский хлопковый институт (САХИ) и др. В эти же годы возникли Среднеазиатский автодорожный институт в Самарканде и Среднеазиатский транспортный институт в Ташкенте.

Не менее быстрым темпом развивалась сеть вузов в Узбекской ССР. До 1929 года в Узбекистане имелось одно республиканское высшее учебное заведение — Высший педагогический институт в Самарканде. В 1929 году Самаркандский ВПИ был реорганизован в Педагогическую академию, которая должна была готовить не только преподавателей для школ всеобуча, но и работников органов народного образования и преподавателей педагогических техникумов. В этом же году в Узбекистане были созданы высшие педагогические институты в Фергане и Бухаре, в 1930 году — хлопковый институт, университет и медицинский институт в Самарканде. В 1931 году были открыты зооветеринарный институт и плодоовощной институт в Самарканде.

В годы второй пятилетки возникли: текстильный институт, институт инженеров ирригации и механизации сельского хозяйства (ТИИИМСХ), индустриальный ин-

ститут (ныне Ташкентский политехнический институт), финансово-экономический институт, институт советского строительства и права в Ташкенте и институт государственной торговли в Самарканде. Позже некоторые из этих институтов слились. В 1938 году в Узбекистане было 29 высших учебных заведений.

Вузы, находящиеся в Узбекистане, готовили кадры почти по всем отраслям народного хозяйства республик Средней Азии. Во всех этих вузах обучалось 18 314 человек. Для ускорения подготовки абитуриентов при вузах были созданы подготовительные отделения и рабфаки. Эти учебные заведения способствовали привлечению большого количества молодежи из местных национальностей на учебу в вузах. Специалистов с высшим образованием в Узбекистане в конце второй пятилетки было 10 869 человек. Более половины их было подготовлено вузами Узбекистана. Среди них около 3000 были инженерами, 2500 — педагогами, 2100 — врачами и т. д.

Развитие на научной базе промышленности и сельского хозяйства, в особенности хлопководства, требовало развертывания научно-исследовательской работы в республике. Уже в начале первой пятилетки в Узбекистане создается ряд научно-исследовательских учреждений, среди которых самыми крупными были Среднеазиатский научно-исследовательский институт шелководства (САНИИШ), Среднеазиатский научно-исследовательский институт ирригации (САНИИРИ), Союзный научно-исследовательский институт по хлопководству (СоюзНИХИ). Все эти институты находились в союзном подчинении. САНИИШ и САНИИРИ были созданы в 1927 году, а СоюзНИХИ—в 1929 году. В 1936 году был создан Республиканский комитет наук, в дальнейшем реорганизованный в филиал Академии наук СССР.

Развитие экономики, рост народного образования и науки в республике сопровождались расширением сети и усилением работы культурно-просветительных учреждений. Годы первой и второй пятилеток были годами их роста и расцвета.

С ростом грамотности населения росла и сеть библиотек. Если в 1928 году в республике было всего 187 библиотек (74 только на селе), то в 1938 году общее количество библиотек дошло до 1441, из них сельских

библиотек было 975. Таким образом, библиотека вошла в жизнь узбеков.

Книги, газеты, журналы благодаря библиотеке начали доходить до самых отдаленных и ранее считавшихся глухими кишлаков республики. В библиотеках республики в 1928 году было 358 000 экземпляров книг, из них в сельских библиотеках лишь 44 000 экземпляров. А в 1938 году только в государственных и профсоюзных библиотеках было сосредоточено 2 158 000 экземпляров книг, из них в сельских библиотеках 730 000 экземпляров. Если к этому добавить большое количество книг колхозных библиотек, которые к этому времени возникли во многих районах Узбекистана, картина будет еще более ясна.

Огромный рост получила периодическая печать. В 1928 году в республике издавалось 25 газет, в 1938 году— 208. На узбекском языке издавалось 129 республиканских, областных и районных газет. Каждый район имел свою газету. Разовый тираж всех газет (тираж одного номера всех газет) составлял 908 000 экземпляров. Кроме этого, издавалось 45 журналов, из них 19 — на узбекском языке. Годовой тираж журналов достиг 1 486 000 экземпляров. Общий тираж всех выпускавшихся книг в 1928 году определялся в 2 628 000 экземпляров, а в 1938 году — 12 195 000 экземпляров, из них на узбекском языке 10 658 000 экземпляров. В течение первой и второй пятилеток было издано более 50 миллионов экземпляров книг.

В искусстве, как известно, ярко проявляются прогресс в духовной жизни и перемены в моральном облике народа. Оно отражает в своих образах материальную и духовную жизнь людей и, кроме того, само является важным средством активного воздействия на сознание человека. Поэтому формирование социалистического искусства является не только показателем роста культуры того или иного коллектива, но и выражением социалистической переделки его психологии, морали и вообще духовной жизни. За годы первой и второй пятилеток на базе роста экономики и преобразования ее на социалистической основе, развития народного образования, а также культурно-просветительных учреждений шел ускоренный процесс формирования искусства узбекского народа — национального по форме и социалистического по содержанию.

В годы пятилеток формировалась узбекская советская литература. Как было сказано выше, в годы восстановительного периода в узбекской литературе шла острая борьба между зарождающейся советской литературой и буржуазно-националистической. Члены общества «Чигатай гурунги» в первые годы восстановительного периода занимали преобладающее место в художественной литературе. Узбекскую советскую литературу представляли в то время Хамза Хаким-заде, Фазил Юлдаш, Эргаш Джуман Бульбул, А. Авляни и Мирмухсин, горячо воспринимавшие все новое в жизни народа и выступавшие с произведениями на советские темы. Что касается последователей «Чигатай гурунги», то их тематика оставалась оторванной от реальной жизни.

В последние годы восстановительного периода появился первый узбекский национальный роман, послуживший свидетельством развития узбекской прозы. Это был роман Абдуллы Кадыри (Джулкунбая) «Минувшие дни». Хотя роман по своему художественному уровню был вполне зрелым произведением, в его социальном содержании в известной мере сказывались националистические тенденции того периода. Однако, несмотря на эти ошибки, появление общественно-значимого романа «Минувшие дни» свидетельствовало о росте художественной литературы.

Другим важным фактором развития художественной литературы в последние годы восстановительного периода было развитие советской драматургии. До этого в драматургии новое советское направление было представлено произведениями Хамзы Хаким-заде. Его «Бай и батрак», серия пьес под названием «Ферганские трагедии» и другие произведения были посвящены современным социальным вопросам. Позже к ним присоединилась пьеса «Халима» Гулама Зафари и ряд пьес Гази Юнуса, посвященных современным темам. Однако последние во многих случаях или были пересказом пьес русских авторов, или слабыми и мало оригинальными произведениями самого автора. В последние годы восстановительного периода появился ряд музыкально-драматических произведений, представлявших собою результат переработки поэм А. Навои «Фархад и Ширин», «Лейли и Меджнун» и др. Ценность их состояла в том, что они помогали ознакомлению народа с его культурным наследием в области художественной литературы, музыкального искусства.

Важным шагом в дальнейшем развитии узбекской советской драматургии было появление произведений молодых драматургов К. Яшена «Два коммуниста» — о борьбе против басмачей, А. Сафарова «Кровавые дни» — о восстании 1916 года в Узбекистане и др.

Наконец, в этот же период появилась узбекская советская литературная критика. Зачинателем ее выступил литературовед Шарафутдинов, носивший псевдоним Айн. В 1927 году он выступил в газете «Кизил Узбекистон» с критикой творчества Чулпана, указывая на его пессимизм, отрыв от современности, национальную ограниченность, вредное воздействие его творчества на молодежь[1]. В защиту Чулпана выступил известный поэт Айбек. Между Айном и Айбеком развернулась большая страстная полемика. С этой полемики, собственно говоря, и началось развитие узбекской советской литературной критики.

Большое значение в дальнейшем развитии узбекской советской литературной критики имела статья Х. Алимджана в газете «Яш ленинчи» о рассказе Шакира Сулейманова «Беркуты» («Бургутлар»), в которой автор, обобщая факты изнасилования группой молодежи одной девушки, клеветал на комсомольскую организацию. Х. Алимджан в этой статье показал порочный прием Ш. Сулейманова, его неумение правдиво отображать современные явления и т. д.

Успехи социалистической индустриализации и коллективизации сельского хозяйства легли в основу бурного развития всех жанров узбекской советской художественной литературы. К концу восстановительного периода в Узбекистане на литературной арене выступил ряд молодых талантливых поэтов, писателей, драматургов и критиков. К ним относятся Хамид Алимджан, Миртемир, Уйгун, Гафур Гулям, Абдулла Каххар, Камил Яшен и др. В дальнейшем их ряды пополнились новыми молодыми писателями, поэтами и драматургами: Хасан Пулат, Амин Умари, Тимур Фаттах, Максуд Шейхзаде, Сабир Абдулла и др.

Многие из них учились в советских школах, воспитывались ленинским комсомолом и были свободны

[1] «Кизил Узбекистон», 14 февраля 1927 г.

от влияния таких националистических организаций, как «Чигатай гурунги». Эти молодые писатели с первого же дня признали своими учителями таких классиков советской художественной литературы, как М. Горький и В. Маяковский. Источником их вдохновения явилась советская действительность. Они воспевали труд, героизм советского человека.

Уже в первые годы социалистической индустриализации в узбекской художественной литературе определяющей становилась новая советская литература. Борьба между советскими писателями и чигатаистами развернулась внутри общества «Кизил калам» (Красный карандаш), организацией, возникшей в 1926 году и претендовавшей на роль Союза пролетарских писателей. В первые годы преобладающее число членов общества составляли бывшие члены «Чигатай гурунги». Они старались использовать это общество для пропаганды буржуазно-националистической идеологии. Однако формирование крупной группы молодых советских писателей не позволяло им развернуть свою националистическую деятельность, вести борьбу открыто. Поэтому они применяли различные косвенные методы этой борьбы. К данному периоду относится высказывание Фитрата о том, что пролетариату, как представителю грубого физического труда, чуждо понимание прекрасного. В это же время выступил Атаджан Хашимов со своей «теорией», что марксизм, как идеология промышленного пролетариата Запада, неприменим для Средней Азии, где якобы отсутствует почва для него, что Средняя Азия будет развиваться своим особым путем и т. д.

Но всеми этими измышлениями уже нельзя было остановить могучий рост новой советской идеологии, которая все более и более овладевала художественной литературой. Советская литература росла и крепла. Уже в 1929—1930 годах в литературе основной темой становилась многогранная и кипучая советская жизнь. Появились произведения молодых писателей на темы важных событий дня: о новых колхозах, новостройках, о советских людях и т. д. Большую роль в развитии советской литературы сыграло постановление ЦК ВКП(б) 23 апреля 1932 года «О перестройке литературно-художественных организаций». Как известно, до этого в нашей стране существовало несколько творческих организаций,

претендующих на роль организации пролетарских писателей. Хотя они в первые годы вели большую идейную борьбу против антисоветски настроенных писателей и по пропаганде новой советской идеологии через художественную литературу, но не допускали в свои ряды писателей и поэтов старшего поколения, вставших на платформу Советской власти. Они называли последних попутчиками и закрывали им путь к активному участию в социалистическом строительстве. Так случилось и в Узбекистане, где возникла так называемая Ассоциация пролетарских писателей (местное отделение РАППа), которая ко многим представителям старых писательских кадров относилась с недоверием, называя их попутчиками. Теперь, когда основная часть писателей, в прошлом недружелюбно относившихся к советскому строю, убедилась в своем заблуждении и переходила на позиции марксизма-ленинизма, линия таких писательских организаций, как РАПП (Российская ассоциация пролетарских писателей), не отвечала новой обстановке. Поэтому ЦК ВКП(б) в своем постановлении рекомендовал: «Объединить всех писателей, поддерживающих платформу Советской власти и стремящихся участвовать в социалистическом строительстве, в единый Союз советских писателей»[1].

К этому времени среди узбекских писателей более старшего поколения также наметился значительный раскол. Такие ныне видные писатели, как Айбек и другие, ранее находившиеся под влиянием чигатаистов, стали освобождаться от него, начали создавать талантливые и значительные произведения на современные темы. Даже такие писатели, как Чулпан, Гази Юнус, Элбек и другие, являвшиеся в прошлом активными деятелями «Чигатай гурунги», уже в 1930—1931 годах начали писать произведения на современные темы. В эти годы вышел ряд произведений Чулпана на темы колхозной жизни. Хотя они по своему художественному уровню были намного ниже, чем его лирические стихи, но сам факт их появления говорил о том, что писатель ищет пути приобщения к новому строю. Таким образом, постановление ЦК ВКП(б) и в узбекской литературе открыло широкий путь этой категории литераторов для

1 «Правда», 24 апреля 1932 г.

участия в социалистическом строительстве. Именно после этого постановления Абдулла Кадыри создал роман на тему о колхозном строе «Абид Кетмен».

Молодыми писателями в этот период были переведены «Евгений Онегин», «Кавказский пленник», «Борис Годунов», «Капитанская дочка», «Бахчисарайский фонтан», «Русалка» и другие произведения А. С. Пушкина; «Ревизор» и «Женитьба» Н. В. Гоголя; «Детство», «Хаджи Мурат», «Воскресение» Л. Н. Толстого; многие стихи М. Ю. Лермонтова; рассказы А. П. Чехова; басни И. В. Крылова; «Мать», «Макар Чудра», «Челкаш», «Детство», «Мои университеты», «Песня о Соколе», «Песня о Буревестнике», «Дело Артамоновых», «В людях» и ряд других произведений М. Горького, а также произведения таких советских писателей, как В. Маяковский, М. А. Шолохов, А. Н. Толстой, Н. А. Островский и др.

Узбекские советские писатели учились художественному мастерству у русских классиков и видных советских писателей.

В период первой и второй пятилеток узбекская художественная литература, сохраняя свою национальную форму, стала социалистической по содержанию. Социалистической по содержанию стала и устная народная литература (фольклор).

Таким образом, узбекская художественная литература в этот период коренным образом преобразилась. Она стала выразительницей дум и чаяний, чувств и морали советских людей. Борьба советских людей за победу социализма стала ее основной темой. Выросла целая плеяда молодых советских писателей, поэтов и критиков. Многие писатели старшего поколения твердо стали на позицию социализма. Таковы были исторические сдвиги в области узбекской художественной литературы.

В этот период большие сдвиги совершались и в музыкальной культуре узбекского народа. Как было сказано выше, узбекский народ имел древнюю музыкальную культуру, но тем не менее ее развитие намного отставало от музыки ряда народов Европы и России. До Октябрьской революции узбекская музыка была одноголосной и не знала таких современных форм музыкального творчества, как симфония, опера, оратория, кантата и т. д. Ансамбли исполняли произведения в унисон, не было гармонизации, а также современного вокального искусства. Исполнители злоупотребляли горловой манерой пения. Только после Октябрьской революции по инициативе передовых русских музыкальных деятелей (Н. Н. Миронов, В. А. Успенский, В. М. Беляев и другие) были проведены записи узбекских песен и осуществлены попытки переработки их на современной основе. Первым узбекским музыкальным деятелем явился Хамза Хаким-заде. Он был пионером новой узбекской советской музыки. Первые революционные песни узбекского народа были его произведениями как по тексту, так и по музыке. Его музыка, сохраняя национальный колорит, по своему содержанию отражала дух времени.

Успехи культурной революции выразились и в зарождения узбекского музыкального театра. До 1926 года существовал узбекский этнографический музыкальный ансамбль, созданный Кары Якубовым и Тамарой Ханум. Этот ансамбль провел большую работу по собиранию и пропаганде узбекской классической и новой советской музыки. В 1929 году возник узбекский музыкальный театр, который стал кузницей музыкальных деятелей и исполнителей. Вместе с музыкальным театром росли первые узбекские композиторы М. Ашрафи, Т. Садыков и другие, а также первое поколение исполнителей — Халима Насырова, Карим Закиров и др. Развитию узбекского театра помогали такие деятели русской музыкальной культуры, как В. А. Успенский, Р. М. Глиэр, С. Н. Василенко. В репертуаре этого театра вначале преобладала любовно-историческая тематика. Первым музыкальным произведением на современную тему была музыкальная драма «Гульсара» (либретто К. Яшена и М. Мухамедова, музыка народная в переработке Т. Джалилова, Т. Садыкова и Р. М. Глиэра). Музыкальная драма «Гульсара» подготовила почву для зарождения узбекской оперы. Первой узбекской оперой явилась «Буран» С. Н. Василенко и М. Ашрафи, созданная в 1939 году. Сюжет оперы повествовал о восстании 1916 года в Узбекистане.

Таким образом, узбекская музыка в годы первой и второй пятилеток сделала огромный шаг от одноголосной унисонной музыки к многоголосным крупным формам. В пропаганде новой многоголосной музыки значительную роль сыграл и оркестр реконструированных узбекских народных инструментов Узбекской государственной филармонии, созданный в 1938 году под

руководством А. И. Петросянца. Успехи узбекского народа в области развития музыкальной культуры были важной частью культурной революции в Узбекистане.

Такие же положительные сдвиги имели место и в области драматургии. Как было сказано выше, до революции узбеки не знали профессионального театра. В последние годы колониального периода в городах, в частности в Ташкенте, среди интеллигенции возникали драматические кружки самодеятельности. Но их было очень мало и они не имели своего репертуара. Первые профессиональные узбекские театры появились в 1918 году в Ташкенте под руководством Маннона Уйгура и в Фергане под руководством Хамзы Хаким-заде. Новым стимулом к развитию узбекского театра явилось успешное окончание в 1927 году учебы театральной студии при Узбекском институте просвещения в Москве, которой руководил Е. Вахтангов, группой молодежи в составе М. Уйгура, Я. Бабаджанова, А. Хидоятова, С. Табибуллаева, С. Ишантураевой, З. Хидоятовой и др. Эти студийцы были первыми профессиональными узбекскими драматическими актерами. Узбекский театр драмы развивался на традициях русской классической драматургии. Репертуар театра состоял из «Ревизора» Н. В. Гоголя, «Мятежа» Д. М. Фурманова, «Интервенции» Льва Славина, «Шторма» Билля-Белоцерковского, «Принцессы Турандот» Карло Гоцци и др. В скором времени он пополнился оригинальными произведениями местных авторов: пьесой «Два коммуниста» К. Яшена, «Кровавые дни» Н. Сафарова. В первые годы пятилетки театр осуществил постановку ряда пьес на современные политические, колхозные и другие темы, например, «Ёндрамиз» (Уничтожим) К. Яшена — о классовой борьбе в колхозе, «Маска сорвана» З. Фатхуллина — о разоблачении буржуазных националистов и др.

В дальнейшем коллектив театра пополнился новыми актерами, учившимися театральному искусству в Московской студии. Узбекскому театру драмы в 1933 году было присвоено звание Академического театра. Театр осуществил постановку таких сложных классических произведений, как «Гамлет» и «Отелло» Шекспира, «Коварство и любовь» Шиллера, «Ревизор» и «Женитьба» Гоголя, «Гроза» и «Бесприданница» Островского, «Егор Булычев» Горького и многих других. В его репертуаре

значительное место заняли переводные и оригинальные пьесы на советскую тематику. Среди них «Человек с ружьем» Н. Погодина, «Бронепоезд № 14-69» В. Иванова, «Человек с портфелем» А. Файко, «Любовь Яровая» К. Тренева и др. Из оригинальных произведений театр осуществил постановку пьес «Вредители хлопка», «Молодое поколение». К концу второй пятилетки узбекский народ уже имел свою развитую советскую драматургию, широкую сеть музыкальных и драматических театров. В 1933 году в Узбекистане было 44 театра, из них 2 театра оперы и балета, 1—музыкальной комедии, 19—драматических и музыкально-драматических, 9 — детских и 19—колхозно-совхозных.

В этот период значительные перемены происходили также в области изобразительного искусства.

Уже в первые годы революции среди узбеков появились отдельные представители различных жанров современного изобразительного искусства: портретисты, пейзажисты, скульпторы. Но из среды узбеков пока еще профессиональных художников не было. В 30-х годах появились первые профессиональные художники: У. Тансыкбаев, Л. Абдуллаев, Б. Хамдами и др. В дальнейшем их ряды пополнились Ш. Хасановой, А. Абдуллаевым и др.

Большая заслуга в развитии реалистического изобразительного искусства среди местного населения принадлежит русским художникам Узбекистана: Л. Бурэ, А. Волкову, В. Уфимцеву, Уста Мумину (Николаеву), П. Бенькову, В. Кайдалову, а также О. Татевосяну и др. Они воспитывали местную молодежь и сами создали немало полотен о жизни узбекского народа, о важных событиях в истории республики.

Узбекский народ в этот период создал и свою кинематографию — одну из самых сильных и широкодоступных народу отраслей искусства. Первым национальным фильмом, созданным узбекскими актерами, была картина «Шакалы рават»— о борьбе против басмачей. В следующие годы появились кинокартины «Клятва»— о земельной реформе в Узбекистане, «Азамат»— о классовой борьбе в период коллективизации, «Асаль» — об индустриализации и др. Хотя в этот период в республике киноискусство еще было развито слабо, но само кино, как средство духовного воспитания народа, получило широ-

кое развитие. Кинотеатры стали составной частью и притом широко разветвленной сетью культурно-просветительных учреждений в республике. В 1933 году в Узбекистане было 562 кинотеатра, 294 из них на селе.

Значительное развитие получила также архитектура, как один из видов искусства. Развитие архитектуры было связано с ростом градостроения и отражало перемены, которые происходили в общественной жизни и домашнем быту народа. Как известно, узбекский народ имел древнюю архитектуру, и новая архитектурная культура узбекского народа обогащалась вековым опытом строительства крупных общественных зданий: мечетей, медресе, караван-сараев, жилых сооружений.

В годы пятилеток возникали корпуса крупных заводов и фабрик, здания школ, больниц, клубов, библиотек и т. д. Шло благоустройство городов, осуществлялась новая планировка улиц. В результате всего этого расширялись города, возникали сотни и тысячи жилых домов, новые кварталы и даже целые районы. Города меняли свой облик.

Например, в старой части Ташкента были проложены улицы имени Навои, Хамзы, Полиграфическая и др. На северной окраине Ташкента, в конце Полиграфической улицы, в 1927 году началось строительство нового района под названием Рабочего городка, где были построены жилые дома для населения. На северо-восточной окраине, где строился завод сельскохозяйственного машиностроения, возник другой городок для рабочих этого завода. Со строительством текстильного комбината на южной окраине города возник еще один городок под названием Социалистического городка. Рост населения требовал расширения города, появлялись все новые и новые рабочие городки — городок им. Тельмана, городок им. Шумилова и т. д. Шло плановое индивидуальное жилищное строительство в старой части города.

Таковы были перемены в духовной и культурной жизни узбекского народа в период первой и второй пятилеток, когда победила культурная революция и узбекский народ приобрел социалистический духовно-моральный облик.

5. Победа социализма и превращение узбекского народа в социалистический коллектив

В результате социалистической индустриализации республики, коллективизации сельского хозяйства и осуществления культурной революции в конце второй пятилетки и в Узбекистане свершилась победа социализма и узбекский народ стал социалистическим коллективом.

Победа социализма и превращение узбекского народа в социалистический коллектив выразились прежде всего в том, что экономика Узбекистана стала социалистической, капиталистические хозяйства полностью ликвидировались как в промышленности, так и в сельском хозяйстве. В конце второй пятилетки (1938 г.) коллективизация была завершена. 95,5 процента, или 722 000 крестьянских хозяйств объединились в 8773 колхоза. В руках колхозов находилось 2 452 000 гектаров, или 99,4 процента посевной площади республики[1]. Кроме того, в республике было 79 совхозов, которые имели 152 300 гектаров земли[2]. Таким образом, социалистический сектор хозяйства в городе и кишлаке стал основой экономической жизни республики. Частный сектор был представлен единоличными крестьянами и некооперированными кустарями, доля которых в производстве не играла роли. Итак, экономика республики стала социалистической, что было коренным социальным преобразованием.

Наряду с социальным преобразованием экономики происходило ее техническое преобразование. В промышленности удельный вес вновь построенных предприятий составлял 62,8 процента, а остальные 37,2 процента предприятий были коренным образом реконструированы. Следовательно, в республике не осталось ни одного старого промышленного заведения. Предприятия таких отраслей промышленности, как химическая, хлопчатобумажная, шелкомотальная, сельскохозяйственное машиностроение, швейная, обувная, консервная, кожевенная и ряд других, действовавшие в 1938 году, полностью были созданы вновь. В результате применения

[1] Материалы к отчету ЦК КП(б) Уз. Делегату VIII съезда КП(б) Уз, Ташкент, 1938, стр. 70.

[2] Узбекистан за XV лет, Ташкент, 1939, стр. 47—48.

новой, совершенной техники в крупной промышленности производительность труда выросла в четыре раза. Отражение технического прогресса в промышленности и роста производительности труда в сфере материального положения рабочего класса выразилось в том, что уже в 1931 году была ликвидирована безработица, а среднегодовая заработная плата рабочих против 1929 года увеличилась в 2,7 раза.

Особенно разителен был технический прогресс в сельском хозяйстве. Социалистическая реконструкция сельского хозяйства открыла широкий путь для его технической реконструкции. В 1938 году в республике уже действовало 163 машинно-тракторных станций. Они имели 17 407 тракторов (15 HP) и обслуживали 92,7 процента колхозных земель. Кроме того, вся земля совхозов обрабатывалась тракторами. Таким образом, старая земледельческая техника была изжита. Часть земель колхозов (7,3 процента) обрабатывалась современным конным инвентарем — плугами, сеялками, окучниками, культиваторами.

Объединение дехкан в колхозы привело их к зажиточной жизни. В 1937 году на одно дехканское хозяйство, объединившееся в колхоз, приходилось более 3,5 гектара земли.

Как было сказано выше, в условиях Узбекистана хозяйства, имеющие от 3 до 5 десятин, относились к среднему крестьянству, а количество безземельных и малоземельных крестьян в прошлом составляло около 50 процентов. Следовательно, колхозы подняли всех крестьян до положения средних, обеспеченных крестьян. Этому способствовало и то, что колхозы были вооружены новейшими машинами — тракторами, сеялками, культиваторами, автомашинами. Государство оказало также огромную помощь в улучшении водообеспеченности колхозов. Только в период первой и второй пятилеток государством было вложено на ирригационные работы 299 400 рублей.

В результате всего этого год за годом росла урожайность основной сельскохозяйственной культуры Узбекистана — хлопчатника. Если в 1913 году средняя урожайность хлопка с 1 гектара составляла 12,2 центнера, то в 1933 году она поднялась до 16,3 процента[1]. В результате этого увеличивались и доходы колхозов. Материалы бюджетного обследования 1000 колхозных дворов Узбекистана показывают, что в 1937 году средний доход на одного члена обследованных колхозов равнялся 1542 рублям, а расходы на покупку промтоваров одним колхозником равнялись 383 рублям, на сельхозпродукты — 613 рублям, на продукты скотоводства — 208 рублям, всего — 1204 рубля[1]. Следовательно, материальная обеспеченность колхозников была намного выше обеспеченности даже средних крестьян до революции.

Социалистическое преобразование народного хозяйства республики уничтожило эксплуатацию человека человеком, порождающую классовое расслоение и классовые различия между людьми, а техническая перестройка промышленности и сельского хозяйства уничтожила безработицу и нищету в городах и кишлаках. Коллективы рабочих и крестьян, вооружаясь новой передовой техникой, повышали производительность труда и значительно улучшали уровень своей жизни. Это было выражением победы социализма в социальном и хозяйственном строе узбекского общества.

Победа социализма в духовной жизни узбекского народа выразилась в том, что в этот период социалистическая идеология победила буржуазную, частнособственническую идеологию. Это осуществилось, с одной стороны, в результате ликвидации остатков эксплуататорского класса и принуждения его к существованию при помощи личного труда, с другой стороны, в результате перевоспитания мелких крестьян в духе коллективизма, путем последовательного осуществления гениального кооперативного плана Ленина. Отказ мелких крестьян от ведения частного хозяйства и переход их на коллективное ведение хозяйства показал, что социалистическая идеология, идеология коллективизма победила частнособственническую и индивидуалистическую. Это же относится к кустарям, добровольно перешедшим к кооперированию своих хозяйств.

К этому же времени относится создание новой советской интеллигенции из числа рабочих и крестьян и переход на платформу Советской власти основной массы старой буржуазной интеллигенции. Таким образом, социа-

[1] Узбекистан за XV лет, Ташкент, 1939, стр. 45, 54.

[1] Материалы к отчету ЦК КП(б) Уз, Ташкент, 1938, стр. 72.

листическая идеология стала теперь идеологией всего узбекского народа.

Марксизм-ленинизм считает, что победа социализма означает уничтожение причин, порождающих классовое расслоение общества и эксплуатацию человека человеком. Такой причиной является частная собственность на основные средства производства. От характера этой частной собственности зависит характер классовых различий в том или ином классовом обществе и эксплуатации человека человеком. Развитие частной собственности на средства производства при широком разделении труда между отдельными непосредственными производителями на определенном этапе порождает капиталистические отношения и капиталистическую эксплуатацию.

Ликвидация класса капиталистов и кулаков уничтожила эксплуатацию человека человеком, а коллективизация мелких крестьян и кооперирование кустарей уничтожили причину порождения классовых различий, следовательно, и эксплуатацию. В республике, так же как во всей стране, установился такой строй, при котором классовые различия не зарождаются и даже не усиливаются, а, наоборот, все более и более стираются и в конце концов исчезают. Это и является основной чертой социалистического общества. Такой строй возник в СССР в результате роста политической активности и социалистической сознательности народных масс, вытеснения капиталистических и частнособственнических отношений социалистическими отношениями в городе и деревне, установления безраздельного господства социалистического способа производства.

Социалистический характер Советского государства и его органической составной части в лице Узбекской ССР определяется тем, что его политической основой является власть Советов рабочих и крестьянских депутатов, диктатура пролетариата, с установлением которой началась эра крушения буржуазной демократии, эра подлинного народовластия — социалистической демократии.

Экономической основой Советского Союза стала социалистическая собственность на основные средства производства в двух формах — в форме общенародной и колхозно-кооперативной собственности. Труд стал единственным источником существования всех членов общества, принцип «кто не работает, тот не ест» стал основ-

ным законом жизни советских людей. Единственным принципом распределения дохода стал принцип «от каждого по способностям и каждому — по количеству и качеству труда». Не осталось людей, лишенных возможности трудиться и получать свою долю из национального дохода. Люди имеют равное право на труд, на отдых и образование.

С победой социализма исчезли коренные различия между рабочим классом и крестьянством: оба они стали носителями политической власти, отношение их к средствам производства стало социалистическим, социалистическим стал их труд. Между ними осталось различие в распределении общественного продукта, ибо рабочий за рабочую силу получает от дохода, созданного общественной собственностью, а колхозные крестьяне — от колхозно-кооперативной собственности. В этом смысле они пока еще являются результатом существования двух форм социалистической собственности и представляют разные классы. Это различие между ними исчезнет в будущем и его исчезновение будет означать переход к коммунизму. «В разрешении задач коммунистического строительства,— говорил Н. С. Хрущев,— большое теоретическое и практическое значение приобретает вопрос о путях развития и сближения колхозной и общественной формы социалистической собственности... Исторически неизбежное слияние колхозно-кооперативной и общенародной собственности произойдет в будущем не в результате свертывания колхозно-кооперативной собственности, а путем повышения уровня ее обобществления при помощи и поддержке со стороны социалистического государства»[1]. Следовательно, до наступления периода коммунизма в социалистическом обществе будут существовать две формы социалистической собственности и два дружественных класса трудящихся: класс рабочих и класс колхозного крестьянства и вышедшая из их среды интеллигенция.

Таким образом, в Стране Советов подверглись коренной переделке на основе марксистско-ленинской теории все стороны общественной жизни — политическое и экономическое устройство, классовая структура общества,

---

1 «Правда», 28 января 1959 г.

государственный аппарат, право, мораль, взгляды людей.

В результате всего этого совершенно изменилась природа наций, народностей и этнических групп СССР. На базе существовавших до Октябрьской революции народностей и этнографических групп сложились новые нации, которые с самого начала формировались как социалистические, причем непрерывно происходит сближение наций, их взаимообогащение. В стране созданы и развиваются материальные, политические и идеологические основы, объединяющие все народы СССР в единое целое.

Социалистические нации характеризуются тем, что они внутренне монолитны, в них отсутствуют реакционные классы и слои, которые были характерны для буржуазной нации, они целиком состоят из народных масс.

В результате победы социалистической индустриализации, коллективизации сельского хозяйства и культурной революции в нашей стране социалистическими стали все национальные коллективы, живущие в СССР, в том числе и узбеки.

Рассмотрим теперь основные черты социально-политического и морального облика узбекской нации, приобретенные ею в результате победы социализма в нашей стране.

Итоги переписи населения в 1939 году полностью не опубликованы и поэтому мы вынуждены прибегнуть к некоторым косвенным исчислениям.

По материалам переписи 1939 года в Узбекистане проживало 6 271 300 человек, из них 1 449 300—в городах и 4 822 000 — в кишлаках.

Узбеков было 4 081 100 человек, из них 585 268 проживало в городах и 3 495 832— в кишлаках. 48,5 процента узбекского населения, или 1 979 334 человека, составляли женщины и 2 101 776—мужчины. Половой состав узбеков в городах и кишлаках выглядел так: в городах мужчин было 301 213, а женщин 284 055, в кишлаках мужчин — 1 800 553, женщин — 1 695 279. Как говорилось выше, взрослое население, то есть люди в возрасте свыше 19 лет, обычно составляли 62,2 процента. Исходя из этого расчета можно считать, что взрослое узбекское население составляло в городах 187 504 мужчины и 176 582 женщины, в кишлаках — 1 119 794 мужчины и 1 054 564 женщины. Но не все это население могло быть в рабочем возрасте. Среди них были старики и старухи. Поэтому население в рабочем возрасте от 19 до 59 лет составляло 55,4 процента.

Исходя из этого, определим количество женщин и мужчин рабочего возраста. Подсчеты показывают, что в рабочем возрасте было: мужчин —166 077 и женщин — 158 151 в городах, 999 301 мужчина и 937 700 женщин в кишлаках, а всего 2 260 929 человек (табл. 14).

ТАБЛИЦА 14

Показатели	Всего	В городах	В кишлаках
Всего узбеков	4 081 100	585 268	3 495 823
Из них: мужчин	2 101 766	301 213	1 800 553
женщин	1 979 334	284 055	1 695 279
Узбеков старше 19 лет	2 538 444	364 086	2 174 358
Из них: мужчин	1 307 298	187 504	1 119 794
женщин	1 231 146	176 582	1 054 564
Узбеков в рабочем возрасте	2 260 929	324 228	1 936 701
Из них: мужчин	1 165 378	166 077	999 301
женщин	1 095 551	158 151	937 700

Для нашей темы в данном случае важно определить социальный строй узбекского общества после осуществления индустриализации и коллективизации.

Прежде всего укажем, что мы не имеем данных о социальном составе узбекского народа за этот период. Поэтому для характеристики его социального облика мы вынуждены использовать данные о социальном составе всего населения Узбекистана из книги «Узбекистан», изданной АН УзССР в 1950 году. В этой книге приводятся данные о составе самодеятельного населения Узбекистана в 1939 году, разработанные по материалам переписи населения Узбекистана. По этим материалам в 1939 году в республике проживало 6 271 300 душ обоего пола. Из них самодеятельного населения было 2 886 800 душ, или 44 процента от общего числа населения. Социаль-

ный состав самодеятельного населения был таков[1] (табл. 15).

ТАБЛИЦА 15

Социальная прослойка	Мужчины	Женщины	Итого	В %
Рабочих	410 600	130 400	541 000	18,7
Служащих	245 000	91 700	336 700	11,6
Колхозников	1 021 900	861 200	1 883 100	65,3
Кооперированных кустарей	38 400	13 300	51 700	1,8
Некооперированных кустарей	27 500	5 800	33 300	1,2
Единоличных крестьян .	22 100	18 900	41 000	1,4
Всего . . .	1 765 500	1 121 300	2 886 800	100,0

Для определения социального состава узбекского народа можно было бы с некоторым уточнением использовать данные этой таблицы. Основную массу населения Узбекистана составляли узбеки. Уточнение данной таблицы для извлечения из нее данных о социальном составе только узбекского народа требуется лишь по группам «рабочих» и «служащих», в составе которых было значительное число русских; последние в основном жили в городах. Что касается остальных национальностей, то они распадались на отдельные социальные группы примерно так же, как узбеки. Поэтому мы используем данную таблицу для нашей цели с возможными уточнениями группы «рабочих» и «служащих».

Согласно таблице, приведенной Г. С. Мержановым, в 1939 году самодеятельное население среди узбеков составляло 2 045 500 человек, которое по своему профессиональному и половому составу распадалось на следующие группы (табл. 16)[2].

Выделив количество узбеков-колхозников из общего числа колхозников республики согласно соотношению их (72,5% узбеки и 27,5% другие), получим 1 365 000 человек (округленно). Из них было 701 000 мужчин и 654 000 женщин. Если по тому же принципу вывести число узбеков единоличников, то получим 34 000 человек (28 000 мужчин и 6000 женщин), 41 000 кооперированных кустарей (31 000 мужчин и 10 000 женщин), 25 000 некооперированных кустарей (22 800 мужчин и 2200 женщин).

[1] Узбекистан, АН УзССР, 1950, стр. 78.

[2] *Г. С. Мержанов.* Социально-производственная структура населения Узбекистана. Ростовский-на-Дону финансово-экономический институт, Ростов-на-Дону, 1958, стр. 77.

ТАБЛИЦА 16

Группы	Мужчины	Женщины	Итого
Всего самодеятельного населения	1 171 100	874 400	2 045 500
В том числе:			
Рабочие (промышленные, транспортные и строительные)	166 300	18 200	184 500
Служащие	146 600	17 700	164 300
Занятые в сельском хозяйстве	765 500	709 500	1 475 000

Если сопоставить все сельское самодеятельное население — 1 475 000 узбеков, фигурирующих в работе Г.С. Мержанова с 1 365 000 узбеков-колхозников, то получим (округленно) разницу в количестве 110 000. Эта разница возникает в результате того, что Г. С. Мержанов берет все сельское самодеятельное население (узбеков), а наши данные отражают лишь узбеков-колхозников. Разница в 110 000 человек, по-видимому, состоит из 53 000 рабочих и служащих совхозов и МТС, 41 000 крестьян-единоличников (а остальные, возможно, сельские кооперированные и некооперированные кустари и др.).

На основе приведенных расчетов даем следующую таблицу, показывающую социальное лицо узбеков в период победы социализма (табл. 17).

Эта таблица, естественно, не претендует на абсолютную точность, но вместе с тем в известной мере иллюстрирует те преобразования, которые произошли в социальном строе узбекского народа. Она показывает, что в социальном составе узбекского народа совершенно исчезли эксплуататорские группы. Зародился и сформировался класс промышленных, сельскохозяйственных, строительных и транспортных рабочих. Этот класс в составе самодеятельного населения составлял 12,7, а в составе всего взрослого населения 9,3 процента. Формировался

ТАБЛИЦА 17

Классы, слои и группы населения	Мужчины	Женщины	Всего	В % к самодеятельному населению	В % ко всему населению
Городские рабочие .	139 000	44 000			
Сельские рабочие и служащие	53 000[1]	—	236 000	12,7	9,3
Колхозники и кооперированные кустари	732 000	664 000	1 396 000	75,3	55,4
Служащие	146 000	18 000	164 000	8,8	6,4
Единоличные крестьяне и кустари . . .	50 000	8200	58 200	3,2	2,3
Всего самодеятельного населения	1 120 000	734 200	1 854 200	100,0	73,4
Живущие на гос. пенсии	45 000	21 000	66 000		2,4
Женщины-домохозяйки	—	334 000	334 000		13,4
Пожилые нетрудоспособные	142 000	141 200	283 200		10,8
Итого взрослого населения	1 307 000	1 230 400	2 537 400		100,0

мощный слой советской интеллигенции — служащих, в составе которых значительную часть составляли работники культурно-просветительных учреждений, медицины, искусства и т. д. Слой служащих — интеллигенции в составе самодеятельного населения составлял 8,8 процента, а всего взрослого населения 6,4 процента.

Коренные преобразования происходили в кишлаках. Число колхозников и кооперированных кустарей доходило до 1 396 000 человек. По отношению к самодеятельному населению это составляло 75,3 процента, а ко всему взрослому населению —55,4 процента. Люди, связанные

[1] В эту цифру входят рабочие и служащие обоего пола. Это 55,5 процента от 96 800 сельских рабочих и служащих. См. Узбекистан за XV лет. Статистический сборник, Ташкент, 1939, стр. 71—72.

с частным сектором, в составе самодеятельного населения занимали всего 3,2 процента, а всего взрослого —2,3 процента.

Та же таблица показывает и некоторую особенность социалистического преобразования узбекского народа. В первую очередь надо подчеркнуть, что хотя доля рабочих и служащих в массе узбекского народа по сравнению с прошлым значительно увеличилась, но по сравнению с долей рабочих в составе всего населения Узбекистана была значительно меньшей. Если доля рабочих и служащих в составе узбекского самодеятельного населения составляла 21,5 процента, то в массе всего самодеятельного населения —30,3 процента[1]. Доля же колхозников и кооперированных кустарей в составе узбекского народа была значительно выше, чем для всего населения республики. В составе самодеятельного узбекского населения она заняла 75,3 процента, а в составе всего самодеятельного населения республики — 65,3 процента.

Это объясняется тем, что в годы первой и второй пятилеток в Узбекистане, наряду с индустриализацией, шло бурное развитие хлопководства. Расширялась посевная площадь, было организовано переселение крестьян, а иногда и горожан в районы нового орошения, где создавались новые колхозы и совхозы. Так, если посевная площадь хлопчатника в 1928 году была равна 588,500 гектарам, то в 1937 году — 946 000 гектарам. Очень быстрыми темпами росла площадь под хлопчатником в Самаркандском, Бухарском, Кашкадарьинском, Сурхандарьинском и Хорезмском округах[2].

В период первой пятилетки шло широкое переселение горожан и частично дехкан из Ферганской долины в области Сурхандарьи, Самарканда и Бухары. Только в 1929 и 1930 годах на землях нового орошения было организовано 109 колхозов, которые имели 45 499 поливной и 17 760 гектаров богарной земли. В колхозы было переселено 13 389 хозяйств исключительно безземельных и малоземельных дехкан. В эти же годы были переселены в новые хлопковые районы Южного Таджикистана 1000 хозяйств из Чуст-Папского района и 1000 хозяйств из

[1] Узбекистан за XV лет, Ташкент, 1939, стр. 78, 170.
[2] Там же, стр. 106.

Ленинского района, а 500 хозяйств переселились из Чуста в Азербайджан[1].

Наряду с этим шло переселение внутри самих округов Узбекистана. Так, из Андижанского округа 700 хозяйств было переселено в Беговатский район Ташкентского округа, 700 хозяйств — в разные районы Самаркандского округа, 885 хозяйств — в Сурхандарьинский округ[2]. Еще 775 хозяйств были переселены сюда из города Намангана и Наманганского округа. Было много случаев переселения из городов и пригородных зон в кишлаки. Так, 630 хозяйств переселились из города Андижана в кишлаки округа. Из города Ташкента в кишлаки было переселено 300, из города Самарканда и его пригородов — 1405 хозяйств. Из города Бухары в кишлаки области — 320 хозяйств, в Хорезме из городов в кишлаки — 1840 хозяйств. Были также переселения из одних сельских районов в другие. Это продолжалось и в последующие годы, поскольку без переселений невозможно было освоение новых земель в интересах резкого подъема хлопководства.

А обеспечение промышленности и строительства рабочими руками происходило отчасти путем привлечения на производство городских кустарей, мардикеров и бывших нетрудовых элементов, а также путем организованного набора рабочих в центральных районах. Без широкого привлечения из центральных районов русских квалифицированных рабочих в промышленность и на строительство трудно было одновременно обеспечить и рост хлопководства и промышленное строительство в городах. В силу этого в Узбекистане в этот период резко возросло количество русского населения. При росте всего населения республики в период между переписями 1926 и 1939 годов на 37 процентов русское население выросло с 237 708 душ до 727 300, то есть на 62 процента[3].

Особенностью социалистического преобразования узбекского народа было также и то, что в его составе доля колхозников была больше, чем в составе общего населения республики. В то время как колхозники в массе всего самодеятельного населения республики составляли 65,3 процента, колхозники-узбеки в составе узбекского самодеятельного населения занимали 75,3 процента.

[1] ЦГАОР УзССР, ф. 837, оп. 8, д. 302, л. 31.
[2] Там же, лл. 33—34.
[3] Узбекистан, стр. 75; Средняя Азия в цифрах. Ташкент, 1931, стр. 18.

Наконец, табл. 17 показывает, что для женщин-узбечек социалистическое строительство открыло широкий путь приобщения к производственной жизни. Особенно большое значение в этом деле играл колхозный строй. По нашим подсчетам, в 1939 году 664 000 узбечек были членами колхозов и промысловых артелей, что по отношению ко всем узбечкам в трудоспособном возрасте (1 230 200) дает 52,3 процента. Далее, 44 000 женщин-узбечек работали в промышленности, на строительстве, 18 000 — в культурных учреждениях, хозяйственных и партийно-советских органах. 8 200 женщин-узбечек были единоличными крестьянами и кустарями-одиночками. Таким образом, из всего взрослого женского населения 59,7 процента являлись самодеятельными. Это было огромным сдвигом в деле приобщения женщин-узбечек к производственной жизни и обеспечения их экономической самостоятельности. До революции женщины-узбечки не имели ее и поэтому не могли быть включены в число самодеятельного населения. Хотя они фактически участвовали в производстве: занимались шитьем одежды, прядением пряжи, частично и земледелием, однако юридически они не имели экономической самостоятельности. Теперь около 60 процентов женщин приобрели экономическую самостоятельность. Что касается 334 000 узбечек-домохозяек, то они по отношению ко всему взрослому населению составляли всего лишь 13,4 процента. Теперь в массе узбекского населения ликвидировалась категория населения, ранее носившая название «помогающие члены семьи». Ликвидация частной собственности на средства производства, осуществление социалистического принципа, равное право всех членов общества на труд и на доход по количеству и качеству труда — обеспечили экономическую самостоятельность всем, кто трудится. Это имело огромное значение для женщин-узбечек, впервые в истории получивших возможность считать себя хозяевами своего собственного труда.

Огромная часть узбечек приобщилась к общественному труду, что явилось следствием специальных забот государства об освобождении женщин от бремени

домашнего хозяйства путем расширения предприятий общественного питания, бытового обслуживания, детских учреждений и т. д. Уже в 1940 году в Узбекистане функционировало 3003 предприятия общественного питания, 44 500 детских яслей, из них 14 900 в городах и рабочих поселках, 29 600 в сельских местностях, в том числе 21 200 в колхозах, 780 детских садов, из них 381 в кишлаках[1]. Это было началом освобождения узбечек от домашней работы и в дальнейшем доля самодеятельного женского населения в составе узбекского народа будет расти непрерывно.

Таким образом, таблица 17 отражает социальный облик узбекского народа после победы социализма в нашей стране и показывает, что узбекский народ, как и все народы Советского Союза, стал социалистическим коллективом.

Этим завершалось социалистическое преобразование основ быта, жизни и культуры узбекского народа, начавшееся с победой Великой Октябрьской социалистической революции. Узбекский народ из отсталого, забитого, подавленного нуждой и национально-колониальным угнетением, доведенного до отчаяния бесчеловечно-варварской феодально-капиталистической эксплуатацией — стал одним из свободных от угнетения и эксплуатации, культурно развитых и зажиточных промышленно-колхозных коллективов нашей необъятной Родины.

В этот же период окончательно завершился процесс консолидации узбеков в нацию. Узбеки стали социалистической нацией.

6. Завершение национальной консолидации узбеков

В период первой и второй пятилеток завершился процесс национального оформления узбеков, который начался в конце XIX и начале XX веков. В течение примерно полстолетия этот процесс шел сравнительно более быстрыми темпами, чем формирование первых наций на Западе. Формирование таких буржуазных наций, как английская, французская, итальянская, немецкая и русская протекало в условиях длительного, постепенного развития капиталистических отношений, в острой борьбе против феодальных порядков. Инициатором и организующей силой консолидации этих наций выступала зарождающаяся национальная буржуазия, экономической базой борьбы которой был капиталистический уклад, формировавшийся в виде хозяйства городских зажиточных кустарей. Завершение национальной консолидации в условиях капитализма означало превращение буржуазии в руководящую силу нации, то есть захват ею внутреннего рынка, сплочение всей земли в единую национальную землю, живущую единой экономической и культурной жизнью на базе капиталистического способа производства, и как следствие всего этого расширение функций языка, служившего средством общения между людьми в национальном масштабе.

На Западе и в России прошло не менее двух-трех столетий пока завершилась национальная консолидация. Национальное оформление узбеков шло более ускоренными темпами. То, что на Западе осуществлялось в течение нескольких десятилетий и даже в течение столетия, здесь осуществилось в течение менее чем полстолетия.

О степени национального оформления узбеков в колониальный период говорилось во второй главе. Теперь остановимся на завершении национальной консолидации узбеков под эгидой Советской власти. Как было сказано выше, материальной основой национальной консолидации является сложение общности экономической жизни того или иного коллектива. Национальная консолидация узбеков в колониальный период осталась незавершенной потому, что не завершилось начавшееся сложение общности их экономической жизни, хотя оно и достигло значительного уровня. Замкнутость отдельных районов разрушалась, товарность достигла высокой ступени; как в городе, так и в кишлаках формировались своеобразные «областные» рынки. Однако между этими «областными» рынками связь была еще слаба, следовательно, тесная и всесторонняя экономическая связь в национальном масштабе еще была недостаточна; затрудняла ее колониальная политика царизма и русской империалистической буржуазии.

В период борьбы за победу социализма в результате социалистической индустриализации и коллективи-

[1] Народное хозяйство Узбекской ССР, Ташкент, 1957, стр. 170, 196, 197.

зации сельского хозяйства сложение общности экономической жизни среди узбеков завершилось. В отличие от старых наций на Западе, здесь она сложилась на базе социалистического способа производства. Национальная политика Коммунистической партии, направленная на ликвидацию экономической отсталости бывших колониальных народов, ускорила процесс экономической консолидации узбеков. Эта политика была рассчитана на разностороннее развитие экономики национальных окраин. Поэтому в Узбекистане в годы первой и второй пятилеток появилось много новых отраслей промышленности. Далее, промышленность развивалась не однобоко, а всесторонне и размещалась по-новому, по-социалистически. Как известно, при капитализме в размещении промышленных предприятий учитывается не только близость источника сырья, но и близость рынка сбыта, а главное, возможность получения высокой прибыли. Последний фактор нередко тормозил развитие производительных сил и формирование в нацию народов окраин. Одним из главных принципов социалистического размещения производительных сил является создание благоприятных условий для экономического прогресса всех народов. Плановое хозяйство при социализме, всесторонне развивая экономику районов, само создает рынок для всех товаров. А это ускоряет расширение экономической связи во всех районах, в том числе и в промышленно отсталых, одним из которых в прошлом был Узбекистан.

Пользуясь случаем заметим, что С. А. Зенковский — автор книги «Пантюркизм и ислам в России» (Кембридж, 1960, стр. 225—235), пытаясь объяснить причины хозяйственной и культурной замкнутости узбеков в прошлом, выдвигает «теорию» некоей оазисной психологии. Так называемая теория «оазисной психологии» является всего навсего не более, чем вполне очевидной разновидностью идеалистической, реакционной горе-теории этнопсихики, широко распространенной в наши дни среди буржуазных социологов. «Теория» этнопсихики и оазисной психологии, выдвигая на первый план психическую общность людей, приписывает отдельным нациям в качестве вечной категории неизменные национальные особенности. Выводя национальные черты людей непосредственно из окружающей их географической, биологической и естественной среды, сторонники «этнопсихики» придают

этим чертам внеисторический характер, отрицая тем самым способность отдельных наций к духовному и культурному прогрессу. Тот же С. А. Зенковский, приписывая узбекам вековую хозяйственную отсталость, культурную и экономическую замкнутость, объясняет причины этого тем, что узбеки жили в отдельных, оторванных друг от друга оазисах и поэтому им якобы были чужды чувства общих интересов в сфере экономики, политики и культуры.

В действительности же замкнутость в жизни узбекского народа, о которой повествует С. А. Зенковский, являлась прямым следствием господства феодального способа производства и в разной степени была присуща всем народам до появления наций. Как мы видели выше, хозяйственно-политическая замкнутость и духовно-культурная разобщенность узбеков начали разрушаться в колониальный период. После же Октябрьской социалистической революции, в особенности в годы первой и второй пятилеток, дальнейшее ускоренное развитие экономических связей среди узбеков, то есть сложение общности экономической жизни, совершенно ликвидировали былую разобщенность. История формирования узбекской социалистической нации разоблачает антинаучную теорию «оазисной психологии», столь усердно пропагандируемую очередным фальсификатором истории народов Туркестана в лице С. А. Зенковского.

После Октябрьской революции в течение всего восстановительного периода происходило значительное изменение в структуре промышленности Узбекистана. Промышленные заведения укрупнялись и их мощность сильно возросла. Технически они коренным образом реконструировались, оснастились новой техникой. Все это было большим шагом по пути сложения общности экономической жизни. В дальнейшем, в период двух пятилеток, развитие промышленности и сельского хозяйства служило материальной основой для полной экономической консолидации узбеков.

Новое социалистическое размещение промышленности резко изменило облик Узбекистана. Во всех его районах возникли промышленные очаги. Далее, промышленность одного экономического района обслуживала также потребности другого района — усилились экономические связи между районами.

Приведем данные о росте промышленности и ее размещении (табл. 18)[1].

ТАБЛИЦА 18

Экономические районы	Количество предприятий		Доля районов в произведенной ими продукции, %	
	в 1927—1928 годах	в 1940 году	в 1927—1928 годах	в 1940 году
Ташкентская область .	65	514	22,2	35,0
Ферганская долина . . .	64	385	52,6	23,3
Зеравшанская долина . .	42	291	17,2	20,9
Остальные районы (Кашкадарьинская, Сурхандарьинская и Хорезмская области) .	15	166	5,9	7,8
Всего в узбекских районах	186	1356	97,9	97,0
В КК АССР	5	89	2,1	3,0
Итого . . .	191	1445	100,0	100,0

Все экономические районы Узбекистана в разной степени стали промышленными, но на первый план выдвинулся Ташкентский район. Его доля в продукции с 22,2 процента поднялась до 35 процентов. Доля Ферганского района с 52,6 процента снизилась до 23,3 процента, хотя в абсолютном выражении выросла более чем в 5 раз.

Развитие промышленности в натуре выразилось в следующем виде. В первой и второй пятилетках в Ташкентском районе были построены: Ташкентский завод сельскохозяйственного машиностроения, Кислородный завод, Чирчикский электрохимический комбинат, Чирчикская гидроэлектростанция, Ташкентский текстильный комбинат. Значительно были расширены завод им. Ильича, вагоноремонтный завод им. Октябрьской революции, Хилковский цементный завод. Из предприятий легкой промышленности были построены шелкокрутильная, швейная, обувная, бумажная, кондитерская и ряд других фабрик в Ташкенте, консервный завод, маслозавод в Янгиюле и т. д.

[1] *С. Зиядуллаев, И. Манохин.* Социалистическая промышленность Советского Узбекистана, Ташкент, 1949, стр. 58.

В Ферганской долине возникли Маргеланская и Ферганская шелкомотальные фабрики, Ферганская хлопчатобумажная фабрика, мясокомбинат, Кувасайский цементный завод, Андижанский черепичный завод, Ферганский гидрогенезационный завод, механические заводы в Коканде и Андижане, чулочная фабрика в Коканде, холодильники в Горчакове, Коканде, Андижане и др. В Зеравшанской долине (Самаркандской и Бухарской областях) вступили в строй металлообрабатывающий завод «Дехканин», шелкомотальная фабрика, кожзавод, известковый завод, кожевенно-обувная фабрика, в Самарканде — шелкомотальная фабрика, в Бухаре — маслозавод, швейная фабрика, в Каттакургане — маслоэкстракционный завод и т. д.

Во всех районах были расширены хлопкозаводы, во всех городах построены электростанции, кирпичные, хлебо-булочные, рисоочистительные заводы, которые обслуживали местные потребности. В 1940 году в Узбекистане производились сталь, уголь, нефть, газ, электроэнергия, минеральные удобрения, сеялки, культиваторы, опыливатели, цемент, строительная известь, строительный кирпич, черепица, гипс, ганч, алебастр, кровельный толь, хлопок-волокно, шелк-сырец, бумага, хлопчатобумажные ткани, шелковые ткани, трикотаж, чулочно-носочные изделия, разные кожи, верхние кожтовары, кожаная обувь, макаронные, кондитерские изделия, масло растительное, спирт, пиво, вино, рыбные изделия, мясопродукты, разные фруктовые консервы, папиросы, мыло и др. Колхозы и совхозы республики давали хлопок, зерно, различные сухофрукты, бахчевые, виноград, гранат, каракулевые шкурки, кожу, шерсть, мясо, молоко, животный жир и т. д.

Установилась тесная экономическая связь между промышленностью и сельским хозяйством, между городами, районами и областями.

Сельское хозяйство наряду с обеспечением хлопковым волокном и шелковым сырьем промышленности центральных районов служило базой для текстильной промышленности республики, продукция которой в свою очередь покрывала в основном потребность самой республики. Продукция химической и сельскохозяйственно-

строительной промышленности обеспечивала колхозы и совхозы удобрением и сельхозмашинами. Продукция легкой и пищевой промышленности расходилась по всем районам республики. Таким образом, все районы Узбекистана экономически сплотились в единый производственный организм. Это и было основой экономической общности узбеков.

Сложению общности экономической жизни узбеков в колониальный период в известной мере препятствовало господство мелкого крестьянского хозяйства на селе. Из-за того, что посевная площадь крестьян состояла из мелких полей, невозможно было применение современных земледельческих машин, а разнообразие условий отдельных районов не позволяло стандартизировать сельскохозяйственный инвентарь. Основные орудия производства — кетмень и лопата, омач и мала, урак и другие — в каждом районе имели разные формы, вес и конструкцию. Поэтому в колониальный период не удалось организовать массовое производство даже таких основных орудий, как кетмень. Коллективизация сельского хозяйства позволила осуществить применение новых машин, тракторов, сеялок, культиваторов и т. д. Коллективизация сельского хозяйства ускорила рост экономической общности узбекского народа.

Ускоряюще влияло на рост экономической связи среди узбеков также распространение таких предметов, как специальная производственная одежда: комбинезоны, ватники, рабочие сапоги и т. п. Она очень быстро вошла в быт промышленных и транспортных рабочих, колхозников, рабочих совхозов и МТС. Наряду с этим современная обувь (ботинки, туфли, калоши), носки, одежда, рубашки, костюмы и пальто городского покроя начали вытеснять старые кауши, ичиги, чаруки, халаты, и т. д. Все это позволяло наладить массовое производство предметов народного потребления. В результате этого усилилась перевозка многих предметов народного потребления из одного района в другой, что также расширило экономические связи внутри узбекского народа.

Развитие легкой и пищевой промышленности значительно вытеснило из потребления продукцию кустарной промышленности. Совершенно сократились такие отрасли кустарной промышленности, как местная маслобойная — джувази, мыловарение, ткачество и т. п. Их продукция

была полностью вытеснена промышленной продукцией, которая по качеству и прочности стояла неизмеримо выше, чем кустарная продукция.

Итак, в период победы социалистического строительства Узбекистан стал не только промышленно развитой республикой, а узбекский народ не только превратился в социалистический коллектив, но наряду с этим важным историческим преобразованием узбекский народ окончательно экономически консолидировался, завершилось сложение его экономической общности. На базе этого происходило завершение формирования и других признаков нации в жизни узбеков.

Выражением территориальной консолидации узбеков был рост их подвижности, ослабление чувства привязанности узбеков к месту жительства, порожденного былой территориальной разобщенностью и родоплеменной ограниченностью. Это было прямым результатом роста экономических связей среди узбеков. Установившаяся тесная экономическая связь между городом и кишлаком, между отдельными районами сплотила всю узбекскую землю в единое целое. В течение 15 лет после образования Узбекской ССР совершенно исчезли следы бывшей раздробленности узбекской земли, деления ее на Туркестанское генерал-губернаторство, Бухарский эмират и Хивинское ханство, а также на отдельные земли племен и родов в Бухаре и Хиве, что выражалось не столько в официальных административных границах, сколько в различиях в уровне культуры, экономики и быта. Как мы уже подчеркивали, Бухара и Хива отличались своей культурно-экономической и социальной отсталостью по сравнению с Туркестаном.

Индустриализация и коллективизация способствовали более быстрому культурно-экономическому росту бывших бухарских и хивинских районов и они в культурно-экономическом отношении в целом поднялись до уровня, на каком стояли Ферганская, Ташкентская и Самаркандская области.

Важным фактором территориальной консолидации узбеков было отмирание родоплеменной ограниченности. В Бухаре и Хиве даже перед образованием Узбекской ССР многие роды и племена были территориально разобщены. Свою территорию они противопоставляли территориям других племен. Сначала земельно-водная

реформа, а в последующем коллективизация стирали следы границ территории отдельных родов и племен. Колхозы объединяли разные роды, следовательно, и их территорию. Далее, колхозы, совхозы и МТС способствовали смешению земли тюрков Мавераннахра с землей кочевых узбеков. Очень многие колхозы объединяли тюрков Мавераннахра с кочевыми узбеками, следовательно, объединялись и их земли. Обычно горные и предгорные полосы закреплялись за колхозами как пастбища, а сами тюрки или переселялись в долинную зону и занимались хлопководством, или, оставаясь на своих местах, работали на животноводческих фермах колхозов.

В ослаблении чувства привязанности к «своей» земле большое значение имело добровольное переселение крестьян и частично городских ремесленников из Ферганской долины, городов Ташкента, Самарканда, Хивы и Бухары в малонаселенные районы Сурхандарьи, Бухарской и Самаркандской областей, а также в районы низовьев Аму-Дарьи, о чем было сказано выше.

Итак, фактически исчезли следы территориальной разобщенности узбеков, и узбекская земля стала единой национальной землей.

Важное значение в завершении национальной консолидации узбеков имело развитие узбекского языка и устранение тех препятствий, которые мешали закреплению его в литературе в более или менее полном объеме.

Развитие экономической, политической и культурной связи между отдельными районами заселения узбеков усилило значение письменного общения между ними. Повышение экономической, политической и культурной роли отдельных городов, в частности Ташкента, Коканда, Ферганы, Андижана и других, выдвигало на первый план их диалекты. В этих городах издавались газеты, которые расходились очень широко. Появились вузы, различные курсы и техникумы, где обучались люди почти из всех районов. В силу этого диалекты этих городов оказывали воздействие на развитие языка в других районах и городах. Все это было необходимым условием формирования национального языка, что и должно было завершиться закреплением его в литературе.

Закрепление языка в литературе означало более или менее полное отражение живого, разговорного, общенародного языка в письме. Национальным языком по существу является единый живой, общенародный язык, более или менее полно отраженный в литературе, ибо он выступает средством общения в национальном масштабе, следовательно, на расстоянии. Джадиды еще до революции препятствовали закреплению формирующегося единого общенародного языка в литературе, выдвигая реакционные лозунги о создании искусственного «общетюркского языка».

После революции закреплению формирующегося общенародного разговорного языка в литературе препятствовали буржуазные националисты.

Оторванной от реального языка оказалась и письменная речь, принятая в связи с переходом на новый узбекский алфавит на основе латинской графики. После принятия нового алфавита в узбекском языке создалось такое положение, что узбекская письменная речь резко расходилась с живым общенародным единым языком. В этот период живой узбекский язык стал быстро развиваться: расширялся его словарный фонд и состав, совершенствовался грамматический строй, происходило переосмысливание многих старых слов, а также смысловая специализация отдельных слов и т. д. Словарный состав узбекского языка обогатился сотнями названий предметов и явлений, проникших в жизнь и быт узбекского народа. Специализация слов выразилась в том, что такие, например, слова, как *ватан,* ранее обозначавшие не только родину, но и дом или двор, теперь специализировались на обозначении *отчизны,* а двор обозначался словом *ҳовли* и т. д.

Однако на пути дальнейшего развития узбекского языка фактически стала тормозом новая орфография, принятая на основе латинского алфавита. Дело в том, что он был принят на основе так называемого кипчакского диалекта, в котором было 9 гласных. Этим письменная речь оказалась оторванной от общенародного единого языка, в силу чего создались большие затруднения в выполнении языком своей функции, как средства общения на расстояние через письмо.

Далее, новая орфография создала большие трудности в деле ликвидации неграмотности. 9 гласных и сингармонизм, нехарактерные для основной массы узбеков, не могли быть усвоенными народом и поэтому затрудняли ликвидацию безграмотности. Много трудностей воз-

никло в деле согласования новых советских и интернациональных слов законами сингармонизма. Наконец, сингармонизм затруднял словообразование при помощи русских или интернациональных суффиксов и т. д.

Большие трудности создавались двоякими *а, у, и*. Они состояли из мягких и твердых. Согласно законам сингармонизма в твердых словах нужно было применять твердые гласные, а в мягких словах — мягкие гласные. В словарном составе узбекского языка было очень много слов арабского, таджикского, русского и интернационального происхождения, которые не являлись ни твердыми и ни мягкими, то есть образовались и из твердых и из мягких фонем. Да и чисто узбекские слова среди бывших тюркоязычных сартов произносились с явным нарушением сингармонизма. Узбекская морфема *ака* (старший брат), по законам сингармонизма являющаяся мягкой, в Ташкенте произносилась как *ока*, что совершенно недопустимо по закону сингармонизма. Многие такие нарушения сингармонизма, выходя за рамки орфоэпического колебания, уже стали общим явлением. Сложилась обстановка, при которой письменная речь противоречила всем этим жизненным фактам.

В силу сказанного, уже в начале 30-х годов среди лингвистов, литераторов и в особенности преподавателей языка и литературы, которые в своей практической работе особо остро чувствовали все эти трудности, начали раздаваться голоса, требующие пересмотра принятого алфавита и орфографии. Учитывая это, Центральный Комитет нового алфавита и терминологии уже в 1933 году выпустил в свет новую единую орфографию узбекского литературного языка для широкого обсуждения. В этом проекте ставился вопрос об отказе от 9 гласных и сингармонизма, о принятии 5 гласных и о разработке правил орфографии в зависимости от живого разговорного языка. Дискуссия вокруг этого вопроса с перерывами продолжалась до 1940 года.

В ходе дискуссии было выявлено единство мнения об отказе от сингармонизма и, следовательно, от 9 гласных. Было договорено о принятии новой графики на основе русского алфавита. В 1940 году Верховным Советом УзССР был принят закон о переводе узбекской письменности с латинизированного алфавита на новый узбекский алфавит на основе русской графики. Согласно этому закону были приняты 6 гласных и последовал отказ от сингармонизма. Письменная речь была максимально приближена к общенародной разговорной речи. В этом алфавите через букву *е* обозначались две узбекские фонемы — собственно *е* и *э*, что также создавало некоторое затрудение. Поэтому позже в алфавит была введена *э* и гласных стало 7.

Таким образом, в эти годы грамматические, фонетические и морфологические черты узбекского языка получили свое закрепление, что было важным признаком формирования национального языка.

Другим существенным признаком формирования национального языка является более или менее полное закрепление в литературе всего лексического богатства данного языка. Этим национальный литературный язык отличается от литературного языка народности, когда в письменности отражается не все лексическое богатство, а его определенная часть, в основном язык художественной литературы. Закрепление всего лексического богатства языка в литературе диктуется потребностью всесторонне развивающегося экономического, культурного, политического и духовного взаимоотношения людей в национальном масштабе. Нация не может нормально существовать и развиваться без систематической, повседневной широкой внутренней экономической, политической, культурной связи. А национальный язык выступает средством именно такой связи. При феодализме в силу слабого развития экономики и культуры внутри народности такие связи не зарождаются и господствует замкнутость. Поэтому язык в основном служит средством всестороннего общения в узких рамках отдельных «земель», княжеств или родов и племен. Что касается связей в масштабе всей народности, то они стоят на втором месте и базируются на таких этнических свойствах, как общее происхождение, на языковом родстве и т. д. Этим объясняются сила и значение местных диалектов и ограниченная сфера действия общего языка народности.

В период победы социализма узбекский язык окончательно сформировался как национальный язык. Он не только неизмеримо обогатился, но и получил свое полное отражение в письме и начал широко служить средством общения в национальном масштабе. Выражением полного закрепления узбекского языка в литературе были раз-

работка и публикация различных узбекских терминологических словарей. 30-е годы оказались периодом создания многих научно-терминологических словарей. До революции было создано всего лишь несколько двуязычных словарей общеупотребительных слов. После революции, до 30-х годов, также было издано несколько русско-узбекских словарей. Более полным среди них был словарь, составленный Ашуром Али Захирием на основе переработки русско-татарского словаря С. Рахманкулова и А. Карама, изданного в Казани в 1920 году. В дальнейшем наряду с общеупотребительными двуязычными словарями появились десятки специальных научно-терминологических словарей. Приведем названия некоторых из них: «Русча-ўзбекча математика терминлари сўзлиги» (Русско-узбекский словарь математических терминов) Т. Н. Кары-Ниязова, «Русча-ўзбекча пахтачилик терминлари сўзлиги» (Русско-узбекский словарь хлопководческих терминов) Н. Сайфулмулукова, «Русча-ўзбекча маъмурий-ҳуқуқий сўзлик» (Русско-узбекский административно-юридический словарь) Н. Сарымсакова, «Русча-ўзбекча эмбриология терминлари сўзлиги» (Русско-узбекский словарь эмбриологических слов) З. Рахматуллина и других, «Пахтачиликка доир қисқача изоҳли луғат» (Краткий толковый словарь по хлопководству) С. Ибрагимова, «Русча-ўзбекча қишлоқ хўжалик терминлари луғати» (Русско-узбекский словарь сельскохозяйственных терминов) Н. Сайфулмулукова, «Русча-ўзбекча ботаника терминлари луғати» (Русско-узбекский словарь ботанических терминов) С. Сахобиддинова, «Зоология терминларининг қисқача изоҳли луғати» (Краткий толковый словарь зоологических терминов) Т. Захидова, «ВКП(б) тарихини ўрганувчилар учун қисқача луғат» (Краткий словарь для лиц, изучающих историю ВКП(б), «Қисқача русча-ўзбекча география терминлари луғати» (Краткий русско-узбекский словарь географических терминов) М. Х. Бектемирова и С. М. Саидрасулова, «Русча-ўзбекча физика терминлари луғати» (Русско-узбекский словарь физических терминов) К. А. Абдурашидова, «Русча-ўзбекча тупроқшунослик терминлари луғати» (Русско-узбекский словарь почвоведческих терминов) Н. В. Кимберга и М. Баходирова, «Русча-ўзбекча бухгалтерия терминлари лағути» (Русско-узбекский словарь бухгалтерских терминов) М. Кариева, Ильязова и других, «Русча-

ўзбекча геология терминлари луғати» (Русско-узбекский словарь геологических терминов) М. Мирбабаева, А. Садыкова и С. Султанова, «Боғчилик терминлари» (Садоводческие термины), «Русча-ўзбекча узумчилик ва виночилик терминлари луғати» (Русско-узбекский словарь терминов виноградарства и виноделия) и др.

Кроме того, были составлены и размножены на стеклографе «Этикдўзлик, маҳсидўзлик, кавушдўзлик терминлари луғати» (Терминологический словарь сапожного дела), «Эгарчилик ҳалк терминлари» (Народные термины по производству седел) и др.

Эти терминологические словари отражали более или менее полное закрепление узбекского языка в литературе. Необходимость их появления диктовалась тем, что рост экономической, хозяйственной, культурной и духовной связи узбекского народа в национальном масштабе требовал детальной разработки языка как средства общения в национальном масштабе. А язык мог выполнить эту функцию только при наличии национальной терминологии. Терминологические словари и были отражением закрепления узбекского языка в литературе в полном объеме. Действительно, такие терминологические словари появляются только на определенном этапе развития общества, в период формирования наций. Для феодального периода появление таких словарей не было характерным.

Такие словари в Узбекистане не появлялись и в колониальный период, ибо тогда еще не зародилась необходимость в них и еще не сформировался национальный язык, который должен был отражаться в них.

Итак, формирование узбекского национального языка, как средства общения в национальном масштабе, имело свое отражение в приведении письменной речи в соответствие с единым общенародным языком и в появлении терминологических словарей почти по всем отраслям хозяйства, техники и науки. В деле приведения письменной речи в соответствие с живой общенародной речью большое значение имело создание ряда орфографических словарей узбекского языка.

Первые терминологические и орфографические словари являлись выражением завершения формирования национального языка.

Мы специально подробно остановились на критерии формирования национального языка, как средства общения в национальном масштабе, ибо национальный язык отличается от языка народности, конечно, не только расширением функций языка. С ростом экономики и культуры при формировании национального языка растут также словарный фонд и состав языка, совершенствуется его грамматический строй, расширяется фонетический и словообразовательный диапазон, ослабляются диалектные различия и орфоэпические колебания и т. д. Но при формировании национального языка они изменяются только как бы количественно, а качественного преобразования в них не происходит. Главным в образовании национального языка является качественное изменение его функции, как средства общения. Он становится средством общения в национальном масштабе и в силу этого зарождается необходимость полного закрепления языка в литературе. Формирование национального языка не отрицает существования диалектных различий и орфоэпических колебаний. Было бы в то же время неправильно вывести формирование национального языка из факта ликвидации диалектных или орфоэпических различий внутри языка. Может случиться так, что диалектные различия еще будут держаться крепко, но язык достигнет уровня национального языка и, наоборот, внутри того или иного языка диалектных различий может не оказаться или они могут быть очень слабыми, но язык может не достичь уровня языка национального. Например, ныне таджики имеют несколько диалектов, которые являются остатками древнеиранских языков и сильно отличаются друг от друга, но тем не менее таджикский язык достиг сейчас уровня национального языка, диалектной основой которого служат бухарский и гиссарский диалекты. Отдельные группы горных таджиков, имея свой диалект, в широком общении пользуются общенациональным таджикским языком. Наоборот, казахский язык с давних времен не имеет сильных диалектных различий и является как бы «монолитным» языком, но национальным стал только в советский период.

Поэтому, хотя внутри узбекского языка еще сильны диалектные различия и орфоэпические колебания, тем не менее он стал национальным языком, и языковая консолидация узбеков завершилась. Диалектные различия

внутри узбекского языка будут существовать еще долго. Но вместе с тем будет продолжаться «перемалывание» отдельных диалектов внутри узбекского национального языка.

Бесспорно, что для процесса формирования узбекского национального языка и ускорения его формирования большое значение имело осуществление ленинской национальной политики Коммунистической партии. Забота партии и Советского правительства о быстром росте экономики и культуры, о ликвидации культурно-экономической отсталости узбекского народа явилась основой быстрого завершения языковой консолидации узбеков.

Наконец, в описываемый период завершился процесс сложения общности психического склада узбекской нации, национального характера узбеков. В колониальный период началось, но не завершилось сложение общности психического склада узбеков. После Октябрьской революции в течение более чем двадцати лет шел интенсивный процесс разрушения замкнутости отдельных районов, происходило непрерывное передвижение узбеков разных районов и смешение их между собой, а также рост экономической и культурной связи в масштабе всей узбекской земли. На основе всего этого шел быстрый процесс сложения общности психического склада, на что особенно благоприятно влияли также такие социально-политические факторы, как народная советская революция в Хиве и Бухаре, преобразование их в социалистические республики, а также национально-государственное размежевание народов Средней Азии и, в частности, образование Узбекской ССР.

Периодом завершения сложения общности психического склада узбекской нации явились годы первой и второй пятилеток, когда завершилась экономическая, территориальная и языковая консолидация узбекской нации. На базе этого, как их духовное выражение, завершилось сложение общности психического склада. Необходимо подчеркнуть, что она сложилась окончательно как выражение социалистической психики. Национальный характер узбекской нации окончательно оформился, как концентрированное выражение впечатлений, полученных от окружающей социалистической среды. Он представлял собой проявление социалистической психики узбекского

народа в национальной форме литературы, искусства, обычаев, бытовых черт и внешних отношений.

Остановимся на формировании единой национальной культуры, как проявления общности психического склада узбекской нации.

Содержание психики нации формируется сообразно с социальным строем данной нации, но проявляется через культуру, формы которой в зависимости от природных, бытовых, материальных условий производства и средства общения между людьми — языка могут быть различными. Следовательно, психический склад социалистических наций проявляется в их национальной культуре. Фактически национальная форма культуры и язык являются теми факторами, стирание различий между которыми в конечном итоге приводит к отмиранию наций. Однако для всестороннего и быстрого развития наций и народностей при социализме важную роль играют национальный язык и национальная форма культуры. Наряду с ростом экономики развитие национальной культуры выступает как критерий расцвета нации.

Для узбекской социалистической нации характерным было не только преобразование психики узбекского народа в социалистическую, но и завершение сложения ее общности, как элемента нации.

Смешение разных, в прошлом значительно отличавшихся между собою групп узбеков, в результате переселения населения из одного района в другой, в основном из культурных и древнеорошенных районов в районы заселения кочевых узбеков, объединение в колхозы людей разных племен и родов, широкое проникновение письменной литературы в жизнь народов в результате роста грамотности населения и развития книгоиздательства и периодической печати привели к формированию национального самосознания, единого чувства общего долга, понятия единой Родины, единого понятия «добра» и «зла», единого понятия прекрасного, общих норм обычаев, семейных отношений и правил общежития и т. д. Во всех этих явлениях выражалась общность социалистического психического склада узбекского народа.

В течение более десятилетия после образования Узбекской ССР окончательно сформировалось национальное самосознание узбекского народа. Слово «узбек»

стало единым национальным самоназванием узбеков. Если во время переписи населения в 1926 году из числа узбеков, живущих в Ферганской долине и Ташкентском оазисе, 32 784 человека называли себя кипчаками, 50 078 — кураминцами, 21 565 — тюрками, противопоставляя себя узбекам, то в переписи 1939 года они уже причисляли себя к узбекам. Узбекские племена и роды долины Кашка-Дарьи и Сурхан-Дарьи, в прошлом резко противопоставлявшие себя другим родам и племенам, даже значительно чуждавшиеся друг друга, теперь, благодаря объединению их в колхозы, освободились от былой родовой замкнутости и смешались с другими родами и племенами. Чувство родоплеменной ограниченности отошло на второй план, а чувство национального единства выступило на первый план.

Завершение территориальной, экономической и языковой консолидации легло в основу формирования чувства единого национального отечества. Потеряло свое былое значение понятие о мусофире — чужестранце. Даже само слово «мусофир» вышло из оборота. Переселенцы-колхозники из Ферганской долины чувствовали себя как дома в далекой Сурхандарьинской долине. Бывшие батраки из кишлака в городах, на заводах также чувствовали себя как в родном кишлаке. Таким путем формировалось чувство единой Родины, чувство любви к единой, свободной от внутренних антагонизмов Отчизне.

Совершенно изменилось понятие о «добре» и «зле». Социалистический строй, уничтожив капиталистический способ производства, все явления, связанные с ним и считавшиеся нормальными в прошлом, перевел в категорию «зла». Он вместе с тем расширил рамки понятия «добра» и создал множество подлинно добрых явлений. С уничтожением частной собственности и эксплуатации человека человеком из категории «доброго» (с точки зрения капитализма) в категорию «злого» перешло чувство индивидуализма, эгоизма, стремление накопить богатства за счет других, конкуренция, ростовщичество и т. д. За счет проникновения таких благородных черт пролетариата, как чувство коллективизма, солидарности, взаимной поддержки и помощи в сознании всего народа расширились рамки понятия «доброго». Все это имеет свое выражение в таких, созданных социализмом

10-7

новых явлениях, как социалистическое соревнование, советский патриотизм, социалистический интернационализм, коммунистический труд.

Социалистическое соревнование является выражением господства социалистического отношения к труду. В нем проявляется гармоническое сочетание личного труда с общественным. Впервые в истории труд поднялся на уровень самой почетной и самой благородной деятельности человека. Социалистическое соревнование—мощный рычаг подъема производительности труда, что является самым главным фактором в переходе от социализма к коммунизму. Поэтому социалистическое соревнование является важнейшим методом строительства коммунизма.

Общим и единым правилом стал принцип социалистического соревнования — догонять передовых, помогать отстающим, популяризировать опыт новаторов, широко развивать новаторство и рационализаторство, бороться за общий подъем экономики и культуры всего цеха и бригады, завода, колхоза, совхоза и МТС, района, города, области, республики и страны в целом. Исходя из всего этого, социализм выработал новые принципы и нормы отношения к труду. Труд стал делом чести, делом славы и геройства. Жизнь без труда или за счет чужого труда стала «злом». Участие в труде стало единым принципом жизни всей нации. Социализм создал подлинно народные принципы материального и морального вознаграждения за труд. Впервые в истории человечества труд стал мерилом участия производителя в распределении дохода. Впервые в истории наше общество морально вознаграждало человека за труд, впервые представители физического труда награждались государственными орденами и медалями за труд, как за благородное дело. Участие в социалистическом соревновании стало самым почетным общественным делом.

Другим благородным свойством человека стал советский патриотизм и социалистический интернационализм, как высшая стадия патриотизма и интернационализма.

С ликвидацией антагонистических классов и с социалистической переделкой природы мелкобуржуазных элементов пролетарский патриотизм становится общенациональным патриотизмом, а интернационализм — солидарностью всей нации с другими нациями. Таким образом, только при полной победе социализма утверждаются патриотизм единый для всей нации и интернационализм без какого бы то ни было внутреннего ограничения. Такими являются ныне утвердившиеся в нашей стране советский патриотизм и социалистический интернационализм.

Советский патриотизм знаменует собою проявление социалистического интернационализма в конкретных отечествах. Все нации и народности, строящие социализм, едины в своей цели, в своей борьбе, в своих мыслях и стремлениях. Успешное строительство коммунистического общества и защита страны социализма от внешних нападений, при наличии капиталистических государств,— их общая цель. Эта цель может осуществиться только в рамках отдельных конкретных отечеств. Каждая нация, развивая свою экономику и культуру в рамках конкретного отечества, развивает также социалистическую экономику и культуру в целом. Поэтому теперь любовь к своей родине является любовью к конкретной социалистической родине, живущей единой хозяйственной, политической и культурной жизнью с отечеством других социалистических наций и народностей.

Следовательно, советский патриотизм отражает всестороннее развитие и расцвет социалистических наций в их национальной территории, в их отечестве. Социалистический интернационализм характерен тем, что его носителем выступает не только рабочий класс, как при капитализме,— он является всесторонним сотрудничеством, солидарностью и братством социалистических наций в целом. Советский патриотизм растет и развивается на основе упрочения социалистического интернационализма.

Разнообразны проявления социалистического интернационализма и советского патриотизма в нашей стране. Если пролетарский интернационализм до победы социалистической революции проявляется в различных формах совместной политической, идеологической и вооруженной борьбы рабочего класса разных стран против господства капитала, то в период социализма он выражается в совместной экономической, политической и идеологической борьбе всех социалистических наций и народностей за торжество коммунистического строительства в их странах. Патриотизм рабочего класса до захвата им

политической власти проявляется в борьбе за освобождение трудящихся «своей» нации от феодально-капиталистического гнета в своем отечестве; советский патриотизм отражается в борьбе трудящихся стран победившего социализма под руководством национального пролетариата за экономический, культурный расцвет своей родины.

Единство интернационализма и патриотизма в условиях социализма приобретает разнообразные, постоянно меняющиеся формы. Творчество миллионных народных масс различных национальностей, направленное на достижение единой цели — победоносное строительство коммунизма,— порождает все новые и новые способы и методы как экономического, так и культурного взаимообогащения отдельных стран. Каждый народ, обогащая культуру и экономику своей страны, способствует росту экономики и культуры лагеря социализма в целом.

Социалистический интернационализм утверждается не стихийно, путем самотека, а в результате огромной воспитательной работы коммунистических и рабочих партий среди масс. Для того, чтобы все классы и слои нации, отказавшись от своих классовых интересов, стали носителями идей интернационализма, необходима длительная работа по переделке их сознания на социалистической основе. Интернациональное воспитание является важной частью коммунистического воспитания трудящихся. Эта воспитательная работа ведется через многочисленные средства идеологического воздействия на массы. Она имеет разнообразные формы и методы.

Интернационализм все более и более укрепляет единство и братство всех наций, вступивших на путь социализма. Интернационализм, дружба между всеми нациями и народностями, освободившимися от ига капитализма, являются не только результатом одной лишь пропаганды, но и проявлением исторической тенденции развития общества, тенденции сближения и взаимного влияния наций между собой. Та культурно-экономическая связь, та братская солидарность и хозяйственно-политическое сотрудничество, которые день за днем ширятся как среди всех наций и народностей Советского Союза, так и среди народов стран лагеря социализма, являются базой для дальнейшего развития социалистического интернационализма, дружбы народов.

В годы первой и второй пятилеток Узбекистан стал основной хлопковой базой СССР. В борьбе за развитие хлопководства проявились советский патриотизм и социалистический интернационализм узбекской социалистической нации. Все районы Узбекистана специализировались главным образом на производстве хлопка. Хлопок стал основным средством интернационалистической связи узбекского народа со всеми народами Советского Союза. Узбекский народ для обеспечения бурного развития хлопководства создал специальные предприятия по производству сельскохозяйственного машиностроения, минеральных удобрений, провел новые оросительные каналы, породил тысячи мастеров хлопководства.

Колхозный строй, механизация сельского хозяйства и научная агротехника хлопководства нивелировали способы обработки почвы, посева и обработки хлопчатника, которые в прошлом имели очень много местных особенностей. На основе этого вырабатывались общие навыки, приемы и культура ведения хозяйства. Все это имело значение и в выработке единого психического склада узбекской нации.

Социализм создал новое понятие прекрасного, новые вкусы и обычаи. Расширились рамки понятия о красоте человека. Буржуазно-мещанское понятие о красоте человека ограничивалось лишь внешними чертами. Новое, социалистическое понятие красоты человека складывалось как сумма его высоких душевных качеств, моральной устойчивости, творческой активности, благородной скромности, безграничной преданности общему делу, уважения правил общежития и других истинно человеческих свойств. Все эти свойства советского человека проявляются в его отношении к труду, к интересам всего общества, к окружающим, к товарищам и к сослуживцам.

Труд на колхозных и совхозных полях, на заводах и фабриках, железных дорогах и рудниках, в вузах и научных учреждениях — везде и всюду стал украшением человека. Самым почетным, уважаемым и духовно прекрасным человеком считается тот, кто отличился в труде. В условиях Узбекистана, где главным богатством был хлопок, мастера хлопковых полей, создающие национальное богатство в орошаемых районах Ферганы, Зеравшана, Ташкентского и Хорезмского оазисов, стали центральными фигурами, людьми социалистического труда.

Совершенно новые взаимоотношения сложились внутри семьи, в народных традициях и обычаях. Социалистическая семья стала свободным союзом двух взаимно любящих. Раскрепощение женщин и широкое привлечение их к производственной деятельности, обеспечивая экономическую самостоятельность, изменили их положение в семье. Это привело к изменению многих бытовых обычаев и традиций.

Вырабатывались также общенациональные вкусы. Они проявлялись в том, что среди узбеков всех районов широко распространялись образцы советской художественной литературы, живописи и архитектуры. Значительно нивелировались местные особенности одежды, домашнего убранства и т. д.

Конечно, местные особенности в течение короткого периода времени не могли и не могут исчезнуть совершенно. Но в отличие от прежних времен они отошли на второй план, а на первый выдвинулись общенациональные обычаи, вкусы, традиции и т. д., выработанные новыми социалистическими отношениями. Процесс формирования общих вкусов ускорялся значительным подъемом общей культуры, широким внедрением в жизнь народа таких средств культуры, как радио, газеты, журналы и т. д.

Формирование единого психического склада узбекского народа четко проявилось в его художественной литературе. В результате победы социалистической идеологии основной темой узбекской художественной литературы и искусства стало воспевание жизни, труда и благородных качеств советских людей, величия Коммунистической партии и Советской власти. Эти темы стали источником вдохновения как молодых, выросших и воспитанных в советский период поэтов и писателей, так и старых народных поэтов — бахши. Последние, бережно сохраняя старые героические поэмы, в советские годы создали немало новых произведений, которые по содержанию были родственны произведениям советских писателей.

В узбекской художественной литературе стала проявляться общность психического склада узбекской социалистической нации.

В годы первой и второй пятилеток основной темой поэтов, писателей и народных бахши была жизнь колхозов, рабочих заводов и советской интеллигенции. В эти годы появились такие произведения на советские темы, как поэма Гафура Гуляма «Кокан» — о коллективизации сельского хозяйства, стихи «На путях Турксиба» (О Туркестано-Сибирской железной дороге), поэма Айбека «Дильбар — дочь эпохи» — о борьбе женщин-узбечек за раскрепощение, стихи «Узбекистан», где поэт воспевал свою родину, «Днепрострой», посвященный гиганту первой пятилетки, поэма «О кузнеце Джура-Кафире» — об узбеке революционере, известный роман «Священная кровь» и т. д. Хамид Алимджан в этот период выпустил несколько сборников стихов: «Весна», «Огненные косы», «Пайга» (Скачки), «Смерть врагу», «Ночь Дарьи», «Счастье», «Родина». Кроме того, он создал поэмы «Айгул и Бахтиер», «Зайнаб и Аман», «Семург, или Паризод и Бунёд». Хамид Алимджан перевел также на узбекский язык произведения русских классиков — «Русалка» Пушкина, «Бэла» Лермонтова, «Челкаш» Горького, стихи Вл. Маяковского.

Примерно такими же чертами определялось творчество Уйгуна, Абдуллы Каххара, Миртемира, Тимура Фаттаха, Амина Умари, Хасана Пулата, Шукура Садуллы, Максуда Шейхзаде и др.

Народные сказители — бахши создали много произведений о советском строе, советских людях, гигантах социалистической промышленности и героях колхозного труда. Народный поэт Эргаш Джуман Бульбуль-оглы создал ряд произведений, среди них «Октябрь», «Шўро» (Советы), «Ахунбабаев», «Я пришел» и поэму «Товарищ Ленин». Величие Ленина он раскрыл в следующих строках:

Слово Ленина — мудрый великий достан (поэма),
Правда Ленина — правда рабочих, дехкан,
Делу Ленина жить, расцветая в веках,
В дружбе верной, в союзе народов и стран[1].

Народный поэт Фазил Юлдаш писал стихи о первом машиностроительном гиганте в Узбекистане «Сельмашзаводе», о великом Октябре. Борьбу народа против басмачей он воспел в поэме «Ачилдов»; в стихах «Мой колхоз» осветил счастливую и богатую жизнь

[1] Народная поэзия Узбекистана, Ташкент, 1951, стр. 21.

своих односельчан, объединившихся в колхоз, в «Песне о канале» он показал борьбу народа за воду и помощь Советского государства узбекскому народу в освоении новых земель. Народный поэт Пулкан в поэме «Хасан батрак» создал образ борца за земельно-водную реформу и раскрепощение женщин, а в поэме «Комсомолка Ойтути» — образ комсомолки-узбечки, боровшейся против кулаков за новую советскую жизнь. В поэме «Озеро Хасан» Пулкан показал борьбу советского народа против иноземных захватчиков. В эти же годы Ислам Шаир создал ряд значительных произведений, среди которых отличаются «Живи для счастья мира», «Страна такая есть ли в мире», «Живи, цвети, моя отчизна» и др.

Большим прогрессом в узбекской литературе в этот период было овладение узбекскими писателями методом социалистического реализма. До постановления ЦК ВКП (б) 23 апреля 1932 года в узбекской литературе существовала своего рода анархия, созданная ранее чигатаистами. Разных писателей считали последователями разных стилей: классицизма, романтизма, сентиментализма, футуризма, реализма и т. д. Фитрат в книге «Курс узбекской литературы» считал себя последователем классицизма, Чулпана — романтизма, Бату — реализма, Алтая — футуризма. Все эти направления, по его мнению, должны были развиваться параллельно, тогда как на самом деле все они были направлены против социалистического реализма. После постановления ЦК ВКП (б) социалистический реализм начал вытеснять все другие направления. I Всесоюзный съезд писателей, проходивший в 1934 году, указал особенно большую помощь узбекским писателям в прочном овладении методом социалистического реализма.

Не менее важным прогрессом было и вытеснение старого метода стихосложения «аруза» новым, свободным методом. Метод «аруза» характеризовался тем, что стихи не только должны были рифмоваться и иметь единый размер, но и иметь единую форму слов во всех строках, причем во всех словах обязательно было единообразие слогов. Поэтому хотя форма стихов была очень сложной и строгой, содержание их обеднялось. Нужно было иметь большое мастерство, чтобы в этих сложных формах выразить глубокое содержание. Из-за этого язык стихов часто резко отличался от живого разговорного

языка и потому трудно было показать в стихах все многообразие жизненных явлений. Было еще труднее методом «аруза» выражать многообразные чувства советского человека и рисовать его кипучую жизнь. Хотя еще Алишером Навои этот метод был приближен к особенностям узбекского языка и позже его усовершенствовали Фуркат, Мукими, Завки и Хамза, но народные бахши свои произведения создавали методом «бармак» — рифмованными строками, одинаковыми по размерам слогов. Этот метод был более простым и соответствовал особенностям узбекского языка.

Метод «аруза» сохранялся, но уже как подчиненный: он применялся только для песенных стихов. Основным методом стал свободный метод стихосложения, веками бытовавший в народе.

В этот период важные сдвиги совершались и в музыкальной культуре узбекского народа. Узбекский народ имел древнюю музыкальную культуру. Он создал свою особую классическую музыку — макомы. Макомы состояли из цикла органически связанных вокальных и инструментальных произведений, которые могли исполняться индивидуально и ансамблем. Наряду с макомами развиты были массовые песни и частушки, а среди тюрков Мавераннахра и кочевых узбеков — пение разных поэм в сопровождении игры на домбре. Музыкальная культура была особенно высока среди тюркоязычных сартов. Они имели разнообразные струнные, ударные, духовые инструменты. Макомы бытовали именно среди сартов.

Как известно, узбекская песня в прошлом, отражая тяжелую жизнь, бесправное положение, отличалась тем, что напоминала жалобу на судьбу, стон разлуки, плач несчастных возлюбленных. Такими чертами отличалась и узбекская лирическая музыка. Только некоторые частушки отличались живостью и оптимизмом. В своих песнях «Да здравствуют Советы!», «Мы рабочие», «Проснись, рабочий» и других Хамза впервые ввел в узбекскую музыку мотивы активной борьбы против эксплуататоров, за свое освобождение и создание новой жизни, что соответствовало духу времени и отражало чувства и настроения советских людей. С этого времени начали появляться многочисленные боевые, задорные и жизнеутверждающие массовые песни. Исполнителями и про-

пагандистами их большей частью были пионеры и комсомольцы.

Наряду с узбекской классической музыкой и народными лирическими частушками советские революционные песни способствовали расширению диапазона узбекской музыки, в которой возникло новое, революционное, боевое направление. Это направление как по форме, так и по содержанию не вмещалось в рамки старой музыкальной традиции. Начался переход к новому этапу развития музыкальной культуры.

Узбекская советская музыка все больше и больше расширяла свои рамки. Если в первые годы она носила форму призывов к активной борьбе за свободу, за победу над баями и угнетателями, то в конце восстановительного периода и в начале индустриализации и коллективизации появилось много песен о фабриках, о рабочих, колхозах и колхозной жизни. Новым в этих песнях были бодрая, оптимистическая и жизнеутверждающая лирика, восхваление счастливой любви, радостной жизни, благородного труда, величия советской родины и т. д. Началось зарождение новой советской лирики.

В этот же период одновременно происходило дальнейшее развитие узбекской классической музыки. Этому способствовало создание музыкально-драматических произведений: «Фархад и Ширин», «Лейли и Меджнун», «Халима» и др. Хотя сюжеты первых двух произведений были заимствованы у Навои и все три произведения являлись трагедиями, но в них были собраны лучшие образцы узбекской музыки. Музыка этих произведений не имела гармонизации, носила унисонный характер, но несмотря на это звучала по-новому, так как в нее было вложено сюжетное содержание. Эти музыкальные драмы осмысливались более глубоко, воздействуя на зрителя своими конкретными персонифицированными образами. Это было новое направление в музыкальной жизни узбекского народа, знаменовавшее начало зарождения таких крупных форм, как опера.

В этот период значительные перемены происходили также в области изобразительного искусства. Перемены эти хотя еще были невелики по масштабам, но были глубоки по существу.

Наряду с появлением станкового изобразительного искусства в этот период развивается стенная орна-

ментальная роспись, чеканка по металлу, резьба по дереву и ганчу, а также набойка по тканям. Строилось немало общественных зданий: клубы, библиотеки, школы, красные чайханы, колхозные здания и т. п. Их украшали стенными орнаментальными росписями, резьбой по ганчу и т. д. В отличие от прежних времен изменилась семантика росписей. Красная звезда, портреты Ленина и руководителей партии, серп и молот, государственный герб и флаг — занимали центральное место. В росписях и резьбе старинные традиционные орнаменты сочетались с реалистическими картинами жизни, быта, труда и борьбы советских людей. С появлением текстильной промышленности большое развитие получило ситценабивное искусство. Набойка среди узбеков существовала с древнейших времен. Во всех городах и крупных кишлаках были мастера набойщики. При помощи деревянных шаблонов они вручную производили набивку материалов. Окраской шелковой пряжи очень сложным путем, так называемым «аврабанди», занимались красильщики. Из этой пряжи ткались очень нежные и сложно орнаментированные атласы и другие шелковые материи, которые вырабатывали мастера аврабанди. Теперь на текстильных фабриках и предприятиях вместо ручной набойки и «аврабанди» применялся индустриальный метод ситценабивки.

Перемены в архитектуре состояли в том, что новое современное строительное искусство получило широкое распространение во всех районах Узбекистана. Везде появились новые европейские дома с окнами на улицу, деревянными полами, голландскими печами и железной крышей.

Ряд особенностей архитектуры сартов, порожденный как бы чертами духовной жизни народа, постепенно исчезал. Жилые дома в прошлом строились фасадом во внутрь двора. В наружной стене с улицы окна не делались. Дома парадного входа не имели и нужно было с улицы через ворота проходить во внешний двор, а у бедняков — в своеобразный проход, загороженный от самого двора. Двери выходили во двор, так как посторонним мужчинам не разрешалось входить во внутрь чужого двора. Все своеобразие расположения жилых домов и распланировка дворов были порождены условиями климата юга, со всеми его особенностями, а также

тем укладом семейной жизни, который регламентировался законами ислама. В колониальный период происходили большие сдвиги в узбекской архитектуре: появились дома из жженого кирпича, с железной крышей, застекленными окнами, деревянным полом, даже с голландскими печками. Такие дома были уютными, светлыми, теплыми и гигиеничными. Все это было прогрессом. Однако расположение домов и распланировка дворов осуществлялись по-старому, ибо уклад семейной жизни оставался незыблемым.

Совершенно изменились распланировка дворов и расположение домов в советское время. Окна всех жилых домов выходили на улицу, многие дома имели парадный ход. Исчезло деление двора на внутренний и внешний. Глухие высокие глинобитные заборы сменились местами железными и деревянными оградами или низкими заборами. Все это было отражением в архитектуре того социального и культурного прогресса, который произошел в жизни народа.

Итак, в этот период окончательно завершился процесс формирования узбекской нации, начавшийся во второй половине XIX века. Узбеки вступили на историческую арену после Октября, в годы Советской власти, не пройдя стадию развития в качестве сложившейся буржуазной нации.

Мысль о том, что узбеки консолидировались в устойчиво сложившуюся нацию после победы Великой Октябрьской социалистической революции под эгидой Советской власти неоднократно констатировалась в важнейших официальных документах. Так, в докладе бывшего Первого секретаря ЦК КП(б) Узбекистана А. Икрамова на Чрезвычайном VI съезде Советов Узбекистана о новой Конституции СССР было сказано: «Узбекский народ до Октябрьской революции как нация еще не был полностью развит и консолидирован... Узбекская нация развивалась и консолидировалась под эгидой, то есть при помощи и руководстве рабочего класса и Советской власти. Узбеки как нация сложились под руководством пролетариата и его Коммунистической партии...»[1].

[1] «Правда Востока», 13 февраля 1917 г.

▲ 36

Та же мысль приводится в «Тезисах ЦК КП Узбекистана о 25-летии Узбекской ССР»[1].

Наконец, секретарь ЦК КПСС Н. Мухитдинов, будучи секретарем ЦК КП Узбекистана, в своем докладе «О 40-летии Великой Октябрьской социалистической революции» говорил: «Только в результате победы Великой Октябрьской социалистической революции узбекский народ консолидировался как нация, обрел свою государственность и как суверенная национальная республика успешно развивает свое хозяйство, занимает важные места в экономике страны и вышел на мировую арену»[2].

Узбекский народ не знал господства национальной буржуазии в своей моральной и социально-политической жизни. Вместе с тем ко времени вступления на путь социалистического развития влияние феодально-клерикальных элементов в жизни узбеков значительно ослабилось. Веками продолжавшиеся внутренние феодальные войны и междоусобия в сочетании с тяжелым гнетом и бесправием народных масс порождали отвращение к феодальным общественно-политическим порядкам. Узбекская же национальная буржуазия не стала, как сказано, господствующей в жизни народа и выдвигавшаяся ею буржуазная либерально-просветительская программа оказалась для узбекского народа пройденным этапом, ибо народ уже стоял на пороге слияния национально-освободительного движения с социалистическим движением русского рабочего класса.

В этих условиях узбекская буржуазия не могла играть роль руководителя и организатора формирующейся узбекской нации. Эту историческую роль в период диктатуры пролетариата сыграли рабочий класс и стоявшая во главе его Коммунистическая партия.

Благодаря преимуществам советского строя формирование узбеков в нацию протекало значительно быстрее, чем формирование многих наций Западной Европы.

Формирование узбекской нации должно было и до революции идти сравнительно быстрее, чем формирование первых буржуазных наций на Западе, ибо присо-

[1] О 25-летии Узбекской ССР. Тезисы для докладчиков. Ташкент, 1950, стр. 14.

[2] «Правда Востока», 11 ноября 1957 г.

единение Узбекистана к России приобщало узбекский народ к жизни страны, где капитализм уже был значительно развит и, следовательно, ему не пришлось пройти длительного пути борьбы за преодоление феодальных порядков. Однако колониальная политика царизма не могла не противодействовать естественному ходу развития событий и в силу этого узбекам все же пришлось проходить более или менее длительную стадию своего национального оформления.

Великая Октябрьская социалистическая революция решительно ускорила процесс формирования в нацию таких этнических коллективов и групп, которые в колониальный период уже вступили в полосу национального оформления, но к моменту революции еще не успели сложиться в нацию. Поэтому для узбекского народа оказалось достаточно примерно двух десятилетий, чтобы, залечив раны, нанесенные экономике и культуре страны четырехлетней империалистической (1914—1918 гг.) и трехлетней гражданской войнами и борьбой с иностранной интервенцией, достичь в своем развитии уровня, необходимого для завершения процесса сложения отдельных элементов нации.

За первые 20 лет после Октябрьской социалистической революции узбеки не только стали социалистическим коллективом, но и консолидировались как устойчивая нация. Этот период распадался на два этапа: с 1917 по 1928 год, когда узбеки вступили на путь социалистического развития и среди них зарождалось и развивалось коммунистическое движение, оформилась национальная коммунистическая партийная организация, шло бурное развитие политической активности народа, организовалась советская национальная государственность в лице Узбекской Советской Социалистической Республики, создались все условия для перехода узбекских трудовых крестьян на рельсы социалистического развития. Этот этап в свою очередь распадается на два периода: с 1917 по 1920 год и с 1921 по 1928 год. В первый период шла острая борьба против великодержавных шовинистов и местных буржуазных националистов и национал-уклонистов, тормозивших рост национального самосознания местных трудящихся, в том числе узбеков, смотревших на все народы Средней Азии, как на некое единое целое и отрицавших возможность

приобщения их к социалистическому строю. Местные националисты также отрицали национальную принадлежность отдельных народов, считая их всех одним тюркским народом. Характерно, что в этот период все народы Средней Азии именовались мусульманами, туземцами, тюрками. И тем не менее в условиях советского строя и благодаря осуществлению партией мудрой ленинской национальной политики народы Средней Азии все более четко и глубоко осознавали свою национальную принадлежность. К 1920 году, в частности, среди узбеков, широко распространилось как национальное самоназвание слово «узбек», вытеснившее из оборота слово «сарт» и отодвинувшее на задний план родоплеменные названия других групп узбеков[1].

---

[1] Слово «тюрк» получило широкую известность в период владычества Тюркского каганата, возникшего после падения эфталитов в конце V века нашей эры. В VII веке Тюркский каганат распался на восточный и западный каганаты. В то время как восточный каганат пал под ударами китайцев, западный каганат еще долго распространял свою власть на всю Среднюю Азию.

Однако даже в период расцвета Тюркского каганата сами тюрки не успели сформироваться в единую народность, хотя термин «тюрк» и вошел в широкий оборот.

В период Тимура и тимуридов узбеков называли тюрками в отличие от таджиков, но часто их называли и чигатайцами в отличие от других тюркоязычных коллективов.

Слово «тюрк» употреблялось также и для обозначения других этнических коллективов, в частности, азербайджанцев и турков-османов.

В дальнейшем понятия, связанные со словом «тюрк», были дифференцированы. Это слово, как национальное самоназвание турков-османов, приняло форму «турк» («турецкое» государство). С точки же зрения деления людей по языковым семействам все тюркоязычные народы назывались тюрками.

В период подготовки к национально-государственному размежеванию народы Средней Азии, входящие по языку в тюркское семейство языков, окончательно отказались от условного наименования «тюрк» и прочно приняли национальное самоназвание: узбек, туркмен, казах, киргиз, каракалпак. Таким образом ныне слово «турк»— турецкий обозначает не больше, чем национальное самоназвание основной национальности современного турецкого государства, а термин «тюркский» применяется в научной литературе в связи с категориями, связанными с тюркским языковым семейством. Поэтому абсолютно вздорными и беспочвенными являются антинаучные попытки пантюркистов представить все тюркоязычные народы в качестве некоего единого этнического коллектива, отбрасывая их реальную национальную принадлежность.

Во втором периоде этого этапа в сфере экономики происходило восстановление и развитие народного хозяйства, а в сфере политической жизни осуществилось образование Узбекской ССР, в сфере духовной жизни развертывалась культурная революция и как следствие всего этого быстро росли национальные связи среди узбеков.

На втором этапе (с 1928 по 1937 год) узбеки стали социалистическим коллективом и окончательно сложились как нация.

Таким образом, после Октябрьской социалистической революции в жизни узбеков свершилось два процесса: превращения их в социалистический коллектив и завершения их национальной консолидации.

В дальнейшем узбеки развиваются уже в качестве прочно сложившейся социалистической нации. Развитие и расцвет узбекской социалистической нации является одной из убедительных иллюстраций торжества ленинской национальной политики Коммунистической партии.

7. Советский патриотизм и социалистический интернационализм в жизни узбекской социалистической нации

К выполнению третьей пятилетки узбеки приступили как устойчиво сложившаяся социалистическая нация, проявлявшая в своих действиях и стремлениях образцы советского патриотизма и социалистического интернационализма, что нашло свое материальное выражение в дальнейшем росте промышленности, укреплении колхозного строя, быстром развитии хлопководства и расцвете культуры.

В течение трех первых лет третьей пятилетки в Узбекистане все более ускоряющимися темпами продолжалось промышленное строительство. За эти годы в республике вступило в строй 134 новых промышленных предприятия, оснащенных передовой техникой. Общая мощность вновь построенных предприятий была в два раза больше, чем общая мощность всех предприятий, построенных до этих пор на территории республики. Объем промышленной продукции Узбекистана по сравнению с 1913 годом увеличился в 7,2 раза, а объем продукции тяжелой промышленности в 47 раз.

С ростом промышленности еще больше изменилось лицо республики. Увеличилась численность промышленных рабочих. Если в 1926 году промышленные, строительные, транспортные рабочие составляли всего лишь 7 процентов городского населения, то теперь они составляли 15 процентов. Появились новые промышленные города и рабочие поселки, причем городское население увеличилось более чем на 42 процента.

Бурное развитие промышленности создало широкие перспективы и благоприятные предпосылки для общего подъема всех отраслей народного хозяйства республики.

В области сельского хозяйства в эти годы особенно бурно развивалось хлопководство. Окончательная победа колхозного строя, организационно-хозяйственное укрепление колхозов, обеспечение их мощной современной техникой позволили резко расширить посевную площадь. Если в 1938 году вся посевная площадь республики составляла 2 800 000 гектаров, то в 1940 году она дошла до 3 140 000 гектаров, из которых 921 895 гектаров были заняты под хлопчатником. Рост посевной площади сопровождался повышением урожайности. В 1941 году урожайность хлопчатника составляла в среднем 17,4 центнера с гектара.

Успехи хлопкоробов Узбекистана демонстрировались на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке 1939—1940 годов. За высокие показатели 1555 колхозов и 27 352 колхозника были удостоены права участвовать на выставке, из них 1950 человек получили золотые и серебряные медали.

Другим важным завоеванием трудящихся в этот период было разрешение проблемы орошения. Узбекский народ веками мечтал оросить обширные земли Центральной Ферганы, Голодной степи, низовьев Аму-Дарьи и получить на этих земельных массивах богатый урожай. Эти вековые мечты народа стали осуществляться. Начался всенародный поход за воду.

Инициаторами всенародного похода за воду выступили колхозники Ферганской долины. Для улучшения водоснабжения Вуадильского и Ферганского районов колхозники народным методом построили Лаганский канал. Для строительства канала из колхозов Вуадильского и Ферганского районов вышло на хашар 14 000 человек. В течение 17 дней они проложили канал дли-

ной 32,6 километра, что позволило резко улучшить водоснабжение этих районов и оросить 2500 гектаров новой земли. Канал вступил в строй в дни, когда проходил XVIII съезд КПСС. Поэтому народ его назвал каналом им. XVIII съезда партии.

После Лаганского канала началось строительство Большого Ферганского канала, предназначенного для орошения и улучшения водоснабжения 24 районов Ферганской, Андижанской областей Узбекской ССР и Ленинабадской области Таджикской ССР. Строительство началось 1 августа 1939 года и закончилось 15 сентября при участии 100 000 колхозников и горожан Узбекистана и Таджикистана. В течение 45 дней был проложен канал длиной 270 километров с 46 крупными и 245 мелкими водными сооружениями. Каналу было присвоено имя И. В. Сталина.

Поддерживая инициативу колхозников Узбекистана, ЦК ВКП(б) принял решение об освоении в республике 430 000 гектаров новой земли, для чего были выделены специальные средства и строительные материалы. Воодушевленные заботой Коммунистической партии, трудящиеся Узбекистана в течение 1940—1941 годов еще шире развернули движение за воду. В феврале и марте 1940 года 85 000 колхозников Ферганской и Ленинабадской областей построили Северный Ферганский канал, 48 000 колхозников Кувинского, Ташлакского, Ферганского, Маргеланского районов Ферганской области соорудили Южный Ферганский канал. В эти же годы началось строительство грандиозного Каттакурганского водохранилища, намеченное еще в 1918 году в подписанном В. И. Лениным декрете Совнаркома РСФСР о выделении 50 миллионов рублей для развития орошения в Туркестане.

Вскоре на территории республики возникли десятки новых крупных каналов, сооруженных колхозниками с помощью горожан.

Поход за воду стал возможным только благодаря тому, что все национальности и народности нашей страны стали социалистическими. Поход за воду показал, что социалистический интернационализм и советский патриотизм стали неотъемлемым свойством советских людей независимо от их классовой и национальной принадлежности.

Годы третьей пятилетки ознаменовались также бурным ростом сети народного просвещения, здравоохранения, развитием коммунального хозяйства, благоустройством колхозных кишлаков в республике.

В 1939 году трудящиеся республики праздновали 15-летие образования Узбекской ССР. Высоко оценивая успехи трудящихся Узбекистана в области хозяйственного и культурного строительства, Союзное правительство наградило Узбекскую ССР орденом Ленина.

Советский патриотизм и социалистический интернационализм узбекской социалистической нации еще ярче проявились в период Великой Отечественной войны Советского Союза против немецко-фашистских захватчиков.

Немецкие захватчики, начиная вероломную войну против СССР, отчасти рассчитывали на возможность распада союза между рабочим классом и крестьянством, а также разлада между народами Советского Союза, следовательно, недооценивали основных черт социалистических наций — их внутреннюю прочность и единство их целей и стремлений.

В священной войне народов Советского Союза против фашистских вандалов XX века активное участие принимал и узбекский народ. Десятки тысяч узбекских джигитов ушли на фронт и мужественно боролись с врагом в рядах Советской Армии. Партийная организация Узбекистана возглавила патриотическое движение народа. ЦК Компартии Узбекистана направил в ряды армии для ведения политической работы среди бойцов сотни политически зрелых, имеющих богатый опыт организационно-воспитательной работы коммунистов.

Воины-узбеки вместе со своими братьями — русскими, украинцами, белорусами, казахами, грузинами и другими — принимали активное участие в освобождении любимой Родины от немецко-фашистских захватчиков. К 1945 году из числа воинов-узбеков 118 000 человек были награждены боевыми орденами и медалями и 75 человек были удостоены высокого звания Героя Советского Союза. Узбеки находились также в рядах советских партизан. 15 воинов-узбеков получили орден «Партизан Отечественной войны» первой степени и 50 человек — второй степени.

Советский патриотизм и социалистический интернационализм узбекского народа ярко проявились также в тылу: на промышленных предприятиях, на колхозных и совхозных полях, на транспорте, в учебных и научных заведениях, в городах и кишлаках, в семье каждого узбека. Трудящиеся Узбекистана, борясь за претворение лозунгов: «Все для фронта!», «Все для победы над врагом!», превратили республику в один из мощных арсеналов Красной Армии.

Патриотическим долгом трудящихся республики являлась обязанность в кратчайший срок разместить и пустить в ход все эвакуированные из временно оккупированных районов страны промышленные предприятия и одновременно с этим перестроить экономику республики на военный лад.

Для размещения перебазированных промышленных предприятий требовались огромная площадь, десятки крупных корпусов. Для этой цели наряду со строительством новых зданий были освобождены здания государственных учреждений, школ, клубов и т. д. Были использованы также здания существующих промышленных предприятий.

Почти все эвакуированные предприятия уже в начале 1942 года полностью или частично вступили в строй и начали давать продукцию.

Для этого пришлось осуществить также специальные мероприятия по обеспечению предприятий рабочей силой, топливом и электроэнергией. По зову партии десятки тысяч горожан шли на работу в промышленность. Развернулось движение за замещение ушедших на фронт. Сотни пожилых рабочих, ушедших на пенсию, тысячи женщин, занятых домашней работой, пришли на заводы и фабрики, чтобы заменить фронтовиков. Значительную силу составляли молодые рабочие, питомцы ремесленных училищ и школ ФЗО.

Для успешной работы промышленных предприятий необходимо было создать мощную энергетическую базу. С этой целью в республике приступили к строительству крупных районных электростанций. Началось строительство 6 гидроэлектростанций вокруг Ташкента. В 1943 году, когда шли кровавые бои в районе Сталинграда, трудящиеся Узбекистана приступили к строительству Фархадской гидроэлектростанции на реке Сыр-Дарье.

Гидроэлектростанции сооружались главным образом методом народной стройки. На их строительстве участвовали рабочие, служащие, колхозники — весь народ.

В эти же годы для расширения топливной базы промышленности в Ферганской области были открыты новые нефтепромыслы, а в Ташкентской области — угольные шахты Ангрена.

На предприятиях, стройках и транспорте развернулась волна социалистического соревнования. Зарождались все новые и новые формы соревнования. Получило большой размах соревнование за экономию сырья, электроэнергии, за обслуживание двух-трех и более станков. На предприятиях республики появились тысячи передовиков соревнования. Широко развернулось движение рационализаторов и изобретателей. Более 12 000 комсомольцев и представителей несоюзной молодежи на предприятиях республики ежедневно выполняли две-три производственные нормы.

Колхозное крестьянство также показало яркие образцы советского патриотизма и социалистического интернационализма. Они выражались в борьбе за обеспечение промышленности сырьем, в первую очередь хлопком, а армии и населения городов — питанием и одеждой. Ввиду того, что такие хлебные районы страны, как Украина, Северный Кавказ, Поволжье и другие, были оккупированы врагом, Узбекистану приходилось обеспечивать себя собственным хлебом, для чего были расширены посевные площади зерновых культур без сокращения площадей под хлопчатником.

Однако война значительно нарушила хозяйственную деятельность районов республики, особенно глубинных районов Узбекистана. Это сильно сказалось на хлопководстве. В результате ухода на фронт большого количества колхозников и сельских рабочих в колхозах и совхозах республики выращивание хлопчатника перешло в руки женщин, встречавшихся на первых порах с большими трудностями. К тому же руководство республики не сумело сочетать рост посевов зерновых культур с увеличением производства хлопка. В силу всего этого в течение 1942—1943 годов произошло резкое сокращение посевов хлопчатника и снижение его урожайности.

ЦК ВКП (б) принял специальное постановление, определившее неотложные меры резкого подъема хлопко-

водства в республике. Постановление ЦК ВКП (б) стало боевой программой борьбы узбекского народа за восстановление и дальнейшее развитие хлопководства. Узбекский народ под лозунгом «Хлопок — это материальное выражение нашей интернациональной связи и коммунистической дружбы со всеми народами!» приступил к исправлению допущенных ошибок и недочетов и вскоре же добился больших успехов. На I курултае хлопкоробов в начале 1944 года делегаты от имени узбекских хлопкоробов дали клятву в ближайшие годы восстановить хлопководство республики. Борьба за выполнение этой клятвы стала всенародным делом, что уже в 1944 году послужило основой резкого поворота в хлопководстве к лучшему. К 15 декабря республика выполнила план хлопкозаготовок. 930 колхозов и 10 районов довели урожайность хлопка до уровня 1941 года. 334 бригады и 1680 звеньев получили с каждого гектара свыше 30 центнеров.

В последующие годы общенародный поход за восстановление и развитие хлопководства развернулся еще шире. В 1945 году борьба шла уже за 1 миллион тонн хлопка.

В годы Отечественной войны, несмотря на большие трудности, значительные сдвиги происходили и в области культурного строительства. В 1943 году на базе Узбекистанского филиала Академии наук СССР была создана Академия наук Узбекской ССР. Высшие учебные заведения республики успешно продолжали подготовку кадров для народного хозяйства и совместно с работниками научно-исследовательских институтов Академии наук Узбекистана решали важные народнохозяйственные проблемы.

При помощи ученых, эвакуированных из центральных городов СССР, из числа местной молодежи были подготовлены десятки кандидатов и несколько докторов наук. Эвакуированные ученые заменили в вузах многих ушедших на фронт преподавателей, в силу чего учеба в вузах продолжалась нормально.

В годы войны продолжали расти узбекская художественная литература, музыка, изобразительное искусство. В самые тяжелые дни войны узбекские поэты и писатели от имени народа составили в стихах знаменитое «Письмо воинам-узбекам»— образец высокой идейности и творческого мастерства и яркого выражения патриотических и интернациональных чувств узбекской социалистической нации.

Таким образом, благодаря заботам Коммунистической партии и Советского государства при помощи русских, белорусских и украинских ученых, писателей и деятелей искусства узбекский народ, преодолевая огромные трудности военного времени, сумел еще больше развить свою культуру, национальную по форме и социалистическую по содержанию.

Тяжелое положение сложилось в области народного образования. Значительное число учителей было призвано в армию. Вместо них в школу пришло много молодых учителей. В некоторых городах школьные помещения были переданы для использования под промышленные предприятия и госпитали. Пришлось сократить сеть школ и организовать учебу в двух и трех сменах. Значительно сократилось число учащихся в старших классах в силу того, что отдельным ученикам пришлось уходить из школ и работать на заводах, в колхозах и совхозах.

Коммунистическая партия и Советское государство проявили большую заботу также и о школе. Для молодых учителей были организованы специальные курсы повышения квалификации. Большая работа была проделана по подготовке учительских кадров из числа женщин-узбечек. В 1945/46 учебном году число учительниц с 9500 в 1942/43 годах дошло до 14 052. Было обращено особое внимание на сохранение контингента учащихся. Развернулось движение за шефство над школами. Колхозы, совхозы, МТС, промышленные предприятия, советские и хозяйственные органы обеспечивали школы топливом, помогали ремонтировать их. Благодаря этому и школьное образование сумело выдержать суровые испытания военного времени.

В годы войны советский патриотизм узбекской нации проявился также в общенародном движении за обеспечение воинов-фронтовиков теплой одеждой, создание за счет личных сбережений трудящихся танковых колонн, авиационных эскадрилий, за оказание помощи эвакуированным, усыновление детей, потерявших своих родителей, шефство над госпиталями и т. д.

В дни войны политическая активность и социалистическая сознательность трудящихся республики возросли

еще больше. Усилились влияние и авторитет Коммунистической партии среди народа. Только лишь во второй половине 1941 года, когда немецкие фашисты быстро двигались внутрь страны, в Узбекистане в члены партии было принято 4000, а в кандидаты 2000 человек.

Таким образом, узбекская нация из войны вышла еще более окрепшей как в области экономики, так и в области культуры.

При этом война еще ближе связала узбекскую нацию с братскими нациями и усилила между ними родственную связь.

Немало эвакуированных семей по окончании войны не только остались жить в Узбекистане, но и сроднились с узбеками: девушки выходили замуж за узбеков, а узбечки — за представителей других наций, в особенности в городах. Поучительно, что согласно материалам всеобщей переписи 1959 года в республике 70 542 узбека указали как на свой родной язык—на русский язык.

Таковы были проявления советского патриотизма и социалистического интернационализма узбекской социалистической нации в суровые дни Великой Отечественной войны Советского Союза. Эти благородные черты национального характера присущи именно социалистическим нациям и вырабатываются под влиянием социалистической идеологии революционного пролетариата, выразительницей и распространительницей которой является Коммунистическая партия.

Советский патриотизм и социалистический интернационализм узбекской нации продолжают с нарастающей силой проявляться и в послевоенные годы.

Известно, что если бы не было господства социалистического способа производства, потребовались бы десятки лет для восстановления разрушенного войною народного хозяйства и создания нормальных условий для его дальнейшего развития. И закономерно, что наша страна в кратчайший срок залечила нанесенные войной тяжелые раны и сумела обеспечить еще более мощное развитие своей экономики и культуры.

Выполняя свой интернациональный долг, трудящиеся Узбекистана уже в последние годы войны принимали активное участие в восстановлении экономики и культурных учреждений районов, освобожденных от немецко-фашистской оккупации.

Перед республикой стояли трудные задачи в области восстановления и развития хлопководства. В этом деле боевой программой трудящихся республики стало постановление ЦК ВКП (б) и Совнаркома СССР «О восстановлении и дальнейшем развитии хлопководства в Узбекистане в 1946—1953 годах». Согласно этому постановлению республика в 1946 году должна была дать 1 160 тысяч, в 1947 году — 1 460 тысяч тонн хлопка-сырца и в 1948 году восстановить хлопководство в довоенном размере. В дальнейшем, развивая хлопководство, в 1953 году необходимо было довести посевную площадь до 1 миллиона гектаров, урожайность — до 25 центнеров с гектара, а валовой сбор — до 2 500 тысяч тонн.

Воодушевленные этим постановлением трудящиеся республики развернули борьбу за дальнейшее расширение оросительной и заурной сети. Завершилось строительство Каттакурганского водохранилища, было приступлено к строительству Уртатокайского водохранилища в Наманганской области, значительно расширены магистральные каналы в Ферганской и Зеравшанской долинах, в Ташкентской и Хорезмской областях, Каракалпакской АССР. Начали поступать сотни тракторов и других сельхозмашин. В результате республика успешно разрешила задачу восстановления хлопководства уже в 1948 году, а в 1950 году дала 2 116 тысяч тонн хлопка, доведя его урожайность до 21,1 центнера с гектара.

В последующие годы хлопководство в республике неуклонно росло и в 1956 году Узбекистан дал стране 2 865 тысяч тонн «белого золота», а в 1959 году — первом году великой семилетки —3 165 тысяч тонн.

Послевоенные годы стали периодом дальнейшего роста и расцвета промышленности. Уже в 1950 году валовая продукция промышленности республики по сравнению с 1940 годом выросла почти до 190 процентов. В период четвертой пятилетки вступили в строй Ангренские угольные шахты, Фархадская гидроэлектростанция, Беговатский металлургический комбинат, были расширены десятки ранее построенных предприятий. В 1950 году в республике функционировало 937 крупных промышленных предприятий, из них 280 были построены в годы войны и 142— в годы четвертой пятилетки. Промышленность Узбекистана в годы пятой и шестой

пятилеток шагнула еще дальше вперед. Ныне в республике функционирует более 1200 крупных промышленных предприятий, и Узбекистан является одной из высокоразвитых промышленных республик Советского Союза.

В годы четвертой пятилетки продолжалось дальнейшее восстановление школьной сети и в 1950 году она значительно превысила довоенный уровень. В 1950 году в республике действовало 5005 школ. Это было больше по сравнению с довоенным периодом на 162, а по сравнению с 1946 годом на 521 школу. Быстро росло количество средних школ в городах и кишлаках. Число учителей в 1946 году с 33 999 дошло до 48 237 в 1950 году, а учеников с 912 040 до 1 256 485 человек. В годы пятой и шестой пятилеток система народного образования расширилась еще больше; были созданы условия для введения политехнического обучения в школах. Большим поворотом в жизни школы явились мероприятия партии по сближению учебы с практикой. Ныне в Узбекистане успешно осуществляется закон «Об укреплении связи школы с жизнью», направленный к подготовке активных строителей коммунистического общества.

В годы четвертой и пятой пятилеток происходило также дальнейшее развитие высшего образования и расширение сети научных учреждений. Количество высших учебных заведений в 1950 году дошло до 36, а в 1960— до 40 со стотысячным контингентом студентов. Продолжала функционировать Академия наук с десятками научных учреждений.

Бурное развитие в послевоенные годы получили художественная литература, изобразительное искусство, музыка, культурно-просветительные учреждения. Писатели, поэты и деятели искусства и культуры республики, претворяя в жизнь директивы и указания партии, создали ряд высокоидейных и высокохудожественных произведений. Успехи писателей, драматургов, работников искусства республики были ярко продемонстрированы во время декад литературы и искусства Узбекистана в Москве в 1952 и 1959 годах.

Большим успехом в области идеологической работы было завершение перевода на узбекский язык всех 35 томов Собрания сочинений В. И. Ленина. Трудящиеся

узбеки получили возможность читать сочинения великого вождя партии и народа на родном языке.

В этот период бурно развивался узбекский язык. Его развитию способствовали рост грамотности населения, периодической печати и книгоиздательства, проникновение в узбекскую лексику значительного числа русских и интернациональных терминов, усиление словообразования из старых узбекских терминов и т. д. Еще более обогатился словарный состав узбекского языка, значительно усовершенствовался его грамматический строй.

Усовершенствование грамматического строя узбекского языка шло по пути ломки старой традиции письменной речи, когда фраза обязательно начиналась с подлежащего и кончалась сказуемым. Такие фразы были неспособны отражать все черты живого разговорного языка. Например, они не могли давать логического ударения в фразе, что имеет очень важное значение как в научных, так и в политических произведениях.

Расширение фонического диапазона узбекского языка проявилось в том, что в узбекский язык вошли такие фонемы, как *ё, ю, ц, я.* Кроме того, узбеки начали свободно произносить две подряд идущие согласные фонемы в одном слоге, не прибегая к образованию новых слогов. Например, если раньше *стул, стол, проект, банк* и подобные слова произносились в форме *устул, устол, проекит, банка,* теперь начали их произносить как в русской транскрипции.

К узбекской социалистической нации и ее национальному государству в лице Узбекской ССР целиком и полностью приложимы слова Н. С. Хрущева из его доклада на XXI съезде КПСС о том, что «последовательное проведение в жизнь ленинской национальной политики, братская взаимопомощь привели к тому, что ранее отсталые в экономическом и культурном отношении национальные республики имеют теперь мощную современную промышленность, крупное механизированное сельское хозяйство, широкую сеть учебных заведений, научных и культурно-просветительных учреждений, многочисленные квалифицированные кадры»[1].

[1] *Н. С. Хрущев.* О контрольных цифрах развития народного хозяйства СССР на 1959—1965 годы. М., Госполитиздат, 1959, стр. 14.

Закономерно поэтому, что культурно-экономические достижения узбекской социалистической нации вызывают восхищение всех миролюбивых и в прошлом угнетенных народов мира. Наряду с другими советскими республиками Средней Азии Узбекистан стал маяком социализма на Востоке.

Критикуя империалистические державы, препятствующие в наши дни полному уничтожению позорного колониального гнета на земле, Н. С. Хрущев говорил на XV сессии Генеральной Ассамблеи ООН: «Если самодержавие смотрело на народы Средней Азии, Закавказья и другие национальности, населявшие Российскую империю, как на источник наживы, то после Октябрьской революции, когда эти народы получили полную свободу, они быстро подняли свою экономику, культуру и благосостояние».

Иллюстрируя на многочисленных и неоспоримых фактах огромные успехи народов Средней Азии, и в частности узбекского народа, достигнутые в годы Советской власти, Н. С. Хрущев сказал: «Возьмем, например, советские республики Средней Азии. Теперь Казахстан, Узбекистан, Киргизия, Туркмения, Таджикистан — все братские республики Средней Азии из отсталых колоний царской России стали промышленно развитыми социалистическими республиками»[1].

И, естественно, что история формирования и развития узбекской и других социалистических наций Средней Азии является вдохновляющим примером для миллионных масс народов Азии и Африки. Она вселяет в них могучую силу уверенности, что народы Азии и Африки также способны на самостоятельное и свободное развитие и расцвет своей экономики и культуры.

Узбекистан имеет ныне огромную притягательную силу. На него и на другие республики Советского Востока обращены взоры сотен миллионов людей, недавно сбросивших с себя ярмо колониализма. Они интересуются опытом и методами экономического и культурного строительства в Узбекистане и справедливо считают, что поразительные успехи культурно-экономического развития народов советской Средней Азии на пути к коммунизму являются смертным приговором колониализму.

[1] «Правда», 24 сентября 1960 г.

Советские люди со своей стороны уверены, что недалек тот день, когда колониализм будет похоронен навеки, ибо, как говорил Н. С. Хрущев на XV сессии Генеральной Ассамблеи ООН, «наша эпоха — эпоха стремительного обновления общества, эпоха утверждения более прогрессивных и справедливых форм жизни, взлета к невиданному еще могуществу человека над силами природы. Назрело время для полного и окончательного освобождения народов, томящихся в колониальной неволе». Начало освобождению колониальных народов положила Великая Октябрьская социалистическая революция, когда в России рухнула одна из самых крупных колониальных империй мира. Вступление колониальных народов бывшей Российской империи на путь социалистического развития открыло перед ними широчайшие перспективы строительства новой, свободной и счастливой жизни. Все они стали социалистическими нациями, народностями и этническими группами, среди которых достойное место занимает и узбекская социалистическая нация, равная среди равных и уверенно шагающая в дружной семье социалистических наций к сияющим вершинам светлого коммунистического будущего.

В свете задач настоящей книги уместно также особо отметить, что период, прошедший после завершения национального оформления узбеков, был периодом ускоренного сближения узбекской социалистической нации со всеми социалистическими нациями и народностями Советского Союза, а после войны и с нациями и народностями всего могучего социалистического лагеря.

Это сближение ярко проявляется в сфере всех четырех признаков нации. Ныне узбекский язык обогащается не только в результате расширения его словообразовательного диапазона за счет собственно узбекских фонем, но и путем роста его словарного состава, путем заимствования русских и интернациональных слов, а также слов из языков братских народов. Идет процесс постепенного сближения узбекского языка с языками других народов нашей страны. В этом деле важную роль играет великий русский язык. Русские слова во всех языках составляют все более и более значительный пласт. Русский язык становится в Советском Союзе средством межнационального общения.

Рост русских слов в словарном фонде узбекского языка, представляя собою важный фактор его развития, также усиливает процесс сближения узбекской социалистической нации не только с русской нацией, но и с другими нациями и народностями, сплоченными в Советский Союз.

Что касается территориальной обособленности отдельных наций и народностей, то при социализме она фактически потеряла значение фактора, порождающего национальный антагонизм и недоверие, как это было при капитализме. Социализм, органически соединяя чувства патриотизма с интернациональным долгом, создал новый социалистический взгляд на границу и территорию. Из чувства, порожденного обособленным отечеством, патриотизм превратился в проявление интернационализма в рамках отдельных отечеств, отдельных национальных территорий, и теперь границы последних подчиняются общим интересам всех социалистических наций. Поэтому стало обычным явлением изменение границ отдельных наций и народностей, если этого требуют общие интересы социализма. Это качество социалистических наций ярко проявилось в передаче территории Бостандыкского района Казахской ССР и огромного массива земли в Голодной степи в состав Узбекской ССР, в уступке Таджикистаном значительной площади культурной земли для строительства Фархадской и Кайраккумской гидроэлектростанций для общего пользования вырабатываемой ими электроэнергией, в передаче Узбекистаном более 50 000 гектаров земли Таджикистану для дальнейшего развития здесь хлопководства. Такие явления при капитализме осуществляются только путем насилия и впоследствии усиливают национальный антагонизм и межнациональные трения.

Все более и более расширяются масштабы экономического сотрудничества узбекской нации с другими нациями. Оно имеет разнообразные формы и направления. В области промышленности Узбекистан своими изделиями тесно связан со всеми областями и республиками нашей страны. Своими сельхозмашинами для хлопководства и минеральными удобрениями он обеспечивает нужды всех хлопкосеющих республик СССР.

Особую форму и направление имеет сотрудничество узбекской нации с братскими нациями Средней Азии.

Узбекская социалистическая нация сотрудничает со всеми социалистическими нациями Средней Азии в использовании водных ресурсов края. Совместно с киргизской нацией построено Уртатокайское водохранилище в бывшей Наманганской области, совместно с таджикской нацией сооружены Большой Ферганский и Южный Ферганский каналы, а также канал Душанбека-Каратаг в бывшей Сталинабадской области, совместно с туркменской нацией — Ташсакинский канал в Хорезмской области, а ныне вместе с казахской нацией осваиваются хозяйственные просторы Голодной степи, вместе с киргизской нацией строится Учкурганский оросительный комплекс. Киргизские угольные бассейны Кызыл-Кия и Сулюкта обеспечивают топливом северные районы Узбекской и Таджикской ССР, Шаргуньский уголь потребляется Сурхандарьинской областью, южными районами Таджикской ССР, Фархадская электростанция, построенная на территории Узбекской ССР, часть своей энергии дает Таджикистану, а Кайраккумская электростанция «Дружба народов», построенная на территории Ленинабадской области Таджикской ССР, часть своей энергии дает Узбекской ССР. Теплоэлектростанция Кувасая (УзССР) обслуживает и южные районы Киргизской ССР, теплоэлектростанция, строящаяся на Ангрене (УзССР), дает свою энергию также Таджикистану, Киргизии и Казахстану. Бухарский газ идет не только всем республикам Средней Азии, но и ряду областей РСФСР. В таком направлении все шире развивается экономическое сближение узбекской социалистической нации со всеми социалистическими нациями нашей страны.

Социалистическое содержание литературы и искусства является фактором, сближающим национальные формы культуры. О сближении языка, как национальной формы культуры, уже было сказано выше. Не менее существенным фактором, ускоряющим сближение национальных форм культуры, является социалистический реализм — благотворный метод советской литературы и искусства.

Проникновение идей марксизма-ленинизма в общественное сознание людей обусловило коренные преобразования в быту и взглядах людей. Все более и более вытесняются пережитки прошлых феодально-байских порядков и религиозного миросозерцания в жизни уз-

бекской нации. Формируется единый взгляд всех наций и народностей на коммунистический труд, на общие интересы и долг перед Родиной, на семью и правила социалистического общежития. Изучение всестороннего сближения социалистических наций, знаменующее собой новый этап в развитии национальных отношений в СССР, явится одной из важных задач советских исследователей. Автор надеется осветить сближение узбекской социалистической нации с братскими нациями в специальной монографии.

Единой и монолитной встречает узбекская социалистическая нация исторический XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза. В расцвете духовных и материальных сил узбекского народа, в его замечательных народнохозяйственных и культурных достижениях, как в зеркале, отражены славные итоги ленинской национальной политики партии, краеугольным камнем и сердцевиной которых является сочетание патриотизма и интернационализма, национальных и интернациональных интересов трудящихся, национальных особенностей и общих закономерностей коммунистического строительства.

Узбекская социалистическая нация крепка своим нерушимым единством со своим старшим братом в лице великого русского народа и всеми другими народами многонационального советского государства, объединяющего свыше ста наций и народностей. «Народы нашей страны,— говорит Н. С. Хрущев,— это единая, дружная семья, спаянная единством политических взглядов, единством политических целей, общностью жизненных интересов»[1].

За время с XX и XXI до XXII съездов КПСС узбекская социалистическая нация добилась новых серьезных успехов во всех сферах своей свободной и творческой жизни — политической, экономической и культурной. Растут и крепнут братские связи трудящихся Узбекистана с трудящимися других союзных республик СССР, ширятся международные связи республики с народами зарубежного Востока. Из месяца в месяц, из квартала в квартал промышленность республики досрочно и с превышением выполняет плановые задания семилетки. Труженики сельского хозяйства с энтузиазмом претворяют в жизнь решения партии о новом могучем подъеме сельского хозяйства, видя свой первейший долг в том, чтобы сдавать родине все больше и больше дешевого высококачественного хлопка — «белого золота» нашей страны. Множат свои творческие усилия деятели науки и культуры, литературы и искусства республики, преисполненные страстным желанием ответить на героические дела партии и народа новыми и новыми достижениями, достойными нашей великой эпохи—эпохи развернутого строительства коммунизма.

[1] *Н. С. Хрущев.* К победе в мирном соревновании с капитализмом. М., Госполитиздат, 1959. стр. 74.

Трудящиеся Узбекистана по праву гордятся тем, что их опыт, как и опыт других социалистических наций советского Востока в решении национального вопроса, в деле коммунистического строительства, приобретает все большее и большее значение на современном этапе, когда растет и крепнет мировая социалистическая система, трещит по швам и терпит крушение позорная колониальная система империализма, когда человечество семимильными шагами приближается к торжеству великого дела мира и коммунизма во всем мире.

В проекте Программы Коммунистической партии Советского Союза, опубликованном в «Правде» 30 июля 1961 года, сказано:

«Развернутое коммунистическое строительство означает новый этап в развитии национальных отношений в СССР, характеризующийся дальнейшим сближением наций и достижением их полного единства. Строительство материально-технической базы коммунизма ведет к еще более тесному объединению советских народов. Все интенсивнее становится обмен материальными и духовными богатствами между нациями, растет вклад каждой республики в общее дело коммунистического строительства. Стирание граней между классами и развитие коммунистических общественных отношений усиливают социальную однородность наций, способствуют развитию общих коммунистических черт культуры, морали и быта, дальнейшему укреплению взаимного доверия и дружбы между ними».

В период развернутого строительства коммунизма перед социалистическими нациями и народностями нашей страны, в том числе и перед узбекской социалистической

нацией, открываются еще более широкие и величественные перспективы их расцвета и взаимного сближения.

В братском содружестве с народами СССР узбекский народ во главе с Коммунистической партией Узбекистана — одним из боевых отрядов КПСС — твердыми шагами идет вперед к светлому коммунистическому завтра. Его цель ясна, его уверенность в будущем непоколебима, творческие силы неиссякаемы, преданность делу коммунизма безгранична.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 3

Глава I. Узбекская народность и ее этнический состав . . 11

1. Вопросы этногенеза узбекского народа 11
2. Формирование и развитие узбекской народности . . 24
3. Культурно-экономическое развитие узбекской народности и ее этнический облик в XIX веке 57

Глава II. Вступление узбеков в полосу национального оформления 86

1. Присоединение Узбекистана к России и его историческое значение 86
2. Хозяйственно-культурная жизнь узбеков в колониальный период 95
3. Социальный строй узбекского народа в колониальный период 111
4. Формирование общности экономической жизни среди узбеков и ее особенности 146
5. Усиление территориальной, языковой и культурной консолидации узбеков в колониальный период 165
6. Освободительное движение трудящихся и антинародная деятельность узбекской буржуазии 198

Глава III. Вступление узбекского народа на путь социалистического развития и дальнейший рост национальных связей среди узбеков 237

1. Национальные отношения при социализме и основные этапы формирования узбекской социалистической нации . 237

Ю—7

2. Победа Октябрьской социалистической революции и социалистическое преобразование основ жизни узбекского народа 250
3. Рост политической активности местных трудящихся и зарождение коммунистического движения в Туркестане . . 269
4. Первые успехи национальной политики Коммунистической партии в ТАССР 282
5. Разгром национал-уклонистов и рост национального самосознания узбекского народа 302
6. Народная советская революция в Бухаре и Хиве и ее значение в развитии национальных связей среди народов Средней Азии 331

Глава IV. Образование Узбекской ССР и расширение национальных связей среди узбеков 345

1. Дальнейшее упрочение советского строя и рост экономики и культуры ТАССР 345
2. Развитие советского строя в БНСР и ХНСР и преобразование их в социалистические республики 368
3. Национально-государственное размежевание Средней Азии. Образование Узбекской ССР 386
4. Историческое значение образования Узбекской ССР в ускорении процесса формирования узбекской социалистической нации 401
5. Восстановление народного хозяйства и первые успехи культурной революции в Узбекской ССР 418
6. Социальный и этнический облик узбекского народа в конце восстановительного периода 443

Глава V. Победа социализма в Узбекистане и завершение формирования узбекской социалистической нации . 456

1. Рост коммунистического движения среди узбеков — важнейшее условие формирования узбекской социалистической нации 456
2. Индустриализация Узбекистана и социалистическое преобразование облика узбекских городов 475
3. Победа коллективизации и социалистическое преобразование сельского хозяйства Узбекистана 488
4. Победа культурной революции и формирование духовного облика узбекской социалистической нации 506

5. Победа социализма и превращение узбекского народа в социалистический коллектив 521
6. Завершение национальной консолидации узбеков . 534
7. Советский патриотизм и социалистический интернационализм в жизни узбекской социалистической нации . . 566

Мавлян Гафарович Вахабов

ФОРМИРОВАНИЕ УЗБЕКСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ НАЦИИ

Редактор А. Акбаров
Техредактор А. Бахтияров
Корректоры: Э. Адайкина, Г. Каюмова, С. Петунина

* * *

Сдано в набор 13/IV-1961 г. Подписано к печати 15/VIII-1961 г. Формат 84×108$^{1}/_{32}$. Печ. л. 18,375. Усл. печ. л. 20,09. Уч.-изд. л. 32,0. Тираж 15000. Р 09269. Индекс с/э. Государственное издательство Узбекской ССР. Ташкент, Навои, 30. Договор № 347—60.

* * *

Набрано и отматрицировано в специализированной наборной фабрике Главиздата Министерства культуры УзССР ул. Навои, 30. Отпечатано в типографии № 1 г. Ташкент, улица Хамзы, 21. Заказ №1303. Цена 94 коп.